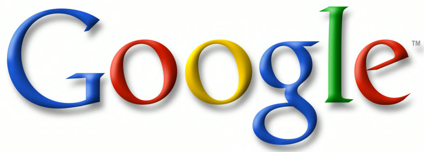

Google

ОЧЕРКИ НРАВОВЪ и ОБЫЧАИ.

БИБЛІОТЕКА ПУТЕШЕСТВІЙ

КАРТИНЫ ПРИРОДЫ и ЖИЗНЬ.

ЗЕМЛЯ, ОКЕАНЪ, АТМОСФЕРА,

КАНИТЦЪ.

ДУНАЙСКАЯ БОЛГАРІЯ

и

БАЛКАНСКІЙ ПОЛУОСТРОВЪ.

Историческія, Географическія и Этнографическія путевыя наблюденія 1860—1875

СЪ КАРТОЮ.

Цѣна 2 руб.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бёнке)
по Фонтанкѣ № 99.
1876.

ЛЮДИ и ЖИВОТНЫЯ.

600010012A

ДУНАЙСКАЯ

БОЛГАРІЯ

И

БАЛКАНСКІЙ ПОЛУОСТРОВЪ.

Историческія, Географическія и Этнографическія путевыя наблюденія.

1860—1875.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бёнке),
по Фонтанкѣ № 99.
1876.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ великомъ культурно-политическомъ процессѣ образованія народностей, поднявшихся съ начала нынѣшняго вѣка на классическомъ Гемусскомъ полуостровѣ, въ послѣднее десятилѣтіе выступилъ на первый планъ болгарскій народъ, который, не смотря на свое интересное прошлое, не смотря на то, что еще Византія дрожала предъ нимъ, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій оставался въ тѣни, забытый всѣми, котораго самое имя какъ будто исчезло совсѣмъ съ лица земли.

Европейское изслѣдованіе обходило до послѣднихъ временъ какъ географію Иллирійскаго треугольника, такъ и физіологію народовъ, населяющихъ его, и такимъ образомъ славянскіе болгары, какъ исповѣдующіе греческое вѣроисповѣданіе, были этнографически смѣшаны съ пестрою массою національностей, которыя, вслѣдствіе грубаго невѣжества, были всѣ окрещены именемъ «грековъ».

Но вотъ вдругъ въ послѣднее время болгарскій народъ, вступая въ упорную борьбу съ константинопольскимъ патріархатомъ за свое духовное возрожденіе, производитъ глубокій разрывъ между южными славянами и греками и обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ частей свѣта, смотрящихъ съ изумленіемъ на это внезапное пробужденіе забытаго народа и на внезапный расколъ, произведенный имъ.

Слѣдя послѣдовательно за ходомъ событій на турецкой почвѣ, нельзя не замѣтить, что между національностями турецкою, греческою, альбанскою, сербскою и румынскою преобладающая — это національность болгарская, которая превышаетъ численностью каждую изъ нихъ, взятую отдѣльно.

И потому Западная Еврона проводитъ нить, связывающую ее съ Востокомъ, чрезъ землю болгаръ, которые держатъ при этомъ въ своихъ рукахъ всю торговлю нижней части Дуная и которые, кромѣ того, суть отличные земледѣльцы, ремесленники и техники-строители. Вообще это народъ трудолюбивый, экономный, смышленый, склонный въ высшей степени къ образованію и не забывающій никогда своей прежней государственной самостоятельности, что весьма важно въ политическомъ отношеніи.

Прослѣдивъ всѣ моменты прошлой и настоящей жизни страны, лежащей по ту и другую сторону Балканской цѣпи, проходящей чрезъ шесть градусовъ долготы отъ Дуная къ Понту, и увидавъ тотъ высокій интересъ, который представляетъ эта жизнь, я рѣшился изложить въ первомъ томѣ настоящаго сочиненія всѣ наблюденія, вынесенныя мною изъ долголѣтнихъ моихъ путешествій въ странѣ и изъ серьезнаго изученія ея историко-географическаго и этнографическаго положенія. Можетъ быть, это сочиненіе, касающееся неизвѣстной Дунайской Болгаріи и искрещеннаго мною вдоль и поперегъ семнадцать разъ Балкана, представитъ читателю гораздо больше интереса, чѣмъ мое сочиненіе о Сербіи.

Порядокъ первой книги, а равно и планъ всего сочиненія изложены въ нижеслѣдующемъ введеніи. Считаю своимъ долгомъ высказать здѣсь мою искреннюю благодарность издателю, такъ роскошно издавшему мой трудъ, а также и друзьямъ, подвинувшимъ меня къ нему. Я буду счастливъ, если ихъ ожиданія оправдаются хотя отчасти.

Если я осмѣливаюсь надѣяться на благосклонное сужденіе объ этомъ сочиненіи, то это въ виду того, что оно составлено не изъ готовыхъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ другихъ сочиненій, но изъ добытыхъ мною на самомъ мѣстѣ, добытыхъ съ большимъ трудомъ, и что это—первая попытка полнаго законченнаго сочиненія о Дунайской Болгаріи, Балканѣ и болгарскомъ народѣ, важное значеніе котораго было признано досихъ поръ очень немногими.

Вѣна. 1875. Ф. Каницъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Планъ, котораго я держался въ настоящемъ сочиненіи, въ сущности тотъ же самый, по которому было составлено сочиненіе о Сербіи, вышедшее въ 1868 году. Въ виду живаго всеобщаго интереса, возбуждаемаго напряженнымъ политическимъ состояніемъ Иллирійскаго треугольника и болгарскаго народа, выступающаго съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе на первый планъ, я считаю умѣстнымъ помѣстить въ самомъ началѣ этой книги одну часть отдѣла: «Государство и общество», чтобы она предшествовала выводу всѣхъ собранныхъ результатовъ моего путешествія.

Сообразно съ этимъ планомъ, первый томъ этой книги имѣетъ назначеніе познакомить читателя съ политическимъ и религіознымъ прошедшимъ, съ естественною исторіею, турецкимъ правительствомъ и національно-церковными стремленіями болгарскаго народа до 1870 года.

Продолженіе первой книги будетъ помѣщено отдѣльными главами въ заключеніи всего сочиненія, и въ этихъ главахъ мы будемъ говорить о географическомъ положеніи, администраціи, народномъ хозяйствѣ и культурѣ Дунайской Булгаріи и Балкана.

Второй томъ: «Изслѣдованія во время путешествія между Нишавой, Дунаемъ, Ломомъ и Тимокомъ», заключаетъ въ себѣ подробное описаніе моихъ наблюденій въ западной части Болгаріи (1860—1870). Изслѣдованія же моего большаго путешествія (1871—1874) между Ломомъ, Дунаемъ, Понтомъ и Балканомъ, составляющія продолженіе настоящаго труда, еще не окончены; выпустить ихъ одновременно съ 1-мъ томомъ помѣшала мнѣ, къ несчастію, болотная лихорадка, отнявшая у меня цѣлый годъ времени.

Да будетъ мнѣ дозволено дать нѣкоторыя объясненія по поводу II-го тома этой книги до появленія ея въ свѣтъ.

Въ 1871 году профессоръ Кипертъ могъ справедливо еще назвать Дунайскую Болгарію одною изъ невѣдомыхъ областей европейскаго Востока. Уже въ 1860 году, когда я посѣтилъ впервые городъ Нишъ, и еще болѣе въ 1862, когда предпринялъ путешествіе изъ Виддина на болгарскую террасу Дуная, я также пришелъ къ заключенію, что эта мѣстность въ географическомъ и археологическомъ отношеніяхъ точно такая же «terra incognita», какъ болгарскій народъ въ этнографическомъ.

Наши лучшія карты представляли, даже въ непосредственной близи отъ Дуная, весьма грубыя заблужденія: часто случалось, что я не находилъ въ дѣйствительности мѣстъ, обозначенныхъ на нихъ, и, наоборотъ, не находилъ въ нихъ многихъ мѣстъ, существующихъ въ дѣйствительности; относительно же опредѣленія почвы было еще болѣе невѣрностей. Да и новая карта геологическаго обозрѣнія Турціи не даетъ никакихъ свѣдѣній о западной Болгаріи, такъ какъ ни Буэ, ни Бартъ, ни Викенель, ни самый Лежанъ, котораго мы, къ несчастію, такъ рано лишились, не выпустили въ свѣтъ ни одной порядочной карты этого края.

И такъ, изслѣдованіе обширной и почти совсѣмъ неизвѣстной области, лежащей между Дунаемъ и Понтомъ, представлялось въ высшей степени заманчивымъ, и я посвятилъ ему послѣдніе годы; задача эта становилась тѣмъ интереснѣе, тѣмъ привлекательнѣе, чѣмъ яснѣе выступали предо мною политическое и экономическое значеніе страны.

Уже въ первыя экскурсіи, предшествовавшія моему продолжительному путешествію по Балкану, я сдѣлалъ интересныя открытія, изъ которыхъ касающіяся западной части Балканской цѣпи я привожу въ этой книгѣ. Они были занесены мною на карту и названы именемъ ихъ главнаго ущелья «Балкана святаго Николая», окрещеннаго уже Кипертомъ въ 1871 году этимъ названіемъ.

Область Балкана святаго Николая, бывшая въ 1864 году совершенно неизвѣстною, имѣетъ весьма важное географическое и этнографическое значеніе. Какъ самая значительная и самая западная возвышенность, она заключаетъ въ себѣ источники, служащіе резервуарами рѣкъ: Тимока, Темски, Лома, Цибрики и Огоста. Отрасли этой возвышенности, направляющіяся къ западу, образуютъ этнографическую границу между сербами и болгарами; а по краю ея лежатъ вдавшіеся наиболѣе въ первобытный славянскій элементъ оазисы турокъ и форпосты ихъ собратьевъ по религіи, выходцевъ изъ Крыма и съ Кавказа.

Результаты моего путешествія (1860—1870), изложенные въ этой книгѣ, имѣютъ прямое отношеніе къ сочиненію, помѣщенному въ XVII томѣ «Записокъ Фил. Истор. класса императорской академіи наукъ» (Вѣна 1868). Отрывками они были также напечатаны въ «Австрійскомъ Обозрѣніи», потомъ въ «Сообщеніяхъ Центральной Коммисіи» и «Географическаго Общества»; но здѣсь они являются въ своемъ цѣломъ, органическомъ составѣ.

На основаніи техническихъ причинъ я долженъ былъ ограничиться приложеніемъ къ этой книгѣ только таблицы высотъ и общей «карты обозрѣнія» всѣхъ мѣстностей, обойденныхъ мною въ Балканской области. Въ скоромъ времени послѣдуетъ за настоящимъ изданіемъ изданіе только-что оконченной мною оригинальной карты Дунайской Болгаріи и дальнѣйшей таблицы измѣренія высотъ.

Въ этомъ картографическомъ предпріятіи въ масштабѣ 1.288,000 мнѣ чрезвычайно помогли пункты, опредѣленные астрономически и тригонометрически русскими и австрійцами. Въ опредѣленіи же подробностей я исключительно руководствовался моими многочисленными дорожными путеводителями: какъ—компасъ, горные профили, измѣренія высотъ и т. д. Южная граница Сербіи мѣстами отодвинулась на двѣ мили назадъ, вслѣдствіе чего ея квадратное содержаніе значительно увеличивается. Нѣкоторые города, рѣки и горы, которые до послѣдняго времени обозначались на нашихъ картахъ, я совсѣмъ не помѣстилъ, какъ не существующіе, и на мѣсто ихъ поставилъ другіе, остававшіеся до сихъ поръ неизвѣстными.

Даже въ окрестностяхъ Дуная я долженъ былъ набросать орогидрографическій остовъ, прежде чѣмъ обозначать топографическія подробности. Когда я задумалъ пройтись по Балкану св. Николая, я не нашелъ его (1864) совсѣмъ у Киперта; у полковника же Шеда онъ значился какъ фиктивное пограничное селеніе въ Сербіи (!).

По упомянутымъ картамъ можно было предположить, что Дунайская терраса и Нишавская область, изъ которыхъ вывозится масса хлѣбныхъ растеній и сырыхъ продуктовъ, суть пустыни. Моя карта показываетъ противное, и, конечно, многіе удивятся, найдя между Ломомъ и Тимокомъ 150 мѣстечекъ, тогда какъ на прежнихъ картахъ было обозначено только 50. Если принять во вниманіе, что изъ этихъ 50 мѣстечекъ 3 города и 17 названій были фиктивными, а остальныя 33 были большею частью не на мѣстѣ показаны, что, напримѣръ, многія мѣста, расположенныя

на Ломѣ, были отодвинуты далѣе на сѣверъ, то достаточно и этихъ немногихъ подробностей, чтобы убѣдиться, на сколько плохо были изучены Дунайская Болгарія и Балканъ.

На вопросъ, часто предлагаемый мнѣ: «Какимъ образомъ такія грубыя ошибки закрались въ наши превосходныя карты?»—я даю отвѣтъ въ главѣ XI, въ которой читатель найдетъ интересныя подробности о «картографіи западной части Болгаро-Дунайской террасы». Эти очерки картографіи я веду отъ временъ венеціанца Коронелли (1690).

Большая часть знаменитыхъ римскихъ поселеній сдѣлались жертвою вандализма народныхъ переселеній. Однако же кое-что уцѣлѣло еще отъ нихъ, и мнѣ часто случалось открывать какъ въ Сербіи, такъ и на болгарской почвѣ на большомъ протяженіи неизвѣстныя прежде классическія развалины городовъ и другіе достопамятные остатки.

Во второй книгѣ приложены иллюстраціи и планы моихъ археологическихъ находокъ между Нишавой, Дунаемъ, Ломомъ и Тимокомъ. Нишъ, Курвинградъ, Градище, Берзибродъ, Бѣло-Паланка, Пиротъ, Виддинъ, Арцеръ, Урзоя, Ломъ, Дриновецъ, Бѣлоградчикъ, Кула, Флорентина, Вурфъ, Раковица, Навырь, Остраковецъ, Рабисъ и Кладрупъ требовали особенно много труда, такъ какъ чрезъ ихъ территоріи проходили большія римскія военныя дороги, которыя вели съ юга чрезъ Наисусъ и Мезію въ знаменитую дунайскую столицу Ратіарiа. Многочисленныя надписи римскихъ временъ, посланныя мною изъ Нишаво-Тимокъ, Ломской области, профессору Момзену, были прочитаны и нашли свое мѣсто въ «*Corp. inscr. lat.*» берлинской академіи, а потому я ссылаюсь на нихъ въ настоящемъ случаѣ. Еще я нашелъ возможность сдѣлать рисунки нѣкоторыхъ историческихъ памятниковъ и средневѣковыхъ построекъ, находящихся въ Виддинѣ, Нишѣ, Пиротѣ и въ ихъ окрестностяхъ. Эти рисунки приложены мною ко II книгѣ.

Если въ этнографическомъ отношеніи Болгарія представлялась уже прежде калейдоскопомъ, то съ 1860 года она получила еще болѣе пеструю окраску, вслѣдствіе поселенія въ ней татаръ и черкесовъ. Эти переселенія, имѣвшія часто-трагическій характеръ и перекрещивавшіяся съ эмиграціей болгаръ въ Крымъ, я описываю въ главахъ IX и X.

На Тимокѣ сталкиваются новые мусульманскіе элементы съ сербами, болгарами и романцами, тогда какъ города этихъ народовъ наводняются, сверхъ того, турками, испанскими жидами и цыганами.

Постепенное преобразованіе Европейской Турціи въ новыя государства или какъ, напримѣръ, настоящее новое раздѣленіе областей вслѣдствіе отпаденія болгарскаго экзархата отъ греческаго патріархата особенно затрудняли мои этнографо-статистическія изслѣдованія, такъ какъ прежнія этнографическія опредѣленія областей совершенно измѣнялись. Моя подробная этнографическая постановка Дунайской Болгаріи и Балкана придаетъ новый интересъ картѣ моего покойнаго друга Лежана, представляя ее въ первый разъ, какъ самое вѣрное изображеніе той запутанности, того смѣшенія національностей, которое встрѣчается въ нѣкоторыхъ турецкихъ провинціяхъ. Конечно, многіе будутъ изумлены, прочитавъ во второй книгѣ этого сочиненія, что господствующая турецкая раса въ семи городахъ и двухъ селеніяхъ, лежащихъ между Нишавой, Тимокомъ, Ломомъ и Дунаемъ, исчезла-было совсѣмъ и была значительно подкрѣплена только въ послѣдніе годы своими единовѣрцами—татарами и черкесами; не менѣе удивитъ читателя мое утвержденіе, что сербская національность нигдѣ, какъ часто было говорено, не переходитъ большими массами за юго-восточную границу княжества, и, начиная съ Тимока до устья Нишавы, она является въ западной Болгаріи только въ четырехъ мѣстечкахъ, которыя дѣйствительно населены сплошь одними сербами. Наконецъ я опровергаю еще одно заблужденіе, доказывая, что романскій клинъ, вдвинувшійся въ теченіе послѣдняго десятилѣтія между Сербіей и Болгаріей при пограничной рѣкѣ Тимокъ, значительно шире въ дѣйствительности, чѣмъ на картѣ Лежана, и что онъ простирается отъ Тимока до уѣзднаго города Кулы, населеннаго болгарами, турками, татарами и черкесами.

Статистическія изысканія не менѣе затруднительны, чѣмъ этнографическія. Хотя и существуетъ родъ оффиціальной переписи мужскихъ головъ (nufus) отъ восьмилѣтняго возраста, обязанныхъ платить подушную подать, но дѣло въ томъ, что основываться на ней никакъ нельзя, такъ какъ невѣжество, индиферентность и лихоимство духовенства и чиновниковъ, завѣдывающихъ этимъ дѣломъ, а равно непосредственный интересъ лицъ, платящихъ подати, превращаютъ ее въ вымыселъ, въ иллюзію. Съ другой стороны, чтобы почерпнуть эти свѣдѣнія изъ частныхъ источниковъ, нужно дѣйствовать съ большою осторожностью. Такимъ образомъ мнѣ удалось добыть изъ виддинскаго пашалыка цифры численности народонаселенія, которое оказалось не менѣе густымъ, чѣмъ въ Саксонскомъ королевствѣ.

Собраніе—приблизительно вѣрное—чиселъ, фактическихъ статистическихъ отношеній разныхъ національностей Дунайской Болгаріи и Балкана представляло чуть ли не самую затруднительную часть моей многосложной задачи. Однако же трудная разработка собранныхъ матеріаловъ подвигается счастливо впередъ и даетъ совершенно новые, неожиданные результаты, которые и будутъ помѣщены мною въ заключеніи настоящаго сочиненія. Здѣсь уже я могу сообщить, что Болгарія населена несравненно гуще, чѣмъ Сербія, и населенность ея народонаселеній весьма близко подходятъ къ населенности австро-венгерскихъ южныхъ провинцій.

Связь между всѣми отдѣльными вопросами, разбираемыми во II книгѣ и изложенными впереди, устанавливаетъ взгляды на культурное и экономическое состояніе, о которомъ я составлялъ отчетъ на мѣстѣ, прямо подъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго мною лично. Полнѣйшая объективность и любовь къ истинѣ были моими единственными руководителями въ представленіи всѣхъ собранныхъ мною матеріаловъ.

I.

Государство и Общество.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ БОЛГАРІИ.

Слѣды исчезнувшихъ народовъ на болгарской почвѣ.—Народы римской эпохи.— Походъ Дарія.—Геты.—Одризеръ.—Филиппъ.—Александръ.—Лизимахъ.—Кельты и Бастарнеры.—Ѳракія и Мезія, завоеванныя Римомъ.—Границы римскаго государства на нижней части Дуная.—Авреллій.—Народныя волненія.—Готы, гунны, авары.— Валенсъ.—Появленіе финно-уральскихъ болгаръ.—Ихъ первыя поселенія.—Ихъ появленіе въ Мезіи.—Опустошеніе византійскихъ владѣній.—Юстиніанъ и Велизарій.—Странствованіе славянъ въ нижнедунайскихъ земляхъ.—Ихъ покореніе болгарами, каганами, Козревомъ и Аспарухомъ.—Финно-болгарское государство на славянскомъ фундаментѣ.—Отношенія къ Византіи.—Кардамъ.—Король Крумъ предъ Константинополемъ.—Мортагъ и Пресьямъ.—Распространеніе языческаго болгарскаго государства.—Принятіе христіанства болгарами.— Кириллъ и Меѳодій.—Царь Михаилъ.—Борисъ.—Владиміръ.—Царь Симеонъ.— Его военные и культурные подвиги. — Петръ. — Отношенія болгаръ къ сербамъ, кроатамъ и мадьярамъ.—Никифоръ Ѳока и его союзъ съ русскимъ Святославомъ.—Покореніе болгаръ и паденіе первой финно-болгарской династіи.— Царь Самуилъ. — Вторичное смиреніе Византіи. — Царь Василій, «убійца болгаръ».—Іоаннъ-Владиславъ.—Обращеніе Болгаріи въ византійскую провинцію.— Усилія сербовъ сдѣлаться независимыми. — Третья династія Сисанидовъ. — Азанъ I.—Царь Іоаннъ.—Императоръ Балдуинъ I.—Борисъ.—Іоаннъ Азановичъ.— Деспотъ Жисманъ въ Виддинѣ.—Царь Святославъ въ Тирновѣ.—Василій.—Четвертая династія виддинскаго Шишманидена.—Царь Михаилъ.—Возвышеніе сербскаго царя Душана. — Царь Александръ. — Завоеваніе Адріанополя турками.— Битва при Коссовѣ.—Братья Іоанна Стратиміра въ Виддинѣ.—Жисманъ въ Тирновѣ.—Паденіе болгарскихъ владѣній.—Король Людовикъ II и Сигизмундъ венгерскій.—Битвы при Варнѣ и Коссовѣ.—Паденіе Константинополя.—Положеніе въ средніе вѣка болгарскихъ райевъ.—Параллель между сербами и болгарами.— Различіе между положеніемъ Россіи и Австріи относительно обоихъ.—Адріанопольскій миръ.—Его значеніе для болгаръ.—Война 1853 года.—Причины безучастія болгаръ въ войнахъ Россіи.—Легіоны Цеко.—Парижскій договоръ 1856.— Гати-Гумаюнъ.—Религіозныя смуты.—Ненависть къ греческому духовенству.— Возстанія на Балканскомъ полуостровѣ.—Митхадъ-паша.—Попытки возстанія.— Панайотъ Гитова и Филиппа Тотія.—Князь Михаилъ сербскій.—Регентъ Блазнавицъ.—Хаджи-дмитріевскій легіонъ молодой Булгаріи въ 1868 году. — Значеніе послѣднихъ агитацій.—«Новая Болгарія».

Многочисленны въ Гемусскихъ странахъ слѣды погибшихъ народовъ, жившихъ тамъ болѣе или менѣе долгое время.

На сѣверѣ и югѣ нынѣшней Балканской цѣпи, на возвышенностяхъ и низменныхъ равнинахъ, путешественникъ скоро приходитъ въ изумленіе предъ хаосомъ остатковъ разныхъ народовъ и разныхъ вѣковъ, раз-

бросанныхъ повсюду. Рядомъ съ первобытными надгробными памятниками варварскихъ народовъ, не оставившихъ никакихъ слѣдовъ своей духовной жизни, приковываютъ вниманіе путешественника несравненно въ сильнѣйшей степени остатки искусныхъ дорогъ, городскихъ оградъ, храмовъ, дворцовъ, віадуковъ, бань и т. д. Все это служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что эта страна, столько разъ перевернутая верхъ дномъ подъ владычествомъ грековъ и римлянъ, переживала классическіе періоды. По большей части всѣ эти слѣды суть остатки укрѣпленій Мезіи и Ѳракіи,—странъ, которыя вслѣдствіе римскихъ войнъ были присоединены къ римскому государству еще въ послѣднія времена его блеска и получили отъ него высшую культуру.

Вообще мы имѣемъ весьма темныя свѣдѣнія о народахъ, населявшихъ въ римскую эпоху нынѣшнюю дунайскую Булгарію, эту богатую террасу, привлекавшую во всѣ времена колонизацію своею обширностью, своими многочисленными рѣками, своимъ изобиліемъ луговъ, полей и лѣса. Самыми древними изъ нихъ мы обязаны знаменитому походу скифовъ по берегамъ Понта. Намъ извѣстно, что персы, прошедши побѣдоносно чрезъ южную, переднюю часть Балкана, встрѣтили на сѣверныхъ его склонахъ страшное сопротивленіе со стороны храбрыхъ гетовъ.

Все, что можно было извлечь изъ старыхъ источниковъ о могуществѣ и владѣніяхъ этого народа, несомнѣнно арійскаго происхожденія, и о другихъ современныхъ народахъ ѳрако-мезійскаго племени, слабо связанныхъ между собою или находившихся во враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, было извлечено замѣчательнымъ историкомъ Маннертомъ и соединено въ его всеобъемлющихъ наблюденіяхъ. Онъ разрушилъ многія изъ невѣрныхъ гипотезъ своихъ предшественниковъ: Тунмана, Энгеля и другихъ, и большею частью держался вдалекѣ отъ спекуляцій, приносящихъ вообще мало пользы, новѣйшихъ изслѣдователей, которые берутъ у него не только сущность, но даже и самыя выраженія [1]). Изъ всѣхъ изслѣдованій, взятыхъ вмѣстѣ, можно вывести несомнѣнное заключеніе, что уже во времена персидскаго похода по берегамъ Понта, въ VI столѣтіи до христіанства, существовали греческія колоніи къ сѣверу и югу отъ Гемуса, а къ сѣверо-востоку отъ мыса Эмине

[1]) Одно изъ новѣйшихъ сочиненій болгарскаго изслѣдователя Дринова, появившееся недавно на русскомъ языкѣ, представляетъ въ новомъ свѣтѣ переселеніе на нижней части Дуная въ началѣ нашей эры.

жили варварскіе народы тиривскаго и кробизскаго племени, къ которымъ въ Янтрѣ, главномъ поселеніи гетовъ, и далѣе къ западу, между нынѣшними рѣками Видомъ и Тимокомъ, примкнули родственные имъ народы—октенсы и тимоки.

Храбрые родоначальники гетовъ были покорены персами лишь на короткое время; во второй же половинѣ V столѣтія они должны были признать надъ собою владычество Одризовъ, которые подъ управленіемъ своего предводителя Циталька соединили многіе народы ѳрако-мезійскаго племени и начали собирать дань съ греческихъ городовъ, расположенныхъ по берегамъ Понта. Но молодое государство, наводившее страхъ на всѣ страны до самой Ѳессаліи, скоро распалось опять. Династическіе раздоры съузили его предѣлы до того, что оно стало заключаться въ одной области Гебруса (Марица). Геты, подобнө другимъ народамъ, потребовали также своего освобожденія; но не долго они пользовались своею свободой: вскорѣ имъ стала угрожать новая опасность со стороны враждебнаго сосѣда—Македонскаго государства, могущество котораго быстро возрастало. Для ихъ сѣверной границы имѣли одинаковое значеніе какъ Филиппъ, такъ и Александръ. Первый старался ея достигнуть мирнымъ путемъ, другой—путемъ войны, пробираясь къ ней съ оружіемъ въ рукахъ. Легіоны гетовъ и трибаллеровъ являются въ македонско-азіатскихъ войнахъ въ качествѣ наемныхъ войскъ. Лизимахъ, наслѣдникъ Александра Великаго, не былъ уже въ силахъ поддержать верховную власть надъ гетами, которые однако же и тутъ не освободились, а подпали подъ власть новыхъ противниковъ галльскихъ кельтовъ, отраслей германскихъ кельтовъ, вышедшихъ изъ Карпатовъ и подчинившихъ скоро своей власти всѣ страны до устья Дуная.

Разрушивъ Македонское государство, Римъ рѣшился завоевать сосѣднія съ нимъ ѳрако-мезійскія владѣнія. Экспедиція Красса окончила присоединеніе Ѳракіи, а во времена Августа и самая Мезія сдѣлалась римскою провинціей. Тамъ былъ оставленъ гарнизонъ изъ нѣсколькихъ легіоновъ, а по Дунаю былъ выстроенъ рядъ укрѣпленій для защиты вновь пріобрѣтенныхъ владѣній противъ варваровъ, жившихъ по другую сторону его.

Объ укрѣпленныхъ пунктахъ верхней Цибрики до устья Савы до Дрины и истоковъ болгарской Моровы я говорилъ многократно въ моемъ сочиненіи «Сербія»; о топографическихъ же подробностяхъ той

Нижней Мезіи, которая заключала въ себѣ всю область къ востоку отъ Цибрики до устьевъ Дуная, до Понта и сѣверныхъ Балканскихъ склоновъ, я буду имѣть случай говорить нѣсколько разъ въ этой книгѣ.

Кратковременна была культурная эпоха, озарившая подъ скипетромъ римскихъ императоровъ вновь присоединенныя къ ихъ владѣніямъ мезійскія провинціи. Уже въ третьемъ году по Рождествѣ Христовѣ императоръ Аврелій былъ вынужденъ переселить римскихъ колонистовъ Дакіи на правый дунайскій берегъ, чтобы спасти ихъ отъ нападеній варваровъ, такъ какъ готы массами стали спускаться и нападать на провинцію, вновь присоединенную императоромъ Траяномъ къ Римской имперіи. Въ половинѣ IV столѣтія готы продолжали опять свое, пріостановившееся ненадолго, шествіе къ берегамъ Дуная, такъ какъ ихъ скоро стали тѣснить орды гунновъ, шедшія изъ Сарматской долины (въ Бессарабіи) и вытѣсненныя оттуда въ свою очередь аварскими ордами, направлявшимися отъ Оби къ юго-западу.

Всѣ эти степные, горные народы сѣверной и средней Азіи стремились, подобно густымъ клубамъ дыма, поднимаемымъ ураганомъ, одинъ за другимъ въ Восточную Европу, гдѣ разсчитывали найти богатую добычу. Этотъ бурный народный потокъ, встрѣтивъ на первомъ планѣ обѣтованной земли, къ которой онъ стремился, города Нижней Мезіи, составлявшіе римскую границу на Дунаѣ и названія которыхъ перешли на построенныя позднѣе на ихъ развалинахъ византійско-славянскія поселенія, хлынулъ прямо на нихъ.

Въ 376 году готы, покровительствуемые императоромъ Валентомъ, утвердились на правомъ берегу Дуная. Спустя два года, разбивъ этого неспособнаго государя въ сраженіи при Адріанополѣ, въ которомъ онъ былъ убитъ, они заполонили Адріанополь и всю Ѳракію до самаго Константинополя и Салоникъ. Эти кочевые варвары оказались великими только въ дѣлѣ разрушенія. Развалины указывали путь, по которому они проходили, и то, чего они не успѣвали разорить въ своемъ поспѣшномъ стремленіи къ новымъ подвигамъ разрушенія, уничтожали и разоряли хищныя орды, слѣдовавшія за ними по пятамъ. Изъ всѣхъ племенъ, переходившихъ чрезъ Дунай въ теченіе двухъ столѣтій отъ IV до VI, раздѣленіе которыхъ представляетъ величайшее затрудненіе для историка, удалось только финно-уральскому народу,—не говоря о мадьярахъ, пришедшихъ позднѣе,—основать прочное государство подъ именемъ Болгаріи.

Въ европейской исторіи о болгарахъ упоминается впервые лишь въ концѣ V вѣка, тогда какъ за шесть столѣтій предъ тѣмъ, при Арзасѣ I, они получили во владѣніе во время своего похода къ Пруту земли на рѣкѣ Араксѣ, составляющей нынѣ границу между русскою провинціей Кавказомъ и Персіей. Долго ли они пребывали въ этихъ мѣстахъ, какія войны вели они до своего появленія на Дунаѣ, обо всемъ этомъ лѣтописи того времени, въ которое варварскіе кочевые народы безпрестанно смѣняли другъ друга, даютъ лишь самыя невѣрныя свѣдѣнія. Землю по Волгѣ, которую долго населяли болгары, византійцы назвали «великою» и еще «черною» Болгаріей, и, по мнѣнію Никифора Грегора,—мнѣнію, которое оспаривали Шафарикъ и другіе,—они же дали названіе этой рѣкѣ, странѣ и ея дикимъ обитателямъ. Но византійцы называли болгаръ еще «уногундурами», что указываетъ на племенное ихъ родство съ другими финноуральскими народами, венграми (*Ungaren*), гунограми, утургурами и другими, наводнившими Восточную Европу лишь въ IX столѣтіи и, по всѣмъ вѣроятіямъ, двигавшими болгаръ, для предосторожности, предъ собою.

Въ V столѣтіи болгары сдѣлали первую попытку овладѣть Мезіей. Готскіе народы, поселенные римлянами на мезійской границѣ, помѣшали этому. Но когда эти народы отправились далѣе, по направленію къ Италіи, болгары возобновили свои нападенія.

Готы, какъ и болгары, пробирались съ сѣвера къ югу и западу, тогда какъ въ теченіе вышеописаннаго тысячелѣтія всѣ народы, жившіе къ югу отъ Гемуса, стремились распространить свое владычество за великую водяную границу въ противоположномъ направленіи—съ юга къ сѣверу и востоку.

Подвигавшіеся впередъ болгары почти безъ всякаго сопротивленія опустошили не только Мезію, но также Ѳракію, и стали угрожать самой Византіи, которая была ограждена отъ ихъ нападеній постройкой растянутыхъ на длинномъ протяженіи стѣнъ.

Въ тотъ самый годъ, когда Юстиніанъ завоевалъ Равенну, они овладѣли всею страной до Босфора и береговъ Іоническаго моря, явились предъ Ѳессалоникой (551), превратили въ пепелъ тридцать цвѣтущихъ городовъ и спокойно прозимовали на ѳракійской почвѣ. Въ 559 году они расположили свой лагерь предъ вратами самой столицы, и только знаменитый подвигъ Велизарія спасъ ее отъ разрушенія. Болгары нападали почти ежегодно на Византію и при каждомъ нападеніи, въ кото-

рыхъ принимали также участіе нѣкоторые изъ славянскихъ племенъ, лишали жизни или свободы до 200,000 человѣкъ. Славяне, поселившись въ сѣверо-восточной Европѣ, приняли участіе въ передвиженіи народовъ маленькими, разрозненными группами въ V столѣтіи (Дриновъ), но большими массами они двинулись только, по словамъ Шафарика, въ половинѣ VI вѣка. Тѣснимые аварами къ югу, они заняли на Вардарѣ, Моравѣ и Дунаѣ поселенія ѳрако-мезійскихъ народовъ и грековъ, истребленныхъ готами и булгарами или бѣжавшихъ искать убѣжища на берегахъ Адріатическаго моря. Въ городахъ славяне, будучи весьма склонны къ земледѣлію, скоро полюбили землю, на которой поселились, и признали себя подвластными Византіи. Земля ихъ была названа византійскими писателями Склавиніей (*Sclavinia*). Не долго, однако же, новые поселенцы наслаждались миромъ: за спорадическими нападеніями болгаръ на византійское царство послѣдовали болѣе настойчивыя и горячія, которыя въ эпоху царствованія императоровъ изъ дома Гераклія,—эпоху, ознаменованную, вслѣдствіе династическихъ раздоровъ, солдатскими возстаніями,—утвердили надолго болгарское владычество надъ ѳрако-мезійскими землями, слабо защищаемыми въ то время.

Аспарухъ, перешедшій чрезъ Дунай въ царствованіе Константина IV съ новою храброю ордой, окончилъ дѣло своего предшественника Хозрева.

Болгары, уступавшіе славянамъ въ численности и искусные только въ военномъ ремеслѣ, щадили ихъ въ своихъ собственныхъ интересахъ, тѣмъ болѣе, что они мирно подчинились ихъ власти, не смотря на свое численное превосходство. И такъ, болгары не помѣшали имъ заниматься скотоводствомъ и земледѣліемъ и ограничились политическимъ главенствомъ.

Къ концу VII столѣтія эти завоеватели, во времена правленія Аспаруха, основали болгарское царство на славянскомъ фундаментѣ. Исторія молодаго финно-славянскаго государства представляетъ, въ сущности, только рядъ почти непрерывавшихся нападеній на умиравшую Византію, владѣнія которой съуживались часто до предѣловъ одной константинопольской территоріи. Подробности этихъ военныхъ походовъ не представляютъ ни малѣйшаго интереса, и потому мы не будемъ говорить о нихъ. Лишь изрѣдка просвѣчиваютъ благородныя человѣческія стремленія среди мрака, окружавшаго европейскій Востокъ въ эту эпоху, обрисованную подробно и вполнѣ вѣрно г. Гильфердингомъ.

По плану этого труда въ немъ могутъ найти мѣсто только значительные факты и имѣющіе твердое историческое основаніе. Мое описаніе я основываю на изслѣдованіяхъ Энгеля, Шафарика, Палаузова, Гаммера, Дюмлера, Гильфердинга, Финлея, Захарія, Куника, Пихлера, Дринова и другихъ, и привожу лишь тѣ событія, которыя признаны ими единогласно. Моя задача заключается въ собраніи всѣхъ свѣдѣній, разбросанныхъ въ этихъ источникахъ, въ выясненіи самой сущности фактовъ и устраненіи всѣхъ незначительныхъ подробностей, часто ихъ затемняющихъ, и въ объективномъ выводѣ ихъ духовныхъ причинъ и послѣдствій, которыя до сего времени остаются дѣйствительными и имѣютъ непосредственную связь съ современными событіями на европейскомъ Востокѣ.

Великія дѣла Восточной Римской имперіи въ славныя ея времена пріостановились надолго. Оставшаяся въ объемѣ столь же обширною, какъ и тогда, и даже иногда расширявшаяся завоеваніями прибрежныхъ галльскихъ владѣній, итальянскихъ и африканскихъ земель, она сильно страдала, однако же, отъ дурнаго управленія. Ея правительство было слишкомъ плохо составлено для того, чтобы дѣльно распоряжаться огромными богатствами ея почвы и разумно управлять судьбами многочисленныхъ и сильныхъ народовъ, населявшихъ ее. Всѣ государственные недуги, которые принято обозначать названіемъ «византизма», развились во времена восточно-римскихъ императоровъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Въ свѣтской и религіозной жизни форма подавила окончательно сущность. Мы видимъ императоровъ, лишенныхъ всякаго достоинства; духовенство гордое, напыщенное, бездушное и съ узкимъ взглядомъ; войско притязательное и трусливое; чиновничество корыстолюбивое, продажное, лишенное всякихъ идеальныхъ стремленій и не имѣющее искры патріотизма; монарховъ, стоящихъ на одинаково низкой ступени съ управляемыми ими...

Такое грустное положеніе дѣлъ въ византійскомъ государствѣ предоставило скоро возможность болгарскимъ правителямъ вмѣшаться въ его дѣла. Юстиніанъ II, низвергнутый съ трона, бросился въ Болгарію и съ помощью короля Тервеля (Тербелисъ) успѣлъ дѣйствительно овладѣть имъ опять. Въ награду за эту услугу Тервель долженъ былъ получить «Загорье»—область, лежащую къ югу отъ мыса Эмине и простирающуюся до Эски-Загры, и еще Бургаскую область съ значительными приморскими городами Анхіаломъ и Месемвріей. Послѣ разныхъ превратностей, послѣ того, какъ династія Аспарухская была истреблена во время воз-

мущенія и византійцы, возбуждая въ юномъ болгарскомъ государствѣ продолжительные внутренніе раздоры, успѣли воспользоваться ими для сокращенія его предѣловъ, —Кардамъ, ставъ во главѣ болгаръ, повелъ ихъ къ новымъ побѣдамъ и сдѣлалъ византійцевъ, не смотря на всѣ ихъ ухищренія и интриги, своими данниками. Король Крумъ преслѣдовалъ великіе планы. Онъ былъ храбрый воинъ, управлялъ своимъ народомъ съ драконовскою строгостью и постоянно поощрялъ его на новые подвиги. Онъ заключилъ съ императоромъ франковъ союзъ для завоеванія всего Иллирійскаго треугольника, который соглашался раздѣлить съ нимъ, имѣя въ виду при этомъ овладѣть Константинополемъ и сдѣлать его своею резиденціей. Всѣ сѣверныя славянскія территоріи—Сармія, Славонія, Каринтія и Далмація—достались Карлу Великому. Въ то же время Крумъ началъ дѣлать нападенія на Византійское царство, потрясенное уже глубоко арабскими войнами. Въ 809 году онъ овладѣлъ Софіей; въ 811 г., 25 іюля, разбилъ въ окрестностяхъ Шумлы цвѣтъ византійскаго войска и убилъ императора Никифора, лично командовавшаго на полѣ сраженія. 22 іюня 813 г. сражался онъ при Адріанополѣ и, оставивъ предъ его стѣнами наблюдательный корпусъ, двинулся съ главными силами къ Константинополю, осаду котораго началъ, предъ глазами всего народонаселенія, съ блестящаго представленія языческихъ церемоній. Въ отмщеніе за попытку нечаяннаго нападенія со стороны византійцевъ, сдѣланную во время веденія переговоровъ о мирѣ, Крумъ разрушилъ роскошныя зданія и монументы, находившіеся внѣ городскихъ стѣнъ, которыхъ не въ силахъ былъ одолѣть.

Похищенная имъ добыча, между которою находилось много драгоцѣнностей искусства, увеличилась на возвратномъ пути прибавленіемъ къ ней новыхъ трофеевъ, собранныхъ въ разныхъ сдавшихся ему городахъ. Взятіе Адріанополя увѣнчало этотъ походъ, и жители Маріакабека были отправлены въ опустошенныя страны, лежащія къ сѣверу отъ Балкана. Внезапная смерть Крума въ 820 году положила конецъ его великимъ предпріятіямъ, выполненіе которыхъ имѣло бы огромное вліяніе на историческое развитіе Восточной Европы. Онъ заготовилъ все—военныя машины, многочисленное войско—для похода въ Византію, и императоръ Левъ, трепеща отъ страха, принялъ всѣ мѣры защиты. Въ царствованіе наслѣдниковъ Крума, Мартага и Пресьяма, Константинополь вздохнулъ свободно.

Вторая половина IX столѣтія застаетъ болгаръ опять въ войнѣ противъ Византіи и ея союзниковъ-мадьяръ; послѣ того они вступаютъ въ борьбу съ сербами и кроатами. Съ перемѣннымъ счастіемъ сражались они, но тѣмъ не менѣе успѣли распространить свое владычество до Татры, находящейся на сѣверѣ Венгріи. Съ завоеваніемъ верховьемъ Тейсы могущество ихъ достигло высшей степени.

Въ этотъ первый періодъ языческаго финно-болгарскаго государства и въ ближайшія столѣтія послѣ него, резиденціей болгарскихъ королей былъ Преславль, выстроенный на развалинахъ Марціанополя, основаннаго императоромъ Траяномъ, окрестившимъ его именемъ своей сестры. Преславль находился въ трехъ миляхъ къ юго-востоку отъ нынѣшней Шумлы.

Попытки введенія христіанства между болгарами начались еще до вступленія на престолъ императора изъ дома Василія Мацеда, въ царствованіе лицемѣрной Ѳеодоры, возстановительницы иконопоклоненія, и сына ея Михаила III; но оно укоренилось лишь послѣ того, какъ болгарскіе завоеватели смѣшались съ остатками мезійцевъ и ѳракійцевъ, а именно съ преобладающимъ славянскимъ народонаселеніемъ, съ которымъ они слились совершенно, принявъ до извѣстной степени ихъ нарѣчіе. Впослѣдствіи мы будемъ говорить объ усиліяхъ Рима и Византіи перетянуть вновь принявшихъ христіанство болгаръ на свою сторону; здѣсь же замѣтимъ только, что первыми проповѣдниками христіанскаго ученія между болгарами были Кириллъ и Меѳодій, проповѣдывавшіе евангеліе на славянскомъ языкѣ и успѣвшіе обратить въ христіанство могущественнаго болгарскаго царя Михаила-Бориса, а съ нимъ вмѣстѣ его вельможъ и болгарскій народъ. Это случилось не безъ насилія и междоусобной борьбы, которая такъ наконецъ утомила Михаила, что онъ передалъ бразды правленія своему сыну Владиміру. Однако же неспособность послѣдняго заставила его опять выступить на политическую арену. Онъ низвелъ съ трона неспособнаго князя, приказалъ его ослѣпить и бросить въ тюрьму, а на его мѣсто посадилъ своего меньшаго сына Симеона. Его любимая мечта—организовать независимый отъ Константинополя болгарскій патріархатъ осталась неосуществленною. Онъ умеръ въ монастырской кельѣ въ 907 году. Это былъ одинъ изъ самыхъ передовыхъ князей своего времени. Его заслуги въ дѣлѣ цивилизаціи весьма значительны; онъ много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи для своего народа.

Сынъ Бориса, Симеонъ (888—927), велъ войну противъ византійцевъ, притѣснявшихъ болгаръ, съ перемѣннымъ счастіемъ, пока наконецъ не разбилъ ихъ окончательно при Месемвріи въ 917 году. Такъ же счастливо сражался онъ противъ мадьяръ, явившихся на помощь византійцамъ (895), и противъ сербовъ (923—927), владѣнія которыхъ онъ страшно опустошилъ. Его власть возросла до того, что онъ началъ помышлять о низверженіи слабаго императора съ византійскаго престола и о присвоеніи его себѣ. Отъ папы онъ потребовалъ, чтобы тотъ призналъ его царемъ, а огридскаго архіепископа возвелъ бы въ санъ патріарха.

Этотъ князь, наводившій страхъ и ужасъ на всѣ народы отъ Чернаго до Адріатическаго моря, вынудившій греческаго императора Романа лично вымаливать, предъ стѣнами Константинополя, мира просьбами и богатыми подарками (923), является, съ другой стороны, великимъ подвижникомъ литературы и церкви. Онъ былъ первымъ коронованнымъ славянскимъ писателемъ и могущественнѣйшимъ владыкой изъ всѣхъ болгарскихъ правителей. Столь дѣятельный и энергическій князь былъ бы достоинъ лучшаго наслѣдника, чѣмъ былъ его сынъ Петръ, коронованный, какъ и онъ самъ, папой. Этотъ князь, женившись на внучкѣ греческаго императора Романа II, изъ дома Василія Мацедо, поддаваясь то римскому, то византійскому вліянію, потерялъ изъ вида ту цѣль, которую такъ настойчиво преслѣдовалъ его дѣдъ, а именно—завоеваніе Константинополя и основаніе на развалинахъ гнилаго греческаго государства могущественнаго славянскаго царства. Съ продолжительнаго безславнаго царствованія Петра (927—968) началось паденіе болгарскаго государства,—паденіе, котораго не могъ уже остановить даже и сильный, энергическій его преемникъ Самуилъ. Послѣ того какъ возвышавшееся мадьярское государство отдѣлило клинообразно сѣверныя славянскія племена отъ южныхъ, послѣдствія чего даютъ себя чувствовать и нынѣ, болгары составляли между послѣдними самое сильное государство, къ которому при разумной политикѣ могли бы мирно присоединиться родственныя болгарамъ сербо-кроатскія племена, ослабѣвшія также въ то время, и такимъ образомъ могло бы образоваться новое южно-славянское царство съ блестящею будущностью впереди. Но царь Симеонъ слѣдовалъ другой политикѣ: какъ уже сказано было выше, онъ старался всѣми силами ослабить сосѣднихъ сербовъ и кроатовъ. Это была важная политическая ошибка, положившая начало тому раздѣленію между

южными славянами, которое существуетъ до сихъ поръ и за которое они жестоко поплатились тогда же. По смерти царя Симеона, порабощенные имъ сербы и кроаты пріободрились. Мадьяры въ свою очередь стали угрожать болгарамъ, и Петръ, для отклоненія опасности, лично отправился въ Константинополь, чтобы заключить съ императоромъ Романомъ дружескій союзъ, который дѣйствительно состоялся и былъ запечатлѣнъ помолвкой болгарскаго царя съ внукой императора.

Бракъ принцессы, родившейся въ пурпурѣ, съ варварскимъ княземъ обличалъ сильное измѣненіе византійской политики, рѣшившейся принести въ жертву государственнымъ интересамъ придворныя традиціи, которыя она такъ заботливо охраняла. Это измѣненіе, удивившее всю Европу, не замедлило принести плоды, предвидѣнные византійскимъ дворомъ. Петръ, опутанный новыми родственными связями, подкупленный разными почестями, какъ признаніе за нимъ царскаго титула и придворное отличіе болгарскихъ пословъ предоставленіемъ имъ первенства предъ послами западныхъ державъ, подчинился вполнѣ вліянію византійской принцессы и превратился въ изнѣженнаго деспота, стремящагося къ покою. Все это скоро измѣнило его положеніе и поставило въ грустную зависимость отъ Византіи и его сѣверныхъ сосѣдей, въ особенности отъ мадьяръ, могущество которыхъ быстро возрастало и которые безнаказанно опустошали и разоряли болгарскія владѣнія во время своихъ походовъ противъ византійскаго государства, слабо защищавшагося отъ ихъ крамолъ, благодаря неспособности и бездарности своихъ правителей, потомковъ Василія. Но въ 963 году рядъ этихъ плохихъ, слабыхъ правителей былъ прерванъ наконецъ смѣлымъ, энергическимъ регентомъ.

Никифоръ Ѳока рѣшилъ положить конецъ позорной дани, которую платила Византія болгарскому «тулупнику», какъ онъ называлъ Петра, и которая была установлена еще царемъ Самуиломъ. Онъ призвалъ на помощь варяго-русскаго князя Святослава, имѣвшаго свою резиденцію въ Кіевѣ, и достигъ своей цѣли, чему много содѣйствовали раздоры между болгарскими боярами, недовольными мягкою греческою политикой Петра съ самаго начала ея введенія. Но русскіе потребовали дорогой платы за свою помощь. Святославъ отказался по совершеніи кроваваго подвига оставить театръ побѣдоносной войны. Онъ присвоивалъ себѣ права завоевателя и считалъ себя законнымъ государемъ ѳрако-мезійскихъ областей; въ теченіе двухъ лѣтъ онъ сдѣлалъ два кровопролитные похода по завоеваннымъ странамъ и византійскимъ владѣніямъ, опустошая безъ раз-

личія какъ тѣ, такъ и другія. На его счастіе, въ это самое время умеръ царь Петръ, а законные наслѣдники болгарскаго трона, князья Борисъ и Романъ, находились въ качествѣ заложниковъ въ Константинополѣ, гдѣ правителемъ успѣлъ сдѣлаться храбрый Іоаннъ Цимисхій, опасный противникъ для русскихъ. Съ перемѣннымъ счастьемъ сражались византійскія войска противъ Святослава. Цимисхій разсчитывалъ одною хорошею битвой очистить отъ русскихъ свое государство, расширить его границы на счетъ болгарскаго царства, завладѣвшаго прежде совершенно несправедливо разными землями. При Адріанополѣ онъ собралъ блестящее, отборное войско и оттуда отправился съ нимъ, вѣроятно чрезъ Ямбали и Цаливокъ, проходъ чрезъ Балканы, къ резиденціи Святослава, Старому Преславлю, который взялъ приступомъ и греческимъ огнемъ; самого же Святослава встрѣтила и разбила тяжелая кавалерія Цимисхія на большой нагорной равнинѣ предъ Доростолемъ (Силистрія). Послѣ двухмѣсячной осады послѣдняя отворила свои ворота предъ Цимисхіемъ.

Это пораженіе сломило славянскую гордость варяго-русскаго князя, и онъ началъ просить о мирѣ. Въ глазахъ императора онъ долженъ былъ сѣсть на корабль у того самаго мѣста, на которомъ онъ высадился незадолго предъ тѣмъ съ великими планами.

За извѣстную плату, опредѣленную впередъ, Святославъ согласился помогать византійцамъ покорить Болгарію. Ненасытная жажда къ добычѣ побудила его удерживать ее для себя; но онъ не могъ быть основателемъ прочнаго государства: для этого русскому вождю воинственныхъ ордъ недоставало болѣе идеальныхъ стремленій, таланта и нравственнаго величія.

Во всѣхъ болгарскихъ городахъ были разставлены византійскіе гарнизоны. Преславль, старая резиденція болгарскихъ царей, была переименована въ Іоаннополь. Іоаннъ Цимисхій праздновалъ въ Константинополѣ побѣду давно невиданнымъ представленіемъ тріумфальнаго шествія. На богато украшенной колесницѣ красовались корона и всѣ знаки достоинства болгарскихъ царей, рядомъ съ иконой Богородицы. Сыновья Петра слѣдовали за процессіей, и, когда они пришли во дворецъ, Цимисхій велѣлъ снять съ Бориса королевскую пурпуровую одежду и сдѣлалъ его «магистромъ» византійскихъ войскъ. Внукъ великаго Симеона преклонился предъ византійскимъ владыкой и сдѣлался тѣлохранителемъ при константинопольскомъ дворѣ. Спустя нѣкоторое время, онъ умеръ насильственною смертью. Меньшій братъ его, Романъ, оскопленный греками, забытый всѣми, влачилъ свое грустное существованіе въ Македоніи.

Съ помощью славянскаго князя разрушила греческая Византія финно-болгарское царство, притѣснявшее и разорявшее ее въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій; но прежде, чѣмъ оно окончательно присоединилось къ ней на болѣе продолжительное время, ему еще разъ удалось воспрянуть не надолго отъ своего паденія, въ царствованіе короля Самуила, славнаго потомка его второй династіи.

Самуилъ былъ сынъ болгарскаго боярина Жишмана, руководителя и вождя въ нѣкоторомъ родѣ, имѣвшаго большое вліяніе на дѣла еще при жизни царя Петра и по смерти послѣдняго пребывавшаго въ Трновѣ въ качествѣ царя. Онъ и его сыновья Давидъ, Моисей, Ааронъ и Самуилъ были, повидимому, коноводами болгарскаго движенія, имѣвшаго цѣлью освобожденіе Болгаріи отъ византійскаго владычества и обнаружившагося тотчасъ послѣ смерти Іоанна Цимисхія, случившейся въ 976 году.

Первымъ подвигомъ Самуила, возвѣстившимъ болгарскому народу о его намѣреніи сдѣлаться его повелителемъ, было то, что онъ ослѣпилъ отца и низвергъ его съ престола. При видѣ такого страшнаго злодѣянія ближайшіе родственники Самуила бѣжали въ Далмацію, боясь, чтобы и ихъ не постигла такая же участь. Страхъ ихъ былъ вполнѣ основателенъ. Рядомъ съ дальнѣйшими родственниками онъ убилъ одного изъ своихъ братьевъ. Остальные два пали въ сраженіяхъ противъ византійцевъ, — въ сраженіяхъ, которыя подняли славу болгарскаго оружія и опять заставили сосѣдей трепетать предъ нимъ. Война, начатая Самуиломъ, носила національный отпечатокъ. Собравшійся съ силами народъ сражался съ ожесточеніемъ, какъ будто желая отмстить за всѣ униженія, которыя онъ вытерпѣлъ отъ грековъ въ царствованіе слабаго, неспособнаго Петра.

Благодаря своимъ бурнымъ, энергическимъ нападеніямъ, болгары скоро овладѣли византійскими крѣпостями: Воденой, Сересомъ, Ларицой, слабо защищаемыми наемными войсками. Попытка императора Василія положить конецъ военнымъ успѣхамъ и расширенію власти болгаръ выступленіемъ противъ нихъ съ могущественнымъ войскомъ не удалась. Напрасно осаждалъ онъ укрѣпленный Средецъ (Софія). Взять его онъ не могъ и при своемъ отступленіи чуть-чуть самъ не попался въ ущельяхъ Ихтимана въ руки тѣснившихъ его съ тыла болгаръ.

Царь Самуилъ перенесъ свое побѣдоносное оружіе далеко за Балканъ; онъ завоевалъ всѣ земли отъ Дуная до Ѳессалоникъ, отъ Охриды до

Требиньи, отъ Рагузы до Дураццо, захватилъ часть сербскихъ владѣній и Пелопоннеса. Несомнѣнно, что онъ былъ искусный полководецъ, но гражданскихъ доблестей въ немъ не было; онъ не обладалъ тою плодотворною геніальностью, которая упрочиваетъ завоеванія и организуетъ государства на прочныхъ началахъ. Тѣмъ не менѣе, однако же, онъ присвоилъ себѣ титулъ «государя всѣхъ славянъ», укрѣпилъ свои резиденціи Преспу и Охриду и украсилъ ихъ роскошными зданіями.

Столь обширное государство, составленное удачами войны и насиліемъ, а не идеей національнаго единства, не интеллигенціей и законодательною силою, не могло, конечно, устоять и должно было распасться.

Напрасно пробовалъ Самуилъ привязать къ себѣ, посредствомъ родственныхъ узъ и разныхъ подкуповъ, побѣжденныхъ и оскорбленныхъ имъ сербскихъ жупановъ, какъ Владиміръ: это не помогло ему.

Дѣло, совершенное имъ столь быстро, было разрушено тѣми же средствами, которыя были употреблены для выполненія его, а именно кровью и измѣной.

Пока Самуилъ воевалъ съ сербскими жупанами, его сильный противникъ, императоръ Василій, набралъ новыя войска и поклялся уничтожить его вмѣстѣ съ его царствомъ. Неутомимо достигалъ онъ этой цѣли въ теченіе десяти лѣтъ, съ помощью закаленнаго въ бою войска и искусныхъ главнокомандующихъ. Сражаясь безпрестанно, наводя ужасъ своею жестокостью на своихъ противниковъ, подкупая болгарскихъ вельможъ, приблизился онъ наконецъ къ окрестностямъ резиденціи Самуила. Вся дунайская Болгарія до Тимока, Македоніи и берега Дураццо были завоеваны имъ. Остались незавоеванными еще самая неприступная часть Албаніи, Өессалія и Черногорія.

Въ это время умеръ въ Преспѣ Самуилъ внезапною смертью. Говорятъ, что причиной ея была жестокая продѣлка императора Василія, приславшаго ему тысячу болгарскихъ воиновъ, лишенныхъ зрѣнія, послѣ чего чрезъ два дня, а именно 15 сентября 1014 года, онъ умеръ, убитый горемъ и отчаяніемъ. И такъ этотъ великій узурпаторъ, умертвившій хладнокровно отца, брата и родственниковъ, былъ, однако же, не совсѣмъ лишенъ человѣческихъ чувствъ. Исторія не приписываетъ ему никакого высокаго, благороднаго или цивилизаторскаго подвига, но за то онъ единственный изъ всѣхъ болгарскихъ властителей оставался непреклонно гордымъ въ самыя тяжелыя минуты своей жизни и не входилъ никогда въ мирные переговоры съ греками, и болгарское царство

не расширялось ни при одномъ изъ его предшественниковъ до такихъ огромныхъ размѣровъ, какъ при немъ. Для полной характеристики его слѣдуетъ прибавить еще, что онъ отличался необыкновенною личною храбростью и рѣдкимъ мужествомъ.

По смерти своего противника, императоръ Василій продолжалъ преслѣдовать свою цѣль еще съ большею настойчивостью. Въ томъ же 1014 году, осенью, завоевалъ онъ Битоль, Прилепъ и Стикъ, а въ слѣдующемъ году весной—Водену.

Сынъ Самуила Гавріилъ, не похожій на него характеромъ, сталъ просить мира; но императоръ не склонился на его просьбу и продолжалъ войну.

Не только счастіе, но и интриги болгарскихъ бояръ помогли военнымъ успѣхамъ императора. Іоаннъ-Владиславъ, племянникъ Самуила, приговоренный имъ нѣкогда къ смерти и спасенный отъ нея его сыномъ и своимъ двоюроднымъ братомъ Гавріиломъ, измѣннически убилъ на охотѣ своего спасителя и занялъ его мѣсто на тронѣ. Императоръ Василій получилъ это извѣстіе въ лагерѣ при Нотіи отъ болгарскаго посла, передавшаго ему вмѣстѣ съ тѣмъ, что болгарскій князь Владиславъ признаетъ власть Византіи и проситъ о мирѣ. Просьба этого вдвойнѣ подлаго измѣнника была уважена, и Василій вступилъ съ нимъ въ переговоры. Условія, заключенныя между ними, не дошли до насъ, но можно предполагать, что они были довольно жестоки для Болгаріи и, по всей вѣроятности, византійцы въ силу ихъ удержали въ своемъ владѣніи всѣ завоеванныя ими страны.

Въ первомъ же году своего царствованія Владиславъ запятналъ себя новыми постыдными актами. Завѣривъ клятвами въ своей дружбѣ зятя Самуила, Владиміра, онъ заманилъ его въ Преспу (въ 1015 г.) и предательски умертвилъ, чтобы завладѣть его Катарскою жупаньей. Въ то же время нарушилъ онъ миръ съ Византіей и выступилъ въ походъ для осады Дураццо. Императоръ Василій вооружился, чтобы наказать измѣнника за эту дерзость. Счастіе въ этомъ сраженіи улыбалось то одной, то другой изъ воюющихъ сторонъ.

Во время своего поспѣшнаго похода императоръ взялъ Охриду, но долженъ былъ опять возвратить ее. Византія вторично обратилась къ Россіи за помощью, и въ то же время сестра императора Василія вступила въ бракъ съ русскимъ великимъ княземъ Владиміромъ. Болгары старались привлечь на свою сторону враждебныхъ русскимъ печенѣговъ.

Вѣроятно для того, чтобы отвлечь русскихъ, они послали часть своего войска на Дунай помогать печенѣгамъ, и такимъ образомъ ослабили свои силы, а осадой Доростоля (Силитрія) еще болѣе облегчали Василію его операціи въ Македоніи. Онъ взялъ много крѣпостей и, повидимому, разбилъ Владислава, но не окончательно. Въ слѣдующемъ году (1018) Владиславъ явился опять предъ Дураццо, и тамъ предназначено было четвертому и послѣднему государю изъ династіи Жишмана сложить свою голову. Эта смерть украшена діоклейскимъ лѣтописцемъ ореоломъ мистицизма, согласно съ духомъ времени. Сказаніе это гласитъ, что будто бы Владиславъ увидалъ вдругъ видѣніе умерщвленнаго имъ Владиміра и вслѣдъ затѣмъ ангела, поразившаго его на смерть. Правдоподобнѣе звучитъ сухое сообщеніе греческихъ лѣтописцевъ, что Владиславъ былъ при Дураццо смертельно раненъ и умеръ вслѣдствіе этихъ ранъ.

Изъ княжеской фамиліи оставались только женщины и дѣти. Семейныя убійства Самуила и Владислава были страшно отомщены. Нѣкоторые изъ вліятельныхъ бояръ пытались-было продолжать дѣло національнаго освобожденія отъ чужеземнаго владычества; но это имъ не удалось, такъ какъ во всѣхъ славянскихъ племенахъ, составлявшихъ болгарское государство, не было ни согласія, ни единодушія, ни самоотверженной любви къ родинѣ, которая бы связывала ихъ. Повидимому, чувство патріотизма давно заглохло какъ въ боярахъ, такъ и въ народныхъ массахъ. Всѣ эти обстоятельства облегчали игру императору Василію. Паденіе болгарскаго предводителя національнаго дѣла отворило предъ нимъ крѣпости, и въ столицѣ Охридѣ онъ былъ встрѣченъ высшимъ духовенствомъ и народомъ, утомленнымъ продолжительною войною, какъ «освободитель». Вдова Владислава и остальные члены царской фамиліи явились въ императорскій лагерь просить о помилованіи. Безпрепятственно вошелъ онъ и во вторую столицу—Преспу. Послѣдняя попытка сопротивленія храбраго боярина Ивача была парализована заключеніемъ его въ тюрьму посредствомъ хитрой уловки; другой болѣе значительный предводитель, Николика, сдался.

Главнѣйшую заботу императора составляла переорганизація доставшагося ему опять Иллирійскаго полуострова. Онъ былъ раздѣленъ на провинціи, которыя управлялись императорскими военными начальниками. Даже Греція, на половину ославянившаяся, подчинилась Василію. Зимою 1018—1019 г. ввелъ онъ тотъ же военный порядокъ управленія и въ Аѳины.

Послѣ долгаго отсутствія тріумфовъ императоръ Василій вступилъ наконецъ тріумфаторомъ въ Константинополь чрезъ Золотыя ворота. Въ сопроденіи вдовы болгарскаго царя и дѣтей Владислава (старшій изъ нихъ Прусіанъ былъ въ греческой военной формѣ) отправился онъ въ храмъ св. Софіи, для принесенія благодарственной молитвы Богу за успѣшный походъ. Тамъ принялъ онъ поздравленія отъ патріарха и другихъ сановниковъ; народъ же, при видѣ великаго побѣдителя Болгаріи, выражалъ свою радость громкими криками. И такъ Византія сдѣлалась опять столицей всей обширной страны, занимающей заднюю часть Балкана. Всѣ народонаселенія до самой Савы, греческаго, албанскаго, болгарскаго, сербскаго и кроатскаго племени, признавали надъ собою ея власть. Принципъ византійскаго самодержавія, воплощенный въ лицѣ императора Василія, энергическаго полководца и ловкаго политика, восторжествовалъ надъ слабо связанною конфедераціей славянскихъ племенъ, ссорившихся часто между собою изъ-за первенства. Въ Разѣ, въ сербской странѣ, расположенной на небольшой рѣкѣ Разкѣ, явилась, почти одновременно съ паденіемъ болгарскаго царства, новая славянская династія, которая, по преданіямъ, вскорѣ сдѣлалась не менѣе опасною для Византіи, чѣмъ были нѣкогда болгарскіе цари. Уже въ 1040—1043 гг. сербскій великій жупанъ Діоклейскій двукратно разбилъ грековъ и прогналъ византійскаго намѣстника Энтикоса. Влканъ (1089 — 1105) и Бела-Урошъ (1120—1130) также были грозою для грековъ. Послѣдній считается предкомъ сербской династіи Неманья, изъ которой цѣлый рядъ знаменитыхъ королей и царей управлялъ съ перемѣннымъ счастіемъ и удачею южно-славянскими племенами. Ихъ исторія, о которой я говорилъ подробно въ моемъ сочиненіи «*Сербія*», скоро приходитъ въ самое близкое соприкосновеніе съ исторіей Болгаріи,—исторіей, идущею рука объ руку съ сербскою и византійскою лишь самое непродолжительное время и съ тѣхъ поръ никогда уже болѣе не поднимавшеюся до своего прежняго значенія.

Сдѣлаемъ теперь краткій обзоръ главнѣйшихъ событій этого третьяго и послѣдняго періода самостоятельности болгарскаго царства. Возстановленіе болгарско-валахскаго королевства азанскими князьями романскаго происхожденія совпадаетъ съ самою грустною эпохой Византіи, съ насильственнымъ завоеваніемъ ея трона несчастнымъ Исаакомъ Ангеломъ II. Народы Мезіи и Ѳракіи находились 170 лѣтъ подъ гнетомъ византійскаго правительства, имѣвшаго въ виду покорить ихъ вполнѣ посред-

ствомъ притѣсненій и финансоваго истощенія; но, къ счастію, раздоры въ родѣ Комненовъ сломили его силу и помогли этимъ народамъ освободиться. Два брата, Азанъ и Петръ, родомъ валахи, позволили себѣ протестовать въ Константинополѣ противъ невыносимаго давленія византійскаго правительства, но вмѣсто отвѣта подверглись жестокимъ оскорбленіямъ. Возвратившись на родину, оба брата стали во главѣ возстанія и удачно повели его. Хотя императоръ Исаакъ и побѣдилъ ихъ послѣ неимовѣрнаго сопротивленія, но братья быстро оправились послѣ своего пораженія и, опять вступивъ въ борьбу, въ свою очередь разбили его полководца Вранаса, послѣ чего выступилъ противъ нихъ самъ императоръ, но и ему не удалось на этотъ разъ разстроить ихъ великаго замысла. Азанъ I, по сказанію болгарца Царственика, былъ въ 1186 году коронованъ на царство св. Іоанномъ, патріархомъ Тирновы. Изъ современныхъ описаній нѣмецкаго крестоносца видно, что уже въ то время все пространство между Бѣлградомъ и Нишемъ носило названіе Болгаріи или «Silva Bulgaria». Однако болѣе укрѣпленныя мѣста все-таки остались въ рукахъ византійцевъ. Такъ, императоръ Фридрихъ I, во время своего путешествія въ Обѣтованную землю, былъ принятъ греческимъ губернаторомъ въ сильно укрѣпленномъ Браницевѣ на Дунаѣ (Костолачъ при устьѣ сербской Млавы). Хотя помощь, которую предлагали сербы и болгары нѣмецкому императору противъ Византіи, и была отвергнута имъ вслѣдствіе полной его увѣренности въ искренности грековъ, но тѣмъ не менѣе императоръ Исаакъ рѣшился отмстить имъ за это предложеніе и, окончивъ свои переговоры съ Фридрихомъ, открылъ снова военныя дѣйствія противъ болгаръ, которыя опять были безуспѣшны. Вообще власть третьей азанской или язенской династіи къ концу XII столѣтія должна была быть очень сильна, такъ какъ расточителеный сербскій король Владиславъ въ началѣ своего царствованія снискивалъ поддержку болгарскаго князя чрезъ посредство женитьбы на его дочери, а императоръ Алексѣй Комненъ III въ 1199 г. принужденъ былъ заключить миръ съ Іоанномъ, княземъ валахскимъ и сербскимъ. Особенно историческую роль игралъ этотъ Іоаннъ въ тотъ періодъ, когда Византія была латинскою имперіей. Въ 1197 г. онъ искалъ сближенія съ Римомъ. Папа Иннокентій III, приславши ему черезъ легата королевскіе знаки и признавши архіепископа Тирновы духовнымъ главою Болгаріи и Валахіи (1204), сталъ подстрекать его къ войнѣ противъ схизматиковъ-грековъ. Очевидно, что царь Іоаннъ считалъ себя въ то

время римско-католическимъ княземъ, такъ какъ онъ предложилъ императору Балдуину I свое содѣйствіе противъ грековъ, отъ котораго, впрочемъ, послѣдній отказался. Несомнѣнно, что это была огромная ошибка. Іоаннъ, сильно оскорбленный этимъ отказомъ, вошелъ въ сношенія съ возставшими на Марицѣ греками и именно въ то самое время, когда большая часть военныхъ силъ Балдуина находилась въ Азіи. Со всѣми войсками, которыя можно было собрать въ короткое время, Балдуинъ выступилъ противъ соединенныхъ силъ грековъ и болгаръ. При Адріанополѣ (15 апрѣля 1205 г.) произошло рѣшительное сраженіе, и Балдуинъ былъ разбитъ. Цвѣтъ его войска, графъ де-Блуа и почти всѣ дворяне пали въ битвѣ. Только дожъ Дандоло и историкъ Вильгардуинъ спаслись съ малыми остатками гордой арміи.

Взятый въ плѣнъ Балдуинъ былъ отведенъ въ Тирнову, резиденцію болгарскаго князя съ 1186 года, и послѣ одиннадцатилѣтняго тамъ заточенія былъ варварски умерщвленъ. Между тѣмъ, кратковременная Латинско-Византійская имперія продолжала борьбу съ обратившимися въ православіе болгарскими князьями; но ни домъ Анжу, которому фландрскій Балдуинъ, при своемъ паденіи, передалъ права на Дунайскія княжества, ни возстановившаяся также греческая имперія Палеологовъ не въ состояніи были удерживать надолго за собою свои справедливыя или несправедливыя притязанія на Болгарію. Между болгарскими азанидами и Византіей періодически заключалось перемиріе. Однимъ изъ этихъ перемирій, кажется, воспользовался царь Борисъ для созванія синода (1211), на которомъ была предана проклятію секта богумиловъ и былъ составленъ такъ называемый «синодикъ», читаемый ежегодно въ церквахъ въ воскресеніе св. православія [1]).

Въ 1234 году Іоаннъ Азанъ заключилъ союзъ съ императоромъ Іоанномъ Дукомъ Ватацемъ, и дочь его Елена сдѣлалась супругою Θеодора Ласкариса, сына его греческаго союзника. Между тѣмъ, завязавшіяся при содѣйствіи умнаго архіепископа Савы († 1236) дружественныя отношенія между сербами и болгарами совсѣмъ разстроились. Да иначе и быть не могло, потому что стремленіе сербовъ расширить свои владѣнія на счетъ Византійской имперіи шло совершенно въ разрѣзъ съ такими же точно

[1]) Эта рукопись составляетъ важный источникъ исторіи тирновскаго патріаршества. Она была напечатана Паланцовымъ въ «Временникѣ московскаго историческаго общества». Другой важный источникъ болгарской исторіи—вышеназванная хроника царей—«Царственникъ».

притязаніями болгарскихъ правителей. Въ то самое время, когда великое нашествіе татаръ подъ предводительствомъ хана разразилось въ Болгаріи страшнымъ опустошеніемъ, одинъ изъ болгарскихъ князей, Жишманъ, объявилъ себя въ Виддинѣ (около 1291 г.) независимымъ.

На него напалъ сербскій краль Стефанъ Милютинъ Уросъ III и принудилъ его къ заключенію въ Виддинѣ (1292 г.) мира, доставившаго Сербіи несомнѣнно большія выгоды.

Сынъ Жишмана, деспотъ Михаилъ, не смотря ни на что, не хотѣлъ уступать своихъ правъ на западную Болгарію, между тѣмъ какъ восточною въ то же время управлялъ безсильный царь Святославъ (1294—1321). Когда же наслѣдникъ послѣдняго Василій (Vassilas), совершившій совмѣстно съ сербами и валахами походъ въ Византію, умеръ, то князь Михаилъ виддинскій былъ выбранъ царемъ (1324) и такимъ образомъ положилъ основаніе четвертой и послѣдней царской династіи виддинскихъ жишманидовъ, которая съ перемѣннымъ счастіемъ держалась до самаго паденія государства.

Споръ младшаго и старшаго Андроника за византійскій тронъ, не смотря на тѣсныя семейныя связи между повелителями Сербіи и Болгаріи, послужилъ все-таки поводомъ къ новымъ распрямъ между родственными народами и разъединилъ ихъ интересы. Сербскій князь Стефанъ Уросъ III сталъ на сторону старшаго, а болгарскій царь Михаилъ— на сторону младшаго Андроника. Съ 15,000 воиновъ послѣдній сдѣлалъ нападеніе на берегу верхней болгарской Моравы, и сербы побѣдили. Михаилъ умеръ вслѣдствіе паденія съ лошади, и Уросъ возвелъ на тронъ изгнанную супругу покойнаго, свою собственную сестру Неду.

Сербское государство, между тѣмъ, получало важное политическое значеніе въ Юго-Восточной Европѣ, и преемники Михаила пользовались время отъ времени его поддержкою противъ притязаній Византіи. Военные успѣхи турокъ, наводившіе страхъ, послужили также болгарамъ въ пользу, побудивъ Іоанна VI заключить дружественный союзъ съ Кантакузеномъ и могущественнымъ сербскимъ царемъ Душаномъ, женатымъ на болгарской принцессѣ Еленѣ. Но интересы новыхъ союзниковъ были настолько различны, общія традиціи до того взаимно враждебны, что разсчитывать на продолжительность этого союза было немыслимо. Царь Душанъ, котораго сербы называютъ «сильнымъ», скоро почувствовалъ ненависть ко всему греческому. Тринадцать походовъ совершилъ онъ въ Византію, явился подъ стѣнами Константинополя и принудилъ укрыв-

шагося въ Салоникахъ Андроника просить мира (1340), доставившаго ему большую часть Македоніи, Ѳракіи, Албаніи и Ѳессаліи. Болгарія также признала надъ собою его власть, и въ борьбѣ, которую Кантакузенъ, бывшій его союзникъ, велъ противъ него, съ помощью турокъ, весьма успѣшно (1344), болгары стали на его сторону. Палеологи умѣли, однако же, разстроить болѣе продолжительный союзъ Кантакузена съ Душаномъ, и вотъ почему, при новомъ столкновеніи, мы видимъ, что для защиты Палеологовъ болгарскій князь Александръ заключилъ союзъ съ сербскимъ царемъ (1351 г.).

Въ этомъ злополучномъ году турки перешли границу Европы. Съ ихъ помощью Кантакузенъ разбилъ сербско-болгарское войско. Предвидя опасность, которая въ будущемъ грозила Юго-Восточной Европѣ, Душанъ приложилъ всѣ свои старанія, чтобы усилить войско, прогнать турокъ и свергнуть съ престола слабыхъ Палеологовъ. Такова была цѣль великаго сербскаго царя; но, къ несчастію, его постигла смерть (1356) на дорогѣ къ Константинополю, къ которому онъ велъ многочисленную сербо-болгарскую дружину. Душанъ, этотъ могущественнѣйшій изъ сербскихъ князей, не передалъ своему преемнику энергіи, воодушевлявшей его. Ни сербская, ни болгарская династіи не могли выставить князя, способнаго остановить наплывъ османовъ, наводнившихъ съ необычайною быстротою весь юго-востокъ Европы.

Хотя Вукашинъ, сербскій воевода, умертвившій Уроса V, сына Душана, и воевалъ сначала успѣшно противъ турокъ (1369), но уже чрезъ два года, въ сраженіи при Марицѣ (1371), онъ потерялъ незаконно доставшійся ему тронъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жизнь. Древній Адріанополь,—тотъ Адріанополь, который въ теченіе 800 лѣтъ оспаривали другъ у друга греки и болгары, какъ самое твердое положеніе для обезпеченія власти во Ѳракіи,—сдѣлался пышною резиденціею султана Мурада, мѣстомъ, гдѣ онъ принималъ поздравленія и предписывалъ условія мира какъ европейскимъ государямъ, такъ и безсильному греческому императору.

Еще разъ, впрочемъ, попробовалъ князь Лазарь поставить преграду завоеваніямъ турецкаго султана въ Юго-Восточной Европѣ, въ виду чего соединилъ разбросанные остатки сербо-болгарскаго войска съ отрядами другихъ христіанскихъ народовъ Иллирійскаго полуострова и на Коссовомъ полѣ вступилъ, 15-го іюня 1389 года, въ кровопролитное сраженіе. Измѣна помогла Мураду, и онъ восторжествовалъ но нена-

долго. Кинжалъ сербскаго юноши, пожертвовавшаго собою, сразилъ его въ собственной его палаткѣ [1]).

Съ тѣхъ поръ царствованіе обоихъ сыновей болгарскаго царя Александра, раздѣлившихъ между собою государство, было только номинальное. Братья были въ постоянныхъ раздорахъ между собою. Іоаннъ Страциміръ Виддинскій, завязавшій неудачную борьбу противъ Венгріи, отдѣлилъ митрополію Виддина отъ тирновскаго патріархата и подчинилъ ее Константинополю. Въ качествѣ турецкаго вассала, онъ удержалъ за собою Виддинъ до 1398 года, т. е. до окончательнаго завоеванія его турками. Младшій братъ его, царь Іоаннъ Жишманъ тирновскій, окончилъ свое царствованіе еще раньше, именно въ 1393 году; въ слѣдующемъ же 1394 г. болгарскій патріархатъ палъ одновременно съ государственною независимостью Болгаріи.

И такъ, болгарское царство пало прежде, чѣмъ успѣлъ осуществиться хотя одинъ изъ смѣлыхъ плановъ ея правителей. Богатое наслѣдство устарѣлой Византіи, плодъ, казалось, готовый самъ упасть съ дерева, ускользнулъ именно въ тотъ моментъ, когда Болгарія была вполнѣ увѣрена, что онъ достанется ей въ удѣлъ. Это случилось, какъ я уже раньше старался объяснить, при обзорѣ разныхъ превратностей ея судьбы, вслѣдствіе нравственныхъ причинъ.

Мечемъ можно, конечно, завоевывать земли; но для устройства государства на прочныхъ началахъ, для того, чтобы привести его въ цвѣтущее состояніе, необходимо, чтобы развитію физическихъ силъ соотвѣтствовало развитіе духа и интеллигенціи, развитіе организаторскаго генія и идеальныхъ стремленій. Во второй половинѣ XIV столѣтія, когда сербы и болгары находились подъ гнетомъ власти османовъ, Венгрія приняла на себя роль спасительницы и руководительницы европейскаго юго-востока. Венгерскій король Людовикъ Великій считался однимъ изъ самыхъ умныхъ и могущественныхъ государей своего времени. Вліяніе его простиралось отъ Дуная до береговъ Адріатики и Балтійскаго моря; но, къ несчастію, смерть постигла его за нѣсколько лѣтъ до сраженія при Коссовѣ (1382). Его преемникъ Сигизмундъ Люксембургскій, господство котораго признали надъ собою не совсѣмъ еще павшія части Сербіи, Босніи и прочія земли, задумалъ предотвратить опасность, грозившую его государству, но въ битвѣ при Никополѣ (1396) потерпѣлъ пораженіе.

[1]) Подробное описаніе этой катастрофы сдѣлано мною въ сочиненіи «Сербія», стр. 250.

Султанъ Баязетъ Илдеримъ «Молнія» уничтожилъ цвѣтъ этого христіанскаго войска, состоявшаго изъ дворянъ Венгріи, Бургундіи, Богеміи, Германіи, Англіи и Франціи, хвалившихся, что «своими копьями они въ состояніи подпереть даже небо, если бы оно стало падать». Западный союзъ, составившійся вслѣдъ затѣмъ подъ предводительствомъ венгерскаго героя Гуніади, дѣйствовалъ гораздо успѣшнѣе. При Нишѣ союзныя войска разбили турокъ на голову; но когда вскорѣ послѣ этого былъ заключенъ миръ съ «невѣрными» (1440) въ Чегединѣ, папа сильно воспротивился этому, и честолюбивый Гуніади попыталъ вторично счастіе при Варнѣ (1444), затѣмъ въ третій и послѣдній разъ на роковыхъ поляхъ Амзеля при Коссовѣ (1449), но въ обоихъ сраженіяхъ былъ разбитъ столь же славнымъ, какъ и онъ, полководцемъ Мурадомъ II.

Судьба Сербіи, Булгаріи, а также и греческой имперіи, сохранившихъ лишь тѣнь своей прежней независимости, была наконецъ рѣшена. Сынъ Мурада, Мухамедъ II, докончилъ то, что завѣщалъ ему отецъ. 29 мая 1453 года онъ подступилъ къ Константинополю и взялъ его, не смотря на геройскую защиту Константина. Новый мусульманскій повелитель древней Византіи, вступивши въ оставленный дворецъ Палеологовъ, произнесъ слѣдующія слова древняго персидскаго писателя: «Паукъ соткалъ свою паутину въ императорскомъ дворцѣ, и крикъ совы раздается на башняхъ Афразіаба».

Глубокій смыслъ заключаетъ въ себѣ это изреченіе персидскаго поэта. Дѣйствительно, изъ того самаго мѣста, откуда лучъ цивилизаціи и смягченія нравовъ, затемненный въ средніе вѣка набѣгами варваровъ, озарялъ своимъ свѣтомъ европейскій Западъ, нынѣ раздавался смертоносный звукъ оружія, наводившій страхъ на всю Европу и распространившій надолго мракъ на ея востокѣ. Насколько видно изъ приведенныхъ здѣсь вкратцѣ разныхъ характерныхъ эпохъ болгарской исторіи, послѣднюю нельзя назвать особенно блестящею. Когда же иллирійскій треугольникъ сдѣлался тоже добычею турокъ, то древняя пеонійско-фрако-дарданійская область, доставлявшая Греціи, Риму и Византіи людей, удивлявшихъ міръ своими великими подвигами, впала въ полнѣйшее изнеможеніе. Немногіе таланты, созрѣвшіе подъ чужимъ владычествомъ, будучи увлечены удивительными успѣхами исламизма, особенно послѣ того, какъ самый патріархатъ преклонилъ крестъ предъ нимъ, начали искать удовлетворенія своей жажды дѣятельности и честолюбія въ службѣ султанамъ, щедро награждавшимъ за нее. Воин-

скими наклонностями христіанскихъ народонаселеній послѣдніе съумѣли очень искусно воспользоваться для подкрѣпленія новаго войска, янычаръ, организація котораго была тѣсно связана съ распространеніемъ правовѣрія посредствомъ предоставленія разныхъ привилегій лицамъ, вступавшимъ въ его ряды, и которое, благодаря этому, дѣйствительно побѣдоносно сражалось противъ христіанства въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Людямъ, не хотѣвшимъ принимать мусульманской вѣры (болгарамъ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ отдать справедливость: весьма немногіе обратились въ исламизмъ для обезпеченія себя въ матеріальномъ отношеніи), приходилось влачить до вступленія на престолъ великаго реформатора Махмуда II и даже еще съ десятокъ лѣтъ позднѣе печальное существованіе въ качествѣ беззащитныхъ райевъ. Болгарскій народъ не считался болѣе народомъ: онъ навсегда потерялъ свою политическую индивидуальность и, отданный въ полное распоряженіе военнаго сословія, скорѣе прозябалъ, чѣмъ жилъ. Турецкое иго развѣяло всѣ зародыши образованія, брошенные въ него нѣкоторыми болѣе гуманными правителями; впрочемъ, говоря правду, онъ не представлялъ особенно воспріимчивой почвы, и эти зародыши развивались весьма плохо. Въ то время, какъ западная Европа произвела на свѣтъ Колумба, Лютера, Коперника, Бёкона Веруламскаго, Галилея и Мильтона, —востокъ ея, покрытый средневѣковымъ мракомъ, спалъ еще непробуднымъ сномъ: всѣ его духовныя стремленія были подавлены на нѣсколько вѣковъ. Совершенно изолированная отъ вліянія какихъ-либо цивилизующихъ элементовъ, Болгарія, конечно, должна была пасть духомъ. Всякая другая нація, стоящая въ интеллектуальномъ отношеніи даже выше ея, утратила бы при подобныхъ условіяхъ свои духовныя силы и закоснѣла бы въ невѣжествѣ. Кромѣ того, тяготѣніе надъ нею турецкаго ига въ теченіе пяти столѣтій способствовало радикальному измѣненію наклонностей въ ея народонаселеніи. Болгары, извѣстные прежде своимъ воинственнымъ духомъ, отличаются въ настоящее время крайне миролюбивымъ характеромъ, похожимъ, по словамъ многихъ, даже на трусость.

Проведя параллель между Сербіей и Болгаріей, мы увидимъ, что послѣдняя стоитъ гораздо ниже первой относительно развитія. Да иначе и быть не могло, и удивляться этому никакъ не слѣдуетъ. Отношенія, въ которыхъ обѣ націи прожили послѣднія столѣтія, не были почти совсѣмъ изслѣдованы и оцѣнены; при болѣе объективномъ взглядѣ и болѣе ясномъ

пониманіи вещей, люди, интересующіеся ихъ судьбой, пришли бы къ болѣе справедливымъ и вѣрнымъ заключеніямъ относительно Болгаріи.

Прежде всего Сербія пользовалась на столько счастливымъ географическимъ положеніемъ, что какъ матеріальное, такъ и духовное давленіе турокъ коснулось ея менѣе, чѣмъ Болгаріи. Въ Сербіи, удаленной значительно отъ Турецкой имперіи, исламизмъ развился только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и притомъ дальше не пошелъ, благодаря своей любви къ удобству. Въ Болгаріи-же близость резиденціи и азіатскаго берега, а также и роскошная почва послужили поводомъ къ болѣе густой колонизаціи послѣдователей пророка, которыхъ и въ настоящее время тамъ насчитывается значительное число. Даже и въ западной Болгаріи турки разсѣялись вездѣ между христіанскими поселеніями, всегда готовые затопить въ крови всякое изъявленіе неудовольствія и вообще всякіе проблески національнаго чувства и старинныхъ традицій. Можетъ быть, этимъ и объясняется недостатокъ національнаго эпоса, который, повѣствуя о славныхъ дѣяніяхъ предковъ, заставлялъ сербовъ глубоко чувствовать всю тяжесть чуждаго владычества и горячо желать его скорѣйшаго низверженія. Въ сербскихъ лѣсахъ могла раздаваться всегда національная пѣсня: никакой отголосокъ не доносилъ ея до городовъ; болгарскаго-же пѣвца всегда могли заставить молчать постоянно находившіеся вблизи недовѣрчивые турки.

Продолживъ нашу параллель, мы замѣтимъ, что Сербія граничитъ съ землями могущественной Австріи, которая, въ качествѣ «защитницы христіанства», еще задолго до нашего столѣтія поставила цѣлью своей политики разрушеніе мусульманской имперіи. Четыре раза австрійскія войска переходили Саву для освобожденія сосѣднихъ сербскихъ земель и на цѣлыя двадцать лѣтъ (1718—1739) турки были изгнаны оттуда. Хотя затѣмъ и возобновилось мусульманское владычество, но все-же мысль о непобѣдимости турокъ исчезла, райи, участвовавшіе въ походахъ австрійцевъ, привыкли къ обхожденію съ оружіемъ и, часто употребляя его противъ своихъ притѣснителей, значительно пріободрились.

Совершенно иначе было въ Болгаріи. Съ давнихъ временъ окруженные слабыми, угнетенными и покорными романами, относящимися къ нимъ непріязненно греками и сербами, притѣсняющими ихъ вездѣ албанцами и турками, болгары до начала настоящаго столѣтія не могли разсчитывать на какую-либо внѣшнюю поддержку. Они лишены были, такимъ образомъ, тѣхъ побудительныхъ примѣровъ, которые да-

вало Сербіи сосѣдство Австріи. Когда сербы, уже по собственной инициативѣ, начали борьбу за независимость, то ихъ много поддерживала мысль, что только Сава отдѣляла ихъ отъ мѣста, гдѣ они всегда могли найти убѣжище, не смотря даже на то, что со смертью Іосифа II политическія отношенія Австріи къ Портѣ совершенно измѣнились. Далѣе—болгарамъ недоставало такого учрежденія, какъ Воеводина, изъ котораго вышли люди въ родѣ Кара-Георгія, перешедшаго пограничную рѣку для подапія тамошнимъ братьямъ руки помощи при завоеваніи и упроченіи за ними свободы и организаціи первоначальнаго государственнаго строя.

Правда, въ настоящемъ столѣтіи болгары имѣли случай сбросить съ себя турецкое иго, именно въ 1828 г., когда Россія рѣшилась переступить чрезъ барьеръ, отдѣлявшій ее отъ родственныхъ ей болгаръ. Начиная войну съ Турціей, она разсчитывала на ихъ поддержку; но только самая воинственная часть ихъ, балканскіе болгары, приняли участіе въ борьбѣ и облегчили русскимъ переходъ чрезъ горы. До повсемѣстнаго же геройски-самоотверженнаго возстанія, вызывающаго симпатіи, все-таки не дошло, что̀ объяснить весьма легко.

Въ своихъ оффиціальныхъ манифестахъ (26 апрѣля 1828 г.) Россія увѣряла, что Дунайскія княжества будутъ только временно заняты и по полученіи ею удовлетворенія отъ Турціи будутъ снова очищены. Вслѣдствіе этого военныя дѣйствія и открылись въ восточной части дунайской Болгаріи, гдѣ густое мусульманское населеніе и сильные военные пункты: Силистрія, Шумла и Варна—давали себя особенно чувствовать несчастнымъ райямъ; но едва лишь болгары успѣли сдѣлать русскимъ въ 1828—1829 гг. робкія предложенія помощи, какъ вдругъ султанъ Махмудъ, испугавшись этихъ предложеній, согласился на тягостныя условія Адріанопольскаго мира. Россія не забыла оказанной ей райями помощи, и въ 13 пунктѣ условій обязала Турцію даровать полную амнистію всѣмъ подданнымъ, обвиненнымъ во время войны въ государственной измѣнѣ, а также дозволить жителямъ княжества, желавшимъ выселиться, исполнить это въ теченіе 18-мѣсячнаго срока.

Обѣднѣвшіе вслѣдствіе войны, болгары пользовались послѣднимъ разрѣшеніемъ въ самомъ обширномъ смыслѣ, а для оставшихся была испрошена милость султана; но, не смотря на гуманныя наклонности послѣдняго, угнетающее давленіе господствующей расы въ провинціяхъ сдѣлалось еще больше, чѣмъ прежде. Только послѣ нѣсколькихъ возстаній низшаго сословія (1837—1838), кровопролитное усмиреніе которыхъ

такъ живо описано парижскимъ академикомъ Бланки, а также послѣ бунта въ Нишѣ (1841), близость котораго къ сербской границѣ навела страхъ на турокъ, Порта постаралась поверхностными реформами успокоить волненіе болгарскихъ райевъ.

Въ войнѣ, объявленной Россіей Турціи въ 1853 г. для защиты своихъ угнетенныхъ единовѣрцевъ, русско-греческихъ райевъ, Болгарія, наученная прежними грустными опытами, не приняла въ ней участія. Примѣръ сторонника Россіи Цеко, сформировавшаго военный отрядъ для содѣйствія ей, нашелъ себѣ мало подражателей, и въ сущности этотъ отрядъ оказалъ весьма незначительныя услуги. Болгары съ покорностью переносили всѣ тяжести войны, пока наконецъ миръ, заключенный въ 1856 г. въ Парижѣ, не сдѣлалъ нѣкотораго переворота въ ихъ судьбѣ; по крайней мѣрѣ изданный гати-гумаюнъ осуществилъ хотя нѣкоторыя изъ обѣщаній прежняго гати-гюльхане.

Смѣю надѣяться, что, изъясняя причины послѣднихъ дѣяній болгаръ, которыя навлекли на нихъ всеобщее порицаніе и упреки въ трусости, я не заслужу названія болгарофила, желающаго пристрастно окружить ореоломъ, въ ущербъ истинѣ, болгарскій народъ; но во всякомъ случаѣ весьма несправедливо приписывать болгарскому народу дурныя качества, которыхъ онъ вовсе не имѣетъ и которыя лишаютъ его всеобщихъ симпатій. Послѣднее десятилѣтіе было, между прочимъ, для болгаръ періодомъ довольно сильнаго политическаго оживленія, и то, что я предсказалъ за нѣсколько лѣтъ, послѣ моего перваго путешествія по Болгаріи (1860), осуществляется въ настоящее время на нашихъ глазахъ съ удивительною быстротою. Съ первыхъ шаговъ, не замѣченныхъ даже самыми опытными политиками, болгары, едва извѣстные до тѣхъ поръ лишь по имени, заняли видное мѣсто въ восточномъ вопросѣ и уже самымъ заявленіемъ о своемъ существованіи парализовали всѣ проекты, составленные насчетъ ихъ сосѣдями. Вообще человѣкъ, незнакомый съ обстоятельствами, приходитъ въ изумленіе при видѣ столь внезапнаго пробужденія болгарскаго народа отъ его продолжительнаго летаргическаго сна. Припомнивъ свою прежнюю самостоятельность и принявъ въ разсчетъ свою многочисленность, болгары энергически заявили о своемъ желаніи занять болѣе видное соціально-политическое положеніе; но, къ несчастію, власть и вліяніе греческаго Фанара въ Константинополѣ были еще слишкомъ сильны. Тѣмъ не менѣе болгары неустанно изъявляли свои претензіи Блистательной Портѣ. Опираясь на выгово-

ренный Парижскимъ миромъ гати-гумаюнъ, они требовали окончательнаго признанія своихъ правъ, потому что, какъ ни благопріятно измѣнилъ султанскій гатъ отношенія райевъ вообще, но тѣмъ не менѣе даже и послѣ его полнаго приведенія въ исполненіе болгарамъ оставалось желать еще многаго. Они совершенно справедливо потребовали прежде всего свободы употребленія своего національнаго языка какъ въ церкви, такъ и въ школѣ,—свободы, которая была страшно стѣснена греческимъ владычествомъ; затѣмъ потребовали немедленнаго удаленія Фанарскаго клира, имѣвшаго деморализующее вліяніе и разорявшаго страну и народъ подъ разными предлогами. Въ V и VI главахъ я подробнѣе опишу сущность и результаты этихъ усилій и шедшее параллельно съ ними католическое движеніе; здѣсь же замѣтимъ только, что всѣ эти усилія не привели ни къ какой цѣли. Греческое золото и интриги державъ, изъ которыхъ каждая преслѣдовала свои интересы (гл. VI), препятствовали болгарамъ освободиться мирнымъ путемъ отъ Фанарскаго давленія. Тогда толпа молодыхъ болгаръ задумала вооруженною силою поддержать національныя стремленія. Во время іюньскихъ событій въ Бѣлградѣ (1862) образовался вспомогательный болгарскій отрядъ, для того чтобы, въ соединеніи съ сербами, отмстить за нападеніе паши Ашира. Болгары въ то же время задумали показать міру, что и для нихъ наступило время дѣйствовать, и дать почувствовать Портѣ, что для нея не безопасно будить своимъ упрямствомъ воинственныя наклонности одного изъ самыхъ сильныхъ по своей численности европейскихъ народовъ, подвластныхъ ей.

Вообще дѣйствія болгарскаго легіона вызвали со стороны опытныхъ въ военномъ дѣлѣ сербовъ громкія похвалы. Къ тому-же въ Балканахъ одновременно образовались разныя шайки подъ предводительствомъ Панайота Гитова, которыя заставили турокъ сильно призадуматься. Есть даже основаніе предполагать, что въ этомъ неудавшемся движеніи балканскихъ шаекъ, возбужденномъ для раздѣленія турецкихъ силъ, Сербія играла не маловажную роль, потому что съ заключеніемъ, подъ вліяніемъ великихъ державъ, бѣлградской капитуляціи оно совершенно прекратилось. Однако Высокая Порта не могла простить болгарамъ ихъ дерзкой попытки отдѣлиться отъ Фанара и потому не только не сдѣлала имъ никакихъ уступокъ, но еще централизовала Туну-вилайетъ, поставивъ во главѣ ея чрезвычайно энергичнаго и умнаго Митхада-пашу. Губернаторство обнимало въ то время не только всю дунайскую

Болгарію, т. е. пашалыки: Видинъ, Рущукъ, Тирнову, Варну и Тульчу, но также и пашалыки Софію и Нишъ, лежащіе съ другой стороны Балкана.

Въ концѣ III главы я опишу всѣ важныя заслуги Митхада въ переорганизаціи совершенно забытыхъ дунайскихъ провинцій. Вообще онъ былъ однимъ изъ немногихъ губернаторовъ, даже можно сказать—единственный, который задалъ себѣ задачу осуществить вполнѣ гати-гумаюнъ. Онъ старался уменьшить рѣзкую неравноправность, въ политическомъ отношеніи, между мусульманами и христіанами, былъ справедливъ, но съ неумолимою строгостью преслѣдовалъ всякое стремленіе райевъ, выходившее за предѣлы гати-гумаюна. Къ этому роду стремленій отнесъ онъ и желаніе болгаръ отдѣлить свою церковь отъ греческаго патріархата и потому всегда противудѣйствовалъ всѣмъ агитаціямъ, которыя возбуждались по этому поводу. Особенно зорко наблюдалъ онъ за выходившею изъ Сербіи пропагандою «молодой Болгаріи», которая, имѣя притонъ въ сосѣднемъ Бухарестѣ, парализовала своими брошюрами и эмиссарами всякія усилія успокоить дунайскую провинцію. Вообще всѣ волненія въ Болгаріи Митхадъ приписывалъ вліянію Сербіи, чѣмъ и объясняется его постоянная ненависть къ послѣдней.

Вліянію Сербіи приписывалъ также Митхадъ и возмущеніе, произведенное въ Тунѣ-вилайтѣ въ 1867 г. союзными предводителями Панайотомъ Гитовымъ и Тотіемъ Филиппомъ. Митхадъ вполнѣ вѣрно угадалъ, что Сербія, при помощи болѣе значительнаго возстанія въ взволнованной уже и безъ того Болгаріи, разсчитывала на присоединеніе къ себѣ нѣсколькихъ крѣпостей. Хотя Сербія, достигнувъ своей цѣли при помощи австро-венгерскаго кабинета, имѣвшаго въ виду отклонить ее этою уступкою отъ соединенія съ недовольными элементами Турціи, не представляла уже союзницы болгарскимъ предводителямъ, однако, тѣмъ не менѣе, она не отказалась отъ мысли привести въ исполненіе свой замыселъ и составила зимою въ Бухарестѣ и Бѣлградѣ планъ похода. Весною 1867 г. Панайотъ при Тутроканѣ, а Филиппъ при Систовѣ перешли Дунай. Сталкиваясь безпрестанно съ высланными Митхадомъ отрядами, они старались добраться до густо-населеннаго христіанскими народами Балкана. Это удалось Панайоту. Тотій же, еще при Врбовкѣ, между Осмой и Рушицей, былъ почти совсѣмъ разбитъ выступившими противъ него конными заптіями и турецко-черкесскою милиціею. Онъ самъ едва спасся съ немпогими солдатами и ушелъ черезъ Этрополье въ Сла-

тицу, гдѣ и соединился съ отрядомъ Панайота, тоже обезсиленнаго большими переходами чрезъ Балканскія горы на Ципки, Троянъ, Тетевенъ и Этрополье. Соединившись, они отправились, преслѣдуемые на пути турецкими отрядами, черезъ Врацу въ Берковицкіе Балканы и тамъ, при Клисурѣ, должны были покориться силѣ. Окруженные со всѣхъ сторонъ сильнымъ отрядомъ, они только порознь могли кое-какъ пробиться.

При быстромъ укрощеніи этого возстанія, которое во всякомъ случаѣ не могло удаться вслѣдствіе бездѣйствія остальной массы, Митхадъ еще разъ выказалъ свою энергію. Чтобы быть ближе къ мѣсту происшествій, Балкану, онъ поспѣшилъ въ Тирнову, гдѣ устроилъ судъ, которому подвергалъ не только участвовавшихъ лично въ возстаніи, но и всѣхъ подозрѣваемыхъ въ косвенномъ содѣйствіи. Самая доставка жизненныхъ припасовъ повстанцамъ, въ которыхъ горные жители не могли имъ отказывать, не подвергая опасности своей жизни, наказывалась тюремнымъ заключеніемъ и даже лишеніемъ жизни.

Изъ Тирнова Митхадъ отправился въ Систовъ, мнимый центръ возстанія «молодой Болгаріи». Тамъ былъ схваченъ одинъ изъ повстанцевъ, по имени Іордонъ Гржицевъ, назвавшій подъ пыткою многихъ изъ своихъ сотоварищей. Изъ его признанія оказалось, что въ возстаніи участвуютъ молодые люди изъ самыхъ знатныхъ фамилій. Все юношество отъ 17—20 лѣтъ увидало послѣ того себя въ опасности и часть его заблаговременно бѣжала въ Валахію, а оттуда въ Австрію. 54 человѣка было отослано въ цѣпяхъ въ Рущукъ, для ссылки въ Діарбекиръ; многіе изъ нихъ умерли на дорогѣ или были казнены чрезъ повѣшеніе. Только небольшая часть была прощена. Вообще Митхадъ присудилъ къ смертной казни отъ 8—10 человѣкъ, между которыми былъ также Костаки и писатель Тотій, тяжело раненный при Врбовкѣ.

Полиціи были предписаны строжайшія мѣры, и Дамокловъ мечъ висѣлъ надъ головой каждаго болѣе или менѣе развитаго человѣка.

Въ то же время случилось происшествіе, о которомъ было много писано. Митхадъ находился на австрійскомъ пароходѣ «Германія», и когда ему донесли, что двое изъ пассажировъ, ѣхавшихъ на томъ же пароходѣ, были будто бы эмиссарами, то онъ приказалъ жандармамъ схватить ихъ, не смотря на представленные ими сербскій и румынскій паспорты, а когда они начали сопротивляться, то были просто застрѣлены.

Всеобщій крикъ негодованія раздался тогда противъ подобнаго оскорбленія народныхъ правъ. Сербія потребовала удовлетворенія за неува-

женіе выданныхъ ею паспортовъ, австрійская дипломатія протестовала противъ строгости, съ которою Митхадъ судилъ наименѣе виновныхъ въ возстаніи. Въ Константинополѣ забыли большія услуги Митхада, оказанныя имъ государству, и давно уже его духъ независимости, строгость къ пашамъ, бравшимъ взятки, и, наконецъ, его чрезмѣрное усердіе ставились ему въ вину; а потому Порта, воспользовавшись этимъ случаемъ, отозвала его въ Стамбулъ, подъ видомъ назначенія на высшій постъ. Съ грустью и въ то же время съ радостью простились съ нимъ болгары. Они должны были сознаться, что ни одинъ губернаторъ не защищалъ ихъ такъ энергично противъ ихъ турецкихъ согражданъ, какъ Митхадъ, и никто не заботился такъ усердно объ ихъ умственномъ развитіи и матеріальныхъ интересахъ, какъ онъ; но, съ другой стороны, они знали хорошо, что при Митхадѣ имъ нельзя было бы и думать объ осуществленіи ихъ тайныхъ надеждъ, которыя они все-еще думали осуществить съ помощью Сербіи, обѣщавшей имъ ее весьма часто. Дѣйствительно, совѣтники князя Михаила съ лихорадочною дѣятельностью трудились надъ переворотомъ въ сосѣднихъ турецкихъ провинціяхъ. Сдача послѣднихъ турецкихъ крѣпостей (1867 г.) успокоила только на-время сербскихъ государственныхъ людей и народъ. Продолжительное возстаніе въ Кандіи, угрожающее положеніе Греціи, Черногоріи, затрудненія турокъ въ Босніи и Ѳессаліи,—все это доказывало, что наступилъ давно ожидаемый моментъ. Наконецъ, думали, пришло время, когда можно безъ опасности расширить предѣлы Сербіи и усилить ея могущество.

Въ Бѣлградѣ начали поспѣшно приготовляться къ войнѣ. Въ артиллерійскихъ мастерскихъ въ Крагуевацѣ работа кипѣла; ружья, заряжающіяся съ казенной части, и другіе предметы вооруженія были выписаны изъ за-границы; милиція упражнялась въ военныхъ дѣйствіяхъ; дружественныя отношенія съ Румыніей, Черногоріей и болгарскими комитетами были упрочены; дружба Россіи, Франціи и Италіи была пріобрѣтена, а Австро-Венгрія не имѣла времени заниматься чужими дѣлами, такъ какъ слишкомъ занята была своимъ собственнымъ внутреннимъ устройствомъ. Такимъ образомъ все было готово, и въ Бѣлградѣ готовились уже сбросить совсѣмъ маску, какъ вдругъ 8 іюня 1868 г. князь Михаилъ палъ отъ руки убійцы и всѣ предположенія разсыпались въ прахъ. Генералъ Блазнавацъ, стоявшій во главѣ регентства надъ малолѣтнимъ княземъ Миланомъ, поспѣшилъ, въ виду затруднительнаго внутренняго положенія, прекратить всѣ приготовленія. Правда, ни для кого не

было тайною, что болгарскіе предводители партій вели съ нимъ усердно переговоры и что генералъ совѣтовалъ имъ отложить всѣ планы возстаній по той простой причинѣ, что освобожденіе Болгаріи могло ему послужить поводомъ къ расширенію сербскихъ границъ на Тимокѣ и болгарской Моравѣ только тогда, когда оно произойдетъ подъ протекторствомъ Сербіи; но всѣ его доводы были безуспѣшны. Да и когда же бываетъ, чтобы въ моменты возбужденія народныхъ страстей предводители не преувеличивали своихъ силъ, не разсчитывали на счастливое совпаденіе случайностей и взвѣшивали бы вѣрно силы противника! Уклончивые совѣты, которые послы генерала Блазнавеца привезли въ Бухарестъ, были встрѣчены холодно, а горячіе воинственные ополченцы болгарскихъ легіоновъ, пріѣхавшіе одновременно съ послами изъ Бѣлграда, отклонили еще болѣе своихъ согражданъ отъ всякаго разумнаго обсужденія предмета. Хаджи Димитрій Ясеновъ, Спиро Геровъ и Стефанъ Караджа стали во главѣ отряда и задумали еще разъ испробовать притягательную силу старо-болгарскаго знамени надъ массами народа, какъ это сдѣлали прежде Раковскій и другіе эмиссары. При этомъ они также много разсчитывали и на то, что національно-экипированный, съ чисто-военнымъ вооруженіемъ и строгою дисциплиною отрядъ произведетъ своего рода нравственное впечатлѣніе на народъ.

Близъ Вардима, на часъ разстоянія отъ Систова, вступилъ наконецъ этотъ отрядъ, состоявшій изъ 150 человѣкъ, на почву освобождаемаго отечества. Одна надежда воодушевляла молодыхъ людей, когда они, послѣ долгаго отсутствія, вступили на родную землю. «Свобода и смерть!» Это былъ ихъ пароль. Но, съ другой стороны, какъ могло удаться предпріятіе, которое въ матеріальномъ, стратегическомъ и нравственномъ отношеніяхъ было ведено совершенно на удачу?

Бросая взглядъ на составленную мною подробную этнографическую карту Болгаріи, становится непонятнымъ, почему послѣ печальныхъ опытовъ возстанія 1867 г., при открытіи дѣйствій въ іюнѣ 1868 г. была сдѣлана опять-таки новая попытка близъ Систова. Правда, что Систовъ находится въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Балканъ, населенныхъ исключительно воинственными болгарами и весьма удобныхъ для подобной войны; но трехсуточный путь, который ведетъ къ нимъ, проходитъ мимо густаго мусульманскаго народонаселенія, воинственнаго и непріязненно расположеннаго къ христіанамъ, котораго обойти незамѣтно нѣтъ возможности. И, естественно, болгарскій отрядъ, не имѣвшій никакой

надежды получить подкрѣпленія изъ трехъ чисто-болгарскихъ деревушекъ Систовскаго округа, долженъ былъ на первыхъ же порахъ предвидѣть столкновеніе съ турецко-черкесско-татарскою милиціею.

Такъ и случилось. Лишь только онъ добрался до высотъ мѣстечка Каровечъ (по-турецки Текиръ), населеннаго болгарами и турками, какъ послѣдніе взволновали уже всѣ окрестныя мусульманскія деревни. Первая стычка произошла въ виноградникахъ болгарско-татарской деревушки Сиріяръ, въ $1^1/_4$ мили отъ Вардима. Болгары выиграли сраженіе и безъ особенныхъ затрудненій продолжали свой путь. Между тѣмъ систовскія и рущукскія власти успѣли принять необходимыя полицейскія и военныя мѣры. Вскорѣ собрались турецкіе низамы и, соединившись съ туземными черкесами, напали на отрядъ прежде, чѣмъ онъ добрался до Балканскихъ горъ. Кровопролитное сраженіе произошло въ лѣсу «Пану-воиновъ», и, не смотря на геройскій отпоръ болгаръ, большая часть ихъ легла на мѣстѣ; остальные же, сражаясь, отступили къ ущельямъ Габрово, сдѣлавшимся ихъ могилою. Рядомъ съ предводителемъ Хаджи Дмитріемъ пали послѣдніе воины, изъ которыхъ ни одинъ не отдался живой въ руки турокъ, ни одинъ не давалъ и не искалъ пощады. Геройское поведеніе этихъ молодыхъ людей, презиравшихъ смерть, было оцѣнено какъ христіанами, такъ и турками; на турецкое же правительство, вмѣстѣ съ огромными потерями мусульманскаго войска, оно произвело такое сильное впечатлѣніе, что вынудило Высокую Порту внимательнѣе относиться къ желаніямъ болгаръ,—желаніямъ, впрочемъ, весьма ограниченнымъ, заключавшимся единственно въ отдѣленіи и независимости ихъ патріархата отъ греческаго. Въ 1871 году желаніе это наконецъ исполнилось.

Всѣ дальнѣйшія волненія, происходившія затѣмъ въ Балканахъ, не имѣли совсѣмъ политическаго характера; это были просто разбои и грабежи, которые совершались разбойничьими шайками, составлявшимися безразлично изъ христіанъ и мусульманъ съ цѣлью наживы, чему, къ несчастію, не препятствовало слабое турецкое правительство.

Правда, что иногда ихъ нападенія принимали политическіе оттѣнки; но это случалось лишь тогда, когда Сербія поднимала какой нибудь споръ съ Турціей, какъ напримѣръ насчетъ Малаго Зворника. Въ подобныхъ случаяхъ сербы входили въ сдѣлки чрезъ своихъ бухарестскихъ сербо-болгарскихъ агентовъ съ этими разбойниками и натравляли ихъ на своихъ враговъ. Подобныя нападенія рѣдко оставались безнаказанными;

разбойники, служа орудіемъ сербамъ, попадались обыкновенно въ руки турецкаго правительства, не дававшаго имъ пощады. Къ подобнымъ случаямъ можно причислить также вспышку въ Софіи въ 1873 году, за участіе въ которой былъ повѣшенъ одинъ молодой священникъ, Димитрій Цинкарли, и были сосланы въ Діарбекиръ (въ Малой Азіи) 60 человѣкъ изъ обывателей Софіи, Тетевена и другихъ мѣстъ.

Въ настоящее время наружно Болгарія спокойна; но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что болгарскій народъ, казавшійся столь незначительнымъ многимъ политикамъ, будетъ играть важную роль въ войнахъ, угрожающихъ Турціи. Предполагая даже, что могущая открыться русско-турецкая война кончится вторымъ Аккерманскимъ миромъ, помогла бы болгарской націи сбросить съ себя чужеземное иго, нельзя допустить, чтобы все кончилось этимъ. Друзьямъ молодой Болгаріи придется преодолѣть много другихъ затрудненій, прежде чѣмъ осуществится ихъ любимая мечта,—о возстановленіи независимаго болгарскаго государства. Затрудненія эти представляются, во-первыхъ, въ отдѣленіи отъ болгарской націи мусульманскихъ народовъ: турокъ, татаръ, черкесовъ, населяющихъ въ огромномъ количествѣ восточную Болгарію. Читатель припомнитъ, какъ трудно развязался при болѣе благопріятныхъ условіяхъ этотъ Гордіевъ узелъ въ Сербіи. Затѣмъ новыя затрудненія представляются въ учрежденіи администраціи и юстиціи, устройство которыхъ по образцу западныхъ администрацій и судовъ трудно потому, что нѣтъ подготовленныхъ для этого національныхъ элементовъ. Но и это еще не все: главнѣйшія затрудненія представляются въ опредѣленіи территоріальныхъ границъ, которыя придется отстаивать противъ сербо-греческо-албанскихъ притязаній.

Впрочемъ, не будемъ навязывать читателю нашихъ предположеній: читая настоящее сочиненіе, онъ составитъ себѣ вѣрное понятіе о положеніи вещей на Балканскомъ полуостровѣ и о возможности образованія новаго государства при существующихъ политическихъ, этнографическихъ и культурныхъ условіяхъ страны.

II.

Этнографическіе очерки болгаръ.

Борьба за существованіе. — Германизація лузацскихъ сербовъ. — Переселеніе финно-болгаръ. — Государственныя, соціальныя и религіозныя отношенія финно-болгаръ.—Обращеніе ихъ въ христіанство. — Кириллица. — Поселенія болгаро-славянскихъ племенъ.—Настоящая растянутость болгарскихъ поселеній.—Занятіе ихъ территоріи враждебными элементами. — Эмиграціи. — Этнографическія карты.—Статистика.—Старый и новый болгарскій языкъ.—Его сродство съ великороссійскимъ и сербскимъ языками.—Народный костюмъ.—Костюмъ и образъ жизни болгарскихъ горожанъ. — Сельскія удовольствія. — Танцы, пѣсни и музыка.—Болгарскія женщины.—Домъ и дворъ.—Гостепріимство.—Понятія о комфортѣ.—Занятія.—Вліяніе турецкаго хозяйства на прилежаніе и работу.—Климатъ. — Поземельное хозяйство. — Скотоводство. — Промыслы.—Ремесла.—Таланты.—Недостатокъ учебныхъ заведеній. — Покровительство и тенденціи Россіи.—Народное образованіе.—Суевѣріе.—Праздники и посты.—Поздравленія съ Новымъ Годомъ.—«Попова коляда».—Обычайное празднованіе дня Св. Троицы.— Бабушкинъ праздникъ. — Сыропустъ.—Чистый понедѣльникъ.—Ѳедорова суббота.—Баба Марта.—Вѣра въ змѣй.—Великій постъ.—Лазарево воскресенье.— Вербное воскресенье.—Святая недѣля.—Егорьевъ день.—1 мая.—Праздникъ «Самовилъ» (волшебницъ).—Праздникъ солнечнаго поворота.—Три жаркихъ дня.— Вознесеніе Маріи.—День св. Димитрія.—Волчій праздникъ.—День св. Андрея.— День св. Игнатія.—Святки.—Празднованіе Сильвестрова дня. — Новый годъ.— Праздники святыхъ.—Несчастные дни.—Обычаи и нравы при рожденіи, крестинахъ, помолвкѣ, бракѣ, при потерѣ жены или мужа и при смерти. — Поминки усопшихъ.—Повѣрье о вампирахъ.—Вѣра въ колдовство.—Волшебницы колодцевъ. — Покровительствующіе духи. — Лѣшіе. — Склонность къ мистицизму.— Грустное вліяніе монастырей. — Стремленіе къ просвѣщенію молодой Болгаріи.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ народы, борьба за существованіе въ этнографической области не прекращалась; процессъ поглощенія слабѣйшихъ націй болѣе сильными въ физическомъ или духовномъ отношеніи повторяется безпрестанно и во всемъ мірѣ.

Сколько слабыхъ племенъ на нашихъ глазахъ подверглось въ Америкѣ, Австраліи и даже въ Европѣ такому превращенію или истребленію! Какъ исчезнувшіе материки они всплывали въ видѣ острововъ изъ народныхъ волнъ, поглотившихъ ихъ; но всплываютъ они обыкновенно не надолго и затѣмъ исчезаютъ навѣки. Эти волны чуждаго имъ народа, бушующія вокругъ нихъ, рано или поздно затопляютъ ихъ, и остается только преданіе о томъ, что они нѣкогда существовали на землѣ. Одинъ изъ подобныхъ примѣровъ представляютъ лузацкіе сербы [1]),

---

[1]) Richard Andree, Wendische Wanderstudien. Zur Kunde der Lausitz und der Sorbenwenden. Stuttgart. Julius Meyer. 1874.

превращающіеся безотвѣтно въ нѣмцевъ, хотя извнѣ пробуютъ отсрочить разными искусственными мѣрами это превращеніе. Но исторія представляетъ и противуположные примѣры: она сообщаетъ намъ, что не всегда побѣжденные народы поглощались побѣдителями, а что, наоборотъ, случалось и то, что народы, завоевывая обширныя земли, исчезали въ нѣсколько столѣтій подъ наслоеніемъ первобытныхъ элементовъ, не оставляя никакихъ слѣдовъ своего существованія, о которомъ лишь благодаря лѣтописямъ сохраняется нѣкоторое воспоминаніе.

Финно-уральскихъ болгаръ, выброшенныхъ народными ураганами изъ Азіи въ Европу, можно также причислить къ народамъ, сошедшимъ съ исторической сцены и представляющимъ живой интересъ для филологовъ и этнографовъ.

Какъ было уже сказано въ предъидущихъ историческихъ отрывкахъ, болгары, пришедшіе съ Волги, вступая во владѣніе правымъ, мезійскимъ берегомъ Дуная, нашли тамъ славянскія племена, поселенія которыхъ тянулись отъ Добруджи къ западу до рѣки Савы. Мы видѣли уже, какъ дикіе завоеватели смѣшались съ мирными славянами, занимавшимися земледѣліемъ и скотоводствомъ, и, усвоивъ ихъ языкъ, религію и нравы, утратили до того отличительныя черты своего характера, что уже въ концѣ IX вѣка составляли съ ними одинъ народъ, принявшій только одно имя побѣдителей, которое и носитъ въ настоящее время.

Этотъ интересный процессъ смѣшенія двухъ совершенно разнородныхъ расъ совершился въ такое короткое время, что многіе изслѣдователи, не смотря на неопровержимыя историческія доказательства, не хотятъ признать въ волжскихъ болгарахъ финскаго корня, а только одинъ славянскій. Что это невѣрно и что волжскіе болгары принадлежатъ къ племенамъ финскаго происхожденія—въ этомъ легко убѣдиться изъ здравыхъ, ясныхъ выводовъ Шафарика и Миклошича, которыхъ никакъ нельзя заподозрить въ антиславянскихъ тенденціяхъ. Шафарикъ разбиваетъ самыми очевидными доводами всѣ утвержденія на этотъ счетъ своихъ предшественниковъ, также какъ и мнѣніе, приписываемое ими Никифору Грегору, что будто бы названіе болгаръ произошло отъ имени рѣки Волги. Послѣднее предположеніе онъ опровергаетъ указаніями на другія финно-уральскія народныя названія, оканчивавшіяся на «гары» и «гуры» и т. д., какъ напримѣръ унгары (венгры), утурпуры и другіе, что прямо подтверждаетъ связь болгаръ съ этими народами.

На этомъ основаніи мы считаемъ нынѣшнихъ болгаръ (на болгарскомъ языкѣ «B'lgr» въ единственномъ числѣ и «B'lgre»—во множественномъ) народомъ славянскимъ, съ небольшою примѣсью финской крови, пріобрѣтенною имъ около 12 столѣтій тому назадъ чрезъ смѣшеніе съ ихъ азіатскими побѣдителями, имя которыхъ они наслѣдовали. Подобные случаи повторяются часто въ жизни народовъ. Мы видимъ примѣры этого въ Сѣверной Италіи, Россіи, Франціи и т. д.

Финно-уральскіе болгары не оставили о себѣ никакихъ письменныхъ памятниковъ на своемъ отечественномъ языкѣ. Во времена своего господства они, повидимому, не имѣли понятія о письменномъ искусствѣ. Ихъ послы при византійскомъ дворѣ передавали, по словамъ Прокофія, изустно порученія своихъ князей. Немногія слова изъ старо-болгарскаго нарѣчія, перешедшія въ нынѣшній болгарскій языкъ, потомъ имена, переданныя намъ греческими лѣтописцами, разныхъ князей и бояръ первой финно-болгарской эпохи (VII—X столѣтія), какъ напримѣръ предводители: Котрагій, Аспарухъ, Умирій, Крумъ, Борисъ и др., далѣе названія, происшедшія отъ названія мѣстъ, какъ: болгаръ, челматъ, брагимъ и т. д., представляютъ филологамъ слишкомъ незначительныя точки опоры для выясненія происхожденія тѣхъ финно-болгаръ, которые, по историческимъ изслѣдованіямъ Шафарика, жили до начала своего странствованія на дальнемъ сѣверѣ, между славянами и финнами.

Профессоръ Р.Реслеръ, основываясь на серіи чуждыхъ словъ въ нынѣшнемъ румынскомъ (валахскомъ) нарѣчіи, называетъ финскихъ болгаръ «самоѣдскимъ племенемъ». Профессоръ филологіи Фридрихъ Мюллеръ возражаетъ на это слѣдующее: «Мы полагаемъ, что тотъ запасъ финскихъ словъ, которымъ мы владѣемъ, слишкомъ недостаточенъ, чтобы на основаніи его дѣлать какіе-либо выводы». Но если собственно колыбель послѣднихъ болгаръ, пришедшихъ съ Волги, остается окруженною мракомъ неизвѣстности, то ясно и несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, то, что язычники-болгары на своемъ пути къ Дунаю начали обращаться къ исламизму только въ VIII столѣтіи. Что же касается оставшихся на Волгѣ, то Френъ несомнѣнно доказываетъ, что между ними это обращеніе случалось очень часто и что въ язычествѣ дунайскихъ болгаръ было множество мусульманскихъ обрядовъ. Это подтверждается одною весьма важною и почти единственною лѣтописью, сообщающею намъ отрывочныя извѣстія о нравахъ, образѣ мыслей, жизни и отчасти о государственномъ устройствѣ финно-уральскихъ болгаръ.

Эту лѣтопись составляютъ вопросы относительно вѣры, предложенные болгарами римскому папѣ въ 866 г., которые были найдены въ актахъ пятаго вселенскаго собора вмѣстѣ съ подлинными отвѣтами Николая I, послѣдовавшими на нихъ.

Выпуская чисто-церковные вопросы, я представляю читателю въ настоящемъ трудѣ всѣ интересныя свѣдѣнія, которыя успѣлъ извлечь изъ этого источника, относительно правителей, государственной жизни, войнъ, нравовъ и правосудія финно-дунайскихъ болгаръ.

Вопросы, предложенные папѣ, свидѣтельствуютъ ясно, что болгарскіе властители управляли деспотически. Для возвышенія своего значенія и достоинства они отдѣлялись отъ среды, окружавшей ихъ, строгимъ церемоніаломъ. Въ одномъ вопросѣ значится слѣдующее: «Тогда какъ нашъ властитель, согласно съ обычаемъ, обѣдаетъ, сидя на креслѣ, и никто не садится съ нимъ за одинъ столъ, даже его жена, мы ѣдимъ, сидя на полу. Какъ должны мы поступать теперь?» Папа отвѣчаетъ: «Это не относится къ дѣламъ церкви; впрочемъ, этотъ обычай нельзя назвать хорошимъ». Съ другой стороны, вопросъ: какъ слѣдуетъ поступить съ возстающими противъ верховной власти? доказываетъ, что бояре пытались возстать противъ строгаго управленія кагановъ.

Что измѣна отечеству считалась однимъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій, это видно изъ слѣдующихъ вопросовъ: «Какому наказанію подвергать свободнаго человѣка, пойманнаго при побѣгѣ изъ своего отечества?»—«По нашимъ обычаямъ, стража, находящаяся на границѣ нашей земли, обязана убивать какъ раба, такъ и свободнаго человѣка, переступающаго за эту границу съ намѣреніемъ бѣжать. Что вы на это скажете?» Любовь къ родной землѣ проглядываетъ также въ вопросѣ: «Можно ли тѣла воиновъ, павшихъ въ сраженіи, переносить, по требованію ихъ родныхъ и знакомыхъ, на родину для погребенія?»

О строгости военныхъ законовъ свидѣтельствуютъ слѣдующіе вопросы: «У насъ существуетъ такой обычай, что предъ сраженіемъ нашъ правитель посылаетъ одного изъ самыхъ надежныхъ и опытныхъ людей въ военномъ дѣлѣ осматривать оружіе и лошадей воиновъ и если у кого нибудь оныя окажутся въ плохомъ состояніи, то предавать его смерти. Какъ слѣдуетъ поступать по вашему въ подобныхъ случаяхъ?» Далѣе спрашивается: «Какъ поступать съ людьми, которые бѣгутъ предъ сраженіемъ, или которые, получивъ приказаніе выступать въ походъ, не исполнятъ онаго?»

Болгары сражались подъ знаменемъ, изображавшимъ бунчукъ; по совѣту папы, знакъ этотъ былъ замѣненъ крестомъ. Предъ сраженіемъ дѣлались разныя заклинанія, пѣлись пѣсни и оракулы, по извѣстнымъ предзнаменованіямъ, опредѣляли время нападенія.

Болгары требовали отъ папы не только правилъ поведенія относительно сосѣднихъ христіанскихъ и языческихъ народовъ, относительно войны и мира съ ними, но еще относительно разныхъ свѣтскихъ распоряженій и учрежденій, и вопросы, касающіеся этихъ предметовъ, показываютъ, что уже въ тѣ времена ихъ здравый смыслъ былъ очень развитъ. Они задавали вопросы: «Какому наказанію подвергать отцеубійцу, непроизвольнаго убійцу; человѣка, ранившаго или убившаго кого нибудь въ пьяномъ видѣ; человѣка, зарѣзавшаго кого нибудь; похитителя мужчины или женщины; человѣка, обличеннаго въ преступной связи съ чужою женой или съ родственницей; какъ поступать съ женщиной, злоумышляющею противъ своего мужа, или дѣлающею ему зло; какъ поступать съ людьми, приносящими ложныя жалобы,—съ людьми, совершающими смертные грѣхи,—съ преступникомъ, укрывшимся въ церкви?» Отвѣты папы на всѣ эти вопросы имѣли цѣлью смягчить правосудіе, такъ какъ судебные обычаи болгаръ были въ высшей степени жестоки, чтó видно изъ нижеслѣдующаго вопроса: «Если воръ или разбойникъ, попадая въ руки правосудія, не сознается въ своихъ преступленіяхъ, то, по нашему обычаю, его бьютъ въ присутствіи судьи палкой по головѣ и колютъ въ бока желѣзнымъ остріемъ до тѣхъ поръ, пока онъ не сознается. Теперь же что мы должны дѣлать?» Папа отвѣтилъ на это: «Этотъ обычай долженъ быть уничтоженъ непремѣнно, такъ какъ сознаніе должно быть добровольное, а не вынужденное».

Мы не смѣемъ утверждать, существовало ли многоженство у болгаръ до появленія въ нихъ стремленія къ исламизму, или оно вошло въ обычай вмѣстѣ съ распространеніемъ этого ученія; но что оно существовало у нихъ, то это видно изъ вопроса, предложеннаго ими папѣ: «Можно ли имѣть двухъ женъ?» За этимъ вопросомъ слѣдовали вопросы о томъ, до какой степени родства могутъ быть допускаемы браки и можно ли давать въ приданое за женщинами золото, серебро, быковъ, лошадей и т. д.

О существованіи у финскихъ болгаръ рабства свидѣтельствуютъ слѣдующіе вопросы: «Какъ слѣдуетъ поступать съ рабомъ, который злословитъ своего господина; который убѣгаетъ отъ него и потомъ добровольно возвращается?» и т. д.

Клялись обыкновенно мечемъ, который втыкали въ землю предъ присягающимъ. «Теперь чѣмъ же мы будемъ клясться?» спрашивали они. «Именемъ Бога и Евангеліемъ», отвѣтилъ Николай I.

Столь глубоко вкоренившаяся смѣсь язычества съ исламизмомъ затрудняла чрезвычайно задачу апостоловъ, присланныхъ Римомъ и Византіей для обращенія болгаръ въ христіанство (гл. I и IV). Лишь послѣ долгой борьбы Христово ученіе было введено наконецъ. Вмѣстѣ съ нимъ получили болгары, смѣшавшіеся уже вполнѣ въ IX столѣтіи съ первобытнымъ славянскимъ народонаселеніемъ, славянскую азбуку и кириллицу, сдѣлавшуюся общимъ письменнымъ языкомъ болгаръ вмѣсто римскихъ и греческихъ буквъ и состоявшую изъ чертъ и зубцовъ, служившихъ имъ до тѣхъ поръ письменными знаками. Шафарикъ, этотъ заслуженный славянистъ, которому мы такъ много обязаны выясненіемъ странствованій и поселеній древнихъ славянъ, сообщаетъ также нѣкоторыя свѣдѣнія о времени ихъ поселенія въ Болгаріи; но, къ несчастію, онъ даетъ ихъ слишкомъ мало, и было бы весьма желательно, чтобы славянскій изслѣдователь сообщилъ болѣе полныя свѣдѣнія на этотъ счетъ. Можетъ быть, эта задача будетъ скоро выполнена болгарскимъ историкомъ, только-что выступающимъ на сцену; изъ скудныхъ же отрывочныхъ матеріаловъ, имѣющихся на-лицо, самое большое, что можно сгруппировать, такъ это— топографическое изображеніе поселеній древнихъ славяно-болгарскихъ племенъ. Вотъ эту-то именно задачу мы и пытаемся выполнить.

Вся восточная половина нынѣшняго Сербскаго княжества была, повидимому, населена въ X вѣкѣ тремя племенами, называемыми часто славянскими, а именно: тимочіанами, кучанами и броничевцами. Рядомъ съ ихъ землями, между сербскою и болгарскою Моравою, лежала земля, называемая «Моравой» (Нижняя Моравія). Одинъ изъ ея городовъ назывался Морависдосомъ; о немъ упоминаетъ въ 1018 г. Кинамосъ. Особенные округи составляли область Никавы (Нишавы) съ главнымъ городомъ Нишемъ. Многіе города и мѣстечки на Дунаѣ, процвѣтающіе отчасти еще и нынѣ, какъ напримѣръ Бѣлградъ, Браничева (нынѣшній Костолацъ), Храмъ (Рама), Б'динъ (Виддинъ), Дристра (Силистрія), затѣмъ многіе изъ внутреннихъ городовъ, какъ: Преславль (нынѣшній Эски-Стамбулъ), Козлитца (Козлуджа), Трновъ (Тирнова) и др., были уже въ тѣ времена знамениты.

Собственно во Ѳракіи лежали слѣдующія области: Загорье (на юго-восточномъ склонѣ Гемуса) съ своими приморскими городами Ан-

хіоли (Агіолу) и Месемвріей (Мизиври), перешедшими отъ византійцевъ во владѣніе болгаръ; затѣмъ Гау-Драговица на рѣкѣ того же имени съ древнею резиденціей архіепископа Филиппополемъ (Филибе); далѣе Морра и на оконечностяхъ Родопа — Берзичія. Далѣе на границѣ Ѳракіи и Македоніи лежала область Смолени на рѣкѣ М'стѣ; затѣмъ на Вардарѣ— Гау-Пологъ и на Перимъ-дагѣ округъ Загорье (послѣднее названіе часто слышится даже и въ Ѳессаліи). Древніе писатели часто упоминаютъ также о славянскихъ племенахъ, ваюнитахъ и руншинерахъ. Нѣкоторые изъ ихъ городовъ существуютъ еще и нынѣ, напримѣръ Прилепъ (Прилипъ), Велесъ, Битоль (Монастырь) и др.

Въ восточной Ѳессаліи и Албаніи жили также уже въ древніе вѣка нѣкоторыя славянскія племена. Одно изъ нихъ, племя фелегеритовъ, славилось своимъ прилежаніемъ къ земледѣлію. Къ числу ихъ городовъ принадлежали: Охридъ (Охрида, на берегу Охридскаго озера), Бѣлградъ (Арнаутъ-Бератъ), Струга и пр. Древними свидѣтельствами и изслѣдованіями Фальмерейера доказано, что сѣверъ нынѣшней Греціи былъ также населенъ болгарскими славянами. Изъ ихъ главныхъ племенъ образовались миленцеры и іезерцеры. О первыхъ упоминается еще въ началѣ XIII столѣтія, когда они были покорены Вильгельмомъ, сыномъ Виль-Гардуина.

Сравнивая съ указанною здѣсь линіей, внутри которой были растянуты къ востоку и югу Иллирійскаго полуострова поселенія древнихъ славянскихъ племенъ, съ территоріей, занимаемой нынѣшними болгарскими славянами, мы видимъ съ изумленіемъ, что послѣдніе утратили очень мало земли, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія, окружавшія ихъ, не смотря на бурный турецкій потокъ, катившій свои мутныя волны чрезъ нихъ. Дѣйствительно, окраины областей были страшно обглоданы сербами, греками, албанцами и турками; но можно смѣло утверждать, что болгарскій народъ сохранилъ во всей своей цѣлости и полнотѣ всѣ населенныя земли во внутренности страны, которыми онъ владѣлъ до завоеванія Балканскаго полуострова турками.

Компактными массами, и только спорадически смѣшиваясь съ другими національностями, живетъ болгарскій народъ на всемъ пространствѣ отъ сербской границы до Янтры, болгарской Моравы и средняго теченія Марицы и далѣе на окраинахъ западнаго Балкана. За исключеніемъ этой области, болгары живутъ еще къ западу отъ Марицы до Охридскаго озера, гдѣ они превышаютъ численностью своихъ сосѣдей—ту-

роковъ, грековъ и албанцевъ. Впрочемъ, въ послѣднее время, съ усиленіемъ національнаго чувства и отреченіемъ отъ всего греческаго, они стали стремиться изъ этой области къ болѣе надежному и прочному мѣстопребыванію. Старо-византійскія традиціи сообщаютъ намъ, что греки, этотъ торговый, спекулятивный народъ, отодвинули болгаръ, насколько было возможно, отъ морскихъ береговъ и только нынѣ, при выдвинувшихся торгово-политическихъ гаваняхъ Варны и Салоникъ, достигаютъ они моря. Но еще болѣе земли отняли у нихъ на западѣ въ нынѣшнемъ столѣтіи спускающіеся съ своихъ крутыхъ горъ воинственные албанцы, которые всегда гнѣздились въ плодородныхъ долинахъ Топлики, на верхнемъ Вардарѣ до болгарской Моравы. Хотя тамъ большая часть мѣстъ носитъ болгарскія названія, но ихъ славянскія народонаселенія отступали всегда предъ болѣе сильнымъ въ физическомъ отношеніи албанскимъ элементомъ. Старо-турецкое правительство не только не защищало ихъ, но видѣло еще съ удовольствіемъ этотъ натискъ своихъ единовѣрныхъ союзниковъ на христіанскій народъ, выказывавшій всегда стремленіе къ освобожденію отъ его власти.

Въ теченіе пятнадцати лѣтъ старается Порта о раздѣленіи сплошной массы болгарскаго народонаселенія посредствомъ систематическаго расположенія между его поселеніями поселеній крымскихъ татаръ и воинственныхъ черкесовъ, вытѣсненныхъ русскими изъ ихъ горъ, а равно и съ сѣверной стороны она старалась вдвигать въ болгарскій элементъ другихъ переселенцевъ и видимо благопріятствовала даже поселенію вдоль дунайскаго берега романскихъ колонистовъ. Такимъ образомъ болгарскій народъ, оттѣсняемый назадъ со всѣхъ сторонъ враждебными элементами, искалъ точки исхода и нашелъ наконецъ не одну, а нѣсколько, съ разныхъ сторонъ. Большое количество болгаръ римско-католическаго вѣроисповѣданія, вслѣдствіе притѣсненій греческаго духовенства, перешло уже прежде въ Венгрію и Румынію, и затѣмъ около начала нынѣшняго столѣтія эти переселенія возобновились въ огромныхъ размѣрахъ. Позднѣе, когда Сербія добилась независимости, ея дунайскія округи сдѣлались убѣжищемъ всѣхъ райевъ (Rajah), недовольныхъ паша-фанарскимъ правительствомъ. Даже въ новѣйшія времена сотни семействъ переселились туда. Однако же въ Сербіи скоро утратили свою національность родственные по происхожденію и языку съ ея народонаселеніемъ болгары. Лишь немногія поселенія, какъ Бугаръ-Корыто и Вратарница въ Княжевацѣ, Великій-Изворъ въ Зайчарѣ, Шарбановцъ

и Милушинцъ въ Алексинацскомъ округѣ, сохранили свой отечественный языкъ. Вслѣдствіе этого молодые болгары стараются всѣми силами препятствовать переселенію своихъ соотечественниковъ въ Сербію. Въ 1874 году они открыто протестовали противъ стараній сербовъ поддерживать на южной границѣ отъ Черной Дрины до Тимока агитацію различными средствами, чтобы увеличить свою численность на счетъ болгаръ.

Переселеніе болгаръ на валахскій берегъ было также весьма значительно во всѣ времена. Валахскіе бояре и правительство съ радостью принимали трудолюбивыхъ и опытныхъ въ земледѣліи болгаръ. Но и тамъ ихъ постигала та же участь, какъ и въ Сербіи. Они исчезали въ массѣ румынскаго народа, который всегда отличался способностью поглощать славянскія племена, какъ я уже это доказалъ подробными выводами въ 1863 г. [1]) и затѣмъ въ 1868 г. въ моемъ сочиненіи «Сербія». Послѣднее большое переселеніе, состоявшее изъ 10,000 душъ, отправилось въ 1861 г. въ Крымъ. Причины и результаты его будутъ разсказаны во II книгѣ, гл. IX.

Всѣ эти безпрерывныя борьбы въ теченіе цѣлыхъ столѣтій и происходившія вслѣдствіе ихъ территоріальныя измѣненія сдѣлали этнографическую карту Европейской Турціи консула Лежана и карту южныхъ славянъ проф. Брадаска самыми невѣрными изображеніями дѣйствительности. Обѣ онѣ явились въ «Географическихъ сообщеніяхъ» Петермана; составленіе ихъ стоило много труда, и достоинства ихъ нельзя опровергать; но имъ недоставало болѣе точныхъ подробностей. На сколько трудно опредѣленіе этихъ подробностей, я узналъ по собственному опыту. Моя новая этнографическая карта дунайской Болгаріи и Балкана выяснитъ впервые пропорціи національностей каждаго селенія одной изъ большихъ областей Турціи, и такъ какъ я составлялъ ее на основаніи свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ, то надѣюсь, что она окажется столь же полезною для науки, сколько для практическихъ политиковъ.

Въ статистическихъ числахъ турецкаго государства господствуетъ точно такая же неопредѣленность, какъ и въ его этнографическихъ отношеніяхъ. Этихъ чиселъ нельзя найти ни въ многочисленныхъ бюро Высокой Порты, ни въ какомъ либо провинціальномъ органѣ. Даже въ настоящее время опредѣленія общей численности всего народонаселенія, а равно и силъ отдѣльныхъ національностей основываются лишь на предположеніяхъ и оцѣнкахъ. При своеобразной турецкой податной системѣ, жен-

---

[1]) Die Zinzaren. Mitth. der Wiener geogr. Gesellschaft. 1863 г.

щины и дѣти не принимаются въ разсчетъ, и этого направленія держится вся оффиціальная статистика.

При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ трудно опредѣлять даже приблизительно численныя отношенія отдѣльныхъ національностей Турціи. Въ виду интересовъ одной изъ нихъ, численность различныхъ національностей возвышается или понижается самымъ значительнымъ образомъ. Въ этомъ отношеніи не составляютъ исключенія чиновники и духовныя лица, у которыхъ обыкновенно ищутъ правды: они также даютъ ложныя свѣдѣнія въ интересахъ партіи, къ которой принадлежатъ. Если бы сложить числа, которыми опредѣляютъ отдѣльно свою численность патріотическіе турки, сербы, болгары, греки, зинзары, албанцы и армяне, то Турція представляла бы страну съ самымъ густымъ народонаселеніемъ изъ всѣхъ европейскихъ государствъ; однако же достовѣрно извѣстно, что это далеко не такъ. Въ княжествахъ полусамодержавныхъ, въ которыхъ статистика численности народонаселенія ведется весьма точно, среднимъ числомъ приходится 1800, въ Сербіи же всего 1400—1500 душъ на одну квадратную милю; а про Европейскую Турцію мы никакъ не осмѣлимся сказать, чтобы среднимъ числомъ она была гуще населена, чѣмъ эти княжества. Я надѣюсь, что буду въ состояніи въ заключеніи настоящаго сочиненія, на основаніи моихъ собственныхъ изслѣдованій, яснѣе опредѣлить, чѣмъ были опредѣлены до сихъ поръ какъ этнографическія, такъ и статистическія условія, если не всѣхъ частей Балканскаго полуострова, то по крайней мѣрѣ дунайской Болгаріи. Общее число болгаръ, живущихъ въ Европейской Турціи, достигаетъ приблизительно 5 милліоновъ. Хотя сами они доводятъ его до 6 и даже 7 милліоновъ, но я утверждаю, на основаніи многочисленныхъ статистическихъ свѣдѣній, собранныхъ мною, что ихъ оцѣнка своей численности слишкомъ высока. Въ западномъ Балканѣ, гдѣ занимали территорію съ давнихъ поръ исключительно одни болгары, гдѣ рѣдко встрѣчается неславянское поселеніе и гдѣ, стало быть, болгарское населеніе осталось наиболѣе чистокровнымъ, оно сохранило вполнѣ свой природный, настоящій типъ.

Болгары имѣютъ болѣе узкое сложеніе, чѣмъ румыны и греки; головы у нихъ мускулистыя; вообще между ними встрѣчается гораздо болѣе худыхъ, чѣмъ полныхъ людей. Форма черепа довольно разнообразна; однако же чаще онъ заканчивается на затылкѣ острымъ уменьшеніемъ. Лицо имѣетъ по большей части прекрасную овальную форму,

лобъ немного нависшій впередъ, носъ прямой, разрѣзъ глазъ уже, чѣмъ у другихъ южныхъ славянъ, вслѣдствіе чего и самые глаза у нихъ кажутся меньше. Вообще, благодаря ихъ мирному характеру, въ ихъ наружности выражается гораздо болѣе доброты, кротости, чѣмъ мужества и энергіи. Брови очень густыя, волосы на головѣ большею частью свѣтлые. Часто встрѣчаются лица, выражающія необыкновенную интеллигенцію; но всѣ они носятъ отпечатокъ серьезности, твердости и постоянства,—качества, составляющія отличительныя черты характера болгаръ и много способствовавшія ихъ успѣхамъ въ земледѣліи, промышленности и въ ремесленныхъ занятіяхъ. Сильно развитыя скуловыя кости и узкій разрѣзъ глазъ, по всей вѣроятности, суть послѣдствія ихъ кровосмѣшенія съ финно-уральскими завоевателями.

Женскій полъ средняго роста, въ молодости отличается красивыми чертами лица. Въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ во многихъ уѣздахъ между Виддомъ и Огустомъ, женщины особенно хороши. Ихъ черты лица не только красивы, но прекрасны вполнѣ, и къ тому же онѣ отличаются роскошными формами; но, къ несчастію, восточный обычай употребленія бѣлилъ и румянъ чрезвычайно портитъ ихъ свѣжія отъ природы лица. По выходѣ замужъ, онѣ скоро утрачиваютъ свою красоту; она исчезаетъ быстро подъ гнетомъ тяжелой физической работы, которая лежитъ у болгаръ, какъ у всѣхъ южныхъ славянъ, на женщинахъ. Формы теряютъ свою округленность, и въ двадцатилѣтней женщинѣ ничто, кромѣ быстрой, эластической походки, не напоминаетъ семнадцатилѣтней красавицы-дѣвушки.

Скрещеніе болгаръ съ финскимъ племенемъ оставило еще меньшій осадокъ въ ихъ языкѣ, чѣмъ въ ихъ наружности. Финно-болгарское и славянское нарѣчія принадлежатъ къ однороднымъ въ корнѣ языкамъ, какъ арабскій и испанскій. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, по общему естественному закону, изъ скрещенія этихъ языковъ не развилось новаго нарѣчія. Непосредственно стояли они рядомъ, отталкиваясь взаимно одинъ отъ другаго.

Это полное исчезновеніе языка болгарскихъ завоевателей, вышедшихъ съ Урала, при его столкновеніи съ языкомъ побѣжденныхъ славянъ, составляетъ въ высшей степени замѣчательный феноменъ, доказывающій наглядно, какую незначительную роль играетъ этимологія сама по себѣ въ физіологіи народовъ. Это подтверждаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ проницательныхъ филологовъ, утверждающихъ, что этнографи-

ческая проблема можетъ быть рѣшена только съ помощью исторіи и этнологіи.

Несомнѣнно, что уничтоженію финно-болгарскаго нарѣчія много содѣйствовала славяно-болгарская письменность, введенная славянскими апостолами и развившаяся подъ покровительствомъ благопріятствовавшихъ просвѣщенію князей, а именно Симеона, сына перваго христіанскаго князя Бориса. По мнѣнію самыхъ почтенныхъ славянскихъ лингвистовъ, этотъ старый болгаро-славянскій письменный языкъ приближается, по своему грамматическому строенію, болѣе всѣхъ прочихъ славянскихъ языковъ къ великороссійскому діалекту. Естественно, что съ паденіемъ болгарскаго государства онъ утратилъ свою первобытную чистоту: какъ и самая страна, онъ наполнился сербскими, греческими, романскими, албанскими и турецкими элементами до такой степени, что даже этимологи съ трудомъ узнаютъ въ немъ языкъ славянскихъ апостоловъ.

Но, не смотря на эти и на нѣкоторыя уклоненія его отъ прочихъ славянскихъ языковъ, какъ, напримѣръ, отсутствіе неокончательнаго наклоненія, употребленіе членовъ и т. д., все же онъ принадлежитъ къ славянскимъ языкамъ, и предположеніе, раздѣлявшееся нѣкогда весьма многими, что онъ принадлежитъ къ финно-татарскимъ нарѣчіямъ, основывалось только на полнѣйшемъ незнаніи его. Какъ ни много отличается новый языкъ,—о литературѣ котораго я буду говорить ниже,—отъ стараго, не смотря на всѣ многочисленныя измѣненія, онъ все же остался наиболѣе подходящимъ къ русскому языку. Съ сербскимъ языкомъ онъ также имѣетъ настолько родственнаго сходства, что сербъ съ болгаромъ всегда очень скоро начинаютъ понимать другъ друга. Въ послѣднее время вышло много учебниковъ болгарскаго языка; но всѣ они имѣютъ тотъ недостатокъ, что слишкомъ мало обращаютъ вниманія на народный языкъ и стараются подчинить его правиламъ русскаго или сербскаго языковъ. Самымъ чистымъ болгарскимъ языкомъ считается тотъ, на которомъ говорятъ въ Калоферской странѣ.

Какъ языкомъ, образованіемъ лица, склонностями и образомъ мыслей, такъ и одеждой отличаются болгары отъ своихъ сосѣдей-сербовъ. Вмѣсто фесокъ, общеупотребительныхъ въ сербскихъ деревняхъ, болгары носятъ кубары, шапки въ видѣ колпака изъ темной или свѣтлой овчины, изъ подъ которой висятъ длинные волосы, распущенные или заплетенные на затылкѣ въ косу. Старые болгары стригутъ свои волосы, какъ

старые турки, оставляя только пучокъ на макушкѣ. Этотъ обычай существовалъ также у финскихъ болгаръ, венгровъ и у проч. народовъ, и даже нынѣ онъ еще въ употребленіи у морлаковъ, албанцевъ, черногорцевъ и у старыхъ сербскихъ крестьянъ. Болгары носятъ рубахи съ широкими рукавами, съ пестрыми вышивками на груди и на плечахъ; лѣтомъ—свѣтлые, широкіе изъ льняной матеріи, зимой изъ бѣлаго сукна шаравары, которые завязываются ниже колѣнъ красною шерстяною тесьмой или кожанымъ ремнемъ; рубаха подпоясывается также краснымъ кушакомъ, къ которому привѣшивается съ лѣвой стороны спрятанный въ ножнахъ ножъ, годный для всякаго употребленія. Въ холодное время зажиточные люди носятъ камзолы, выложенные черными шнурками, или длинные кафтаны; какъ тѣ, такъ и другіе дѣлаются обыкновенно изъ сукна. Въ жестокіе же морозы это платье замѣняется овчинными шубами, капуцинъ-шинелями или плотными котцами. Обувью служатъ пестрые башмаки домашней работы, а также бабуши (турецкіе башмаки). Впрочемъ, въ каждомъ уѣздѣ есть свои особенности въ крестьянскомъ костюмѣ. Одежда горожанъ низшаго сословія отличается отъ описаннаго нами только феской и болѣе темнымъ цвѣтомъ сукна; купцы же, доктора, учителя, однимъ словомъ всѣ люди, причисляющіеся къ интеллигенціи, одѣлись въ послѣднее время въ европейское платье.

Особенно разнообразенъ костюмъ болгарскихъ деревенскихъ женщинъ. Почти въ каждомъ округѣ, какъ мы увидимъ далѣе, существуютъ свои моды; но вообще всѣ болгарскія женщины заплетаютъ свои роскошные волосы, часто подкрашенные въ темный цвѣтъ, въ толстыя косы, которыя онѣ съ большимъ искусствомъ украшаютъ цвѣтами, медалями и лентами. Этотъ головной уборъ отличается, смотря по мѣстностямъ, разными особенностями у дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ. Предметъ туалета, о которомъ заботятся наиболѣе какъ тѣ, такъ и другія,—это рубашка, которую покрываютъ обыкновенно роскошными вышивками на груди, плечахъ и оконечностяхъ рукавовъ, а вверху собираютъ широкими складками. Вышивается она разноцвѣтною шерстью или шелкомъ, и узоры этихъ вышивокъ такъ разнообразны, такъ прелестны, что могли бы служить образцомъ самому искусному изъ европейскихъ рисовальщиковъ узоровъ. Сверхъ этой изящной рубахи надѣвается юбка изъ плотной полосатой шерстяной матеріи домашняго тканья; на нее надѣвается изъ такой же матеріи обшитый бахромой фартукъ, иногда напередъ, а иногда назадъ. Часто эти фартуки надѣваются прямо на рубашку,

безъ юбки, причемъ рельефно обрисовываются всѣ формы тѣла. Юбка и фартуки придерживаются поясомъ, украшеннымъ обыкновенно большими кольцами или пальмообразными вѣтвями металлическими или перламутровыми. Часто эти пояса переходятъ по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ драгоцѣнныя вещи, такъ какъ украшенія на нихъ бываютъ изъ литаго серебра или филиграновыя, съ эмалью и драгоцѣнными каменьями. Болгарскія женщины вообще очень любятъ украшенія всякаго рода: серьги, браслеты, кольцы, и если не имѣютъ настоящихъ драгоцѣнностей, то замѣняютъ ихъ поддѣльными. Онѣ цѣпляютъ на себя цвѣты, ожерелья изъ медалей и жемчуга; но нужно отдать имъ справедливость, что все это онѣ располагаютъ съ большимъ вкусомъ, что заставляетъ предполагать въ нихъ врожденное чувство красоты формы и сочетанія цвѣтовъ. Но нельзя этого сказать о городскихъ женщинахъ: ихъ костюмъ представляетъ какую-то безвкусную смѣсь національной, турецкой и европейской моды. Головные уборы ихъ еще сносны: они имѣютъ большое сходство съ сербскими; также и верхняя одежда напоминаетъ коротенькіе, шитые золотомъ, шелковые камзолы сербскихъ женщинъ. Но въ высшей степени безобразны широкія, въ родѣ мѣшковъ, шаравары. Это чисто-мусульманское одѣяніе доходитъ до лодыжекъ и мѣшаетъ всякому свободному движенію. Однако же молодое поколѣніе, воспитанное въ Пештѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, отрѣшилось уже отъ старыхъ традицій. Оно съ каждымъ днемъ подчиняется все болѣе и болѣе европейскимъ модамъ, и модные вѣнскіе магазины скоро причислятъ къ своимъ лучшимъ практикамъ болгарскихъ красавицъ. Въ богатыхъ семействахъ родители придерживаются еще національныхъ или, вѣрнѣе сказать, восточныхъ обычаевъ; но молодые люди обоихъ половъ, воспитанные нѣмецкими и французскими наставниками, эмансипируются во всемъ отъ старыхъ патріархальныхъ традицій и нравовъ.

Во многихъ домахъ французскій романъ нашелъ доступъ. Рядомъ съ классическою музыкой раздается музыка Оффенбаха и Штрауса. Молодые люди играютъ въ домашнихъ спектакляхъ французскія и переведенныя съ иностранныхъ языковъ на болгарскій языкъ пьесы. Въ кофейняхъ молодежь упражняется въ карточной игрѣ и на бильярдѣ, а въ придунайскихъ городахъ цыганскія пѣвицы и музыканты не привлекаютъ уже публику. Однако же въ городскихъ болгарскихъ кружкахъ водворяется серьезный тонъ, прививаемый нѣмецкою литературой, которая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе распространяется въ этой странѣ. Этотъ

тонъ составляетъ рѣзкій контрастъ съ тономъ, господствующимъ въ общественной жизни на противуположномъ валахскомъ берегѣ, и въ этомъ контрастѣ обнаруживается та глубокая разница, которая существуетъ между славянскимъ и румынскимъ народными характерами. Болгарскій горожанинъ выказываетъ особенную склонность къ прелестямъ сельской жизни. Улучая свободный часъ, онъ сейчасъ же отправляется съ своимъ семействомъ и друзьями изъ города въ одинъ изъ окрестныхъ садовъ. Тамъ, между виноградными лозами и фруктовыми деревьями, въ прохладной тѣни кіоска, или въ рощѣ на зеленой лужайкѣ, возлѣ шумящаго ручья, располагаетъ онъ свой лагерь; начинаются веселыя игры, пѣніе, танцы, ведется откровенная бесѣда безъ всякихъ стѣсненій; общество веселится отъ души подъ звуки волынки, скрипки или флейты (свирка), которыя всегда и вездѣ найдутся, да и въ семействѣ почти всегда находятся свои музыканты. Въ городѣ и деревнѣ любимый національный танецъ—это «*Горо*». Онъ имѣетъ большое сходство съ греческимъ лабиринтомъ и сербскимъ коло. Его танцуютъ обыкновенно не иначе, какъ на воздухѣ. Молодыя дѣвушки и бурши составляютъ сперва цѣпь, весьма похожую на пеструю ленту. Цѣпь эта дѣлаетъ два шага впередъ и шагъ назадъ; темпъ ускоряется все болѣе и болѣе; оба крыла согласно съ нимъ начинаютъ сближаться и образуютъ наконецъ кругъ, который опять разрывается съ тѣмъ, чтобы опять сомкнуться. Прелесть этого танца заключается въ красивомъ измѣненіи фигуръ, которыя выдѣлываетъ эта цѣпь, и въ эластичной подвижности, съ которою она слѣдитъ за темпомъ музыки. Есть также соло-танецъ, нѣчто въ родѣ полонеза, исполняемый одною танцовщицей, и еще одинъ танецъ, исполняемый двумя лицами самымъ быстрымъ темпомъ; но, кромѣ того, есть еще весьма смѣшной танецъ, такъ называемый медвѣжій (raciniса); онъ заключается въ томъ, что какой нибудь веселый буршъ облекается въ шкуру медвѣдя и подражаетъ въ движеніяхъ и голосѣ этому звѣрю, между тѣмъ какъ прочіе танцоры окружаютъ его съ крикомъ и дразнятъ его. Медвѣдь еще и нынѣ остается постояннымъ обитателемъ высокихъ Болгарскихъ горъ. Его шкура считается трофеемъ, и онъ играетъ важную роль въ старо-болгарскихъ народныхъ пѣсняхъ, какъ напримѣръ въ геройскихъ пѣсняхъ «Иванко Крымъ Пеливанко». Въ этомъ, какъ и въ прочихъ воспѣваніяхъ національныхъ героевъ, превозносится исключительно побѣда грубой матеріальной силы. Такъ напримѣръ возлѣ систовской «Царевой нивы»

показываютъ камень, который будто бы былъ притащенъ туда изъ Никополя знаменитѣйшимъ изъ героевъ — Дели-Марко. Всѣ эти героическія басни не заключаютъ въ себѣ, какъ читатель убѣдится изъ нѣкоторыхъ образцовъ, приведенныхъ ниже, никакихъ идеальныхъ образовъ, ни малѣйшей тѣни культа очаровательныхъ женщинъ, которыми переполнены наши средневѣковыя и даже сербскія героическія сказанія.

Въ новѣйшія времена въ долинахъ Деспото-Дага были открыты между болгарами мусульманскаго вѣроисповѣданія, сохранившими свой родной языкъ, старыя традиціонныя пѣсни, которыя, какъ напримѣръ «Свадьба прекраснаго *Вулкана съ Солнцемъ*», по своему высоко-поэтическому содержанію, относящемуся къ отдаленной героической эпохѣ, представляютъ исключительное явленіе въ народной южно-славянской поэзіи. Старославянская миѳологія перемѣшана въ нихъ съ легендами классическихъ народовъ. Рядомъ съ славянскою «вилой» (лѣсная и водяная волшебница) является музыкальный Орфей и т. д. Эти пѣсни сдѣлались извѣстны слишкомъ еще недавно, чтобы окончательное сужденіе могло быть произнесено насчетъ ихъ. Новѣйшія болгарскія народныя пѣсни отличаются веселымъ характеромъ и лиризмомъ. Въ нихъ воспѣваются прелести пастушеской жизни, горести и радости любви, жизнь въ лѣсу и въ полѣ съ любимою подругой или съ милымъ сердцу другомъ. Въ новѣйшее время явились въ Болгаріи совершенно новыя пѣсни, такъ называемыя пѣсни гайдуковъ, которыя раздавались предъ борьбой за освобожденіе въ Сербіи. Въ нихъ воспѣваются послѣднія неудавшіяся дѣянія Хаджи-Димитрія, Караджа, Филиппа Тотю и другихъ предводителей бандъ. Поддерживая воспоминанія о нихъ, агитаторы надѣются пробудить воинственный духъ въ молодыхъ поколѣніяхъ. Что же касается болгаръ, то они не имѣютъ ни эпическихъ пѣсенъ, которыя были доведены у сербовъ до высшей степени совершенства и въ которыхъ высказывались такъ горячо и искренно ихъ страстное стремленіе къ свободѣ и страстная любовь къ отчизнѣ, ни той чудной поэзіи, которая, сохраняя въ воспоминаніи сербовъ память о славныхъ дѣлахъ, любви къ родинѣ, о жизни и смерти ихъ великихъ королей, царей и національныхъ героевъ, поддержала въ нихъ духъ и энергію и спасла ихъ отъ униженія въ самую тяжелую для нихъ эпоху.

Болгары не имѣютъ также и однострунной гусли, подъ аккомпаниментъ которой поются обыкновенно въ Сербіи эти геройскія пѣсни. Она замѣняется у нихъ разными многострунными турецкими инструментами, въ особенности *гайдой*.

На сколько болгаръ воспѣваетъ въ пѣснѣ любимую имъ дѣвушку, на столько же незавидную роль предоставляетъ онъ ей въ домѣ, когда она становится его женой. Она завалена работой и не имѣетъ ни одной свободной минуты. Если не въ полѣ, то она занята дома хозяйственными дѣлами, отрываясь отъ которыхъ на минуту, она кормитъ грудью маленькихъ дѣтей и наряжаетъ на работы старшихъ; она то моетъ и чиститъ у колодца домашнюю утварь, бѣлье и т. д., то краситъ и бѣлитъ свои ткани, то приготовляетъ обѣдъ для членовъ семьи, работающихъ въ полѣ и лѣсу, то сидитъ за своею прялкой или шитьемъ и починкой платья, то бѣжитъ заглянуть на загонъ, гдѣ пасется домашній скотъ. Женщина помогаетъ мужчинамъ даже въ постройкѣ домовъ, особенно такъ называемыхъ колибъ, домовъ, устраиваемыхъ изъ плетней и кольевъ. Замазыванье щелей глиной, бѣленье домовъ,—для чего вмѣсто нашихъ кистей употребляются лоскутки овчины, — составляетъ исключительно женскую работу. На женщинѣ же лежитъ уходъ за садомъ, который есть почти при каждомъ домѣ, такъ какъ цвѣты составляютъ самую существенную принадлежность женскаго туалета, да и мужчины охотно украшаютъ ими свои шляпы, отправляясь въ поле, въ церковь или на какой нибудь праздникъ. Розы, гвоздика, колокольчики и подсолнечники суть любимыя украшенія; тимьянъ же составляетъ неотъемлемую принадлежность туалета.

Мусульманскія селенія снаружи красивѣе христіанскихъ, но во внутренности дворовъ даже и крестьянъ-болгаръ преобладаетъ вліяніе старославянскаго семейнаго быта. Оно придаетъ всему дѣятельный, обезпеченный и цвѣтущій видъ. Въ противоположность мусульманскимъ дворамъ, во внутренности которыхъ господствуютъ могильная тишина и неподвижность, дворы христіанъ оживлены шумомъ и движеніемъ. Въ нихъ кипитъ жизнь и дѣятельность, раздается смѣхъ и веселые крики дѣтей, играющихъ на нивѣ на глазахъ трудящихся родителей. Вообще братская любовь и родительское чувство чрезвычайно сильны въ болгарскихъ семействахъ. Обыкновенно вокругъ крытаго черепицей или каменными плитами большаго дома главы семейства группируются, точно также какъ въ Сербіи, маленькіе домики женатыхъ сыновей и постройки изъ плетней, круглыя или продолговатыя, схожія съ колибами и служащія амбарами для храненія фруктовъ и земледѣльческихъ продуктовъ, или же для загона скота. Высокій плетень изъ молодыхъ побѣговъ окружаетъ эти семейныя владѣнія, которыя стерегутъ огромныя дикія собаки, го-

товыя растерзать чужаго человѣка, входящаго за эту изгородь безъ сопровожденія кого нибудь изъ домашнихъ.

Болгары вообще народъ очень гостепріимный; они считаютъ за честь пріютить у себя въ домѣ иностранца и оказываютъ ему самое радушное гостепріимство. Но при этомъ они не всегда чужды спекулятивнымъ соображеніямъ. Не многіе изъ нихъ отказываются принять отъ гостя подарокъ, какъ это дѣлаютъ ихъ сосѣди-мусульмане. Часто случается даже и то, что, провожая гостя, они подаютъ ему формальный счетъ, по которому ему приходится уплачивать за непрошенныя угощенія и за хваленое восточное гостепріимство гораздо дороже, чѣмъ бы онъ желалъ.

Болгарскія жилища въ горахъ строятся и монтируются совершенно иначе, чѣмъ въ долинахъ. Объ этомъ различіи, какъ и о нѣкоторыхъ другихъ подробностяхъ, я буду говорить при описаніи моихъ странствованій; теперь же скажу только, что во всѣхъ болгарскихъ домахъ, въ которые мнѣ случалось входить, я находилъ если не комфортъ въ прямомъ значеніи этого слова и не особенный порядокъ, то по крайней мѣрѣ изобиліе всякой домашней утвари и въ особенности ковровъ. Въ углу парадной комнаты, которая отдается обыкновенно гостю, находится множество иконъ, лампадокъ, разныхъ кружекъ и тарелокъ, служащихъ украшеніемъ и свидѣтельствующихъ объ удивительномъ трудолюбіи и промышленныхъ способностяхъ болгарскихъ женщинъ. Это мнѣніе подтверждается еще болѣе, когда онѣ, принимаясь стлать постель гостю, раскладываютъ предъ нимъ съ справедливою гордостью роскошныя одѣяла и подушки съ пестрыми, великолѣпными вышивками и разными орнаментами. Трудно сказать, кто больше работаетъ въ Болгаріи, кто способнѣе къ работамъ всякаго рода,—мужской или женскій полъ деревенскаго народонаселенія. По обыкновенію они раздѣляютъ между собою всѣ домашнія занятія.

Какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, болгарская женщина поставлена въ худшее положеніе относительно мужа, чѣмъ въ Сербіи и Черногоріи. Въ Черногоріи женщина—это рабочій волъ. Она исполняетъ всѣ тяжелыя работы, тогда какъ мужчины, считаясь прирожденными воинами, освобождаютъ себя совершенно отъ нихъ. Въ Сербіи участь женщины въ этомъ отношеніи несравненно лучше, такъ какъ тамъ и домашняя, и полевая работа раздѣляется между обоими полами. Но, съ другой стороны, такіе обычаи, какъ напримѣръ цѣловать руку у мужа или вставать съ мѣста при входѣ его въ комнату, ставятъ женщину въ под-

чиненное положеніе, впрочемъ только относительно мужа: ея положеніе какъ сестры совсѣмъ иное: къ братьямъ онѣ относятся какъ равный къ равному, и самая глубокая привязанность скрѣпляетъ семейную связь. У болгаръ же между женой и мужемъ, между матерью и сыномъ господствуетъ полное равенство, которое вовсе не въ обычаѣ у южныхъ славянъ вообще. При мягкомъ характерѣ болгаръ часто случается, что толчокъ къ принятію того или другаго рѣшенія даетъ женщина, что вообще энергія преобладаетъ въ женщинѣ. Въ этомъ отношеніи два главные южно-славянскіе народа, сербы и болгары, расходятся совершенно.

Хотя сербы, турки и румыны стоятъ несравненно ниже болгаръ въ промышленности и ремеслахъ, однако они считаютъ ихъ чрезвычайно глупыми. Мнѣніе это, вѣроятно, сложилось когда нибудь въ давнишнія времена, на основаніи ихъ терпѣнія, съ которымъ они переносили разныя обиды и притѣсненія, и затѣмъ было подтверждено поверхностными сужденіями многихъ путешественниковъ.

Газета «Ausland», которая болѣе всѣхъ прочихъ журналовъ должна была бы распространять вѣрныя этнографическія свѣдѣнія, напечатала на своихъ столбцахъ въ 1860 г. такое описаніе болгарскаго характера, которое и тѣни истины не заключаетъ въ себѣ. Между прочимъ, тамъ говорится, напримѣръ: «Въ нравственномъ отношеніи болгары стоятъ очень низко, ниже всѣхъ прочихъ націй Турціи». Авторъ этой статьи отрицаетъ въ нихъ всякую склонность къ земледѣлію и гражданскимъ занятіямъ. По его мнѣнію, болгары боятся работы. «Если болгаръ можетъ утолить голодъ», говоритъ онъ, «не напрягая своихъ колоссальныхъ мускуловъ, то онъ не примется ни за что за работу; на каждомъ шагу вы встрѣчаете здоровыхъ, нестарыхъ людей, собирающихъ милостыню». Далѣе говорится, что болгары не имѣютъ никакой любви къ дѣтямъ, хотя ни въ одной странѣ ихъ не родится столько, какъ въ Болгаріи; затѣмъ авторъ сообщаетъ, что эти дѣти берутся будто бы на воспитаніе сердобольными турецкими семействами, которыхъ они становятся впослѣдствіи членами (!). «Ни въ одной странѣ не было столько обращеній въ мусульманскую вѣру», продолжаетъ авторъ, рѣшающійся даже отрицать, что болгары были когда либо притѣсняемы господствующею расою. У болгара, по его мнѣнію, одна страсть—это ненасытная жажда къ деньгамъ, и каждый нищій, босой и нагой, носитъ ихъ на себѣ. «И это—нація,—восклицаетъ онъ въ заключеніе,—которую ожидаетъ, по словамъ панславистовъ, великая будущность!»

Десять лѣтъ тому назадъ состояніе турецкихъ народовъ было еще менѣе извѣстно, чѣмъ въ настоящее время. Въ 1862 г., когда я напечаталъ въ *«Augsburger Allgemeine Zeitung»* мою первую статью о церковныхъ спорахъ, возникнувшихъ между болгарами и греками, на которые Европа не обращала никакого вниманія,—одинъ вѣнскій профессоръ исторіи спросилъ меня совершенно серьезно: къ какимъ народомъ причисляются болгары—къ романскимъ или славянскимъ? А въ 1870 г. профессоръ Гиртль писалъ въ одномъ письмѣ слѣдующее: «Мы имѣемъ болѣе свѣдѣній объ островахъ Южнаго океана, чѣмъ о народахъ Европейской Турціи».

Послѣ этого можно ли удивляться, что редакція газеты «Ausland» напечатала безъ всякаго замѣчанія описаніе болгарскаго характера, приведенное нами и добытое ею, по всей вѣроятности, изъ какого нибудь греческаго источника. Къ счастію, въ томъ же году эта почтенная газета помѣстила на своихъ столбцахъ другую касающуюся Болгаріи статью, въ которой высказано болѣе объективное и вѣрное сужденіе о болгарскомъ народѣ и опровергнуты вполнѣ всѣ грубые византійскіе вымыслы. Мы читаемъ тамъ:

«Болгары понравились доктору Вутцеру несравненно болѣе румынцевъ. Онъ прошелъ поперегъ всю ихъ землю до Варны. Насчетъ румынцевъ, говоритъ онъ, можно сомнѣваться, принесетъ ли имъ пользу ихъ освобожденіе отъ турецкаго гнета, тяготѣвшаго надъ ними, и дѣйствительно ли одинъ этотъ гнетъ служитъ помѣхой ихъ прогрессу, тогда какъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что развитію матеріальнаго благосостоянія болгаръ мѣшаютъ притѣсненіе османцевъ, ихъ долголѣтнее рабство и позорное высасываніе изъ нихъ дани греческимъ духовенствомъ, такъ какъ болгары — по единогласному свидѣтельству всѣхъ сосѣднихъ племенъ,—отличные сельскіе хозяева, превосходные садовники и огородники. Относительно же земледѣлія и говорить нечего: они не только превосходно обрабатываютъ свои поля, но изобрѣли даже замѣчательную систему орошенія. Изъ всѣхъ народовъ Европейской Турціи болгарскій народъ самый трудолюбивый и терпѣливый. Къ несчастію, послѣднее качество ставится имъ чаще въ упрекъ, чѣмъ въ достоинство. Въ физической силѣ каждая единица изъ нихъ превосходитъ единицу османца; а этихъ единицъ считается пять милліоновъ, или даже болѣе. Стало быть и численностью они превосходятъ европейскихъ османцевъ. Будь въ нихъ поменьше флегмы и хоть одна искра того мужества, ко-

торыми отличаются ихъ сербскіе братья, то они давно бы распутали сами такъ называемый восточный вопросъ, давно бы изгнали греческое духовенство изъ своей страны и устроили бы, какъ сербы, свою національную церковь».

Полная объективность господствуетъ въ сужденіи боннскаго профессора, который въ 1856 г. предпринялъ путешествіе по европейскому Востоку и одной части западной Азіи для изслѣдованія санитарныхъ условій и господствующихъ тамъ болѣзней. Самую главную дурную черту болгарскаго характера, выведенную докторомъ Вутцеромъ, а именно ихъ неограниченную покорность турецкой и греческой власти, я объяснилъ, надѣюсь, достаточно уважительными причинами, чтобы она не ставилась имъ болѣе въ укоръ. Впрочемъ, едва ли кто нибудь изъ людей, слѣдящихъ за политическими событіями въ Европейской Турціи, станетъ отрицать, что въ послѣднее пятнадцатилѣтіе въ болгарахъ стало сильно проявляться національное сознаніе, такъ долго дремавшее, что̀ конечно, не совсѣмъ нравится туркамъ и грекамъ. И вотъ уже учрежденіе болгарской національной церкви осуществилось. Тихо, безъ шума, подвигается впередъ духовная революція. Стремленіе въ народѣ къ образованію, подавленное гнетомъ фанаріотскаго господства, усиливается все болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ; слѣды его не замедлятъ обнаружиться въ скоромъ будущемъ—и тогда, конечно, трудолюбивый, способный болгарскій народъ встрѣтитъ симпатію со стороны всѣхъ образованныхъ людей.

У болгаръ, какъ и у сербовъ, существуетъ самое полное равенство сословій. Турки уничтожили всѣ сословныя привилегіи, за исключеніемъ привилегій духовенства. Всѣ были включены ими въ сословіе райевъ (безоружное войско). Всѣхъ безразлично учили они цаловать руку наказывающую. Но легко быть можетъ, что это равенство существовало и прежде у болгаръ, такъ какъ несомнѣнно, что демократическій духъ, который могъ быть утраченъ ими въ ихъ переселеніяхъ, составлялъ всегда отличительную черту славянскаго характера, что ясно выражается пословицей: Царь и пастухъ равны послѣ смерти. Болгары въ дунайскихъ городахъ суть по большей части купцы, лавочники и ремесленники. Учителей, докторовъ, адвокатовъ у нихъ мало, чиновниковъ еще меньше, но зато много монаховъ и священниковъ. Болгары, живущіе въ высокихъ долинахъ и въ балканскихъ городахъ, занимаются скотоводствомъ и промышленностью; жители же низкихъ долинъ занимаются исключительно земле-

дѣліемъ. Однако земледѣльческое хозяйство сильно страдаетъ отъ запутанности юридическихъ условій касательно землевладѣнія. Эти условія подробно изложены мною въ главѣ, посвященной народному хозяйству.

Ни грунтъ, ни почва до сихъ поръ не определены, и недостатокъ кадастровыхъ книгъ, вмѣстѣ съ сборомъ податей натурой и плохимъ состояніемъ путей сообщенія, весьма тяжело отзывается на земледѣліи и вредитъ его прогрессу.

Турецкое правительство нимало не заботится ни о состояніи гаваней, ни о томъ, чтобы сдѣлать рѣки судоходными. По классическому Гебрусу (Марицѣ) могутъ плавать только плоты. Его ложе такъ же завалено пескомъ, какъ и его гавань Энось. Сплавъ зерноваго хлѣба изъ Филиппополя въ Энось обходится въ 35 піастровъ съ кило$=1^1/_2$ центнерамъ, и продолжается по нѣскольку недѣль. Этому горю пособила бы адріанополь-эносская желѣзно-дорожная линія; но, не говоря уже о томъ, что губернаторъ Адріанополя намѣренъ поднять таможенныя пошлины на хлѣбъ, проходящій чрезъ Энось,—новое рельсовое сообщеніе принесетъ пользу лишь тогда, когда оно будетъ соединено съ плодородною ѳракійскою долиной сѣтью хорошихъ дорогъ. Къ несчастію, турецкіе чиновники очень мало заботятся о выгодахъ и благосостояніи производительныхъ болгаръ.

Вслѣдствіе этого болгары обработываютъ лишь столько земли, сколько нужно для собственнаго ихъ продовольствія.

Большая часть черноземной, необыкновенно плодородной почвы остается необработанною и пропадаетъ даромъ въ ожиданіи усердныхъ рукъ, которыя сдѣлали бы ее производительною. Самыя плодородныя земли покрыты во многихъ мѣстахъ кустарникомъ. Онѣ могли бы прокормить втрое большее народонаселеніе, чѣмъ то, которое населяетъ ихъ теперь. Двѣ трети обработанной земли засѣваются маисомъ, составляющимъ главное продовольствіе болгаръ. Остальная же треть засѣвается пшеницей, рожью, рисомъ, табакомъ, хлопчатобумажникомъ и виноградниками. Изъ овощей болгары предпочитаютъ бобы, лукъ и чеснокъ, и производятъ ихъ въ огромномъ количествѣ. Особенно чеснокъ, съ своими длинными, зелеными листьями, составляетъ ихъ любимое кушанье; лукъ же играетъ у нихъ ту же роль, которую играетъ у насъ картофель, совсѣмъ почти неизвѣстный въ Болгаріи.

Изъ хлѣбныхъ растеній наиболѣе славится пшеница изъ Эски-Загра, которая вся почти вывозится. Обмолачиваніе производится посредствомъ

быковъ или лошадей, которые ходятъ по настланнымъ колосьямъ, описывая кругъ и таская за собою бревно, снабженное снизу острыми изъ кремня зубцами, имѣющими назначеніе рѣзать солому одновременно съ вымолотомъ зеренъ. Помолъ производится также не менѣе первобытнымъ способомъ; впрочемъ, въ послѣдніе годы во многихъ мѣстахъ, въ Бѣлѣ, Тирновѣ и т. д., были устроены искусственныя мельницы, производящія превосходную муку. Солома, изрѣзанная при молотьбѣ, идетъ въ дѣло на кирпичныхъ заводахъ, которые устраиваются въ очень большихъ размѣрахъ, какъ напримѣръ въ Кучинѣ, близъ Разграда. Болгары устраиваютъ безъ всякихъ машинъ такіе искусные водопроводы, что даже западные европейцы приходятъ въ изумленіе при видѣ ихъ. Вообще болгары умѣютъ пользоваться самыми незначительными ручьями.

Климатъ въ Болгаріи очень мягкій. Даже въ августѣ термометръ рѣдко превышаетъ 30° Р., а зимою еще рѣже холодъ доходитъ до 18° Р. Самыя высокія вершины Балкана покрываются снѣгомъ въ октябрѣ мѣсяцѣ и составляютъ живописный контрастъ съ растительностью долинъ, сохраняющею еще всю свою свѣжесть. Вообще болгарскій климатъ очень здоровъ, и иностранцы легко свыкаются съ нимъ. Только въ низменныхъ мѣстахъ на Дунаѣ, около Виддина и Силистріи, а также въ нѣкоторыхъ низменностяхъ при Марицѣ господствуютъ опасныя лихорадки. Что же касается частыхъ случаевъ ревматизма и ломоты въ костяхъ, на которые обыкновенно жалуются, то они происходятъ не столько отъ быстрыхъ измѣненій погоды, сколько отъ привычки спать на утоптанной глиняной почвѣ.

Этотъ мягкій климатъ чрезвычайно благопріятенъ для шелководства, которое распространено во всей странѣ.

Болгарскіе коконы, улучшенные персидскими и мало-азіатскими, покупаются по очень высокой цѣнѣ итальянскими торговцами. Правительство могло бы много содѣйствовать развитію шелководства въ этихъ странахъ, гдѣ оно было сильно распространено уже во времена византійскаго владычества и возведено въ монополію императоромъ Юстиніаномъ.

Воздѣлываніе сарачинскаго пшена перешло изъ Египта. Сперва оно было введено въ Станимодѣ (греческомъ оазисѣ, близъ Филиппополя), а оттуда перешло въ Болгарію. Нынѣ оно составляетъ главный промыселъ Казы-Базарджика. Посѣвъ его начинается въ сентябрѣ, а поспѣваетъ оно въ $2^1/_2$ мѣсяца. Въ одной этой мѣстности годовой сборъ его доходитъ до $1^1/_2$ милліона окъ (ока=$2^1/_2$ фунтамъ).

5*

На Вардарѣ и въ другихъ мѣстахъ Болгаріи разводится очень много табаку, сборъ котораго происходитъ обыкновенно въ сентябрѣ. Воздѣлываніе рѣпныхъ сѣмянъ приходитъ въ цвѣтущее состояніе. Воздѣлываніе краснаго крапа, льна и хлопка, какъ продуктовъ, имѣющихъ огромное значеніе въ промышленности, будетъ въ скоромъ будущемъ играть важную роль въ хозяйствѣ болгаръ. Благодаря возвышенію въ нѣкоторыхъ пашалыкахъ подати съ винодѣлія, оно замѣтно стало падать и во многихъ мѣстахъ совсѣмъ оставлено; однако же на Тимокѣ, близъ Османбазара, Чатука, Папаская, Тирнова, Ниша, на Вардарѣ и Марицѣ встрѣчаются превосходные виноградники.

Во многихъ странахъ, лежащихъ на южномъ склонѣ Балкана, занимаются производствомъ розоваго масла, составляющимъ весьма выгодную отрасль промышленности.

Масло добывается въ великолѣпныхъ долинахъ, усѣянныхъ розами, благоуханная жидкость которыхъ собирается въ маленькіе извѣстные всѣмъ пузырьки и продается по высокой цѣнѣ во всей Европѣ. Сборъ волошскихъ орѣховъ составляетъ другой богатый источникъ доходовъ въ этомъ уѣздѣ. Ихъ продается ежегодно приблизительно на три милліона піастровъ. Волошско-орѣховыя деревья достигаютъ здѣсь такой вышины и красоты, которыхъ они не всегда достигаютъ даже и въ Малой Азіи. Стволы ихъ продаются по высокой цѣнѣ французскимъ краснодеревцамъ. Къ несчастію, въ послѣднее время производство розоваго масла обременено тяжелымъ налогомъ, да и сборъ орѣховъ обложенъ нѣкоторыми пашами, отъ произвола которыхъ зависитъ опредѣленіе податей, не менѣе тяжко, возвышаясь нерѣдко до 24 паръ (6 крейцеровъ) съ ока.

Балканъ покрытъ до самыхъ высокихъ вершинъ почти исключительно буковыми и дубовыми деревьями, и лишь въ немногихъ мѣстахъ встрѣчаются шишконосныя. Вообще на сѣверной его сторонѣ растительность сильнѣе, чѣмъ на южныхъ склонахъ. Орѣховыя, шелковичныя и фруктовыя плантаціи разсѣяны во всей странѣ. Съ особенною заботливостью болгары ухаживаютъ за сливными деревьями, такъ какъ они доставляютъ имъ ихъ любимый напитокъ (раки, т. е. водку). Фабрикація раки и спирта, въ составъ котораго входятъ также и дикія яблоки, производится очень дѣятельно. Жители Ѳракіи и Македоніи ведутъ крупную торговлю строевымъ лѣсомъ. Въ Рылостокѣ, въ верхнихъ областяхъ Искера, Стримона, Карасу и Марицы, находится превосходный листвен-

ный и хвойный лѣсъ, который употребляется на постройку желѣзныхъ дорогъ. Болгары подвозятъ его къ мѣсту назначенія обыкновенно зимой на санях.

Доставка скота въ центры обходится дешево, такъ какъ его гоняютъ, вслѣдствіе чего скотоводство играетъ весьма важную роль въ Болгаріи. Во внутренности страны путешественникъ встрѣчаетъ очень часто огромныя стада рогатаго и мелкаго скота. Вообще Болгарія весьма богата лошадьми, буйволами, быками, овцами, козами и птицей всякаго рода. Рогатый скотъ и лошади маленькой породы. Для перевозки тяжестей и для работы употребляются преимущественно буйволы, которые чрезвычайно смирны, легки и втрое сильнѣе быковъ. Ихъ медленность и крайнее упрямство при большомъ жарѣ составляютъ, однако, важныя неудобства ихъ употребленія. Въ сухихъ мѣстностяхъ они требуютъ особенныхъ попеченій и ухода. Лѣтомъ проводится вода въ обширныя ямы, нарочно вырытыя, въ которыхъ ихъ обмываютъ нѣсколько разъ въ день; зимой же ихъ нужно покрывать попонами, для предохраненія отъ стужи, и кормить дубовыми листьями, которые снимаются обыкновенно для этой цѣли осенью и, связанные въ пучки, сохраняются между вѣтвями. Буйволы откармливаются легко, но мясо ихъ остается твердымъ; коровы даютъ мало молока, но зато очень густое. Рога, кости и прочіе матеріалы, изъ которыхъ у насъ вываривается обыкновенно клей, пропадаютъ большею частью даромъ въ этой странѣ.

Въ Болгаріи, какъ и вездѣ, разведеніе козъ чрезвычайно вредитъ лѣсамъ; но тѣмъ не менѣе козоводство тамъ очень распространено.

Со своими стадами козъ, въ сопровожденіи огромныхъ собакъ, съ запасомъ разной посуды для приготовленія сыра, пастухи отправляются весной на нагорныя тучныя пастбища. Густолиственныя деревья или шалаши изъ листьевъ служатъ имъ кровлей; молоко, сыръ и немного хлѣба составляютъ ихъ пищу. Лишь позднею осенью возвращаются они въ свои долины. Пригоняя благополучно свои стада домой, они громко играютъ на своихъ дудкахъ, звуки которыхъ оглашаютъ пріятною гармоніей меланхолическую тишину балканскихъ лѣсовъ.

Болгарія очень богата минеральными источниками. Нерѣдко встрѣчаются между ними достигающіе 47° Цельсія; о многихъ изъ нихъ мы будемъ говорить подробно въ настоящемъ сочиненіи. Почва заключаетъ въ себѣ множество металлургическихъ сокровищъ, почти совсѣмъ еще не тронутыхъ. Самаковскіе желѣзные рудники замѣчательны своимъ бо-

гатствомъ, но разрабатываются первобытнымъ способомъ. Даже новѣйшія высокія печи «Jeni-maiden» очень близко подходятъ къ нашимъ домашнимъ печамъ, а потому прибыль отъ этихъ рудниковъ весьма незначительна.

Изобиліе водяныхъ силъ въ Болгаріи благопріятствуетъ промышленнымъ предпріятіямъ, попытки которыхъ дѣлаются безпрестанно, хотя и рѣдко увѣнчиваются прочными послѣдствіями по причинамъ, которыя я изложу ниже.

Если изучать отношенія Турціи къ Болгаріи не издалека и не изъ турецкихъ источниковъ, то не этому можно удивляться, а скорѣе тому, что въ нѣкоторыхъ болгарскихъ городахъ удержалась еще довольно дѣятельная промышленность. Во многихъ странахъ, напримѣръ въ Балканѣ, куда турки не заглядываютъ никогда, гдѣ нѣкоторые города, какъ Габрово, Травна и Калоферъ, управляются до извѣстной степени самостоятельно, промышленность находится даже въ цвѣтущемъ состояніи, которое достигло бы высшей степени развитія, если бы ему не повредила русско-турецкая война въ 1828 году. Эмиграція въ Бессарабію, послѣдовавшая за нею, нанесла промышленному движенію сильный ударъ, послѣдствія котораго и до сихъ поръ еще не изгладились.

Ниже я приведу численныя подробности, собранныя мною въ моихъ многократныхъ путешествіяхъ, относительно тѣхъ отраслей промышленности, въ которыхъ наиболѣе обнаруживаются способности болгаръ къ техническимъ и ремесленнымъ искусствамъ. Между тѣмъ какъ воинственные сербы снискиваютъ средства къ жизни преимущественно торговлей, болгары предпочитаютъ ей промышленный трудъ. Они отличаются не только художественнымъ вкусомъ относительно формы и подбора цвѣтовъ, не только искусностью рукъ и трудолюбіемъ, но еще замѣчательнымъ въ строительномъ искусствѣ талантомъ, проявляющимся въ постройкѣ домовъ, церквей, мостовъ, въ устройствѣ водоподъемныхъ механизмовъ. Наилучшій изъ болгарскихъ мостовъ—Янтрскій, близъ Бѣлы, построенъ двумя первобытными болгарскими архитекторами. Церкви, мечети и синагоги въ большихъ городахъ, съ ихъ красивыми куполами, минаретами и т. д., суть также произведенія болгарскихъ строителей, не имѣющихъ никакого образованія и едва умѣющихъ держать карандашъ въ рукахъ. Какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ и въ промышленности весьма ощутителенъ недостатокъ государственнаго поощренія къ раціональному производству и самыхъ необходимыхъ школъ и учрежденій, благодаря кото-

рымъ искусства и ремесла доведены у насъ до такого совершенства. Но если, не смотря на всѣ эти недостатки, не смотря на первобытные способы производства, болгары, тѣмъ не менѣе, отличаются замѣчательною искусностью во многихъ отрасляхъ ремесленной промышленности, какъ напримѣръ въ фабрикаціи ковровъ, кисеи, желѣзныхъ и серебряныхъ вещей, въ рѣзьбѣ изъ дерева, то слѣдуетъ тѣмъ болѣе пожалѣть, что это южно-славянское племя, столь способное къ образованію, лишено возможности пользоваться имъ, вслѣдствіе его несчастныхъ государственныхъ отношеній къ Турціи, мѣшающихъ развитію его промышленно-ремесленныхъ талантовъ посредствомъ болѣе близкаго соприкосновенія съ европейскою цивилизаціей.

Правда, что Россія открывала всегда самымъ либеральнымъ образомъ, не столько по гуманности, сколько по политическимъ соображеніямъ, свои школы родственнымъ ей болгарамъ; но, помимо того, что этимъ пользовалось лишь незначительное число людей, 1854 г. нанесъ ея прежнему всемогущему вліянію на турецкихъ райевъ сильный ударъ, который измѣнилъ ея отношенія къ Болгаріи и послѣдствія котораго только теперь начинаютъ сглаживаться. Эти измѣненія, а равно и отношенія фанаріото-греческаго духовенства къ болгарскому народу, въ которыхъ именно и слѣдуетъ искать причину низкой степени его образованія, я выясню въ нижеслѣдующихъ отдѣлахъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе народное образованіе сильно подвинулось впередъ; но природныя дарованія болгаръ разовьются вполнѣ лишь тогда, когда у нихъ размножатся школы, увеличится число духовенства и учителей и, главное, когда послѣдніе сами преобразуются. Въ настоящее время народныя массы въ высшей степени невѣжественны и суевѣрны. Къ этому примѣшивается еще извѣстная доля фатализма, привившагося отъ турокъ, и монахи не искореняютъ всѣхъ этихъ золъ, а напротивъ—поддерживаютъ ихъ въ виду своихъ собственныхъ интересовъ. Народъ не обращается за медицинскою помощью къ докторамъ съ научнымъ образованіемъ, а ищетъ ее въ монастыряхъ, лежащихъ въ какомъ-нибудь захолустьѣ, или въ источникахъ, получившихъ цѣлебное свойство чрезъ освященіе какихъ-нибудь святыхъ угодниковъ. Надъ людьми, подверженными эпилептическимъ припадкамъ, пробуютъ разныя заклинанія, во время которыхъ прикладываютъ металлическій крестъ, раскаленный до-красна, къ груди паціента или къ другимъ частямъ тѣла, называть которыя я считаю неудобнымъ здѣсь. На свѣжихъ могилахъ

втыкаются часто три веретена, чтобы злой духъ не могъ снисходить на нихъ. Въ случаѣ, если помощь священника или монаха оказывается недѣйствительною, то прибѣгаютъ къ деревенскимъ ворожеямъ, а въ худшемъ случаѣ даже къ мусульманскимъ *годша*; разумѣется, если священникъ узнаетъ о послѣднемъ, то лишаетъ больнаго пріобщенія св. таинъ. Къ христіанскимъ же знахарямъ, врачующимъ разными языческими заклинаніями и плевками, духовныя лица, весьма часто неумѣющія читать, относятся сами съ почтеніемъ и даже во многихъ случаяхъ обращаются къ нимъ за совѣтами.

Средневѣковый мракъ тяготѣетъ надъ болгарскимъ народомъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ подпалъ подъ владычество турокъ и фанаріотовъ. Нравственное содержаніе христіанскаго ученія не коснулось его, такъ какъ сами священники нимало не проникнуты его духомъ, а усвоили лишь его наружныя формы, исполняя которыя народъ, тѣмъ не менѣе, остается вѣренъ старо-славянскимъ языческимъ традиціямъ и обычаямъ. Съ ними онъ вступаетъ въ жизнь; подъ ихъ вліяніемъ слагаются всѣ его чувства и образъ мыслей; они управляютъ его дѣйствіями; съ ними онъ сходитъ въ могилу, и самый культъ смерти переполненъ суевѣрными обрядами, составляющими, такъ сказать, его вторую религію. Многочисленность церковныхъ праздниковъ, проводимыхъ въ праздности и бражничествѣ, и длинные посты, заимствованные отъ траппистовъ, много препятствуютъ движенію восточныхъ народовъ и въ томъ числѣ болгаръ, не смотря на ихъ хорошія природныя дарованія на пути цивилизаціи. Да не примутъ политическіе и клерикальные дѣятели этихъ словъ за косвенное указаніе съ моей стороны на Иллирійскій треугольникъ, какъ на многообѣщающее поле для ихъ пропаганды. Напротивъ, я утверждаю и докажу впослѣдствіи, что всякій вкладъ, какъ денежныхъ капиталовъ, такъ и работы въ это дѣло, принесъ бы лишь самые скудные проценты. Пускай Востокъ, принявши разъ православіе, остается православнымъ; нарушеніе же обычая безчисленныхъ праздниковъ и постовъ слѣдуетъ предоставить времени. Они уничтожатся, какъ въ прочихъ христіанскихъ церквахъ, силою вещей, при измѣненіи хозяйственныхъ условій, при новыхъ потребностяхъ, долженствующихъ неминуемо явиться вслѣдствіе распространенія въ странѣ западнаго прогресса,—распространенія, которое могутъ замедлять всѣ эти обычаи, но отклонить котораго совсѣмъ они не въ силахъ.

Всѣ обрядныя церемоніи православной церкви при крестинахъ, бракѣ и смерти, а равно и при торжественныхъ годовыхъ праздникахъ изложены подробно въ моемъ сочиненіи о Сербіи; здѣсь же я намѣренъ представить только очеркъ болгарскихъ нравовъ и обычаевъ, которые столь же различны, какъ и народный костюмъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Странная смѣсь, заключающаяся въ нихъ, древнихъ языческихъ традицій съ христіанскими, представляя новый матеріалъ для сравненія съ нравами и обычаями другихъ народовъ и для опредѣленія этическаго свойства болгарскаго народа, имѣетъ огромное значеніе для этнографа.

Мы начнемъ съ описанія перваго праздника юліанскаго календаря.

Болгары такъ же, какъ и прочіе народы, празднуютъ новый годъ, и всѣ знакомые въ этотъ день обмѣниваются между собою хорошими пожеланіями другъ другу и взаимными призваніями благословенія. Въ нѣкоторыхъ странахъ ходятъ съ древесной вѣткой, въ другихъ отъ яблони, которыми прикасаются къ каждому встрѣчному съ восклицаніемъ: «Survakam!» (желаю счастія). Повѣрье гласитъ, что эти пожеланія очень полезны для здоровья. Въ сѣверной области Балкана и на Дунаѣ причитается слѣдующее:

Surva, surva godina,
Golem klas na niva,
Golem grozd na loze,
Cervena jabalka v gradina,
Zivo, zdravo do godina!

Въ теченіе дня всѣ дѣлаютъ другъ другу визиты, всѣ обмѣниваются взаимными пожеланіями счастія и благоденствія. Тотъ же обычай существуетъ и въ Албаніи; только онъ исполняется не 1 января, а 1 марта. На южной сторонѣ Балкана вѣтка разламывается на маленькіе кусочки, подъ которыми подразумѣваются разныя отрасли хозяйства, и съ поименованіемъ оныхъ эти кусочки запекаются въ пирогъ и въ тотъ же день съѣдаются вмѣстѣ съ нимъ членами семейства. Въ окрестностяхъ же Казани эта вѣтвь, называемая вѣтвью св. Василія, торжественно сжигается вечеромъ.

5 января, день, называемый «поповой колядой», священникъ ходитъ изъ двора во дворъ, благословляетъ и крапитъ св. водой всѣ покои и получаетъ за то небольшіе подарки. Вечеромъ исполняются разные обычаи, которые мы опишемъ позднѣе.

Въ день Крещенія, или Богоявленія (6 января), въ придунайскихъ странахъ матери растираютъ обыкновенно груди своимъ дѣтямъ комками снѣга, что по народному повѣрью укрѣпляетъ ихъ здоровье. Въ окрестностяхъ Варны взрослые стараются другъ друга обливать водою; а желающіе избавиться отъ этихъ насильственныхъ душъ должны откупаться деньгами, которыя пропиваются вечеромъ въ деревенскомъ шинкѣ сообща всѣми мужчинами, собирающимися тамъ. Въ окрестностяхъ Шумлы мужчины, вновь вступившіе въ бракъ, отправляются съ музыкой, въ сопровожденіи своихъ пріятелей, къ рѣкѣ или къ колодцу (Cesma) и обливаются тамъ водою подъ возгласъ «vlacuam» (обливаю молодаго супруга). На южныхъ склонахъ Балкана, близъ Копривштицы, моются въ этотъ день всѣ домашнія иконы, и въ домахъ, гдѣ есть новобрачные, молодая идетъ въ сопровожденіи свекра къ рѣкѣ, тамъ кланяется ему три раза, затѣмъ входитъ въ воду и цѣлуетъ у него руку, послѣ чего получаетъ отъ него какой нибудь подарокъ и даритъ ему въ свою очередь платокъ. Въ южно-балканскихъ городахъ эта церемонія ограничивается поливаніемъ воды на главу дома, и совершается она не въ Богоявленіе, а въ Бабинъ день, т. е. 8 января.

Этотъ такъ называемый Бабинъ день празднуется въ нѣкоторыхъ селахъ на рѣкѣ Камчикѣ вакханаліями своего рода. Женщины обходятъ все мѣстечко танцуя, кривляясь и оглашая окрестность веселыми пѣснями и смѣхомъ. Это тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что замужнія женщины не танцуютъ вообще, такъ какъ это считается предосудительнымъ. Около Татаръ-Базарджика беременныя женщины, которыя должны скоро разрѣшиться, отправляются съ букетами, осыпанными золотыми блестками, съ чашками, наполненными водой, съ мыломъ, полотенцами и разными подарками къ сельской бабкѣ или т. н. бабѣ и цѣлуютъ у ней руки, передавая ей дары, которыя она обмываетъ по принятіи и отдаетъ давалицамъ обратно для сушки. Послѣднія, просушивши, возвращаютъ назадъ бабкѣ и взамѣнъ получаютъ отъ нея нити красной шерсти и хлѣбъ съ солью, надъ которыми произносятся разные наговоры, и чѣмъ скорѣе онѣ проглотятъ эти наколдованныя вещи, тѣмъ легче и скорѣе разрѣшатся отъ бремени. Часто мать приноситъ съ собою послѣдняго своего ребенка, которому колдунья-бабка кладетъ бѣлую шерсть на голову для того, чтобы онъ дожилъ до бѣлыхъ волосъ на головѣ, и если это мальчикъ, то шерсть прикладываютъ ему также къ нижней части лица, чтобы она покрылась со временемъ густою бородой. Въ окрест-

ностяхъ Шумлы мужчины, переодѣтые въ разные юмористическіе костюмы, хватаютъ на улицѣ какую нибудь старуху и бросаютъ ее въ ручей или просто обливаютъ водою. Повсюду день этотъ ознаменовывается страшнымъ пьянствомъ.

Въ окрестностяхъ Копривштицы, въ первый вечеръ сырнаго заговѣнья или масляницы, молодые парни берутъ жерди, навязываютъ на нихъ огромные пуки соломы и, выходя съ ними за деревню, зажигаютъ ихъ и махаютъ этими пылающими факелами, описывая круги, пока они не потухнутъ, разсыпаясь дождемъ искръ. Это называется «Samodivski ogon», т. е. огнемъ для заклинанія духовъ. Въ слѣдующій затѣмъ понедѣльникъ всѣ маскируются, и начинается празднество карнавала. Въ окрестностяхъ Ловеца и въ немъ самомъ въ большой модѣ одинъ костюмъ, украшенный маленькими колокольчиками. Наряженные требуютъ обыкновенно съ зрителей и прохожихъ денегъ, на которыя затѣмъ всѣ сообща угощаются. Около Варны въ первый день праздника всѣ деревенскія собаки подвергаются страшнымъ побоямъ и оглашаютъ окрестность своимъ воемъ; по мнѣнію тамошняго народонаселенія, это предохраняетъ ихъ отъ бѣшенства.

Съ чистаго понедѣльника начинается строгій постъ. Въ этотъ день вся посуда во всѣхъ домахъ чистится и моется, всѣ воздерживаются отъ самой необходимой пищи, не готовится никакого кушанья, такъ какъ по общему повѣрью послѣдствіемъ невоздержности въ этотъ день будетъ засуха и поврежденіе жатвы какою нибудь стихійною случайностью.

Въ Ѳедорову субботу на южныхъ склонахъ Балкана парни отправляются кататься верхами по лугамъ и полямъ; по общему мнѣнію, это приноситъ здоровье. Въ придунайскихъ же странахъ предполагаютъ, что это, сверхъ того, предохраняетъ домашній скотъ отъ всякихъ болѣзней.

Въ воскресенье второй недѣли великаго поста справляется задушница (поминки всѣхъ усопшихъ). На всѣхъ могилахъ деревенскаго кладбища ставятся разные кушанья и напитки; въ мѣстахъ, лежащихъ на рѣкѣ Камчикъ, женщины сверхъ того ходятъ изъ дома въ домъ съ зажженными лучинами, чтобы у ихъ усопшихъ родственниковъ и друзей былъ лучше аппетитъ. Всѣ эти обычаи доказываютъ несомнѣнно, что болгары вѣрятъ не только въ посмертное существованіе души, но также и тѣла.

Мартъ мѣсяцъ въ Болгаріи равняется апрѣлю въ широтахъ западной Европы. Погода непостоянная, бурная; вслѣдствіе этого вѣроятно болгары назвали его «бабой Мартой». Мѣсяцъ этотъ, окрещенный на-

званіемъ женскаго рода, посвященъ слабому полу, который отдыхаетъ въ теченіе его отъ всѣхъ своихъ трудовъ и беретъ извѣстный перевѣсъ въ домѣ надъ мужскимъ поломъ. На южной сторонѣ Балкана женщины празднуютъ всѣ четверги, начиная съ великаго, т. е. съ послѣдняго четверга предъ Пасхой до Вознесенья. Дѣлается это въ силу повѣрья, что если женщины будутъ прясть, мыть полы или вообще заниматься какою нибудь работой въ эти дни, то баба Марта нашлетъ градъ, проливные дожди и вообще разныя невзгоды. Въ окрестностяхъ Шумлы жители навязываютъ себѣ на руку возлѣ кисти красныя нитки и, проносивши ихъ нѣсколько дней, снимаютъ и кладутъ подъ камень; затѣмъ чрезъ нѣкоторое время дѣлаютъ наблюденія, какія насѣкомыя собрались вокругъ этихъ нитокъ, и по роду ихъ предсказываютъ, какой урожай будетъ въ этомъ году.

Праздникъ Благовѣщенія чрезвычайно чтится болгарами. По мнѣнію ихъ, въ этотъ день вся природа предается полному покою, птица не вьетъ гнѣзда, пчела не вылѣзаетъ изъ улья; только змѣи выползаютъ изъ своихъ трущобъ и празднуютъ свой шабашъ; а потому на южныхъ склонахъ Средняго Балкана, еще до солнечнаго восхода, женщины отправляются на свои дворы съ мѣдными тазами и, ударяя по нимъ деревянными ложками, поютъ «О, убѣгайте змѣи, убѣгайте ящерицы!» и т. д. Однако же горе тому, кто бы вздумалъ въ этотъ день убить одного изъ этихъ гадовъ: въ теченіе года онъ непремѣнно былъ бы ужаленъ какимъ нибудь его родичемъ (повѣрье, распространенное на Камчикѣ). У сербовъ и албанцевъ этотъ праздникъ связывается также съ змѣями, только другимъ образомъ. Въ болгарскихъ селеніяхъ близъ Варны вечеромъ въ этотъ день зажигаются три большіе костра. Вокругъ одного собираются женатые мужчины и пьютъ вино и водку; вокругъ другаго собираются замужнія женщины съ прялками, сидя за которыми весело болтаютъ; вокругъ третьяго танцуютъ молодые парни и дѣвушки подъ звуки гайды. На сколько тихо и спокойно проводится день, на столько же шумно и весело проводится вечеръ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что эти обычаи суть остатки языческаго празднованія весны, продолжавшагося день и ночь.

Семинедѣльный постъ, предшествующій Пасхѣ, соблюдается весьма строго. Только въ день Благовѣщенія разрѣшается ѣсть рыбу; разрѣшеніе это основано на баснѣ, относящейся къ императору Константину Палеологу, которая, впрочемъ, нисколько его не объясняетъ.

Есть еще другой постъ, не менѣе строго соблюдаемый, какъ Великій, —это Петровскій, продолжающійся 4 недѣли и исправляемый въ іюнѣ мѣ-

сяцѣ. Въ оба эти поста питаются исключительно пищею, приготовляемою изъ овощей съ постнымъ масломъ. Къ болѣе легкимъ постамъ, въ которые дозволяется ѣсть рыбу, молоко и сыръ, причисляются: Успенскій, продолжающійся 14 дней; затѣмъ—постъ въ честь Воздвиженія животворящаго креста, также двухнедѣльный, восьмидневный постъ въ честь Покрова Богородицы, восьмидневный въ честь Арх. Михаила и наконецъ шестинедѣльный Рождественскій. Если причислить къ этимъ 22 недѣлямъ поста еще 30 пятницъ и столько же средъ, въ которыя также постятся низшіе классы христіанъ восточной церкви, то это составитъ въ году 214 дней, въ которые люди изнуряютъ свои физическія силы и подрываютъ свое здоровье.

Наканунѣ Лазаревой субботы по селамъ ходятъ цыганки, танцуя и распѣвая пѣсни. Въ самую же субботу ходятъ маленькія дѣвочки мѣстечка въ праздничныхъ костюмахъ изъ дома въ домъ и поютъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, гдѣ есть дѣвушки-невѣсты или молодые парни, веселыя пѣсни, заключающія въ себѣ разныя добрыя пожеланія и благословенія; въ другихъ же домахъ, гдѣ живутъ люди пожилые и серьезные, маленькія пѣвицы поютъ пѣсни болѣе серьезныя и вездѣ получаютъ подарки. Въ окрестностяхъ Ловеца этотъ обычай справляется двумя недѣлями ранѣе. Дѣвочки накидываютъ на плечи проходящихъ мимо пестрые платки, которые возвращаются имъ съ маленькими подарками. При этомъ поется обыкновенно: «Ela, ela, Lasare! jaicata smasane!» что значитъ: «О, приходи, приходи, Лазарь! яица раздавлены!» и т. далѣе.

Въ Вербное воскресенье (vrabnica) отправляются на могилы родственниковъ и друзей и тамъ справляютъ обѣды, остающіеся отъ которыхъ кушанья и напитки оставляютъ покойникамъ, которые, по мнѣнію большинства, выходятъ ночью изъ своихъ могилъ и поѣдаютъ эти остатки. На Камчикѣ вѣтви, освященныя въ этотъ день, кладутъ на животъ, что предохраняетъ отъ боли въ немъ; а на другой день изъ нихъ плетутъ вѣнки, которые вѣшаютъ на образа. Въ этотъ день, называемый во многихъ странахъ «Cvetla nedelja», дѣвушки въ окрестностяхъ Копривштицы собираются къ ручью и кидаютъ въ воду куски хлѣба. Вездѣ этотъ день празднуется пирами, всѣ поютъ и веселятся.

На слѣдующей недѣлѣ, въ такъ называемый «зеленый четвергъ», красятъ яйца красною краской, которою матери натираютъ щеки своимъ дѣтямъ, приговаривая: «будьте такіе же красные, какъ эти яйца, во

весь годъ!» На Дунаѣ въ этотъ день приготовляются исключительно куличи, называемые «kuzonaci».

Въ Свѣтлое воскресенье всѣ отправляются въ церковь со свѣчками еще до разсвѣта, чтобы не пропустить момента, когда священникъ, выходя изъ царскихъ дверей съ трикиріемъ, благословляетъ народъ и произноситъ: «примите Св. Духа,» послѣ чего всѣ спѣшатъ, всѣ толкаются, чтобы зажечь свои свѣчки отъ освященнаго огня и отнести ихъ горящими домой, гдѣ ихъ разставляютъ по всѣмъ угламъ для изгнанія изъ дома злыхъ духовъ. Вездѣ раздаются возгласы: «Христосъ воскресъ!» и «во-истину воскресъ!» Бѣдныхъ надѣляютъ зажиточные сосѣди яицами и куличами, а на другой день, т. е. въ понедѣльникъ, носятъ пестрыя яица на могилы. Отъ Пасхи до Егорьева дня, отъ Петрова дня до Димитріева—браки не заключаются; но взамѣнъ этого въ Ловецѣ и его окрестностяхъ молодые люди объясняются другъ другу въ любви и заключаются сватовства. Вообще въ это время обыкновенно веселятся, послѣ обѣда и вечеромъ затѣваются игры и танцы подъ музыку дудки и свирѣли.

День святаго Георгія чрезвычайно чтится болгарами; тамъ, какъ и въ Сербіи, онъ празднуется принесеніемъ овецъ въ жертву и передъ нимъ не ѣдятъ никакого молодаго скота. Кожи съ принесенныхъ въ жертву овецъ идутъ въ пользу священниковъ. Въ этотъ день заключаются обыкновенно контракты между собственниками стадъ и пастухами, между хозяевами-промышленниками и рабочими и вообще между всѣми нанимателями и наемщиками. Всѣ эти договоры обыкновенно заключаются на одинъ годъ. Въ странахъ южнаго Балкана рано утромъ перваго мая немощныя и безплодныя женщины идутъ на зеленыя лужайки и, раздѣвшись до нага, катаются по травѣ, покрытой росой. Въ этихъ же странахъ, а равно и въ придунайскихъ, пьютъ въ этотъ день парное молоко и майскій напитокъ, составляемый изъ вина съ абсентомъ. Если весной не выпадаетъ дождей, то въ Болгаріи, какъ и въ Сербіи, устраиваются для возбужденія оныхъ процессіи, называемые «Peperudo» (Бабочка). Онѣ заключаются въ томъ, что голыя цыганки, окутавшись зелеными вѣтками, ходятъ по деревнѣ и, останавливаясь предъ каждымъ дворомъ, поютъ псалмы богинѣ дождя. Содержаніе этихъ пѣсенъ слѣдующее: «O peperudo rudole! Ниспошли росу на землю, o rudole! Ниспошли дождя, чтобы былъ богатый урожай пшеницы, маиса и проса, o rudole! Ниспошли размноженіе пчелъ. O rudole, rudole!» и т. д.

Затѣмъ цыганокъ обливаютъ водой и дарятъ имъ разныя вещи. Прежде процессія Peperudo исполнялось мѣстными дѣвушками. Съ нѣкотораго времени духовенство начало возставать въ Болгаріи противъ этихъ и прочихъ языческихъ обычаевъ, употребительныхъ въ сухое время. Въ окрестностяхъ Шумлы существуетъ, напримѣръ, обычай бросать въ ручей или колодезь куклу, обернутую листьями, что совершается обыкновенно весьма торжественно при содѣйствіи всего народонаселенія деревни.

Отъ Вознесенья начинаютъ праздновать чрезъ каждые 8 дней «самовильскіе праздники» или праздники въ честь волшебницъ, господствующихъ надъ полями, лѣсами, водами и лугами. Этотъ обычай соблюдается также и въ Сербіи. Въ немъ яснѣе чѣмъ во всѣхъ прочихъ выступаютъ языческія традиціи. Самое названіе «Розаліи», которымъ обозначаетъ народъ мистеріи этого суевѣрнаго обычая, достаточно ясно указываетъ на ихъ связь и общее происхожденіе съ подобными же мистеріями древнихъ народовъ. Въ эти праздники, которые во многихъ странахъ празднуются до тѣхъ поръ, пока не начнутъ выпадать сильные дожди, водятъ или носятъ умалишенныхъ, меланхоликовъ, эпилептиковъ въ лѣса, на поляны, гдѣ растутъ розы, составляющія, по общему мнѣнію, любимое кушанье волшебницъ; тамъ оставляютъ больныхъ на цѣлую ночь одниxъ въ предположеніи, что волшебницы собираются тамъ и, танцуя вокругъ нихъ *«горо»*, рѣшаютъ ихъ участь. Этихъ лѣсныхъ розъ болгарскія женщины никогда не втыкаютъ себѣ въ волосы, такъ какъ повѣрье гласитъ, что онѣ приносятъ страшный вредъ, если ихъ касалась нога волшебницы. Сороки и орлы предназначаются «вилами», по мнѣнію болгаръ, для особеннаго рода службъ. Въ Ильинъ день (20 іюля) сороки наряжаются ими на гумно, чтобы обмолачивать тамъ для нихъ *«розы»* (подсолнечники), и вслѣдствіе хомутовъ, которые будто бы надѣваются при этомъ на птицъ, шеи ихъ такъ бѣдны перьями. Шеи же орловъ потому голы, что ихъ впрягаютъ волшебницы въ свои воздушные экипажи, чтобы кататься по воздуху. Впрочемъ, послѣдніе, которыхъ чрезвычайно боятся въ Болгаріи, имѣютъ еще и другое назначеніе: онѣ разносятъ градъ по приказанію своихъ повелительницъ, и потому при появленіи градовыхъ тучъ въ воздухѣ жители мѣстностей, надъ которыми онѣ собираются, начинаютъ стрѣлять, чтобы удалить крылатыхъ посланниковъ, которые гонятъ ихъ. Если во время грозы на дворѣ находится открытая кадка съ водой, то дѣвушки и молодые парни ни подъ какимъ видомъ не должны умываться ею, такъ какъ они рискуютъ, что въ нихъ послѣ

этого влюбится какой-нибудь «змай» (драконъ) и сдѣлаетъ ихъ несчастными на всю жизнь. На сѣверной и южной сторонѣ Балкана, а также на Дунаѣ никто не осмѣливается купаться въ источникахъ и ручьяхъ во время самовильскихъ праздниковъ, въ виду того, что «вилы» любятъ тогда танцовать въ нихъ и зло отомстили бы каждому, кто нарушилъ бы ихъ веселье. Въ Систовѣ, Ловецѣ и другихъ мѣстахъ женщины съ дня св. Троицы не принимаются ни за какую работу въ теченіе 8 дней, такъ какъ въ противномъ случаѣ на нихъ могутъ вознегодовать «вилы» и жестоко наказать.

Праздникъ солнечнаго поворота празднуется въ Болгаріи въ день рожденія Іоанна Крестителя или въ такъ называемый Ивановъ день (24 іюня). Ознаменовывается это празднество зажиганіемъ костровъ на горныхъ вершинахъ. Дѣвушки забавляются въ этотъ день разными играми и гаданьями, въ которыхъ играютъ большую роль ихъ кольца, разрѣшающія разные вопросы касательно замужства. Въ Ловецкомъ округѣ онѣ отправляются рано утромъ на берега Осмы, текущей тамъ бурнымъ потокомъ, и бросаютъ въ ея стремительныя волны вѣнки, сплетенные наканунѣ. Дѣвушка, вѣнокъ которой опередитъ въ водѣ прочіе вѣнки, обязана устроить для своихъ подругъ въ Петровъ день (29 іюня) пиръ съ музыкой и танцами. Въ придунайскихъ странахъ за три дня предъ Ивановымъ днемъ шесть дѣвушекъ, въ праздничныхъ костюмахъ, съ предводительницею, вооруженною шпагой и наряженною въ мѣховую шапку, проходятъ по всему селу въ сопровожденіи музыкантовъ и, останавливаясь предъ каждымъ домомъ, поютъ и танцуютъ, тогда какъ предводительница махаетъ по воздуху саблей съ жестами, подражающими сѣченію головъ, въ память отсѣченія головы св. Іоанна. Этотъ обычай, который въ ходу, собственно говоря, между романцами, живущими на болгарскомъ дунайскомъ берегу, перешелъ туда съ валахскаго берега и называется «драгайкою». Съ Петрова дня, который посвящается удовольствіямъ всякаго рода, всѣ народонаселенія Турціи, какъ христіанскаго, такъ и магометанскаго вѣроисповѣданія, начинаютъ ѣсть мясо. Этотъ день празднуется въ Ловецѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ храмы посвящены великому апостолу, съ большимъ торжествомъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ празднуются въ нѣкоторыхъ областяхъ южныхъ Балканъ «Горешницы» (три жаркихъ дня), и на это время прекращаются всѣ полевыя работы.

Праздникъ Св. Дѣвы Маріи имѣетъ значеніе только для молодыхъ членовъ семействъ. Для того, чтобы дѣти хорошо росли, нужно въ этотъ день приносить въ жертву какому нибудь святому ягнятъ, вино, медъ и пр. Выборъ же святаго происходитъ слѣдующимъ образомъ: предъ тремя иконами зажигаютъ три свѣчи, по одной предъ каждой; приносятъ затѣмъ младенца, и когда послѣдній схватитъ первую попавшуюся свѣчу, то икона, предъ которою она горѣла, и указываетъ святаго, особому покровительству котораго поручается дитя; окружающіе же при этомъ пьютъ и приносятъ ему въ жертву разные дары, произнося слѣдующія слова: «Эту жертву приносимъ тебѣ, святой (Михаилъ)»! Затѣмъ закалываютъ ягненка и устраиваютъ общій пиръ, на которомъ и съѣдается все приготовленное.

Въ «Petkov den» (Св. Петки), 14 октября, собираются въ деревняхъ близъ Ловеца и пируютъ въ память причисленной къ лику святыхъ Петки, которая своимъ геройствомъ побѣдила въ какой-то битвѣ грековъ; затѣмъ галопируютъ на лошадяхъ и устраиваютъ въ нѣкоторомъ родѣ военныя игры.

Въ день св. Димитрія, 26 октября, зажигаются въ конюшняхъ и сараяхъ освященныя свѣчи; это дѣлается для того, чтобы домовые не портили домашнихъ животныхъ.

Въ ноябрѣ начинаются такъ называемые «vlci prasnici», волчьи праздники, во время которыхъ жены пастуховъ въ южныхъ Балканахъ связываютъ накрѣпко ножницы, которыми онѣ стригутъ овецъ, ягнятъ и козъ. Этимъ средствомъ стягиваются будто бы волчьи пасти до того, что волки совсѣмъ не могутъ вредить животнымъ. Въ продолженіе всего 8-дневнаго празднества женщины оставляютъ всякія занятія и въ особенности избѣгаютъ шить платье своимъ мужьямъ, потому что приготовленная въ это время одежда можетъ привлечь волковъ и погубить пастуховъ.

Накануне 30 ноября, дня св. Андрея, приготовляется кушанье изъ всѣхъ родовъ зерноваго хлѣба, со словами: «какъ они (зерна) разбухаютъ, такъ пускай и все растетъ въ будущемъ году!» Въ южныхъ Балканахъ кипятятъ также пшеницу. Предъ ужиномъ, всѣ мужчины, работающіе въ полѣ, берутъ каждый по полной ложкѣ кушанья и кидаютъ его въ трубу и при этомъ произносятъ: «пускай такъ же высоко поднимаются стебли посѣва!» Затѣмъ остальное все съѣдается.

Со дня св. Игнатія, т. е. съ 20 по 25 ноября, поется каждый вечеръ: «Святая Дѣва терпѣла родовыя муки отъ дня св. Игнатія до Рождества (Koleda), нося въ утробѣ Бога», или слѣдующая пѣсня: «У тебя, хозяйка, сынъ (слѣдуютъ поперемѣнно имена дѣтей мужескаго пола). Воспитывай его такъ, чтобы онъ былъ добрымъ, набожнымъ и умнымъ человѣкомъ, чтобы умѣлъ читать и писать, чтобы былъ паномъ (Ban) и королемъ!» Близъ Ловеца, вставшій первымъ въ день св. Игнатія долженъ имѣть въ рукахъ кувшинъ или что либо подобное. Дѣти, поздравляя съ праздникомъ, желаютъ, чтобы плодились въ домѣ гуси, утки и куры; взрослые же желаютъ другъ другу хорошаго года, богатой жатвы и урожая винограда. До 25 ноября не ѣдятъ совсѣмъ чесноку, для того чтобы не поглупѣть, и это повѣрье распространено повсемѣстно въ Балканахъ.

Съ 24 декабря до 6 января избѣгаютъ вообще выходить изъ дому ночью, такъ какъ, по общему повѣрью, въ это время человѣкъ болѣе всего подверженъ вліянію нечистыхъ силъ природы. Приносящіе несчастіе «karakoncu» (черные коньки), «zmai» (змѣи), заколдованные медвѣди и волки наполняютъ опасностями лѣса, а злые демоны наносятъ зимнія вьюги. Въ мѣстностяхъ близъ Варны есть повѣрье, что всякій сосудъ, оставленный пустымъ, уносится злымъ духомъ; поэтому даже телѣги и другіе экипажи съ этою цѣлью наполняются разными тяжестями. Вообще, чѣмъ ближе Рождество, тѣмъ болѣе христіанскіе обычаи у болгаръ и другихъ южныхъ славянъ уступаютъ мѣсто языческимъ, и изъ послѣднихъ главную роль играетъ «коляда». Отъ самой Савы и до Чернаго моря, однимъ словомъ, куда только доносятся звуки славянскаго языка, коляда, вплоть до самаго Рождества Спасителя, занимаетъ видное мѣсто въ ряду другихъ обычаевъ, и вездѣ поются пѣсни въ честь ея съ припѣвомъ: ай, коляда! ай коляда! «О Koleda! о Koleda!» Въ статьѣ моей: «Сербія» (стр. 544—546) я подробно описалъ обычаи и значеніе рождественскихъ праздниковъ, и все тамъ сообщенное относится также и до Болгаріи. Здѣсь въ дополненіе приведу нѣкоторые нравы, касающіеся только этой страны.

Въ рождественскій сочельникъ (Koleda) взрослые мальчики, съ небольшими посохами въ рукахъ, ходятъ по болгарскимъ деревнямъ и, подходя къ каждому дому, ударяютъ посохомъ о землю, произнося громко: «bog se rodi Koledo» (маленькій Богъ родился!). За это ихъ угощаютъ рождественскими пирогами (караван). Въ мѣстностяхъ близъ Ловеца они

поютъ: «zamacisa boza maika, ot Ignata do Koleda, da se rodi Hristo boga, stananine Oospodine» (отъ Игнатьева дня и до Рождества Божія Матерь чувствовала, что родитъ Бога Христа, и родился Господь) а близъ Карлова: «pochvalil sa dobar junak, s'nosti vidahna sediankа, ce se ima dobra konja, da nad mine jasno slonce E, Koledo, moi Koledo!» и т. д. (Хвалился добрый молодецъ: видѣлъ я вчера вечеромъ въ веселомъ кругу, что у него славные кони, краше яснаго солнца, ай Коляда! и т. д.). Въ сочельникъ ѣдятъ обыкновенно постное; въ муку, изъ которой пекутъ хлѣбъ и пироги, втыкаютъ зажженную лучинку и оставляютъ ее до тѣхъ поръ, пока она не потухнетъ. Затѣмъ эту лучинку сохраняютъ и зажигаютъ въ слѣдующемъ году только въ такомъ случаѣ, если кто нибудь изъ членовъ семьи осрамитъ себя дурнымъ поступкомъ. Въ большіе рождественскіе пироги запекаютъ также монеты. Когда пирогъ готовъ, то ставится на накрытый столъ, и къ его верхней коркѣ прилѣпляютъ зажженную восковую свѣчу, а подъ столомъ въ то же время ставятъ блюда съ соломой и орѣхами. Затѣмъ хозяинъ съ кадиломъ въ рукахъ обходитъ весь домъ и дворъ и кадитъ во всѣхъ комнатахъ, конюшняхъ и сараяхъ, послѣ чего вѣшаетъ кадило на божницу и приступаетъ съ молитвою къ разрѣзыванію пирога, первый кусокъ котораго назначается Богородицѣ, а остальные—членамъ семейства и разнымъ хозяйственнымъ принадлежностямъ и постройкамъ, какъ-то: дому, мельницѣ, полю, винограднику, лѣсу и т. д. Тотъ членъ семейства, въ кускѣ котораго окажется запеченная монета, будетъ самымъ счастливымъ въ новомъ году и обязывается оказывать помощь своимъ роднымъ въ случаѣ несчастія. Всѣ остатки отъ ужина ставятъ предъ иконой Божіей Матери, говоря при этомъ: «пусть Св. Марія также поужинаетъ», и оставляютъ ихъ предъ образомъ на всю ночь. Утромъ слѣдующаго дня берутъ солому, которую въ сочельникъ вечеромъ (Badni Vecer) клали подъ столъ, и окутываютъ ею деревья, чтобы они приносили больше плодовъ; орѣхи же сохраняютъ какъ лекарство отъ накожныхъ болѣзней, которыя будто бы быстро исчезаютъ при натираніи ими кожи, но подъ однимъ условіемъ, чтобы орѣхи немедленно послѣ употребленія выбрасывались на крышу дома и уносили такимъ образомъ съ собою болѣзнь. Во время рождественскихъ праздниковъ всѣ обмѣниваются визитами и взаимными пожеланіями другъ другу счастія.

Наканунѣ Новаго года устраивается особеннаго рода пиръ: приготовляется царскій пирогъ (carska pita) изъ муки, масла и яичнаго желтка, обмазывается сверху медомъ и разрѣзывается на куски, которые

раздаются бѣднымъ. На столѣ долженъ быть непремѣнно студень изъ свиной головы или жареный окорокъ того же животнаго. Прежде чѣмъ сѣсть за столъ хозяинъ дома обходитъ вокругъ него съ кадиломъ и окуриваетъ. На южныхъ склонахъ Балкана по окончаніи обѣда берутъ древесную вѣтку, насыпаютъ на блюдо немного ячменя и все вмѣстѣ подносятъ къ пылающему очагу, вокругъ котораго собирается вся семья; затѣмъ каждый изъ ея членовъ срываетъ съ вѣтки по одному плоду и бросаетъ его на раскаленную желѣзную плиту, произнося свое имя. Если плодъ лопается, то лицо, бросившее его, останется здоровымъ въ теченіе всего года. То же самое дѣлается и съ ячменными зернами, и если какое-нибудь изъ нихъ разбухнетъ, то кинувшій его будетъ имѣть удачу во всѣхъ предпріятіяхъ. Вѣтки же обыкновенно прикрѣпляются подъ крышей дома. Близъ Копривштицы (Coprivstica) кладутъ предъ ужиномъ на желѣзную лопатку сохи раскаленные угли и затѣмъ, пришедши послѣ ужина, замѣчаютъ, что если угли, при вздуваніи ихъ, издаютъ искры, то это означаетъ плодородный годъ, въ противномъ случаѣ будетъ неурожай, и по этому поводу устраиваются многочисленныя процессіи (peperudo). Въ Панагьюристѣ (Panagjuriste) дѣвушки собираются предъ закатомъ солнца на открытомъ мѣстѣ, зачерпываютъ въ ведро воды и кладутъ въ него каждая немного пшеницы и букетъ съ кольцомъ, а замужнія женщины букетъ съ браслетомъ; затѣмъ составляютъ кругъ около ведра и поютъ: «собирайтесь, малыя и большія дѣвицы, давайте славить кольца»! Потомъ выходитъ одна изъ женщинъ и предлагаетъ: кто изъ дѣвицъ выйдетъ замужъ за красиваго, молодого парня? кто за купца? кто за вдовца? кто за пьяницу? кто совсѣмъ не выйдетъ замужъ? кто изъ женщинъ пойдетъ на богомолье въ Іерусалимъ? кто выйдетъ два раза замужъ? и другіе интересные для незамужнихъ и замужнихъ пророчества, и послѣ каждаго изъ нихъ дѣвушка, принесшая ведро съ водою, вынимаетъ букетъ съ кольцомъ и передаетъ его владѣлицѣ. Въ вѣрномъ исполненіи предсказаннаго никто не сомнѣвается.

Рано утромъ въ день Новаго года (surova godina) молодой парень достаетъ съ крыши вѣтвь, сыплетъ во всѣхъ помѣщеніяхъ понемногу ячменя и говоритъ: «здѣсь радость и св. Василій»; затѣмъ подходитъ къ божницѣ, ударяетъ вѣткою три раза икону и всѣхъ присутствующихъ и поетъ, какъ напр. близъ Систова, показанный выше стихъ. Затѣмъ дѣти и взрослые до самаго вечера ходятъ изъ дома

въ домъ съ поздравленіями, собираютъ разные подарки и угощаются ими сообща на другой день.

Кромѣ приведенныхъ здѣсь праздниковъ и постовъ, болгары празднуютъ еще дни нѣкоторыхъ особенно чтимыхъ ими святыхъ, какъ напр. день св. Николая, дни архангеловъ и пр. Въ такіе дни закалываютъ овецъ и ягнятъ, и устраиваютъ угощенія, на которыхъ вино и водка играютъ важную роль; молодежь же поетъ и танцуетъ подъ музыку тайды.

Съ другой стороны, есть мѣсяцы и дни, которые почитаются несчастными для людей, напр. вторникъ и пятница. Какъ въ первый, такъ и въ послѣдній, избѣгаютъ предпринимать путешествія, не начинаютъ никакого важнаго дѣла и не обручаются, такъ какъ въ противномъ случаѣ одна изъ сторонъ непремѣнно овдовѣетъ; вечеромъ въ пятницу женщины не должны прясть: иначе могутъ потерять зрѣніе, и пр. и пр. Изъ мѣсяцевъ тяжелымъ считается февраль, въ продолженіе котораго нельзя ничего обѣщать и обручаться.

Какъ я уже часто говорилъ и на сколько видно изъ описанныхъ здѣсь обычаевъ, чувство любви къ семейной жизни у болгаръ вкоренилось также глубоко, какъ и у другихъ славянскихъ народовъ. Тяготѣющее до послѣдняго времени иго господствующей расы и полнѣйшее исключеніе изъ политическо-административной и государственной жизни ограничило кругъ ихъ дѣятельности домашнимъ очагомъ и укрѣпило въ нихъ чувство отцовской, сыновней и братской любви, отличающей вообще славянина.

Болгарскіе браки, въ сравненіи съ турецкими и даже греческими, особенно плодородны. Каждый новорожденный встрѣчается родными какъ счастливое приращеніе, а на безплодіе жены смотрятъ, какъ на несчастіе, происшедшее, вѣроятно, отъ тайнаго оговора, и вслѣдствіе этого роженицу и дитя тщательно оберегаютъ отъ злаго глаза разнымъ колдовствомъ. Дитя еще во чревѣ матери подвергается со стороны бабки разнымъ таинственнымъ заклинаніямъ, которыя имѣютъ назначеніе предохранять его отъ разныхъ бѣдствій на трудномъ жизненномъ пути. Въ южныхъ областяхъ Балкана, около Татаръ-Базарджика, беременныя женщины стараются доставать чрезъ посредство «бабки» отъ гадзика, т. е. отъ какой-нибудь набожной женщины, бывшей въ Іерусалимѣ, кусочекъ веревки, которую іерусалимскіе св. отцы наматывали на извѣстный камень, служившій будто бы опорой Богородицѣ, когда она почувствовала

приближеніе родовъ. Торговля этими веревками составляетъ весьма прибыльную статью дохода въ монастыряхъ Палестины. Этотъ талисманъ прикрѣпляется къ тазу родильницы и способствуетъ благополучному разрѣшенію. Но еще болѣе облегчаетъ роды слѣдующее средство: «бабка» бросаетъ съ разными нашептываніями въ блюдо, наполненное водой, какой-то корень, и когда наступаетъ рѣшительная минута, то мужъ опускаетъ руки въ эту воду и затѣмъ даетъ ее выпить женѣ. Послѣ благополучнаго разрѣшенія болгарки, при содѣйствіи «бабки» (въ мѣстности на рѣкѣ Камчикъ), послѣдняя всевозможными заклинаніями и посредствомъ натиранія солью и окуриванія комнаты спасаетъ, такъ сказать, мать и новорожденнаго отъ вліянія нечистой силы. Кромѣ того (на южныхъ склонахъ Балкана), «бабка» кладетъ роженицѣ въ волоса кусокъ чесноку и кольцо, а на подушку—краснаго луку и кочергу, и закрываетъ ей лицо до самаго рта бѣлымъ платкомъ, чтобы избавить ее такимъ образомъ отъ «ичикі» (безчестіе). Благополучному приращенію семейства бываютъ всегда всѣ рады, и со всѣхъ сторонъ приносятся поздравленія какъ роженицѣ, такъ и ребенку. Въ дунайскихъ мѣстностяхъ, напр. близъ Систова, молодежь танцуетъ вокругъ костра изъ соломы, лежавшей, въ воспоминаніе яслей Спасителя, подъ подушкою роженицы и вокругъ котораго молодая мать должна обойти предварительно три раза. Въ той же мѣстности рисуютъ красный крестъ на поперечной балкѣ калитки, кладутъ за нею въ продолженіе 40 дней кусокъ желѣза, и послѣ заката солнца никто не можетъ ни входить въ домъ, ни выходить изъ него; ворота же остаются совсѣмъ запертыми. На третій день послѣ родинъ воспріемница (близъ Татаръ-Базарджика) приноситъ бутылку вина, кусокъ сахару, стклянку масла, немного пшеницы и амарантовый листъ, и изъ всей этой смѣси приготовляется съ помощью «бабки» «tretne», т. е. ванна. Воспріемница мажетъ ребенка масломъ и бросаетъ въ ванну нѣсколько монетъ, которыя потомъ вынимаются и отдаются «бабкѣ». День заключается небольшою пирушкою, на которой присутствующія сосѣдки приносятъ свои поздравленія. Послѣ церковнаго крещенія крестная мать передаетъ ребенка отцу, ожидающему его у дома съ новою рубашечкой, и говоритъ: «нехристемъ передалъ ты мнѣ твое дитя, христіаниномъ возвращаю его тебѣ». Затѣмъ устраивается угощеніе, на которое приглашенные являются съ подарками для роженицы, крестной матери и «бабки». Хозяинъ даритъ имъ вина, кушанья и по два ломтя хлѣба, а роженица даетъ каждой изъ нихъ по красивому платку, который онѣ сейчасъ же

вѣшаютъ за поясъ. Въ мѣстности при Татаръ-Базарджикѣ ребенка купаютъ въ теченіе 40 дней, а на сороковой день мать и бабка приносятъ его въ первый разъ въ церковь, гдѣ священникъ читаетъ надъ нимъ молитву, послѣ чего отправляются съ нимъ къ крестной матери, которая даритъ ему яйцо или кусокъ сахару, а матери немного бѣлаго хлѣба и соли и въ дополненіе наливаетъ ей въ башмаки воды, для того чтобы у ней было больше молока. Въ заключеніе роженица благодаритъ бабку за ея труды и цѣлуетъ у нея руку. Но за всѣмъ тѣмъ надо еще предохранить новорожденнаго отъ злаго глаза и отъ всякаго позора; для этого бабка, по примѣру албанцевъ, прикрѣпляетъ на шапочкѣ мальчика кусочекъ чесноку, а на чепчикахъ дѣвочекъ—монету.

Дѣти иногда до 5 лѣтъ не отнимаются отъ груди матери, но за то потомъ они предоставляются вполнѣ на волю божію. На сколько нѣжно мать любитъ свое дитя, на столько же она не умѣетъ его воспитывать, и вслѣдствіе этого смертность между дѣтьми развита въ страшныхъ размѣрахъ. Только тѣ дѣти, которыя обладаютъ крѣпкимъ сложеніемъ, переживаютъ благополучно первый возрастъ, такъ какъ лекарства бабки не всегда оказываются дѣйствительными, а докторовъ въ турецкихъ деревняхъ и городкахъ знаютъ только по слуху. Поэтому каждый старается самъ себѣ помогать. Если дитя чего нибудь испугается, то бросаютъ въ блюдо съ водою горячіе угли и даютъ ему эту воду пить, а бабка въ то же время нашептываетъ разныя слова. Нашептыванье это называется «bajeni». Любимыя игры мальчиковъ составляютъ: мячъ, бросаніе камней, бѣгъ взапуски и игра въ войну. Дѣвочки играютъ въ куклы, жмурки, двери королевы и пр.

Въ болѣе зрѣломъ возрастѣ дѣвушки въ длинные зимніе вечера собираются у домашняго очага. Работая и преимущественно прядя, онѣ напѣваютъ любимыя пѣсни. На эти вечеринки являются также и парни. Они шутятъ, разсказываютъ разныя вещи и расходятся иногда только поздно ночью. На подобныхъ же сходкахъ устанавливаются часто интимныя отношенія, ведущія прямо къ алтарю. Обыкновенно же пріисканіе возлюбленной и будущей супруги, облеченной на Востокѣ въ поэтическую форму, выходитъ у болгарскаго юноши крайне сухимъ и матеріальнымъ.

Выборъ невѣсты не предоставляется никогда личному усмотрѣнію молодаго человѣка; напротивъ, это считается скорѣе дѣломъ общесемейнымъ, и особенно въ деревняхъ родители имѣютъ большое вліяніе на выборъ

дѣвушки. Физическая сила и трудолюбіе считаются главными качествами, будь дѣвушка даже и некрасива. Обыкновенно дѣвушки выходятъ замужъ въ возрастѣ отъ 16 до 20 лѣтъ. Дѣвушка въ 25 лѣтъ считается уже старою и можетъ имѣть въ виду выйти только за вдовца. Парни женятся въ 20—25 лѣтъ; перешедшіе же за 30 лѣтъ женятся обыкновенно на молодыхъ вдовахъ. Переговоры съ родителями дѣвушки ведутся черезъ посредство довѣреннаго лица невѣсты. Приданое, также какъ и сумма, за которую женихъ долженъ ее выкупить, обозначаются подробно, и тогда только сваты дѣлаютъ дѣвушкѣ отъ имени жениха формальное предложеніе, передаютъ ей отъ него кольцо и принимаютъ такое же отъ нея. Затѣмъ женихъ и невѣста посылаютъ букеты знакомымъ дѣвушкамъ, которыя носятъ ихъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней въ видѣ головныхъ уборовъ. Въ придунайскихъ городахъ за принятіемъ предложенія слѣдуетъ обыкновенно оффиціальное обрученіе, совершаемое священникомъ и оканчивающееся баломъ.

Но случается иногда, что дѣвушка согласна принять сдѣланное предложеніе, но родители не соглашаются; въ такомъ случаѣ, если она рѣшается выйти замужъ безъ ихъ согласія, то является съ молодымъ человѣкомъ въ домъ его родителей, которые выражаютъ согласіе принять ее въ свое семейство тѣмъ, что зажигаютъ огонь въ очагѣ и приглашаютъ ее присѣсть; послѣ этого женихъ не имѣетъ уже права отказаться отъ ней и она должна выйти за него, но свадебныхъ подарковъ ни она, ни ея родители не получаютъ. Подобные браки называются «пристанками».

Впрочемъ, обрученія въ обычаѣ вездѣ, хотя и безъ участія священниковъ; въ деревняхъ, какъ и въ городахъ, они слѣдуютъ всегда за обмѣномъ колецъ и отсылкой букетовъ и заключаются веселыми пирами, на которыхъ вино льется рѣкой, раздаются веселыя пѣсни и тосты, соотвѣтствующіе обстоятельствамъ. На этихъ пиршествахъ дѣвушки и молодые люди помѣщаются обыкновенно отдѣльно отъ женатыхъ мужчинъ и замужнихъ женщинъ. Безъ музыки и танцевъ, конечно, дѣло не обходится. Изъ всѣхъ подарковъ, которые даритъ обыкновенно въ этотъ день женихъ невѣстѣ, наиболѣе интересуетъ всѣхъ присутствующихъ ожерелье изъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, цѣнность которыхъ опредѣляется при сватовствѣ. Если это ожерелье, а равно и прочія вещи, какъ-то: браслеты, серьги, поясъ, головные уборы, туфли—понравятся отцу невѣсты, то молодые люди могутъ считать себя обрученными. Во время

пира подарки выставляются напоказъ всѣмъ присутствующимъ, которые пьютъ за здоровье молодой четы. На другой день послѣ обрученія невѣста надѣваетъ на себя всѣ подарки и прогуливается по деревнѣ. Затѣмъ это повторяется въ каждое воскресенье и въ каждый праздникъ вплоть до самой свадьбы. Невѣста расхаживаетъ въ своемъ нарядѣ съ самымъ довольнымъ лицомъ и убѣждена вполнѣ, что какъ женихъ, такъ и его состояніе соотвѣтствуютъ тому, что ей предрекали рождественскія гаданья.

Свадьба рѣдко бываетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; большею частью она откладывается на нѣсколько лѣтъ, особенно когда женихъ и невѣста еще очень молоды. Отецъ жениха всегда помогаетъ ему въ постройкѣ дома, который, какъ мы уже говорили, строится обыкновенно на общемъ семейномъ дворѣ, а также въ покупкѣ пары быковъ и необходимыхъ домашнихъ животныхъ. Когда все въ порядкѣ, отправляютъ къ родителямъ невѣсты сватовъ, которые объявляютъ, что все готово, и просятъ назначить скорѣе день бракосочетанія, который обыкновенно назначается въ одно изъ воскресеній поздней осени, когда меньше работы, такъ какъ подобное празднество продолжается нѣсколько дней.

За недѣлю до свадьбы молодыя дѣвицы устраиваютъ танцы предъ домомъ невѣсты, а молодые парни—предъ домомъ жениха. Въ послѣднюю среду женихъ посылаетъ своей невѣстѣ различные наряды и «*кaпa*», чѣмъ южно-славянскія женщины чернятъ себѣ волосы и брови. Приходятъ также къ невѣстѣ знакомыя, вплетаютъ ей въ волосы, раздѣленные на безчисленныя косички, по монетѣ, и въ заключеніе она отправляется, въ сопровожденіи подругъ, въ баню, послѣ чего устраивается вечеринка, на которой поютъ пѣсни и танцуютъ. Въ пятницу въ домѣ родителей невѣсты выставляется ея приданое; она, съ своей стороны, посылаетъ жениху красивую рубашку и пирогъ, который онъ, по возвращеніи изъ бани, куда его провожаютъ пріятели, съѣдаетъ вмѣстѣ съ ними. Въ субботу дѣлается послѣдняя вечеринка въ домѣ невѣсты, при чемъ угощаются, поютъ и танцуютъ. Церковный обрядъ совершается въ воскресенье въ церкви, а за неимѣніемъ ея—въ домѣ родителей жениха. Торжественное шествіе, во главѣ котораго идутъ сваты, крснкъ и крсница, деверь, знаменосецъ, отправляется послѣ церковной церемоніи на свадебный пиръ. Гости и родные мужскаго пола идутъ въ этомъ шествіи съ палками, украшенными цвѣтами и плодами («Сербія», стр. 531). На порогѣ дома молодыхъ встрѣчаетъ теща и посыпаетъ ихъ плодовыми зер-

нами, послѣ чего новобрачная цѣлуетъ какъ у ней, такъ и у другихъ замужнихъ женщинъ руки и получаетъ отъ нихъ небольшіе подарки. Въ придунайскихъ мѣстностяхъ, когда молодая входитъ на порогъ дома, ей кладутъ подъ мышки хлѣбы, а когда она входитъ въ комнату—даютъ въ каждую руку по зажженной свѣчѣ; затѣмъ ее сажаютъ и на колѣни кладутъ ребенка, чтобы внушить ей наглядно ея будущія материнскія обязанности. По ту сторону Балкана, на югѣ, свекровь даетъ молодой въ правую руку хлѣба, а въ лѣвую—стаканъ вина, опоясываетъ обоихъ молодыхъ вмѣстѣ съ деверемъ поясомъ и вводитъ всѣхъ въ домъ по растянутому полотну, которое вслѣдъ за ними сейчасъ же и свертывается опять. Потомъ садятся всѣ за столъ и во время обѣда собираются деньги для молодой. Послѣ обѣда молодые, въ сопровожденіи бабки, отправляются домой; послѣдняя идетъ съ ними затѣмъ, чтобы, убѣдившись изъ вѣрныхъ источниковъ въ невинности молодой, передать эту вѣсть оставшимся еще за столомъ близкимъ роднымъ, которые принимаютъ ее съ проявленіями живѣйшей радости, провозглашаютъ тосты и стрѣляютъ изъ пистолетовъ, а на другой день извѣщаютъ о томъ же всѣхъ знакомыхъ и посылаютъ имъ букеты. Но если вѣсть не радостна, то всякое веселье прекращается, и тотчасъ же выходятъ изъ-за стола. Виновная немедленно подвергается инквизиторскому суду и возвращается обратно родителямъ, которые обязаны прислать обратно всѣ полученные подарки; бракъ же объявляется недѣйствительнымъ. Въ южныхъ областяхъ Балкана идутъ въ подобныхъ случаяхъ еще далѣе: о виновности молодой жены объявляютъ черезъ бабку публично всей деревнѣ.

Если же все благополучно, то молодые только черезъ нѣсколько дней выходятъ изъ дому. Новобрачная должна еще исполнить различные обычаи, прежде чѣмъ будетъ принята въ число замужнихъ женщинъ. Въ придунайскихъ мѣстностяхъ появляется на дворѣ утромъ музыка и играетъ въ честь молодыхъ; потомъ приходятъ «Krsnica» (крестная мать) съ матерью молодой и ведутъ ее, въ сопровожденіи женатыхъ мужчинъ и замужнихъ женщинъ, къ приготовленному на серединѣ двора мѣсту, гдѣ надѣваютъ ей на голову уборъ замужней женщины, принятый въ деревнѣ (каждая мѣстность имѣетъ свой особенный нарядъ). Вся эта церемонія совершается обыкновенно подъ звуки музыки.

Близъ Лесковица крсница и мать новобрачной, въ сопровожденіи 20 женщинъ или около того, ведутъ молодую чету, закрытую покрываломъ,

подъ молодое дерево, гдѣ послѣ цѣлованія руки у крсницы она освобождается отъ покрывала мальчиками, стаскивающими его вѣтками. Затѣмъ оно вѣшается на дерево, вокругъ котораго общество послѣ этого начинаетъ танцовать. Въ среду молодую ведутъ съ музыкой къ колодцу, во всѣ четыре угла котораго она бросаетъ просо въ знакъ признательности, что этотъ источникъ освѣжалъ ея мужа и будетъ утолять жажду ея дѣтей. Присутствующій деверь или шаферъ зачерпываетъ ведро воды, а молодая бросаетъ туда деньги и потомъ опрокидываетъ ведро, что равносильно желанію, чтобы въ домѣ было всего въ изобиліи. Деньги эти достаются дѣтямъ. У дворовой калитки даютъ ей «Kobilca», коромысло, на которомъ болгарскія дѣвушки и женщины носятъ ведра. Она беретъ наполненныя водою ведра изъ рукъ тещи, а дѣти бросаютъ ей туда землю, траву и пшеницу въ знакъ того, чтобы молодая женщина принесла съ собою въ домъ богатство и довольство. Послѣ этого у ней берется назадъ коромысло, и она въ знакъ своего будущаго послушанія цѣлуетъ у тещи руку. Затѣмъ слѣдуютъ опять танцы, которыми и кончаются свадебныя празднества. Первый выходъ новобрачной бываетъ почти во всѣхъ мѣстностяхъ Болгаріи къ колодцу. Близъ Варны за нею приходятъ обыкновенно замужнія женщины и ведутъ ее туда торжественно; пришедши на мѣсто, пожилыя женщины, выдѣлясь изъ толпы, обводятъ ее вокругъ него три раза, и вслѣдъ затѣмъ она черпаетъ два ведра воды, которою матроны обливаютъ ее. Послѣ этой души она цѣлуетъ по очереди руки у всѣхъ присутствующихъ, которыя даютъ ей за то фрукты. Исполнивши этотъ обрядъ, она отправляется въ гости къ своимъ родителямъ и родственникамъ. Этимъ оканчиваются всѣ брачныя формальности, и молодая вступаетъ навсегда въ общество замужнихъ женщинъ.

Нравственность дѣвушекъ въ Болгаріи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ областей, безупречна; впрочемъ, повсемѣстно этому вопросу придается весьма важное значеніе. Супружеская вѣрность соблюдается также весьма строго, и нарушеніе ея жестоко осуждается. Вдовы рѣдко выходятъ вторично замужъ; горожанки, овдовѣвши, ходятъ до конца жизни въ черной одеждѣ, хотя по обычаю онѣ обязаны носить трауръ только въ теченіе одного года; въ деревняхъ же въ окрестностяхъ Варны онѣ носятъ платье, вывороченное наизнанку, а въ придунайскихъ странахъ повязываютъ на голову бѣлый платокъ, который не мѣняютъ въ теченіе шести недѣль и не моютъ, и никогда не надѣваютъ никакихъ украше-

ній. Въ южныхъ Балканахъ въ продолженіе того же срока бѣлый платокъ замѣняется черным. Если же умираетъ жена, то мужъ не брѣется всѣ шесть недѣль и носитъ на шляпѣ кусокъ темнаго сукна. Если онъ женится вторично, то въ день свадьбы отправляется на могилу своей жены и обливаетъ ее виномъ, такъ какъ, по общему повѣрью, кости сгораютъ отъ вина. Дѣти отъ перваго брака не должны оставаться дома въ первую брачную ночь, потому что это принесло бы имъ несчастіе.

Когда болгаръ чувствуетъ приближеніе смерти и «баба-знахарка» объявляетъ ему, что всѣ ея снадобья и заговоры оказываются безсильными противъ природы, онъ спокойно и хладнокровно ожидаетъ послѣдней минуты и смиренно покоряется судьбѣ; если силы ему не измѣняютъ, онъ бесѣдуетъ съ родными и священникомъ, дѣлаетъ распоряженія насчетъ своего погребенія и поминокъ, не обращая при этомъ никакого вниманія на плачъ жены, которая по обыкновенію воетъ въ такія минуты. Фатализмъ, поддерживавшій его всю жизнь, не оставляетъ и въ часъ смерти. Къ тому же увѣренность, что близкіе никогда его не забудутъ и что ни душа его, ни тѣло ни въ чемъ не будутъ нуждаться, много поддерживаетъ спокойствіе духа.

По мнѣнію болгаръ, люди въ предсмертной агоніи видятъ ангеловъ. Умирающему вкладываютъ обыкновенно въ руки зажженную свѣчу, крѣпко подвязываютъ нижнюю челюсть платкомъ и закрываютъ вѣки; лишь только пульсъ перестанетъ биться, всю посуду въ домѣ перевертываютъ вверхъ дномъ, для того чтобы душа, покидающая тѣло, не могла въ нее забраться и причинять безпокойство домашнимъ, оставшимся въ живыхъ. Затѣмъ покойника моютъ, одѣваютъ въ новое платье и кладутъ на столъ, лицомъ къ востоку; ставятъ у изголовья и у ногъ зажженныя свѣчи и окуриваютъ трупъ ладаномъ. Надъ умершими священниками всѣ эти обряды совершаются священниками же, если они есть по сосѣдству, а надъ гаджи—исключительно іерусалимскими богомольцами.

По окончаніи всѣхъ этихъ церемоній свѣчи гасятъ, руки покойника складываютъ крестомъ на груди и влагаютъ въ нихъ горящую свѣчу. Потомъ съ него снимаютъ сапоги и носки, а ноги перевязываютъ; на грудь кладутъ икону; на одной сторонѣ ставятъ большой подсвѣчникъ съ восковою свѣчей, у изголовья — стулъ, на которомъ помѣщаютъ лампу; голову украшаютъ цвѣтами. Вскорѣ вокругъ покойника собираются всѣ его родные, пріятели и знакомые. Мужчины приносятъ зажженныя свѣчи, а женщины кромѣ свѣчъ еще и цвѣты. Всѣ приклады-

ваются сперва къ иконѣ, лежащей на груди усопшаго, и затѣмъ цѣлуютъ его самого въ знакъ примиренія и забвенія какихъ либо обидъ, нанесенныхъ имъ или причиненныхъ ему. Въ это время въ комнатѣ раздаются обыкновенно причитанія и раздирающій душу плачъ родственниковъ. Въ этихъ причитаніяхъ покойнаго выставляютъ человѣкомъ, соединявшимъ въ себѣ всѣ достоинства и добродѣтели, и если у него есть жена и дѣти, то они предаются такому отчаянію, какъ будто вмѣстѣ съ нимъ хоронятъ всѣ надежды, всѣ радости жизни и всѣ матеріальныя средства. Содержаніе этихъ причитаній слѣдующее:

Охъ! Миланъ!
Кто-то будетъ для насъ землю пахать?
Боже! Боже мой!
Кто-то будетъ хлѣбъ возить въ городъ?
Боже! Боже мой!
Кто-то будетъ теперь намъ дрова рубить въ лѣсу?
Боже! Боже мой!
Кто-то о насъ позаботится, какъ ты заботился?
Боже! Боже мой! и т. д.

Если умираетъ женщина, то мужъ обыкновенно спрашиваетъ ее, долженъ ли онъ жениться для дѣтей, и по большей части умирающая благословляетъ его на второй бракъ. Тогда онъ снимаетъ съ руки обручальное кольцо и надѣваетъ его ей на правую руку. До погребенія смотрятъ внимательно, чтобы ни человѣкъ, ни животное, въ особенности собака или кошка, не перешагнули чрезъ покойника, ибо въ такомъ случаѣ онъ можетъ превратиться въ вампира и принесетъ несчастіе дому и всей деревнѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ кончины покойникъ выносится въ церковь, гдѣ читаютъ надъ нимъ молитвы, а затѣмъ предаютъ его тѣло землѣ; чаще же, безъ всякаго духовнаго напутствованія, везутъ въ телѣгѣ или такъ называемой арбѣ, запряженной парой быковъ, прямо на скромное кладбище и зарываютъ въ могилу глубиною едва въ два фута. Каждый присутствующій бросаетъ въ это послѣднее убѣжище усопшаго горсть земли, и затѣмъ всѣ ѣдятъ кутью. Если семейство состоятельное, то заказывается священнику нѣсколько заупокойныхъ обѣденъ, которыхъ безвозмездно онъ никогда не служитъ, хотя и не пропускаетъ случая быть на поминкахъ, устраиваемыхъ въ тотъ же вечеръ въ домѣ покойнаго. Поминки совершаются обыкновенно очень скромно и безъ особенныхъ угощеній; приглашенные довольствуются нѣсколькими стаканами «раки», чтобы помянуть душу усопшаго.

На другой день послѣ похоронъ женщины ходятъ на могилу, поливаютъ ее виномъ и водою, раздаютъ пищу и напитки присутствующимъ мѣстнымъ бѣднякамъ и снова причитываютъ. На могилу ставятъ глиняную лампу съ деревяннымъ сосудомъ и заботятся о томъ, чтобы она горѣла неугасимо въ теченіе трехъ лѣтъ. Родные посѣщаютъ могилу на 3-й, 9-й, 12-й, 20-й и 40-й день; затѣмъ эти посѣщенія повторяются черезъ 3, 6, 9 и 12 мѣсяцевъ. Въ 40-й день приносятъ 40 свѣчей новыхъ и кромѣ того всѣ бывшія въ употребленіи при погребеніи. Во время всѣхъ этихъ посѣщеній жена кладетъ обыкновенно на могилу мужа вареный ячмень, рисъ и ставитъ кружку съ виномъ или «раки»; мужья же приносятъ на могилы женъ пищу и напитки только въ дни поминовенія, такъ называемыя «задушницы». Надо замѣтить, что въ подобныхъ посѣщеніяхъ участвуютъ всѣ родственники умершихъ, даже и священникъ, если таковой есть въ деревнѣ; всѣ при этомъ увѣрены, что душа усопшаго присутствуетъ тутъ же и принимаетъ съ признательностью разныя приношенія. Задушница справляется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Болгаріи три раза въ годъ, а въ другихъ—пять разъ и притомъ всегда по субботамъ предъ днями Архангеловъ, въ дни заговѣнья предъ Страстною и Ѳоминою недѣлями и предъ днемъ св. Троицы. Въ такіе дни дѣлаютъ списокъ именъ всѣхъ усопшихъ родственниковъ, въ началѣ котораго записываются давно умершіе, а въ концѣ—недавно умершіе, и передаютъ его священнику, который громко прочитываетъ въ церкви всѣ означенныя въ немъ имена и въ то же время святитъ «kolevo»—кутью, приготовляемую изъ ячменя, сахара, кореньевъ, орѣховъ и украшенную сверху крестомъ изъ такихъ же продуктовъ. Это коливо ставится на могилѣ, и при этомъ произносится: «Да проститъ тебѣ Богъ твои согрѣшенія!» Коливо частію съѣдается, а частію раздается бѣднымъ, которые въ разныхъ мѣстностяхъ, напр. близъ Желѣзняка, получаютъ сверхъ того въ подарокъ стаканы съ водою, блюда, кружки или чашки, смотря потому, кто былъ усопшій—мужчина, женщина, мальчикъ или дѣвушка; при этомъ, однако, стараются дарить всѣ эти предметы бѣднякамъ, приближающимся наиболѣе къ возрасту покойнаго. По общему мнѣнію, это доставляетъ большое удовольствіе душѣ усопшаго.

На сколько можно видѣть, у болгаръ такъ же, если еще не больше, чѣмъ у другихъ послѣдователей восточной церкви, развито повѣрье, что надо кормить мертвыхъ и что этими матеріальными средствами доказываются любовь къ усопшимъ и память о нихъ.

Очень часто сами священники, люди большею частью необразованные и раздѣляющіе ту же идею, присутствуютъ на подобныхъ церемоніяхъ, начало которыхъ относится къ языческимъ временамъ или, быть можетъ, къ затеряннымъ традиціямъ культа Дмитрія и Діонисія. Въ старину отцы церкви возставали противъ этого древняго обычая, но ихъ усилія были напрасны, и они должны были уступить народному вѣрованію, которое гораздо менѣе обращало вниманіе на загробное существованіе въ раю, чѣмъ на матеріальное довольство усопшихъ. Такимъ образомъ это повѣрье получило право гражданства. Позже, правда, церковь старалась слить его съ христіанскими идеями, но никакъ не могла искоренить его языческаго основанія.

Вѣрованіе въ продолженіе матеріальныхъ потребностей послѣ смерти настолько глубоко засѣло въ болгарахъ, что жены, видящія во снѣ своихъ покойныхъ мужей, считаютъ это сверхъестественнымъ указаніемъ, что онъ голоденъ, жаждетъ и требуетъ пищи и питья.

По истеченіи трехъ лѣтъ бренные останки выкапываются, моются, зашиваются въ холстинный мѣшокъ, приносятся въ церковь къ епископскому сѣдалищу, находящемуся въ каждой деревенской церкви, благословляются священникомъ и затѣмъ снова погребаются. Послѣ вторичнаго погребенія уже только самые близкіе родственники посѣщаютъ могилу: вечеромъ—по пятницамъ и утромъ—по субботамъ, и всегда съ зажженною свѣчей въ рукахъ. Несомнѣнно, что, вслѣдствіе быстраго погребенія, слѣдующаго почти непосредственно за прекращеніемъ дыханія, часто зарывались и зарываются люди, находящіеся въ летаргическомъ снѣ; а такъ какъ могилы вырываются весьма неглубокія и покойники опускаются въ нихъ не въ гробахъ, то мнимо-умершіе, пробуждаясь отъ летаргіи, могли легко выходить изъ нихъ и являться домой, гдѣ ихъ появленіе заставляло предполагать домашнихъ, что они обратились въ вампира.

Въ Болгаріи, какъ и во всѣхъ южно-славянскихъ земляхъ, повѣрье о вампирѣ распространено повсемѣстно. Въ Сербіи его называютъ «вукодлакъ», здѣсь же—«вампиръ» (lipir) и т. д. По общему мнѣнію, склонность къ вампирству наслѣдственная во многихъ семействахъ, но иногда она является и случайно; часто случается также, что люди обращаются въ злыхъ духовъ (talasam) злонамѣренными каменщиками при постройкѣ домовъ. Дѣлается это такимъ образомъ: проходитъ человѣкъ мимо постройки, каменщикъ измѣряетъ его тѣнь шнуркомъ и закла-

дываетъ этотъ шнурокъ въ фундаментъ; послѣ этого несчастный, тѣнь котораго была измѣрена, обращается, черезъ 40 дней, въ злаго духа и безпокоитъ по ночамъ, пока не запоютъ пѣтухи, мирныхъ жителей деревни.

Черезъ девять дней послѣ погребенія, умершій, обратившійся, по мнѣнію родственниковъ, въ вампира, покидаетъ свою могилу и занимается, подобно нѣмецкому кобальду, тѣмъ, что пугаетъ людей, или, выманивъ ихъ разными льстивыми рѣчами на улицу, колотитъ до полусмерти; неудовольствіе свое онъ заявляетъ обыкновенно какимъ нибудь стукомъ или шумомъ; затѣмъ летаетъ въ видѣ тѣни черезъ поля и луга, оставляя за собою слѣды крови; оскверняетъ иконы разными нечистотами; вызываетъ иногда на поединки самыхъ сильныхъ парней, которые въ этой борьбѣ съ тѣнью ломаютъ себѣ обыкновенно руки и ноги. Выдержавъ 40 дней въ качествѣ тѣни, болгарскій вампиръ выходитъ окончательно изъ могилы и воплощается совсѣмъ въ человѣка, можетъ даже жениться, но, конечно, гдѣ нибудь на чужой сторонѣ, въ которой онъ неизвѣстенъ и не возбуждаетъ никакихъ подозрѣній. Женившись, онъ относится очень спокойно къ женѣ и прочимъ членамъ семьи, только уходитъ по ночамъ, исполняетъ разныя работы, мететъ улицы и пожираетъ дохлыхъ буйволовъ и быковъ, а также высасываетъ кровь изъ всѣхъ коровъ, заболѣвшихъ какою нибудь болѣзнью; но до человѣческой крови болгарскіе вампиры не такіе охотники, какъ ихъ южно-славянскіе братья. Оборотней-вампировъ или кровопійцъ, какъ ихъ называютъ, стараются обыкновенно изводить ядомъ, приготовляемымъ деревенскою знахаркою, или же — сожженіемъ; иногда разрываютъ могилы подозрѣваемыхъ въ вампирствѣ покойниковъ и вбиваютъ имъ въ грудь гвоздь или колъ, или прострѣливаютъ ихъ насквозь пулями и затѣмъ зарываютъ вновь. Есть еще средство избавляться отъ вампировъ: оно заключается въ томъ, чтобы подкарауливать ихъ на дорогѣ и неожиданно бросаться имъ на встрѣчу съ освященною иконою въ рукахъ. При видѣ иконы, онъ перелетаетъ даже черезъ крыши и другія препятствія, и если не отставать отъ него, то можно душу его загнать, наконецъ, въ бутылку, наполненную его любимымъ напиткомъ, вслѣдъ за чѣмъ бутылка быстро закупоривается пробкою, въ которой находится кусочекъ освященной иконы, и предается огню.

Въ деревнѣ Пештера, по словамъ Василія Чолакова (Colakov), которому мы обязаны многими разсказами про обычаи, въ Татаръ-Базарджикѣ упалъ недавно каменщикъ со строившагося дома и убился. Его

похоронили. Но, спустя нѣсколько дней послѣ его смерти, въ домѣ его бывшаго мастера начали происходить странныя вещи. Хозяинъ посовѣтовался съ своими подмастерьями, и всѣ сообща отправились на могилу несчастнаго сотоварища, по убѣжденію всѣхъ превратившагося въ вампира, разрыли ее и нашли, что трупъ дѣйствительно видимо распухъ и совсѣмъ еще не разложился. При такихъ ясныхъ признакахъ вампирства, тѣло испестрили пистолетными пулями до такой степени, что оно уподобилось рѣшету, и затѣмъ для большей безопасности сожгли его на кострѣ.

На плетневыхъ кольяхъ болгарскихъ жилищъ очень часто можно видѣть навѣшенные черепа павшихъ лошадей. Это дѣлается въ виду того, что «таласами», являющіеся человѣку въ видѣ тѣни въ бѣлой одеждѣ или въ видѣ заколдованной собаки, курицы съ цыплятами, охотно садятся на эти черепа и такимъ образомъ не переступаютъ черезъ дворной заборъ.

Еще есть повѣрье, что старухи, умирая, превращаются въ вѣдьмъ (vesterici) и въ видѣ красноватыхъ бабочекъ высасываютъ кровь изъ маленькихъ дѣтей. Поэтому, едва только замѣтятъ подобную бабочку, то напускаются на нее и не отступаютъ до тѣхъ поръ, пока не убьютъ.

Колодезная фея, занимающая въ повѣрьяхъ всѣхъ народовъ видное мѣсто, является у болгаръ въ разныхъ видахъ: то въ видѣ бѣлой кошки, то въ видѣ бѣлой козы или бѣлаго коня и т. д., и если кто имѣетъ несчастіе быть оцарапаннымъ ею, то умираетъ навѣрно. Молодымъ мужчинамъ является она въ видѣ бѣлой женщины удивительной красоты, и горе тому, кто ей понравится!—ея поцѣлуй смертеленъ.

Впрочемъ, матеріалистъ-болгаринъ увлекается гораздо менѣе поэзіей безплотныхъ духовъ, чѣмъ мечтами о кладахъ, которые зарывались, по преданіямъ, во времена краля Марко, императора Константина и короля Александра подъ деревьями и въ развалинамъ старинныхъ замковъ. Болгаринъ, отправляясь на поиски этихъ сокровищъ, не боится никакихъ ночныхъ приключеній, но отыскиваетъ средства для снисканія расположенія разныхъ исполиновъ-негровъ, волшебницъ и другихъ хранителей кладовъ, или для подчиненія ихъ, чтó, какъ гласитъ преданіе, и удавалось нѣкоторымъ счастливцамъ. По болгарскимъ повѣрьямъ, въ лѣсахъ обитаютъ нимфы и заколдованныя животныя, бродятъ оборотни, медвѣди, въ которыхъ обратились собственно турки, не ѣвшіе никогда въ жизни свинины. Ѣдетъ, напримѣръ, болгаринъ лѣсомъ, и почему-нибудь его

кони или быки вдругъ начинають останавливаться—онъ увѣренъ, что это потому, что какой-нибудь злой нимфѣ вздумалось подшутить надъ нимъ и она опустилась всею своею тяжестью въ телѣгу, оставаясь для него невидимою. Разныя болѣзни—напримѣръ, внезапный ревматизмъ, подагру и т. д.—болгары приписывають тоже вліянію духовъ и потому, для предохраненія себя отъ нихъ, запасаются разными амулетами, которые добываются обыкновенно у священниковъ или у «бабокъ». Все это служить яснымъ доказательствомъ, что болгары весьма склонны къ мистицизму; но въ этихъ повѣрьяхъ, рѣзко отличающихся отъ повѣрій сербовъ и другихъ западныхъ европейцевъ, нѣтъ ни малѣйшаго оттѣнка поэзіи и преобладаетъ лишь самый грубый матеріализмъ, почерпнутый изъ турецкаго воззрѣнія на загробный міръ, переходя въ который люди продолжають жить матеріальною жизнью. Объ искорененіи этого вѣрованія низшее духовенство нимало не заботится; да, впрочемъ, при своемъ невѣжествѣ, оно и не могло бы этого сдѣлать. Вообще изобиліе грубыхъ, невѣжественныхъ монаховъ приноситъ въ Болгаріи болѣе вреда, чѣмъ въ Сербіи, гдѣ ихъ вліяніе все-таки парализуется болѣе или менѣе вліяніемъ школъ, которыхъ несравненно больше тамъ, чѣмъ въ Болгаріи; да и къ тому же въ Сербіи гораздо меньше и самихъ монаховъ. На склонахъ и въ ущельяхъ Балкана, гдѣ сгруппировалось особенно много монастырей, находимъ, напримѣръ, на разстояніи одного часа ходьбы отъ Тирновы, на правомъ берегу Янтры, монастырь св. Троицы съ персоналомъ отъ 40 до 50 человѣкъ; напротивъ его—другой монастырь, еще съ болѣе многочисленнымъ контингентомъ; ближе къ городу находятся еще два, а по дорогѣ къ Еленѣ, расположенной на разстояніи 6 часовъ, встрѣчаются еще пять монастырей. Однако, не смотря на это изобиліе св. обителей, въ Казанлыкѣ основанъ недавно на суммы, пожертвованныя русскими, новый женскій монастырь для 20 инокинь, хотя въ сосѣдствѣ существуетъ уже женскій монастырь съ контингентомъ отъ 40 до 50 монахинь. Въ лощинѣ Родопа находится самый большой изъ монастырей Филиппопольскаго пашалыка, монастырь «Бачково», имѣющій ежегоднаго дохода свыше 100,000 драхмъ, а въ живописной долинѣ Рилостока расположенъ замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ монастырей, «св. Рило», заключающій въ своихъ стѣнахъ 120 монаховъ и 30 мірянъ. Въ праздникъ св. Панагіи въ немъ собираются тысячи людей. Число монаховъ или монахинь, способствующихъ, сознательно или безсознательно, распространенію въ болгарскомъ народѣ

суевѣрія и деморализаціи,—какъ мы это видимъ изъ всего вышеприведеннаго,—на столько велико, что нельзя удивляться, что въ высшихъ городскихъ сословіяхъ пробудилось стремленіе дать молодому поколѣнію, на которое возлагаетъ нація всѣ свои надежды, высшее образованіе. Къ несчастію, средства страны слишкомъ ограничены для учрежденія высшихъ и даже среднихъ учебныхъ заведеній, и потому состоятельныя общины и семейства вынуждены отправлять своихъ членовъ и дѣтей въ гимназіи и высшія училища другихъ государствъ. Кружокъ образованныхъ людей старается всѣми силами поддержать первыя начинанія юной болгарской литературы и періодической прессы. Самый лучшій изъ болгарскихъ журналовъ—«Будущность»—прекратился, къ несчастію, со смертью своего талантливаго издателя, патріота Раковскаго. Изъ остальныхъ 4 или 6 журналовъ самое видное мѣсто занимаютъ «Македонія» и «Право», да и тѣ, вслѣдствіе интригъ греческаго патріарха, подвергаются по временамъ строгой цензурѣ турецкаго правительства. Болгарскіе журналы и выпущенные въ свѣтъ Стояновичемъ изданія Браиловскаго литературнаго общества повліяли весьма сильно на возбужденіе въ народѣ чувства національнаго достоинства, и въ дѣлѣ устройства отдѣльной національной церкви они дѣйствовали съ большимъ тактомъ и усердіемъ, въ противоположность издаваемымъ въ Бухарестѣ болгарскими эмигрантами журналамъ, которые переполнены шовинизмомъ. Тенденціи и планы этого бухарестскаго отдѣленія «Юной Болгаріи» я разоблачилъ уже отчасти въ I главѣ; для дальнѣйшаго же выясненія его дѣйствій будемъ ожидать другаго случая.

III.

Основы политическихъ правъ болгарскихъ райевъ. 1829—1870.

Введеніе.—Состояніе болгаръ до русской войны 1828 г.—Послѣдствія румелійскаго путешествія султана Махмуда II.—Реформаторское министерство Решида-паши.—Благодѣтельныя правила въ администраціи.—Вступленіе на престолъ Абдулъ-Меджида I.—Гатъ Гюльхане 2 ноября 1839 г.—Характеристика его.—Недовольство мусульманъ его содержаніемъ.—Попытки возстанія противъ райевъ.—Гатти-шерифъ 1845 г.—Основаніе провинціальнаго меджлиса.—Участіе въ немъ райевъ.—1848 годъ.—Миссія графа Лейнингена.—Предложеніе эмансипаціи райевъ со стороны Австріи.—Послѣдствія теоріи лорда Рэдклифа.—Принятіе показаній райевъ предъ судомъ.—Возвышеніе подушной подати.—Введеніе военной подати.—Конференція великихъ державъ въ Константинополѣ объ улучшеніи положенія райевъ. — Гатти-гумаюнъ 1856 г.—Разборъ его.—Упоминаніе о немъ въ Парижскомъ договорѣ.—Гатъ не удовлетворяетъ ни христіанъ, ни турокъ.—Англійскій парламентъ и опредѣленіе лорда Пальмерстона насчетъ гата. — Нѣкоторыя гарантіи въ пользу эмансипаціи райевъ.—Опредѣленіе нѣмецкаго генеральнаго консула Розена насчетъ гатти-гумаюна.

Если мы хотимъ составить себѣ вѣрное понятіе о великомъ духовномъ движеніи, пустившемъ глубокіе корни въ христіанскомъ народонаселеніи Болгаріи въ послѣднее пятнадцатилѣтіе, выяснить причины, возбудившія его, и безпристрастно обсудить, гдѣ истина, на сторонѣ ли славянофиловъ, или туркофиловъ, относительно представленія одного изъ важнѣйшихъ пунктовъ восточнаго вопроса, а именно возвышенія нравственнаго уровня болгарскаго народа, то мы необходимо должны узнать условія, въ которыхъ находились прежде христіанскіе райи въ Турціи, прослѣдить послѣдствія вмѣшательства въ ихъ участь европейскихъ державъ при заключеніи Парижскаго договора 1856 года, наконецъ вникнуть, дѣйствительно ли гатти-гумаюнъ, составленный подъ давленіемъ этихъ державъ и объявлявшій эмансипацію христіанъ-подданныхъ султана, осуществился на дѣлѣ или остался мертвою буквой. Подробное изслѣдованіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ послужитъ намъ ключемъ къ объясненію всѣхъ событій, періодически происходившихъ не только въ Болгаріи, но также и въ Босніи, Албаніи и прочихъ христіанскихъ странахъ Европейской Турціи,—событій, наводившихъ страхъ на наши кабинеты. Мало этого: изученіе этихъ подробностей представитъ намъ въ

новомъ свѣтѣ акты, на которыхъ основывались права турецкихъ райевъ, торжественно подтвержденныя и расширенныя со времени султана-реформатора Махмуда.

Существованіе турецкихъ христіанъ, названныхъ оффиціально райями, т. е. безоружнымъ войскомъ, утративъ всякое достоинство со времени завоеванія мусульманами византійскаго и южно-славянскихъ государствъ подъ гнетомъ дикаго фанатизма, вдругъ значительно возвысилось послѣ русско-турецкой войны 1828—29 г., вслѣдствіе которой султанъ даровалъ имъ разныя льготы, значительно измѣнившія ихъ положеніе. Только новѣйшее положеніе Россіи относительно Порты можетъ сравниться съ тѣмъ, которое она приняла непосредственно послѣ заключенія Адріанопольскаго мира. Императоръ Николай I, давши почувствовать султану Махмуду II перевѣсъ своего могущества, выказалъ большое великодушіе къ побѣжденному врагу, какъ только начались переговоры о мирѣ, и щадилъ его во всѣхъ отношеніяхъ. Это произвело весьма сильное впечатлѣніе на султана и возбудило въ его рыцарской душѣ чувство глубокой благодарности.

Это настроеніе турецкаго владыки выразилось скоро въ стремленіи удовлетворить желанія Россіи и угодить вмѣстѣ съ тѣмъ всему христіанскому Западу, и въ декабрѣ 1829 года былъ изданъ фирманъ, въ которомъ объявлялось полное прощеніе всѣмъ болгарскимъ райямъ, открыто выказавшимъ свои симпатіи къ русскому императору. Кромѣ того имъ обѣщалось самое мягкое управленіе и, въ случаѣ невыполненія этихъ обѣщаній со стороны мѣстнаго правительства, дозволялось искать покровительства у императорскаго намѣстника. Но это еще не все: султанъ пошелъ далѣе, предпринявъ въ 1831 и 1837 г. путешествіе по восточной Болгаріи и Фракіи, съ тѣмъ чтобы убѣдиться лично въ осуществленіи предписанныхъ имъ реформъ, а также, въ виду снисканія расположенія райевъ, издалъ другой фирманъ, утверждавшій равноправность его подданныхъ христіанскаго вѣроисповѣданія съ мусульманами. Ободренный всѣми почестями, которыя воздавались ему во время его путешествія, онъ твердо рѣшился привести въ исполненіе, не смотря ни на какія затрудненія и препятствія, дѣло государственнаго преобразованія. Въ Решидѣ-пашѣ, занимавшемъ до тѣхъ поръ постъ турецкаго посланника въ Лондонѣ, онъ нашелъ превосходнаго помощника. Этотъ замѣчательный государственный человѣкъ, занимающій самое почетное

мѣсто въ новѣйшей исторіи Турціи, сдѣлался душой новаго кабинета и принялся энергически осуществлять правительственную реформу (tansimat-i-haizich), основаніе которой было положено Махмудомъ.

Изъ всѣхъ мѣръ, принятыхъ Решидомъ противъ разныхъ правительственныхъ злоупотребленій, мы приведемъ здѣсь только тѣ, которыя послужили наиболѣе въ пользу райямъ, такъ долго страдавшимъ отъ плохой администраціи и еще болѣе плохаго правосудія, разорявшихъ ихъ безпощадно. Решидъ пробовалъ вывести взяточничество неслыханнымъ до тѣхъ поръ учрежденіемъ на Востокѣ: платою чиновникамъ жалованья изъ государственной казны. Но, включая въ бюджетъ расходовъ эту новую статью, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ тщательно заботился и объ увеличеніи доходовъ посредствомъ эксплоатаціи водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній, этихъ важныхъ вспомогательныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ. Онъ пробовалъ провести по всѣмъ направленіямъ Турціи дороги и помочь ей такимъ образомъ стать на ряду съ цивилизованными европейскими государствами.

Къ несчастію, смерть султана Махмуда (30 іюня 1839 г.), оплакиваемаго гораздо болѣе христіанскими райями, чѣмъ мусульманами, привилегіи которыхъ онъ значительно ограничилъ, пріостановили осуществленіе всѣхъ этихъ плановъ, такъ какъ сынъ и наслѣдникъ реформатора-султана, Абдулъ-Меджидъ, былъ слабый, безхарактерный юноша. Старо-турецкая реакціонная партія давно ожидала этой перемѣны на тронѣ, чтобы измѣнить опять порядокъ на старый ладъ, и, какъ только Махмудъ умеръ, она сейчасъ же выступила на сцену и забрала въ руки неопытнаго шестнадцатилѣтняго султана. Мѣсто Решида-паши занялъ старый Хозревъ, нисколько не сочувствовавшій реформамъ: Впрочемъ, не долго держалъ онъ бразды правленія въ своихъ рукахъ: едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ опять долженъ былъ передать ихъ Решиду-пашѣ, вслѣдствіе все болѣе и болѣе обнаруживавшагося непріязненнаго настроенія самыхъ могущественныхъ изъ европейскихъ державъ противъ Порты. Послѣдній провелъ время своего междуцарствія въ особенной миссіи въ Англіи и Франціи и, пристрастившись къ конституціонной формѣ правленія, господствующей тамъ, началъ мечтать о примѣненіи ея къ Турціи. Въ этомъ онъ видѣлъ самое лучшее средство поднять ее въ глазахъ цивилизованнаго Запада. Решидъ вѣрно разсчиталъ, что торжественное обнародованіе хартіи, которая утверждала бы основныя права всѣхъ гражданъ безъ различія вѣроисповѣданія и обѣщала бы устраненіе всѣхъ пра-

вительственныхъ злоупотребленій, будетъ самымъ удачнымъ шагомъ къ достиженію этихъ цѣлей. И 2-го ноября 1839 г., успѣвъ наконецъ побороть пашу Хозрева и пріобрѣсти расположеніе юнаго, добродушнаго султана, онъ выпустилъ въ свѣтъ составленный имъ секретно актъ, который поразилъ столько же крайнимъ изумленіемъ жителей Константинополя, какъ и всю Европу.

Съ торжественною церемоніей, въ присутствіи высшихъ государственныхъ и придворныхъ сановниковъ, свѣтскихъ и духовныхъ старѣйшинъ какъ магометанскаго, такъ и православнаго культа, султанъ, наперекоръ всѣмъ кореннымъ восточнымъ обычаямъ, присягнулъ новой конституціи вмѣстѣ съ высшими государственными людьми, въ день, объявленный придворнымъ астрологомъ, присутствовавшимъ при церемоніи, самымъ удобнымъ. Это была та самая конституція, которая позднѣе сдѣлалась извѣстною подъ именемъ «гюльханейскаго гатти-шерифа».

Разсчеты Решида оправдались вполнѣ. Европа, которая со времени борьбы грековъ за независимость начала принимать живое участіе въ судьбѣ христіанъ Турціи, радостно привѣтствовала рѣшеніе султана разорвать со старыми традиціями всякую связь. Весь дипломатическій корпусъ, присутствовавшій при торжественной церемоніи провозглашенія гатти-шерифа, поспѣшилъ принести свои поздравленія Высокой Портѣ. Лишь одинъ изъ членовъ константинопольской дипломатіи, русскій Бутеневъ, вѣрно охарактеризовалъ всю эту торжественную церемонію, назвавъ ее «*Coup de théâtre*».

Въ сущности новый гатти-шерифъ заключалъ въ себѣ обѣщанія, которыя уже ранѣе были высказаны не разъ султаномъ Махмудомъ, и придавалъ силу закона тому, что съ теченіемъ времени вошло въ обычай и считалось правомъ по привычкѣ; но важное значеніе этого акта заключалось именно въ томъ, что султанъ въ присутствіи тысячи райевъ присягнулъ признавать, какъ право и законъ, ихъ равноправность съ мусульманскимъ народонаселеніемъ Турціи;—и этимъ обязано христіанство Решиду.

Права несчастныхъ райевъ, зависѣвшія прежде отъ произвола султановъ, визирей и пашей, впервые твердо опредѣлялись гюльханейскимъ гатти-шерифомъ, а торжественное объявленіе ихъ въ присутствіи представителей европейскихъ державъ давало нѣкоторое право послѣднимъ охранять ихъ отъ нарушенія со стороны правительства. И такъ гатти-шерифъ отъ 2-го ноября 1839 г., названный гюльханейскимъ по имени

кіоска, въ которомъ онъ былъ прочитанъ и въ которомъ приносилась присяга всѣми вышеупомянутыми лицами хранить свято и ненарушимо всѣ постановленія, заключавшіяся въ немъ, положилъ конецъ безправному состоянію райевъ, обязанныхъ всѣми правами, которыми они пользуются нынѣ, этой первой турецкой хартіи, а потому я считаю необходимымъ сообщить здѣсь содержаніе этого акта. По этому изложенію можно заключить, какая рутина нужна была въ его составленіи, какъ нужно было щадить господствующую расу, чтобы предоставить самыя обыкновенныя права гражданства христіанскимъ райямъ.

Гюльханейскій гатти-шерифъ, изданный въ первый годъ царствованія Абдулъ-Меджида (3 ноября 1839 года).

Цѣлому свѣту извѣстно, что въ первыя времена существованія Османскаго государства всѣ гражданскіе законы основывались единственно на достопочтенныхъ предписаніяхъ корана, и слѣдствіемъ этого было то, что государство увеличивалось постепенно въ своихъ размѣрахъ и возрастало въ своемъ могуществѣ, что всѣ подданные султана безъ исключенія благоденствовали. Но съ 150 года, вслѣдствіе многихъ злополучныхъ событій и разныхъ причинъ, правительство перестало держаться, какъ единственнаго руководящаго начала, священнаго закона и учрежденій, вытекшихъ изъ него, и слѣдствіемъ этого было то, что прежнее могущество и счастіе страны исчезли, а вмѣсто нихъ явилось обѣднѣніе и разслабленіе государства. Иначе и быть не могло, такъ какъ государство утрачиваетъ непремѣнно свою прочность и крѣпость, какъ только законы перестаютъ въ немъ соблюдаться.

Эти убѣжденія жили всегда въ нашей душѣ, и со дня нашего вступленія на престолъ у насъ была единственная забота—улучшить положеніе подвластныхъ намъ народовъ. Принимая во вниманіе географическое положеніе османскихъ провинцій, плодородную почву страны, способность и интеллигенцію ея народонаселенія, мы пришли къ убѣжденію, что результатъ, котораго мы надѣемся достигнуть съ Божіею помощью, осуществится въ немногіе годы, если только будутъ приняты надлещія для этого мѣры.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, мы рѣшились, разсчитывая на помощь Всевышняго, а также и на покровительство нашего пророка, доставить посредствомъ новыхъ учрежденій хорошее управленіе странамъ, образующимъ Османское государство. Эти учрежденія должны обнимать

преимущественно три предмета: 1) ручательства, которыя обезпечивали бы вполнѣ жизнь, честь и собственность нашихъ подданныхъ; 2) правильность въ распредѣленіи государственныхъ податей; 3) регулированіе рекрутской повинности и срока отправленія военной службы.

Жизнь и честь не составляютъ ли самаго дорогаго достоянія человѣка? Даже тѣ изъ людей, которые чувствуютъ отвращеніе къ насильственнымъ мѣрамъ, вынуждены иногда прибѣгать къ нимъ и тѣмъ самымъ вредить правительству и странѣ, если ихъ жизнь и честь находятся въ опасности; если же, напротивъ, они обезпечены съ этой стороны, то, конечно, не выйдутъ никогда изъ предѣловъ законности и будутъ дѣйствовать въ интересахъ правительства и своихъ согражданъ. Не обезпечена собственность гражданъ,—они остаются глухими къ призывамъ правителя и отчизны въ минуты опасности, никто не заботится о прогрессѣ общественнаго благоденствія, всѣ поглощены только заботой о соблюденіи своихъ личныхъ интересовъ. Если же, напротивъ, право собственности прочно ограждено, то граждане не только заботятся съ большимъ усердіемъ о своихъ собственныхъ дѣлахъ и о расширеніи круга своей экономической дѣятельности, но также и объ интересахъ своей отчизны, къ которой они привязаны, которую любятъ всею душой, также какъ любятъ и правителя ея. Такія чувства побуждаютъ людей къ самымъ достойнымъ и благороднымъ дѣйствіямъ.

Такое же важное значеніе имѣетъ правильное распредѣленіе государственныхъ налоговъ, обойтись безъ которыхъ нельзя, такъ какъ правительство, обязанное защищать страну и поддерживать въ ней порядокъ, не имѣетъ другихъ источниковъ добыванія денегъ, необходимыхъ для содержанія войска и прочихъ служащихъ лицъ, какъ подати, собираемыя съ подданныхъ. Хотя, благодаря Бога, наши подданные избавлены съ нѣкотораго времени отъ пагубнаго обычая монополій, которыя считались прежде совершенно ложно выгоднымъ источникомъ государственныхъ доходовъ, но остается еще одинъ весьма вредный по своимъ послѣдствіямъ обычай, а именно ильтицамъ, т.-е. отдача на откупъ сбора податей лицамъ, дающимъ наибольшую сумму. Эта система ставитъ финансовую и гражданскую администрацію въ зависимость отъ произвола одного человѣка и весьма часто отъ произвола, руководящагося единственно самою необузданною жадностью и самыми дурными страстями. Ясно, что если откупъ податнаго сбора захватываетъ дурной человѣкъ въ свои руки, то онъ имѣетъ въ виду лишь

свои личные интересы; а потому отнынѣ съ каждой области Османскаго государства будетъ взиматься подать, опредѣленная сообразно съ ея силами и достояніемъ, сверхъ которой никто не можетъ ничего болѣе отъ нея требовать. Расходы для нашихъ войскъ, дѣйствующихъ на водѣ и на сушѣ, также должны быть опредѣлены особенными законами.

Мы уже упоминали о важности защиты страны; но если всѣ жители обязаны для этой цѣли доставлять солдатъ, то должны существовать и законы, которые опредѣляли бы контингентъ, выпадающій на долю каждаго мѣстечка, и срокъ военной службы, который не долженъ превышать 4 или 5 лѣтъ, такъ какъ если брать рекрутъ съ каждаго мѣста, не принимая въ соображеніе числа его народонаселенія, то, во-первыхъ, это будетъ весьма несправедливо и, во-вторыхъ, нанесетъ смертельный ударъ земледѣлію и промышленности. Также, если брать людей въ солдаты на всю жизнь, то это должно приводить въ отчаяніе поступающихъ на это поприще, да и, кромѣ того, это произвело бы страшное опустошеніе въ странѣ.

Все это, взятое вмѣстѣ, привело насъ къ заключенію, что безъ различныхъ законовъ, необходимость которыхъ изложена выше, государство не можетъ наслаждаться ни счастіемъ, ни богатствомъ, ни спокойствіемъ, что оно не можетъ быть могущественно, не можетъ, однимъ словомъ, процвѣтать, и только отъ введенія этихъ законовъ можно ожидать всѣхъ этихъ благъ. Поэтому каждое преступленіе будетъ обсуждаться, какъ этого требуетъ божественный законъ, открыто, и, пока судъ не произнесетъ своего рѣшенія, никто не долженъ осмѣливаться лишать жизни тайно или открыто обвиняемаго посредствомъ яда или другихъ какихъ либо средствъ. Никому также не можетъ быть дозволено безнаказанно марать честь кого бы то ни было. Каждый долженъ пользоваться и распоряжаться свободно, безъ всякихъ стѣсненій, своимъ имуществомъ. Равно и собственность преступника не должна быть конфискована, а должна переходить по наслѣдству къ его законнымъ наслѣдникамъ.

Всѣ эти благодѣтельные законы должны одинаково распространяться на всѣхъ нашихъ подданныхъ, къ какому вѣроисповѣданію, къ какой сектѣ они ни принадлежали бы. Такимъ образомъ мы вполнѣ гарантируемъ жизнь, честь и собственность всѣхъ жителей государства, взятыхъ вмѣстѣ, и каждаго изъ нихъ отдѣльно.

Что же касается прочихъ, опредѣляющихъ порядокъ, пунктовъ, то они будутъ постановлены нашимъ государственнымъ совѣтомъ, подкрѣпленнымъ, смотря по надобности, новыми членами, который въ извѣстные дни, назначенные нами, будетъ приглашать въ свои засѣданія нашихъ министровъ и значительныхъ людей государства, чтобы сообща съ ними составить основные законы, которые должны гарантировать жизнь и собственность гражданъ и распредѣлить между ними подати. Въ этихъ собраніяхъ каждый долженъ свободно высказывать свое мнѣніе, безъ всякихъ опасеній и стѣсненій.

Постановленія, касающіяся военной службы, будутъ обсуждаться военнымъ совѣтомъ, который будетъ собираться въ сераскирскомъ дворцѣ (военное министерство).

Каждый законъ, будучи выработанъ, долженъ быть представленъ намъ на разсмотрѣніе, и мы должны его санкціонировать приложеніемъ собственноручно установленнаго высокосвященнаго знака, послѣ чего законъ дѣлается дѣйствительнымъ навсегда. Такъ какъ всѣ эти распоряженія не имѣютъ другой цѣли, кромѣ возстановленія процвѣтанія религіи, правительства, націи и государства, то мы обязываемся не дѣлать ничего такого, что бы могло имъ нанести вредъ. Какъ залогъ этого обѣщанія, мы дадимъ присягу во имя Бога въ присутствіи всѣхъ улемовъ и вельможъ государства и примемъ такую же отъ нихъ надъ этимъ самымъ актомъ, какъ только онъ будетъ положенъ въ покой, гдѣ сохраняется *чиркой* шерифъ (священное знамя).

Послѣ этого каждый,—будь онъ улемъ, высшій сановникъ или просто частное лицо,—подвергнется одинаково наказанію, если будетъ доказано, что онъ поступаетъ противно этимъ постановленіямъ. Ни высокое положеніе, ни вліяніе, ни происхожденіе, никакія связи—ничто не будетъ приниматься во вниманіе. На этотъ случай будетъ изданъ законъ о наказаніи.

Такъ какъ государственные чиновники получаютъ въ настоящее время хорошее содержаніе, и вознагражденіе тѣмъ, которые еще не получаютъ онаго, скоро будетъ опредѣлено, то долженъ быть изданъ строгій законъ противъ взяточничества и торговли должностями, этихъ главнѣйшихъ причинъ разслабленія нашей монархіи.

Такъ какъ всѣ изложенныя здѣсь постановленія издаются въ виду кореннаго преобразованія старыхъ обычаевъ, то это наше высочайшее повелѣніе должно быть обнародовано въ Константинополѣ и во всѣхъ

главныхъ центрахъ государства, а также оффиціально сообщено всѣмъ находящимся въ Константинополѣ посланникамъ дружественныхъ державъ, чтобы они были свидѣтелями дарованія нами этихъ учрежденій, которыя, если будетъ угодно Всевышнему, останутся навсегда. За симъ да будетъ надъ всѣми нами благословеніе Бога и да подвергнутся его проклятію и будутъ лишены всякаго рода покровительства всѣ тѣ, которые стали бы дѣйствовать противно этимъ учрежденіямъ!

И такъ гюльханейскимъ гатомъ обнародываются, какъ основныя права всѣхъ подданныхъ султана: неприкосновенность жизни, чести и собственности, равномѣрное распредѣленіе податей и отмѣненіе отдачи ихъ на откупъ наиболѣе дающимъ, отмѣненіе монополіи и конфискованія имуществъ; далѣе—отмѣненіе смертной казни безъ законнаго слѣдствія и дознанія; наконецъ—регулированіе рекрутской повинности и сокращеніе срока военной службы до 4 или 5 лѣтъ для магометанъ; для христіанъ же еще большее освобожденіе отъ этой повинности посредствомъ платы, соотвѣтствующей поголовной подати.

Посмотримъ же теперь, на сколько прекрасныя обѣщанія, заключавшіяся въ гюльханейскомъ гатѣ, осуществились на дѣлѣ и измѣнили участь христіанскихъ райевъ до заключенія Парижскаго мира и обнародованія гатти-гумаюна.

Уже султанъ Махмудъ обратилъ изъ наслѣдственной во временную намѣстническую должность въ провинціяхъ и неопредѣленную, измѣнявшуюся ежегодно дань, которую собирали намѣстники, обратилъ въ опредѣленную и постоянную. Но, къ несчастію, съ отмѣненіемъ привилегіи наслѣдственности исчезла и причина, удерживавшая пашей отъ окончательнаго истощенія плодородія и благосостоянія провинцій, находившихся подъ ихъ управленіемъ. У нихъ явилась одна забота, одно стремленіе: набивать какъ можно болѣе свои карманы въ самое короткое время и поддерживать расположеніе къ себѣ константинопольскихъ кружковъ, отъ которыхъ зависѣла раздача должностей, посредствомъ поднесенія имъ огромныхъ суммъ.

Решидъ пробовалъ въ 1840 г. исправить это зло, вызывавшее всеобщія жалобы, посредствомъ отдѣленія взиманія податей отъ пашалыкской администраціи. Изъ Константинополя были посланы въ провинціи особенные финансовые чиновники, которые, на основаніи средняго числа, выведеннаго изъ многолѣтнихъ донесеній пашей о податяхъ Стамбулу, опредѣлили сумму новыхъ налоговъ. При безчестности деморализован-

ныхъ посланныхъ, эта финансовая мѣра не принесла особенной пользы ни государству, ни райямъ, а возстановила только противъ Порты пашей и множество частныхъ лицъ, бравшихъ сборъ податей на откупъ. Другія, мнимыя или дѣйствительныя, мѣры улучшеній въ области управленія и правосудія были испробованы, и, не смотря на ихъ умѣренное дѣйствіе, въ результатѣ оказалось, что вообще въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи положеніе райевъ все-таки нѣсколько облегчилось гюльханейскимъ гатомъ. И этого было достаточно, чтобы не только охладить энтузіазмъ мусульманъ къ новой хартіи, но даже обратить его въ ненависть.

Правовѣрные, пользовавшіеся до тѣхъ поръ всевозможными привилегіями, не хотѣли и не могли помириться вдругъ съ идеей, что райи, которыхъ они не удостоивали даже названія людей,—равноправные съ ними граждане. Партія царедворцевъ, недовольная Решидомъ, поддерживала эту ненависть къ новымъ учрежденіямъ, и она скоро обнаружилась сперва въ отдаленныхъ отъ Константинополя провинціяхъ, а вслѣдъ затѣмъ въ Смирнѣ, Адріанополѣ и другихъ городахъ вооруженными нападеніями мусульманъ на безоружныхъ райевъ. Высшія власти, по своей ли вялости, или по своему безсилію, не могли прекратить этихъ кровавыхъ стычекъ, и имъ едва-едва удалось позднѣе оградить отъ нихъ столицу.

Вспыхнувшее почти одновременно (1843 г.) возстаніе въ Албаніи было преимущественно направлено противъ духа гюльханейскаго гатти-шерифа. Албанцы при первой попыткѣ конскрипціи взялись за оружіе подъ тѣмъ предлогомъ, что это—христіанско-франкское нововведеніе, и это вооруженное сопротивленіе противъ новой институціи перешло скоро въ неистовое преслѣдованіе безоружныхъ христіанъ, т. е. райевъ, селенія которыхъ опустошались, церкви сожигались и сами они подвергались разнымъ мученіямъ и смерти. Это возстаніе, поставившее Порту въ самое затруднительное положеніе, распространилось до Враньи и Вардарской долины. Оно было подавлено лишь послѣ того, какъ русскій посланникъ энергически вступился за своихъ единовѣрцевъ и Омеръ-паша, вызванный (1844 г.) изъ Сиріи, успѣлъ взять послѣ многихъ счастливыхъ сраженій Приштину.

На сколько невѣжественное, деморализованное и трусливое турецкое чиновничество оказалось неспособнымъ для осуществленія великодушныхъ обѣщаній султана, заключавшихся въ громко обнародованномъ гюльханейскомъ гатѣ, доказывается новымъ султанскимъ гатомъ, въ которомъ

были высказаны упреки за неумѣлость разнымъ министерствамъ, слѣдовавшимъ одно за другимъ съ 1841 г. послѣ министерства Решида, и въ которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ особенно настоятельно предписывалось принять необходимыя мѣры для распространенія образованія, такъ какъ причину этой неспособности, обнаружившейся предъ цѣлымъ свѣтомъ, султанъ Абдулъ-Меджидъ видѣлъ во всеобщемъ невѣжествѣ. Этотъ замѣчательный гатти-шерифъ, изданный въ январѣ 1845 г., поощрялъ министерство къ дальнѣйшимъ преобразовательнымъ попыткамъ. Люди, заслуживавшіе довѣрія, были вызваны изъ всѣхъ провинцій для совѣщаній, изъ которыхъ вытекло общее постановленіе, положившее первое основаніе учрежденію провинціальныхъ депутатствъ. Это учрежденіе было новымъ ограниченіемъ абсолютнаго управленія намѣстниковъ, такъ какъ уже предшественникъ Абдулъ-Меджида въ своемъ стремленіи къ централизаціи правительственной власти присвоилъ себѣ право содержать въ провинціяхъ свои собственныя наемныя войска, и власть, принадлежавшую прежде пашамъ надъ жизнью и смертью жителей провинцій, находившихся подъ ихъ управленіемъ, и сборъ податей. Теперь же этимъ абсолютнымъ нѣкогда правителямъ навязывали еще учрежденіе (Medjlis) меджлиса, или палаты депутатовъ, которая должна была составляться изъ самыхъ способныхъ и значительныхъ обывателей округа, коллективное товарищество для управленія, —товарищество съ правомъ голоса во всѣхъ дѣлахъ, касающихся управленія и правосудія. Такимъ образомъ въ рукахъ пашей оставалась только исполнительная власть.

Составъ этихъ палатъ былъ невыгоденъ для христіанъ. Рядомъ съ огромнымъ числомъ представителей отъ мусульманскихъ обществъ было самое незначительное число депутатовъ отъ обществъ прочихъ религій. Но тѣмъ не менѣе учрежденіе «Меджлиса», даже въ этой жалкой формѣ, принесло огромную пользу райямъ однимъ тѣмъ, что ихъ право гражданства, право участія въ дѣлахъ государства, получило въ первый разъ практическое примѣненіе и становилось также очевиднымъ для ихъ мусульманскихъ согражданъ.

Въ концѣ 1845 г. Решидъ-паша оставилъ свой постъ уполномоченнаго посла въ Парижѣ, чтобы занять опять свое прежнее положеніе въ константинопольскомъ министерствѣ. Въ виду претензій египтянъ и грековъ, онъ долженъ былъ позаботиться о политическомъ прогрессѣ страны.

1847 годъ также много помогъ поправленію государственныхъ финансовъ посредствомъ сбыта заграницу огромнаго количества хлѣбныхъ

растеній. Революціонная же буря, поднявшаяся въ 1848 г. въ Европѣ, почти не коснулась странъ, находящихся подъ непосредственною властью султана. Вопли народовъ о свободѣ и равенствѣ стихали на границѣ старой Османской монархіи, хотя господствующая раса продолжала пользоваться множествомъ привилегій и угнетать посредствомъ ихъ болѣе сильныхъ по своей численности райевъ, не смотря на всѣ испробованныя Махмудомъ и Абдулъ-Меджидомъ реформы, которыя гарантировали отчасти только жизнь христіанъ. Въ нѣкоторыхъ же провинціяхъ, какъ напримѣръ въ Босніи, гдѣ могущественные мусульманскіе помѣщики возмутились противъ льготъ, предоставленныхъ райямъ послѣднимъ гатти-шерифомъ, даже ухудшилась ихъ участь. Благодаря слабости властей, боснійское возстаніе было усмирено только въ 1850 г. Гражданскими правами, обѣщанными великодушнымъ танзиматомъ, воспользовались дѣйствительно боснійскіе христіане лишь благодаря знаменитой миссіи австрійскаго графа Лейнингена.

Таково было положеніе турецкихъ христіанъ 25 лѣтъ спустя послѣ обнародованія гюльханейскаго гатти-шерифа, и потому весьма понятно, что оно вызывало часто вмѣшательство въ пользу райевъ не только Австріи, но и Россіи, вліяніе которой возрастало все болѣе и болѣе на Востокѣ. Обстоятельство, что Россія разсчитывала на сильную поддержку со стороны райевъ въ войнѣ, открывшейся вскорѣ затѣмъ между нею и Турціей, доказываетъ ясно, что райи имѣли достаточно причинъ быть недовольными своимъ соціально-политическимъ положеніемъ и турецкимъ правительствомъ.

На сколько Россія ошиблась въ этомъ случаѣ въ своихъ разсчетахъ— я уже выяснилъ въ 1-й главѣ этого сочиненія. Турецкіе райи вслѣдствіе пятисотлѣтняго давленія, угнетавшаго ихъ, упали нравственно слишкомъ низко, чтобы самимъ заботиться о своемъ освобожденіи, а не ожидать его отъ предполагаемаго побѣдителя. Конечно, они не желали нарушить своихъ добрыхъ отношеній къ царю, но не желали также возбуждать противъ себя и негодованіе султана, равно какъ и западныхъ державъ, тѣмъ болѣе, что послѣднія непрестанно заявляли о своемъ непремѣнномъ намѣреніи улучшить ихъ положеніе.

Дѣйствительно, послѣ того, какъ судьба Крымской войны рѣшилась, Австрія, выступивъ на сцену въ качествѣ посредницы между воевавшими державами, поставила въ § 4-мъ предварительнаго договора, какъ основное положеніе для обѣихъ сторонъ ихъ переговоровъ

о мирѣ, статью объ эмансипаціи турецкихъ христіанъ. Содержаніе этой статьи было слѣдующее: «Вольности (les immunitées) райевъ будутъ безъ обиды достоинству или независимости султанской короны письменно утверждены. Такъ какъ между Австріей, Франціей, Великобританіей и Портой происходятъ совѣщанія о предоставленіи христіанскимъ подданнымъ султана ихъ религіозныхъ и политическихъ правъ, то Россія при заключеніи мира будетъ также приглашена принять въ оныхъ участіе».

Изъ этого видно, что даже противники Россіи были убѣждены, что если ея покровительство надъ восточнымъ христіанствомъ и должно быть устранено, то участь его во всякомъ случаѣ не можетъ быть предоставлена единственно великодушію Порты. Державы основательно разсчитывали, что послѣ тѣхъ великихъ услугъ, которыя онѣ оказали турецкому правительству и которыя спасли государство отъ вѣрнаго паденія, онѣ встрѣтятъ полнѣйшую готовность со стороны турецкихъ министровъ исполнить ихъ требованія; но послѣдніе стали рѣшительно сопротивляться давно извѣстными уклончивыми средствами своей искусной дипломатіи замѣненію счастливо устраненной гегемоніи Россіи гегемоніей своихъ многочисленныхъ союзниковъ.

Уже въ началѣ войны лордъ Рэдклифъ, пользуясь могущественнымъ вліяніемъ Англіи, началъ нападать на три пункта, въ которыхъ обнаруживалось грустное положеніе турецкихъ христіанъ даже послѣ обнародованія гюльханейскаго гатти-шерифа. Эти нападенія были направлены противъ недопущенія христіанскихъ свидѣтельствъ передъ судомъ при обвиненіи магометанъ; противъ поголовной подати, наложенной на райевъ во время завоеванія ихъ страны въ видѣ рабскаго оброка, который они должны были платить ежегодно за сохраненіе своей головы и жизни, и, наконецъ, противъ ихъ исключенія изъ общей воинской повинности. Теоретически Порта согласилась на отмѣненіе всѣхъ этихъ трехъ пунктовъ. 16 марта 1854 года она объявила допущеніе христіанъ въ свидѣтели за или противъ магометанъ въ уголовныхъ процессахъ (позднѣе мы увидимъ, какъ мало примѣнялось на практикѣ это учрежденіе), 10 мая 1855 года она отмѣнила подушный окладъ (хараджъ) который платился въ видѣ оброка, и одновременно признала за райями въ принципѣ право или обязанность отправленія военной службы; впрочемъ, и тутъ сдѣлала нѣкоторыя ограниченія, а именно постановленіемъ брать лишь часть контингента рекрутъ, приходившагося на долю

райевъ, а съ остальной части взимать подать, соотвѣтствующую прежнему хараджу, подъ измѣненнымъ названіемъ «откупа отъ военной повинности». И этой уступкѣ въ томъ, что касалось рекрутскаго набора,— уступкѣ, отъ которой уклониться не было возможности,—суждено было остаться мертвою буквой, занесенною совѣтомъ Порты по настояніямъ лорда Рэдклифа на бумагу, и никогда затѣмъ не перейти въ жизнь.

Прежде, какъ и послѣ, Высокая Порта продолжала собирать со всѣхъ мужскихъ головъ народонаселенія райевъ отъ 8 до 60-лѣтняго возраста хараджъ подъ измѣненнымъ названіемъ (asker bedledieh).

4-й пунктъ гарантій, предложенный Австріей и касавшійся эмансипаціи райевъ, не былъ даже обсуждаемъ на вѣнской конференціи (апрѣль 1855 г.) вслѣдствіе ея преждевременнаго прекращенія, и лишь въ началѣ 1856 года, когда представились болѣе благопріятныя для мира обстоятельства, союзныя державы возобновили съ Портой переговоры по поводу этого важнаго вопроса и постарались рѣшить его окончательно, прежде чѣмъ Россія могла вмѣшаться въ дѣло, чтобы не ей считали себя обязанными признательностью райи,—а султану и его союзникамъ.

Конференціи насчетъ этого пункта начались 9-го января въ домѣ великаго визиря Аали-паши. Кромѣ Тувенеля и Рэдклифа въ нихъ приняли участіе баронъ фонъ Прокешъ Остенъ и Фуадъ-паша; Пруссія же, вслѣдствіе своего нейтралитета, а Піемонтъ вслѣдствіе желанія угодить Австріи, не прислали своихъ представителей.

Результатъ этой конференціи вошелъ почти цѣликомъ въ гатти-гумаюнъ, часто упоминаемый въ послѣднее время, и который, какъ нераздѣльная часть Парижскаго договора, какъ актъ, исходившій прямо изъ него, былъ цѣликомъ составленъ и редактированъ договаривавшимися державами; султанъ же прибавилъ только съ своей стороны къ нему вступленіе и заключеніе. Однако же людямъ, не посвященнымъ въ дипломатическія тонкости, онъ могъ представляться актомъ величайшей милости, дарованнымъ добровольно, и былъ обнародованъ именно въ этомъ видѣ.

Въ этомъ новомъ «гатти-гумаюнѣ» султанъ подтвердилъ:

§ 1. Обезпеченіе личности, собственности и чести, предоставленное его подданнымъ въ началѣ его царствованія гюльханейскимъ гатти-шерифомъ и предшествовавшимъ этому акту танзиматомъ. Далѣе онъ давалъ обѣщаніе издать новыя постановленія для того, чтобы эти гарантіи сдѣлались вполнѣ дѣйствительными.

Въ § 2 утверждались всѣ права и вольности, дарованныя въ прежнія и новыя времена всѣмъ народонаселеніямъ немагометанскаго вѣроисповѣданія.

Въ § 3 постановлялось отмѣненіе права, предоставленнаго султаномъ Махмудомъ II завоевателемъ, духовенству различныхъ религій управлять свѣтскими дѣлами своихъ единовѣрцевъ (Миллетъ). Патріархи и высшее духовенство должны были отнынѣ завѣдывать лишь духовными и церковными дѣлами и получать свое вознагражденіе отъ государства; свѣтскія же дѣла райевъ предоставлялись разбирательству совѣтовъ, которые должны были составиться изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, избираемыхъ изъ ихъ среды.

Въ § 4 обѣщались разныя облегченія относительно построекъ и поправокъ церковныхъ зданій, которыя почти не допускались прежнимъ турецкимъ законодательствомъ.

Въ § 5 воспрещалось всякое административное предпочтеніе одной націи предъ другою и строго осуждался обычай магометанъ презрительно относиться къ общинамъ другихъ религій.

Въ § 6 объявлялась самая неограниченная свобода совѣсти и что никто не можетъ быть принуждаемъ (а стало быть и магометане, перешедшіе въ христіанство) къ переходу изъ одного вѣроисповѣданія въ другое.

Въ § 7 объявлялось, что такъ какъ всѣ подданные султана должны пользоваться полною гражданскою равноправностію, то каждый изъ нихъ, безъ различія вѣроисповѣданія, можетъ быть призванъ къ исполненію гражданскихъ должностей.

Въ § 8 значилось, что на будущее время каждый турецкій подданный, безъ различія религіи и происхожденія, будетъ имѣть доступъ во всѣ государственныя учебныя заведенія, чтобы пріобрѣтать познанія, необходимыя для государственной службы.

Въ §§ 9, 10, 11 провозглашалось, что магометано-христіанскіе суды будутъ рѣшать всѣ дѣла, возникающія между магометанами и христіанами, совершенно безпристрастно, и обѣщалось улучшеніе карательныхъ учрежденій и введеніе повсемѣстно хорошей полиціи.

Въ § 12 признавались за христіанами право и обязанность участвовать лично въ воинской повинности, причемъ, однако, допускалось право найма за себя рекрута, и обѣщалось изданіе подробнаго закона объ этомъ предметѣ.

Въ § 13 провозглашалась реформа провинціальныхъ и общинныхъ меджлисовъ, благопріятная для христіанскихъ народонаселеній.

Въ § 14 разрѣшалось иностранцамъ, находящимся въ Турціи, пріобрѣтать поземельную собственность.

Въ § 15 высказывалось обѣщаніе улучшить податную систему, а именно сборъ податей.

Въ § 16 признавалась необходимость поощренія работъ для общественной пользы.

Въ § 17 заключалось обѣщаніе установленія правильнаго годоваго бюджета.

Въ § 18 опредѣлялось, что делегаты отъ раіевъ будутъ призываться въ государственный совѣтъ.

Наконецъ въ § 19 заключались угрозы чиновникамъ за взяточничество и, кромѣ того, обѣщаніе позаботиться объ улучшеніи монетной системы, государственныхъ фондовъ, а равно и о проведеніи новыхъ каналовъ и дорогъ.

Ни для кого, конечно, не осталось тайной, что гатти-гумаюнъ, измѣнявшій вполнѣ положеніе турецкихъ христіанъ, вытекъ изъ совѣщаній уполномоченныхъ пословъ великихъ державъ въ Константинополѣ, былъ буквально редактированъ ими и, предъ своимъ появленіемъ въ свѣтъ, былъ прочтенъ и одобренъ въ четвертомъ засѣданіи парижской конференціи о мирѣ. Тѣмъ не менѣе, мирный ареопагъ, засѣдавшій въ Парижѣ, чтобы пощадить самолюбіе султана и его дивана, упомянулъ о гатти-гумаюнѣ въ статьѣ 9-й парижскаго договора въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Послѣ того, какъ его императорское величество султанъ, заботясь постоянно о благосостояніи своихъ подданныхъ, издалъ фирманъ, который, улучшая положеніе оныхъ безъ различія ихъ происхожденія и религіи, доказалъ вполнѣ его великодушныя отношенія къ христіанскимъ народонаселеніямъ государства, онъ счелъ нужнымъ сообщить договаривающимся державамъ упомянутый фирманъ, какъ актъ своей самодержавной воли, чтобы этимъ самымъ засвидѣтельствовать вновь свой образъ мыслей на этотъ счетъ. Договаривающіяся державы констатируютъ высокое достоинство этого сообщенія, которое, разумѣется, ни въ какомъ случаѣ не даетъ упомянутымъ державамъ права вмѣшиваться порознь или сообща въ отношенія султана къ его подданнымъ или въ его внутреннее управленіе государствомъ».

Всѣ эти прекрасныя фразы не ослѣпляли интеллигентныхъ турецкихъ кружковъ. Они очень хорошо понимали, что всѣ обѣщанія султана, заключавшіяся въ гатѣ и противорѣчившія правамъ, предоставленнымъ магометанамъ кораномъ и обычаями, были не болѣе какъ уступки, вынужденныя единодушными требованіями союзныхъ державъ и ихъ военнымъ положеніемъ. Непріязненно былъ встрѣченъ новый порядокъ вещей министрами султана, непріязненно былъ онъ встрѣченъ и управляемыми. Конечно, можно было предвидѣть, что мусульмане не отнесутся къ нему враждебно; но удивительно было то, что райи, которымъ онъ представлялъ блестящую перспективу впереди, которыхъ политическое положеніе онъ измѣнялъ вдругъ и которыхъ обращалъ изъ паріевъ въ гражданъ, встрѣтили его весьма равнодушно и не выразили благодарности, которой ожидали отъ нихъ державы. Однако же и самое это равнодушіе можно было предвидѣть, какъ и неудовольствіе мусульманъ. Давно спокойный фаталистъ-турокъ отказался отъ состязанія во всѣхъ отрасляхъ промышленности съ христіаниномъ, болѣе дѣятельнымъ и интеллигентнымъ и менѣе добросовѣстнымъ, чѣмъ онъ. Какъ же могъ онъ помириться съ мыслію, что султанъ, его природный повелитель и защитникъ, наперекоръ всѣмъ мусульманскимъ традиціямъ, освященнымъ вѣками, открывалъ еще входъ его ловкому сопернику и въ ту область, которую онъ, правовѣрный турокъ, считалъ по правиламъ корана своимъ законнымъ достояніемъ, добытымъ войною. Паша-христіанинъ, управляющій правовѣрными сынами Магомета! Возможно ли же это? И еще хуже: возможно ли допустить, чтобы самый ничтожный, самый необразованный изъ мусульманъ, но имѣющій полное право, не смотря на гюльханейскій гатъ, занимать болѣе высокое политическое положеніе въ государствѣ, чѣмъ самый богатый и образованный райя, такъ какъ онъ ранѣе съ гордостью сражался исключительно подъ знаменемъ пророка, раздѣлялъ теперь эту привилегію съ ненавистнымъ ему гяуромъ?

Глубокое неудовольствіе противъ султана, дивана и противъ райевъ выразилось скоро въ многочисленныхъ насиліяхъ противъ послѣднихъ; но выражалось оно гораздо громче и сильнѣе въ азіатскихъ, чѣмъ въ европейскихъ турецкихъ владѣніяхъ, гдѣ чиновники, которымъ угрожалъ новый гатъ потерею ихъ должностей, не спѣшили ихъ прекращать. Райи, съ другой стороны, видѣли въ новомъ гатѣ обоюдоострый мечъ, который внушалъ имъ тѣмъ болѣе недовѣрія, что вышелъ изъ

рукъ державъ, арміи которыхъ сражались за сохраненіе ислама, за ненавистное имъ турецкое государство, лишившее ихъ однажды ихъ національной независимости, за отвратительную систему правленія, отравлявшую ихъ матеріальную и духовную жизнь въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Кромѣ того, въ послѣднее двадцатипятилѣтіе было обнародовано много фирмановъ, заключавшихъ себѣ самыя богатыя обѣщанія. Но измѣнили ли они существенно ихъ положеніе? Турокъ не вѣритъ точно такъ же ни въ чемъ христіанину, какъ христіанинъ не вѣритъ въ свою очередь турку. Праву же отбыванія воинской повинности райи далеко не радовались; хотя, повидимому это право и казалось важною государственно-гражданскою уступкою, которой оно было выраженіемъ, тѣмъ не менѣе, однако же, они весьма охотно отказались бы отъ него, такъ какъ оно представляло имъ въ перспективѣ обязанность драться за полумѣсяцъ противъ православнаго русскаго креста, побѣда котораго доставила имъ во время Адріанопольскаго мира болѣе достойное положеніе, чѣмъ то, въ которомъ они находились прежде, и въ подобномъ случаѣ не воспользовались ли бы турецкія власти включеннымъ небезнамѣренно въ эту статью дозволеніемъ райямъ ставить за себя наемщиковъ? Не сдѣлается ли тогда эта льгота новымъ источникомъ разныхъ злоупотребленій, новымъ поводомъ къ тому, чтобы грабить ихъ? Отъ этой опасности ихъ не могли оградить даже ихъ представители въ провинціальныхъ совѣтахъ. Что же было выиграно?—Единственно только то, что нѣкоторые изъ значительныхъ христіанъ, безсовѣстныхъ и продажныхъ, преданныхъ пашамъ и избранныхъ ими, могли дѣлить съ ними добычу, увеличенную этимъ новымъ способомъ грабительства. И турки, и христіане могли бы, однако же, успокоиться, если бы они взглянули на бездѣйствіе прежнихъ гатовъ. И дѣйствительно, гатти-гумаюнъ остался также одною изъ громкихъ прокламацій, которыми диванъ, во время своихъ финансовыхъ и политическихъ кризисовъ, любитъ изумлять европейскій міръ.

Въ настоящее время всѣ эти многообѣщающіе акты не производятъ уже впечатлѣнія. Въ Европѣ имъ мало вѣрятъ; внутри государства совсѣмъ не вѣрятъ. Въ англійскомъ парламентѣ это недовѣріе выразилось въ маѣ 1856 г. упреками министерству иностранныхъ дѣлъ за то, что гатти-гумаюнъ не былъ внесенъ въ парижскій договоръ, какъ одна изъ основныхъ его частей, такъ какъ это лишаетъ договаривавшіяся державы права прямаго вмѣшательства въ дѣйствія Порты относительно райевъ. Лордъ Пальмерстонъ старался смягчить эти упреки

слѣдующимъ объясненіемъ: «Гатъ поставленъ подъ покровительство державъ, заключившихъ договоръ, уже однимъ тѣмъ, что о немъ и его содержаніи упоминается въ Парижскомъ договорѣ; а слѣдовательно державы имѣютъ право требовать его выполненія, чтобы цѣль, въ виду которой былъ постановленъ 4-й пунктъ договора, достигалась дѣйствительно».

Положеніе христіанъ, безспорно, со времени Парижскаго мира улучшилось въ нѣкоторыхъ турецкихъ провинціяхъ, именно въ тѣхъ, гдѣ они образуютъ, какъ напримѣръ въ Болгаріи, огромное большинство; но этимъ они обязаны гораздо менѣе султанскимъ гатамъ, чѣмъ соприкосновенію, увеличившемуся вслѣдствіе улучшенія путей сообщенія, съ западнымъ духомъ, который вліяетъ одинаково какъ на турокъ, такъ и на христіанъ. Не мало содѣйствовалъ улучшенію положенія христіанскихъ райевъ также и непрерывный контроль европейскихъ консуловъ и, наконецъ, то обстоятельство, что посредствомъ своего трудолюбія и духа предпріимчивости,—качества, которыми далеко не отличается господствующая раса,—они поставили ее въ нѣкоторую метеріальную отъ себя зависимость, которая необходимо дѣлаетъ ее терпимѣе и снисходительнѣе. Болѣе чѣмъ за всѣ гаты, которые при своеобразномъ сліяніи корана съ государственнымъ правомъ, даже если бы турецкіе чиновники и выказали болѣе доброй воли выполнять ихъ, останутся еще долго не болѣе какъ исписанными лоскутками бумаги, и райи должны благодарить царствующаго султана за его старанія покрыть Турцію сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Какъ въ 1868 году, во время моего путешествія по южной Сербіи, я былъ убѣжденъ, такъ и нынѣ я остаюсь при томъ же убѣжденіи, что «лишь въ тотъ моментъ, когда Турція, изолированная до сихъ поръ Пестомъ и западнымъ пограничнымъ кордономъ, соединится съ Западомъ желѣзными дорогами, осуществится дѣйствительно эмансипація христіанскихъ подданныхъ Порты,—эмансипація, которой не могли добиться никакими трактатами, и тогда десять милліоновъ прекрасно одаренныхъ отъ природы людей и одна изъ самыхъ благословенныхъ странъ нашей части свѣта какъ-бы вновь прибавятся къ ней».

Улучшенія быта райевъ слѣдуетъ ожидать отъ благодѣтельнаго, испытаннаго уже дѣйствія международнаго общенія, которое повсюду, гдѣ предъ нимъ открывались двери, распространяло свѣтъ цивилизаціи и духъ терпимости. О гатѣ же, надѣлавшемъ столько шума, мы раздѣляемъ мнѣніе нѣмецкаго консула Розена, выразившагося слѣдующимъ

образомъ: «лишь въ одномъ отношеніи гатъ достигалъ вполнѣ своей цѣли, а именно въ томъ, что послужилъ основаніемъ для дипломатіи и прессы увѣрять кабинеты и публику, что Турція вступила въ разрядъ цивилизованныхъ государствъ».

Теперь, когда я представилъ читателю различныя писанныя права турецкихъ христіанъ и самые источники, изъ которыхъ они получили свое начало, я попрошу его слѣдовать за мною въ моихъ изслѣдованіяхъ того, на сколько оправдались приведенныя мною слова консула Розена, въ какой степени осуществились въ дѣйствительности разные гаты и въ особенности знаменитый гатти-гумаюнъ 1856 г., провозглашавшіе эмансипацію христіанъ, подданныхъ султана, или не остались ли они совсѣмъ невыполненными громкими обѣщаніями, и достигли ли той цѣли, въ виду которой давались, а именно—успокоенія Запада?

IV.

Управленіе Тунскаго вилайета[1]). 1860 — 1870.

„*Noblesse oblige*» державъ, участвовавшихъ въ Парижскомъ договорѣ.—Циркуляръ кн. Горчакова мая 1860 г. — Грустные отзывы всѣхъ путешественниковъ относительно райевъ.—Турецкое слѣдствіе, произведенное въ 1860 г. великимъ визиремъ Киприсли. — Мои разговоры съ Сулейманъ-беемъ.—Донесеніе англійскаго консула о положеніи христіанъ въ Турціи. — Похищеніе христіанскихъ дѣвушекъ.—Гатти-гумаюнъ относительно состоятельности христіанскихъ свидѣтельствъ предъ судомъ.—Сообщеніе англійскаго консула объ этомъ предметѣ.—Спагилукъ. — Дѣйствія одной депутаціи райевъ въ Нишѣ.—Новое турецкое слѣдствіе въ 1862 г.—Общее описаніе измѣненій положенія болгаръ въ теченіе этого года.—Одна свѣтлая точка.—Мидхадъ-паша, губернаторъ Дунайскаго вилайета.—Сужденіе паши Фуада о новомъ учрежденіи 1867 г.—Окрестность вилайета Туна.—Характеристика Мидхада.—Вилайетъ Туна—образцовый вилайетъ.—Преждевременное отозваніе Мидхада въ 1868 г.—Его преемникъ.—Турецкая система податнаго сбора есть копія византійской.—Неудачный опытъ реформы.—«Паша близко, султанъ далеко».—Контроль надъ турецкою администраціей европейскаго ареопага.—Воспоминаніе о боснійскихъ событіяхъ 1873 г.—Противодѣйствія туркофиловъ иностранному вмѣшательству.—Дѣйствія турецко-греческаго управленія на болгаръ.

«*Noblesse oblige*», думали въ Парижѣ, принимая Турцію въ число европейскихъ державъ и довѣряя, что она осуществитъ безъ всякаго посторонняго вмѣшательства всѣ прекрасныя обѣщанія, заключавшіяся въ гатти-гумаюнѣ. Да и можно ли было ожидать, что диванъ не постарается эмансипаціей подвластныхъ ему христіанъ отплатить христіанской Европѣ за тѣ исполинскія матеріальныя пожертвованія, которыя она сдѣлала для того, чтобы поддержать его существованіе, за потоки крови, которые она пролила за него? И въ этой увѣренности ожидали выполненія гатти-гумаюна! Одна держава только оказалась менѣе довѣрчивою и продолжала втихомолку контролировать дѣйствія турецкаго правительства. Это была Россія. На политическомъ горизонтѣ не было ни одного облачка, какъ вдругъ въ маѣ 1860 г. кн. Горчаковъ нарушилъ блаженное спокойствіе европейскихъ кабинетовъ своимъ знаменитымъ циркуляромъ. Восточный вопросъ, который считали всѣ давно похороненнымъ, являлся опять, хотя не столь грознымъ, какъ шесть лѣтъ тому назадъ, но тѣмъ не менѣе живымъ предъ глазами изумленной дипломатіи. Чего требовала Россія?—Немедленнаго слѣдствія о невыноси-

[1]) Дунайскій вилайетъ — 86,000 кв. километровъ пространства и 3.700,000 жителей; главный городъ Рущукъ.

момъ положеніи райевъ, далѣе—соглашенія великихъ державъ между собою о томъ, чтобы обязать Порту принять такія мѣры, которыя бы дѣйствительно и прочно улучшили положеніе храстіанскихъ народовъ, подвластныхъ ей. Весьма естественно, что циркуляръ Горчакова, при традиціонномъ вліяніи Россіи въ восточной Европѣ, произвелъ сильное впечатлѣніе. Пять лѣтъ прошло со времени обнародованія гатти-гумаюна, отъ котораго ожидали такихъ благодѣтельныхъ послѣдствій,—и ничего не было сдѣлано. Европейскіе органы, преданные Портѣ, громко заявляли о ея цивилизаторскихъ стремленіяхъ, о ея гигантскихъ шагахъ на пути прогресса—и что же? Все это, стало быть, была ложь, гнусный обманъ? Разсмотримъ же теперь, на чьей сторонѣ была правда: на сторонѣ ли обвинительницы-Россіи, или на сторонѣ обвиняемой-Порты?

Разсмотримъ еще, заслуживаютъ ли дѣйствительно райи нашей симпатіи. Въ большой болгарской долинѣ, бывшей нѣкогда покрытою моремъ, лежащей по ту и другую сторону сербской горной границы, поднимаются укрѣпленные города Нишъ, Виддинъ и Бѣлградчикъ. Тамъ можемъ мы узнать, изучить наглядно, по собственнымъ нашимъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ, истинныя условія быта райевъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я далъ это обѣщаніе въ моемъ сочиненіи «Сербія» въ 1868 г., я объѣхалъ нѣсколько разъ всю Болгарію, искрестилъ Дунайскую долину къ сѣверу и югу отъ Балканъ до самаго Чернаго моря. Если во время первыхъ моихъ пребываній въ Болгаріи (1860 и 1862) я былъ свидѣтелемъ начала борьбы болгаръ противъ ихъ свѣтскихъ и духовныхъ противниковъ, то во время моихъ позднѣйшихъ путешествій (1864—1874) я могъ составить себѣ вѣрное понятіе о томъ, чего они успѣли достигнуть и что оставалось еще дѣлать. Многое я нашелъ совсѣмъ измѣненнымъ, другое оставалось почти въ такомъ же видѣ, какъ было за десять лѣтъ предъ тѣмъ, такъ какъ во всемъ и вездѣ прогрессъ въ Турціи подвигается весьма медленно.

Описаніе настоящихъ условій жизни болгарскаго народа было бы, однако же, не совсѣмъ понятно для читателя, если бы онъ не узналъ предварительно нѣкоторыхъ обстоятельствъ, непосредственно предшествовавшихъ имъ и вызвавшихъ майскій циркуляръ 1860 г. князя Горчакова. А узнать ихъ онъ можетъ изъ нижеприведеннаго отрывка, написаннаго мною и напечатаннаго въ «Oesterr. Revue» еще въ 1864 году, когда Европа менѣе чѣмъ нынѣ заботилась о болгарахъ и ихъ борьбѣ противъ турецко-фанаріотскихъ ихъ притѣснителей.

«Въ какое бы время ни прибылъ путешественникъ въ Болгарію, писалъ я, онъ всегда встрѣтитъ въ большихъ городахъ предъ дворцами пашей многочисленныя крестьянскія депутаціи, преклоняющіяся самымъ смиреннымъ образомъ предъ этими владыками. На колѣняхъ—въ буквальномъ смыслѣ — умоляютъ райи объ отмѣненіи невыносимаго бремени, налагаемаго на нихъ армянскими и греческими откупщиками правительственныхъ податныхъ сборовъ. Часто они приносятъ также жалобы на несправедливыя притязанія турецкихъ землевладѣльцевъ; въ послѣднее же время чаще всего жалуются на притѣсненія греческаго духовенства».

Ами Буэ (1838), какъ Бланки (1841), какъ Ганъ и Цахъ (1859), разсказывали возбуждавшія состраданіе сцены, которыхъ они были свидѣтелями; я также, въ свою очередь, ступивъ впервые 11 іюня 1860 г. на болгарскую почву, нашелъ все христіанское народонаселеніе отъ Нишавы до мыса Эмине, отъ Виддина до Адріанополя въ страшно-возбужденномъ состояніи.

Жалобы болгаръ проникли наконецъ во дворецъ падишаха, доступъ въ который не слишкомъ легокъ. Вѣроятно онѣ были основательны, такъ какъ Абдулъ-Меджидъ, выказывавшій часто человѣческое состраданіе къ своимъ христіанскимъ подданнымъ, отправилъ для произведенія слѣдствія великаго визиря, своего садразама. «Рука мстительной Немезиды должна была на этотъ разъ поразить виновныхъ». Такъ было обѣщано райямъ въ письменномъ воззваніи визиря, приглашавшемъ ихъ приносить свои жалобы, не боясь ни пашей, ни епископовъ, прямо ему, высокому императорскому комиссару, въ городахъ, чрезъ которые онъ будетъ проѣзжать въ извѣстные дни, обозначенные въ программѣ.

Кто могъ ожидать такой великой милости! Христіанскимъ подданнымъ султана будетъ разомъ оказана справедливость! Какъ превозносили бѣдные болгары всемилостивѣйшаго падишаха! Какія горячія благословенія послали они въ Царьградъ (Константинополь)! Казалось, насталъ для нихъ часъ освобожденія отъ всѣхъ ихъ бѣдъ и напастей; казалось, занялась заря новой, счастливой будущности.

Тысячи крестьянъ отправлялись съ просьбами, какъ одинъ человѣкъ, въ города навстрѣчу ожидаемому великому визирю, приближеніе котораго распространяло паническій страхъ между чиновниками. На улицахъ разсказывали другъ другу, что садразамъ арестовалъ саркойскаго (Пиротъ) епископа и что такая же участь ожидала нишскаго пашу. Мусульмане города Ниша смотрѣли изъ кофеенъ на проходившихъ мимо

гяуровъ менѣе презрительно, чѣмъ обыкновенно, а окрестные мудиры съ менѣе самоувѣреннымъ видомъ разъѣзжали верхами по улицамъ въ сопровожденіи своей обыкновенной свиты, состоящей изъ набивальщиковъ трубокъ, кавасовъ и т. д. Незадолго до пріѣзда въ Нишъ великаго визиря, прибылъ его спутникъ, Сулейманъ-бей, съ порученіемъ принимать жалобы до появленія садразама. Никакой трудъ не можетъ сравниться съ тѣмъ, который задавали себѣ различныя партіи, чтобы повредить одна другой.

Виновные дрожали или старались, какъ богачъ Когаджи, избавиться отъ отвѣтственности бѣгствомъ. Турки смиренно преклонялись предъ Сулейманомъ, а за спиной его покачивали головами—извѣстный турецкій знакъ отрицанія или удивленія; райи же, предупрежденные уже въ пользу турецкаго сановника его ласковою привѣтливостью, громко хвалили его безпристрастіе, когда онъ направлялся къ нишской тюрьмѣ въ сопровожденіи берковицкаго ходжи-баши, новаго турецкаго члена меджлиса, и конвоя заптіевъ. Сулейманъ-бей прошелъ свою школу при большихъ европейскихъ дворахъ и старался всегда получать какія нибудь экстраординарныя миссіи. Такъ, во время крымской войны онъ состоялъ при Арифѣ-эффенди, посланникѣ въ Вѣнѣ; нѣкоторое время провелъ онъ также при большихъ германскихъ дворахъ, а именно въ Берлинѣ, и зналъ превосходно всю дипломатическую игру, которая велась тамъ. Позднѣе онъ былъ сдѣланъ пашею и назначенъ въ должность адріанопольскаго вали, но, къ несчастію, умеръ въ Константинополѣ (1869 г.) въ тотъ самый моментъ, когда собирался отправиться на свой постъ. Въ Сулейманѣ Турція потеряла одного изъ своихъ лучшихъ и самыхъ достойныхъ государственныхъ людей. Въ разговорѣ онъ любилъ приводить цитаты французскихъ писателей. Черты лица турецкаго дипломата были полны выраженія и располагали въ его пользу. Однако же оттѣнокъ сарказма пробѣжалъ по его мужественной физіономіи, когда разговоръ между нами коснулся грустныхъ отношеній, существующихъ между Турціей и райями. Съ ловкостью адвоката принялся тогда излагать Сулейманъ свои глубокіе взгляды на политическое и соціальное состояніе христіанскихъ сосѣднихъ государствъ и, нужно отдать ему справедливость, часто отпарировалъ мои упреки весьма мѣткими аргументами. При этомъ онъ старался указывать на гуманныя намѣренія султана относительно райевъ. «Эти намѣренія не поколеблются: они будутъ приводиться въ исполненіе,—прибавилъ онъ, возвышая голосъ,—до тѣхъ поръ, пока Россія и Франція не начнутъ поджигать райевъ къ возстанію противъ него, ихъ законнаго государя! Да и въ какой странѣ не жалуются нынѣ управляемые на произволъ чи-

новниковъ, на тягость податей? Возьмемъ любое изъ всѣхъ этихъ сотенъ прошеній подданныхъ, и вы увидите, что масса такихъ же жалобъ поступаетъ ежедневно, ежечасно, въ ваши низшіе суды. Здѣсь, напримѣръ, жалуется райя на своего богатаго сосѣда-турка, что онъ похитилъ у него въ ночное время дочь. Попъ и старшины общины подтверждаютъ этотъ фактъ своими подписями. Я вызвалъ обвиняемаго землевладѣльца. Онъ признается, что дѣвушка дѣйствительно находится у него въ гаремѣ, но что она пришла къ нему добровольно. И это весьма правдоподобно. Въ родительскомъ домѣ она была завалена тяжелою работой и предпочла ей прекрасныя платья и хорошее обращеніе, которымъ пользуются турецкія женщины. Она сама захотѣла сдѣлаться турчанкой и не желаетъ никогда возвращаться въ свою среду». «Что же остается мнѣ теперь дѣлать? продолжалъ Сулейманъ:—лично выслушать дѣвушку? Хорошо. Но допустимъ, что богатый турокъ снискалъ дѣйствительно ея расположеніе? Какъ же рѣшить въ такомъ случаѣ дѣло? Признайтесь, что подобныя происшествія случаются ежедневно во всѣхъ европейскихъ городахъ; только тамъ никто объ этомъ не говоритъ. Будь же здѣсь, въ Нишѣ, русскій или французскій консулъ,—они ухватились бы непремѣнно за этотъ случай, сдѣлали бы изъ него важное дѣло, *cause célèbre*, начали бы обмѣниваться нотами; европейская печать подняла бы гвалтъ, и г. Жирарденъ нашелъ бы въ немъ пикантный матеріалъ, изъ котораго выкроилъ бы поджигательную статью противъ Турціи для Revue de deux Mondes»!

Сулейманъ-бей былъ очевидно возбужденъ. Мусульманинъ побѣдилъ въ немъ на одну минуту хладнокровнаго искуснаго дипломата. Онъ не замѣтилъ, что самъ бросилъ камень въ турецкій порядокъ вещей, жалуясь на пристрастное вмѣшательство европейскихъ державъ, на несправедливость прессы, возвышающей свой голосъ за бѣдныхъ райевъ. Я сдѣлалъ ему слѣдующее возраженіе:

«Да, эффенди! Вы замѣтили совершенно вѣрно. Въ нашихъ странахъ, гдѣ сотни такихъ процессовъ и жалобъ, которыя занимаютъ нынѣ ваше драгоцѣнное время и для разбирательства которыхъ alter ego султана предпринялъ такое далекое путешествіе, рассматривались бы низшими судами и были бы въ нихъ рѣшены. Самый случай обольщенія, приведенный вами и столь достойный сожалѣнія съ точки зрѣнія нравственности, былъ бы рѣшенъ безъ всякаго вмѣшательства съ какой бы ни было стороны обыкновеннымъ судьей, на основаніи закона. Но извините, эффенди, развѣ вы найдете въ турецкихъ судахъ, поставленныхъ госу-

дарствомъ для разбирательства—права? Гдѣ же бы сталъ отыскивать райя безъ вашего присутствія этого права, когда ему приходится жаловаться на мусульманина? Какой мусульманскій судья принялъ бы, напримѣръ, прошеніе подобное тому, которое вамъ подано отцомъ соблазненной дѣвушки? Какой судья вошелъ бы не только въ разбирательство подобнаго факта, но даже сталъ бы выслушивать его? Предоставляетъ ли настоящій составъ мѣстныхъ судовъ райямъ какія нибудь гарантіи справедливаго рѣшенія въ процессахъ противъ правовѣрныхъ? Я самъ, эффенди, имѣлъ случай узнать въ Герцеговинѣ въ 1858 году сущность и составъ турецкихъ судовъ, такъ какъ не болѣе, какъ нѣсколько недѣль тому назадъ, находился на скамьѣ подсудимыхъ предъ однимъ боснійскимъ меджлисомъ въ Зворникѣ по подозрѣнію, что я будто бы московскій инженеръ (moscov inschenir),—подозрѣнію, не имѣвшему никакого основанія. Какой составъ суда нашелъ я въ этомъ городѣ, населенномъ на половину райями, которымъ предоставлена гатти-гумаюномъ полная равноправность съ турками? Рядомъ съ предсѣдательствующимъ мудиромъ, съ кади, муфти и десятью мусульманами увидалъ я въ углу залы скорчившагося на полу старца, на котораго никто не обращалъ вниманія. Это былъ представитель христіанъ христіанскаго города Зворника. Во все время, пока продолжались судебныя пренія, онъ не осмѣлился произнести ни одного слова въ мою защиту. Да если бы онъ и рѣшился говорить, то это ни къ чему не повело бы: вѣдь его терпятъ только для формальнаго выполненія буквы танзимата и послѣдняго гатти-шерифа! Съ этимъ человѣкомъ, который по настоящему долженъ былъ бы защищать интересы зворникской христіанской общины, обращались какъ съ паріею. Я употребилъ слова: *долженъ былъ бы*, такъ какъ на дѣлѣ этого не было, да и не могло быть. Сознайтесь откровенно, какова участь была бы этого человѣка, если бы онъ дѣйствительно вообразилъ, что онъ нѣчто болѣе мебели, и вздумалъ заявить о своемъ присутствіи живымъ словомъ, вздумалъ выйти изъ своего угла и занять мѣсто на диванѣ рядомъ съ турецкимъ чиновникомъ,—однимъ словомъ, принять за чистую монету предоставленное ему право голоса? Да, эффенди, до тѣхъ поръ, пока суды его величества падишаха будутъ составлены такимъ образомъ, какъ въ Зворникѣ, пока христіанскія свидѣтельства противъ мусульманъ не будутъ приниматься въ судахъ, пока коранъ и пандекты «*Multka*», написанные нѣсколько вѣковъ тому назадъ, будутъ составлять единственные источники всѣхъ правъ и законовъ, по которымъ впередъ рѣшено,

что правовѣрный всегда правъ, а райя всегда виноватъ, по которымъ паши за всякую апелляцію послѣднихъ будутъ имѣть право наказывать ихъ палками,—до тѣхъ поръ, эффенди, вы не должны удивляться, что люди съ объективнымъ взглядомъ, люди, принимающіе участіе въ судьбахъ человѣчества, люди, скорбящіе о попраніи человѣческихъ правъ, будутъ возвышать голосъ въ пользу райевъ, будутъ настаивать, чтобы льготы, предоставленныя турецкимъ христіанамъ гюльханейскимъ гатти-шерифомъ, гумаюнскимъ гатомъ, танзиматомъ, сдѣлались, наконецъ, дѣйствительностію».

Слѣдствіе коммисара Порты доказало ясно,—хотя его подробности не были никогда открыто заявлены,—на сколько справедливо и основательно было предложеніе Россіи великимъ державамъ, сдѣланное въ маѣ мѣсяцѣ 1860 года. Всякій, кто сочтетъ настоящее описаніе невѣрнымъ; факты, приведенные мною, преувеличенными; всякій, кто захочетъ узнать ближе, какъ турецкіе судьи относятся къ похищенію христіанскихъ дѣвушекъ и какъ не только суды, но и самый законъ въ нѣкоторыхъ странахъ Турціи не только терпитъ, но даже поощряетъ ихъ; всякій, кто сочтетъ мои жалобы на составъ турецкихъ судовъ,—составъ, уничтожающій самую мысль о какомъ бы то ни было правѣ, неосновательными и несправедливыми; всякій, кто вѣритъ въ допущеніе или значеніе христіанскихъ свидѣтельствъ противъ мусульманъ—можетъ убѣдиться въ истинности моихъ словъ, взявши въ руки донесенія консуловъ о положеніи христіанъ въ Турціи. Эти важныя секретныя донесенія англійскихъ консуловъ въ Турціи, предназначавшіяся только для нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ въ Лондонѣ, были открыты міру г. Жирарденомъ, напечатавшимъ ихъ въ «*Revue de deux mondes*». Это сообщеніе доказываетъ, что оффиціальныя заявленія Пальмерстона и Лайерда парламенту объ увеличивающемся благоденствіи райевъ были наглою ложью. Это сообщеніе содержитъ въ себѣ драгоцѣнныя извѣстія о соціальномъ состояніи Турціи въ 1860 г., не измѣнившемся, къ сожалѣнію, еще и въ наше время; въ немъ находятся также отвѣты англійскихъ консуловъ на вопросы сера Генри Бульвера, сдѣланныя вслѣдствіе циркуляра князя Горчакова. Вообще это сообщеніе отличается величайшею объективностью и заключаетъ въ себѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія. Нѣкоторыя мѣста этого англійскаго оригинальнаго сообщенія, переведеннаго чрезвычайно вѣрно, представляются извлеченіемъ изъ моего разговора съ Сулейманъ-беемъ.

Посмотримъ теперь, что говоритъ мистеръ Блунтъ, англійскій кон-

сулъ въ Приштинѣ, въ донесеніи своему правительству относительно похищеній дѣвушекъ, совершающихся тамъ безпрестанно: «Около того же самаго времени (1860 годъ) пробовалъ одинъ заптій (жандармъ) насильственно обратить въ исламъ одну болгарскую дѣвушку. Она объявила передъ кумановскимъ меджлисомъ, что не хочетъ отрекаться отъ своей религіи,—и онъ убилъ ее около самаго дома мудира. Это грустное происшествіе произвело сильное волненіе во всей провинціи. Кумановскій меджлисъ не хотѣлъ принимать свидѣтельствъ христіанъ и употребилъ всѣ усилія, чтобы спасти убійцу».

Мистеръ Лонгвортъ, бывшій англійскимъ генеральнымъ консуломъ въ Бѣлградѣ и лишь недавно оставившій этотъ постъ, одинъ изъ самыхъ ярыхъ туркофиловъ, сообщаетъ, въ качествѣ Монастырскаго консула, въ своемъ донесеніи о томъ же самомъ предметѣ: «Насильственное похищеніе христіанскихъ дѣвушекъ магометанами есть злоупотребленіе, громко взывающее о помощи». Мистеръ Абботъ, дарданелльскій консулъ, разсказываетъ слѣдующее: «Здѣсь существуетъ обычай освобождать отъ военной повинности молодыхъ мусульманъ, которые соблазняютъ дѣвушку-христіанку и обращаютъ ее въ свою вѣру, такъ какъ это считается заслугой предъ религіей».

Изъ этихъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ имѣетъ особенный вѣсъ свидѣтельство консула Лонгворта, читатель видитъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ правительство давало даже премію за похищеніе и апостазію христіанскихъ дѣвушекъ, и пойметъ, конечно, что при такомъ обычаѣ турецкое народонаселеніе и выходящіе изъ него меджлисы смотрятъ совершенно иначе чѣмъ мы на фактъ преступленія, констатированый англійскими консулами. Теперь послушаемъ отзывы англійскихъ консуловъ о томъ, какъ былъ выполненъ Портой одинъ изъ важнѣйшихъ для райевъ пунктовъ гатти-гумаюна и Парижскаго договора 1856 года. Я подразумѣваю здѣсь пунктъ, касающійся равносилія христіанскихъ и турецкихъ показаній предъ судомъ».

Въ гатти-шерифѣ 1856 года (гатти-гумаюнъ) султанъ объявляетъ: «Всѣ дѣла, подлежащія полицейскому или уголовному вѣдомству, между мусульманами и христіанами или другими нашими подданными-немагометанами должны быть разбираемы смѣшанными судами. Разбирательства этихъ судовъ должны происходить гласно. Спорящія стороны должны быть поставлены лицомъ къ лицу и имѣютъ право представлять своихъ свидѣтелей, показанія которыхъ должны приниматься безъ различія

вѣроисповѣданія, подъ присягой, предписываемой уставами той религіи, къ которой каждый изъ нихъ принадлежитъ». Не благородныя ли это слова? Не обѣщали ли они открытія новой эры для бѣдныхъ райевъ, находившихся такъ долго подъ нестерпимымъ гнетомъ? Однако же люди, хорошо знакомые съ ходомъ вещей въ Турціи и съ ея порядками, сомнѣвались въ исполненіи этихъ прекрасныхъ обѣщаній султана. Они помнили, что подобныя обѣщанія заключались также и въ гюльханейскомъ гатти-шерифѣ 2-го ноября 1839 года. Донесенія англійскихъ консуловъ о значеніи христіанскихъ показаній предъ турецкими судами докажутъ, что сомнѣнія этихъ людей были вполнѣ основательны.

Мистеръ Блундтъ, англійскій консулъ въ Приштинѣ (Албанія), доноситъ своему правительству насчетъ этого предмета, составлявшаго для турецкихъ христіанъ жизненный вопросъ, слѣдующее: «Показанія христіанъ въ процессахъ между мусульманами и немусульманами не допускаются въ мѣстныхъ судахъ». Въ дѣлахъ же, въ которыхъ не замѣшаны мусульмане, христіанскія свидѣтельства принимаются.

Мистеръ Зорабъ, консулъ въ Босно-Сераѣ, говоритъ: «христіанскія свидѣтельства въ меджлисѣ принимаются иногда, но обыкновенно съ прямою или косвенною присягою по *мегкеме*, и такимъ образомъ христіане смѣшиваются насильственно съ мусульманскими свидѣтелями». Случаи, въ которыхъ христіанскія свидѣтельства не допускаются, весьма многочисленны, но собираніе ихъ отняло бы слишкомъ много времени.

Мистеръ Каткартъ, консулъ въ Превезѣ, замѣчаетъ: «христіанскія свидѣтельства допускаются во всѣхъ судахъ, но я сомнѣваюсь, чтобы они были равносильны свидѣтельствамъ мусульманъ въ дѣлахъ между христіанами и мусульманами».

Мистеръ Чарльсъ Блунтъ, консулъ въ Смирнѣ, констатируетъ: «На основаніи всѣхъ данныхъ, которыя я могъ узнать, христіанскія свидѣтельства не допускаются внутри страны. Мнѣ былъ сообщенъ одинъ фактъ, случившійся въ 1857 году, а именно: айдинскія власти не хотѣли допустить христіанъ въ качествѣ свидѣтелей въ одномъ процессѣ, въ которомъ былъ заинтересованъ одинъ британскій подданный. Тогда губернаторъ и нашъ консулъ, по соглашенію съ смирнскимъ пашею, послали въ Айдинъ чиновниковъ, чтобы настоять на допущеніи христіанъ свидѣтелями въ судъ, и только вслѣдствіе этого послѣдняго посредничества христіанскія свидѣтельства стали наконецъ приниматься [1]».

[1]) Донесенія консуловъ о положеніи христіанъ въ Турціи, стр. 32.

Мистеръ Коксъ, бухарестскій консулъ, говоритъ, что недопущеніе христіанъ свидѣтелями на равныхъ правахъ съ мусульманами служитъ въ Босніи и Герцеговинѣ такимъ же обильнымъ источникомъ раздоровъ и жалобъ, какъ и въ Болгаріи [1]). Я здѣсь привелъ только тѣ изъ многихъ доказательствъ, которыя англійскіе консулы, симпатизировавшіе болѣе Турціи, чѣмъ райямъ, представляли своему правительству; но кромѣ того упомянутыя выше сообщенія о донесеніяхъ консуловъ содержатъ въ себѣ еще много интересныхъ данныхъ насчетъ незавиднаго положенія христіанскихъ членовъ меджлиса и ихъ отравленій, случавшихся нерѣдко, когда они осмѣливались идти въ разрѣзъ съ своими сотоварищами, турецкими членами и т. д. Донесенія эти во всякомъ случаѣ показываютъ, на сколько было необходимо вмѣшательство Европы въ отношенія турецкаго правительства къ райямъ, терпѣвшимъ всѣ возможныя притѣсненія, не смотря на всѣ вольности, предоставленныя имъ разными гатами.

Вообще перечисленіе всѣхъ жалобъ, принесенныхъ Сулейманъ-бею во время моего пребыванія въ Нишѣ частными лицами и общинами на притѣсненія турецко-греческихъ властей, заняло бы въ настоящей книгѣ болѣе страницъ, чѣмъ я могу посвятить этому предмету. Притѣсненія со стороны пашей, епископовъ, мудировъ и дефтердаровъ (сборщиковъ податей) были поводомъ большинства этихъ жалобъ. Считаю нужнымъ прибавить, что одною изъ важнѣйшихъ причинъ раздоровъ были также отношенія земледѣльцевъ-райевъ къ ихъ турецкимъ помѣщикамъ послѣ уничтоженія спагилуковъ.

Описаніе этихъ отношеній австрійскимъ консуломъ фонъ-Ганомъ и событія, которыхъ онъ самъ былъ свидѣтелемъ въ Нишѣ, могутъ дать вѣрное понятіе какъ объ этихъ раздорахъ, такъ и о способѣ разрѣшенія вообще жалобъ, приносимыхъ болгарскими райями противъ своихъ помѣщиковъ.

«Спагилуками, какъ извѣстно—пишетъ Ганъ—назывались помѣстья, которыя давались военнымъ людямъ въ завоеванныхъ странахъ. Эти владѣльцы получали съ данныхъ имъ имѣній десятую долю съ произведеній земли. Уставы касательно этого учрежденія были взяты изъ новеллъ византійскихъ императоровъ объ откупахъ земли на срокъ». Но это сообщеніе Гана не опровергаетъ еще азіятскаго происхожденія

[1]) Тоже, стр. 96.

турецкихъ военныхъ помѣстій. «Спаги управляли этими имѣніями не какъ своею личною собственностью, но отъ имени султана, какъ верховнаго властелина, и пользовались правами, которыя въ подобныхъ случаяхъ предоставляли римскіе законы землевладѣльцамъ. Многіе же изъ болѣе крупныхъ спагилуковъ обращались прямо въ собственность своихъ землевладѣльцевъ и платили тогда, кромѣ установленной десятинной доли съ произведеній земли, еще третью часть своихъ доходовъ. Подобныя помѣстья назывались, по мѣстному выраженію, чифликами и вели свое начало уже съ давнихъ поръ или же преобразовывались мало по малу изъ па илуковъ, что случалось также весьма нерѣдко, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не было чифликовъ, такъ какъ спаги всегда усердно хлопотали о преобразованіи своихъ владѣній въ чифлики, чтобы обременять такимъ образомъ райевъ лишними податями. Когда же раздача помѣстій въ завоеванныхъ земляхъ была отмѣнена и оброки съ райевъ обратились въ доходъ казны, то спаги, которымъ не удалось превратить своихъ владѣній въ чифлики, стали стараться объ укрѣпленіи ихъ за собою въ качествѣ спагилуковъ. Райи, конечно, протестовали противъ этого тамъ, гдѣ они чувствовали себя сильнѣе, и протестъ ихъ распространялся даже и на тѣхъ помѣщиковъ, которые уже пользовались правомъ чифлика,—правомъ, которое они отказывались долѣе признавать и платить обычную дань.

«Подобные процессы возбуждались очень часто и до уничтоженія спагилуковъ; но когда послѣдніе были уничтожены, то обрадованные этимъ райи задались повсемѣстно мыслью сбросить съ себя бремя чифликскихъ налоговъ и сдѣлаться свободными землeдѣльцами.

«Во время нашего пребыванія въ Нишѣ депутація отъ 70 окрестныхъ деревень добилась въ Константинополѣ отъ правительства присылки къ нимъ коммисаровъ для изслѣдованія злоупотребленій землевладѣльцевъ. Когда коммисары прибыли въ Нишъ, то возвратившіеся въ то же время изъ Константинополя болгарскіе депутаты, во избѣжаніе толковъ, что народное волненіе было дѣломъ только нѣсколькихъ неспокойныхъ интригановъ, уговорили поселянъ, своихъ довѣрителей, представиться коммисіи массою. Вслѣдствіе этого въ одинъ изъ воскресныхъ дней городъ Нишъ наполнился нѣсколькими тысячами райевъ, которые послѣ заявленія своихъ неудовольствій на землевладѣльцевъ смиренно разошлись. Однако, не смотря на это, послѣ этого депутація въ полномъ своемъ составѣ была заключена въ тюрьму за подстрекательство поселянъ про-

тивъ помѣщиковъ. Конечно, мы остерегались вмѣшиваться въ эти столкновенія райевъ съ турецкими властями, но это было не легко. Возможно ли, дѣйствительно, равнодушно смотрѣть, какъ хлѣба на окрестныхъ поляхъ, снятые уже *шесть недѣль тому назадъ*, не могли быть убраны только вслѣдствіе того, что двѣ компаніи, взявшія обѣ на откупъ сборъ десятинной ренты, затѣяли споръ между собою. Мы узнали, однако, позже, что паша далъ дозволеніе убрать хлѣбъ до окончанія этого спора, принявъ на себя полную отвѣтственность,—что, вмѣстѣ съ прекрасною погодой, спасло народъ отъ голода».

Такъ пишетъ консулъ фонъ Ганъ въ своей статьѣ: «Reise von Belgrad nach Salonik» (стр. 13 и 14). Но мнѣ кажется, что тамъ, гдѣ факты такъ ясно говорятъ за себя, не нужно дальнѣйшихъ комментаріевъ. Прибавлю только одно для людей, менѣе знакомыхъ съ турецкимъ порядкомъ вещей, что возвратившаяся изъ Константинополя депутація, о которой я говорилъ выше, не избѣжала бы тюрьмы и въ томъ случаѣ, если бы не подстрекала народъ къ подачѣ коммисарамъ коллективной жалобы на землевладѣльцевъ. Мое заключеніе основано на тождественныхъ фактахъ. Не за возбужденіе народныхъ страстей была она заключена въ тюрьму, а единственно только за то, что осмѣлилась жаловаться въ Константинополѣ на притѣсненія, производившіяся съ вѣдома самого губернатора.

Вообще въ Болгаріи мы встрѣчаемъ такой же произволъ относительно налоговъ на почву и ея продукты, какъ напр. на розовое масло, виноградъ, орѣхи и пр., какой царилъ въ средніе вѣка въ Европѣ. Въ Турціи никогда нѣтъ недостатка въ пашахъ и албанскихъ наемникахъ, которые подобно генералу Венцелю Марачки съ его «черными рыцарями», во времена крестьянской войны въ концѣ XVI столѣтія, умѣютъ посредствомъ насилія заглушать самыя справедливыя жалобы. Ни турецкія, ни англійскія слѣдствія не произвели чувствительнаго улучшенія въ положеніи райевъ, которыхъ попрежнему продолжали притѣснять паши и греческое духовенство. Напротивъ того, Порта, какъ-бы желая показать, на сколько мало она уважаетъ желанія русскаго правительства, наложила на райевъ, кромѣ прежнихъ обременительныхъ налоговъ, еще новую контрибуцію. Они должны были обязательно работать на татарскихъ и черкесскихъ поселенцевъ, которыхъ турецкое правительство, наперекоръ общему убѣжденію, будто бы цивилизація подвигается съ запада на востокъ, вызвало изъ Азіи въ Болгарію. Подобное незавидное положеніе христіанъ, а также и іюньскія событія въ Бѣлградѣ (1862),

вызвали новое возстаніе воинственныхъ балканскихъ райевъ. Возстаніе это хотя и не удалось, но послужило по крайней мѣрѣ поводомъ къ посылкѣ Портою новаго коммисара, Асмида-бея, который долженъ былъ собрать свѣдѣнія какъ о положеніи дѣлъ въ Болгаріи, такъ и о народномъ настроеніи. Асмидъ-бей не долго трудился надъ собираніемъ этихъ свѣдѣній; такъ какъ матеріалы, собранные еще великимъ визиремъ Киприсли въ 1860 г., во время его путешествія по Болгаріи, не послужили къ улучшенію быта райевъ, то Асмидъ-бей удовольствовался только тѣмъ, что представилъ ихъ снова въ томъ же видѣ правительству. Результатъ былъ такой же, какъ и прежде: ничто не измѣнилось. Только нѣкоторые паши были перемѣщены въ другія провинціи, чтобы дать мѣсто новымъ эксплоататорамъ. Такимъ образомъ результатомъ этого движенія было все то же безконечное притѣсненіе христіанъ.

Нельзя сказать, чтобы картины, которыя я до сихъ поръ рисовалъ въ общихъ чертахъ, отличались особенно яркими красками; въ нихъ дѣйствительно преобладалъ болѣе черный цвѣтъ. Но чтобы обрисовать вполнѣ дѣйствительность, поразившую меня во время моего путешествія по Болгаріи въ 1860 и 1862 гг., то, право, я затрудняюсь въ выборѣ красокъ. Чѣмъ яснѣе сіяло солнце и чѣмъ теплѣе согрѣвало оно эти восточныя страны, тѣмъ мрачнѣе казались сцены, которыя освѣщались имъ. Несомнѣнно было, что для этого уголка земли, богато-надѣленнаго природою, не наступало еще совсѣмъ утра. Великолѣпные когда-то лѣса были опустошены; плодородныя поля лежали незасѣянными, вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ; жалкія деревушки расположены были на еще болѣе жалкихъ дорогахъ, а жители, одаренные отъ природы богатыми способностями, были окончательно забиты; цѣлыя общины не имѣли по большей части церквей и школъ и были предоставлены вполнѣ произволу навязанныхъ имъ греческихъ епископовъ; мудиры и паши высасывали послѣдніе соки изъ народа... Вотъ положеніе и обстановка, въ которыхъ находились райи, это «беззащитное стадо», какъ гласитъ смыслъ турецкаго слова «райа».

Но вотъ наконецъ показался свѣтъ и на темномъ горизонтѣ европейскаго юго-востока. Подобно метеору блеснулъ онъ и такъ же скоро, къ несчастію, потухъ. Было ли это случайное стеченіе обстоятельствъ, или изъявленіе султанскаго благоволенія, или же, наконецъ, запоздалый результатъ русско-турецко-англійскаго вмѣшательства, но вѣрно только то, что назначеніе Мидхада-паши губернаторомъ «Туны-вилайета» (Ду-

найской Болгаріи) какъ-бы волшебствомъ измѣнило къ лучшему соціальное и матеріальное положеніе края и пробудило его духовныя силы.

Турецкіе государственные люди пришли къ убѣжденію, что учрежденіе «вилайетовъ» (провинціальныхъ губернаторствъ) есть самая радикальная мѣра для поднятія Турціи на уровень цивилизованныхъ европейскихъ государствъ. Въ меморандумѣ къ лорду.Лайонсу, отъ 6 мая 1867 г., Фуадъ-паша, упоминая о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ организаціи вилайетовъ, писалъ между прочимъ: «cette recénte institution, qui embrasse les plus larges et les plus importantes réformes» и т. д. (это недавнее учрежденіе, обнимающее собою самыя важныя и самыя обширныя реформы и т. д.). Фуадъ прибавилъ, вѣроятно, при этомъ, что дѣйствіе новой административной реформы оказалось не во всѣхъ провинціяхъ султана одинаково благодѣтельнымъ. Впрочемъ, если бы Фуадъ, оставя дипломатію въ сторонѣ, отнесся къ реформѣ добросовѣстно, то, изъ любви къ правдѣ, онъ долженъ былъ бы сознаться, что вилайетъ былъ организованъ только въ одной провинціи и притомъ единственно по иниціативѣ ея геніальнаго вали (губернатора). Провинція эта называется «Туна-вилайетъ» (дунайская провинція), а учредитель его—это Мидхадъ-паша.

Въ послѣдующей главѣ я подробно опишу административную организацію «Туны-вилайета», здѣсь же скажу только, что провинція образовалась изъ пашалыковъ: Виддинскаго, Рущукскаго, Тирновскаго, Варнскаго и Тулчинскаго къ сѣверу отъ Балканскихъ горъ и Софійскаго съ Нишскимъ—къ югу, что составитъ площадь вдвое большую княжества Сербіи. Въ 1868 году пашалыкъ Нишскій былъ присоединенъ къ Призренскому вилайету.

Между всѣми еще живущими нынѣ турецкими государственными людьми, Мидхадъ-паша представляетъ особенно замѣчательное явленіе. Своимъ организаторскимъ талантомъ онъ много напоминаетъ Петра Великаго. Проницательный, быстрый въ движеніяхъ, трудолюбивый, честный и своею желѣзною волею подавляющій всякое сопротивленіе, онъ одно время задался мыслію поставить Турцію въ число европейскихъ державъ. Въ такъ-называемыхъ «ново-турецкихъ реформахъ» фразы и внѣшній блескъ играютъ болѣе важную роль, чѣмъ дѣла; Мидхадъ-же, наоборотъ, изучаетъ основательно недостатки и старается безслѣдно искоренить испорченность и гнилость общества, а не придать ему только лоскъ и блестящій видъ для того, чтобы отвести глаза Европѣ.

Уже осенью 1864 года, когда я, послѣ двухлѣтняго отсутствія, снова посѣтилъ западную Болгарію, я могъ ясно видѣть слѣды благодѣтельнаго переворота во внѣшнихъ отношеніяхъ мусульманъ къ райямъ. Въ конакахъ Виддинскомъ, Ломскомъ и въ Адліе турецкіе чиновники обращались гораздо вѣжливѣе съ христіанами; я встрѣчалъ даже чиновниковъ изъ райевъ, и хотя они въ правахъ далеко не были уравнены съ мусульманскими чиновниками, но и этого было пока достаточно. Болѣе же всего мнѣ бросилось въ глаза совершенно измѣнившееся обращеніе сопровождавшихъ меня заптіевъ (жандармовъ) съ сельскимъ христіанскимъ народонаселеніемъ, къ которому лишь два года назадъ они питали непримиримую вражду. Раньше мнѣ часто приходилось помѣщать въ журналахъ статьи о Болгаріи, въ которыхъ я никогда не упускалъ случая упомянуть о томъ, что Дунайская Болгарія всѣми своими улучшеніями обязана исключительно одному Мидхаду-пашѣ. Болѣе правильное устройство администраціи, заведеніе школъ, опредѣленіе школьныхъ инспекторовъ для всѣхъ исповѣданій, призваніе инженеровъ и архитекторовъ, постройка прочныхъ строеній для административнаго и военнаго вѣдомства, проведеніе желѣзныхъ дорогъ и телеграфныхъ линій, устройство шоссейныхъ дорогъ и мостовъ, основаніе поземельныхъ кредитныхъ обществъ, учрежденіе сиротскаго и рабочаго домовъ, а также и тюрьмы, открытіе отелей, мощеніе и очистка улицъ, устройство освѣщенія въ главныхъ и уѣздныхъ городахъ и уничтоженіе разбойничьихъ шаекъ, гнѣздившихся въ Балканахъ и не дававшихъ развиваться торговлѣ и сообщеніямъ,—были дѣломъ этого необыкновенно-даровитаго человѣка, съ именемъ котораго связано было понятіе о воплощенномъ противодѣйствіи безчисленнымъ злоупотребленіямъ, терпимымъ правительствомъ, отъ которыхъ одинаково страдали и мусульмане, и христіане. Я не знаю лично Мидхада-пашу, а сужу объ немъ только по его дѣйствіямъ, и по всему, что я видѣлъ и слышалъ о немъ, я могу съ увѣренностью сказать, что при болѣе продолжительномъ управленіи краемъ онъ сдѣлалъ бы изъ Туны-вилайета образцовую турецкую провинцію, которая могла бы служить примѣромъ другимъ, менѣе даровитымъ организаторомъ вилайетовъ. Но, къ несчастію, главное зло, мѣшающее Турціи укрѣпиться и вредящее всѣмъ ея благимъ начинаніямъ, оказалось и теперь препятствіемъ Мидхаду на его пути къ преобразованію Туны-вилайета и помѣшало ему именно въ тотъ моментъ, когда онъ, поддерживаемый нѣ-

которыми созданными имъ же самимъ помощниками и руководимый собственною опытностью, съ увѣренностью подвигался къ своей великой цѣли. Когда, осенью 1868 года, я пріѣхалъ въ Рущукъ, то Мидхадъ незадолго до этого, вслѣдствіе подпольныхъ дипломатическихъ и дворцовыхъ интригъ, былъ отозванъ въ Стамбулъ для организаціи государственнаго совѣта, учрежденіе котораго было придумано для ослѣпленія Европы и которое представляетъ жалкое подражаніе такому же учрежденію во Франціи. Послѣ Мидхада послѣдовалъ цѣлый рядъ быстро смѣнявшихся бездарныхъ губернаторовъ, которые, не сочувствуя нисколько планамъ Мидхада, запустили совсѣмъ начатое имъ дѣло преобразованія. Всѣ они, за исключеніемъ развѣ только Омера-Февзи-паши (1871), смотрѣли на губернаторскій постъ въ Рущукѣ, какъ на средство быстраго обогащенія.

Ниже я сообщу о политическомъ и административномъ строѣ Дунайской Болгаріи въ 1871—1874 г. болѣе подробныя свѣдѣнія, основанныя на многолѣтнихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ; теперь же замѣчу вообще, что Турція, какъ наслѣдница отжившей Византіи, относительно своей фискальной системы управленія подвластными ей народами дѣйствуетъ совершенно въ ея духѣ. Какъ во времена, когда церковь св. Софіи осѣнялъ еще крестъ, такъ и позже, когда мѣсто креста занялъ полумѣсяцъ, вымоганіе у подвластныхъ народовъ денегъ для пополненія императорской казны бросало всегда тѣнь на византійскую финансовую систему. Даже и въ настоящее время большинство откупщиковъ податей—это греки и армяне, потомки тѣхъ византійскихъ таксаторовъ, перекрещенцевъ въ православную вѣру, о развратности которыхъ писалъ лѣтописецъ архіепископа Ѳессалоникійскаго.

Попытка улучшить турецкую систему сбора податей съ произведеній земли—систему, весьма убыточную въ хозяйственномъ отношеніи,—не удалась, какъ мы увидимъ ниже. Въ намѣреніяхъ султана и его дивана, дѣйствовавшихъ въ интересахъ этой реформы, сомнѣваться нельзя; но, къ несчастію, есть поговорка, что «паша ближе, чѣмъ султанъ». Поэтому въ интересахъ человѣческихъ правъ и охраненія нравственности, въ виду которыхъ была издана хартія гатти-гумаюна при заключеніи Парижскаго трактата въ 1856 г., необходимо было бы подчинить отношенія турокъ къ христіанамъ строгому контролю европейскаго ареопага. Я думаю еще никѣмъ не забыты грустныя происшествія, случившіяся съ христіанскими купцами въ Градишкѣ и Баньялукѣ (1873) при личномъ, можно сказать,

участіи въ нихъ боснійскаго губернатора, Мустафы-Азима-паши. Обиженные аппелировали къ общественному мнѣнію Европы и имѣли счастіе выиграть процессъ противъ Азима. Но не всегда, однако, обстоятельства бываютъ на столько удачны, что можно обращаться къ посредничеству одной изъ великихъ державъ и добиться наказанія виновнаго.

Послѣ того, какъ нѣкоторымъ журналамъ удалось по случаю заключенія турецкаго займа разоблачить положеніе дѣлъ на Востокѣ, едва ли кому придетъ на мысль считать Турцію относительно цивилизаціи выше Персіи, Хивы и другихъ мусульманскихъ государствъ Азіи. Если англійскому и русскому вліянію удалось въ Азіи защитить угнетенные классы противъ произвола высшихъ, то въ Европейской Турціи Европа подавно должна возвысить голосъ, такъ какъ этого требуетъ человѣколюбіе и забота о сильно развивающемся христіанствѣ въ Турціи.

Высокая Порта и туркофильскіе журналы могутъ жаловаться на вмѣшательство иностранной прессы во внутреннія дѣла Турціи; но это меня не остановитъ, потому что я отношусь къ этимъ дѣламъ добросовѣстнѣе другихъ. Самое горячее мое желаніе заключается, во 1-хъ, въ томъ, чтобы въ Турціи царствовалъ полнѣйшій внутренній миръ; во 2-хъ, чтобы ея судебныя учрежденія представляли хотя небольшую гарантію въ томъ, что въ своихъ рѣшеніяхъ они не будутъ руководствоваться религіознымъ и племеннымъ антагонизмомъ, и, въ 3-хъ, чтобы не всѣ дѣйствія Турціи оставались покрытыми полнымъ мракомъ. Незавидна была бы участь турецкихъ христіанъ и еще незавиднѣе администрація иллирійскаго треугольника, да и самый гатти-гумаюнъ былъ бы только исписаннымъ листомъ пергамента, если бы Порта не боялась постояннаго вмѣшательства иностранныхъ пословъ и консуловъ.

Чѣмъ подробнѣе изучаешь государства Европейской Турціи, тѣмъ болѣе приходишь къ убѣжденію, что вслѣдствіе дурной организаціи турецкой администраціи и судопроизводства страдаютъ только матеріальные интересы райевъ, а что въ низкомъ уровнѣ ихъ нравственнаго и умственнаго развитія слѣдуетъ обвинять исключительно недостойныя дѣйствія Фанаріотскаго патріархата, на произволъ котораго Порта совершенно предоставила своихъ христіанскихъ подданныхъ. Возбуждаемое племенною ненавистью угнетеніе райевъ греческимъ духовенствомъ отозвалось особенно тяжело на болгарахъ. Въ слѣдующей главѣ я постараюсь выяснить причины этой ненависти.

V.

Старо-болгарскій патріархатъ, его паденіе и господство греческаго Фанара надъ болгарскимъ народомъ. 932—1860.

Религіозно-политическое значеніе болгарскаго движенія въ 1860 г. — Причина движенія.—Обратный взглядъ на старинную борьбу славянъ съ греками.—Споръ Рима съ Византіей по поводу владычества надъ болгарами.—Положеніе болгарскихъ властителей. — Учрежденіе славянско-болгарскаго патріархата. — Паденіе его.—Левъ, архіепископъ охридскій, и расколъ.—Возстановленіе втораго національно-болгарскаго патріархата.—Паденіе его.—Болгары подъ властью греческаго патріархата.—Непріязненныя дѣйствія послѣдняго противъ болгаръ.—Турецкіе имамы и фанаріотское духовенство.—Торгъ духовными мѣстами въ Константинополѣ.—Его происхожденіе и послѣдствія.—Невыполненная статья гатти-гумаюна.—Характеристика болгарскаго сельскаго и греческаго высшаго духовенства.—Его стремленіе помѣшать развитію болгарскаго народа.—Примѣры.—Дѣйствія архіепископа нишскаго въ 1860 г.—Сожженіе въ Тирновѣ митрополитомъ Неофитомъ болгарскихъ лѣтописей. — Злоупотребленія и безнравственность фанаріотскаго духовенства.—Примѣры.—Начало католическаго движенія въ Болгаріи.

Церковная борьба болгаръ, занявшая собственно съ 1860 года видное мѣсто въ восточномъ вопросѣ, обратила на себя, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вниманіе всѣхъ серьезныхъ политиковъ. Доказательствомъ этого служитъ жаркая полемика, поднявшаяся въ Смирнѣ, Константинополѣ, Петербургѣ, Москвѣ, Бѣлградѣ, Вѣнѣ, Фрейбургѣ, Пештѣ и др. гор. между журналами по поводу моей статьи о болгарско-греческомъ церковномъ вопросѣ, помѣщенной въ «Oesterreichischen Revue» и «Allgemeinen Zeitung.»

Этотъ важный церковный споръ, не смотря на различныя преграды, которыя онъ долженъ былъ преодолѣть, и не смотря также на внутреннее и внѣшнее вліяніе, дававшее ему иногда ложное направленіе, пришелъ все-таки къ тому конечному рѣшенію, которое я указалъ еще въ началѣ моего сочиненія, какъ самое справедливое и желательное для всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ. Изъ этого можно заключить только то, что свѣдѣнія мои были основаны на серьезномъ знаніи и вѣрномъ пониманіи причинъ, вызвавшихъ означенное столкновеніе.

Выше я говорилъ, да повторю и въ настоящее время, что замѣчательная энергія, которую болгары выказали въ борьбѣ съ константинопольскимъ патріархатомъ и Фанаромъ, имѣетъ значеніе не только относительно ихъ спора за независимость церкви, но также и въ полити-

ческомъ отношеніи представляетъ интересную страницу изъ исторіи развитія этого христіанскаго народа Турціи. Кромѣ того, эта борьба даетъ намъ понятіе о тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Турціи и вообще занимаетъ видное мѣсто въ восточномъ вопросѣ. Поэтому я нашелъ нужнымъ и сообразнымъ съ планомъ настоящаго сочиненія описать, основываясь на своихъ старинныхъ и новыхъ излѣдованіяхъ, наивозможно полнѣе значеніе греческо-болгарскаго церковнаго вопроса съ его появленія и до настоящаго положенія.

Если мы захотимъ добиться до происхожденія раздоровъ между болгарами и константинопольскимъ Фанаромъ, то для этого намъ нужно только прослѣдить нѣкоторые характеристическіе моменты изъ византійско-болгарской исторіи, потому что всѣ политическо-національныя распри болгаръ съ греками имѣли источникомъ несогласія въ церковныхъ дѣлахъ. Эти раздоры начались съ тѣхъ поръ, какъ оба народа поселились другъ возлѣ друга, и по своему ожесточенному характеру едва ли уступаютъ спорамъ грековъ съ латинами. Съ тѣхъ поръ какъ мы встрѣчаемъ въ исторіи имена грековъ и славянъ, мы находимъ ихъ въ постоянной войнѣ между собою, и никогда полумѣсяцъ не занялъ бы мѣста креста на Айя-Софіи, если бы непримиримая ненависть двухъ могущественныхъ націй иллирійскаго треугольника не указала ему путь въ Константинополь.

Болгары, переселившіеся съ Волги, покорили дунайскихъ славянъ къ сѣверу отъ Балканскихъ горъ и вскорѣ слились съ ними въ одинъ народъ, который уже въ VII столѣтіи представлялъ немаловажную опасность для слабой Византіи. Императоръ византійскій Никифоръ былъ убитъ на полѣ сраженія (811), а побѣдоносный болгарскій царь Симеонъ (888—927) распространилъ ужасъ между греками. Онъ даже задался мыслью вступить на престолъ безсильныхъ византійскихъ императоровъ. Его сынъ Петръ (927—968), менѣе честолюбивый, не домогался этой цѣли, которую преслѣдовали постоянно всѣ болгарскіе правители. Онъ женился на внучкѣ греческаго императора Романа и удовольствовался признаніемъ независимости болгарской національной церкви отъ ойкюменскаго патріархата (932). Но не долго продолжалась слава болгарскаго народа при преемникѣ Петра, Самуилѣ. Императоръ Василій Булгароктонъ (истребитель болгаръ) подготовилъ ему ужасный конецъ. Въ 1015 г. онъ взялъ болгарскую столицу Охриду, въ 1017 г. убилъ Іоанна-Владислава при Дураццо, а въ 1019 г. покорилъ окончательно болгаръ. Съ тѣхъ поръ болгарская исторія представляетъ только болѣе или менѣе удачныя попытки сбросить съ себя византійское иго.

Кратковременная латинская имперія въ Византіи вмѣстѣ съ завоеваніемъ роковаго трона наслѣдовала также и постоянныя войны съ болгарами. При этомъ нужно замѣтить, что къ политическимъ несогласіямъ присоединились еще и церковныя. Болгарскіе раскольники, часто колебавшіеся между Римомъ и Византіей, были принуждаемы къ признанію власти папы, но Балдуинъ Фландрскій заплатилъ за эту попытку въ битвѣ при Адріанополѣ (1205) своею свободою, а вскорѣ послѣ того и смертью въ Тирновѣ. Домъ Анжу, которому Балдуинъ I, при своемъ паденіи, передалъ всѣ права на дунайскія земли, былъ не въ состояніи, также какъ и слабый родъ Палеологовъ, поддерживать свои болѣе или менѣе основательныя притязанія на Болгарію. Болгары, съ помощію возраставшаго тогда сербскаго государства, мужественно отразили всѣ нападенія грековъ. Кратковременный союзъ грековъ съ сербами и болгарами, поводомъ къ которому послужило приближеніе турокъ, распался вслѣдствіе непримиримой ненависти грековъ къ славянамъ. Призвавъ на помощь невѣрныхъ, византійцы упорно сражались противъ сербовъ и болгаръ. Напрасны были усилія храбрыхъ венгерцевъ спасти послѣднихъ: славянскіе троны пошатнулись, а битвы при Варнѣ и Коссовѣ (1444—1446) рѣшили окончательно ихъ паденіе. Но это паденіе не спасло, однако, тронъ Византіи: звѣзда ея закатилась навсегда 29 мая 1453 года.

Споръ между Римомъ и Константинополемъ изъ-за духовнаго первенства въ Болгаріи ведетъ свое начало съ IX столѣтія, когда болгары были обращены въ христіанство и папа Григорій I энергично старался поддержать свою власть въ южномъ Иллирикѣ [1]). Уже на Константинопольскомъ соборѣ (869) былъ возбужденъ вопросъ о присоединеніи болгаръ къ Риму и Константинополю.

Болгарскіе правители были часто принуждаемы изъ политическихъ видовъ выражать притворное сочувствіе къ Риму, чтобы заручиться его поддержкой въ ихъ борьбѣ съ византійскими императорами. Въ такихъ случаяхъ они получали отъ папы освященныя короны и къ нимъ присылались епископы и миссіонеры; но матеріальная помощь, которую папа также всегда обѣщалъ, рѣдко соотвѣтствовала обширнымъ надеждамъ болгаръ. Съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Василій Македонскій склонилъ увѣ-

---

[1]) Захарія. Приложенія къ исторіи болгарской церкви. СПБ. 1864.

щаніями и богатыми подарками, не смотря на старанія папы Іоанна VIII, болгарскаго царя Михаила Бориса на сторону Константинополя, мы находимъ какъ его, такъ и его преемниковъ вѣрными адептами православной церкви даже послѣ раскола, образовавшагося въ ней. Нужно замѣтить, что главнымъ и постояннымъ стремленіемъ болгаръ было образованіе своей національной церкви, вполнѣ независимой отъ окюменскаго престола; но греческіе патріархи, подобно папамъ, совсѣмъ не были расположены къ подобнымъ проектамъ, и строго поддерживаемая ими верховная власть надъ болгарскою церковью служила всегда поводомъ къ увеличивавшимся раздорамъ между обѣими націями. Не смотря, однако, на упорное сопротивленіе патріарховъ, болгары, послѣ введенія въ литургію славянскаго языка, достигли наконецъ цѣли своихъ усилій—первой славянской національной церкви, послужившей затѣмъ образцомъ для русской и сербской церквей.

Славянско-болгарскій патріархатъ, покровительствуемый, изъ политическихъ видовъ, иностранными державами, сохранялъ, въ разное время, довольно долго свою независимость отъ греческаго патріархата. Уже при императорѣ Романѣ Лакопенѣ (959) болгарская церковь была признана независимою отъ греческой. Побѣды храбраго болгарскаго короля Симеона принудили Византію къ значительнымъ уступкамъ, и болгарская королевская резиденція, Доростолъ (Дриста, нынѣшняя Силистрія), сдѣлалась резиденціею перваго болгарскаго патріарха. Но существованіе этого патріархата, также какъ и послѣдовавшаго за нимъ въ Периславѣ (Преславъ, нынѣшній Эски-Стамбулъ), было не особенно долговременно. Призванный императоромъ Никифоромъ на помощь русскій князь Святославъ нанесъ болгарамъ жестокій ударъ. Онъ проникъ черезъ Гемусъ въ Адріанополь (967) и задумалъ тамъ поселиться; но императоръ Іоаннъ Цимисхій сражался довольно удачно съ русскими, прогналъ ихъ изъ Болгаріи и въ то же время покорилъ ея сѣверную часть, что, конечно, повело за собою уничтоженіе болгарскаго патріархата и подчиненіе болгарской церкви снова окюменскому престолу. Архіепископъ болгарскій въ Охридѣ удержалъ, однако, за собою полную независимость въ остаткахъ болгарскихъ епархій, и императоръ Василій Порфироносецъ, покорившій окончательно Болгарію, утвердилъ его приматство, присоединивъ къ нему епископства Касторію, Главиницу, Моглену, Битолію, Струмницу, Моровисдосъ, Велебусду и Тріадицу. Архіепископъ получилъ титулъ «архіепископа Юстиніаны примы, Охриды и всей Болгаріи». Вто-

рое архіепископство для Дунайской Болгаріи было, какъ кажется, въ Дристрѣ. Оно было также подчинено греческому патріархату. Послѣдній присылалъ для занятія этихъ трудныхъ и особенно важныхъ постовъ людей съ болѣе значительнымъ образованіемъ. Въ числѣ архіепископовъ охридскихъ мы встрѣчаемъ выдающагося своими способностями Льва, того самаго, который въ 1053 г. своею грамотою, отосланною, съ согласія греческаго патріарха, епископу въ Трани, въ Апуліи, подалъ поводъ къ расколу, послѣдовавшему годъ спустя послѣ этого.

Съ возстановленіемъ двумя братьями, Азаномъ и Петромъ, въ концѣ XII столѣтія, втораго болгарскаго государства, совпадаетъ также и образованіе втораго болгарскаго патріархата въ резиденціи болгарскихъ царей въ Тирновѣ. Учрежденіе этого патріархата относится ко времени императора Исаака Ангела; ему предшествовалъ кратковременный римско-болгарскій патріархатъ. Царь Іоаннъ, желая, по примѣру своихъ предшественниковъ, заручиться покровительствомъ папы противъ угрожавшей ему Византіи, изъявилъ покорность Риму. Папа Иннокентій III возвелъ по этому случаю епископа Тирновскаго въ санъ архіепископа и примаса и подчинилъ ему митрополіи въ Периславѣ и Велесбудѣ. Но это продолжалось весьма не долго. Уже царь Іоаннъ былъ во враждѣ съ латинскими императорами въ Константинополѣ, а въ 1234 г. царь Іоаннъ Азанъ заключилъ союзъ съ византійскимъ императоромъ Іоанномъ Дукомъ Ватацемъ, выдалъ свою дочь Елену замужъ за его сына Ѳедора и возстановилъ, съ разрѣшенія окюменскаго престола, снова православно-болгарскій патріархатъ.

Нельзя сказать, чтобы независимость болгарской церкви отъ греческой была совершенно безусловною, потому что въ 1355 году греческій патріархъ Каллистъ угрожалъ болгарскому патріарху привлеченіемъ его къ соборному суду въ Константинополѣ за то, что онъ не упоминалъ въ молитвѣ окюменскаго и другихъ патріарховъ восточной церкви. Кромѣ того, отъ болгарскихъ монаховъ и священниковъ требовалось строгое соблюденіе православно-греческихъ обрядовъ крещенія. Главная же вражда между греческимъ и болгарскимъ патріархами возникла по поводу притязаній послѣдняго на виддинскую митрополію. Въ 1381 г. выбранные обоими патріархами митрополиты поспорили между собою изъ-за митры, и споръ ихъ, постепенно увеличиваясь, продолжался до 1392 г., когда роковое сраженіе при Никополѣ (1396), въ которомъ, подъ предводительствомъ короля Сигизмунда венгерскаго, сражался противъ Бая-

зета Илдерима цвѣтъ европейскаго рыцарства, положило конецъ Болгарскому царству, а вмѣстѣ съ нимъ и тирновскому патріархату.

Успѣхи турецкаго оружія рѣшили участь христіанскихъ народовъ европейскаго Востока. На цѣлыя столѣтія исчезли они со страницъ исторіи. Съ нѣмою, рабскою покорностью должны они были отправлять воинскую повинность у своихъ азіатскихъ побѣдителей и платить ненавистный налогъ на мальчиковъ для пополненія рядовъ янычаръ, наполнявшихъ ужасомъ всю Европу. Такимъ образомъ измѣна и раздоры между славянами и греками получили свою кару; но, къ несчастію, пострадалъ болѣе всего народъ, который былъ достоинъ сожалѣнія. Болгарскіе писатели и ученые бѣжали отъ угрожавшаго имъ варварства на Западъ и обогатили его своими знаніями, а что касается дворянства и духовенства, то они нашли способъ сойтись съ своими завоевателями: дворянство, чтобы спасти свои имѣнія, приняло большею частью магометанскую вѣру, а духовенство по-прежнему пасло и безнаказанно стригло своихъ овецъ, такъ какъ турки на столько презирали этотъ народъ, что даже не считали нужнымъ навязывать ему исламизмъ.

На сколько мы могли раньше замѣтить, старинная національно-болгарская церковь чувствовала постоянно нѣкоторую склонность къ Риму. Поставленная между Константинополемъ и Римомъ, она стремилась всегда не склоняться ни къ той, ни къ другой сторонѣ и примѣнять тѣ обряды и обычаи, которые ей были удобнѣе. Вслѣдствіе этого греческіе патріархи часто напоминали болгарамъ, чтобы они сохраняли въ чистотѣ православно-греческое ученіе. Съ этими напоминаніями, которыя могли быть, конечно, оправданы только особымъ религіознымъ усердіемъ, шло рука объ руку стремленіе изгнать изъ высшей церковной іерархіи національный элементъ, замѣнить туземное духовенство фанаріотскимъ и ввести въ церквахъ вмѣсто славянскаго языка греческій. Хорошо было бы, если бы Фанаръ ограничился только этимъ. Но онъ пошелъ далѣе: въ болгарскихъ школахъ преподаваніе должно было происходить на греческомъ языкѣ, чтобы поставить такимъ образомъ болгарамъ преграду къ развитію посредствомъ отечественнаго языка, и попытки къ приведенію въ исполненіе этого проекта были на столько успѣшны, что, напримѣръ, въ старинномъ архіепископскомъ городѣ Охридѣ, гдѣ и до настоящаго времени болгарскій языкъ есть господствующій, между тѣмъ, какъ греческихъ школъ существуетъ четыре, болгарскихъ только одна. Вообще главнымъ стремленіемъ фанаріотскаго духовенства было всегда

искорененіе въ болгарахъ воспоминанія о бывшей когда-то политической ихъ самостоятельности, церковной независимости отъ Византіи и возможность эксплоатаціи въ обширныхъ размѣрахъ ихъ кармановъ; объ умственномъ же ихъ развитіи Фанаръ не заботился.

Ничто не представляетъ такого большаго контраста, какъ поразительная бѣдность турецкихъ имамовъ (духовныхъ), доходящая почти до нищеты, и богатство, въ соединеніи съ чрезмѣрною роскошью, болгарскихъ епископовъ. Не многіе изъ турецкихъ пашей могутъ соперничать съ ними относительно пышности обстановки.

«Но гдѣ же церковныя имѣнія и капиталы, съ которыхъ болгарское духовенство получаетъ такіе обширные доходы?» спросятъ многіе. Онъ напрасно будетъ ждать отвѣта, потому что хотя и есть одинъ неизсякаемый источникъ доходовъ для греческо-болгарскаго духовенства, но онъ не вытекаетъ изъ помѣстій или монастырей,—нѣтъ: его названіе—несчастный болгарскій народъ. Все болгарское духовенство происходило изъ «Фанара». Фанаръ (fena-yer), подонки, греческій кварталъ въ Константинополѣ, въ которомъ всѣ византійскіе пороки, казалось, соединились съ азіатско-турецкими обычаями и нравами, выпускалъ изъ своихъ стѣнъ этихъ духовныхъ торгашей, бравшихъ на откупъ всѣ вакантныя епископства въ Болгаріи. Для полученія епископскаго мѣста не требовалось ни высшей интеллигенціи, ни особеннаго благочестія или другихъ качествъ, которыя мы привыкли видѣть въ высшихъ духовныхъ особахъ, ни зрѣлаго возраста или особенныхъ заслугъ предъ церковью,—нѣтъ: подобныя мѣста назначались тому, кто давалъ больше денегъ. Происхожденіе этого обычая, попирающаго всѣ святыя вѣрованія, нужно искать въ XVI столѣтіи. До конца этого столѣтія турки не только щадили греческое духовенство, но давали ему даже привилегіи, въ отличіе отъ византійскихъ императоровъ, которые этого никогда не дѣлали, и эти привилегіи служили часто предметомъ зависти для западнаго духовенства. Султаны и визири дѣлали это съ тою цѣлью, чтобы спокойно пользоваться богатствами, получаемыми изъ покоренныхъ земель, такъ какъ дарованіемъ разныхъ привилегій они могли разсчитывать на благодарность и преданность себѣ какъ верховнаго главы церкви, такъ и его епископовъ. Преемники Мурада и Баязета, чувствовавшіе въ себѣ влеченіе болѣе къ гарему, чѣмъ къ завоеваніямъ, старались тоже щадить духовенство, чтобы безнаказанно эксплоатировать своихъ христіанскихъ подданныхъ.

Но и неисчерпаемыя богатства должны когда нибудь изсякнуть. Преемники пророка узнали это изъ опыта. Султаны и ихъ визири поглотили громадныя дани и чудовищныя военныя контрибуціи съ завоеванныхъ провинцій. Въ подобныя минуты истощенія казны султаны и визири обращались обыкновенно за помощью въ тотъ извѣстный кварталъ Константинополя, въ грязныхъ стѣнахъ котораго сосредоточивались остатки древняго византійскаго величія, и гдѣ смѣло можно было разсчитывать найти не только богатства, пріобрѣтенныя посредствомъ торговли, но и тѣ, которыя греческій патріархатъ извлекъ изъ своей духовной паствы. Въ Фанарѣ была положительно организована торговля мелкими и крупными духовными мѣстами, которыя патріархатъ раздавалъ или самъ, или чрезъ своихъ епископовъ. Кто же послѣ этого поставитъ въ вину казначеямъ Высокой Порты ихъ находчивость извлекать во время безденежья пользу изъ испорченности высшаго греческаго духовенства!

Плата за назначеніе патріархомъ не превышала сначала тысячи дукатовъ. Симеонъ, монахъ, первый заплатилъ эту сумму и отрекся отъ всякаго содержанія изъ государственной казны. На слѣдующій годъ цѣна повысилась вдвое, и вскорѣ послѣ этого Порта начала почти черезъ каждые два года продавать этотъ санъ и назначать новыхъ патріарховъ. Съ годами увеличилась также и цѣна на санъ патріарха: съ 1000 дукатовъ она поднялась въ 1573 г. на 6,000, а въ 1864 увеличилась въ двадцать пять разъ. Почти столько же слѣдовало заплатить и сановнику Порты, завѣдывавшему этою куплей и продажей. Не смотря, однако, на все это, находилось не мало конкуррентовъ, не скупившихся бакшишемъ для полученія патріаршаго сана.

Платежъ такой громадной суммы возможенъ былъ вскорѣ только духовнымъ изъ самыхъ богатыхъ фанаріотскихъ семействъ, которые смотрѣли на достиженіе патріаршаго сана какъ на выгодную денежную сдѣлку. Поэтому каждый кандидатъ занималъ у своихъ родныхъ и даже у ростовщиковъ необходимую сумму и платилъ на нее громадные проценты; платежъ же гарантировалъ продажею послѣ епископскихъ мѣстъ. Плата за мѣсто епископа равнялась среднимъ числомъ 4,000 дукатовъ. Эта сумма не должна казаться особенно высокою въ виду того, что многія епархіи Болгаріи, какъ напримѣръ Самаковская, приносятъ дохода до 200,000 піастровъ, но, конечно, только вслѣдствіе разнаго рода выжиманій.

Унизительныя условія, которыми обставлено въ Европейской Турціи полученіе патріаршаго и епископскаго сана, укрѣпили за константинопольскимъ Фанаромъ почти исключительную монополію въ этомъ отношеніи. Между многочисленными болгарскими епископами насчитывается весьма много природныхъ болгаръ. Греческіе епископы, чтобы воротить ту сумму, которую они заплатили за себя патріарху, продавали съ своей стороны мѣста священниковъ въ своей епархіи. И такъ въ Болгаріи злоупотребляли такъ же духовными должностями, какъ и въ Константинополѣ. Кто больше предлагалъ, тотъ и получалъ мѣсто. Нѣкоторые изъ достаточныхъ священниковъ покупали ихъ до двадцати и потомъ продавали съ чудовищными процентами. Такимъ образомъ болгарскій райя составлялъ предметъ торга и откупа для высшаго греческаго духовенства, которое было, по истинѣ, его злымъ геніемъ.

Конечно, гатти-гумаюнъ, который былъ объявленъ въ Константинополѣ столь торжественно 18-го февраля 1856 года, содержитъ въ себѣ постановленіе, что правила назначенія патріарховъ на всю жизнь и ихъ избранія будутъ послѣ разсмотрѣнія дѣйствующаго устава подробно изложены въ утвержденіи ихъ въ означенномъ санѣ; патріархи, митрополиты, архіепископы, епископы, священники и раввины будутъ обязаны при вступленіи принимать присягу по формѣ, установленной по общему соглашенію между Портой и главами духовенства различныхъ религій; церковныя десятины, какую бы онѣ ни имѣли форму и сущность, будутъ отмѣнены опредѣленіемъ патріархамъ и старшинамъ общинъ жалованья, которое будетъ соотвѣтствовать важности сана и достоинства различныхъ сановниковъ церковной іерархіи [1]). Фанаріотскій клиръ, принявъ къ свѣдѣнію § 3-й и угрожающее ему опредѣленіе вознагражденія, успѣлъ предложенное Портой созваніе совѣта духовныхъ и свѣтскихъ членовъ, которые должны были составить его, отложить въ долгій ящикъ, такъ какъ стремленіе его заключалось вовсе не въ томъ, чтобы поднимать уровень интеллектуальнаго и религіознаго развитія своей паствы, не въ томъ, чтобы защищать ея національные интересы, но лишь въ томъ, чтобы обогащаться во что бы то ни стало, не пренебрегая для этого никакими средствами, не гнушаясь даже столь грязнаго средства, какъ сборъ податей для турокъ, какъ это намъ доказалъ нѣкій артскій митрополитъ Игнатій, принявшій на себя унизительную должность сборщика податей.

---

[1]) Эйхманъ, стр. 356.

Полнѣйшее невѣжество болгарскаго сельскаго духовенства хорошо извѣстно всѣмъ; однако же греческій патріархатъ никогда не заботился объ учрежденіи семинарій для улучшенія его образованія. Эти священники едва умѣютъ читать; крещеніе и подобнаго рода акты обозначаются ими не въ книгахъ, а на биркахъ; на нихъ лежитъ только обязанность совершенія таинствъ и отправленія литургіи, затѣмъ же они занимаются домашними и сельскими работами наравнѣ съ крестьянами, отъ которыхъ и по самой наружности они отличаются лишь особенными поповскими шапками и огромными густыми бородами. Сельское болгарское духовенство обладаетъ однимъ только знаніемъ—это знаніемъ славянскихъ народныхъ нарѣчій. Его достоинство заключается еще въ томъ, что, живя постоянно между туземнымъ народонаселеніемъ, оно относится не совсѣмъ безучастно къ его интересамъ.

Высшіе же духовные сановники представляютъ совершенно иной типъ. Я ихъ назвалъ гдѣ-то духовными пашами въ противоположность турецко-греческимъ свѣтскимъ пашамъ. Нижеслѣдующее описаніе ихъ поведенія можетъ доказать, что этотъ эпитетъ, взятый даже въ самомъ дурномъ смыслѣ, вполнѣ заслуженъ ими.

Настоятельная потребность улучшенія образованія была нѣсколько лѣтъ тому назадъ признана нѣкоторыми интеллигентными правительственными органами въ Константинополѣ. Замѣтимъ здѣсь, что турецкія власти настоятельно поощряли какъ болгарскія, такъ и мусульманскія общины обращать болѣе вниманія на ихъ школы; оно совѣтовало имъ образованіе собственныхъ школьныхъ фондовъ и требовало перестройки школьныхъ зданій. Вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ изъ небольшихъ городовъ появились хорошенькіе школьные дома, вмѣсто прежнихъ тѣсныхъ пристроекъ къ мечетямъ, въ которыхъ хаджи обучали прежде турецкое юношество. Этотъ благодѣтельный приказъ Порты былъ также переданъ и христіанскимъ общинамъ чрезъ посредство ихъ епископовъ. Но посмотримъ, какъ истолковалъ фанаріотскій клиръ это распоряженіе? Напримѣръ нишскій архіепископъ выразился объ этомъ предметѣ слѣдующимъ образомъ: «Къ чему вамъ лучшія школы? Развѣ для того, чтобы ваши дѣти сдѣлались невѣрующими атеистами! Соберемъ же лучше для постройки церкви! Большіе, просторные храмы въ честь Бога суть лучшія школы!»

И такъ, между тѣмъ, какъ турецкія народонаселенія выказывали полную готовность исполнить желаніе Порты, между тѣмъ, какъ нишскіе

мусульмане выстроили въ цитадели очень красивое школьное зданіе и старались улучшить, въ виду счастія своихъ подростковъ, школьное преподаваніе, болгарское народонаселеніе того же города начало одновременно во многихъ мѣстахъ постройки огромныхъ церковныхъ зданій, выполненіе которыхъ было не по средствамъ общины. Новая церковь, начатая въ 1859 году, поглотила всѣ фонды, пожертвованные общиной, и служитъ наилучшимъ доказательствомъ того, какъ греческое духовенство умѣло парализировать тѣ немногія разумныя требованія Порты, которыя дѣйствительно клонились ко благу райевъ.

15 іюля 1860 года нишская христіанская община собралась для встрѣчи новаго архіепископа на большой площади около старой церкви, возлѣ которой находилось неоконченное зданіе новой. Я также пришелъ туда по приглашенію. Послѣ долгаго ожиданія на улицѣ, ведущей къ Пироту, показалась пестрая процессія. Со всею торжественностію, которою отличаются восточные церковные обряды, приближался герой дня, новый пастырь нишскаго епископства, присланный изъ Константинополя. Вскорѣ затѣмъ вошелъ онъ въ соборъ въ сопровожденіи многихъ епископовъ, между которыми находился также архіепископъ самаковскій. Пріятное настроеніе собравшейся публики, возбужденное всею этою торжественною церемоніей, вдругъ исчезло прежде еще, чѣмъ окончилось богослуженіе, такъ какъ епископъ, посланикъ Фанара, сказалъ рѣчь, которая ясно доказала, что онъ ни слова не зналъ по-болгарски.

На другой день онъ принималъ значительныхъ людей нишской общины. На турецкомъ и греческомъ языкахъ онъ дѣлалъ имъ упреки за адресъ, который осмѣлилось подать ихъ общество великому визирю Кеприсли. Не жалобы, но благодарность за незаслуженныя благодѣянія турецкаго правительства должны приносить райи намѣстнику султана,—говорилъ достойный сынъ Фанара и родной братъ знаменитаго іерусалимскаго патріарха Анѳима, доносившаго Портѣ о тѣхъ идеяхъ о свободѣ, которыя возникли въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ средѣ эллинской молодежи и которыя должны были быть подавлены, по мнѣнію патріарха, какъ противныя верховной власти, а стало быть и Богу, такъ какъ эта верховная власть, т. е. власть Порты, поставлена Богомъ и стало быть по одному этому уже должна благоговѣйно чтиться. Во всѣхъ пріемахъ фанаріотскаго архіепископа выражалось то глубокое презрѣніе ко всей болгарской нации, которое выказывала къ ней нѣсколько столѣтій тому назадъ Византія. Старыя традиціи въ этихъ странахъ сохранились въ

полной неприкосновенности: ни свѣтская, ни клерикальная Грецiя не стѣсняются открыто высказывать свое раздраженiе противъ болгарскаго нацiональнаго движенiя. Греческiе торговцы и мореплаватели занимаютъ, помимо своего королевства, только край берега Эгейскаго и Мраморнаго морей, но вся обширная страна, лежащая за этою узкою прибрежною полосой, вся Фракiя, Македонiя и Мезiя, за исключенiемъ единичныхъ оазовъ, находится исключительно во владѣнiи болгаръ, дѣятельныхъ землевладѣльцевъ и промышленниковъ. А потому греческiе политики для осуществленiя ново-греческихъ великихъ плановъ считаютъ необходимымъ эленизировать болгарскую массу; но такъ какъ послѣдняя не поддается этому процессу, то они стараются по крайней мѣрѣ держать ее въ невѣжествѣ и лишать всякой возможности выйти изъ этого невѣжественнаго состоянiя.

Покойный нишскiй архiепископъ совѣтовалъ своей общинѣ построить церковь вмѣсто необходимой для нея школы, а его преемникъ запретилъ ея защитникамъ представлять правительственному коммисару жалобы на притѣсненiя ея въ матерiальномъ и нравственномъ отношенiяхъ. Оба они успѣли въ своихъ желанiяхъ. Константинопольскiй патрiархатъ присылалъ болгарскому народу не только пастырей, не знавшихъ ихъ языка, но также и фанарiотскихъ учителей, чтобы вытѣснить народный языкъ изъ церкви и школы. Тенденцiя эта выразилась всего лучше въ поступкѣ Неофита, тирновскаго митрополита, по приказанiю котораго всѣ драгоцѣнные, незамѣнимые манускрипты, относившiеся къ болгарской исторiи въ теченiе 9 столѣтiй, отъ VII до XVI, были сожжены въ этомъ древнемъ болгарскомъ городѣ, бывшемъ съ 1186 года резиденцiей епископовъ и столицей болгарскихъ царей. Вопли негодованiя раздались въ интеллигентныхъ кружкахъ противъ этого варварскаго, дикаго поступка, и немедленно были посланы жалобы въ константинопольскiй патрiархатъ на Неофита, который, кромѣ того, дѣлалъ множество оскорбленiй своей общинѣ. Однако же патрiархатъ взялъ подъ свою защиту своего фанарiотскаго посланника и устроилъ такъ, что всѣ, приносившiе жалобы, были заключены въ тюрьму. Лишь въ послѣднiе годы, вслѣдствiе нѣкоторыхъ грязныхъ и гнусныхъ пороковъ, онъ лишился своего епископскаго мѣста.

Если мы знаемъ теперь причины, побудившiя фанарiотское духовенство удерживать болгарскiй народъ на той низкой ступени образованiя, на которой онъ находится въ настоящее время, а также и причины его стремленiй украсть у этого народа его нацiональность и исторiю, то это не

даетъ еще полнаго понятія его дѣйствій въ Болгаріи, и намъ остается, для полноты картины, представить, какъ фанарскіе епископы старались испортить нравственность народа, котораго они были пастырями. Я не имѣю намѣренія говорить здѣсь о тѣхъ маленькихъ подаркахъ, какъ розовые вѣнки, крестики и тому подобныя мелочи, которые посылали епископы при своемъ вступленіи въ должность нѣкоторымъ семействамъ и взамѣнъ которыхъ получившіе ихъ должны были преподносить имъ дары, стоившіе по крайней мѣрѣ въ 10, если не въ двадцать разъ дороже: объ этомъ злоупотребленіи я упоминаю лишь потому, что оно составляетъ первое звено той цѣпи разныхъ притѣсненій, которою такъ искусно опутало райевъ фанаріотское духовенство для выжиманія изъ нихъ соковъ. Перечислять гнусныя средства, къ которымъ оно прибѣгало для этого, было бы слишкомъ долго; но одно изъ нихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія—это бракоразводныя дѣла. Епископальные судьи доводили весьма охотно несогласія между супругами богатыхъ фамилій до разводныхъ процессовъ, и, какъ только подобнаго рода дѣло пускалось въ ходъ, оно становилось неисчерпаемымъ источникомъ доходовъ для фанарскаго епископа. Приводились существующіе и несуществующіе церковные уставы, поднимались затрудненія всякаго рода, требовались разрѣшенія изъ Константинополя, и когда за большія деньги, послѣ безконечнаго писанія, за которое опять-таки нужно было давать особое вознагражденіе, всѣ эти препятствія устранялись и разрѣшеніе выхлопатывалось, то вдругъ возникали новыя затрудненія, упущенныя прежде изъ виду. И это продолжалось до тѣхъ поръ, пока состояніе кліентовъ истощалось до такой степени, что выжимать изъ него было уже нечего.

Такъ духовные пастыри, епископы, изображающіе, по православнымъ воззрѣніямъ, апостоловъ, обратились въ крючкотворцевъ, лихоимцевъ. Люди бѣдные при самыхъ несчастныхъ условіяхъ супружеской жизни не осмѣливались никогда требовать развода, зная напередъ, что имъ будетъ отказано, такъ какъ огромныя издержки, сопряженныя съ бракоразводнымъ процессомъ, были имъ не по силамъ. То, достойное удивленія, презрѣніе къ земнымъ благамъ, которымъ отличалось нѣкогда высшее греческое духовенство и о которомъ свидѣтельствуетъ одно посланіе никейскаго патріарха Германа къ кипрцамъ [1]) (1223), исчезло со-

---

[1]) Исторія раздѣленія восточной и западной церквей, д-ра Пихлера Стр. 319.

вершенно въ фанарскихъ князьяхъ церкви. Развратъ, можно сказать, вносился прямо въ семейства. Ни женщины, ни дѣвицы не были гарантированы отъ сладострастія высшаго фанаріотскаго духовенства. Во время путешествія великаго визиря въ 1860 году поданныя ему во всѣхъ городахъ, чрезъ которые онъ проѣзжалъ, жалобы относительно этого предмета обличаютъ безчисленное множество самыхъ ужасныхъ преступленій. Изъ всѣхъ мерзостей, изложенныхъ въ нихъ, мы приведемъ только ту, что греческій епископъ въ городѣ Саркой (Пиротъ) былъ обвиненъ греческимъ врачемъ того же города въ изнасилованіи имъ 13—14-лѣтнихъ дѣвочекъ, учившихся въ мѣстной школѣ. Къ подобнымъ безчеловѣчнымъ поступкамъ присоединялось еще обвиненіе фанаріотскаго духовенства въ преступленіи не менѣе важномъ, а именно въ поощреніи женщинъ къ убійству дѣтей, находившихся еще въ утробѣ матери. Я записываю эти факты съ чувствомъ глубочайшаго отвращенія, но они необходимы для объясненія великаго религіознаго движенія, охватившаго Болгарію пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Это движеніе многими понято весьма ложно и возбудило гораздо менѣе надеждъ, чѣмъ опасеній, не имѣющихъ ни малѣйшаго основанія. Сопротивленіе болгаръ повиноваться фанаріотскому духовенству и обращеніе ихъ за помощью противъ ихъ духовныхъ притѣснителей къ Западу и въ особенности къ Франціи подали поводъ къ предположенію, что болгары хотятъ массою перейти въ римско-католическую вѣру. Многіе уже предвидѣли торжество папы надъ тѣмъ расколомъ, который четырехсотлѣтнія попытки такъ же мало могли поколебать, какъ и энциклика папы Пія IX въ 1848 году. Посмотримъ теперь, на сколько всѣ эти предположенія, обсуждавшіяся во многихъ кабинетахъ и преимущественно въ Римѣ, оправдаются на дѣлѣ.

VI.

Римско-католическое національно-церковное движеніе въ Болгаріи. 1860—1870.

Споръ папы Николая I съ Византіей по поводу Болгаріи и Македоніи — Расколъ.—Колебанія царя Бориса.—Окончательное присоединеніе болгаръ къ православію.—Притѣсненія православнымъ духовенствомъ приверженцевъ папы.—Эмиграція католическихъ болгаръ въ Венгрію.—Неудачная попытка папы Пія IX соединить православную церковь съ римскою въ 1848 г.—Возмущеніе болгаръ противъ Фанара.—Переговоры болгарскихъ вождей съ Римомъ, Франціей и польскими эмигрантами.—Старинная приверженность болгаръ къ Франціи.—События въ церкви св. Духа, въ Константинополѣ, 30 декабря 1860 г.—Адресъ, поднесенный болгарскою депутаціею папѣ въ Римѣ.—Посредничество Россіи и Англіи.—Отвѣтъ папы Пія IX отъ 22 января 1861 г.—Посвященіе грабовскаго архимандрита Сокольскаго въ римско-католическіе епископы Болгаріи.—Причины слабаго успѣха римскаго движенія.—Историческо-статистическія свѣдѣнія о католическихъ миссіяхъ въ Мезіи, въ Адріанопольскомъ вилайетѣ и пашалыкахъ Филиппопольскомъ, Скопійскомъ, Тулчскомъ и Салоникскомъ.—Число послѣдователей различныхъ исповѣданій въ Болгаріи. — Окончательный разрывъ Болгаріи съ Фанаромъ.—Желаніе болгаръ учредить національную церковь по примѣру Сербіи.—Нерѣшительность Порты.—Новая попытка Рима обратить болгаръ въ католицизмъ.—Отпаденіе епископа Сокольскаго отъ Рима.—Безнадежность католической пропаганды въ Болгаріи.

Въ предъидущихъ главахъ я подробно говорилъ о томъ, что по поводу присоединенія болгарскаго народа, обращеннаго Кирилломъ и Меѳодіемъ въ христіанство, къ восточному или западному патріархату уже давно возникъ серьезный споръ между главами западной и восточной церкви.

Въ 860 году папа Николай I потребовалъ отъ императора Михаила III, чтобы онъ призналъ его духовнымъ главою въ нынѣшней Дунайской Болгаріи и Македоніи до самаго моря и въ то же время отлучилъ отъ церкви патріарха Фотія, избраннаго на мѣсто свергнутаго Игнатія. Но Фотій, вооруженный научными познаніями, смѣло вступилъ въ борьбу съ папой относительно церковныхъ вопросовъ. Царь Борисъ колебался въ выборѣ между Римомъ и Византіей. У него были свои причины не нарушать хорошихъ отношеній съ обоими государствами и въ особенности съ могущественнымъ католическимъ королемъ франковъ, Людовикомъ, господствовавшимъ надъ славоно-кроатскими славянами. Однако, чтобы угодить Риму, онъ послалъ туда наконецъ депутацію съ просьбой прислать ему книги и учителей и въ то же время предложилъ папѣ 106 вопросовъ, частію насчетъ свѣтскихъ дѣлъ, но большею частью касательно

вѣры. Папа Николай отвѣтилъ на нихъ (866), отправивъ въ Болгарію епископовъ Павла и Формозу, при появленіи которыхъ греческіе священники удалились; но обращеніе это было только наружное и весьма кратковременное. На Константинопольскомъ соборѣ (869—870) болгары открыто заявили свой окончательный переходъ къ греческой церкви. Въ то же время былъ введенъ въ литургію славянскій языкъ,—событіе, которое, какъ я уже говорилъ, способствовало главнымъ образомъ образованію и развитію южно-славянской письменности.

Натянутыя отношенія Рима къ Византіи не измѣнились къ лучшему и въ X столѣтіи. Вопросъ о господствѣ надъ землями иллирійскаго треугольника былъ всегда главною причиною этой непріязни, которая, въ свою очередь, была причиною отлученія патріарха отъ церкви папою (16 іюля 1054). Это отлученіе имѣло весьма важныя послѣдствія: оно произвело расколъ въ Греціи; Болгарія-же, не смотря на всѣ старанія Рима, не примкнула къ нему. Уже въ то время епископства Загорье и Охрида были болгарско-православными. Изъ числа многихъ епископовъ и духовныхъ писателей, князь Симеонъ, сынъ царя Бориса, воспитанный, какъ кажется, въ Византіи, является главнымъ основателемъ молодой болгарской литературы. Его стараніями были переведены на славянскій языкъ избранныя греческія сочиненія, а также и Библія.

Симеонъ, старавшійся всѣми силами остаться независимымъ какъ отъ Константинополя, такъ и отъ Рима, находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ папою, который возвелъ архіепископа его резиденціи въ санъ патріарха и прислалъ ему самому царскую корону, вслѣдствіе чего онъ принялъ титулъ царя. Когда же Болгарія была покорена Василіемъ II, связь Симеона съ папою порвалась окончательно, хотя изъ многихъ папскихъ записокъ видно, что сближеніе Болгаріи съ Римомъ при царяхъ азанской династіи вовобновлялось довольно часто. Такъ, Іоаннъ (1204), послѣ завоеванія Константинополя латинами, получилъ отъ папы новую корону, а въ Тирново былъ присланъ римско-католическій архіепископъ.

Вообще же верховная власть папы никогда не была признаваема ни болгарскимъ духовенствомъ, ни народомъ, которые всегда выказывали упорное отвращеніе къ ней; только незначительная часть націи принадлежала къ католической церкви, да и на этихъ немногихъ православное духовенство смотрѣло какъ на еретиковъ. Чтобы избавиться отъ разныхъ преслѣдованій, нѣсколько тысячъ болгаръ-католиковъ переселилось въ

1391 г. въ австрійскій Банатъ, гдѣ и теперь еще ихъ потомки населяютъ области Крашова, Ябольца и Лупакъ, сохранивъ среди восточно-христіанскаго румынско-сербскаго населенія въ полной чистотѣ свою вѣру, языкъ и народный характеръ.

Вступленіе Пія IX на папскій престолъ было встрѣчено въ Турціи весьма сочувственно, и для принесенія ему поздравленія диванъ отправилъ особаго посланника, бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ Шекиба-пашу. Съ прибытіемъ послѣдняго въ Римъ, въ Ватиканѣ снова пробудились самыя радужныя надежды. Всѣ были увѣрены, что наступило наконецъ время осуществленія старинной мечты католиковъ о соединеніи восточной церкви съ римско-католическою подъ верховною властью папы. Въ виду осуществленія этой мечты, архіепископъ Ферріери отправился въ январѣ 1848 г. въ качествѣ чрезвычайнаго посла въ Константинополь, подъ предлогомъ передачи султану признательности папы за присланныя ему поздравленія; въ сущности же для того, чтобы, при поддержкѣ армянскаго уніатскаго патріарха, привести въ исполненіе завѣтный планъ соединенія церквей. Но, къ несчастію, намѣренія Порты, какъ потомъ выяснилось, были совершенно ложно поняты въ Римѣ. При помощи могущественнаго и въ то время всѣми уважаемаго папы Турція хотѣла только сбросить съ себя тягостное покровительство католическихъ державъ, Франціи и Австріи, но никакъ не содѣйствовать уніи; а потому весьма понятно, что она начала весьма недовѣрчиво смотрѣть на дѣйствія архіепископа Ферріери, который сейчасъ же по прибытіи написалъ прокламацію къ восточнымъ христіанамъ, и когда эта прокламація не подѣйствовала—потребовалъ отъ Порты привилегіи для своей церкви. Но, помимо прочихъ соображеній, Турція не могла этого сдѣлать уже потому, что это повело бы къ полному разрыву съ патріархатомъ, а этого она не желала, и такимъ образомъ обѣ стороны, недовольныя другъ другомъ, разстались чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Но то, что не удалось посредствомъ преждевременной пропаганды Рима и чего даже вѣковыя притѣсненія греческаго духовенства не могли произвести въ Болгаріи, случилось пятнадцать лѣтъ тому назадъ само собою. Болгары, выведенные наконецъ изъ терпѣнія безобразными выходками фанаріотскаго духовенства, пожелали добровольно признать надъ собою духовную власть папы.

Въ IV главѣ я уже говорилъ, съ какою свѣтлою надеждою болгары слѣдили за путешествіемъ по странѣ коммисара Порты, великаго визиря Кеприсли, въ 1860 году. Проѣзжая по Болгаріи, великій визирь, дѣй-

ствительно убѣдившись на мѣстѣ, что для улучшенія матеріальнаго быта и нравственности болгарскихъ райевъ нужны болѣе или менѣе рѣшительныя мѣры, старался провести эту мысль въ Константинополѣ. Но духовенство константинопольское думало совсѣмъ иначе: въ его разсчеты вовсе не входило лишиться столь прибыльной паствы, какъ болгарскіе райи, и вслѣдствіе этого оно обратилось къ средству, которое въ Турціи всемогуще, а именно—къ деньгамъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ, оно оказалось вполнѣ дѣйствительнымъ.

Переходъ отъ надежды къ отчаянію произвелъ переворотъ въ характерѣ болгаръ. Спокойные, миролюбивые отъ природы, они вдругъ взволновались въ концѣ 1860 г. Это движеніе охватило вскорѣ всю болгарскую территорію. Въ полномъ убѣжденіи, что до тѣхъ поръ, пока фанаріотское духовенство будетъ имѣть какое нибудь вліяніе, имъ нельзя и думать о радикальномъ улучшеніи своего соціальнаго положенія и о повышеніи своего нравственнаго уровня, они возстали прежде всего противъ греческаго духовнаго элемента. Изъ Базарджика, какъ отъ исходной точки, непріязненныя дѣйствія болгаръ противъ духовенства перешли въ Кеприли, Самаковъ, Софію, Тирновъ, Шумлу и вскорѣ распространились во всѣхъ значительныхъ болгарскихъ городахъ, въ которыхъ преобладалъ національно-болгарскій элементъ.

Епископы въ вышеназванныхъ городахъ были изгнаны и замѣщены временно другими, природными болгарами, сочувствовавшими народному настроенію. Преподаваніе въ школахъ было введено на болгарскомъ языкѣ, и болгарская община въ Константинополѣ вполнѣ одобрила подобный образъ дѣйствій противъ духовенства и съ своей стороны рѣшилась ни за что не признавать избраннаго въ то время новаго патріарха; епископу же своему Илларіону пригрозила изгнаніемъ изъ церкви, если онъ осмѣлится идти на перекоръ общественному мнѣнію. Однимъ словомъ, возбужденіе было всеобщее и связь съ Константинополемъ должна была съ минуты на минуту порваться навсегда. Но этимъ не удовольствовались еще нѣкоторыя личности изъ болгарскаго духовенства, преданныя вполнѣ народному дѣлу; у нихъ явилась мысль присоединить Болгарію къ римской церкви. Этотъ смѣлый планъ нашелъ сочувствіе во многихъ общинахъ, и болгарскіе вожди тотчасъ же приступили къ составленію адреса папѣ, которымъ означенный переходъ къ католицизму былъ вполнѣ подтвержденъ.

На сколько мы видѣли, болгары въ предъидущихъ столѣтіяхъ часто чувствовали влеченіе къ Риму, вслѣдствіе чего въ настоящее время іезу-

иты вмѣстѣ съ лазаристами занялись особенно дѣятельно возвращеніемъ болгаръ въ лоно католической церкви; но всѣ ихъ старанія убѣдить болгаръ установить, съ принятіемъ римскаго догмата, богослуженіе на латинскомъ языкѣ остались безплодными. Напротивъ того, болгары пожелали пользоваться такими же преимуществами, какія Римъ далъ и другимъ уніатамъ: рутенамъ, румынамъ, сербамъ и армянамъ, и на этомъ основаніи требовали учрежденія національно-болгарской церкви, независимаго патріархата и богослуженія на національномъ языкѣ. Но если бы Римъ и исполнилъ всѣ эти желанія, то, при весьма сильномъ въ то время вліяніи Россіи на Порту и болгарскую церковь, совершенный разрывъ послѣдней съ греческимъ патріархатомъ едва ли былъ бы возможенъ.

Ни упомянутая выше энциклика папы въ 1848 году, ни учрежденіе «восточно-христіанскаго общества», подъ «пожизненнымъ» предсѣдательствомъ грека Пиципіоса въ Римѣ, для подавленія раскола, ни изданное по повелѣнію папы и распространенное въ видахъ пропаганды сочиненіе означеннаго грека подъ заглавіемъ: «*Восточная церковь*» (1855), ни учрежденная наконецъ папою 6 января 1862 года, послѣ распаденія «восточно-христіанскаго общества», особая коммисія «пропаганды», о дѣйствіяхъ которой было очень мало извѣстно,—ничто, однимъ словомъ, не было въ состояніи помочь дѣлу соединенія церквей. Нѣкоторый успѣхъ въ этомъ отношеніи можно единственно приписать вліянію Франціи, сдѣлавшемуся со времени русско-турецкой войны въ 1854 году и Парижскаго мира господствующимъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Франція въ продолженіе столѣтій неоднократно хлопотала предъ диваномъ объ улучшеніи быта католическихъ райевъ, и когда, въ 1828 году, по настоянію греческаго патріарха, цѣлая католическая армянская община въ 12,000 душъ была среди зимы безжалостно изгнана изъ Константинополя въ Малую Азію, то французскому правительству удалось заставить Порту въ 1832 году объявить изгнанникамъ помилованіе, и при возвращеніи ихъ въ Константинополь имъ было предоставлено даже право имѣть особаго епископа. Къ проявленію подобной заботливости стамбульскіе католики съ своей стороны не остались нечувствительными. Когда, въ 1845 году, герцогъ Монпансье посѣтилъ Константинополь, то они привѣтствовали въ лицѣ его Францію съ такимъ же радушіемъ, съ какимъ отнеслись греки къ бывшему тамъ нѣсколькими мѣсяцами раньше русскому великому князю Константину, котораго они встрѣтили и проводили съ криками: «да здравствуетъ нашъ король Константинъ!»

Наконецъ, когда въ 1874 году французскій вице-адмиралъ де-ла-Ронсіеръ-ле-Нури возвратился изъ своей миссіи, то, присутствуя въ засѣданіи національнаго собранія, онъ обрисовалъ положеніе, занимаемое Франціею въ Турціи, слѣдующими словами: на Востокѣ, какъ и вообще на всѣхъ пунктахъ земнаго шара, трехцвѣтный флагъ (Франція) связанъ съ католицизмомъ такими же неразрывными узами, какъ и протестантизмъ съ Англіею.

Вѣрные своимъ принципамъ и стариннымъ стремленіямъ, болгары первымъ долгомъ обратились къ католическому Западу въ полной увѣренности найти тамъ опору въ предстоявшемъ процессѣ противъ Фанара. Императоръ Наполеонъ III достигъ въ то время апогея своей славы, и покровительство его было неоцѣненно, а потому болгарскіе вожди, зная, что императоръ страстно желалъ ихъ соединенія съ Римомъ, рѣшились пріобрѣсти его расположеніе этимъ путемъ, и эта угодливость не представлялась даже имъ сначала большою жертвой или шагомъ особенно важнымъ, такъ какъ они убаюкивали себя надеждою, что, во 1-хъ, церковные обряды нисколько не измѣнятся, а въ 2-хъ—что они избавятся навсегда отъ разныхъ налоговъ въ пользу греческаго патріархата и его епископовъ.

Душою религіознаго движенія болгаръ былъ литераторъ Цанковъ, человѣкъ, отличавшійся особеннымъ умомъ и притомъ неутомимый агитаторъ, который хотя и рѣдко выступалъ впередъ, но за то, когда бралъ на себя миссію переговоровъ, то велъ ихъ дѣятельно и удачно. Цанковъ и его друзья понимали очень хорошо, какую важную помощь могли оказать имъ польскіе эмигранты при переговорахъ въ Парижѣ и Римѣ, а потому вошелъ съ ними въ тѣсныя сношенія. Эмигранты-же съ своей стороны, надѣясь лишить ненавистную имъ Россію почти вѣрной добычи и, въ случаѣ успѣха уніи, ослабить ея вліяніе на болгарскій народъ, принялись дѣйствовать съ лихорадочнымъ усердіемъ. Князь Чарторижскій поддерживалъ движеніе значительными матеріальными пожертвованіями, а также и своимъ вліяніемъ при парижскомъ дворѣ. Другой полякъ (Подгажскій) еще болѣе заинтересовался этимъ предпріятіемъ. Въ скоромъ времени Виддинъ, Софія и Филиппополь сдѣлались ареною его агитаторской дѣятельности между болгарами. Но какъ для князя Чарторижскаго и Подгажскаго, такъ и для другихъ эмигрантовъ главною цѣлью служила политическая сторона дѣла, т. е. униженіе Россіи; религіозное же движеніе болгаръ было для нихъ только факторомъ, съ помощью

котораго они могли легче добиться перваго. Для того, чтобы способствовать болѣе быстрому рѣшенію дѣла, нужно было убѣдить римскаго посла въ Константинополѣ сдѣлать значительныя уступки болгарамъ, именно уступки относительно формы богослуженія. Добиться этого было трудно, но ловкость и изворотливость пана Подгажскаго и его вліятельныхъ друзей изъ Галиціи, изъ которыхъ наиболѣе заинтересованнымъ въ дѣлѣ уніи былъ восточно-уніатскій епископъ Зембратовичъ изъ Лемберга, побѣдили мало по малу всѣ затрудненія папскаго посредника.

И вотъ, наконецъ, 30 декабря 1860 года апостольскій викарій, монсиньоръ Брунони, и архіепископъ католическихъ армянъ приняли въ церкви» св. Духа въ Константинополѣ изъ рукъ двухъ болгарскихъ архимандритовъ, трехъ священниковъ и 200 представителей общинъ адресъ папѣ, покрытый безчисленными подписями, въ которомъ послѣ изъявленія разныхъ неудовольствій противъ фанаріотскаго духовенства било сказано, между прочимъ, слѣдующее: «Основываясь на декретахъ святой римской церкви «о сохраненіи восточныхъ церковныхъ обрядовъ и въ ожиданіи, что» «эти обряды будутъ оставлены безъ измѣненія, болгарская нація, въ» «лицѣ своихъ депутатовъ, проситъ его святѣйшество папу Пія IX при-» «нять весь болгарскій народъ въ лоно католической церкви и утвердить» «на основаніи каноническаго устава его отдѣльную національную іерархію.»

Явившіеся депутаты просили далѣе папу убѣдить императора французовъ, какъ старшаго сына церкви, выхлопотать у Порты признаніе болгарской іерархіи, а также и оказать помощь болгарамъ противъ козней фанаріотовъ. Въ то же время были переданы адресы изъ 93 областей, въ которыхъ означенныя области уполномочивали своихъ представителей утвердить переходъ къ католицизму отъ имени всей болгарской націи. Илларіонъ, болгарскій епископъ въ Константинополѣ, присоединился также нѣсколькими недѣлями ранѣе (23 октября) къ національному движенію и вмѣстѣ съ другими подписалъ адресъ; но въ послѣднюю минуту, когда депутація готова была уже отправиться, онъ, вслѣдствіе увѣщанія Россіи и Англіи, вдругъ перемѣнилъ намѣреніе и подъ предлогомъ болѣзни отказался присутствовать при торжественномъ актѣ.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, Россія могла оставаться спокойною, когда всѣ ея завѣтныя надежды, лелѣянныя ею еще со времени Петра I (1711), а также и всѣ жертвы, принесенныя ею для осуществленія ихъ на нижнемъ Дунаѣ, могли быть уничтожены однимъ ударомъ? Какъ, съ другой стороны, Англія могла равнодушно смотрѣть на это событіе, и

какъ та же самая Франція, открывавшая себѣ, съ помощью Суэзскаго канала, свободный путь къ ея индійскимъ колоніямъ и уже въ то время пользовавшаяся вліяніемъ въ Черногоріи, Сербіи и Румыніи, задумала еще пріобрѣсти протекторство надъ пятимилліоннымъ здоровымъ и крѣпкимъ болгарскимъ населеніемъ? И вотъ, дѣйствительно, Англія и Россія, еще такъ недавно воевавшія другъ противъ друга, забыли, въ виду общаго интереса, старыя распри и стали дѣйствовать за одно: Россія потому, что видѣла нарушеніе «неприкосновенности отправленія греко-россійскаго богослуженія», выговореннаго Меншиковымъ въ 1854 году, а Англія потому, что боялась за покровительствуемыя ею протестантскія миссіи, которыя послѣ Парижскаго мира, пользуясь раздорами между болгарами и фанаріотскимъ духовенствомъ, съ успѣхомъ агитировали первыхъ въ пользу англиканской церкви. Такимъ образомъ обѣ старинныя противницы, сдѣлавъ дружный напоръ на безсильную Порту, принудили Аали-пашу попробовать успокоить болгаръ обѣщаніями.

Составленная съ этою цѣлью коммисія изъ знатныхъ грековъ и болгаръ должна была заняться обсужденіемъ реформъ для болгарской церкви, и было рѣшено на будущее время избирать болгарскихъ епископовъ исключительно изъ болгаръ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы они все-таки оставались подчиненными греческому патріарху. Эта умѣренная реформа, утвержденная Портою, не была, однако, принята патріархомъ, какъ несовмѣстная съ правами его престола. Видя это, болгары окончательно прекратили всякія сношенія съ патріархатомъ и стали еще настойчивѣе стремиться къ соединенію съ Римомъ.

Между тѣмъ папа Пій IX, въ своемъ отвѣтѣ отъ 22 января 1861 г., выразилъ болгарскимъ уніатамъ свое удовольствіе по случаю ихъ возвращенія въ лоно святой римской церкви и далъ согласіе на отправленіе восточныхъ обрядовъ. Вскорѣ послѣ того онъ принялъ также въ Римѣ грабовскаго архимандрита Сокольскаго и посвятилъ его торжественно въ Сикстинской капеллѣ въ римско-уніатско-болгарскіе епископы.

Попытка России и Порты, руководимой Англіею, затормозить слишкомъ быстрое вначалѣ стремленіе болгаръ къ Риму—оказалась, однако, не совсѣмъ безуспѣшною. Со времени подписанія адреса папѣ, прошло четыре года, а соединеніе болгаръ съ Римомъ подвигалось очень медленно. Хотя французскіе органы и римская пропаганда протрубили всему свѣту о блестящихъ результатахъ этого движенія, но въ сущности все это было основано на однихъ предположеніяхъ и частію на грубыхъ преувеличе-

ніяхъ. Старанія іезуита Гагарина, ревностнаго поборника уніи, а также и католическихъ миссіонеровъ, на которыхъ православное болгарское населеніе смотрѣло недовѣрчиво, увѣнчались весьма незначительнымъ успѣхомъ, и, по мнѣнію Гагарина, выраженному имъ позднѣе, было бы гораздо лучше все дѣло предоставить однимъ греко-уніатскимъ монахамъ.

Вообще всѣ неудачи и ошибки въ веденіи церковнаго болгарскаго движенія приписывались сторонниками уніи одному только Риму. По ихъ инициативѣ уже давно было проектировано назначеніе въ Константинополѣ уніатско-болгарскаго патріарха, по примѣру Австріи, которая еще въ началѣ XVII столѣтія проводила мысль о католическомъ патріархѣ въ Византіи. Но этотъ проектъ уніатовъ, который одинъ только, служа нравственною точкой опоры для болгаръ, могъ бы помочь дѣлу сліянія ихъ съ Римомъ, рушился вслѣдствіе политическихъ причинъ, а можетъ быть также и вслѣдствіе недостатка личности, способной занять такой важный постъ. Во всякомъ случаѣ утвердительно можно сказать только то, что при подобномъ ходѣ дѣлъ болгарскіе патріоты начинали терять вѣру въ прочность ихъ церковнаго общенія съ Римомъ.

Фактическіе переходы восточно-православныхъ болгаръ въ римско-католическую вѣру, по всѣмъ свѣдѣніямъ, собраннымъ мною отъ лицъ компетентныхъ, были въ общемъ числѣ весьма незначительны. Только особенно дѣятельная миссія лазаристовъ въ Македоніи (вилайетъ Салоники) могла похвалиться нѣкоторымъ успѣхомъ; остальныя же миссіи, также какъ и никопольскіе пассіонисты, вслѣдствіе недостатка матеріальныхъ средствъ оставались въ полнѣйшемъ бездѣйствіи.

Католическая миссія въ Мезіи учреждена такъ же давно, какъ и епископскій престолъ въ Никополѣ, т. е. около 700 лѣтъ тому назадъ, и находящійся въ Никополѣ соборъ носитъ еще на себѣ слѣды греческихъ архитекторовъ. Особенною дѣятельностью эта миссія отличалась во время правленія папы Николая IV, когда многіе изъ францисканскихъ монаховъ умерли даже мученическою смертью. Правда, число мѣстечекъ, заселенныхъ католиками, было не особенно значительно, но они отличались обширностью и благосостояніемъ. Мезійскихъ католиковъ вообще называли «павликіанами», и въ настоящее время еще нѣкоторыя деревни въ Балканахъ носятъ названіе Павликіанъ-Кои, хотя католическіе обряды въ нихъ не исполняются уже съ давнихъ временъ. Болгарскіе католики были въ прежнія времена особенно жестоко преслѣдуемы спагами по наущеніямъ фанаріотскаго духовенства и отправляли богослуженіе только

втайнѣ, какъ это свидѣтельствуютъ сохранившіяся и по настоящее время въ Бѣлинѣ подземныя церкви. Только въ 1709 г., вслѣдствіе представленія австрійскаго посланника въ Константинополѣ, графа Эттингена, были дарованы великимъ визиремъ Гуссейномъ Кеприсли католическому духовенству нѣкоторыя льготы, какъ напр. свободное отправленіе церковныхъ обрядовъ, избавленіе отъ налоговъ и проч. Іезуиты тотчасъ же воспользовались означенными уступками, чтобы пропагандировать унію по всей Турціи; но ихъ дѣятельность продолжалась недолго, потому что, нѣсколько лѣтъ спустя, стараніями греческаго патріархата былъ выхлопотанъ гатти-шерифъ, которымъ строго воспрещался всякій переходъ къ римской церкви. Съ другой стороны, продолжительная борьба, племенныя распри и эмиграціи въ Банатъ и Румынію ограничили число католическихъ мѣстностей въ Мезіи четырьмя деревнями: Бѣлиною, Орезою, Лазиною въ Систовскомъ и Транзивицею въ Никопольской казѣ. Всѣ эти четыре мѣстечка расположены близъ Дуная. Незавидное положеніе болгарскихъ католиковъ начало поправляться только тогда, когда въ дѣла ихъ вмѣшались пассіонисты (1781), находившіеся подъ исключительнымъ покровительствомъ Австріи. Пассіонисты, наученные горькими опытами, пришли къ убѣжденію, что для поддержанія своей дѣятельности имъ надо было заручиться достаточнымъ внѣшнимъ покровительствомъ, потому что и послѣ 1781 г. многія духовныя лица были убиваемы во время отправленія богослуженія, а жители многихъ деревень должны были переселяться въ Румынію, гдѣ они и теперь еще образуютъ католическія общины. Такое покровительство дала имъ въ полной мѣрѣ Австрія.

Щедротами австрійскаго императорскаго дома католики вышеупомянутыхъ четырехъ мѣстечекъ выстроили себѣ красивыя церкви съ колокольнями, колокола которыхъ могли свободно призывать прихожанъ въ церковь задолго еще до объявленія гатти-гумаюна, въ противоположность церквамъ восточно-христіанскихъ болгаръ, не пользовавшихся покровительствомъ Австріи. Три раза въ день колокола католическихъ церквей оглашали окрестности на далекое разстояніе.

Въ настоящее время апостолическій администраторъ обѣихъ Валахій, монсиньоръ Игнатіо Паоли, резиденція котораго находится въ Бухарестѣ, состоитъ епископомъ въ Никополѣ и въ то же время управляетъ католическою миссіею въ Болгаріи. Въ его распоряженіи находится викарій, донъ-Еженіо Транзевицкій, и шесть монаховъ, которые вмѣстѣ исполняютъ обязанности духовныхъ пастырей въ Бѣлинѣ, Орезѣ, Левинѣ и

Транзевицѣ. Духовенство не беретъ *столы* и получаетъ весьма скудное вспомоществованіе изъ Рима. Нѣкоторыя благочестивыя общества снабжаютъ время отъ времени миссію небольшими пособіями, которыя слишкомъ недостаточны для расширенія дѣятельности миссій и увеличенія пропаганды, а потому они употребляются на ремонтъ миссіонерскихъ церквей, на снабженіе ихъ иконами и церковными сосудами. Въ послѣднемъ отношеніи особенною благотворительностью извѣстенъ, на ряду съ надворнымъ совѣтникомъ Гуртеромъ, австрійскій консулъ въ Виддинѣ, Вальхеръ фонъ-Мольтейнъ.

Число католиковъ въ четырехъ пассіонистскихъ мѣстечкахъ, между Систовомъ и Никополемъ, простирается до 5,000 человѣкъ. Всѣ они принадлежатъ къ болгарской націи, но одинаково удаляются отъ всякихъ сношеній съ своими соотечественниками православной вѣры, какъ и съ мусульманскимъ населеніемъ. Скотоводство и земледѣліе въ плодородной мѣстности обезпечиваютъ ихъ вполнѣ въ матеріальномъ отношеніи. Болѣе подробное описаніе этихъ миссіонерскихъ уголковъ будетъ сдѣлано во II части. Въ 1868 г. многія мѣстности близъ Виддина, заселенныя валахами, перешли тоже къ римской церкви. Всѣ онѣ наравнѣ съ православными подданными уплачиваютъ правительству десятую часть съ произведеній земли.

Въ Адріанопольскомъ вилайетѣ римская пропаганда тоже пыталась увеличить число тамошнихъ католиковъ. Польскіе миссіонеры ордена «Воскресенія Іисуса Христа» предприняли этотъ трудный подвигъ съ помощью кардинала Барнабо, но встрѣтили сильное сопротивленіе со стороны православнаго адріанопольскаго архіепископа. Запутанные въ интригѣ, они должны были покинуть свою временную церковь, а также и школу въ Керичанѣ. Утвержденный затѣмъ Портою епископъ Рафаилъ вызвалъ изъ Ниша нѣсколькихъ монаховъ ордена «Вознесенія Іисуса Христа» и четырехъ монахинь того же ордена, и подъ покровительствомъ Франціи сталъ продолжать неудавшееся польскимъ миссіонерамъ дѣло пропаганды, причемъ ему удалось устроить церковь и школу.

Въ Филиппопольскомъ санджакѣ, составляющемъ сѣверо-западную часть старинной Фракіи, на 400,000 жителей, между которыми 240,000 православныхъ, приходится всего 8,000 католиковъ. Они живутъ частью въ Филиппополѣ, гдѣ находится также и резиденція ихъ епископа, получающаго денежныя пособія отъ Франціи, а частью также и въ деревняхъ къ сѣверу отъ этого города. Они всѣ большею частію перешли въ

католичество только въ послѣднихъ годахъ. Многія мѣстности, какъ напр. Солопица (деревня въ 500 дворовъ), населены только отчасти уніатами. Ихъ духовенство состоитъ преимущественно изъ итальянскихъ капуциновъ, школами же управляютъ 4 монахини. Архіепископство Скопійское, резиденція котораго уже давно перенесена въ Призрендъ, насчитываетъ въ 6 селахъ 6,500 католиковъ и 3,000 криптокатоликовъ, т. е. магометанъ, не осмѣливающихся изъ боязни своихъ собратій открыто слѣдовать христіанскому ученію. Въ 1846 году 25 мусульманскихъ семействъ болгарскаго происхожденія, насчитывавшихъ до 184 душъ, открыто заявили свой переходъ въ католичество и за это вмѣстѣ съ своимъ священникомъ дономъ Антоніо Маріавицъ были варварскимъ образомъ изгнаны въ Бруссу, въ Малой Азіи, а когда, вслѣдствіе энергическихъ представленій европейскихъ державъ, они были прощены, то изъ нихъ послѣ четырехлѣтняго изгнанія возвратились на родину только 70 человѣкъ, которые снова обратились въ католицизмъ 15 лѣтъ тому назадъ. На все число католиковъ Скопійскаго архіепископства болгаръ приходится самое незначительное число, да и эти немногіе сгруппировались на крайней западной границѣ Болгаріи, въ селахъ Карадагѣ, Летницѣ и семи деревушкахъ приблизительно въ количествѣ 120 католическихъ семействъ и неопредѣленнаго числа криптокатоликовъ. 20 лѣтъ тому назадъ здѣшніе католики могли совершать богослуженіе только въ подвалахъ; теперь же въ этихъ мѣстностяхъ, напр. въ сербско-католическихъ селахъ Яньево и Долна Густерица, не смотря на окружающее ихъ фанатическое мусульманско-албанское населеніе, выстроены новыя церкви подъ покровительствомъ турецкаго флага. Относительно численности католиковъ въ Добруджѣ и главныхъ миссіонерскихъ мѣстечкахъ Тульчѣ и Сулинѣ, находящихся въ вѣдѣніи францисканскаго ордена, а также относительно болгарскихъ католиковъ въ Салоникскомъ вилайетѣ подъ управленіемъ дѣятельныхъ лазаристовъ, вѣрныхъ свѣдѣній я не имѣю. При недостаткѣ въ Турціи статистическихъ данныхъ, трудно даже въ круглыхъ цифрахъ опредѣлить число послѣдователей различныхъ вѣроисповѣданій въ этомъ государствѣ. Одинъ болгарскій патріотъ изъ «Стары планины» высчиталъ въ австрійскомъ журналѣ, не указывая, впрочемъ, источниковъ, общее число болгаръ, живущихъ въ Европейской Турціи, за исключеніемъ выселившихся въ Банатъ, Румынію и Крымъ. На основаніи этихъ данныхъ численность болгаръ простирается до 6.030,000 человѣкъ, а эмигрантовъ насчиты-

вается до 805,000 душъ. Если же мы распредѣлимъ теперь общее число жителей по вѣроисповѣданіямъ, то придемъ къ слѣдующимъ числовымъ результатамъ: 5.670,000 — православныхъ, 300,000 — магометанъ, 60,000—католиковъ. О послѣдователяхъ евангелической церкви ничего не сказано, да въ сущности ихъ и дѣйствительно почти нѣтъ, не смотря на усердіе американскихъ миссіонеровъ, разсѣянныхъ по всему государству, какъ-то: въ Рущукѣ, Тирновѣ, Филиппополѣ, Адріанополѣ и прочихъ мѣстностяхъ. Въ іюлѣ 1864 г. въ Константинополѣ подняли даже гоненіе противъ евангелическихъ миссій, и только энергическое вмѣшательство Англіи помѣшало ихъ полному изгнанію или истребленію. Судя по нѣкоторымъ имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, число болгаръ, живущихъ въ Турціи, по болгарскимъ даннымъ, сильно преувеличено, а численность мусульманъ, наоборотъ, уменьшена; вѣрнымъ показано только число католиковъ, да и то надо бы немного увеличить, принимая въ соображеніе дѣятельность лазаристовъ въ Филиппополѣ и Салоникахъ, хотя, конечно, увеличеніе не можетъ быть значительно въ виду шумныхъ событій въ Рущукѣ, Тирновѣ и мн. др., обратившихъ на себя особое вниманіе.

Ненависть болгаръ къ греческому патріархату въ Константинополѣ усилилась еще болѣе, когда Фанаръ ко всѣмъ своимъ преслѣдованіямъ присовокупилъ еще и политику. Вѣроятно всѣмъ памятенъ фактъ, совершенный въ 1828 г. греческимъ патріархомъ, который, желая повредить ненавистнымъ ему уніатамъ во мнѣніи правительства, донесъ безъ всякаго основанія на римско-армянскую общину въ Константинополѣ, будто она не только симпатизировала Франціи, но и составляла вмѣстѣ съ нею заговоръ для уничтоженія Турецкой имперіи. Подобными кознями старались вообще усилить недовѣріе Порты къ честнымъ болгарамъ. Для характеристики духовнаго правленія фанаріотовъ въ предоставленныхъ имъ славянскихъ земляхъ (гл. V) прибавлю здѣсь только то, что въ началѣ нашего столѣтія въ нынѣшнемъ княжествѣ Сербіи не было *ни одной* школы. Кромѣ того, бѣглый греческій монахъ Делипапасъ, бывшій потомъ пандуромъ и жандармскимъ капраломъ у Редшепа-паши, человѣкъ всѣми презираемый, былъ вдругъ назначенъ въ 1814 году бѣлградскимъ митрополитомъ. Какого же примѣра нравственности можно было ожидать отъ индивидуума подобнаго сорта, и въ состояніи-ли онъ былъ заботиться о народномъ образованіи? Его изгнаніе и возведеніе достойнаго архимандрита Мелентія въ санъ перваго національно-сербскаго

архіепископа было первымъ и самымъ важнымъ государственнымъ дѣломъ князя Милоша въ 1815 году. Много позже, а именно въ 1832 г., Милошъ заключилъ конкордатъ съ греческимъ патріархатомъ, на основаніи котораго національная церковь въ Сербіи была вполнѣ признана и только поставлена въ строгія каноническія условія къ окюменскому престолу; но при этомъ греческіе патріархи не имѣли вліянія на выборъ и утвержденіе бѣлградскаго митрополита и подчиненныхъ ему епископовъ, а пользовались только ежегодною податью изъ Сербіи въ 9,000 піастровъ.

Болгарія съ своей стороны тоже неуклонно стремилась еще съ 1860 года организовать у себя такую же національную церковь, какъ и у сербовъ. Ограниченіе власти греческаго патріарха, удаленіе греческаго духовенства и греческихъ учителей изъ болгарскихъ церквей и школъ, назначеніе содержанія высшему духовенству и выборъ послѣдняго изъ священниковъ болгарской національности, далѣе учрежденіе духовныхъ семинарій и возвышеніе уровня народнаго образованія — вотъ главныя желанія, которыя болгарскій народъ выразилъ генеральному комисару султана, великому визирю Кеприсли-пашѣ, во время его путешествія по Болгаріи въ 1860 году, и исполненіе которыхъ ему было обѣщано отъ имени Высокой Порты.

Поставленная между Россіей, Англіей и фанаріотско-греческимъ духовенствомъ съ одной стороны и Франціей, Римомъ и заявленными желаніями болгарскаго народа съ другой, Порта не въ состояніи была самостоятельно кончить болгарско-греческій религіозный споръ, а заинтересованныя державы, въ свою очередь, не жалѣли золота для рѣшенія дѣла въ свою пользу. И вотъ болгары, видя, что ихъ усилія опять-таки остались безуспѣшны, въ отчаяніи обратились снова за помощью къ папѣ, уже не въ видѣ угрозы, какъ прежде, а напротивъ—съ искреннимъ желаніемъ окончательно соединиться съ Римомъ.

Въ началѣ 1864 года папскій легатъ отправился по этому случаю въ Константинополь и, будучи самъ французскимъ іезуитомъ, охотно взялся продолжать дѣло уніи, начатое его орденомъ съ согласія Франціи при папѣ Григоріи XIII. Онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что результаты его настоящихъ дѣйствій въ Болгаріи будутъ гораздо благопріятнѣе, чѣмъ попытка въ 1583 году пропаганды уніи между греками; но вліяніе англійскаго посланника Томаса Роэ на греческаго патріарха разрушило въ самомъ началѣ всѣ надежды папы Григорія. Проискамъ того

же посланника приписывають и самое изгнаніе іезуитовъ изъ Константинополя.

Какое же положеніе заняли Англія, Россія, Италія и Порта въ 1864 году въ виду дѣйствій французско-папскаго посланника и требованія болгарами церковной автономіи?

Не нужно, мнѣ кажется, особыхъ поясненій, чтобы видѣть, на сколько сильно могла повліять реализація проекта римско-болгарской уніи на разрѣшеніе восточнаго вопроса; но, неподдержанный въ достаточной мѣрѣ Франціей и другими католическими державами, проектъ не могъ устоять противъ соединенныхъ противодѣйствій греческаго патріархата, Россіи и Англіи.

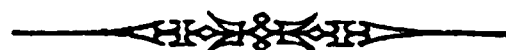
Не смотря на усиленныя дѣйствія католическихъ миссій въ Солоникахъ, Монастырѣ, Виддинѣ, Адріанополѣ, Филиппополѣ и другихъ мѣстахъ, унія впередъ не подвигалась. Можно даже достовѣрно сказать, что цвѣтущее ея состояніе и затѣмъ полнѣйшее прозябаніе ограничились однимъ и тѣмъ же 30-мъ декабря 1860 г., т. е. днемъ, когда былъ подписанъ въ Константинополѣ актъ уніи съ Римомъ. Попытки папы, Франціи и польской эмиграціи остались также безъ всякаго успѣха. Произошло же все это оттого, что вопросы, которые съ самаго начала послужили раздоромъ между Фанаромъ и болгарами, были чисто-административнаго свойства, но нисколько не догматическаго.

Послѣдующія событія доказали, на сколько въ этомъ отношеніи ошибались въ Парижѣ, Римѣ, Лембергѣ и другихъ мѣстахъ: когда тамъ вполнѣ разсчитывали на успѣхъ, свѣтскіе и духовные вожди болгаръ въ то же время перемѣнили совершенно планъ дѣйствій относительно Фанара. Въ постоянномъ выжиданіи, что церковно-административный вопросъ разрѣшится все-таки мирнымъ образомъ, болгары, въ душѣ которыхъ еще не угасла привязанность къ православной церкви, смотрѣли довольно равнодушно на возвращеніе нѣкоторыхъ греческихъ епископовъ, которыхъ они хотя и не признавали, но терпѣли. Такой періодъ можно было назвать молчаливымъ перемиріемъ. Конечно, подобный образъ дѣйствій болгаръ шелъ вполнѣ въ разрѣзъ съ уніей, которая вскорѣ и затихла навсегда.

Недавно еще получены свѣдѣнія о миссіи ордена «Воскресеніе Іисуса Христа», — свѣдѣнія очень грустныя, такъ какъ миссіонеры, получая весьма незначительныя субсидіи отъ Франціи, сами сознаются въ невозможности продолжать дѣло. Вслѣдствіе убѣжденій греческаго патріарха, Англіи и

Россіи, не только самъ епископъ Сокольскій, но и большое число уніатскихъ общинъ снова возвратились къ православію, а тѣ немногіе приверженцы уніи, которые все-еще продолжаютъ упорствовать, тоже не долго будутъ въ состояніи противостоять напору греческаго духовенства. Въ Адріанопольскомъ вилайетѣ, за исключеніемъ небольшой уніатской общины въ самомъ Адріанополѣ, находится весьма незначительное число уніатовъ, оставшихся вѣрными Риму, а миссіи лазаристовъ, пассіонистовъ и другихъ въ сосѣднихъ провинціяхъ не могутъ тоже похвалиться лучшимъ успѣхомъ. Въ настоящее время пятимилліонному православному болгарскому населенію можно противопоставить едва 60,000 римско-католическихъ уніатовъ, и это число, по всѣмъ вѣроятіямъ, не увеличится, такъ какъ главное желаніе болгаръ приведено наконецъ въ исполненіе.

По плану настоящаго сочиненія, I часть предназначена для разработки исторіи Болгаріи въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ до 1870 года, а потому описаніе послѣдней борьбы, предшествовавшей утвержденію болгарскаго независимаго экзархата, оставлено мною до слѣдующаго тома, въ которомъ будетъ изложено положеніе Болгаріи въ 1870—1875 родахъ.

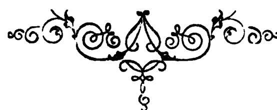

КНИГА ВТОРАЯ

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

между

НИШАВОЮ, ДУНАЕМЪ, ЛОМОМЪ и ТИМОКОМЪ

I.

Старый Незусъ и Новый Нишъ.

Значеніе 1848 и 1860 гг. для Турціи и Болгаріи.—Сербская молва о болгарской революціи.—Мое путешествіе въ Нишъ.—Распространеніе вилайета Туны.—Физіономія города.—Украшенія, сдѣланныя Мидхадомъ-пашей.—Старый базаръ.—Нишавскій мостъ.—Крѣпость и опасный обсерваціонный пунктъ.—Австрійскія поселенія.—Значеніе стараго Незуса. — Лишь немногіе остатки онаго были извѣстны прежде.—Препятствія, помѣшавшія автору предпринять въ 1860 г. археологическія изслѣдованія.—Различныя попытки тѣхъ же предпріятій въ 1864 г.—Поѣздка въ Курвинградъ.—Его замокъ и традиціи о различныхъ именахъ, имѣющихъ значеніе.—Экскурсія въ Градище.—Его замокъ и церковь.—Древніе остатки близъ нишской цитадели и Іени Кушла.—Поѣздка въ Берзибродъ.—Мои находки тамъ. — Первые найденные остатки памятниковъ Стараго Незуса.—Стратегическое значеніе Ниша въ первыя турецкія войны.—Его роль во время турецко-австрійской войны 1689 г.—Побѣда, одержанная баденскимъ маркграфомъ.—Защита Ниша Штаремъбергомъ въ 1690 г.—Пораженіе австрійцевъ и занятіе его вновь ими въ 1737 г.—Сообщеніе Вирмонда и Шметтау о средствахъ обороны Ниша. — Постыдная сдача его генераломъ Дохатомъ и смертный приговоръ его. — Сербъ Синглячъ предъ стѣнами Ниша во время войны 1809 г.—Его геройская смерть.—Башня, сложенная изъ череповъ сербовъ. — Мое посѣщеніе «череповой» башни.—Долго ли еще она будетъ сохраняться.

1860 годъ имѣетъ точно такое же значеніе для болгаръ, какое 1848 годъ имѣетъ для большинства европейскихъ народовъ. Волненія, потрясавшія государственный строй европейскихъ державъ, не пошатнули гнилаго государственнаго устройства Турціи: за ея границы они не проникали; но за то въ 1860 г. они вдругъ вспыхнули въ ея восточныхъ провинціяхъ. Приведенный нами выше майскій циркуляръ кн. Горчакова, столь благопріятный для райевъ, конечно, много содѣйствовалъ возбужденію этого движенія, и во время моего путешествія въ этомъ году по Сербіи тамъ ходили слухи о революціи, вспыхнувшей будто бы съ страшною силой въ Нишскомъ пашалыкѣ, пограничномъ съ Сербіей. Я уже прежде мечталъ о поѣздкѣ въ эту болгарскую область для изученія всѣхъ различій между Сербіей и Болгаріей и между молодымъ сербскимъ и старо-турецкимъ правительствомъ, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе объ этихъ двухъ народностяхъ. Все, что я слышалъ, привело меня къ заключенію, что болѣе удобнаго для моихъ изслѣдованій момента, чѣмъ настоящій, не скоро можно дождаться; а потому, не теряя времени, я отправился изъ сербскаго карантиннаго города Алексинаца къ близкой отъ него болгарской границѣ и, проѣхавъ благополучно чрезъ сербско-турецкую границу, очутился 11 іюля 1860 г. въ первый разъ на болгарской почвѣ.

Случай, этотъ великій факторъ въ жизни и въ особенности въ путешествіяхъ, чрезвычайно благопріятствовалъ мнѣ. По пріѣздѣ въ Нишъ, я увидалъ, правда, не революцію съ баррикадами и запахомъ пороха, но тѣмъ не менѣе революцію,—революцію сдержанную, скрытную, проявлявшуюся не бурными взрывами, но сильнымъ массовымъ движеніемъ, не обѣщавшимъ пройти безъ послѣдствій. Однимъ словомъ, мнѣ пришлось видѣть начало той знаменательной борьбы, которая непреложно доказываетъ духовное, а можетъ быть и политическое возрожденіе народа, который считался, по представленіямъ диллетантовъ-туристовъ и даже политиковъ по ремеслу, давно умершимъ.

Въ послѣднихъ трехъ главахъ я пробовалъ представить читателю интересныя и важныя событія, которыя совершались на моихъ глазахъ. Если я и сознаю нѣкоторые пробѣлы въ моемъ изложеніи, то все же осмѣливаюсь думать, что врядъ ли кто либо въ состояніи дать болѣе вѣрныя и полныя свѣдѣнія относительно причинъ, хода и послѣдствій всѣхъ болгарскихъ событій 1860 г., столь важныхъ для разрѣшенія восточнаго вопроса.

Но теперь, когда я познакомилъ уже читателя съ прошедшимъ, естественною исторіей и религіозно-политическою борьбой болгарскаго народа вообще, а развитіе важныхъ результатовъ оныхъ, достигающихъ лишь въ настоящее время своей полной зрѣлости, долженъ оставить для заключенія настоящаго сочиненія, я предложу ему ознакомиться съ самою почвой, на которой совершались эти событія. Я начну съ описанія Ниша и думаю, что будетъ не безполезно, если прибавлю къ общей нити моихъ путевыхъ изслѣдованій тѣ отрывочныя замѣтки, которыя были уже мною публикованы прежде.

Произволъ, управляющій опредѣленіемъ территоріальныхъ и административныхъ границъ вилайетовъ, пашалыковъ, казъ и нахій, представляется необъяснимымъ, если не принять въ соображеніе, что Высокая Порта не сознаетъ еще и въ настоящее время потребности въ хорошихъ картахъ своихъ обширныхъ владѣній, что о кадастровыхъ работахъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія въ Турціи и что картографическія предпріятія являются лишь пособіемъ при проведеніи желѣзнодорожныхъ линій.

Еще въ 1867 г. Нишскій пашалыкъ принадлежалъ къ вилайету Туны, хотя онъ отдѣленъ отъ него высокою балканскою горною цѣпью и долженъ былъ находиться подъ вѣдомствомъ отдаленной рущукской администраціи. Съ 1868 г. Нишъ былъ причисленъ къ Призрендскому па-

шалыку. Вообще въ причисленіи пашалыковъ къ вилайетамъ играютъ главную роль не экономическія или государственныя соображенія, а вліяніе губернаторовъ, управляющихъ вилайетами. Если въ какой нибудь вилайетъ назначается губернаторъ вліятельный, имѣющій сильныя связи въ правительственномъ кружкѣ, то ему предоставляется грабить большее число пашалыковъ посредствомъ причисленія ихъ къ его вилайету. Впрочемъ, для Ниша временное причисленіе его съ его уѣздомъ къ вилайету Туны во время управленія онымъ пашей Мидхадомъ имѣло во многихъ отношеніяхъ благодѣтельныя послѣдствія. Нишъ, какъ мы увидимъ позднѣе,—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ городовъ всей Турціи вообще. Въ 1860 году это былъ въ полномъ смыслѣ старо-турецкій городъ, со всѣми своеобразными, отличительными чертами турецкихъ городовъ,— чертами, которыя поражаютъ европейца удивленіемъ, приводятъ его въ восторгъ въ хорошую, сухую погоду, когда образующія ихъ пестрыя линіи и смѣсь яркихъ цвѣтовъ облиты прозрачнымъ свѣтомъ восточныхъ солнечныхъ лучей, и которыя приводятъ того же европейца въ отчаяніе, когда онѣ представляются ему въ сумрачномъ свѣтѣ ненастнаго зимняго дня. Этотъ городъ, заключающій въ себѣ до 1000 домовъ, принадлежащихъ туркамъ, и до 1500—принадлежащихъ христіанамъ, лежитъ въ юго-восточномъ углу большой треугольной долины, угольные пункты которой суть: Курвинградъ, Мустафа-паша-Ганъ и склоны сербской границы,—долины, которой физико-географическія свойства были уже описаны мною довольно подробно въ моихъ прежнихъ сочиненіяхъ. Мѣсто это было нѣкогда покрыто водою, и если она замѣнила озеро, то это потому, что теченіе его было обращено стремительнымъ потокомъ нынѣшней Моравы, выходящей изъ крутой тѣснины близъ Столаца въ Сербіи, въ Дунайскую долину. Въ Нишѣ также встрѣчаются большіе, хорошо содержанные сады, въ которыхъ такъ часто нуждаются большіе европейскіе города. Эти сады образуютъ прелестныя зеленыя стѣны, отдѣляющія дома одинъ отъ другаго; затѣмъ городъ хорошо снабженъ водою и представляетъ большія удобства въ этомъ отношеніи, какъ своими многочисленными колодцами, такъ и купальнями, доступными для самыхъ бѣдныхъ людей. Неудобства же, которыя производятъ непріятное впечатлѣніе на иностранца съ первой минуты его пріѣзда въ этотъ городъ,— это недостатокъ въ гостинницахъ, наемныхъ экипажахъ и уличномъ освѣщеніи, отвратительная мостовая, страшная грязь на улицахъ, непріятно поражающіе взоръ кривые углы стѣнъ, выпятившіеся фронтоны

домовъ въ турецкихъ кварталахъ. Лишь въ христіанскомъ кварталѣ встрѣчаются дома сносной архитектуры, и только въ послѣдніе годы въ городѣ появилась красивая гостинница. Напрасно старался Мидхадъ-паша, этотъ интеллигентный и энергическій послѣдній нишскій губернаторъ, исправить всѣ эти недостатки. Единичныя зданія, какъ большая, новая казарма, какъ излъ-ганъ (ремесленная школа), тюрьма, новая гауптвахта, гауптвахты у городскихъ заставъ, какъ красивая новая часть города, устроенная для бѣлградскихъ эмигрантовъ 1862 г., свидѣтельствуя о высокой интеллигенціи Мидхада, произвели въ сущности весьма незначительныя измѣненія въ общей физіономіи болгарскаго пограничнаго города. Огромную услугу оказалъ этотъ губернаторъ жителямъ Ниша еще тѣмъ, что устранилъ одну изъ важнѣйшихъ опасностей пожара удаленіемъ исполинской, гнилой, чисто-турецкой, угрожавшей паденіемъ во многихъ мѣстахъ крыши, протянутой для защиты отъ солнца и дождя еще въ 1860 г. надъ длинною Базарною улицею, идущей отъ нишавскаго моста. Если не обращать вниманія на этотъ красивый мостъ, то крѣпость представляется единственною фигурой въ Нишѣ съ опредѣленными геометрически линіями; но и она обязана своею настоящею правильностью пребыванію въ ней австрійцевъ въ 1737 г. [1]). Она расположена на правомъ нишавскомъ берегу, немного выше города, растянутаго на лѣвомъ; окружаютъ ее: стѣна, состоящая изъ 6 бастіоновъ, связанныхъ съ неравномѣрными куртинами, рвы безъ равелиновъ и крытая, *прокопанная въ землѣ* дорога. Стѣны эскарпа и контрэскарпа выведены изъ плитняка и находятся въ хорошемъ состояніи. Первыя достигаютъ въ вышину 10, послѣднія 6 м. Парапетъ покрытъ плетнемъ, а валъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ узокъ, что позади пушекъ остается лишь самое маленькое пространство. Крѣпость имѣетъ пять воротъ, носящихъ названія улицъ, въ которыя они ведутъ. Главный входъ, называемый «Стамбульскими воротами», находится на нишавской сторонѣ и сообщается съ Базарною улицей красивымъ нишавскимъ мостомъ, находящимся отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ. Его большой порталъ въ мавританскомъ стилѣ выходитъ непосредственно на главный плацъ цитадели. Бѣлградскія ворота имѣютъ также красивый, величественный видъ. Рельефныя изображенія фантастическихъ животныхъ придаютъ имъ какую-то своеобразную пре-

---

[1]) Шметау, графъ. Секретные мемуары.—Попытка жизнеописанія Ф. М. графа Секендорфа, по свѣдѣніямъ, не находившимся большею частью въ печати. 1742 г.

лесть. Прекраснымъ пропорціямъ этихъ двухъ входовъ соотвѣтствуютъ пропорціи Виддинскихъ и Софійскихъ воротъ, которыя, однако, относительно декоративныхъ украшеній далеко не такъ роскошны, какъ первыя. Главную защиту этой крѣпости составляютъ: Нишава и маленькій укрѣпленный тетъ-де-попъ предъ Стамбульскими воротами со стороны воды, высокіе валы, крѣпкія плетневыя изгороди, глубокіе рвы, подведенные къ самой водѣ и которые легко могутъ быть наполнены ею, многочисленныя болота, изъ коихъ сухихъ весьма немного. Средства защиты увеличились весьма незначительно работами, выведенными вокругъ бѣлградскихъ воротъ въ 1737 году австрійскимъ комендантомъ Дохатомъ [1]), нѣсколькими далеко выдвинувшимися впередъ маленькими редутами, не болѣе какъ для трехъ орудій каждый, а также тетъ-де-поно мъ, назначеннымъ для защиты нишавскаго моста, и старо-турецкими запущенными земляными работами, окружающими лѣвую сторону города. На валу насчитывается до 120 орудій, на отдѣльныхъ бастіонахъ—12. Пушки самаго тяжелаго калибра, большею частью австрійскаго издѣлія, украшены весьма богатыми эмблемами; вѣроятно, онѣ были оставлены въ 1737 г. австрійскимъ гарнизономъ, занимавшимъ крѣпость.

Въ районѣ цитадели находятся: маленькое турецкое поселеніе, дома чиновниковъ, офицеровъ и ремесленниковъ, маленькій госпиталь, школа, обсерваторія, мечети и часовая башня съ очень хорошенькими рельефными фигурами животныхъ, далѣе—пекарни, арсеналъ, серай паши съ различными канцеляріями уѣзднаго и городскаго управленія, наконецъ тюрьмы. Всѣ эти зданія большею частью деревянныя; даже тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ военное назначеніе, не могутъ устоять противъ бомбъ, и, въ случаѣ бомбардировки, жители были бы вынуждены укрыться при первыхъ выстрѣлахъ въ нижніе казематы.

Часовая башня представляетъ прекрасный обсерваціонный пунктъ, съ котораго видна вся нишская долина. Съ позволенія муэзина я поднялся на нее въ сопровожденіи жандарма. Но едва я показался наверху и расположился набросать очертанія отдѣльныхъ возвышенностей, какъ вдругъ мимо меня пролетѣла какъ будто пуля и вслѣдъ затѣмъ о доски, которыми обшита башня, ударился камень, между тѣмъ какъ внизу въ то же время раздались громкіе крики. Весь этотъ гвалтъ произошелъ вслѣдствіе того, что съ этой высоты можно было видѣть внутренность домовъ; а такъ какъ, по мнѣнію мусульманъ, взоръ гяура, проникая въ

[1]) Донесеніе въ императорскомъ военномъ архивѣ въ Вѣнѣ.

ихъ святилища, оскверняетъ ихъ, то они и взбунтовались, чтобы не допустить этого святотатства. Бомбардировка усилилась; о переговорахъ же съ этой высоты нечего было и думать, а потому я вынужденъ былъ отказаться отъ моей работы на этомъ опасномъ пунктѣ.

Укрѣпленія и прочія достопримѣчательности крѣпости я осмотрѣлъ въ первый разъ въ 1860 г. въ сопровожденіи одного итальянскаго военнаго доктора, Гекимъ-Баши-Ромули. Не смотря на самый внимательный осмотръ каменныхъ стѣнъ, валовъ, каменныхъ обложекъ на домахъ и мечетяхъ, нигдѣ, однако, я не могъ открыть никакихъ остатковъ, за исключеніемъ изолированныхъ римскихъ кирпичей и античныхъ осколковъ древняго римскаго Незуса. Напрасно отыскивалъ я основныхъ частицъ славнаго мѣста, давшаго Византіи ея перваго императора, того великаго мужа, который раскололъ римское государство на двѣ части и сдѣлался такимъ образомъ основателемъ Восточной Римской имперіи.

Въ то время и еще за нѣсколько столѣтій предъ тѣмъ Незусъ былъ узломъ, въ которомъ сходилась дарданелло-македонская сѣть дорогъ. Въ немъ соединялись дороги, которыя вели отъ Адріатическаго моря, Дирraхіума и Скодры съ юга изъ Ѳессалоникъ и Константинополя чрезъ Стоби и Сертицу, чрезъ дарданелльскую высокую долину въ Истеръ. Незусъ, родина Константина Великаго, былъ украшенъ имъ богатыми постройками и укрѣпленъ одновременно съ Бѣлградомъ и Землиномъ вождемъ Конст. Анг. Филадельфомъ по приказанію Эммануила Комнена. Здѣсь разбилъ Клавдій II готовъ (268) и блестящею побѣдой спасъ отъ вѣрной погибели осажденный Римъ. 50,000 готовъ легли на валу. Атилла, конечно, разорилъ Незусъ, но Юстиніанъ (Procop. de ædificiis) возстановилъ его подъ именемъ «*Наиссаполя*». Здѣсь Юліанъ Вѣроотступникъ получилъ извѣстіе о смерти своего противника Константина. Чрезъ него проходили крестоносцы подъ предводительствомъ Конрада, и много другихъ великихъ дѣлъ и воспоминаній связывается съ этимъ городомъ, значущимся въ византійскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Незуса и обратившимся позднѣе въ Нишъ и Ниссу.

Не смотря, однакожъ, на это славное прошлое нынѣшняго Ниша, считавшагося однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Мезіи, въ немъ не находили ни подземныхъ построекъ, ни какихъ бы то ни было величественныхъ остатковъ нѣкогда существовавшихъ въ немъ укрѣпленій, площадей, храмовъ, дворцовъ, которыми Константинъ и Юстиніанъ

украшали нѣкогда древній Незусъ. Правда, момзенскій «Corpus» заключаетъ въ себѣ 11 надписей, относящихся къ Нишу (№ 1673—1683); но большая часть изъ нихъ были найдены въ 1553 г. и съ тѣхъ поръ пропали безъ вѣсти. Тотъ римскій надгробный камень, о которомъ упоминаетъ Швейгеръ [1]) въ своемъ «*Путешествіи 1577 г. изъ Германіи въ Константинополь*», другой надгробный камень и верхушка античной колонны на запасномъ дворѣ новаго собора, о которой говоритъ Ганъ въ своемъ «Путешествіи изъ Бѣлграда въ Салоники» [2]), тѣ немногіе античные каменные карнизы предъ порталомъ Гункіаръ-Дшами и въ другихъ мѣстахъ крѣпости, которые были приняты мною за римскіе, составляютъ слишкомъ незначительные остатки прежняго величія Незуса и важны для изслѣдователя только въ томъ отношеніи, что могутъ служить указаніемъ мѣстонахожденія древняго города, да и то не всѣ изъ нихъ, такъ какъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ мною, оказывается, что нѣкоторые были найдены не въ городскомъ округѣ Ниша, а въ селѣ Градище, лежащемъ по другую сторону Моравы. Гдѣ же искать мѣстонахожденія разныхъ зданій, украшавшихъ нѣкогда Незусъ? Самая цитадель находится ли на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилась римская крѣпость, или, быть можетъ, античные остатки исчезли въ подземныхъ работахъ бастіоновъ, мечетей и т. д.?

Во время перваго моего путешествія въ Болгарію (1860) я прибылъ въ главный городъ Нишскаго пашалыка, какъ я уже говорилъ, въ моментъ лихорадочнаго возбужденія турецкаго и болгарскаго народонаселенія. Множество депутацій отъ туземнаго народонаселенія, пришедшія жаловаться великому визирю на притѣсненія, которыя терпѣли ихъ довѣрители, толпились на улицахъ въ своихъ оригинальныхъ, живописныхъ костюмахъ. Турецкіе чиновники, мудиры, греческіе епископы, дефтердары (сборщики податей), тшоры и ходшабаши (управляющіе общинами) и многіе члены меджлиса были вызваны туда же для отвѣтственности за притѣсненія, которымъ подвергались райи. Каждый иностранецъ, не имѣвшій достаточно сильныхъ рекомендацій для огражденія себя отъ всякаго подозрѣнія, рисковалъ въ это время болѣе чѣмъ когда либо подвергнуться не только непріятностямъ, но и опасностямъ, отъ которыхъ,

---

[1]) Соломонъ Швейгеръ: «Путешествіе изъ Германіи въ Константинополь и Іерусалимъ» (Нюрнбергъ, 1613).

[2]) Ганъ и Захъ: «Путешествіе изъ Бѣлграда въ Солоники». Лѣтописи ист. филолог. факульт. Имп. Акад. Наукъ. Т. XI, стр. 14. Вѣна, 1861 г.

по случаю отсутствія въ Нишѣ европейскихъ консуловъ, онъ не совсѣмъ гарантированъ и во всякое другое время, когда нѣтъ никакихъ смутъ. Вслѣдствіе этого я не могъ ничего предпринимать для разрѣшенія интереснаго вопроса, касавшагося моихъ историческихъ и археологическихъ изслѣдованій. Я опасался возбудить, подобно моимъ предшественникамъ, недовѣріе турокъ, подозрительныхъ вообще и въ особенности ненавидящихъ всякихъ изслѣдователей, моими наблюденіями и изслѣдованіями, которыя необходимо должны были начаться съ осмотра крѣпостныхъ работъ. Этого, конечно, было бы слишкомъ достаточно, какъ меня удостовѣряли въ этомъ мои воспоминанія о злополучныхъ приключеніяхъ въ Зворникѣ, на боснійской границѣ, чтобы меня опять приняли за русскаго или сербскаго инженера; а подобное подозрѣніе въ такое смутное время угрожало серьезными опасностями. И подозрѣніе это весьма естественно въ Турціи, такъ какъ, разсуждаетъ турокъ, кого, кромѣ инженера, могутъ интересовать крѣпостныя постройки? Впрочемъ, одно приключеніе, случившееся со мною осенью 1870 года въ томъ же Нишѣ, доказываетъ какъ нельзя лучше основательность моей осторожности въ смутное время моего перваго пребыванія въ этомъ городѣ.

Лишь въ 1864 году, въ мое второе посѣщеніе Ниша, мнѣ удалось, благодаря весьма вліятельнымъ рекомендаціямъ, преодолѣть всѣ препятствія и серьезно изслѣдовать всѣ остатки стараго Незуса. Мои археологическія работы, въ которыхъ мнѣ пригодилось какъ нельзя болѣе мое знаніе мѣстности, были весьма успѣшны по своимъ послѣдствіямъ. Мнѣ посчастливилось послѣ долгихъ изысканій открыть множество весьма интересныхъ античныхъ остатковъ внутри круга, образуемаго нишскою стѣной, а за нею первые монументальные остатки мѣста родины и любимаго города Константина Великаго.

Я началъ мои экскурсіи для изслѣдованія древняго Незуса въ юговосточномъ направленіи, съ поѣздки въ Курвинградъ, который, по моимъ наблюденіямъ, лежитъ значительно южнѣе противъ того, какъ онъ показанъ даже и на новой картѣ Киперта. Дорога туда, въ ближайшихъ окрестностяхъ Ниша, превращаясь въ дурную погоду въ глубокое море грязи, представляетъ страшныя неудобства. Она становится споснѣе лишь пройдя чрезъ болота, находящіяся близъ большаго *бекleме*, сторожеваго дома, расположеннаго съ наружной стороны городскаго вала, и позднѣе, за переваломъ чрезъ возвышенности, на сѣверо-восточной сторонѣ которыхъ находится большая Іени-Кушла (казарма), выстроенная Митхадомъ-

пашей. Тамъ она пролегаетъ отъ Малисте чрезъ долину прямо къ югу и остается хорошею только до новаго каменнаго моста чрезъ Мораву, ведущаго по направленію къ Лесковацу.

По большой сербской картѣ Миленковича (1850) Курвинградъ можно принять за значительный городъ съ укрѣпленіями на обоихъ берегахъ Топлицы у ея впаденія въ Мораву. Въ дѣйствительности же я нашелъ въ немъ только стѣны средневѣковаго замка. Расположенный на одной изъ сѣверо-западныхъ отраслей Сувы Планины, выдвинувшихся къ Мораво-Нишской долинѣ, онъ могъ имѣть нѣкогда важное значеніе, какъ ключъ проходившей здѣсь изъ Ниша въ Лѣсковацкую область дороги. Близъ деревни Клисуры, у самой этой дороги, находится болгарскій уединенный постоялый дворъ, называемый «Курвиганомъ». Отсюда ведетъ чрезъ луга и кучи камней тропинка къ старому бургу. Еще тридцать лѣтъ тому назадъ, рядомъ съ квадратною стѣной, окружавшею его, сохранялся главный порталъ, представлявшій рельефъ, украшенный двумя фигурами. Одинъ, находящійся въ этихъ стѣнахъ, римскій съ надписью камень, который уже Газе призналъ за римскій надгробный памятникъ [1]), попавшій случайно въ стѣну, далъ поводъ приписать постройку бурга римлянамъ, между тѣмъ какъ филологи, обманутые сходствомъ названія Курвина съ именемъ могущественнаго венгерскаго короля Матѳея Корвина, приписывали ее послѣднему.

Если первое предположеніе падаетъ послѣ перваго наблюденія плана Курвинграда и его строительной техники, то второе также уничтожается фактомъ, констатированнымъ новѣйшими историческими изслѣдованіями, а именно тѣмъ, что фактически венгерское владычество надъ Сербіей никогда не распространялось, даже въ царствованіе Матѳея, на продолжительное время на земли, лежащія у впаденія Топлицы въ Мораву. Курвинградъ [2]), который превратился въ развалины вѣроятно уже съ давнихъ временъ, такъ какъ въ исторіи послѣднихъ столѣтій о немъ не упоминается, относится, на сколько можно судить по послѣднимъ изслѣдованіямъ остатковъ, заключающихся въ немъ, къ одному періоду времени и къ разряду тѣхъ феодальныхъ построекъ, къ которымъ относится

---

[1]) По Boué, La Turquie d'Europe. II. 367. Mommsen Corp. Inscr. Lat. № 1864.

[2]) Курвинградъ, находящійся на болгарской Моравѣ, не долженъ быть смѣшиваемъ съ Курвинградомъ и Корвинъ-Куле гр. Марсильи, расположеннымъ на правомъ сербскомъ берегу Дуная, ниже Кладовой.

происхожденіе сербскихъ мѣстечекъ Баньи и Сврлига. Это былъ тотъ періодъ, въ который Сербія была раздѣлена на воеводства, и монархическое правленіе такъ мало ее связывало, что только извнѣ она казалась однимъ, цѣльнымъ государствомъ. Народная традиція приписываетъ основаніе и названіе Курвинграда одной дочери и сестрѣ болгарскаго короля, тѣмъ двумъ принцессамъ, которыя возстановили старые дунайскіе дворцы въ Виддинѣ и Видбалѣ и имѣли любовныя связи съ монахами, находившимися въ монастырѣ, лежащемъ на противоположномъ берегу. На одномъ холмѣ, возвышающемся на краю берега Моравы, противъ развалинъ зàмка, видны еще и нынѣ длинныя стѣны и остовъ монастырской церкви, которая своимъ раннимъ разрушеніемъ обязана, вѣроятно, дурнымъ воспоминаніямъ, жившимъ въ народѣ, о ея служителяхъ-монахахъ.

Площадь курвинградскаго зàмка представляетъ превосходный пунктъ для топографа, такъ какъ съ этой площади видна вся обширная Нишавская долина и терраса на лѣвомъ берегу Моравы, составляющая ея продолженіе. Послѣдняя была уже описана Ганомъ [1]), а потому я ограничился занесеніемъ на мою карту почтовой дороги въ Прокопли прочнаго, перекинутаго чрезъ Мораву близъ Мрамора въ послѣдніе годы моста, чрезъ который она проходитъ, и исправленіемъ на картѣ Гана [2]) положенія нѣкоторыхъ мѣстностей Балаинца, Градища и т. д.

Другую экскурсію я посвятилъ мѣстечку Градище, лежащему на лѣвомъ берегу Нишавы. Верхушка античной колонны, которую въ 1860 г. я видѣлъ на запасномъ дворѣ новаго нишскаго собора, была привезена, какъ мнѣ говорили, изъ этого мѣста. Напрасно искалъ я ее въ 1864 г. на церковномъ дворѣ, гдѣ она прежде валялась подъ разнымъ хламомъ. Въ Турціи еще скорѣе, чѣмъ гдѣ либо, исчезаютъ античные остатки, и, по всей вѣроятности, она была обращена промышленными церковными строителями въ верхушку македо-влахо-византійской колонны. Я надѣялся, осматривая внимательно мѣсто нахожденія этой верхушки, открыть пунктъ, на которомъ могъ быть нѣкогда Медіанъ, мѣсто императорской охоты, находившееся, по словамъ Аміана, на разстояніи трехъ миль отъ Незуса. Почти по прямой линіи къ ЗЮЗ по дорогѣ въ Прокопли, оставляя на правой сторонѣ Медежевцъ и Новосело, прошелъ я Нишскую долину до мѣстечка Мраморъ, лежащаго по другую сторону Моравы. Вверху

---

[1]) Путешествіе изъ Бѣлграда въ Салоники. Стр. 17.

[2]) Именно на самой его картѣ.

этого болгарскаго селенія берега ея соединяются мостомъ на каменныхъ столбахъ устроеннымъ по приказанію Мидхада-паши.

Рядомъ съ этимъ мостомъ на лѣвомъ берегу Моравы возвышается крутая скала Добрица съ ея террасой, имѣющею около $^3/_4$ мили длины, идущею отъ сербской границы съ сѣвера къ югу до устья Топлицы и ограничиваемою съ запада и юга далеко растянутыми низкими отраслями Ястребаца. Воздѣланныя поля и села были отодвинуты отъ ската террасы ближе къ окраинамъ холмовъ, окружающихъ ее, и превосходная почва этой мѣстности покрылась большею частью колючими растеніями; впрочемъ, за воздѣлываніе ея принялись выходцы съ Кавказа. Возлѣ блокгауза, стерегущаго новый мостъ близъ Мрамора, и въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы отъ христіанско-болгарскаго мѣстечка находится первая изъ этихъ черкесскихъ колоній, заключающая въ себѣ до 50 домовъ. По крайней мѣрѣ такое же количество свѣжихъ могилъ явилось на близлежащемъ оттуда кладбищѣ, не болѣе какъ чрезъ нѣсколько недѣль послѣ переселенія туда пришельцевъ съ Кавказа. Много ли ихъ пережило послѣднюю суровую болгарскую зиму? Во всякомъ случаѣ Мраморъ по своему выгодному положенію могъ бы сдѣлаться со временемъ однимъ изъ важнѣйшихъ мѣстечекъ Добрицы. Прежде, вѣроятно, это было Градище. Уже самое его названіе (градъ, зàмокъ) заставляетъ это предполагать. Вѣроятно оно было отрѣзано однимъ изъ ручьевъ, орошающихъ террасу, и нынѣ еще находятся на одномъ изъ холмовъ, отстоящемъ отъ него на нѣсколько минутъ ходьбы, развалины крѣпости средневѣковой постройки, на сколько можно судить по ея плохой архитектурѣ; но, къ несчастію, я не могъ собрать никакихъ свѣдѣній объ ея прошломъ. Вслѣдствіе моихъ настоятельныхъ распросовъ о мѣстѣ, на которомъ была дѣйствительно найдена верхушка колонны, увезенной въ Нишъ, меня привели къ находящемуся за селомъ, между деревьями, фундаменту церкви, постройка которой, повидимому, не была разрушена, а просто оставлена неоконченною. Тутъ я нашелъ на кучѣ булыжника подобную привезенной въ Нишъ верхушку, которая въ пустомъ, окруженномъ деревьями пространствѣ, гдѣ съ давнихъ поръ маленькая община отправляетъ по воскресеньямъ свое богослуженіе, замѣняетъ престолъ. Точно такая же третья верхушка, какъ я позднѣе узналъ, была взята въ Сезаницу-Света-Петка, и всѣ онѣ были найдены въ развалинахъ зàмка. Не смотря на всѣ подробности, придающія античный видъ этимъ верхушкамъ, я сомнѣваюсь въ ихъ римскомъ происхожденіи, а въ особенности въ су-

12*

ществованіи въ этомъ мѣстѣ римскаго поселенія, такъ какъ при всемъ моемъ стараніи я не нашелъ тамъ ни надписей, ни монетъ, ни кирпичей того періода.

На сколько безплодны относительно розысковъ римскихъ остатковъ въ ближайшихъ окрестностяхъ прежняго Незуса были мои экскурсіи въ Курвинградъ и Градище, на столько же безплодною оказалась и моя третья поѣздка, предпринятая съ тою же цѣлью въ восточное предмѣстье, внѣ стѣнъ цитадели, гдѣ, какъ было объявлено, были будто бы найдены недавно остатки древняго храма и гдѣ, однако же, я не нашелъ ничего, кромѣ развалившихся стѣнъ изъ булыжника и плохихъ кирпичей, которые могли принадлежать какому нибудь зданію старой турецкой постройки. Отъ Калиника, греческаго нишскаго архіепископа, изгнаннаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ, получилъ я дальнѣйшія показанія насчетъ римскихъ камней, которые были открыты во время закладки фундамента новой казармы («Іени-Кушла»), на дворѣ которой я нашелъ только два стержня колонокъ, каждый въ $5^1/_2{}'$ длиною. Относительно находки двухъ открытыхъ тамъ камней, по удостовѣренію архіепископа, съ надписями одинаковаго содержанія, всѣ старанія остались напрасными вслѣдствіе розысковъ, произведенныхъ по распоряженію каймакама.

И такъ мнѣ оставалось только искать остатковъ стараго Незуса еще по направленію горячихъ ключей Баньи. Сначала я думалъ соединить эту поѣздку съ продолженіемъ моего путешествія въ направленіи къ Пироту (Саркой), но различныя свѣдѣнія, собранныя мною относительно этой территоріи, заставили меня придпринять нарочное путешествіе для изслѣдованія ея. Слѣдуя нѣкоторымъ указаніямъ, полученнымъ мною, я свернулъ съ почтовой дороги влѣво близъ «Келе-Калесси» (черепова башня). Въ разстояніи $^3/_4$ часа ѣзды отъ Ниша, на одной возвышенности близъ церковнаго двора села Брзиброда, я нашелъ матеріалы несомнѣнно римскіе, въ томъ числѣ безчисленное множество крышекъ съ загнутыми краями, они были разбросаны по всему болгарскому кладбищу и на окраинахъ прилегавшихъ къ нему полей. Обрадованный этимъ первымъ открытіемъ, я отправился въ одно село, расположенное на берегу Нишавы и находящееся отъ Брзиброда на разстояніи $^1/_2$ часа ѣзды, чтобы разузнать отъ тамошнихъ обывателей, не было ли тамъ сдѣлано какихъ нибудь открытій римскихъ остатковъ. Мнѣ пришлось, какъ и всегда, встрѣтить страшное недовѣріе со стороны христіанскаго народонаселенія, вѣчно боящагося Богъ знаетъ чего. Не добившись ни

отъ кого никакихъ свѣдѣній, я возвратился къ оставленному мною орудію и принялся за розыски кирпичей и слѣдовъ стѣнъ, которые привели меня наконецъ къ первому до настоящаго времени открытому памятнику стараго Незуса. Я нашелъ его на полдорогѣ отъ моей находки къ большой константинопольской дорогѣ.

Посреди маисовыхъ полей, подъ мусоромъ и развалинами я нашелъ фундаментъ осьмиугольнаго строенія, объ античномъ происхожденіи котораго ясно свидѣтельствовали какъ его превосходная строительная техника, такъ и прекрасная выдѣлка его матеріаловъ, кирпичей длиною въ 0,40 м. и шириною въ 0,20 м., мрамора и известковаго раствора, связывающаго ихъ. Очистивъ внутреннее, кругообразной формы, пространство, имѣющее въ діаметрѣ 8,54 м., отъ толстаго слоя щебня, покрывавшаго его, я увидѣлъ предъ собой изломанный мозаиковый полъ, котораго выкладка въ перемежку изъ темно-коричневыхъ и бѣлыхъ камешковъ и полосъ, служившихъ украшеніемъ, доказывала строгую точность размѣровъ. Изъ архитектурныхъ декорацій постройки я нашелъ лишь куски карнизныхъ вѣнковъ съ зубцами, образованными изъ деревянныхъ гвоздей шириною въ 0,05 м. Снаружи строеніе это было, вѣроятно, обложено мраморными плитами, обломки которыхъ покрываютъ все это мѣсто. Также круглая постройка съ менѣе толстыми стѣнами и не столь искусная въ техническомъ отношеніи (9,48 м. внутренняго діаметра) примыкаетъ къ осьмиугольнику съ двухъ сторонъ. На основаніи тѣхъ немногихъ точекъ опоры, которыя представляетъ фундаментъ великолѣпнаго маленькаго строенія, трудно опредѣлить его назначеніе. Я не желаю вдаваться въ гипотезы, не имѣющія твердаго основанія, но долженъ замѣтить, что эта постройка очень близко подходитъ къ той крестильницѣ первыхъ христіанскихъ временъ, которая была открыта докторомъ Карарой въ Солоньѣ, въ Далмаціи.

Во время моего новаго путешествія по Болгаріи я заѣхалъ опять въ Нишъ 17 октября 1870 г., съ тѣмъ чтобы продолжать мои раскопки въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ я ихъ производилъ въ 1864 г., такъ какъ тогда онѣ были прерваны наступленіемъ суровой зимы.

Нигдѣ не управляетъ фатумъ участью людей съ такимъ насиліемъ, какъ въ Турціи! Мои топографическія занятія въ окрестностяхъ Пирота возбудили противъ меня такія сильныя подозрѣнія, что мудиръ округа этого города счелъ своимъ долгомъ донести обо мнѣ по телеграфу ниш-

скому пашѣ, какъ объ опасномъ для государства иностранцѣ. Уже на дорогѣ я былъ взятъ жандармами и отведенъ подъ конвоемъ въ ганъ. Тамъ весь мой багажъ былъ осмотрѣнъ полицейскимъ префектомъ, всѣ мои книги, карты и рукописи были конфискованы, а самъ я былъ приглашенъ для допроса къ пашѣ Абдуръ-Рахману. Нельзя сказать, чтобы это свиданіе имѣло удовлетворительные результаты. Не смотря на мое страстное желаніе продолжать археологическія работы, начатыя мною въ 1864 г., я не могъ этого сдѣлать; паша въ этомъ отношеніи оказался неумолимымъ: подъ ничтожнымъ предлогомъ, весьма вѣжливо, но тѣмъ не менѣе рѣшительно онъ отказалъ мнѣ въ дозволеніи производить ихъ, и въ дополненіе полицейскіе агенты не спускали съ меня глазъ во все время моего недолгаго пребыванія въ Нишѣ. Видя изъ всего этого, что единственная цѣль, для которой я пріѣхалъ въ этотъ городъ, почти недостижима, и къ тому же узнавъ еще, что самые странные слухи стали распространяться на мой счетъ, я рѣшился уѣхать немедленно. Надѣюсь однако, что извѣстіе о тѣхъ немногихъ археологическихъ находкахъ, которыя мнѣ удалось сдѣлать и которыхъ напрасно искали многіе путешественники, будетъ принято съ удовольствіемъ большинствомъ историкоиспытателей и археологовъ, такъ какъ открытіе римскихъ стѣнъ и остатковъ близъ Брзиброда великолѣпныхъ, византійскихъ по всей вѣроятности, построекъ подтверждаетъ предположеніе, основывавшееся до сихъ поръ лишь на преданіяхъ, что Незусъ римлянъ и Низусъ византійцевъ находился на мѣстѣ нынѣшняго Ниша или по крайней мѣрѣ по близости отъ него, а также и сообщенія древнихъ историковъ объ украшеніи Константиномъ Великимъ своего родимаго города великолѣпными зданіями и о возобновленіи его Юстиніаномъ послѣ разгрома Незуса Атиллой. Желаю отъ души, чтобы сообщенными мною здѣсь свѣдѣніями воспользовались другіе и, продолжая при болѣе благопріятныхъ условіяхъ изслѣдованія, начатыя мною въ Нишѣ, пришли къ открытіямъ полезнымъ для науки.

Положеніе Ниша имѣетъ весьма важное стратегическое значеніе для Турціи. Онъ загораживаетъ враждебнымъ сербамъ входъ во внутренность Мезіи и въ то же время, опираясь на воинственное албанское народонаселеніе, находящееся въ непосредственной близи отъ него, грозитъ погромомъ болгарамъ, всегда склоннымъ къ возстанію. Съ другой стороны, Нишъ образуетъ укрѣпленный лагерь, изъ котораго турки, какъ это часто бывало во время сербскихъ войнъ за независимость и преж-

нихъ войнъ съ Австріей, легко могутъ выступать. Ничто не можетъ задерживать серьезно ихъ хода вдоль берега болгарской Моравы, такъ какъ Алексинацкій и Княжевацкій округи представляютъ весьма мало удобныхъ для защиты пунктовъ.

Во времена перваго вторженія турокъ въ южную Европу, завоеваніе Ниша султаномъ Амурадомъ въ 1375 г. рѣшило участь независимаго до тѣхъ поръ сербскаго государства. Послѣ 25-дневнаго занятія его, непріятель, подъ предводительствомъ Яхши-бега, сына Тимурташа, сдѣлалъ грозное нападеніе на Сербію — и она пала. Князь Лазарь долженъ былъ заключить миръ на тяжкихъ условіяхъ ежегодной дани— 1000 фунтовъ серебра; болгарскій же король Шишманъ долженъ былъ, вмѣсто подати, принести султану въ жертву свою дочь [1]). Князь Лазарь остался данникомъ турецкаго султана, и Коссовская катастрофа (1389) только довершила паденіе этого несчастнаго сербскаго князя и его государства. Занятіе Ниша Гуніядомъ (1443), послѣ блестящей побѣды, одержанной надъ турками 3 ноября, когда ихъ пало 2,000 человѣкъ на полѣ сраженія и 4,000 человѣкъ были взяты въ плѣнъ, было лишь временное, и со времени пораженія Гуніяда при Варнѣ (1444) до 1689 г. христіане никогда не показывались предъ стѣнами крѣпости. Въ этомъ году турецкій великій визирь собралъ, послѣ чувствительной потери людей при Бѣлградѣ и пораженія при сербской Баточинѣ (30 августа 1689), свое раздробленное войско подъ стѣнами Ниша, гдѣ, получивъ подкрѣпленія, увеличилъ опять свою армію до 40,000 человѣкъ и снабдилъ ее вновь вооруженнымъ артиллерійскимъ паркомъ. По большой военной дорогѣ, проложенной чрезъ Сербію римлянами, медленно шелъ, по его слѣдамъ, чрезъ Ягодину, Чупрію, Парачинъ и Алексинацъ, побѣдоносный императорскій главный штабъ. 23 сентября, предъ стѣнами Ниша, этимъ послѣднимъ турецкимъ убѣжищемъ въ болгарской Моравской долинѣ [2]), явился маркграфъ Баденскій съ 17,000 арміей. Онъ нашелъ непріятельскую армію выстроенною въ боевомъ порядкѣ на выгодной позиціи; немедленно давъ приказаніе своимъ войскамъ окружить ее, онъ напалъ на нее съ тыла, остававшагося неприкрытымъ. Лѣвое

[1]) Энгель утверждаетъ, что Гаммеръ ошибается въ опредѣленіи времени завоеванія и замужества болгарской принцессы: что первое событіе онъ обозначаетъ позже на 13 лѣтъ, а второе ранѣе на 13.

[2]) Въ соч. Гвидо Штаремберга, обработанныхъ по современнымъ источникамъ Арнеѳомъ, его біографомъ, изложено подробно въ гл. 2—8 исторія этого похода.

императорское крыло разстроилось на одну минуту подъ горячимъ нападеніемъ спаговъ, но скоро явились ему на помощь императорскіе кирасиры и порядокъ на этомъ пунктѣ возстановился; нѣмецкая же пѣхота съ геройскимъ мужествомъ аттаковала высоты Войника (Военная гора), между тѣмъ какъ Гвидо Штарембергъ съ своею пѣхотой отбросилъ назадъ турецкую кавалерію. Спаги, приведенные въ замѣшательство удачно разсчитанными аттаками маркграфа, гонимые сераскиромъ непрерывнымъ картечнымъ огнемъ прямо навстрѣчу императорскимъ войскамъ, разорвали наконецъ ряды турецкихъ линій. Христіанскія войска воспользовались этимъ моментомъ замѣшательства и смущенія въ непріятельской арміи, вломились, подъ прикрытіемъ своей артиллеріи, сомкнутыми массами въ образовавшіеся въ ней промежутки и, оттѣснивъ ее къ своимъ шанцамъ, загнали въ Нишаву, высоко вздувшіяся волны которой поглотили все, что хотѣло спастись отъ рѣзни побѣдоносныхъ преслѣдователей. 10,000 турокъ легло на городскомъ валу. Весь турецкій лагерь, со многими запасами, тридцатью тяжелыми орудіями и 3,000 лошадей, сдѣлался добычей побѣдителей, и Нишъ былъ призомъ великой побѣды. Вмѣстѣ съ нимъ досталась императору вся Дунайская область до Никополя.

Къ концу того же года, ознаменованнаго однимъ изъ самыхъ славныхъ походовъ Австріи противъ Турціи, императорская армія потерпѣла рядъ неудачъ, вслѣдствіе которыхъ Австрія утратила въ слѣдующемъ же году всѣ завоеванныя ею земли.

Въ кампанію, открытую турками въ 1690 г. съ сильнымъ, хорошо вооруженнымъ войскомъ, защита Ниша была поручена главнокомандующему императорскими войсками, храброму ветерану Штарембергу, замѣнившему находившагося тамъ прежде императорскаго коменданта графа Пальфа. Дѣло, возложенное на Штаремберга, было нелегкое. Онъ долженъ былъ защищать пунктъ съ 3,000 людей противъ шестидесятитысячной арміи. На приглашеніе непріятеля сдаться (6 августа) Штарембергъ отвѣчалъ, что «онъ турецкаго языка не понимаетъ, а потому ни въ какіе переговоры съ осаждающими входить не можетъ».

Осадныя работы открылись съ большимъ знаніемъ дѣла,—знаніемъ, которое не свойственно обыкновенно туркамъ, и помощь христіанскаго короля Франціи сынамъ ислама противъ христіанской Австріи,—помощь, вызванная завистью къ послѣдней,—дала себя скоро почувствовать Штарембергу. 18 августа императорскія войска предприняли вылазку, а 27-го

было получено неутѣшительное извѣстіе отъ маркграфа, писавшаго изъ главнаго штаба, расположеннаго въ Ягодинѣ, что, будучи вынужденъ сосредоточить всѣ свои войска для защиты Венгріи и Трансильваніи, обѣщать подкрѣпленія онъ не можетъ и что Штарембергъ долженъ ограничиться своими силами и защищать крѣпость до тѣхъ поръ, пока не будетъ угрожать явная гибель этимъ силамъ. Для осажденнныхъ не осталось тайной, что императорскія войска были сильно стѣснены на Дунаѣ и въ Трансильваніи. 27 августа турки праздновали тремя залпами и водруженіемъ подъ крѣпостными пушками 24 императорскихъ знаменъ, взятыхъ при Тогони, свою побѣду надъ Гейслеромъ и его взятіе въ плѣнъ. Не смотря на это, Штарембергъ, поддерживая въ солдатахъ надежду на скорое освобожденіе отъ осады, защищалъ цитадель до 9-го сентября, и лишь въ этотъ день, по окончаніи подкопа главнаго больверка и когда уже невозможно было долѣе скрывать отъ осажденныхъ положенія дѣлъ, онъ сдалъ наконецъ крѣпость.

Въ силу заключенной капитуляціи, послѣдніе должны были выйти съ распущенными знаменами, оружіемъ и всѣмъ своимъ багажемъ и быть доставлены въ ближайшее занятое императорскими войсками мѣсто; но, не смотря на эти письменныя условія, побѣдители отнимали у своихъ храбрыхъ побѣжденныхъ противниковъ оружіе и не пощадили самого Штаремберга, у котораго вырвали изъ-за пояса пистолеты. Несчастные защитники Ниша должны были во время своего похода защищаться дубинами отъ нападеній татаръ и другихъ турецкихъ хищниковъ. Лишь 22 сентября достигъ Штарембергъ съ остатками своего отряда бѣлградскихъ стѣнъ.

Въ одномъ изъ писемъ маркграфа къ императору, писанныхъ въ Оклау 28 октября 1690 г. (Röder II, Urkunden S. 323), о Нишѣ высказано слѣдующее мнѣніе: «Столь незначительный, дурно скрытый, плохо, непропорціонально устроенный окопъ»,—что и выставляется, какъ причина его скораго паденія.

Достославное завоеваніе Бѣлграда принцемъ Евгеніемъ могло бы доставить Австріи, при заключеніи Карловицкаго мира въ 1699 г., владѣніе Нишемъ, если бы самъ принцъ не отсовѣтовалъ императору требовать отъ униженныхъ турокъ Ниша и Виддина, какъ пограничныхъ крѣпостей, такъ какъ, по мнѣнію принца, содержаніе ихъ, при ихъ отдаленности, было бы связано съ жертвами, несоразмѣрными съ выгодами владѣнія ими.

Въ возобновившуюся войну Австріи противъ Турціи первымъ славнымъ подвигомъ императорскихъ войскъ было быстрое взятіе Ниша (1737) [1]. Съ чрезвычайною осторожностью, не производя никакихъ безпорядковъ на пути, пробралась австрійская армія чрезъ Сербію къ берегамъ Моравы, чтобы приблизиться къ Нишу. Изъ служебныхъ донесеній видно, что, въ виду пріобрѣтенія расположенія туземнаго народонаселенія, интересы его оберегались самымъ заботливымъ образомъ: войска проходили вездѣ мирно и спокойно, не нанося ни малѣйшаго ущерба имуществу и достоянію обывателей, не пользуясь даже ихъ плодами [2]. Съ 6 кавалерійскими полками, 500 гусарами и 2,000 гренадерами растянулъ графъ Филипи, въ сопровожденіи герцога Лотарингскаго, свой лагерь предъ Нишемъ. 24 іюля вступилъ въ него маршалъ Секендорфъ и вслѣдъ затѣмъ было послано турецкому коменданту предложеніе сдать цитадель. Послѣдній, въ отвѣтъ на это, просилъ дать ему двадцать дней срока для увѣдомленія о своемъ положеніи падишаха; но Филипи далъ ему только 24 часа на размышленіе и угрожалъ нападеніемъ и самымъ жестокимъ обращеніемъ съ гарнизономъ, если по истеченіи этого срока Нишъ не будетъ сданъ. Дѣйствительно, по истеченіи означеннаго времени, императорскія войска начали приводить въ исполненіе свою угрозу рядомъ пушечныхъ выстрѣловъ, направленныхъ противъ валовъ. Впрочемъ, эта канонада была скорѣе демонстраціей, чѣмъ правильнымъ бомбардированіемъ, такъ какъ чрезъ архіепископа было получено въ императорскомъ лагерѣ извѣстіе, что болѣе 2,000 человѣкъ изъ гарнизона и всѣ жители сообща желаютъ сдачи цитадели, которая отсрочивается лишь страшными янычарами, находящимися въ крѣпости въ количествѣ 600 человѣкъ. Между тѣмъ 27 іюля все императорское войско по дорогѣ чрезъ Чупрію, Шупеланъ (Шупелакъ), Ражаны и Алексинацъ подошло къ Нишу. Переговоры объ условіяхъ сдачи приняли лучшій оборотъ подъ впечатлѣніемъ усиливавшагося съ каждымъ днемъ могущества императорскихъ войскъ, и 28 іюля капитуляція Ниша была рѣшена. Семь турецкихъ офицеровъ передали ключи отъ трехъ воротъ крѣпости и магазиновъ Секендорфу и герцогу Лотарингскому. 600 гренадеровъ, подъ командой генерала Тюнгена, заняли ворота, и 3 августа городъ былъ очищенъ. На 2000 фурахъ и 200 лошадяхъ ѣхалъ конвой, провожавшій въ Софію мусульманское народонаселеніе Ниша, могу-

[1]) Шметау. Секретные мемуары.

[2]) Опытъ жизнеописанія графа Ф. М. фонъ-Секендорфа и т. д.

чее, сильное, состоявшее изъ 20,000 душъ и отправлявшееся со всѣмъ своимъ имуществомъ. 135 металлическихъ пушекъ и 50 мортиръ достались въ добычу императорскимъ войскамъ. Всѣ крѣпостныя работы были, однако же, въ самомъ плохомъ состояніи. Онѣ вполнѣ соотвѣтствовали описанію графа Вирмонда, императорскаго посла, передавшаго въ конфиденціальномъ донесеніи императору военныя наблюденія, сдѣланныя имъ во время его путешествія въ Константинополь въ 1719 г. Гр. Вирмондъ въ одномъ письмѣ принцу Евгенію Савойскому писалъ насчетъ средствъ защиты Ниша слѣдующее: «При имѣющейся въ настоящее время защитѣ въ городѣ и по открытіи траншей внутри его, онъ можетъ быть взятъ въ 14 дней». Графъ Шметау даетъ слѣдующее описаніе цитадели на страницѣ 31 своихъ секретныхъ мемуаровъ, цитированныхъ нами нѣсколько разъ: «Les ouvrages et fortifications de Nissa sont faites de maçonnerie et a fossé sec et miné. La rivière de Nissa qui passe sous les murs de la ville est assez profonde pour n'être point passée à pied» (Работы и укрѣпленія Ниша каменныя, рвы сухіе и съ подкопами. Рѣка, протекающая подъ городскими стѣнами, довольно глубока и пройти чрезъ нея въ бродъ нельзя). Секендорфъ рѣшилъ улучшить укрѣпленія города.

Въ Вѣнѣ, какъ и въ императорскомъ лагерѣ, взятіе безъ кровопролитія Ниша было отпраздновано съ большимъ торжествомъ. Императоръ Карлъ VI велѣлъ обратить одну изъ мечетей въ христіанскую церковь [1]). Въ лагерѣ былъ отслуженъ торжественный молебенъ, и герцогъ Лотарингскій далъ обѣдъ для всѣхъ генераловъ и всѣхъ штабныхъ офицеровъ, а для войскъ былъ назначенъ парадъ, въ заключеніе котораго было сдѣлано три пушечныхъ выстрѣла.

Послѣ этого въ теченіе долгаго времени Нишъ былъ центральнымъ пунктомъ австрійскихъ операцій противъ Ѳракіи и Македоніи. Одинъ сербскій отрядъ волонтеровъ проникъ изъ Ниша къ Пироту (Саркой),

---

[1]) Недалеко отъ христіанскаго квартала въ Нишѣ находятся развалины одной мечети, которая несомнѣнно была нѣкогда христіанскою церковью. Подъ бѣлою штукатуркою я нашелъ старые фрески, а сѣдалище имама было очевидно вдѣлано лишь позднѣе въ углубленіе алтаря. Весьма вѣроятно, что это та самая мечеть, которая императорскими войсками была обращена въ церковь, послѣ чего она могла быть вторично преобразована турками въ мечеть и позднѣе, когда они удалились изъ этой части города, заброшена или разрушена во время одного изъ сраженій сербовъ за независимость. Въ 1863 году эта развалина была реставрирована въ мечеть для турецкихъ эмигрантовъ изъ Бѣлграда.

взялъ замокъ и изрубилъ гарнизонъ, находившійся тамъ. Вслѣдъ затѣмъ императорскія войска заняли эту мѣстность и наложили большую контрибуцію на страну.

Комендантомъ Ниша сначала былъ сдѣланъ генералъ Лейтрумъ, въ распоряженіе котораго было оставлено пять баталіоновъ, составлявшихъ гарнизонъ цитадели; преемникомъ Лейтрума, уволеннаго по болѣзни, былъ генералъ Дохатъ. 9-го августа, вслѣдствіе открывшагося падежа между лошадьми, лагерь былъ перенесенъ въ Митровски (?). 8-го сентября Шметау вышелъ также изъ Ниша съ пѣхотою. Онъ отправился по дорогѣ вдоль болгарской Моравы, перешелъ черезъ нея близъ Джунизкарджеки и 10 сентября вступилъ въ Крушевацъ. Тамъ также лагерь оставался недолго, вслѣдствіе недостатка воды, и былъ перенесенъ къ Тржтенику, лежащему къ сѣверо-западу отъ сербской Моравы, гдѣ онъ встрѣтилъ многочисленныя турецкія орды, проникавшія съ боснійской границы.

Секендорфъ потерялъ много дорогаго времени совершенно напрасно. Турки, которые, воспользовавшись этимъ бездѣйствіемъ императорскихъ войскъ для вооруженія своихъ войскъ, перешли изъ оборонительнаго въ наступательное положеніе въ половинѣ сентября мѣсяца и въ концѣ его явились въ ближайшихъ окрестностяхъ Ниша. Пиротъ сдался имъ послѣ того, какъ Бадайовскій шанцъ близъ Софіи былъ оставленъ безъ защиты. Войска, занимавшія Пиротъ, старались проникнуть въ Нишъ; но и тамъ господствовали страшное смущеніе и упадокъ духа. Напрасно жаловался Дохатъ военнымъ начальникамъ, находившимся въ лагерѣ въ Пожегѣ и смотрѣвшимъ безучастно на приближавшуюся грозу, насчетъ недостатка провіанта и аммуниціи,—жалобы его оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Точно такъ же, какъ и императорскіе коменданты въ Новомъ Базарѣ, на Савѣ и Дринѣ, не могъ онъ защищать несчастныхъ райевъ, которыхъ, въ наказаніе за присоединеніе ихъ къ императорскимъ войскамъ, мусульмане избивали, мучили и терзали. Пиротъ, Мустафапаша-Паланка на югѣ, Гурговацъ (Княжевацъ), важное ущелье Тимока «Пасо-Огусто» и Паланка Баньи, лежащія позади Ниша, находились въ рукахъ турокъ. 11-го октября явился наконецъ Али-паша съ 20-тысячнымъ войскомъ предъ Нишемъ, этимъ послѣднимъ императорскимъ больверкомъ на югѣ Сербіи, и потребовалъ его сдачи. Дохатъ потребовалъ 15 дней для того, чтобы получить приказаніе Секендорфа. Когда срокъ прошелъ и приказанія не были получены, генералъ подалъ надежду туркамъ, что онъ сдастъ крѣпость, если для соблюденія формальности они окружатъ ее. Паша отвѣтилъ на это, что крѣпость будетъ окружена че-

резъ 3 дня арміею въ 150 тысячъ. 15 ч. паша сообщилъ Дохату, что его требованіе исполненно: 80 тысячъ человѣкъ находятся предъ стѣнами крѣпости, и онъ можетъ принять капитуляцію.

Дохатъ собралъ для формы военный совѣтъ, которому объявилъ, что провизіи у нихъ, конечно, хватитъ на 6 недѣль, но что колодцы находятся въ плохомъ состояніи и очень скоро должны изсякнуть. «Конечно, говорилъ генералъ, военная честь требуетъ защиты мѣста; но вѣдь и сохраненіе храбраго гарнизона также весьма важно». Затѣмъ онъ увѣрялъ, что на подкрѣпленія со стороны Кавенгюллера или находящагося еще далѣе Секендорфа разсчитывать нельзя, и потому онъ сильно опасается, что крѣпость не выдержитъ перваго штурма, и тогда осажденнымъ останется только отдаться на произволъ противника.

Послѣ такой рѣчи, сказанной начальникомъ, всѣ офицеры согласились на капитуляцію, которая и была заключена со всѣми формальностями 18 сентября. Въ первой статьѣ ея значилось, что Нишъ будетъ сданъ туркамъ на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, на которыхъ онъ былъ занятъ императорскими войсками 25-го іюля. Кромѣ того, въ этомъ договорѣ было сказано, что гарнизонъ, который долженъ быть отведенъ подъ конвоемъ въ Бѣлградъ и остающіеся тамъ сербы-райи, а также архіепископъ печковскій (Ипекъ), бѣжавшіе въ Нишъ, должны оставаться неприкосновенными въ своей жизни и собственности. Всѣ пункты капитуляціи были выполнены турками, и Нишъ, доставшійся имъ безъ единаго пушечнаго выстрѣла, остался въ ихъ рукахъ.

Къ счастью, не много примѣровъ такихъ позорныхъ капитуляцій встрѣчается въ военной австрійской исторіи, заключающей въ себѣ столько славныхъ страницъ. Немедленно по заключеніи постыднаго договора надъ Дохатомъ былъ произведенъ строгій судъ. Вскорѣ по его пріѣздѣ въ Бѣлградъ, по приказанію императора, собрался военный совѣтъ для произнесенія надъ нимъ приговора, который состоялся очень скоро и былъ отправленъ на утвержденіе императору въ Вѣну, откуда былъ возвращенъ въ февралѣ мѣсяцѣ, скрѣпленный императорскою подписью. Дохатъ былъ приговоренъ къ лишенію правъ состоянія и обезглавленію палачемъ. Въ томъ же приговорѣ была рѣшена участь членовъ его военнаго совѣта. Полковникъ Гумброхтъ былъ приговоренъ къ увольненію отъ службы съ позоромъ, поручикъ Ринау и маіоръ Бутлеръ къ простому увольненію, а всѣ прочіе офицеры гарнизона къ заключенію въ тюрьму въ кандалахъ и къ лишенію третьей части содержанія для уплаты военно-судебныхъ издержекъ.

Со времени этого послѣдняго завоеванія Ниша мусульманами турецкое иго непрерывно тяготѣло надъ райями. Когда въ началѣ настоящаго столѣтія возгорѣлась сербская война за независимость, побѣдоносные отряды Карагеоргіевича старались всѣми силами освободить свою страну и сосѣднія съ нею области. Въ 1809 году подъ стѣнами Ниша явился князь Стефанъ Сингеличъ со своимъ народомъ. Вблизи горы Войника, покрытой нынѣ виноградниками и лежащей къ сѣверу отъ крѣпости на разстояніи 15 минутъ ходьбы, онъ окружилъ себя шанцами. Товарищъ его по оружію, Милой, не явился къ нему на помощь, и, оставленный одинъ, онъ не могъ устоять противъ военныхъ турецкихъ силъ, напавшихъ на него. Рвы скоро наполнились трупами его храбрыхъ воиновъ, и по этимъ трупамъ непріятель ворвался въ шанцъ. Сингеличъ, видя, что онъ не можетъ долѣе удержать укрѣпленія, воздвигнутаго имъ, и не желая попасть ни живымъ, ни мертвымъ въ руки своихъ смертельныхъ враговъ, рѣшился покончить смертью, достойною сербскаго героя, и взорвалъ укрѣпленія на воздухъ вмѣстѣ съ друзьями и врагами [1]).

Изъ череповъ этихъ славныхъ сербовъ, которые предпочли смерть рабству, турки соорудили ужасную Череповую башню, возвышающуюся въ видѣ побѣдоноснаго трофея на дорогѣ въ Константинополь. Когда въ 1860 году я осматривалъ этотъ трофей въ сопровожденіи Баши-Ромули при лунномъ свѣтѣ, то стѣны его, хотя значительно понизившіяся въ теченіе 50 лѣтъ, представляли все-еще 16 рядовъ съ мѣстами для 16-ти череповъ каждый, т. е. представлявшіе съ четырехъ сторонъ 1024 черепа. Но и въ этихъ 16 рядахъ ихъ почти не оставалось болѣе. Болгарское народонаселеніе вынимало ихъ по ночамъ мало по малу изъ стѣнъ и зарывало въ священную землю. Ставши на плечи доктора, я вскарабкался на верхніе ряды и вытащилъ послѣднія остававшіяся въ нихъ реликвіи, чтобы сохранить для воспоминанія о самоотверженности сербскихъ героевъ.

Въ 1864 и 1870 годахъ я увидалъ опять Череповую башню. Ея остовъ мало измѣнился. Долго ли еще сохранится въ Европѣ этотъ варварскій памятникъ, позорящій представителей ея великихъ державъ, которые, проѣзжая по этой дорогѣ, не могутъ не видѣть ея? Не разрушится ли она наконецъ для того, чтобы уступить мѣсто цивилизаторскимъ постройкамъ желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ, по всей вѣроятности, бѣлградъ-салоникская линія будетъ проведена въ разстояніи весьма близкомъ отъ нея.

---

[1]) Ранке. «Сербская Революція». Берлинъ, 1844.

II.

Археологическо-географическія изслѣдованія между Нишемъ и Пиротомъ.

Стратегическое значеніе дороги черезъ Балканы между Нишавой и Дунаемъ.— Измѣнившіяся торговыя сношенія между Бѣлградомъ, Алексинацемъ, Нишемъ и Ломомъ.—Наши карты и константинопольская дорога.—Купальни Баньи и его развалины. — Медіанумъ. — Окончаніе великой Нишской равнины у Махмудъпаса-Ханъ.—Нишавское узкое ущелье.—Сува-Планина.—Происхожденіе названія Стары-Планины и ея дѣйствительное орографическое значеніе.—Замѣтки графа Вирмонда насчетъ стратегическаго значенія ущелья Плоцы.—Теченіе Нишавы съ в. на западъ.—Мустафа-паша-Паланка.—Убѣжище возставшихъ болгаръ въ 1841 г.—Укрѣпленія.—Римская надпись.—Ремизіана.—Цыганское ущелье.—Бѣлава-Планина. — Опредѣленіе мѣстности русскими и австрійцами.—Пиротъ и его замокъ.—Мнѣнія объ его стратегическомъ значеніи.—Христіанскій кварталъ.—Новая церковь.—Старо-болгарскій надгробный памятникъ.—Послѣдніе епископы пиротскіе.

Во всѣхъ описанныхъ выше войнахъ мы замѣтили, что событія на Нишавѣ находились въ тѣсной связи съ событіями на Тимокѣ и Дунаѣ. Поэтому, какъ 1800 лѣтъ тому назадъ, при римлянахъ, или въ австрійско-турецкую кампанію, или въ сербскую войну за независимость, такъ и въ настоящее время является крайняя необходимость соединить короткимъ, безопаснымъ путемъ бассейны Нишавы и Дуная. Когда Порта въ 1862 г. двинулась противъ возставшей Сербіи, то, за исключеніемъ естественной дороги, соединявшей Нишъ съ Виддиномъ и тянувшейся вдоль берега сербскаго Тимока на сербской территоріи, другихъ путей сообщенія совсѣмъ не существовало. Обстоятельство это крайне затруднило передвиженіе турецкихъ войскъ и въ то же время вызвало необходимость проведенія новаго пути.

Лишь въ 1863 г. турецкое правительство дѣятельно принялось за исполненіе этого намѣренія, какъ со стороны Ниша, такъ и Виддина, и осенью того же года энергичный нишскій губернаторъ Мидхадъ-паша открылъ сообщеніе на всемъ пространствѣ Нишскаго пашалыка. Къ проложенію же дороги со стороны Виддина представило большія затрудненія скалистое ущелье въ Столовыхъ горахъ, находящееся на дорогѣ въ Бѣлградчикъ. Въ настоящее время, впрочемъ, вся дорога окончена. Линія ея тянется отъ Ниша черезъ высоты Сувы-Планины къ долинѣ рѣки Нишавы, черезъ которую она проходитъ у Акъ-Паланки, и направляется затѣмъ къ источникамъ Трговицкаго Тимока и предгоріямъ Ходжи-Бал-

кана. Миновавъ послѣднія посредствомъ горнаго прохода Святаго Николая, она спускается къ источникамъ Лома и при мѣстечкѣ Фальковцахъ образуетъ двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна, слѣдуя теченію рѣки Лома, проходитъ черезъ важный торговый городъ Ломъ-Паланку на Дунаѣ, а другая черезъ Бѣлградчикъ ведетъ къ крѣпости Виддину. Проведеніемъ этого почтоваго и проѣзжаго тракта турецкое правительство заслужило себѣ вѣчную благодарность отъ всѣхъ. Но хотя и нельзя сомнѣваться въ томъ, что, по миновапіи важныхъ причинъ, побудившихъ Порту къ проложенію новаго пути, пассажирскіе и товарные транспорты примутъ снова прежнее направленіе, т. е. черезъ Сербію, то, тѣмъ не менѣе, транзитная торговля послѣдней и пошлинный сборъ ея потерпѣли значительный ущербъ, не говоря уже о потеряхъ въ стратегическомъ отношеніи. Вообще съ проведеніемъ новаго тракта Бѣлградъ и Алексинацъ на столько же утратили свое значеніе торговыхъ и укрѣпленныхъ пунктовъ, на сколько въ этомъ отношеніи выиграли Ломъ-Паланка и Нишъ.

Важное значеніе Ниша въ торговомъ и политическомъ отношеніяхъ, какъ будущаго центральнаго пункта Бѣлградско-Салоникской и Бѣлградско-Константинопольской желѣзнодорожныхъ линій, не представляетъ нынѣ никакого сомнѣнія. Я уже подробно трактовалъ объ этомъ въ статьѣ «Serbien» и кромѣ того еще ранѣе старался доказать важность этого пункта въ стратегическомъ отношеніи, существовавшую съ самыхъ древнихъ временъ и по настоящее время; но чтобы прослѣдить вполнѣ послѣдовательно всѣ событія изъ исторіи Ниша и его территоріи, способствовавшія пріобрѣтенію имъ въ прошедшемъ и будущемъ важнаго значенія, то для этого необходимо имѣть подъ руками точныя и вѣрныя карты, а въ этомъ-то, къ несчастію, и чувствуется крайній недостатокъ. Вообще надо удивляться, что турецкое правительство могло такъ долго относиться небрежно къ картографическому описанію этой области, важной какъ для самой Турціи, такъ и для сосѣднихъ государствъ.

Топографическое описаніе турецкихъ мѣстностей на нашихъ лучшихъ картахъ 1864 года, до моего путешествія по Болгаріи, оставляло много чего лучшаго желать. Планы большой константинопольской дороги, идущей черезъ Нишъ, были крайне неточны; мѣстности же вправо и влѣво отъ нея, а также и по теченію Дуная представлялись на картахъ въ такомъ искаженномъ видѣ, что ихъ положительно нельзя было узнать на мѣстѣ. Нужно только пробѣжать исторію картографіи сѣверной Болгаріи за послѣднія два столѣтія, чтобы убѣдиться, какъ ей трудно было проби-

вать себѣ дорогу впередъ и какъ часто ея стремленія къ прогрессу вдругъ задерживались произволомъ единичной какой нибудь личности. Въ XI гл. я подробнѣе опишу причины недостаточнаго развитія картографіи турецкой территоріи и въ то же время всѣ обозначенныя здѣсь положенія прослѣжу по лучшимъ картамъ, изданнымъ съ 1688 г. и до настоящаго времени.

Консулъ фонъ-Ганъ, который еще раньше значительно исправилъ карту Албаніи, поставилъ себѣ задачею, во время своего путешествія изъ Бѣлграда въ Салоники [1]), изслѣдовать топографически всѣ болгарскія мѣстности, находившіяся на его дорогѣ; а такъ какъ сѣверная оконечность Болгаріи къ востоку и западу отъ Ниша не вошла въ составъ его путеваго плана и въ то же время осталась въ сторонѣ во время поѣздки по странѣ въ 1862 г. покойнаго знаменитаго африканскаго путешественника Барта, то описаніе этой мѣстности,—эта трудная, но, тѣмъ не менѣе, интересная задача,—выпала мнѣ на долю въ 1864 г.

Оставивъ Нишъ, я поѣхалъ по дорогѣ въ Софію и Константинополь, и, миновавъ «череповую башню» и то мѣсто, гдѣ были открыты мною первые монументальные остатки древняго Незуса, направился къ юго-восточной оконечности почти отвѣсной Нишской равнины, южное продолженіе которой и ея орографическія границы я попробую точнѣе описать здѣсь.

Справа тянулись сѣверо-восточныя отрасли Сухой-Планины, западные склоны которой образуютъ русло болгарской Моравы и возвышаются въ то же время надъ развалинами Курвинграда. По картѣ Киперта (1853) я долженъ былъ бы здѣсь проѣхать мимо деревни Матьиваца, а между тѣмъ она находится къ востоку отъ Ниша, по дорогѣ въ Громаду [2]).

Доѣхавъ до деревни Бржибродъ, я свернулъ съ почтоваго тракта направо, чтобы по проселочной дорогѣ добраться до знаменитыхъ горячихъ ключей Баньи. Мѣстность поднимается здѣсь едва замѣтно къ подошвѣ красиво оттѣненной лѣсомъ горы, изъ которой вытекаютъ цѣлебные источники, имѣющіе большое сходство съ ключами Мегадіи. Бассейнъ, въ который они стекаютъ, имѣетъ круглую форму и окруженъ некрасивыми, изъ грубаго камня, постройками, въ которыя дневной свѣтъ проникаетъ

---

[1]) Имп. корол. академія наукъ. XI т. мемуаровъ.

[2]) Дорожникъ Буэ («Нишъ-Софія» въ «la Turquie d'Europe», IV томъ, 506), изъ котораго Кипертъ большею частью черпалъ свѣдѣнія, содержитъ въ себѣ много неточностей. По его описанію, деревни Кнессело, Матаевцы и др. находятся вправо отъ константинопольской дороги, тогда какъ онѣ расположены по сербской дорогѣ. Кромѣ того, невѣрно показано также теченіе Кутински-рьеки.

только сквозь небольшія отверстія. При особенномъ расположеніи мусульманъ къ горячимъ минеральнымъ ключамъ, Банья пользуется частымъ посѣщеніемъ нишскаго населенія, а въ недавнемъ прошломъ мѣсто это, кажется, имѣло еще большее значеніе.

Я замѣтилъ тамъ же, на лѣвомъ берегу Баньицы, впадающей въ Нишаву, развалины, по архитектурѣ которыхъ, а именно по арабскимъ оконнымъ и дверньмъ орнаментамъ, можно предположить, что это былъ турецкій зàмокъ. Возлѣ развалинъ возвышались стѣны и минаретъ разрушившейся мечети. Римскій кирпичъ, открытый мною въ развалинахъ фундаментовъ другихъ построекъ, и множество старинныхъ монетъ, попадающихся въ этихъ мѣстахъ, подтверждаютъ вполнѣ предположеніе, что Банья была извѣстна еще римлянамъ, въ жизни которыхъ купанья играли важную роль, и что, судя по живописному мѣстоположенію, на этомъ мѣстѣ, вѣроятно, находился тотъ «Медіанумъ», о которомъ Амміанъ [1]) упоминаетъ какъ о мѣстечкѣ съ императорскою виллою, принадлежавшемъ къ Незусу. Притомъ же и указанное имъ разстояніе въ три мили совпадаетъ вполнѣ съ разстояніемъ Баньи отъ Ниша.

Наступившая вскорѣ дурная погода принудила меня вернуться снова на почтовый трактъ. Послѣ переѣзда черезъ Желѣзницу, дорога покидаетъ у блокгауза «Махмудъ-паша-ханъ» большую Нишскую равнину съ ея маисовыми плантаціями и вступаетъ въ узкій проходъ Сухойпланины, который она оставляетъ только близъ Бѣлой Паланки и тамъ снова направляется къ Нишавѣ.

Бросивъ взглядъ на лучшія тогдашнія карты Европейской Турціи Киперта, у меня невольно родился вопросъ, почему же дорога изъ Ниша въ Софію не слѣдуетъ по извилистому теченію Нишавы, а прорѣзываетъ безъ особенной нужды довольно значительныя высоты? Но послѣ небольшаго размышленія я нашелъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Дѣло въ томъ, что картографическое описаніе мѣстности, по которой течетъ Нишава отъ Ниша до Акъ-Паланки, сдѣлано у Киперта весьма неточно. Въ дѣйствительности, рѣка между означенными двумя пунктами протекаетъ бòльшую часть разстоянія (отъ Мальче до Тамьяницы) по ущелью, крутые обрывы котораго не представляютъ почти никакой возможности къ проложенію дороги. Эти высокія стѣны, между которыми Нишава течетъ почти въ западномъ направленіи, образуются на лѣвомъ берегу крутыми скатами сербско-болгарскихъ пограничныхъ горъ, а на пра-

[1]) Географія Маннерта. 7 томъ, 95.

вомъ—вѣтвистымъ горнымъ хребтомъ, направляющимся къ сѣверу и извѣстнымъ подъ именемъ «Сухой-планины». Этотъ горный хребетъ представитъ не мало затрудненія къ проведенію черезъ Нишавскую долину проектированной желѣзной дороги.

Напрасно прежде искали названія «Сухой-планины» на картахъ Киперта. Пирхъ и Буэ [1]), по которымъ Кипертъ составилъ свою карту этой части Болгаріи, упоминали объ этой цѣпи только какъ объ южномъ продолженіи «Стары-планины» (собственно Балканъ), о которой рѣчь будетъ впереди. Послѣднее предположеніе тѣмъ страннѣе, что соединеніе отдѣльныхъ частей значительныхъ горныхъ цѣпей подъ однимъ коллективнымъ названіемъ принадлежитъ въ Турціи къ рѣдкимъ случаямъ. Названіе «Суха планина» извѣстно не только на Нишавѣ, но также и въ долинахъ Тимока и Дуная, гдѣ она считается однимъ изъ самыхъ значительныхъ горныхъ хребтовъ, находящихся между болгарскою Моравою и Нишавою. Подъ этимъ названіемъ она извѣстна съ давнихъ поръ. Полковникъ фонъ-Ребэнъ называетъ ее въ своей «Марра» [2]) отъ 1740 года «Sucha Felsen-Gebirge». Далѣе, Кипертъ, тоже въ подражаніе Пирху, назвалъ всю гористую мѣстность между Нишемъ, Лешковацемъ и Пиротомъ, именемъ «Соплана». Названіе это не только неизвѣстно въ народѣ, но и едва ли можетъ объясняться стариннымъ сербско-болгарскимъ происхожденіемъ, потому что, по мнѣнію народа [3]), названіе всей области происходитъ отъ Нишавы. Кромѣ того на картѣ Киперта встрѣчается еще одна важная ошибка, которая ввела въ заблужденіе фонъ-Гана въ его «Reise von Belgrad nach Salonik» (стр. 11); она заключается именно въ томъ, что Кипертъ далъ названіе «Стара-планина» высокой отрасли «Сухой планины», отдѣляющей долину Кутински рѣки отъ ущелья, по которому протекаетъ Нишава. «Стара-планина» извѣстна, какъ въ Нишѣ, такъ и во всей Болгаріи, какъ славянское названіе Балканскихъ горъ вообще, подобно тому, какъ турки ихъ называютъ «Ходжа-Балканъ». Еще въ 1868 году я самъ думалъ, что «Ходжа-Балканъ» служитъ только названіемъ цѣпи Балканскихъ горъ отъ Тимока до Чернаго моря, составляющей политическую границу пашалыковъ Нишскаго и Виддинскаго и получившей въ національно-экономическомъ отношеніи важное значеніе вслѣдствіе проведенія черезъ нее-

[1]) Буэ. La Turquie d'Europe. I. 148.
[2]) Имп. корол. военный архивъ въ Вѣнѣ.
[3]) С. Шафарикъ.—Славянскія древности.

новой турецкой почтовой дороги. Но это было только заблужденіе, въ чемъ я убѣдился во время моего путешествія въ 1870—1874 годахъ, когда я изслѣдовалъ всю горную цѣпь до мыса Эмине. Впрочемъ, я еще буду имѣть случай говорить какъ объ этой неправильно показанной на тогдашнихъ картахъ горной цѣпи, такъ и объ «Свято-Никола-Балканѣ» и вообще о всѣхъ названіяхъ главныхъ частей Балканскихъ горъ.

По занесеніи на карту теченія Желѣзницы, вытекающей изъ Горны Студены, и мѣстностей, расположенныхъ близъ этой рѣки, я отъ Махмуда-паши-хана, близъ котораго лѣтомъ обыкновенно устраивается небольшой лагерь турецкой кавалеріи, продолжалъ свой путь почти въ восточномъ направленіи. Дорога, пройдя по хорошему мосту, переброшенному черезъ горный потокъ, протекающій по живописному ущелью, идетъ мимо блокгауза Кумовица и у первой почтовой станціи Плоцы, отстоящей отъ онаго на разстояніи $1^{3}/_{4}$ часа ѣзды, переходитъ на правый берегъ рѣки, откуда крутыми изворотами направляется къ высотамъ Равны.

Упомянутое выше ущелье имѣетъ важное стратегическое значеніе, и, по сообщенію [1]) графа Вирмонда [2]), оно одно только въ состояніи заградить дорогу изъ Софіи въ Нишъ. Дѣйствительно, нѣсколько тысячъ человѣкъ могутъ въ этомъ мѣстѣ остановить цѣлую армію. Пеленгованіе изъ блокгауза Плоцы показало Нишъ лежащимъ почти къ западу, и это дало мнѣ поводъ обозначить на картѣ константинопольскую дорогу и теченіе рѣки Нишавы восточнѣе противъ положенія, даннаго имъ другими картографами. Послѣ $1^{1}/_{2}$-часовой ѣзды дорога позади Равны постепенно спускается и идетъ мимо блокгауза Козелокуса къ Чрвенибрегу, въ которомъ поселены въ 1861 году 25 татарскихъ, а въ 1864 году 31 черкесское семействъ. Еще ранѣе, близъ одного турецкаго чифлика около Веты, глазамъ моимъ представлялось много хорошо обстроенныхъ долинъ, изъ которыхъ орошаемыя Топольницею (Чрвена рѣка тоже) отличались особенно хорошею обработкой полей и благоустройствомъ поселеній. Мы переѣхали черезъ эту рѣку ниже Чрвенибрега близъ ея впаденія въ Нишаву и вступили въ большую равнину Акъ-Паланки, по

---

[1]) Сообщеніе о путешествіи римско-императ. великаго посольства въ Оттоманскую имперію, и именно изъ Бѣлграда въ Константинополь, съ цѣлью осмотрѣть военныя позиціи.

[2]) Даміанъ Гуго, св. Римской имперіи графъ Вирмондскій, импер. надворный и тайный совѣтникъ, военный совѣтникъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ и командиръ пѣхотнаго полка.

которой мы проѣхали до самаго города Акъ-Паланки, придерживаясь окраинъ горъ, окаймляющихъ ее на лѣвомъ берегу Нишавы.

Бѣла-Паланка или Акъ-Паланка (бѣлый городъ), а на картахъ Мустафа-паша-Паланка [1]) считается первымъ значительнымъ городомъ по дорогѣ изъ Ниша въ Константинополь. Онъ находится отъ Ниша на разстояніи шести часовъ ѣзды на хорошихъ лошадяхъ, хотя турецкое почтовое вѣдомство прибавляетъ цѣлыхъ два часа и беретъ прогоны за восемь часовъ ѣзды.

«Мустафа-паша-Паланка», по словамъ графа Шметтау [2]),—«старинный зáмокъ, окруженный крѣпкими стѣнами, съ башнями по бокамъ и защищенный горами, которымъ безъ артиллеріи нельзя овладѣть»— «Moustapha-Pascha-Palanka», пишетъ Буэ [3]),—«n'est qu'un endroit palissadé» (Мустафа-паша-Паланка ничто иное, какъ мѣсто, окруженное палисадомъ). Такое объясненіе даетъ поводъ къ предположенію, что упоминаемыя графомъ Шметтау укрѣпленія болѣе уже не существуютъ. Однако въ дѣйствительности это не такъ; они существуютъ и притомъ въ такомъ же видѣ, въ какомъ они были уступлены австрійцами туркамъ въ октябрѣ 1737 года, когда послѣдніе напали на Нишъ.

Въ 1841 году Акъ-Паланка была взята возмутившимися мѣстными болгарами и сдѣлалась главною квартирою 10,000 повстанцевъ, имѣвшихъ намѣреніе овладѣть Нишемъ. Но при Лешковацѣ турки ихъ разбили и большая часть изъ нихъ бѣжала въ Македонскія горы [4]), а предводитель ихъ Милое застрѣлился.

Кале (зáмокъ) населенъ исключительно турками и имѣетъ форму четыреугольника, образуемаго высокими стѣнами. Ворота его, находящіяся между средними башнями, запираются каждый вечеръ. По угламъ зáмка находятся крѣпкія, круглыя и выдающіяся башни въ 6 м. діаметра, а двѣ другія башни расположены по срединѣ его двухъ широкихъ сторонъ. Длина каждой изъ узкихъ сторонъ зáмка составляетъ 63 м., а широкихъ—91 м. Всѣ каменныя зданія выстроены изъ шлифованнаго плитника, а стѣны снабжены сверху зубцами, которые замѣняютъ бойницы. Башни тоже не имѣютъ настоящихъ бойницъ, и во-

---

[1]) Фонъ-Гаммеръ утверждаетъ, что надо писать и говорить: Мусса-паша-Паланка.

[2]) Шметтау. Mémoires secrets.

[3]) Буэ. La Turquie d'Europe. II, 340.

[4]) I. Ф. Нейгебауеръ. Описаніе Молдавіи и Валахіи, 1854.

кругъ за́мка нѣтъ ни рвовъ, ни насыпей. Вообще по всѣмъ наружнымъ признакамъ можно смѣло предположить, что эта постройка возникла при турецкомъ владычествѣ въ Болгаріи. По турецкимъ преданіямъ Бѣла-Паланка была выстроена 276 лѣтъ тому назадъ болгарскимъ губернаторомъ Мустафой-пашой, имя котораго она и носила до послѣдняго времени. У Швейггера [1]), сопровождавшаго австрійскаго посла въ Константинополь въ 1577 году, то есть 300 лѣтъ тому назадъ, я не нашелъ никакихъ свѣдѣній объ этомъ городѣ. Онъ упоминаетъ только въ своемъ описаніи, что между Нишемъ и Пиротомъ онъ ночевалъ въ «деревушкѣ Гурусебцѣ», изъ чего можно заключить, что означенная деревушка стояла, вѣроятно, на мѣстѣ нынѣшней Бѣлы-Паланки.

Улицы въ кале узки и грязны, скученные въ нихъ дома малы и бѣдны, а минареты и мечети, соотвѣтствуя вполнѣ наружному виду всего поселенія, крайне невзрачны. Въ сравненіи съ промышленнымъ западомъ Европы, количество городовъ на ея юго-востокѣ, относительно числа сельскаго населенія, весьма ничтожно. При турецкомъ господствѣ не только не основывались новые города, но и древнія римскія колоніи, извѣстныя еще при византійскихъ императорахъ и даже позже своимъ богатствомъ и могуществомъ, пришли въ совершенный упадокъ. Склонность къ кочевой жизни, присущая азіатскимъ народамъ, характеризуетъ и теперешнихъ турокъ и, оставляя въ сторонѣ Константинополь, увидимъ, что постройки въ родѣ «кале» Мустафа-паши принадлежатъ еще къ лучшимъ творчествамъ турецкаго генія, хотя при возведеніи даже такихъ кале, турки принуждены были обратиться къ помощи болгарскихъ или зинзарскихъ мастеровъ, безъ которыхъ, впрочемъ, они и теперь не могутъ обходиться. Бѣла-Паланка принадлежала также къ числу самыхъ цвѣтущихъ римскихъ колоній, доказательствомъ чему служатъ многочисленные открываемые тамъ остатки римскихъ произведеній.

Графъ Марсильи, въ своемъ пространномъ сочиненіи [2]), упоминаетъ о найденныхъ въ этой части Болгаріи трехъ плитахъ съ надписями. Одна изъ нихъ относится ко времени императора Септимія Севера, котораго иллирійская армія возвела на тронъ, вмѣсто осужденнаго римскимъ сенатомъ на смерть Дидія Юліана (194 г. Р. Х.), а другая относится къ царствованію императора Филиппа Аравитянина, при которомъ Римъ празд-

[1]) Швейггеръ, Соломонъ. Поѣздка изъ Германіи въ Константинополь и Іерусалимъ. Нюрнбергъ, 1613 г.

[2]) Марсильи, Danubius. II Taf., 63.

новалъ въ четвертый годъ его восшествія на престолъ (247) свой тысячелѣтній юбилей. Въ то время, какъ я напрасно искалъ первые два камня, я напалъ случайно на слѣдъ послѣдняго, заложеннаго въ стѣнѣ кале съ лицеваго фасада, близъ лѣвой угловой башни, и скопировалъ еще разъ надпись, такъ какъ графъ Марсильи передалъ ее не совсѣмъ точно [1]).

Кромѣ этихъ и еще пяти надписей, упоминаемыхъ въ «Corpus» Момзена (№ 1685—1690), а также многочисленныхъ монетъ временъ римской имперіи, найденныхъ въ означенной мѣстности, мы имѣемъ еще другія доказательства тому, что Акъ-Паланка была нѣкогда римскою колоніею. Близъ небольшой рѣчки Мокра (у Буэ Лужница рѣка), вытекающей изъ горъ Мокра, я наткнулся на остатки фундамента, сложеннаго изъ матеріаловъ несомнѣнно римскихъ построекъ. Можно съ полнѣйшею увѣренностью сказать, что это были развалины Ромезіана, находившагося, по измѣренію Пейтингера, въ 24 мил. отъ Незуса. Прокопій называетъ его Румизіана и упоминаетъ о немъ, какъ о небольшомъ городкѣ, лежавшемъ въ области того же имени, въ которой кромѣ того находились еще другія укрѣпленныя мѣстечки. По Itin. Ant. мѣстечко называлось Ремизіана, а по Героклу и Itin. Hieros. оно извѣстно было подъ именами Ремезіана и Романзіана, и въ то же время обозначено какъ резиденція епископа, такъ какъ на халкедонскомъ соборѣ одинъ изъ членовъ его подписался епископомъ ремесіанскимъ [2]).

Нынѣшній трактъ отъ Ниша до Бѣлы-Паланки можно бы назвать очень удобнымъ, если бы онъ содержался въ лучшемъ состояніи. Шоссейная дорога была бы особенно необходима предъ Бѣла-Паланкой, гдѣ проходитъ константинопольская дорога какъ-разъ у самыхъ стѣнъ кале и гдѣ почва чрезвычайно жирна. Проложеніе дороги въ Пиротъ представило за городомъ Акъ-Паланкой большія затрудненія, и вслѣдствіе этого она была проведена точно также, какъ между Мальче и Тамьяницей, гдѣ встрѣчались тѣ же затрудненія, черезъ высокія горы, образующія ущелье на лѣвомъ берегу Нишавы. Впрочемъ, вообще новая дорога все таки слѣдуетъ по старому направленію, слѣдуя по которому Швейгеръ еще въ XVI столѣтіи открылъ между Пиротомъ и Драгома-

[1]) Момзенъ. Corp. inscr. lat. III 2. стр. 1024.
[2]) Географія Маннерта VII т., которой вполнѣ подражаетъ Форбигеръ.

номъ слѣды древней римской большой дороги [1]). Новый трактъ уклоняется отъ стараго только въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ онъ дѣлалъ наиболѣе крутые и опасные повороты.

Послѣ переправы черезъ рѣчку Мокра, дорога поднимается на Чрнивръ и вступаетъ въ ущелье «Чингана-дервенъ» (цыганскій проходъ), гдѣ находятся гостинница и блокгаузъ, «и гдѣ», какъ пишетъ въ своихъ замѣткахъ графъ Вирмондъ, «цѣлая армія можетъ быть легко остановлена». Горы въ этомъ мѣстѣ лишены всякой растительности и вообще вся мѣстность представляетъ большія удобства для веденія войны.

Кипертъ при составленіи своихъ картъ руководствовался, какъ было сказано выше, путеводителемъ Буэ, а послѣдній упустилъ изъ виду упомянуть, что онъ ѣздилъ изъ Паланки въ Пиротъ не по почтовой, а по проселочной дорогѣ, вдоль берега Нишавы, что и было причиной нѣкоторыхъ неточныхъ опредѣленій на картахъ (1853) Киперта географическаго положенія дороги между Паланкою и Пиротомъ и перемѣщенія Чрноклиски съ Нишавы на большую константинопольскую дорогу.

Отъ «Чингана-дервенъ» дорога спускается внизъ, направляясь съ востока на западъ, и слѣдуетъ направленію Бѣлавскихъ горъ, вдающихся въ равнину Пирота. По сообщенію Буэ, который, какъ уже было сказано, проѣзжалъ мимо сѣверныхъ отраслей этихъ горъ, онѣ достигаютъ 790 метровъ высоты и своими формаціями напоминаютъ швейцарскую Юру. За Понорамъ долина, по которой дорога спускается съ горъ, начинаетъ расширяться. Противъ Малаго и Великаго Суводола, немного вправо, представляется взорамъ рядъ красивыхъ деревень, изъ которыхъ Блато отличается особенно хорошими постройками и вообще благоустройствомъ. Ея жители воспользовались правами, предоставленными имъ Парижскимъ миромъ, и выстроили себѣ красивую церковь, въ стѣнахъ которой, говорятъ, находится съ древними надписями плита, найденная въ сосѣднихъ развалинахъ. Дорога въ этомъ мѣстѣ принимаетъ на небольшомъ пространствѣ юго-восточное направленіе, но отъ деревни Гниленъ тянется снова на западъ и послѣ четырехчасоваго пути, минуя замокъ Пиротъ, доходитъ до города того же имени, называемаго турками также Шаркоемъ или Шехеръ-коемъ.

---

[1]) Любопытны вообще замѣчанія путешественниковъ насчетъ происхожденія этой старинной «проложенной» дороги. Многіе приписываютъ проведеніе ея предводителю гунновъ Атиллѣ, другіе—одному изъ венгерскихъ королей, утверждая при этомъ, что будто бы она шла изъ Офена до Константинополя, но разрушена частію турками вслѣдствіе постройки ими городовъ.

Уже въ 1868 году, наперекоръ всѣмъ прежнимъ картографическимъ описаніямъ, я далъ на моей картѣ теченію Нишавы и протяженію большой константинопольской дороги направленіе, уклоняющееся немного съ запада къ востоку, и новѣйшія астрономическія изслѣдованія мѣстностей Ниша, Бѣла-Паланки, Пирота и др. подтвердили вполнѣ вѣрность моего измѣренія. Опредѣленныя разъ позиціи доставляютъ вмѣстѣ съ русскими опредѣленіями возможность для вѣрной постановки важнѣйшихъ топографическихъ пунктовъ. На сколько важны и полезны эти работы, исполненныя по распоряженію военнаго министра фонъ Куна австрійскими офицерами братьями Стернекъ, Гурковичъ и др., то это доказывается уже тѣмъ, что сербская граница въ Алексинацкомъ и Княжевацкомъ округахъ отодвинулась на цѣлую милю къ югу, вслѣдствіе чего сербское княжество неожиданно увеличилось въ своемъ объемѣ.

Городъ Пиротъ отдѣленъ отъ крѣпости рѣкою Боклуджей, тукущею изъ деревни Турстиной. Переправившись черезъ рѣку, я поѣхалъ въ христіанскій кварталъ и, по рекомендаціи гостепріимнаго нишскаго доктора ла-Брюсъ [1]), помѣстился весьма удобно въ новой гостинницѣ, расположенной на берегу Нишавы и содержимой двумя молодыми болгарами. На слѣдующее утро я поспѣшилъ представиться мудиру и меджлису города, которые дали мнѣ конвой заптіевъ, необходимый для того, чтобы осмотрѣть крѣпость безъ особенныхъ приключеній. Происхожденіе этой крѣпости, по моимъ предположеніямъ, относилось ко временамъ римскаго владычества.

Въ 14 мил. отъ Ремизіаны находилось по Itin. Ant. и Itin. Hieros. укрѣпленное мѣстечко Торресъ, показанное Пейтингеромъ ошибочно въ 25 мил. Торресъ былъ самою восточною колоніей римлянъ въ верхней Мезіи,—колоніей, отдѣлявшеюся отъ Ѳракіи высотами, находящимися между Нишавой и Истромъ. Показанное обоими маршрутами разстояніе до Торреса совершенно совпадаетъ съ разстояніемъ до Пирота, особенно если принять за ошибку измѣреніе Пейтингера и считать не 25, а 15 миль Упоминаемый выше путешественникъ Швейггеръ разсказываетъ слѣдующее о Пиротѣ, турецкое названіе котораго, Шаркой, онъ перемѣнилъ въ Шердиръ: «Передъ деревнею находится красивый старинный за̀мокъ, расположенный у подошвы горы и снабженный пятью крѣпкими воротами. Вблизи за̀мка протекаетъ нѣсколько ручьевъ. На вершинѣ горы взорамъ представляется нѣсколько старыхъ построекъ. Жители говорятъ,

[1]) Докторъ, къ несчастію, уже умеръ въ Плевнѣ.

что за́мокъ внизу построенъ турками для обороны, потому что они не могли овладѣть укрѣпленіями на горѣ. Этому, впрочемъ, трудно повѣрить, такъ какъ турки не строятъ никогда такихъ красивыхъ зданій». Означенныя показанія противорѣчатъ, однако, свѣдѣніямъ, которыя я почерпнулъ у Гаммера [1]). По послѣднимъ, укрѣпленія были заняты полководцемъ сербскаго князя Лазаря, въ 1390 году, но вслѣдъ затѣмъ Мурадъ послалъ Яши-бега съ 10,000 войска, который взялъ эти укрѣпленія и срылъ ихъ.

Графъ Вирмондъ нашелъ въ пиротской крѣпости, въ 1719 году [2]), небольшой гарнизонъ и 3 пушки. Насчетъ стратегическаго значенія за́мка онъ пишетъ слѣдующее въ своей реляціи: «Хотя вслѣдствіе большихъ скалъ неудобно подвести туда пушки и сдѣлать диверсію съ небольшимъ корпусомъ, но тѣмъ не менѣе нѣсколько мортиръ большаго калибра въ состояніи легко вытѣснить гарнизонъ, вслѣдствіе узкости укрѣпленія. На дорогѣ же, идущей между за́мкомъ и горами, нельзя удержать армію. Вообще за́мокъ можно взять безъ особенныхъ усилій».

Во время войны между Австріей и Портой, вспыхнувшей вскорѣ послѣ путешествія графа Вирмонда (1737), маршалъ Секендорфъ тоже не придавалъ особаго значенія укрѣпленіямъ Пирота. Графъ Шметтау [3]), описавшій этотъ походъ, говоритъ, что Пиротъ очень красивый городъ, но укрѣпленія его узки, стары и частію разрушены, и надъ ними господствуетъ высокая скала. Въ пиротскую крѣпость помѣстили 60 человѣкъ нѣмецкой пѣхоты, чтобы придать мужества сербскимъ волонтерамъ, которые занимали всѣ проходы, ведущіе къ городу и за́мку. Но, не смотря на это, за́мокъ въ сентябрѣ того же года сдался на капитуляцію послѣ небольшой осады, и его австрійскій гарнизонъ, убавившійся до 40 человѣкъ, вмѣстѣ съ командиромъ, партизаномъ Бетуне, получилъ свободный пропускъ въ Нишъ.

Настоящее состояніе пиротскаго за́мка нисколько не измѣнилось со времени посѣщенія его въ 1577 г. Швейггеромъ. Я нашелъ его укрѣпленія въ изрядномъ состояніи для средневѣковой постройки. Крѣпостца построена на скалѣ и, какъ вѣрно сообщилъ графъ Шметтау, мала и узка, а ея военное значеніе, судя по оборонительнымъ средствамъ, тремъ небольшимъ пушкамъ въ бастіонахъ, обращеннымъ къ рѣкѣ Боклуджѣ,

---

[1]) Гаммеръ. Исторія Оттоманской имперіи I, стр. 205.

[2]) Сообщенія гр. Вирмонда. Имп. корол. военный архивъ.

[3]) Графъ Шметтау. Mémoires secrets.

весьма незначительно. Своими новѣйшими улучшеніями и снабженіемъ крѣпости гарнизономъ низама пиротскій зáмокъ обязанъ исключительно только болгарскому церковному движенію, внушившему Портѣ серьезныя опасенія за Пиротъ. По той же самой причинѣ на горѣ, господствующей надъ крѣпостью, на которой еще въ 1577 году были видны развалины зáмка, въ послѣднее время построенъ блокгаузъ и укрѣпленъ шанцами, обнесенными изгородями.

Въ турецкомъ кварталѣ Пирота, кромѣ башни съ часами, обращаетъ на себя вниманіе красивое новое зданіе окружнаго правленія и пять или шесть мечетей. При осмотрѣ послѣднихъ, я не нашелъ ничего особеннаго въ ихъ постройкѣ. Христіанскій кварталъ кажется немного лучше, хотя небольшіе домики, плохія гостинницы и скромный конакъ епископа производятъ не особенно пріятное впечатлѣніе. Главнымъ украшеніемъ его, безспорно, служитъ новая церковь о трехъ куполахъ, построенная въ 1868 году. Археологическую рѣдкость въ городѣ составляетъ надгробный памятникъ, очевидно старо-болгарскій, найденный въ одной изъ окрестныхъ деревень. Фигуры, изображенныя на немъ, напоминаютъ собою римскія скульптурныя изображенія, но, конечно, не по первобытной своей техникѣ, которая, уступая во многомъ барельефамъ, ограничивалась только гравировкою однихъ контуровъ. Памятникъ этотъ, имѣющій 0,79 метровъ длины и 0,32 м. ширины, привлекъ мое вниманіе особенно потому, что напомнилъ собою старо-сербскіе памятники, находящіеся въ церкви въ Павлицѣ на Ибарѣ, въ Сербіи, скопированные и описанные мною въ статьѣ «Serbien», стр. 211.

Болгарско-христіанская община въ Пиротѣ принадлежитъ съ самаго начала болгарскаго церковнаго движенія къ національной передовой партіи и въ теченіе уже многихъ лѣтъ находится въ постоянной борьбѣ съ епископами, которыхъ ей навязываетъ константинопольскій Фанаръ. Жалобы, принесенныя жителями Пирота въ 1860 г. великому визирю Кеприсли на своего предпослѣдняго епископа Анфима, обличали послѣдняго въ страшныхъ преступленіяхъ и были чрезвычайно многочисленны; и такъ какъ всѣ эти обвиненія были вполнѣ доказаны, то преступный архипастырь былъ сосланъ для покаянія въ одинъ изъ аѳонскихъ монастырей. Однако черезъ два года онъ снова явился въ Константинополѣ и навѣрно получилъ новую эпархію.

Его преемникъ, Софроній, съ которымъ я познакомился въ 1864 году, при самомъ вступленіи въ должность навлекъ на себя ненависть

всей общины чрезмѣрными денежными требованіями. Изъ боязни личныхъ оскорбленій, онъ бѣжалъ въ ближній монастырь св. Іоанна и только подъ прикрытіемъ турецкаго военнаго отряда могъ снова воротиться къ своей паствѣ. Невѣжество этого греческаго духовнаго пастыря относительно болгарской исторіи доходило до того, что онъ совершенно серьезно разсказывалъ о славянской надписи отъ 750 года въ монастырѣ св. Іоанна. Говоря подобныя вещи, онъ, конечно, не зналъ, что болгары только въ IX столѣтіи приняли христіанство и вмѣстѣ съ нимъ старо-болгарскіе письменные знаки, или «кириллицу», названные такъ въ честь ихъ изобрѣтателя, славянскаго апостола Кирилла. Въ виду такого невѣжества, весьма понятно, что я изъ бесѣды съ почтеннымъ епископомъ не вынесъ никакихъ свѣдѣній объ археологическихъ рѣдкостяхъ окрестностей города. Раздосадованный, я оставилъ его и уѣхалъ безъ особой грусти изъ Пирота, который вообще не произвелъ на меня никакого впечатлѣнія.

III.

Дорога къ Балкану Св. Николая чрезъ Тимокскую область.

(1. Балканскій проходъ).

Отъ Пирота назадъ къ Бѣла-Паланкѣ.—Сообщенія графа Вирмонда о Нишавской области и нашихъ картахъ.—Апокрифъ Зрни-Врхъ.—Густое народонаселеніе долинъ, прилегающихъ къ этому мѣсту. — Въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ нашелъ 98 селеній, на нашихъ картахъ не значится ни одного.—Карта въ масштабѣ 1:288,000, заготовленная авторомъ. — Полковникъ фонъ Вейсъ, полковникъ фонъ Шеда, академикъ Бланки и фиктивный Зрни-Врхъ.—Новая почтовая дорога.—Блокгаузъ Изворъ, превосходный пунктъ для позиціи.—Источники Торговчка-Тимока.—Вериловца—соединительный пунктъ дорогъ.—Дороги изъ Пирота черезъ Балканъ. — Темская долина.— Черовокараула. — Характеръ мѣстности.—Фиктивный городъ Пирсникъ.—Послѣдній блокгаузъ Ревнобучье.—Наименованіе отдѣльныхъ горъ Балканской цѣпи.—Часть Балкана, названная авторомъ «Балканомъ св. Николая».—Сербская пограничная гора и ея отроги.

Охотно продолжилъ бы я мое путешествіе въ 1864 году по нишъ-константинопольской дорогѣ до Софіи; но какъ бы ни было интересно посѣтить исторически знаменитую Сердицу, я долженъ былъ отказаться отъ этого, такъ какъ холодное время года приближалось и я не могъ бы осуществить задуманнаго мною плана изслѣдованія Ломской области. И такъ по вышеописаннымъ дорогамъ я поѣхалъ изъ Пирота обратно въ Бѣла-Паланку. Отправляюсь оттуда по новой дорогѣ, отдѣляющейся отъ большаго константинопольскаго тракта и проведенной Мидхадомъ-пашей въ Виддинъ и Ломъ, и проѣзжая по всему ея протяженію до Дуная, изслѣдую ближе неизвѣстную Балканскую область, чрезъ которую она проходитъ, и занесу ее на карту.

Графъ Вирмондъ описываетъ въ своей реляціи отъ 1781 г. [1]) Нишавскую область такъ: «Что касается мѣстности между Нишемъ и Софіей, то вправо отъ дороги до Драгомана она покрыта высокими горами и лѣсомъ, а долины ея населены христіанами; отъ Ниша до Пирота тянется высокая цѣпь, состоящая изъ ряда скалъ. Близь Драгомана эта горная цѣпь уклоняется нѣсколько вправо отъ дороги, и вершины ея большею частью обнаженныя; горы же, идущія влѣво отъ дороги, покрыты лѣсомъ только до Пирота; а во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ начинается Стара-

[1]) Императорскій военный архивъ въ Вѣнѣ.

планина или старая горная цѣпь и тянется по направленію къ Константинополю, мѣстность представляетъ рядъ дикихъ обнаженныхъ скалъ, откуда и произошло вѣроятно ея названіе. Впрочемъ, у подошвы этихъ скалъ и до половины ихъ высоты находятся самые лучшіе поля, луга, виноградники и лѣса, и потому вся эта мѣстность, какъ говорятъ сами туземцы, населена чрезвычайно густо».

Какъ ни мало согласовались очерки Вирмонда съ традиціоннымъ изображеніемъ Нишавской области на нашихъ картахъ, я нашелъ ихъ по осмотрѣ мною этой части Балканской цѣпи во время моего путешествія въ 1864 г. въ общихъ чертахъ вполнѣ вѣрными. На всѣхъ нашихъ картахъ, за исключеніемъ новѣйшей карты Киперта (1871 г.), основывающейся на свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ ему мною, и затѣмъ ручнаго атласа Штиллера, исправленнаго мною по желанію доктора Петермана, по правому берегу Нишавы тянутся отъ горной массы такъ называемой Зрни-Врхъ крутые утесы, которые между Пиротомъ и Бѣла-Паланкой такъ стѣснены, что въ промежуткахъ ихъ едва остается мѣсто для поселеній; и дѣйствительно, на старѣйшихъ картахъ Киперта (1853 г.) вдоль всего теченія рѣки между Карибродомъ и Сигжей показано только одно поселеніе, которое, замѣтимъ мимоходомъ, совсѣмъ не существуетъ въ дѣйствительности. И такъ, на пространствѣ восьми миль, на окраинахъ обоихъ береговъ Нишавы не значится ни одного населеннаго мѣста; а равно столь же пустынною показана на нихъ сосѣдняя территорія на всемъ протяженіи теченія этой рѣки,—территорія, заключающая въ себѣ ровнаго пространства около двадцати квадратныхъ миль.

Однако же свѣдѣнія, собранныя графомъ Вирмондомъ, относительно густаго населенія на нишавскихъ земляхъ, совершенно вѣрны, такъ какъ въ означенной области я нашелъ не менѣе 98 населенныхъ мѣстечекъ, изъ которыхъ ни одно, какъ я уже замѣтилъ, не находилось на нашихъ лучшихъ картахъ. На сколько невѣрны наши представленія относительно наружнаго вида и топографіи всей западной Балканской цѣпи вообще, это ясно докажетъ моя карта въ масштабѣ 1:288,000, которая будетъ результатомъ всѣхъ моихъ изслѣдованій за послѣдніе годы на пространствѣ отъ Тимока до мыса Эмине.

И такъ, Зрни-Врхъ, та исполинская горная баррикада, которая кладетъ на нашихъ картахъ грустный отпечатокъ безплодія на Нишавскую область, принадлежитъ къ тѣмъ фиктивнымъ картографическимъ изображеніямъ, которыми изобилуютъ, къ несчастію, и до настоящаго времени

карты Турціи и которыя, конечно, не скоро еще выведутся. На картѣ австрійскаго полковника фонъ-Вейса, составленной въ 1829 году, Зрни-Врхъ является въ первый разъ рѣзко выдающеюся фигурой, и послѣ того она изображается въ томъ же видѣ на всѣхъ картахъ Европейской Турціи и даже на новѣйшей картѣ полковника фонъ-Шеда, который, неизвѣстно на основаніи какихъ источниковъ, далъ этой баснословной горной массѣ другое названіе «Тори-Стара-планины».

Уже Ами Буэ [1]) поставилъ 35 лѣтъ тому назадъ вопросительный знакъ предъ вейсовскимъ Зрни-Врхомъ, но, тѣмъ не менѣе, оставилъ эти горы въ прежнемъ ихъ видѣ; вдаваться въ болѣе подробныя разсужденія насчетъ ея онъ не осмѣлился, такъ какъ съ большой военной дороги онъ не сворачивалъ. Французскій академикъ Бланки [2]), проѣхавшій въ 1841 г. по дорогѣ изъ Бѣлградчика въ Пиротъ, не доставилъ, какъ уже замѣтилъ Кипертъ въ «исправленіи», приложенномъ имъ къ своимъ картамъ, никакихъ картографическихъ данныхъ относительно территоріи, чрезъ которую онъ проѣхалъ.

Если бы я сталъ приводить здѣсь всѣ заблужденія, допускавшія на нашихъ картахъ представленіе «Зрни-Врха», какъ апокрифнаго продолженія Балканской горной цѣпи, то это завело бы насъ слишкомъ далеко; а потому я ограничусь лишь указаніемъ на сравненіе карты Киперта (1853 г.) или карты Шеда съ моимъ представленіемъ этой области. Я хочу только замѣтить, что, напримѣръ, источники Тимока были перенесены, благодаря «Зрни-Врху», изъ южнаго предгорья Балкана въ сѣверное, къ самымъ ломскимъ источникамъ, вслѣдствіе чего передвинулась естественная водяная граница. Если бы Зрни-Врхъ существовалъ дѣйствительно, какъ исполинская баррикада, на томъ протяженіи, которое онъ занимаетъ на картѣ полковника фонъ-Шеда, составленной по вейсовской картѣ, то проложеніе новой почтовой дороги отъ Ниша къ Дунаю встрѣтило бы, при ея непосредственномъ акъ-паланкинскомъ развѣтвленіи, огромныя затрудненія и вѣроятно оказалось бы совсѣмъ невозможнымъ. Однако же въ дѣйствительности, прорѣзавъ позади Паланки Нишавскую долину въ сѣверномъ направленіи и сдѣлавъ краткое уклоненіе отъ сѣвера на 60°, она тянется далѣе чрезъ постепенно поднимающіяся высоты, которыя, выдвигая Балканъ св. Николая и пограничную гору, окайм-

[1]) Буэ, Европейская Турція. I, 151. 1840.
[2]) Путешествіе въ Болгарію, № 41.

ляющую сербскую Тимокскую область къ Нишавѣ, способствовали устройству въ плодородныхъ долинахъ этой рѣки, около источниковъ, притекающихъ къ ней и Тимоку, множества болгарскихъ поселеній. Новая почтовая дорога, достигнувъ высокой нагорной долины Бабины-Главы, близъ круглаго блокгауза, носящаго то же названіе, проходитъ чрезъ мосты, переброшенные чрезъ оба источника Сверлжичка Тимока, вытекающіе изъ Робины, и до первой почтовой станціи, блокгауза Мироновска, тянется по ихъ правому берегу.

На разстояніи четверти часа ѣзды отъ караула Мироновска находится сербскій пограничный карантинъ Пандирало, изъ котораго ведетъ исправленная въ послѣднее время дорога чрезъ Тресьи-Бабу въ Княжевацъ, южно-сербскій окружной городъ. Близъ Пандирало Тимокъ претекаетъ на 500′ подъ землею сквозь одну известковую гору, изобилующую окаменѣлостями. Нѣкоторые образцы окаменѣлостей, взятые мною оттуда, оказались, по опредѣленію австрійскаго геологическаго института [1]), остатками кораллов, которые напоминаютъ окаменѣлые кораллы Кастель Гамберто и принадлежатъ къ породамъ Stylocœnia и Rhabdophyllia.

Отъ почтовой станціи Мироновска, дорога тянется нѣсколькими кривыми линіями вверхъ къ караулу Изворъ, откуда открывается превосходный видъ.

Къ сѣверо-западу за близь лежащею дорогой къ каратинному Пандарало взорамъ представляется юго-восточная Сербія, господствующая своими рѣдкими профилями надъ пирамидой Ртани. Къ сѣверо-востоку виднѣются заднія стороны Св. Никола-Балканъ на всемъ ихъ протяженіи, распространяющемся далеко за сербскую горную цѣпь «Иванова ливада», составляющую одну изъ ихъ отраслей. Отсюда я могъ прослѣдить всѣ поперечныя долины до углубленія прохода Св. Николы, служащаго сообщеніемъ между Тимокскою и Ломскою областями. Возвышенность, на которой находится блокгаузъ Изворъ и на которой, судя по остаткамъ старыхъ стѣнъ, возвышалась нѣкогда античная крѣпость, будетъ при будущихъ тригонометрическихъ измѣреніяхъ сѣверной Болгаріи представлять одну изъ важнѣйшихъ станцій. Вслѣдствіе этого изъ всѣхъ пунктовъ, которые я указалъ въ этомъ направленіи доктору Буэ [2]), этотъ

[1]) 1860. № 16.

[2]) Приложенія для облегченія географическаго опредѣленія Европейской Турціи. Томъ LV. Сообщеніе засѣданій императорской академіи наукъ, Вѣна, 1867 годъ.

былъ особенно тщательно указанъ мною. Я воспользовался этою возвышенностью, особенною выгодно расположенною, для начертанія большаго профиля отроговъ Св. Николы-Балканъ и ихъ важнѣйшихъ вершинъ, изъ которыхъ Бабинъ-Зубъ заслуживаетъ особеннаго вниманія своею оконечностью, состоящею изъ множества зубцовъ, похожихъ на шпили, затѣмъ одна низкая передняя гора «Зрни-Врхъ», которая вѣроятно и дала поводъ къ представленію на нашихъ картахъ апокрифныхъ горныхъ массъ, носящихъ это названіе. Отъ караула Изворъ дорога скоро спускается въ долину, въ которой расположено селеніе, носящее то же названіе и отличающееся превосходно воздѣланными садами и огородами, изобилующими фруктами и овощами.

Въ этомъ мѣстѣ беретъ начало одинъ изъ главнѣйшихъ притоковъ «Трговицкаго Тимока», да и названіе самой мѣстности, Изворъ, означаетъ по-сербски и болгарски: источникъ, начало. Послѣ соединенія съ Сугринскою рѣкой, вытекающею изъ одной изъ южныхъ долинъ, Изворска, а съ нею и дорога, идущая вдоль ея берега, принимаютъ направленіе отъ сѣверо-востока къ сѣверу и минутъ черезъ двадцать пути входятъ обѣ въ короткое, узкое, скалистое ущелье, изъ котораго, какъ изъ воротъ, открывается выходъ въ открытую долину Калну. У блокгауза Калны, стоящаго непосредственно у самаго выхода изъ ущелья, Изворска соединяется съ другимъ главнымъ притокомъ Трговицкаго Тимока, берущимъ начало у Равнобучья. Послѣ непродолжительнаго теченія по прекрасной Калнской долинѣ, Тимокъ, усиленный значительно притоками, оставляетъ болгарскую почву и переходитъ при пограничной караулѣ Коренатацѣ на сербскую территорію.

Отъ Калны балканская дорога, дѣлая частые повороты, но въ общемъ держась сѣверо-восточнаго направленія, доходитъ до второй почтовой станціи Бериловцы, расположенной въ прекрасной плодородной мѣстности и снабженной небольшимъ блокгаузомъ, командиръ котораго оказалъ мнѣ гостепріимство въ 1864 году.

Когда я, осенью 1870 года, спускаясь въ проходъ Св. Никола-Балкана на пути въ Пиротъ, посѣтилъ во второй разъ Бериловцу, то нашелъ въ ней красивую церковь, выстроеннную на суммы, пожертвованныя двумя мѣстными поселянами, братьями Киръ и Мино Тозовичъ. Я переночевалъ въ домѣ Кира, который уже 16 лѣтъ женатъ и занималъ прежде въ Бериловцѣ почетную должность *чорбази*. Когда я вошелъ въ его скромный домикъ, то былъ далекъ отъ мысли, что мой хозяинъ

принадлежалъ къ числу многоуважаемыхъ «хаджи». Ничто не давало повода думать, что этотъ человѣкъ много ѣздилъ по бѣлу свѣту и былъ даже на Аѳонской горѣ «Слава Богу, у насъ есть церковь, теперь мы должны подумать и о школѣ, чтобы наши дѣти не были такими неучами, какъ мы», говорилъ умный *чорбази*, которому я обязанъ многими свѣдѣніями о способахъ сбиранія податей турецкимъ правительствомъ, которое, какъ извѣстно, гораздо болѣе ненавистно сельскому населенію, чѣмъ самая подать.

Бериловца въ скоромъ времени будетъ имѣть большое значеніе. Она находится на перекресткѣ почтовыхъ дорогъ, идущихъ отъ Пирота и Ниша, черезъ Балканы, къ Дунаю. Отъ нишской дороги, какъ мы уже видѣли, отдѣляется вѣтвь у Бѣлы-Паланки, а пиротская идетъ прямо черезъ Темскую долину. Вообще проведеніемъ, сдѣланнымъ пять лѣтъ тому назадъ, прямой дороги отъ Пирота къ Балканамъ, Порта принесла важную помощь торговлѣ и облегчила значительно передвиженіе войскъ. Эта дорога не только сокращаетъ путь между Пиротомъ, Бѣла-Паланкой и караулой Жанья, расположенными въ видѣ треугольника, но представляетъ также для кавалеріи и артиллеріи гораздо большія удобства, чѣмъ дорога, по которой мы только-что проѣхали отъ Бѣлы Паланки до Бериловцы. Стóитъ взглянуть на карту и прочитать слѣдующее краткое описаніе пиротскаго соединительнаго пути, чтобы убѣдиться въ преимуществѣ первой дороги надъ послѣднею. Пройдя чрезъ христіанскій базарный кварталъ Пирота, дорога идетъ между высотами, покрытыми виноградниками, по правому берегу Нишавы, почти до самаго впаденія въ нее рѣчки Темски, въ долину которой ведутъ нѣсколько дорогъ съ крутыми поворотами.

Нанесеніе на карту важной долины Темски принадлежитъ исключительно мнѣ. До 1871 года никто не имѣлъ никакого понятія о ней, да и я самъ въ 1870 году открылъ только самую западную часть теченія рѣки Темски. Само собою разумѣется, что существованіе ея меня удивило не меньше, чѣмъ существованіе богатой большой деревни того же имени, дома которой большею частью покрыты аспидомъ. Странно, какъ рѣка, такъ и деревня находятся на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ у нашихъ лучшихъ картографовъ показанъ упомянутый выше исполинскій «Зрни-Врхъ». Съ мостачерезъ Темску, находящагося у восточной окраины деревни, представляется великолѣпный видъ на живописное ущелье, изъ котораго вытекаетъ эта рѣчка, образуя неболь-

шіе водопады, а также и на голыя высоты Балкана Св.-Никола, извѣстныя въ народѣ подъ именемъ «Загора». Получивъ на мои распросы объ источникахъ Темски весьма разнорѣчивые отвѣты, я рѣшился въ 1871 году лично прослѣдить ея теченіе и за свои труды былъ вполнѣ вознагражденъ. Рѣка оказалась значительнѣе, чѣмъ я предполагалъ, а долина ея заселена гораздо гуще другихъ мѣстностей Балкана. На дорогѣ я встрѣтилъ не меньше 33 селъ и 3 монастырей, которые и нанесъ на карту. Не будемъ болѣе распространяться объ этомъ предметѣ, такъ какъ я буду еще имѣть случай говорить о неожиданныхъ результатахъ моей поѣздки въ Балканы.

Послѣ перехода черезъ Темскій мостъ, дорога идетъ мимо двухъ чифтликовъ, принадлежащихъ пиротинскимъ туркамъ, изобилующихъ красивыми виноградниками, которые составляютъ пріятный контрастъ съ дикою картиною береговъ рѣки; далѣе, на разстояніи получаса, виднѣется красивая деревенька Церова, за которою вскорѣ дорога поднимается на высоты того же имени, снабженныя, для огражденія путешественниковъ отъ всякихъ опасностей, караулой. Эти высоты, весьма удобныя для пеленгованія, составляютъ какъ-бы перегородку между Нишавой и Тимокомъ. Немного ниже характеръ мѣстности принимаетъ болѣе дикій видъ. Небольшой горный ручей стремительпо несется въ рѣку Сугринску, берущую начало, какъ было сказано выше, въ одной изъ боковыхъ долинъ, къ востоку, и протекающую около мѣстечекъ Милковца и Сугрина. Этотъ ручей своимъ быстрымъ теченіемъ представилъ большія затрудненія при проведеніи тракта. Дорога попеременно переходитъ по деревяннымъ мостамъ то на правый, то на лѣвый берегъ. Живописный видъ представляютъ мельница и водопадъ, находящіеся напротивъ деревни Станьянцы. Послѣдняя считается единственною между Церовой и скалистымъ Калнскимъ проходомъ, который я уже описалъ выше. Не доходя немного до этого прохода, Сугринска соединяется съ Изворской, и въ этомъ же самомъ мѣстѣ пиротская дорога сливается съ главнымъ почтовымъ трактомъ, идущимъ отъ Бѣлы-Паланки, мимо Калнской караулы, къ станціи Бериловцѣ.

Отъ Бериловцы дорога поднимается между высокими горными хребтами къ караулѣ Жанья, имѣющей круглую форму, и на своемъ пути проходитъ мимо ручья Равнобучье, переходя попеременно то на правый, то на лѣвый его берегъ. Отъ деревни Равнобучье дорога пролегаетъ по правому берегу ручья и, поднимаясь постепенно крутыми и большими

извилинами, достигаетъ караулы, расположенной на большой возвышенности, и третьей почтовой станціи Равнобучье, находящейся еще выше.

Мѣстность, окружающая этотъ послѣдній участокъ дороги, весьма неплодородна. Горы лишены всякой растительности, притоки воды скудны; народонаселеніе, встрѣчающееся въ нихъ, состоитъ преимущественно изъ пастуховъ и отличается крайнею бѣдностью и нищетою. Дома построены изъ камыша, покрыты соломою и походятъ скорѣе на «колибы» (фруктовый амбаръ), чѣмъ на человѣческія жилища. Вообще эта мѣстность представляетъ гораздо болѣе интереса для живописца, чѣмъ для сельскаго хозяина.

Дойдя до этого бѣднаго поселенія пастуховъ, я достигъ крайняго сѣверо-восточнаго пункта области источниковъ Тимока, обозначаемой всегда невѣрно на нашихъ картахъ. Вмѣсто бѣдной деревушки Равнобучье, картографы показывали на картахъ городъ Иснеболь, котораго совсѣмъ не существуетъ повидимому, такъ какъ никто изъ мѣстныхъ жителей не имѣетъ понятія о немъ. При этомъ нужно замѣтить, что означенный городъ числился на картахъ единственнымъ заселеннымъ мѣстомъ на всемъ протяженіи области болгарскаго Тимока, занимающей нѣсколько квадратныхъ миль и покрытой довольно густымъ населеніемъ. Д-ръ Ами Буэ также упоминаетъ объ этомъ несуществующемъ городѣ въ своихъ сочиненіяхъ [1]) и въ критическомъ разборѣ рукописной карты Княжевацкаго округа доктора Кико, которую я указалъ моему ученому другу, какъ курьезное картографическое произведеніе. Только осенью 1868 года, въ бытность мою въ Рущукѣ, въ этомъ центрѣ правленія «Туны-вилайета», я узналъ, что Иснеболь есть турецкое названіе болгарскаго городка Трнъ-Паланка, лежащаго къ западу отъ Софіи. Въ Иснеболѣ живутъ каймакамъ и епископъ. Теперь спрашивается: какимъ образомъ этотъ городъ на картахъ сдѣлалъ скачекъ съ болгарской Моравы на далекій сѣверъ, въ дикія ущелья Балканъ, на берега Тимока?

Набросавъ очертанія мѣстности и снявъ виды въ профиль, я отправился отъ блокгауза Равнобучье по извилинамъ горной дороги, которыхъ здѣсь насчитывается до 30, до горнаго прохода Св. Николы и послѣ неимовѣрныхъ усилій нашихъ несчастныхъ клячъ достигъ наконецъ вершины означеннаго балканскаго прохода.

---

[1]) Обзоръ новыхъ картъ и т. д. XLIX. томъ журнала засѣданій императорской академіи наукъ. Вѣна, 2864.

Вся горная цѣпь, идущая отъ Чернаго моря до Сербіи, называется турками «Ходжа Балканъ» (главная гора), а болгарами «Стара-планиной» (старая гора). Главныя части этой цѣпи, извѣстной въ древнія времена подъ именемъ «Гемуса», получили отъ жителей въ теченіе времени особыя названія, по выдающимся особенно ущельямъ, городамъ и т. д. Эти названія встрѣчаются иногда и на нашихъ картахъ, но, къ несчастію, не всегда на своемъ мѣстѣ, и къ нимъ присоединяются часто другія, совершенно неизвѣстныя мѣстнымъ жителямъ, какъ напр. названія «Тори-Стара-планина», «Сумугу-Балканъ» и другія. При описаніи отдѣльныхъ частей Балканской цѣпи я постараюсь исправить орографическія ошибки въ ихъ названіяхъ, теперь же ограничусь только описаніемъ крайней западной части этихъ горъ, находящейся въ районѣ области источниковъ Лома, Тимока и частью Темски. По моимъ тщательнымъ распросамъ въ 1864, 1868 и 1871 годахъ, въ теченіе которыхъ я нѣсколько разъ переходилъ черезъ проходъ Св. Николы, я не узналъ никакого особеннаго названія этой части горной цѣпи, а потому и далъ ей названіе «Балкана святаго Николы», по извѣстному во всей западной Болгаріи горному проходу того же имени. Это же самое названіе принялъ и Кипертъ въ своей послѣдней картѣ Европейской Турціи, изданной въ 1871 году, Уже Пейтингеръ, который не особенно обращалъ вниманіе на орографію, описалъ эту часть Гемуса, какъ отдѣльную горную цѣпь въ ея первобытномъ образѣ, изъ которой, по его мнѣнію, вытекалъ Альмъ (Ломъ), направлявшій свое теченіе къ городу, носившему тоже названіе Альма (нынѣшнему Ломъ-Паланку), и впадавшій въ Данубій (Дунай).

На основаніи всего этого я надѣюсь, что наши картографы послѣдуютъ примѣру Киперта и оставятъ за означенною горною цѣпью названіе «Балкана Св. Николы.

«Св. Никола-Балканъ» соединяется на юго-востокѣ посредствомъ горнаго прохода Ципоровицы съ «Берковица-Балканомъ» и своими сѣверо-западными покатостями образуетъ границу между сербскимъ Княжевацкимъ округомъ и турецкимъ пашалыкомъ Виддиномъ. Эти постепенно понижающіеся отроги «Св. Николы-Балкана» весьма ошибочно числились на нашихъ прежнихъ картахъ подъ общимъ названіемъ «Вратарница-планины». Мнѣ не удалось узнать настоящаго имени этихъ горъ, но «Вратарница-планиной» называется плоская возвышенность умѣренной высоты, находящаяся близъ деревни Вратарницы, въ Сербіи. Къ югу

отъ означенной деревни находится горный проходъ того же имени, который въ австрійско-турецкую кампанію (1837) получилъ, подъ именемъ «Passo Augusto», печальную извѣстность, вслѣдствіе гибели въ немъ значительнаго австрійскаго корпуса [1]).

Самый высокій пунктъ сербско-болгарскихъ пограничныхъ горъ, «Иванова Ливада», тамъ, гдѣ находится сербская караула того же имени; онъ лежитъ на выдающемся концѣ Княжевацкаго округа къ востоку. Высота этого пункта, по Меленковичу [2]), достигаетъ 1106 метр. а по вычисленію бѣлградскаго профессора Панчича—только 950 метр. По новѣйшимъ астрономическимъ опредѣленіямъ мѣстности близъ деревни Чупренья, означенная гора находится немного западнѣе, чѣмъ она показана на нашихъ картахъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ сербско-болгарскихъ пограничныхъ горахъ я сообщу при описаніи источниковъ Арчера.

[1]) Каницъ, Serbien, стр. 312.
[2]) Карта Сербіи, 1851 г.

IV.

Черезъ Ломскую область къ Дунаю.

Осадочный и кристаллическій районъ Тимокской долины.—Горные проходы.—Фиктивное существованіе церкви Св. Николы. — Большой беклеме.—Различное значеніе караулы въ Турціи и Сербіи.—Разбой и жандармы.—Албанскіе заптіи.—Жандармы—настоящіе правители страны.—Большая панорама къ юго-западу и сѣверо-востоку.—Растительность.—Внизъ къ Чупреньѣ.—Ошибочное опредѣленіе источниковъ Лома. — Развѣтвленіе дороги къ Лому и Виддину. — Фалковицкій ханъ, великолѣпный видъ.—Города, значущіеся на нашихъ картахъ, но не существующіе въ дѣйствительности. — Бывшій епископскій городъ Дриновацъ.—Татары, черкесы и эмигранты-болгары на берегахъ Лома. — «Пеппиты» Овена Стенлея и «Троглодиты» Эдварда Броуна.—Намекъ археологамъ.—Процвѣтаніе Ломъ-Паланки.—Вліяніе почтоваго сообщенія и устройство его.—Пароходство.—Альмусъ Пейтингера.—Ломскій римскій лагерь.—Римскія надписи Leg. I Italia и другія находки древностей.—Римскій Донаулимъ и его укрѣпленія.

Изъ области образованія осадковъ и третичныхъ формацій мы постепенно поднялись въ кристаллическій поясъ. Вершина прохода Св. Николы и его ближнія отлогости, по направленію къ Сербіи, состоятъ изъ діоритоваго, богатаго піацитомъ кварцеваго сланца и далѣе изъ амфибола, андезита съ темною, почти черною роговою блендой, вывѣтрившимися зеленоватыми осадками полеваго шпата и темно-фіолетовою скалистою грунтовою массой. Этотъ андезитъ имѣетъ большое сходство съ трахитомъ береговъ сербскаго Малаго Тимока, описаннымъ Брейтгауптомъ подъ именемъ «тимоцита» [1]).

Южные склоны Св.-Николы-Балканъ и его отраслей лишены всякой растительности, а сѣро-зеленоватый цвѣтъ скалъ этой горной цѣпи производитъ не особенно пріятное впечатлѣніе. Сѣверныя же его покатости, наоборотъ, покрыты богатыми буковыми и дубовыми лѣсами, а въ верхнихъ районахъ есть даже и хвойныя деревья. Самыя высокія вершины горъ, однако, голы и обыкновенно въ началѣ октября покрыты уже снѣгомъ. Высота прохода, по моимъ измѣреніямъ, составляетъ 1384 метра, а вершина горы еще на 300 метровъ выше.

Меня крайне удивило одно обстоятельство. По распространенному во всей Сербіи мнѣнію, на вершинѣ прохода Св.-Никола-Балканъ, раздѣляющаго источники Лома и Тимока, долженъ находиться монастырь Св. Николы я же увидѣлъ вмѣсто монастыря громадную караулу съ

---

[1]) Опредѣленіе привезенныхъ мною съ Св. Николы минераловъ въ засѣданіи импер. королевскаго геологическаго общества.

почтовою станціей. Это оказалось то самое мѣсто, которое у Бланки [1]) извѣстно подъ именемъ «ужасной мертвой ямы, усѣянной могилами убитыхъ людей». Въ теченіе 35 лѣтъ, прошедшихъ со времени посѣщенія этой мѣстности французскимъ академикомъ, означенныя могильныя насыпи большею частью осѣлись, а кресты были сняты, за исключеніемъ только одного каменнаго, слывущаго подъ названіемъ «Свето-Никольскій крестъ». Это тотъ самый крестъ, отъ котораго, по преданію, получилъ имя горный проходъ «Св. Никола». Ненадежность горнаго пути и трудность подъема по немъ, не смотря даже на то, что онъ въ настоящее время превращенъ въ почтовую дорогу шириною въ 9,05 метровъ, а равно густые лѣса и близость сербской границы, способствуютъ въ полной мѣрѣ развитію въ этой мѣстности грабежа и разбоевъ, доказательствомъ чему служитъ то, что за нѣсколько недѣль до моего пріѣзда гарнизонъ караулы, состоящій изъ 10 человѣкъ, подъ начальствомъ стараго Булюка - баши, выдержалъ жаркое сраженіе съ бродягами. Дерзость разбойниковъ заходитъ часто такъ далеко, что турецкія и сербскія власти бываютъ вынуждены устроивать на нихъ соединенными силами облавы.

Такимъ образомъ устройство многочисленныхъ караулъ на почтовой дорогѣ изъ Ниша и Пирота въ Ломъ и Виддинъ объясняется вполнѣ вышеприведеннымъ случаемъ, тѣмъ болѣе, что при поселеніи въ этой мѣстности хищныхъ черкесовъ разбои и грабежи еще болѣе усилились. Всѣ блокгаузы выстроены прочно и хорошо. Они имѣютъ форму или круглыхъ широкихъ башенъ, внутри которыхъ винтовая лѣстница ведетъ въ верхній этажъ, снабженный обыкновенно многочисленными бойницами, или же форму квадрата съ четырьмя выдающимися круглыми башнями по угламъ и верхнимъ этажемъ, служащимъ для защиты.

Отступленіемъ отъ этихъ формъ служитъ новая большая караула на вершинѣ прохода Св. Николы, постройка которой окончена осенью 1870 года, во время моего пребыванія въ этихъ мѣстахъ. Эта караула построена въ видѣ четырехугольника, по угламъ котораго находятся выдающіяся квадратныя башни съ бойницами такого устройства, что изъ нихъ возможно обстрѣливать стѣны караулы. Для возведенія этой постройки были вызваны рабочіе христіане даже изъ деревень, расположенныхъ на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ означенной мѣстности.

---

[1]) Voyage en Bulgarie, 1841.

Мнѣ встрѣчались цѣлые караваны подобныхъ рабочихъ, между которыми были также старики и женщины, поднимавшіеся съ котомками за плечами на вершину горы, гдѣ проводили нѣсколько дней и ночей въ трудной работѣ, при ненастной погодѣ, безъ крова и всякаго вознагражденія. Когда новая караула будетъ вполнѣ готова, то въ старой, довольно уже ветхой, устроится гостинница для путешественниковъ и конюшни для почтовыхъ лошадей.

Значеніе подобныхъ укрѣпленныхъ мѣстъ въ Турціи и Сербіи совершенно различно. Цѣль постройки сербскихъ караулъ (блокгаузовъ) есть строгій надзоръ за правильнымъ исполненіемъ правительственныхъ предписаній въ санитарномъ отношеніи, а турецкій «беклеме» (караула), наоборотъ, предназначенъ совсѣмъ для другой цѣли, потому что предписанія санитарной коммисіи въ Турціи, подобно предписаніямъ многихъ европейскихъ учрежденій этого рода, остаются большею частью безъ примѣненія. Турецкіе блокгаузы устроиваются, съ одной стороны, для того, чтобы держать въ рукахъ христіанское народонаселеніе края, а съ другой—чтобы не допускать развитія уже черезчуръ дерзкихъ разбоевъ. Съ этою цѣлью не только на пограничной линіи, но и вдали отъ нея, внутри страны, разсѣяно значительное число беклеме, построенныхъ обыкновенно на возвышенныхъ пунктахъ, господствующихъ надъ деревнями райевъ. Они отличаются отъ сербскихъ караулъ большею прочностью постройки и сооружаются обыкновенно изъ камня; формою же своею они напоминаютъ небольшія крѣпости св. Троицы, Клобука и др., находящіяся въ Бокка ди Каттаро, въ Далмаціи, съ помощью которыхъ австрійцы сдерживаютъ воинственные порывы сыновъ Черногоріи. Я не встрѣчалъ ни въ одномъ изъ турецкихъ блокгаузовъ ни валовъ, ни рвовъ, но за то они снабжены всегда колодцами, хлѣбными печами, расположенными обыкновенно внутри неправильныхъ частоколовъ, окружающихъ ихъ. Гарнизонную службу въ турецкихъ беклеме исполняли прежде исключительно иррегулярныя войска, извѣстныя подъ именемъ страшныхъ баши-бузуковъ. Въ этихъ небольшихъ фортахъ никогда не было, да и въ настоящее время не существуетъ и тѣни той опрятности и субординаціи, которыя такъ пріятно поражаютъ глазъ въ турецкихъ казармахъ низама. Вдоль стѣнъ беклеме тянутся обыкновенно низкія и грязныя нары, а на очагѣ, тоже въ высшей степени неопрятномъ, находятся постоянно всѣ необходимыя принадлежности для приготовленія кофе, безъ котораго заптій не можетъ существовать. По угламъ разбросаны сѣдла и сбруя,

а на стѣнахъ развѣшаны богатыя уздечки съ блестящими металлическими украшеніями и красными кисточками и рядомъ съ ними ружья, ятаганы и пистолеты, вообще предметы, составляющіе гордость и наслажденіе заптія, — предметы, дающіе ему превосходство надъ христіанскими райями, не имѣющими права носить оружіе.

Въ одномъ изъ отдѣленій верхняго этажа караулы, пропускавшемъ свѣтъ сквозь двѣ бойницы, я замѣтилъ албанца изъ области Топлицы, сидѣвшаго со сложенными накрестъ ногами. Онъ занимался чисткою своего оружія, которое сдѣлало бы честь любому европейскому арсеналу. Съ гордостью протянулъ онъ мнѣ свой ятаганъ, чтобы я ближе его разсмотрѣлъ. Это былъ длинный, великолѣпный клинокъ, украшенный богатою гравировкою въ мавританскомъ стилѣ. Роскошные орнаменты изъ чеканнаго серебра покрывали выемку между клинкомъ и ребромъ рукоятки, сдѣланной изъ слоновой кости и усыпанной бирюзой. «Этотъ ножъ достался мнѣ отъ моего отца», сказалъ заптій на ломаномъ болгарскомъ нарѣчіи и указалъ на кровавыя письмена, которыя краснорѣчиво объясняли славное прошлое ятагана. При этихъ словахъ онъ улыбнулся. Почемъ знать? Можетъ быть этотъ клинокъ также способствовалъ въ 1809 году къ пріобрѣтенію ужаснаго матеріала для постройки нишской черепловой башни. Весьма вѣроятно также, что онъ оказалъ посильную помощь въ 1841 году, когда турки «успокоивали» болгаръ, возставшихъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго ихъ отягощенія податями. Въ то время албанцы, проникнувшіе до Моравы, оказали важныя услуги Портѣ. Раздѣлившись на летучіе отряды, они грабили, жгли и убивали все, что имъ попадалось на пути. Положеніе христіанъ было, по истинѣ, ужасно, и вопли женъ и дѣтей, лишенныхъ отцовъ, мужей и сыновей, раздавались на столько громко, что отозвались даже и въ западной Европѣ, относившейся въ то время очень апатично къ страданіямъ христіанъ въ Турціи.

Къ югу отъ Черногоріи и до самыхъ сѣверныхъ границъ Греціи разстилается по берегу Адріатическаго моря гористая страна Албанія. Въ ея горахъ до сихъ поръ существуетъ обычай клановъ, какъ это было въ средніе вѣка въ Шотландіи, а кровавая месть столько же въ обычаѣ, какъ было нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ въ Корсикѣ. Война и хищничество составляютъ характеристическую черту албанцевъ. Албанецъ— это древній швейцарецъ Турціи. Еще ребенкомъ его уже занимаютъ военныя забавы, а милитаризмъ, преобладающій въ администраціи, раз-

виваетъ въ немъ еще болѣе наклонности къ войнѣ. Въ то время, какъ хищныя орды ѳессалійцевъ могли выказывать свою удаль только на берегахъ Чернаго Дрина и Охридскаго озера, албанцы, съ разрѣшенія султана, безнаказанно дѣйствовали въ самой богатой турецкой провинціи, Болгаріи.

Въ моихъ рукахъ находятся драгоцѣнныя записки изъ того времени академика Бланки, который, по порученію Гизо, совершилъ путешествіе въ Болгарію. Хотя онъ пріѣхалъ туда уже спустя нѣсколько недѣль послѣ извѣстной катастрофы, но тѣмъ не менѣе его описаніе звѣрствъ и опустошеній, которыя онъ вездѣ встрѣчалъ на пути, поражаетъ по истинѣ ужасомъ. Когда, наконецъ, вся страна была превращена въ пустыню, то Порта нашла нужнымъ послать туда отрядъ низама, но только не противъ болгаръ, а противъ своей же полиціи, чтобы предохранить райевъ, нужныхъ ей для выжиманія изъ нихъ налоговъ, отъ полнаго ихъ уничтоженія албанскими баши-бузуками.

Въ Константинополѣ не забыли важныхъ услугъ, оказанныхъ правительству албанцами. Для предупрежденія дальнѣйшихъ возстаній райевъ и для поддержки армянскихъ откупщиковъ податей, дѣйствовавшихъ часто безчеловѣчно, а равно и для охраненія дорогъ, Порта построила въ странѣ, по границамъ, на дорогахъ и горныхъ проходахъ, многочисленные беклеме (караулы) и поселила въ нихъ страшныхъ албанскихъ баши-бузуковъ, отъ 4—10 человѣкъ въ каждой. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ они получили названіе заптіевъ, и Мидхадъ-паша, уничтожившій многія изъ ихъ привилегій, далъ имъ форму, составляющую смѣсь восточнаго покроя одежды съ западнымъ; но эта форма носится ими только въ городахъ, на глазахъ паши, а въ селахъ и деревняхъ баши-бузуки, любящіе особенно просторное платье и яркіе цвѣта, рѣдко облекаются въ нее.

Нѣтъ ничего живописнѣе для взгляда, какъ отрядъ албанскихъ заптіевъ, несущійся на своихъ небольшихъ, горячихъ лошадяхъ. Представьте себѣ свѣжія, здоровыя, исполненныя отваги фигуры, въ широкихъ голубыхъ или желтыхъ шараварахъ, покрывающихъ сандаліи съ большими разрѣзами назади, подвязанныхъ у колѣнъ и обложенныхъ безчисленнымъ множествомъ шнурковъ, въ зеленой или ярко-красной курткѣ съ длинными развѣвающимися рукавами, богато вышитой золотомъ и серебромъ, въ высокой красной фескѣ, обвязанной бѣлымъ полотномъ и съ длинною голубою кистью, доходящею до ворота рубашки; при

этомъ въ рукахъ или за плечами на ремнѣ красивая «албанка» (ружье), а за широкимъ поясомъ ятаганъ, покрытый драгоцѣнными камнями, оправленные въ чеканное серебро пистолетъ и патронташъ, а также металлическій шомполъ и пузырекъ съ масломъ, прикрѣпленные на шнуркахъ; и вся эта толпа, звеня и блестя на солнцѣ, проносится вихремъ предъ вашими глазами. Въ противоположность гусарамъ, извѣстнымъ кавалеристамъ равнины, албанцы считаются природными наѣздниками крутыхъ лѣсистыхъ горъ на востокѣ Иллирійскаго треугольника. Въ означенныхъ мѣстностяхъ эти потомки Скандербега едва ли уступятъ въ гверильясской войнѣ европейской кавалеріи.

На сколько я замѣтилъ, заптій пользуется въ Европейской Турціи большою властью, и поселяне знаютъ это и страшатся его. Заптій исполняетъ въ деревняхъ приказанія и собираетъ подати; онъ же слѣдуетъ всюду за инженерами, такъ какъ всегда лучше ихъ знакомъ съ условіями мѣстности, и наконецъ назначаетъ также число поселянъ на обязательныя работы при постройкахъ дорогъ, телеграфовъ, карауловъ и другихъ правительственныхъ учрежденій. Тяжесть подобныхъ работъ отзывается всегда больше на христіанскомъ, чѣмъ на мусульманскомъ народонаселеніи и притомъ никогда не вознаграждается. Заптій, однимъ словомъ, соединяетъ въ одномъ лицѣ обязанности правительственнаго чиновника, сборщика податей, инженера, полицейскаго, а также и судьи. Поэтому быть съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, угощать его во время его поѣздокъ и вообще пріобрѣсти во что-бы то ни стало его расположеніе составляетъ главную заботу всѣхъ сельскихъ чорбашей. Заптій—непосредственный представитель султанскаго правительства въ деревняхъ.

Съ высоты горнаго прохода Св. Николы открывается въ даль роскошная панорама. Къ юго-западу, за высотами на лѣвомъ берегу Нишавы, видны вдали высокія горы, которыя, по словамъ гарнизона караулы, извѣстны подъ названіемъ «Чрна Трава». Я не нашелъ этого имени на картѣ Киперта, хотя Ами Буэ [1]) и упоминаетъ объ означенныхъ горахъ, какъ о значительной возвышенности при Цернѣ. Къ з.-ю.-з. между Нишавой и болгарской Моравой тянутся горныя цѣпи Сувы-Планины, далѣе къ западу вершины Копаоника, самой высокой горы въ Сербіи, на которую я поднимался въ 1860 году, а немного сѣ-

[1]) Буэ, Европейская Турція. I, 195.

вернѣе—зубчатые гребни горъ, находящихся къ западу отъ Новаго Базара. Ближе ко мнѣ возвышаются серско-болгарскія пограничныя горы Ястребацъ, а къ сѣверо-западу можно видѣть сербскія высоты въ Крушевацкомъ и Рудникскомъ округахъ.

Всѣ эти горы, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ группъ, были уже въ срединѣ октября покрыты снѣгомъ, и ихъ бѣлыя вершины рѣдко выдѣлялись на темно-синемъ небосклонѣ.

При перемѣщеніи наблюдательнаго поста въ противоположномъ направленіи, къ сѣверо-западу, видъ съ Балкана Св. Николы ограничивается небольшимъ пространствомъ. Взоромъ представляются западныя высокія горы съ голыми вершинами, изъ которыхъ вытекаетъ Ломъ, ниже—горная возвышенность и еще ниже—плоская возвышенность, по которой Ломъ течетъ до впаденія своего въ Дунай, а далѣе за означенною рѣкою виднѣются вдали низменности Румыніи. Крѣпость Виддинъ съ Калафатомъ, а равно и города Арчеръ и Ломъ можно также видѣть съ помощью зрительной трубы.

Изъ настоящаго краткаго очерка панорамы, открывающейся съ вершины Св. Николы, можно видѣть, что построенная наверху караула представляетъ не менѣе удобствъ для будущихъ тригонометрическихъ съемокъ этой мѣстности, чѣмъ соотвѣтствующій ей бѣлый Изворскій блокгаузъ, о которомъ было говорено выше.

Была уже сильная стужа, когда я окончилъ свои съемки горныхъ профилей и пеленгованіе пунктовъ, представлявшихъ особую важность. Затѣмъ я началъ спускаться по безчисленнымъ и опаснымъ извилинамъ крутонисходящей дороги къ лежащей значительно ниже второй караулѣ на ручьѣ Чупренъ и потомъ далѣе, по довольно широкой долинѣ, къ деревнѣ и почтовой станціи того же имени. На пути къ караулѣ я былъ очарованъ роскошными ландшафтами съ величественными буковыми и дубовыми лѣсами и кристаллическими обломками скалъ, которые здѣсь встрѣчались очень часто. Напрасно я искалъ на бывшихъ со мною лучшихъ картахъ караулы и почтовой станціи: вмѣсто нихъ я находилъ названія мѣстностей и рѣкъ, существованіе которыхъ весьма сомнительно.

Даже на картѣ Ами Буэ, оказавшаго важныя услуги географіи Турціи, я нашелъ вмѣсто означенныхъ мѣстностей тѣ же несуществующія рѣки и города, которыми отличались старыя карты. Кипертъ же, руководствовавшійся всегда свѣдѣніями Буэ, само собою разумѣется, по-

вторилъ его ошибки при составленіи своей карты Турціи 1853 года. «Du Tzerni-Vr (!) descendent le grand Timok, le Smorden (!), le Lom, le Dschibra et les affluents du Nichava» [1]), говоритъ Буэ въ «La Turquie d'Europe» [2]). Такимъ образомъ, по Буэ, совершенно сказочная гора «Чрни-Връ» составляетъ границу между Дунаемъ и Нишавой и въ то же время служитъ источникомъ такой же сказочной рѣкѣ «Сморденъ».

Не смотря на то, что всѣ эти грубыя ошибки, характеризующія вполнѣ наши плохія знанія относительно означенныхъ мѣстностей, описаны уже мною въ «Reise in Südserbien und Nordbolgarien» (1868), ихъ можно цѣликомъ встрѣтить на картѣ Турціи полковника Шеда, изданной гораздо позже 1868 года. Я не хочу, однако, подробно перечислять всѣ неточности прежнихъ картографическихъ описаній областей Лома, а упомянулъ здѣсь только о самыхъ важныхъ изъ нихъ, разсчитывая, что остальныя выяснятся моею картой, которую прошу сравнить со всѣми вышедшими въ свѣтъ раньше ея [3]).

Послѣ перехода черезъ проходъ Св. Николы, при входѣ въ область источниковъ Лома, мѣстность, начиная уже съ долины Чупренъ, принимаетъ совсѣмъ иной характеръ. Означенная долина со времени ея астрономическаго опредѣленія австрійцами (1871) сдѣлалась важнымъ пунктомъ для составленія карты западной Болгаріи. По направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, мѣстность, замкнутая со всѣхъ сторонъ умѣренно-высокими горами, представляетъ поля, покрытыя фруктовыми деревьями и виноградниками, что доказываетъ нѣкоторое благосостояніе туземныхъ жителей. Изъ горъ, окаймляющихъ на востокѣ долину Чупренъ, вытекаютъ источники Лома, на притокахъ котораго расположены мѣстечки Горній и Дольній-Ломъ (Верхній и Нижній Ломъ).

Ломъ, кромѣ многихъ мелкихъ притоковъ, принимаетъ въ себя еще слѣдующіе три рукава: 1) Чупренску рѣку, отдѣленную отъ него горами «Медвѣдь», 2) Стайковску рьеку, вытекающую изъ сербско-болгарскихъ пограничныхъ горъ и отдѣленную отъ Чупренски рѣки также горами Врбова, и, наконецъ, 3) Белотинску рѣку, берущую начало близъ мѣстечка

[1]) Изъ Чрни-Връ (!) вытекаютъ Великій Тимокъ, Сморденъ (!), Ломъ Джибра и притоки Нишавы.

[2]) I томъ, стр. 151.

[3]) Я исключаю карту Киперта 1871 года, такъ какъ онъ, какъ я уже упоминалъ ранѣе, при ея изданіи руководствовался моими сообщеніями.

того же имени. Чупренска и Стайковска рѣки соединяются у мѣстечка Фальковце и впадають въ Ломъ при Рузинце, а Белотынска рѣка гораздо восточнѣе, ниже Брузарчи.

При деревнѣ Чупреня, почтовая дорога раздѣляется на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна, направляясь преимущественно къ сѣверу, ведетъ по лѣсистой, живописной Врбовской долинѣ, черезъ Боровицу, въ Бѣлградчикъ и Виддинъ, а другая, направляющаяся къ Дунаю и идущая прямо въ Ломъ, оставляетъ Врбовскую долину влѣво, а деревни Трговище и Попинце вправо и, проходя по узкому ущелью, по которому течетъ Чупренски-рѣка и которое начинается позади послѣдней деревни, достигаетъ мѣста сліянія этой рѣки со Стойковскою рѣкой при блокгаузѣ и ханѣ Фальковце, мимо котораго также идетъ дорога изъ Лома черезъ Бѣлградчикъ въ Виддинъ.

Изъ Фальковицкаго хана открывается чудный видъ на источники Лома и другія окрестности, но только въ направленіи совершенно противоположномъ тому, которымъ я держался при описаніи вида, открывающагося съ Изворскаго блокгауза. Эта панорама замыкается на югѣ Чипоровицкими и Чупренскими, а на сѣверѣ—Столовыми горами и можетъ служить важнымъ пособіемъ при изученіи орографіи этой, до сихъ поръ еще мало извѣстной, мѣстности. Скромный ханъ или гостинница живописно опирается на колоссальную скалу, послѣднюю выдающуюся къ юв. отрасль живописныхъ песчаныхъ горъ, которыя тянутся по лѣвому берегу Стайковски отъ Бѣлградчика до самаго Фальковца и приковываютъ вниманіе путешественника своими фантастическими формами.

Непосредственно за Фальковцемъ горы постепенно понижаются и прилегаютъ къ террасѣ, подходящей къ окраинѣ берега Дуная и образующей большею частью уступъ. На этой террасѣ Ломъ, значительно усиленный въ своемъ теченіи при мѣстечкѣ Кривобарѣ разными притоками, принимаетъ свое главное направленіе отъ ю. къ с. и в.

Долина Лома очень плодородна и населена гораздо гуще, чѣмъ показываетъ Шеда на своей картѣ. Впрочемъ, послѣдняго картографа и немногія заселенныя мѣстности, значущіяся на картѣ, показаны не тамъ, гдѣ онѣ должны быть, а на берегахъ упомянутой мною выше сказочной рѣки Сморденъ, столь же фиктивный, какъ и оба городка, Пирсникъ и Дриноваць, значащіеся до сихъ поръ въ атласѣ Штилера въ числѣ другихъ мѣстечекъ на рѣкѣ Ломѣ. Отъ прохода Св. Николы и до Лома на Дунаѣ я не встрѣтилъ ни одного города.

Хотя почва въ области Лома и плодородна, но разныя несчастныя обстоятельства, въ продолженіе многихъ столѣтій, мѣшали развитію промышленности и торговли въ этомъ благодатномъ уголку. Продолжительныя войны дѣйствовали всегда гибельно на жителей этой области, и только въ настоящемъ столѣтіи румынскіе переселенцы съ другаго берега Дуная увеличили снова до нѣкоторой степени число народонаселенія. Но такъ какъ это народонаселеніе стоитъ еще на низшей ступени развитія, то для сѣверо-западной Болгаріи должна быть выработана особая форма правленія, для того чтобы всѣ элементы, нужные для процвѣтанія городовъ, привести къ соотвѣтствующему усовершенствованію.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ консулъ Ганъ помѣстилъ у себя на картѣ неизвѣстный до тѣхъ поръ албанскій городокъ Кружево (около 3,000 жителей), а мнѣ теперь приходится, наоборотъ, вычеркнуть изъ карты не только упомянутый выше городъ «Иснеболъ» на Тимокѣ, но также и городки Пирсникъ и Дриновацъ на Ломѣ, такъ какъ изъ всѣхъ трехъ существуетъ только послѣдній, да и то не въ видѣ города, а простой деревушки, состоящей изъ 80 дворовъ. На этомъ мѣстѣ, судя по развалинамъ зáмка, находящимся тамъ, вѣроятно существовалъ прежде римскій, а потомъ староболгарскій городъ, реставрированный византійцами и бывшій резиденціей епископа. Теперь же въ Дриновацѣ нѣтъ даже и церкви, и его жители принадлежатъ къ приходу большаго села Черлово, имѣющаго блокгаузъ и служащаго промежуточною почтовою станціей между мѣстечкомъ Чупрень и городомъ Ломъ-Паланкою.

Отъ Черлова до Дуная, по рѣкѣ Ломъ, встрѣчаются самыя разнообразныя народности. Болгары, румыны, татары и черкесы живутъ на разстояніи 20 минутъ другъ отъ друга. Татары совершенно бросили свой костюмъ, принесенный ими изъ Крыма, и замѣнили его болгарскою чубарой (овчинная шапка), бѣлою, вышитою со складками, рубашкой и опинчами (родъ сандалій). Они говорятъ большею частью по-болгарски, находятся постоянно въ хорошихъ отношеніяхъ съ славянскими народами и своимъ всюду извѣстнымъ трудолюбіемъ довели поселенія, въ сравнительно короткое время, до значительнаго благосостоянія. Къ чести ихъ слѣдуетъ замѣтить, что они обращаютъ особенное вниманіе на школы.

На сколько черкесы, поселенные на обоихъ берегахъ Лома, выкажутъ себя способными къ обработыванію обширныхъ болгарскихъ полей, будетъ видно изъ дальнѣйшихъ событій. Вначалѣ своею склонностью къ господству, грабежамъ и воровству навлекали на себя ненависть не только

турецкаго, но и татарско-румынско-болгарскаго сельскаго народонаселенія. Но съ 1864 г. они стали видимо поправляться. Нужда заставила этихъ героевъ Кавказа взяться за соху, и уже въ 1870 г. я видѣлъ многихъ черкешенокъ, работавшихъ въ полѣ. Изъ старыхъ привычекъ у черкеса осталась только одна сильная склонность къ конокрадству. Въ этомъ отношеніи черкесы соперничаютъ съ кочующими цыганами, и сотни ихъ искупаютъ въ Виддинской крѣпости свою непреодолимую склонность къ похищенію лошадей; но они очень чувствительны къ малѣйшему наказанію и потому послѣдовательною строгостью имъ можно было бы внушить болѣе западныя понятія также и относительно присвоенія чужихъ домашнихъ животныхъ.

Въ селеніи Василовце встрѣтилъ я болгаръ, переселившихся въ 1861 году въ Крымъ и возвратившихся оттуда въ 1862 г. вполнѣ разочарованными въ своихъ надеждахъ. Они нашли оставленныя ими селенія занятыми уже татарами, и имъ ничего болѣе не оставалось, какъ строиться на новыхъ мѣстахъ, на сколько это позволяли имъ ихъ скудныя средства. Эти новыя поселенія имѣютъ непривлекательный видъ и приводятъ въ изумленіе западнаго европейца. Я увидалъ здѣсь живые образы людей бронзоваго вѣка, «пеппитовъ Англезеи», описанныхъ Овеномъ Стенлеемъ [1]); хаты ихъ, врытыя до половины въ землю, съ земляными кровлями, опирающимися на древесные стволы, стоящіе наискось одинъ противъ другаго, снабженныя исполинскими трубами изъ тростниковаго плетня, представлялись жилищами «троглодитовъ». При видѣ этихъ болгаръ, какъ наслѣдниковъ тѣхъ троглодитовъ, которые, по сообщеніямъ Птоломея, жили на берегахъ Дуная въ сѣверо-восточной Мезіи, Эдвардъ Браунъ [2]), объѣзжавшій эти страны 200 лѣтъ тому назадъ, по порученію лондонскаго ученаго общества, могъ бы гораздо справедливѣе воскликнуть, чѣмъ при видѣ нѣкоторыхъ цыганскихъ шалашей, найденныхъ имъ тутъ: «Now I believe the Troglodytes of ald, whereof Herodotus and Srabo told. Since every where about these parts in holes circular men I find and human moles».

Если сопоставить эти образцы первобытныхъ построекъ съ городскими зданіями усовершенствованной архитектуры, построенными и обитаемыми тѣмъ же народомъ, который строилъ эти первобытныя лачуги

---

[1]) On the remains of the Ancient Circular Habitations in Holyhead Island. By the Hon. W. O. Stanley.

[2]) A brief account of some Trovels in Hungaria, servia etc. London. 1673.

и который живетъ въ нихъ, то археологамъ и культуро-историкамъ придется относиться весьма осторожно къ классификаціи и различію доисторическихъ остатковъ, такъ какъ здѣсь мы видимъ примѣръ, какъ люди, принадлежащіе къ народности, отличающейся своими способностями къ различнымъ ремесламъ, своимъ артистическимъ искуствомъ въ производствѣ филиграновыхъ работъ, горшечныхъ издѣлій и разныхъ тканей, живутъ въ жилищахъ, достойныхъ кафровъ, извѣстныхъ своею полнѣйшей неспособностью къ искусствамъ и ремесламъ.

На разстояніи 1½ часа ѣзды отъ Василовца по направленію къ сѣверо-востоку находится турецко-болгарскій городъ Ломъ-Паланка, одна изъ важнѣйшихъ пароходныхъ пристаней на Дунаѣ, оживленная кипучею торговою дѣятельностью. Въ немъ сосредоточивается управленіе округомъ того же наименованія. Онъ расположенъ на берегу Лома, у самаго впаденія этой рѣки въ Дунай, хотя на нашихъ картахъ, даже на послѣдней, полковника фонъ-Шеда, онъ отнесенъ на ¾ часа ѣзды отъ рѣки Лома и показанъ на берегу какого-то несуществующаго ручья.

Прежде чѣмъ мы простимся здѣсь съ идущею чрезъ проходъ Свято-Никола-Балкана большою почтовою дорогой, которой послѣдній конецъ отъ Чорлова до Дуная былъ весьма дурно проведенъ и позднѣе долженъ былъ быть перестроенъ во многихъ мѣстахъ, скажемъ еще къ чести прежняго губернатора дунайскихъ провинцій, Мидхада-паши, котораго крайняя строгость и энергія вели иногда далѣе той цѣли, которой онъ хотѣлъ достигнуть, что онъ успѣлъ относительно въ весьма короткій срокъ сдѣлать эту громадную постройку первой дороги въ Турціи, устроенной на европейскій ладъ, и передалъ ее въ распоряженіе почтоваго вѣдомства. Какъ бы ни былъ первобытенъ и несовершененъ во многихъ отношеніяхъ этотъ почтовый трактъ, онъ все-таки представляется благодѣяніемъ тѣмъ, которые знали неудобства прежнихъ сообщеній. Учрежденіе гоньбы почтовыхъ экипажей, бывшее совершенно неизвѣстнымъ прежде въ Турціи, содержится на этомъ трактѣ одною частною компаніей подъ защитой правительства. Нѣкоторые изъ большихъ карауловъ служатъ въ одно и то же время конюшнями для смѣняемыхъ лошадей и пріемными почтовыми станціями для путешественниковъ. Къ несчастію, самые экипажи устроены по дурнымъ образцамъ; они открыты, очень тѣсны и представляютъ мало комфорта для путешественника. Исчисленіе прогоновъ дѣлается по краткимъ турецкимъ дорожнымъ часамъ: 5 піастровъ за часъ ѣзды съ одной особы и 7—съ двухъ особъ. Лишь

въ крайнемъ случаѣ допускается помѣщеніе третьяго лица рядомъ съ кучеромъ, чтó крайне чувствительно для слабыхъ, маленькихъ лошадей. Впрочемъ, меня увѣряли, что скоро будутъ пущены въ ходъ болѣе просторные экипажи и болѣе крѣпкія лошади.

Новымъ положеніемъ дороги выигралъ очень турецкій каймаковый городъ Ломъ. Онъ сдѣлался главною гаванью ввоза валахской соли, мануфактурныхъ и колоніальныхъ товаровъ для всей сѣверо-западной Болгаріи, а равно и вывоза всѣхъ туземныхъ продуктовъ земли, хлѣба, скота, мѣховъ, шерсти и т. д. Скоро первобытные способы сообщенія извнѣ и внутрь страны окажутся неудовлетворительными. Если отъ проектированной нишъ-константинопольской желѣзно-дорожной линіи будетъ проведенъ побочный рельсовый путь, то не иначе, какъ между Софіей, Пиротомъ или Бѣло-Паланкой и Ломомъ, такъ какъ этого настоятельно потребуютъ торговля Болгаріи, Австро-Венгріи и Дунайскихъ Княжествъ. Уже и нынѣ ломское агентство имп. общества пароходства по Дунаю весьма дѣятельно служитъ торговымъ сношеніямъ и по количеству отправляемыхъ имъ транспортовъ принадлежитъ къ одной изъ важнѣйшихъ пароходныхъ компаній нижняго Дуная. Наплывомъ груза оно обязано, съ одной стороны, уклоненію сербскихъ транзитныхъ дорогъ, а съ другой—дѣятельности одного изъ своихъ агентовъ Роческо, пребывающаго въ тѣхъ мѣстностяхъ съ давнихъ лѣтъ. Этотъ агентъ оказалъ особенно важныя услуги обществу во время переселенія черкесовъ, для которыхъ Ломъ представлялся одннмъ изъ самыхъ прочныхъ мѣстъ для переселенія. Позднѣе я буду объ этомъ говорить подробнѣе. Въ Ломѣ на каждомъ шагу встрѣчаются бывшіе сыны Кавказа. До сихъ поръ черкесы, подобно болгарскимъ райямъ, доставляли Высокой Портѣ лишь множество заботъ и требовали жертвъ въ различныхъ формахъ. Впрочемъ, въ ущербъ райямъ, черкесскій элементъ служитъ сильнымъ подкрѣпленіемъ умирающей турецкой расѣ и образуетъ пограничную баррикаду между Болгаріей и Сербіей, стремящейся всегда къ независимости и возбуждающей въ болгарскомъ народонаселеніи такія же стремленія.

Въ Ломѣ, какъ почти во всѣхъ дунайскихъ городахъ, турецкое владычество утвердилось непосредственно во всѣхъ крѣпостяхъ, заключающихъ въ себѣ остатки римско-византійскихъ работъ. Itiner. Ant. показываетъ мѣстечко Альмъ на разстояніи 18 мил. отъ Ратіаріи. На таблицѣ Пейт. оно показано въ 16 мил. отъ мезійскаго главнаго города на Дунаѣ. Послѣднее измѣреніе представляетъ точь въ точь разстояніе

между Арчеромъ или Акчаромъ и Ломъ-Паланкой. По сравненіи различныхъ маршрутовъ съ нижеслѣдующими отзывами нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Ратарія находилась на мѣстѣ Арцера, а Альмъ на мѣстѣ Лома. Еще и нынѣ въ окрестностяхъ городка Альма встрѣчаются слѣды византійскаго лагеря. На его сѣверной сторонѣ, обращенной къ Дунаю, около самаго берега, я нашелъ кусокъ исполинской стѣны, шириною въ нѣсколько метровъ, несомнѣнно римскаго издѣлія, свалившейся, вѣроятно, вмѣстѣ съ глыбами высокой террасы, подмываемой водою; не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію также и то, что матеріалы этой стѣны исчезли въ различныхъ болгаро-зинзарскихъ постройкахъ.

Кале (замокъ), обитаемый исключительно турками, состоитъ изъ квадратнаго, довольно высокаго вала, съ круглыми бастіонами по угламъ, заключающими въ себѣ нѣсколько маленькихъ пушекъ. Его стороны имѣютъ до 190 метровъ длины. Вѣроятно это была та граница, въ которую включилъ, по сообщенію Прокопія [1]), императоръ Юстиніанъ слишкомъ растянувшееся мѣстечко, чтобы придать ему болѣе силы. По Natitia Imp. здѣсь находился одинъ отрядъ кавалеріи [2]). Въ настоящее время защита кале поручена турецкому народонаселенію, составляющему нѣчто въ родѣ національной гвардіи. Обои ворота съ южной и западной стороны, черезъ которыя кале сообщается съ городомъ, вечеромъ обыкновенно запираются.

[1]) Геграфія Маннерта, томъ VII.
[2]) Forbiger's Handl. III Bd.

V.

Между Ломомъ, Арчеромъ и Витболемъ.

Напрасные розыски рѣки и селенія Сморденъ, обозначенныхъ на нашихъ картахъ.—Неизвѣстная рѣчка Скомля. — Терраса между Ломомъ и Арчеромъ.—Монастырь св. Враче.—Его церковь и чудотворный ключъ.—Ключевые духи.—Въ Скомлѣ ни одной грамотной души.—Описаніе болгарской сельской школы.—Арчеръ, древняя Ратіарія.—Удачное опредѣленіе *Карея* относительно римской и турецкой эпохъ въ придунайскихъ странахъ.—Историческіе разсказы насчетъ Ратіаріи.—Археологическія находки тамъ.—«Корпусъ» Момзена.—Розыски римской дороги между Незусомъ и Ратіаріей.—Римскія каменоломни близъ Лагошовца.—Ложе рѣки Арчеръ.—Открытіе римскаго лагеря близъ Острокавца.—Развалины римскаго города близъ Кладрупа.—Болгарскій «Кромлехъ».—Надписи и могилы близъ Рабиша.—Конбустика и таблица Пейтингера.—«Пилавбаиръ» и озеро близъ Робиша.—Обширный видъ съ Магуры.—Возвратившійся крымскій переселенецъ.—Способность болгаръ къ языкамъ.—Рѣка Раковица.—Сербскіе гайдуки 1864 г. въ Макрешѣ.—Изслѣдованіе витбольскихъ источниковъ.—Въ Грамадѣ, въ домѣ кмета.—Турецкій чифтликъ.—Удаленіе турокъ изъ городовъ.—Водоподъемныя работы болгаръ.—Витбольская область на картѣ полковника фонъ-Шеда.—Низамскій пикетъ въ одной римской крѣпостцѣ на Дунаѣ.—Сербскій гербъ на церкви въ Витболѣ.—Известково-скалистые столбы близъ Войника.—Романическій ночной бивакъ въ Садреѣ.—120-ти-лѣтній райя.—Незавидное состояніе черкесской колоніи Кулы.—Первобытный способъ очищенія хлѣбныхъ зеренъ въ Старопатицѣ.—Черкесское селеніе, пользующееся дурною репутаціей.—Уединеніе въ монастырѣ Св. Троицы.—Помѣшанные монахи.—Ихъ идеалы.—Церковное полотно и напутственное благословеніе игумена.—Монастырская школа осталась, къ счастію, сзади.

По всѣмъ и даже по лучшимъ новѣйшимъ картамъ, на дорогѣ изъ Лома въ Арчеръ, приблизительно между двумя только-что описанными нами римскими крѣпостями на Дунаѣ, я долженъ былъ бы встрѣтить село Сморденъ, показанное на всѣхъ картахъ при устьѣ рѣки того же наименованія. Но всѣ мои разспросы объ этой рѣкѣ и деревнѣ оказались напрасными. Мои старанія отыскать ихъ были столь же безплодны, какъ нѣкогда старанія найти исполинскую гору Зрни-Врхъ, изъ которой должны были вытекать источники загадочной рѣки. Вмѣсто нея, т. е. рѣки Сморденъ, я нашелъ въ 1864 г. маленькій ручей, носящій названіе рѣки Скомля, источники которой исходятъ изъ неизвѣстной на нашихъ картахъ Столовой горы, находящейся близъ Бѣлградчика.

Программа моего путешествія 1848 г. заключалась въ томъ, чтобы узнать резервуаръ Скомли, рѣчки, впадающей въ Дунай близъ Толовицы, и затѣмъ опредѣлить точнѣе источники и теченіе Арчера и Витболя; существованія же самостоятельной рѣчки Раковицы въ то время

я совсѣмъ не подозрѣвалъ. Близъ Криводаля я повернулъ отъ прелестнаго селенія, расположеннаго на Дунаѣ и населеннаго болгарами, къ западу и, поднявшись на отлогую возвышенность, очутился опять на площадкѣ далеко растянутой дунайской террасы, которая между Ломомъ и Витболемъ въ своихъ наиболѣе возвышенныхъ пунктахъ достигаетъ 130 метровъ высоты и мѣстами покрыта довольно густымъ лѣсомъ. Я отправился по направленію ея, придерживаясь ея края. Между Ломомъ и устьемъ Скомли этотъ край, поднимаясь въ видѣ второй, верхней ступени, образуетъ полукругъ и, отдѣляясь отъ нижней ступени, хорошо воздѣланной во многихъ мѣстахъ и идущей вплоть до береговъ Дуная, способствовалъ поселенію въ послѣдніе годы татаръ и черкесовъ на этомъ нижнемъ уступѣ. У моихъ ногъ лежали деревни Урзой и Слива, заселенныя татарами послѣ того, какъ ихъ прежнее болгарское народонаселеніе переселилось въ 1861 году въ Крымъ, затѣмъ деревня Добрый долъ, населенная татарами и черкесами. Деревни эти, разсматриваемыя сверху, производятъ непріятное впечатлѣніе. Онѣ представляются мѣстами, заваленными копнами сѣна, разбросанными тамъ и сямъ какъ попало. Почва здѣсь великолѣпная и такъ хорошо вознаграждаетъ трудъ своихъ прилежныхъ пахарей-татаръ, что при хорошихъ урожаяхъ они ведутъ оживленную торговлю хлѣбомъ. Жилища же этихъ трудолюбивыхъ земледѣльцевъ не много лучше лачугъ лѣнивыхъ черкесовъ. Почва второй, верхней ступени, на которой я находился, покрыта на всемъ пространствѣ, обнимаемомъ взоромъ, дубовыми кустарниками, и лишь изрѣдка кое-гдѣ виднѣются изолированныя маисовыя, дынныя или тыквенныя плантаціи, принадлежащія большею частію татарамъ или черкесамъ. Въ татарскихъ поселеніяхъ я всегда заставалъ на поляхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей дѣятельно работающими; въ черкесскихъ же я видѣлъ на полевыхъ работахъ только мужское молодое народонаселеніе, женщинъ же весьма рѣдко, какъ исключеніе. Впрочемъ, можно надѣяться, что и черкесы, по примѣру татаръ, акклиматизировавшихся вполнѣ и усвоившихъ себѣ болгарскій костюмъ и даже отчасти языкъ, также примутъ туземные обычаи, перестанутъ обособляться и во всякомъ случаѣ бросятъ свой обычай воспитывать женщинъ для гаремной жизни. До сего времени они продолжаютъ еще внушать страхъ болгарамъ, татарамъ и даже туркамъ. Недавно они забрались въ ночное время въ монастырь св. Враче, лежащій на разстояніи $^3/_4$ часа отъ Добраго дола, и произвели тамъ воровство, вслѣдствіе чего игуменъ взялъ

въ сторожа одного полуинвалида-черкеса, въ надеждѣ оградить св. обитель отъ дальнѣйшихъ нападеній со стороны его соотечественниковъ.

Татарскій мухтаръ (представитель сельской общины) былъ нашимъ проводникомъ въ монастырь св. Враче, расположенный на умѣренной возвышенности въ одной изъ многочисленныхъ долинъ, перерѣзывающихъ терасу съ запада къ востоку по направленію къ Дунаю. Близъ Добраго дола мѣстность измѣняется: вмѣсто почвы, покрытой скудною растительностью и низкимъ кустарникомъ, взорамъ представляются роскошные луга и хотя не густые, но все-таки порядочные лиственные лѣса, въ которыхъ, помимо всякой другой дичи, гнѣздится множество куропатокъ. Пріятное зрѣлище представляли также монастырскіе поля, виноградники и плодовые сады. Они окружены со всѣхъ сторонъ прекрасными пастбищами, на которыхъ пасутся многочисленныя монастырскія стада подъ надзоромъ пастуховъ, ютящихся подъ тѣнью густолиственнаго орѣшника.

Монастырь св. Враче сгорѣлъ до тла 40 лѣтъ тому назадъ и лишь въ 1856 г. былъ реставрированъ нынѣшнимъ его игуменомъ. Маленькая монастырская церковь, выстроенная зинзарами, состоитъ изъ продолговатаго корпуса, увѣнчаннаго маленькимъ куполомъ. Лучшее ея украшеніе составляетъ утвержденная на столбахъ пристройка, замѣняющая порталъ и украшенная довольно фантастическими изображеніями побѣды христіанства надъ язычествомъ въ видѣ первобытной символической Св. Троицы. Украшенія портала совершенно сходны съ подобными же украшеніями въ церкви Бреговы на Тимокѣ и напоминаютъ, какъ и всѣ подобныя имъ македо-влахскія работы, византійскіе первообразы и традиціи.

На зеленой лужайкѣ между церковью и кельями монаховъ возвышается деревянная колокольня, на которую ведетъ очень опасная лѣстница. У входа въ св. обитель находится колодезь турецкаго устройства, доставляющій прекраснѣйшую воду. Надъ другимъ колодцемъ выведено мрачное зданіе въ видѣ часовни. Говорятъ, что его ключи имѣютъ цѣлебное свойство, а именно излѣчиваютъ отъ глазныхъ болѣзней, что привлекаетъ множество посѣтителей въ монастырь. Какъ у сербовъ [1]), такъ и у болгаръ, я встрѣтилъ слѣды извѣстнаго древняго культа воды, который былъ распространенъ, по сообщеніямъ древнихъ лѣтописей [2]),

---

[1]) Каницъ, «Сербія». Стр. 152, 154, 272, 536, 537, 538, 543.

[2]) Лебокъ, «Доисторическія времена». Лейпцигъ, 1874 г., стр. 212.

между галльскими, германскими и проч. народами въ видѣ культа моря. Морскимъ богамъ приносились всевозможныя жертвы, и обычай, существующій до сихъ поръ у южныхъ славянъ, шотландцевъ и прочихъ народовъ, бросать монеты въ священные, чудотворные источники слѣдуетъ отнести къ остаткамъ этихъ традицій. Несомнѣнно, что эти монеты попадаютъ въ руки св. отцевъ, умѣющихъ подкрѣплять чудесную силу воды своими молитвами. Въ воскресные и праздничные дни, а въ особенности въ праздникъ патрона монастыря, три монаха, находящіеся въ немъ, едва успѣваютъ удовлетворять требованія молебствій богомольцевъ, собирающихся тамъ, и игуменъ Василій, стоящій, по своему невѣжеству, на одномъ уровнѣ съ крестьянами и получившій титулъ хаджи со времени своего путешествія въ Іерусалимъ, празднуетъ обыкновенно всѣ эти дни съ большимъ, какъ матеріальнымъ, такъ и духовнымъ, торжествомъ.

Напрасно искалъ я въ монастырѣ св. Враче старой церковной утвари или старыхъ книгъ: тамъ все было новое. По осмотрѣ монастыря отправился я по дорогѣ, ведущей чрезъ болгарскія селенія Водніанцу (70—90 дворовъ) и Метовницу, въ Скомлю, значительное мѣстечко, по имени котораго называется, вѣроятно, и рѣчка, замѣнившая на моей картѣ вымышленную рѣку Сморденъ. Предъ самымъ селеніемъ мы переѣхали чрезъ южный рукавъ Скомли, выходящій изъ нея выше села на разстояніе $^1/_2$ часа. Онъ глубоко врѣзался въ верхній слой, но нижнихъ известковыхъ слоевъ прорыть не могъ и непосредственно у самаго брода образуетъ изъ нѣсколькихъ ступеней каскадъ, который долженъ весной, при полноводіи, представлять прелестное зрѣлище. Мѣстность, по которой мы пробирались къ этому броду, чрезвычайно разнообразна и живописна; роскошные луга, орошаемые свѣтлыми источниками, смѣняются расчищенными лѣсными участками, растянутыми на огромныя пространства, и богатыми маисовыми плантаціями, скрывающимися въ зелени молодыхъ лиственныхъ лѣсовъ. Тамъ и сямъ мы видѣли еще на поляхъ трудолюбивыхъ поселянъ, спѣшившихъ окончить свои дневныя работы и отправиться домой, такъ какъ послѣдніе лучи заходящаго солнца переломлялись уже о высокіе гребни Столовой горы и слабо освѣщали разстилавшійся у подошвы ихъ пейзажъ, который словно зеленой окутывался вечернею мглой. Была уже ночь, когда мы добрались до нашего бивуака въ Скомлѣ.

Скомля — это большое, богатое селеніе, но при всемъ томъ не имѣющее ни церкви, ни школы, и между его жителями нѣтъ ни одного человѣка грамотнаго; впрочемъ, во всей окрестности, какъ мнѣ говорили, никто не владѣетъ грамотой, за исключеніемъ священника ближайшаго села Ореша. Здѣсь, какъ въ большинствѣ болгарскихъ селъ, уплата податей отмѣчается на биркахъ въ дубликатахъ, и одинъ экземпляръ остается у представителя общины, а другой удерживается сборщикомъ податей для контроля. Каждая зарубка на этихъ биркахъ обозначаетъ 10 піастровъ. Очень немногіе изъ сельскихъ жителей знаютъ свои лѣта, и очень немногія изъ матерей въ состояніи опредѣлить лѣта своихъ дѣтей. Ближайшая отъ Скомли школа находится въ Изворѣ. Но Боже, что это за школа! Полъ въ ней земляной, стѣны сырыя, единственная скамья составляетъ всю ея мебель; объ учебныхъ же пособіяхъ и говорить нечего; на стѣнахъ, въ видѣ украшенія, висятъ образа, вырѣзанные на деревѣ, самой грубой работы; въ углу я нашелъ нѣсколько изорванныхъ, грязныхъ, съ весьма разнообразнымъ содержаніемъ книженокъ, попадавшихъ, вѣроятно, случайно въ руки учителя, котораго я не имѣлъ удовольствія видѣть, такъ какъ школа, всегда мало посѣщаемая учениками, во время жатвы стояла совсѣмъ пустая.

На сколько скупы оказывались туземцы для поддержанія своей школы, на столько же выказались они щедрыми относительно постройки своей церкви. Здѣсь, какъ и повсемѣстно въ Болгаріи, я съ горечью увидалъ слѣды косвенныхъ усилій фанаро-греческаго духовенства—подавлять въ болгарахъ всякое стремленіе къ образованію. Впрочемъ, въ предъидущихъ главахъ я описалъ эти усилія довольно ясно, приведя слова одного изъ этихъ архипастырей: «На что вамъ школы? Построимъ лучше церковь для возвеличенія имени и славы Господней!» и во всѣхъ моихъ странствованіяхъ вдоль и поперегъ Болгаріи я видѣлъ плоды этого полезнаго поученія.

Изъ Скомли я пробрался чрезъ Костижовцъ въ Изворъ. Отъ подошвы Столовой горы простирается до Арчера обширная волнистая нагорная равнина съ своими громадными маисовыми плантаціями, своими разбросанными дубовыми лѣсами и красивыми пейзажами. Въ глубокихъ рвахъ текутъ оба рукава Скомли къ Жерловицѣ, откуда, послѣ безконечныхъ извилинъ, они устремляются, соединившись въ одну рѣчку подъ селомъ Толовицей, къ Дунаю, въ который и впадаютъ. Продолжая слѣдовать отъ этого пункта по краю террасы, направляющейся къ запа-

ду и поросшей въ этомъ мѣстѣ густымъ лѣсомъ, мы достигли чрезъ $1^1/_4$ ч. ѣзды рѣки Арчеръ [1]) или Акчаръ и городка того же наименованія, лежащаго у впаденія ея въ Дунай.

Рѣдко случается, чтобы столь славный, могущественный городъ, какъ древняя римская Ратіарія, превращался въ такой ничтожный городишко, какъ нынѣшній Арчеръ, въ которомъ не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ его прежняго величія и блеска. Если бы американскій экономистъ Карей зналъ Арчеръ и его славное прошлое, то, конечно, онъ упомянулъ бы о немъ въ своемъ всеобщемъ обозрѣніи настоящаго грустнаго положенія турецкаго государства, какъ о наглядномъ подтвержденіи своихъ словъ.

«Область нижняго Дуная, говоритъ Карей [2]), бывшая нѣкогда самымъ оживленнымъ центромъ римской промышленности, едва доставляетъ нынѣ скудныя средства къ существованію нѣсколькимъ сербскимъ пастухамъ и валахскимъ крастьянамъ». Къ этому описанію онъ могъ бы справедливо прибавить: «и на развалинахъ славнаго мезійскаго города на Дунаѣ, Ратіаріи, живутъ нынѣ рядомъ съ невѣжественными болгарами и романами десятки турецкихъ нищихъ.

У Птоломея къ названію Ратіаріи прибавлено еще прозвище «Mysorum». Онъ говоритъ о ней, какъ о главной квартирѣ одного легіона [3]) и мѣстѣ пребыванія дунайскаго флота. Гераклій упоминаетъ о Ратіаріи, какъ о столицѣ Дакіи Рипенсисъ; на таблицѣ Пейтингера она показана также съ прибавленіемъ къ ней двухъ башенъ. Какъ столица той части Мезіи, которую императоръ Аврелій, послѣ сдачи собственно дакійскихъ провинцій, выдѣлилъ изъ верхней и нижней Мезіи, которая простиралась отъ желѣзныхъ воротъ до устья Вида и, переходя чрезъ Балканъ, достигала Софіи и Ниша подъ названіемъ Дакіи римensійской, Ратіарія должна была расшириться и сдѣлаться еще роскошнѣе противъ прежняго. Но, повидимому, опустошеніе и разореніе города во время нашествія гунновъ были такъ велики, что даже возстановленіе Юстиніаномъ [4]) его разоренныхъ частей,—возстановленіе, о которомъ

---

[1]) На новѣйшихъ картахъ Шеда значительная рѣка Арчеръ показана въ видѣ маленькаго ручья рядомъ съ несуществующею рѣкой Сморденомъ.

[2]) H. C. Carey, Учебникъ народнаго хозяйства и соціальной науки. Гл. V· *Die Occupation der Erde.*

[3]) Подтвержденіе этого находится въ Legio XIV Gemina, въ Not. Imp. Legio XIII Gemina, Forb. Hdb. III, S. 1093.

[4]) Географія Маннерта, т. VIII.

упоминаетъ Прокопій,—не могло привести его въ прежнее цвѣтущее состояніе. Во времена болгарскаго владычества о Ратіаріи не упоминается уже. Вмѣсто нея выдвинулась на сцену сосѣдняя съ нею Бенонія (Виддинъ), городъ, бывшій незначительнымъ мѣстечкомъ въ римскія времена и получившій стратегическое значеніе лишь подъ турецкимъ владычествомъ, такъ какъ по своему положенію въ обширной болотистой равнинѣ онъ представлялъ послѣ введенія пушекъ огромныя удобства для устройства въ немъ современной крѣпости. Стѣны римскихъ маленькихъ крѣпостей, находившихся вокругъ Беноніи, доставили матеріалъ для постройки старо-болгарскаго Бодуна, Б'дина, и турецкаго Виддина. Равно и прежнія римскія укрѣпленія Ратіаріи служили удобными каменоломнями, и даже обломки ея прежнихъ памятниковъ, надгробныя и другія каменныя плиты, заключавшія въ себѣ драгоцѣнныя указанія на ея прежнее значеніе, всѣ пошли на постройку Виддина и оставались незамѣченными до послѣднихъ временъ.

Двѣ каменныя плиты, найденныя мною въ Виддинѣ въ 1862 году заложенными въ стѣну съ наружной стороны старой крѣпостцы и въ срединѣ новыхъ турецкихъ укрѣпленій, первыя сдѣлались извѣстны, и въ надписяхъ, сохранившихся на нихъ, упоминается названіе Ратіаріи. Я сообщилъ содержаніе этихъ надписей въ Лѣтописяхъ к. академіи наукъ въ 1868 году. Графъ Марсильи не имѣлъ никакого понятія объ этихъ двухъ камняхъ. Однако же онъ опубликовалъ объ открытіи другой найденной въ Виддинѣ надписи [1]), которой я, впрочемъ, не нашелъ, хотя она также исходила изъ Ратіаріи, чего, вѣроятно, Марсильи не зналъ, такъ какъ изъ сокращенія Col. Rat. OOD онъ сдѣлалъ Colonlae Bonoratvs [2]).

Во всякомъ случаѣ Ратіарія должна была быть расположена на обоихъ берегахъ Арчера. Изъ ея старыхъ укрѣпленій нашелъ я въ сѣверной части города, на одной возвышенности, находящейся на лѣвомъ берегу Арчера, около Дуная, остатки одного каструма, напоминавшаго своимъ объемомъ постройки этого же рода, найденныя мною на Ломѣ. Развалины эти покрыты роскошною растительностью и запущены еще болѣе чѣмъ тѣ. Лишь бѣдная караула находится посреди пустаго пространства, окруженнаго развалившимися стѣнами. Въ опасное время

[1]) Marsigli, Dan. т. II, стр. 54.

[2]) C. Акнеръ и Мюллеръ, потомъ Момзенскій корпусъ № 1641 и III, 2. C. 1020.

мужское турецкое народонаселеніе городка обязано защищать покрытые щебнемъ валы этого такъ называемаго кале (замокъ); въ обыкновенное же время тутъ находится пикетъ заптіевъ подъ командою капрала, который, въ мою бытность тамъ въ 1864 году, сопровождалъ меня, по приказанію каймакама, находящагося въ Ломѣ, къ округу котораго причислена Киза-Арчеръ, во всѣхъ моихъ экскурсіяхъ, предпринятыхъ для археологическихъ изслѣдованій.

Болѣе или менѣе интересные античные каменные осколки попадались мнѣ на каждомъ шагу разсѣянными въ улицахъ и домахъ Арчера. Къ несчастью, недостаетъ благодѣтельной руки, которая собрала бы ихъ и предохранила отъ грустной участи, постигающей въ Турціи большую часть римскихъ остатковъ. Предъ одною мечетью, расположенною въ центрѣ городка, въ маленькомъ переулкѣ, нашелъ я одну каменную плиту, служившую ступенью у входа. Она была расколота на два куска. Длина ея достигаетъ 1,58 м., а вышина 2,84 м.; она украшена богатыми орнаментами. По всей вѣроятности, она составляла часть карниза какого нибудь храма римско-коринѳскаго стиля, такъ какъ она чрезвычайно напоминаетъ своими украшеніями карнизную плиту, находящуюся въ храмѣ Юпитера въ Римѣ, считающемся одною изъ великолѣпнѣйшихъ построекъ этого рода и относящемся по своимъ орнаментамъ къ самому цвѣтущему періоду греческаго искусства.

Одинъ надгробный камень увидалъ я обращеннымъ въ лѣстницу кофейной [1]); одну прелестную карнизную плиту длиною въ 1,06 м., вышиною въ 0,20 м. узналъ въ пьедесталѣ деревянной подпорки одной кладовой, принадлежащей купцу по имени Хаджи-Хассанъ-Измаилъ-ага. Идя въ кварталъ, населенный преимущественно романами и находящійся на правомъ берегу Арчера, я встрѣчалъ въ улицахъ на каждомъ шагу множество другихъ остатковъ стволовъ и верхушекъ колоннъ и разныхъ другихъ обломковъ, частію сильно поврежденныхъ и заложенныхъ въ новыя зданія, а частію просто валяющихся на дорогѣ. Въ болгаро-валахскомъ кварталѣ нашелъ я въ домѣ одного болгарина по имени Стефана Павла надгробную плиту, длиною въ 1,19 метра, шириною 0,74 м., заложенною до половины въ стѣнѣ мрачнаго домишки, что чрезвычайно затрудняло копировку ея надписи. Однако же Момзенъ прочиталъ эту копію и сдѣлалъ къ ней нѣкоторыя дополненія [2]). Другой камень рѣдкой

[1]) Mommsen «Corpus». № 6209.
[2]) Mommsen «Corpus», № 6293.

формы, украшенный щитомъ, перекрещенными стрѣлами въ рельефѣ, нашелъ я на дворѣ одного валаха по имени Стояна Дино. Памятникъ римскихъ временъ, сохранившійся лучше всѣхъ прочихъ въ Арчерѣ, находится въ домѣ капрала Хаджи-Гассанъ-Гуссейна въ турецкомъ кварталѣ. Это саркофагъ, превосходно отдѣланный тѣмъ же темно-фіолетовымъ кристаллизованнымъ камнемъ (Amphibol-Andesit), который я открылъ на высотахъ прохода Св. Николы. Этотъ саркофагъ былъ найденъ лѣтъ 20 тому назадъ въ саду капрала, въ одномъ глубокомъ подвалѣ, превосходно выложенномъ камнемъ. Размѣры его достигаютъ въ длину 2,29 м. и въ ширину 1,11 м. Форма его видна въ изображеніи, находящемся на немъ. Профили карниза, окаймляющаго большой средній щитъ, выработаны безупречно; фигуры (плачущіе геніи) отдѣланы схематически. Надпись, находящаяся на ней, къ несчастію, такъ сильно повреждена, что прочесть ее невозможно. На задней сторонѣ крышки, вышиною въ 0,61 м., находится часто встрѣчающееся на римскихъ саркофагахъ маленькое квадратное отверстіе. Непонятно, что графъ Марсильи, единственный знатокъ древностей, объѣхавшій въ началѣ прошлаго столѣтія дунайскій берегъ, не обратилъ вниманія на всѣ рѣдкости, находящіяся на дорогѣ отъ Виддина до Никополя. Въ Ратіаріи онъ нашелъ бы въ то время безъ особенныхъ затрудненій много драгоцѣнныхъ остатковъ памятниковъ, которые съ тѣхъ поръ были расхищены и похоронены въ фундаментахъ новыхъ зданій. Въ Момзенскомъ собраніи римскихъ надписей, изданномъ берлинскою академіей наукъ, оказывается, къ несчастію, много важныхъ пробѣловъ относительно дунайскихъ колоній,—пробѣловъ, которые не могли быть значительно пополнены открытіями, сдѣланными позднѣе мною, Дежарденомъ или Жаномъ [1]) въ этой странѣ. Однако же я твердо убѣжденъ, что если приняться за раскопки древностей съ большими средствами, то, не смотря на всѣ сдѣланныя похищенія, много было бы найдено интереснаго матеріала для исторіи римскаго владычества на болгарскихъ берегахъ Дуная.

Арчеръ еще и нынѣ, какъ во времена римскаго владычества, продолжаетъ оставаться стоянкой маленькаго военнаго флота. По своему положенію онъ представляетъ превосходный пунктъ для наблюденія за про-

---

[1]) Дежарденъ и Жанъ посѣщали болгарскій и дунайскій берега лишь въ 1868 году, т. е. четырьмя годами позднѣе меня, и первый сообщилъ нѣсколько надписей, которыя были найдены мною еще въ 1864, а въ 1866 г. были переданы уже профессору Момзену.

ходящими судами по Дунаю внизъ до Лома и вверхъ далеко за Виддинъ, всего, стало быть, на протяженіи шести географическихъ миль. Съ вала, ограждавшаго нѣкогда римскій лагерь, виденъ виддинскій минаретъ. Я не поѣхалъ, однако же, по большой дорогѣ, которая ведетъ въ резиденцію паши, вдоль дунайскаго берега, но, выѣхавъ изъ Арчера, отправился наудачу разыскивать слѣды римской дороги, которая соединяла нѣкогда Ратіарію съ Незусомъ. Одну часть ея, идущую отъ Ниша чрезъ Княжевацъ чрезъ проходъ Кадибогавъ до сербско-болгарской границы, я опредѣлилъ уже ранѣе [1]) и, конечно, могъ надѣяться, не безъ основанія, найти ея продолженіе, слѣдуя вдоль берега рѣки Арчеръ по направленію къ Рабишу.

Изъ романо-болгарской части города Арчера идетъ довольно порядочная дорога по правому берегу рѣки къ броду, находящемуся близъ караула Попадьи. Однако же эта часть прибрежной долины представляетъ мало интереса въ археологическомъ отношеніи. Другая вѣтвь этой дороги, выходящая изъ той же части города, привела меня въ 1864 году на довольно крутую террасу, склоняющуюся къ Дунаю. Сначала я ѣхалъ между лѣсами, состоящими изъ огромныхъ высокихъ деревьевъ; но передъ Владишинцемъ открывается ничѣмъ нестѣсняемый прелестный видъ на Балканъ Св. Николы до его сѣверо-западныхъ отраслей сербско-болгарской возвышенности Вершка-Чука. Хорошо воздѣланная мѣстами терраса представлялась почти сплошною, непрерывавшеюся равниной, оживленною многими поселеніями, въ противоположность нашимъ картамъ, на которыхъ не показано ни одного населеннаго мѣстечка въ Арчерской долинѣ, за исключеніемъ несуществующаго въ дѣйствительности селенія Альмадана, выставленнаго на картѣ фонъ-Шеда.

Около большихъ лагошовскихъ каменоломень, которыя эксплоатировались уже римлянами, я спустился опять къ руслу Арчера, текущему отсюда въ восточномъ направленіи и прорѣзывающему лѣсистыя высоты, простирающіяся до Дуная. Осенью въ 1868 году близъ караула Попадьи я переѣхалъ черезъ мелкую рѣчку, идущую отъ Извора, и отправился по хорошо содержанной виддинъ-нишской дорогѣ въ черкесское село Османліэ. Тамъ перебрался я на лѣвый берегъ рѣки, чтобы продолжать мои изслѣдованія старой римской дороги, такъ какъ, основываясь на положеніи Ратіари и моихъ прежнихъ опытахъ, я былъ увѣренъ, что эта

---

[1]) Каницъ. Сербія, ст. 301.

столь важная нѣкогда дорога должна была идти отъ сербскаго Кадибогаса черезъ Арчерскую долину; и потому меня нимало не удивилъ разсказъ мѣстныхъ жителей о мощеной, проходившей нѣкогда черезъ ихъ долину, дорогѣ, которая, по ихъ словамъ, существовала еще въ началѣ нынѣшняго вѣка. Однако никто не могъ сказать мнѣ, гдѣ и какъ найти ея исчезнувшіе слѣды.

На сколько спокойно въ сухое время года течетъ Арчеръ по своему неровному ложу, представляющему огромные пороги, на столько же во время высокой воды теченіе его становится бурно и стремительно; изъ тихаго ручья онъ вдругъ превращается въ грозный, бурливый потокъ, часто выходящій изъ береговъ и наводняющій прибрежныя страны. Вѣроятно, во время одного изъ такихъ полноводій бѣшеныя волны этого дикаго потока смыли, вмѣстѣ съ римскими укрѣпленіями, берега и слѣды старой искусственной дороги. Я уже отчаялся достигнуть моей цѣли, но въ это самое время наткнулся близъ Острокавца на первые остатки римскихъ построекъ, а именно на стѣны маленькаго лагеря. Однако же они были не болѣе какъ предвѣстниками важнѣйшихъ находокъ. Между Острокавцомъ и Кладрупомъ рѣка страшно исковеркала прибрежную окраину долины въ двухъ мѣстахъ на разстояніи $^3/_4$ часа одинъ отъ другаго; впрочемъ, этотъ прибрежный путь рѣдко тянется на большое разстояніе безъ перерывовъ. Вновь построенная тутъ дорога вдругъ исчезаетъ, и мы были вынуждены перебраться на другую сторону рѣки черезъ каменные валы ея ложа. Непосредственно передъ Кладрупомъ, при сліяніи обѣихъ рукавовъ Арчера, меня ожидала большая неожиданность: мнѣ бросилось въ глаза множество валообразныхъ, идущихъ параллельно возвышеній, поросшихъ своеобразною растительностью, которая одна могла навести на мысль о существованіи у подошвы этихъ валовъ развалинъ каменныхъ построекъ.

Достаточно было немногихъ попытокъ, чтобы убѣдиться, что я дѣйствительно нахожусь на развалинахъ римскаго, распространявшагося нѣкогда на большомъ разстояніи, поселенія, среднимъ пунктомъ котораго былъ сильно укрѣпленный каструмъ, составлявшій квадратъ въ 140 шаговъ. Въ правомъ углу этого разрушеннаго мѣстечка оставались ясные слѣды скрещивавшихся между собой улицъ и мѣстъ отдѣльныхъ знаній. Впрочемъ, нужно было бы обрыть все это мѣсто глубокими рвами и вообще сдѣлать много раскопокъ, чтобы вѣрно опредѣлить основной планъ этого древняго поселенія. Даже въ селѣ Кладрупѣ, въ домѣ одного крестьянина

Өедора Петрова, нашелъ я два отрывка надписей. Въ одной изъ нихъ сохранились слѣдующія слова: Dis deabusque omnibus.; потомъ другую на небольшомъ пространствѣ, окруженномъ развалившимися стѣнами, которое еще и нынѣ служитъ церковью. Это мѣсто, поросшее травой, напоминаетъ своими каменными сидѣньями, поставленными вдоль забора, образующаго кругъ, древнія мѣста жертвоприношеній доисторическаго каменнаго вѣка въ Англіи. Этотъ второй римскій камень съ надписью, расколотый на двѣ части, лежалъ въ землѣ, возлѣ большаго каменнаго креста, обращеннымъ тою стороной, на которой находилась надпись, внизъ. Я заставилъ его осторожно вырыть и затѣмъ скопировалъ надпись. По мнѣнію Момзена, онъ относится къ 213 г. по Р. Х. [1]).

Оба камня взяты изъ развалинъ находившагося, по всѣмъ предположеніямъ, по близости отъ этого мѣста римскаго города, гдѣ, по разсказамъ крестьянъ, попадаются часто въ огромномъ количествѣ разныя монеты.

День склонялся уже къ вечеру, но, прежде чѣмъ послѣдній лучъ угасъ, мнѣ пришлось еще натолкнуться на одну неожиданность. На разстояніи получаса къ западу отъ Кладрупа увидалъ я невдалекѣ отъ дороги, ведущей въ Рабишъ, на одной небольшой возвышенности, свѣтящіяся бѣлыя точки. Сначала я ихъ принялъ за стадо овецъ; но онѣ стояли такъ неподвижно, что я рѣшился подняться на возвышенность, на которой онѣ находились. Подойдя къ нимъ, я вдругъ увидѣлъ передъ собой 30 римскихъ надгробныхъ камней, которые своею широкою стороною глубоко врѣзались въ землю. Только одинъ изъ нихъ лежалъ лицевою стороной вверхъ, но надпись на немъ была такъ повреждена, что прочесть ее было невозможно; лишь травчатая рѣзьба рамы сохранилась въ цѣлости. Весьма возможно, что многіе надгробные камни этого римскаго мѣста погребенія пошли на постройку новой церкви сосѣдняго съ нимъ Рабиша; это предположеніе подтверждается половиной плиты, которую я нашелъ тамъ на кладбищѣ [2]).

Были ли соединены между собою маленькій каструмъ близъ Остраковца, а также большое кладбище, расположенное предъ Рабишемъ, съ двумя найденными мною между ними развалинами римскаго поселенія, этого опредѣлить нельзя иначе, какъ сдѣлавъ раскопки въ большомъ

---

[1]) Mommsen «Corpus» № 6291.

[2]) Mommsen «Corpus» № 6296.

размѣрѣ. Во всякомъ случаѣ всѣ вышеприведенныя открытія, сдѣланныя мною въ Остраковцѣ, Кладрупѣ и Рабишѣ, затѣмъ большія каменоломни въ Лагошовцѣ и остатки римскаго поселенія на Арчерѣ въ Бѣлѣ, о которыхъ, къ несчастію, я узналъ слишкомъ поздно, чтобы осмотрѣть ихъ лично, служатъ несомнѣннымъ подтвержденіемъ высказанныхъ мною еще въ 1868 г. предположеній, что большая римская военная дорога отъ Незуса въ Ратіарію шла отъ Кадибогасскаго прохода не иначе, какъ чрезъ Арчерскую долину.

Относительно названія римскаго города, развалины котораго были открыты мною при Кладрупѣ, даетъ нѣкоторыя указанія одинъ изъ важнѣйшихъ римскихъ картографическихъ источниковъ, а именно таблица Пейтингера, въ которой значится три названія мѣстечекъ, черезъ которыя проходила дорога изъ Незуса въ Ратіарію. Въ моемъ сочиненіи «Сербія» (стр. 297) я уже опредѣлилъ, гдѣ находились два изъ нихъ, Timacum Maius и Timacum Minus. Третье же, Конбустица, была расположена, судя по таблицѣ Пейтингера, въ 27 мил. отъ Тимакумъ Минуса и въ такомъ же разстояніи отъ Ратіаріи. Единственныя развалины и, несомнѣнно, развалины римскаго поселенія, которыя я нашелъ между Тимакумъ Минусомъ и Ратіаріей, суть именно вышеописанные остатки стѣнъ и валовъ при Кладрупѣ. Но принять ихъ за развалины Конбустицы мы не имѣемъ права, такъ какъ разстояніе ихъ отъ Тимакумъ-Минуса до Ратіаріи (Княжевацъ и Арчеръ) не совпадаетъ съ опредѣленіемъ Пейтингера, показавшаго въ своей таблицѣ первую на половинѣ дороги между послѣдними. Конечно, можно было бы отнести эту разницу въ миляхъ къ письменной ошибкѣ, вкравшейся въ таблицу Пейтингера, и тѣмъ болѣе мы имѣли бы на это право, что уже д'Анвиль [1]) и Маннертъ [2]) искали Конбустицу, слѣдуя только указаніямъ пейтингеровской таблицы, не имѣя никакихъ топографическихъ или археологическихъ руководящихъ пунктовъ на берегахъ Арчера, и не нашли ее; но тѣмъ не менѣе я не берусь за рѣшеніе этого вопроса и желаю предоставить его будущимъ изслѣдователямъ, которые, когда Арчерская область сдѣлается болѣе извѣстною, будутъ располагать гораздо бо́льшимъ запасомъ археологическихъ и топографическихъ свѣдѣній относительно болгарско-дунайской долины, чѣмъ тѣ, которыми я владѣлъ, предпринимая мои

[1]) d'Anville, Mém. de l'Ac. des Insc. T. XXXVIII, 444.
[2]) Mannert Geog. VII Bd.

изслѣдованія въ ней въ то время, когда она представляла еще въ полномъ смыслѣ terra incognita, и когда я вынужденъ былъ создавать даже топографическія карты. Я совершенно доволенъ уже тѣмъ, что мнѣ удалось посредствомъ моего путешествія на Арчеръ опредѣлить почти навѣрно, что римскіе легіоны совершали свои походы отъ Незуса къ Дунаю чрезъ Арчерскую долину въ Ратіарію, что въ ней находилось много римскихъ поселеній, неизвѣстныхъ донынѣ, и что она имѣла огромное стратегическое значеніе для защиты мезійско-дунайскихъ границъ, какъ это ясно доказываютъ укрѣпленія, найденныя мною.

Крутой край террасы, на которой лежитъ богатое село Рабишъ, исковерканъ во многихъ мѣстахъ часто выпадающими дождями. Но если на него взобраться, то открывается прекрасный видъ на плодородную высокую равнину, на которой находится, на разстояніи $^1/_4$ часа къ сѣверу отъ селенія, совершенно изолированная возвышенность, представляющая превосходный пунктъ для топографовъ. Проходя мимо сельской церкви св. Иліи и ея маленькаго кладбища, я снялъ тамъ копію съ упомянутой выше римской надписи, затѣмъ перебрался черезъ ручей, протекающій здѣсь, и очутился у подошвы этой возвышенности, носящей названіе Магуры и еще другое—Пилавъ-Баиры. Послѣднее она получила вслѣдствіе сходства своей задней части, направляющейся отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, съ кучей пилава съ острою оконечностью, если смотрѣть на нее съ сѣверо-западной стороны. Подниматься на первую половину этой возвышенности было легко. Мы оставались на нашихъ лошадяхъ и проѣзжали между большими стадами козъ, весело скакавшихъ и прыгавшихъ по лужайкамъ, покрытымъ роскошною травой, которою, впрочемъ, къ сожалѣнію, онѣ не довольствуются и страшно уничтожаютъ лиственный лѣсъ, пробивающійся мѣстами. Но не долго намъ пришлось ѣхать по хорошей дорогѣ, и скоро мы были вынуждены оставить нашихъ лошадей на полпути отъ подошвы до вершины. Все круче и круче становились известковыя скалы, и чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ шероховатѣе становились онѣ, тѣмъ болѣе страдали наши ноги и обувь. Но, достигнувъ вершины Магуры, мы были вполнѣ вознаграждены за всѣ наши непріятности и труды прелестнымъ видомъ, открывшимся передъ нами. Взорамъ нашимъ представлялись ряды горъ отъ низкихъ вершинъ конической формы Джебрицкой и Ломской области до послѣднихъ отраслей большой Балканской цѣпи. Мы видѣли оттуда высокіе куполы Свято-Никола-Балкана, Иванову Ливаду, Пивану-Чуку,

Разоватый-Камень съ ея предгорьемъ Стребске, Ведерникъ и Церовицу, изъ ущелій которой вытекаютъ ключи южнаго рукава Арчера; далѣе рисовались предъ нами Голема-Глава, остроконечный Китко и съ своимъ круглымъ куполомъ Рабинъ-Носъ, въ которомъ собираются ключи сѣвернаго рукава Арчера, пунктъ сліянія которыхъ близъ Кладрупа ясно представлялся намъ также въ отдаленіи.

Далѣе открывается видъ съ Магуры къ сѣверу отъ Бабина-Носа на Сува-Кладеницу, Црно-Главу и Остричевакъ-планину, изъ предгорій которой вытекаютъ южные притоки Витболя, и рѣки Влаговичка и Раковичка. Я не подозрѣвалъ тогда, что Витболь имѣетъ еще болѣе сѣверный рукавъ; это мнѣ пришлось узнать позднѣе, когда я находился у его устья. Рѣзко выдающійся профиль Столовой горы и очаровательныя формы песочно-каменной области Бѣлоградчика находились посреди южной стороны прелестной картины. У подошвы Магуры путешественникъ пораженъ удивленіемъ передъ красотами, внезапно открывающимися передъ нимъ. Особенно я былъ очарованъ картиной одного озера, зеркальная поверхность котораго освѣщалась лучами утренняго солнца. По словамъ моего проводника, сопровождавшаго меня изъ Рабиша, оно изобилуетъ крупною рыбой; вода въ немъ достигаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ 10 до 15 футовъ глубины и имѣетъ прекрасный вкусъ. Въ посты рыба эта потребляется въ страшномъ количествѣ и считается самымъ лакомымъ кушаньемъ. Находясь въ этомъ мѣстѣ, я понялъ, что мой проводникъ, по имени Стоянъ Ильевъ, одинъ изъ 10,000 болгаръ, переселившихся въ 1861 году въ Россію и возвратившихся оттуда въ 1862 г., не могъ забыть своей родины, не смотря на всѣ красоты Крыма и его плодородную почву. Да, какъ ни прелестна крымская земля, она не могла заставить забыть болгарскихъ переселенцевъ своеобразной красоты ихъ отечества. Извѣстно, что большинство изъ нихъ, не смотря на горькія испытанія, ожидавшія ихъ на родинѣ, рѣшились опять возвратиться туда. Изъ моихъ разговоровъ съ Стояномъ Ильевымъ я опять имѣлъ случай убѣдиться въ способностяхъ болгарскаго народа къ развитію. Этотъ молодой человѣкъ, пробывши только одинъ годъ въ богатомъ болгарскомъ городѣ Болградѣ (принадлежавшемъ прежде къ Бессарабіи, а нынѣ къ Румыніи), успѣлъ изучить французскій языкъ, и хотя со времени его пребыванія прошло уже нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ не имѣлъ случая практиковаться въ немъ, онъ не забылъ его однако же и говорилъ довольно бѣгло, съ тѣмъ мягкимъ акцентомъ, который свойственъ

всѣмъ южнымъ славянамъ. Будь господствующій мусульманскій элементъ хотя сколько нибудь образованнѣе и дай онъ хотя незначительный толчокъ райямъ, то нѣтъ сомнѣнія, что Болгарія, столь мало извѣстная до сихъ поръ еще, скоро обратила бы на себя вниманіе Европы своими успѣхами въ цивилизаціи и оказалась бы болѣе другихъ народовъ нижняго Дуная достойною ея симпатій.

На восточномъ берегу озера, единственнаго, которое я нашелъ въ Сербіи и Болгаріи отъ Савы до Добруджи, къ сѣверу отъ Балканъ ожидалъ меня мой конвой подъ тѣнью хорошенькой группы деревьевъ. Равнина, черезъ которую мы отправились въ сѣверо-восточномъ направленіи къ Макрешу, была покрыта роскошными лугами. Передъ Макрешемъ натолкнулись мы на пунктъ сліянія ручьевъ, выходящихъ изъ Влаговицы и Раковицы, образующій лѣвый рукавъ Витболя. Макрешъ заключаетъ въ себѣ до 120 домовъ, принадлежитъ къ самымъ богатымъ мѣстечкамъ окрестности и имѣетъ хорошенькую церковь съ школьнымъ домомъ, который я осмотрѣлъ въ сопровожденіи представителя этого селенія. Къ несчастію, расположенъ онъ неудобно для школьнаго помѣщенія и точно такъ же пустъ, какъ изворская школа. Здѣсь, какъ и вездѣ, я слышалъ жалобы на недостатокъ хорошихъ учителей. Одно, что можетъ исправить этотъ недостатокъ—это учрежденіе учительскихъ семинарій въ важнѣйшихъ городахъ Болгаріи, какъ напримѣръ въ Рущукѣ, Тырновѣ, Нишѣ, Софіи и проч., о чемъ пора было бы позаботиться турецкому правительству и образованному классу болгарскихъ патріотовъ.

Въ 1864 году Макрешъ былъ театромъ кровавыхъ битвъ между пришедшими туда сербскими гайдуками и турецкими заптіями, въ которыхъ первые потерпѣли страшное пораженіе и были отодвинуты за границу. Позади Макреша, съ возвышенностей, находящихся на правомъ берегу Витболя, тянется густой лѣсъ до самыхъ окраинъ этого берега, между тѣмъ какъ лѣвый представляетъ болѣе плоскую и болѣе воздѣланную поверхность. Близъ Вулчака рѣка дѣлаетъ крутой поворотъ къ сѣверо-востоку. Дорога идетъ нѣкоторое время черезъ каменные валуны, покрывающіе ложе рѣки и вдающіеся въ долину, почва которой во многихъ мѣстахъ сильно исковеркана. Передъ селомъ паслось множество рогатаго скота прекрасной породы, что́ ясно доказывало зажиточность его жителей, убогія жилища которыхъ никакъ не допустили бы подобнаго предположенія. Винныхъ складовъ я нашелъ тутъ множество, и

жители, занимавшіеся этою торговлею, отличались вообще чрезвычайно веселымъ настроеніемъ.

Оттуда черезъ дубовый лѣсокъ, идущій отъ Вулчака въ сѣверо-западномъ направленіи, я вышелъ опять на обширную равнину, которой великолѣпная черноземная почва была бы, конечно, при хорошей обработкѣ весьма плодородна, но, къ несчастію, о производительной ея силѣ свидѣтельствуетъ лишь изобиліе плевелъ, произрастающихъ на ней. Впрочемъ, начало эксплоатаціи этой многообѣщающей территоріи было сдѣлано татарами, поселившимися между Вулчакомъ и Громадой. Поселеніе это называется Кушевцемъ. Непосредственно передъ нимъ я перебрался черезъ третій притокъ Витболя, спускающійся съ Урбабища, и расположился на ночь въ Громадѣ. По дорогѣ туда я любовался панорамой, описанною уже много разъ, сербско-болгарскаго горнаго района, представляющагося еще обширнѣе вслѣдствіе рѣзкихъ очертаній величественнаго профиля поднимающейся на западѣ Ртони-пирамиды, характеристическаго профиля Столовой горы и прочихъ горныхъ вершинъ. Въ Громадѣ я остановился въ домѣ кмета. При свѣтѣ потаеннаго фонаря, возбудившаго не малое удивленіе между простымъ деревенскимъ людомъ, я записалъ всѣ пріобрѣтенныя мною въ теченіе дня данныя для опредѣленія теченія Витболя, въ чемъ мнѣ помогали мѣстные обыватели, пришедшіе засвидѣтельствовать мнѣ свое почтеніе и смотрѣвшіе на меня съ любопытствомъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ ночнаго отдыха, рано утромъ, я былъ пробужденъ суетой моихъ хозяевъ, принимавшихся за свои дневныя занятія. Трудно сказать, которая половина, мужская или женская, болгарскаго народонаселенія превосходитъ одна другую въ трудолюбіи и способности ко всякаго рода работамъ. Обыкновенно они раздѣляютъ между собой всѣ домашнія занятія и одинаково дѣятельно исполняютъ ихъ.

Между маисовыми плантаціями Громады дорога идетъ въ восточномъ направленіи (а потомъ въ ю.в.) въ Водно. Передъ этимъ болгарскимъ мѣстечкомъ, состоящимъ изъ 53 домовъ, мы должны были спуститься опять къ руслу того самаго ручья, черезъ который мы переѣхали за день передъ тѣмъ около татарскаго поселенія Кушевца. Ручей этотъ, по словамъ мѣстныхъ жителей, есть одинъ изъ притоковъ Витболя, хотя онъ течетъ въ совершенно противоположномъ направленіи прочимъ притокамъ этой рѣки: онъ направляется къ сѣверу, тогда какъ другіе направляются къ югу. Къ счастію, я встрѣтилъ тамъ одного ту-

рецкаго бега, знавшаго подробно эту мѣстность, и отъ него узналъ о существованіи болѣе сѣвернаго рукава Витболя, соединяющагося съ ручьемъ, черезъ который я только-что перебрался близъ Дуная. Я рѣшился прослѣдить до самаго источника эту водяную артерію, чтобы нанести ее на карту.

До сихъ поръ мы видѣли передъ собой маисовыя плантаціи, разстилавшіяся на обширной высокой равнинѣ; но скоро за Водной мы очутились въ молодомъ дубовомъ лѣсу, въ которомъ дорога шла лабиринтомъ. Лишь изрѣдка мѣстами просвѣчивали маленькія просѣки съ живописными шалашами пастуховъ, лѣниво лежавшихъ около нихъ или занимавшихся рубкой лѣса, или же оглашавшихъ окрестность звуками своихъ рожковъ. Въ этомъ идиллическомъ лѣсномъ царствѣ бродили стадами одиночно: козы, овцы, быки и т. д., отыскивавшіе лужайки съ тучною травою. Послѣ $^3/_4$ часа ѣзды мы выбрались изъ прелестнаго тѣнистаго убѣжища стадъ и пастуховъ и, спустившись по отлогому склону террасы, достигли наконецъ источника рѣки, который мы отыскивали, и вскорѣ затѣмъ болгарской деревни Кужовицы. Теченіе ручья, выходящаго изъ Раковицы, чрезвычайно стремительно здѣсь, и его сильный разливъ въ послѣднюю весну вынудилъ окрестныхъ жителей переселиться на болѣе высокіе пункты берега. Для того чтобы прослѣдить все его теченіе, я отправился далѣе къ с.в.

На дорогѣ въ Сеноковецъ я потерялъ изъ виду очертаніе полнаго дикой прелести береговаго ландшафта. Воздѣланныя поля, виноградники и луга спускаются съ верху террасы и тянутся вплоть до расширяющейся постепенно долины. Мѣстами эта мѣстность имѣетъ характеръ хорошо обработываемой страны. Въ особенности бросается въ глаза, какъ своею культурой, такъ и своимъ мѣстоположеніемъ, чифтликъ, лежащій возлѣ самого Сеноковца и принадлежащій одному богатому виддинскому турку. Я находился тамъ какъ разъ во время винограднаго сбора. Множество арбъ (экипажей), устроенныхъ для транспорта турецкихъ женщинъ и стоявшихъ подъ тѣнью громадныхъ орѣховыхъ деревьевъ, обличало присутствіе въ чифтликѣ владѣльца и его гарема. Какъ ни казалось намъ привлекательнымъ отдохнуть нѣсколько часовъ въ жаркій день въ этомъ тѣнистомъ мѣстечкѣ, однако же, изъ уваженія къ нравамъ страны, мы должны были отказать себѣ въ этомъ желаніи и держаться въ отдаленіи отъ маленькаго дома, на балконѣ котораго сидѣлъ счастливый владѣлецъ, окруженный женскими фигурами, не прикрытыми, какъ мнѣ

казалось, покрывалами. Дѣти весело били въ барабаны вокругъ этой группы. Долго долетали до насъ звуки гитары, веселаго пѣнія и громкаго смѣха. Одна изъ важнѣйшихъ задачъ этнографическихъ изслѣдователей—это уничтоженіе ложнаго мнѣнія, господствующаго въ Европѣ, будто турецкое народонаселеніе составляетъ основной элементъ на Балканскомъ полуостровѣ; а потому я считаю долгомъ замѣтить здѣсь, что этотъ чифтликъ близъ Сеноковца — единственный турецкій домъ, и то обитаемый лишь въ лѣтнее время, который я встрѣтилъ въ моихъ многочисленныхъ экскурсіяхъ между Ломомъ и Тимокомъ, не говоря, разумѣется, о городахъ. Вся страна между обѣими рѣками, помимо новѣйшихъ татарскихъ и черкесскихъ поселеній, населена исключительно христіанами; по берегамъ Дуная живутъ большею частью румыны, внутренность же страны заселена преимущественно трудолюбивыми болгарами, усердно обработывающими почву, тогда какъ турокъ является туда навремя въ качествѣ владѣльца чифтлика.

Уже прежде я имѣлъ случай узнать техническія и промышленныя способности болгаръ; въ моихъ же многократныхъ путешествіяхъ въ ихъ странѣ я получилъ еще болѣе высокое мнѣніе объ этихъ способностяхъ, при видѣ, напримѣръ, приготовляемыхъ горными жителями ткацкихъ станковъ, на которыхъ женщины и дѣвушки ткутъ свои ткани, великолѣпно ими же самими выкрашенныя, рѣзныхъ работъ и т. д. Въ Витбольской же области искусство ея жителей въ постройкѣ разныхъ сельскохозяйственныхъ снарядовъ,—искусство, доставившее имъ репутацію лучшихъ земледѣльцевъ Турціи,—приводитъ иностранца въ изумленіе. Между Сеноковцемъ и Назырь-Магалой я видѣлъ замѣчательнѣйшій аппаратъ для орошенія полей, конструкція котораго доказываетъ несомнѣнно высшія природныя дарованія ея изобрѣтателей, дунайскихъ болгаръ, придумавшихъ ее безъ всякихъ пособій цивилизаціи и лишенныхъ самаго элементарнаго образованія. Она заключается въ проведеніи изъ рѣки желобовъ и каналовъ, чрезъ которые вода посредствомъ колесъ, приводимыхъ въ движеніе воротомъ, вращаемымъ рогатымъ скотомъ, поднимается на высоко-расположенную террасу. Отдѣлка ворота и колесъ, покрытыхъ, для предохраненія отъ гніенія, черною масляною краскою, можетъ назваться въ техническомъ отношеніи образцовою, если принять въ соображеніе, что эти сельскіе техники производятъ свои замысловатыя работы посредствомъ самыхъ первобытныхъ инструментовъ. Здѣсь я не намѣренъ болѣе распространяться о дарованіяхъ болгаръ, такъ какъ въ слѣдую-

щихъ главахъ я буду имѣть случай сдѣлать нѣкоторыя дополненія къ ихъ характеристикѣ, чтобы познакомить съ ними ближе читателя.

Близъ Назырь-Магала долина рѣки Раковицы расширяется до значительныхъ размѣровъ къ Дунаю. Чрезъ четверть часа ѣзды отъ селенія въ восточномъ направленіи я достигъ наконецъ рѣчки Витболь, идущей дугой отъ деревни, носящей то же названіе, затѣмъ протекающей маленькій конецъ параллельно съ Дунаемъ и сливающейся здѣсь съ Раковицей, которая непосредственно послѣ этого слiянія впадаетъ въ Дунай, довольно широкій въ этомъ мѣстѣ.

Ни одна часть восточной Болгаріи не была представлена болѣе ошибочно на нашихъ картахъ, какъ эта область, лежащая въ столь близкомъ разстояніи отъ Дуная. Повѣрить этому можно только послѣ сравненія хотя бы, напримѣръ, новѣйшей карты фонъ-Шеда съ моими опредѣленіями. Тамъ показана возлѣ самостоятельной рѣчки Бидбокъ (Витболь) довольно большая рѣка «Турненъ», ключи которой вытекаютъ при томъ же самомъ мѣстечкѣ изъ Селасъ (Саласъ), изъ котораго въ дѣйствительности исходитъ южный рукавъ Арчера. Далѣе рядомъ съ фиктивнымъ Турненомъ показана еще рѣчка «Гирце», и на всѣхъ этихъ водяныхъ артеріяхъ разбросаны разныя селенія, названія которыхъ также баснословны. Напримѣръ, мѣстечекъ съ названіями Цинліане, Горито, Караулъ, Кида, Кіожъ, Магалы, Скеленкіожъ, Цифа, Бановцъ и Саулъ на виддинской террасѣ никто не знаетъ. Но если уничтожить на картѣ Шеда эти десять фиктивныхъ названій, то Виддинъ останется среди обширной пустыни. На самомъ краю террасы, огибаемой Раковицей и Витболемъ острымъ угломъ, нашелъ я остатки маленькой, несомнѣнно римской крѣпостцы, которая, какъ и всѣ схожія съ нею укрѣпленія на Дунаѣ, принадлежала къ большой сѣверной оборонительной линіи Мезіи. Этотъ пунктъ представлялъ большія удобства для наблюденія надъ противоположнымъ дакійскимъ, нынѣ румынскимъ берегомъ. Легко можетъ быть, что римскія стѣны, бывши повреждены во время переселенія народовъ, были возстановлены позднѣе византійцами, а еще позднѣе и болгарами. На это указываетъ одно приведенное нами выше преданіе, приписывающее постройку ихъ сестрѣ основательницы курвинградскаго зáмка. Въ настоящее время развалины эти заняты 20 солдатами низама, пришедшими изъ Анатоліи (Азіи).

Я прибылъ въ это мѣстечко, не имѣющее ни малѣйшей тѣни, въ обѣденное время. Солнце жгло немилосердно, и я съ удовольствіемъ при-

нялъ приглашеніе капрала этого гарнизона насладиться кейфомъ, послѣ утомительнаго путешествія, подъ тѣнью его палатки.

Скоро усѣлся я на диванѣ, импровизованномъ солдатами изъ римскихъ камней, съ большимъ аппетитомъ сталъ угощаться арбузами, кофеемъ и даже принялся курить неизбѣжную трубку съ громаднымъ чубукомъ, между тѣмъ какъ взоръ мой останавливался на бѣлыхъ стѣнахъ Виддина. Глубокая тишина и спокойствіе царствовали на его болотистомъ, далеко растянутомъ гласисѣ. Остроконечныя верхушки минаретовъ и мачты стоявшихъ на якорѣ судовъ рѣзко выдѣлялись на темно-синемъ горизонтѣ. «Посмотрите, какое спокойствіе кругомъ, какая тишина царитъ въ этомъ городѣ!» замѣтилъ мой гостепріимный хозяинъ: «а стоитъ только мнѣ сдѣлать одинъ выстрѣлъ или зажечь нынче ночью сигнальный огонь, какъ вдругъ въ немъ закипятъ жизнь и движеніе, все взволнуется, все засуетится! Но вотъ уже три мѣсяца, какъ я сижу здѣсь съ моими людьми, и не только здѣсь, но и на всемъ протяженіи кордонной линіи не произошло ничего такого, что бы могло возбудить малѣйшія опасенія. Я бы желалъ отъ души, чтобы вспыхнулъ бунтъ, мятежъ или что нибудь въ этомъ родѣ, чтобы наконецъ выйти изъ этого бездѣйствія, а то, право, мы всѣ умремъ отъ скуки въ этомъ проклятомъ мѣстечкѣ».

Интеллигентный капралъ высказывалъ сущую истину. Дѣйствительно, со времени балканскихъ безпорядковъ въ 1867 г., вышедшихъ изъ Бухареста, спокойствіе не нарушалось ни на Дунаѣ, ни въ Балканѣ, хотя газеты и разсказывали совершенно противоположное. Порта обѣщала болгарамъ исполнить ихъ желаніе относительно устройства самостоятельной церкви, независимой отъ Фанара, и революціонный духъ, проявлявшійся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, началъ замѣтно угасать. Отъ самой Порты зависитъ подавить его совершенно; но достигнуть этого она можетъ не дорого обходящимися кордонами и подобными средствами, а просто исполненіемъ обѣщаній, которыя она столько разъ давала, облегчить участь своихъ миролюбивыхъ подданныхъ-болгаръ.

Отъ маленькой римской крѣпостцы мы добрались въ 1/4 часа до села Витболь. Чрезъ это значительное, оживленное мѣстечко проходитъ почтовая дорога изъ Виддина въ Бѣлградчикъ. Предъ его безчисленными ханами останавливаются обыкновенно въ послѣдній разъ крестьяне, отправляющіеся на рынокъ въ Виддинъ. О благосостояніи обывателей этого селенія свидѣтельствуетъ новая церковь, оконченная въ 1863 г., пор-

талъ которой, какъ и всѣхъ зинзарскихъ построекъ, украшенъ богатыми орнаментами. Къ моему великому удивленію я увидалъ на ея фасадѣ сербскій гербъ, помѣщенный тутъ просто вслѣдствіе симпатіи мастера-строителя къ Сербіи. И вѣроятно онъ долго останется тутъ, такъ какъ ни болгары, ни турки не придаютъ подобнымъ вещамъ, играющимъ у насъ такую важную роль, особеннаго значенія.

Широкій витбольскій мостъ, не имѣющій перилъ, былъ покрытъ, когда мы къ нему подъѣхали, скрещивавшимися черкесскими, татарскими и болгарскими телѣгами. Намъ пришлось ожидать на берегу довольно долго проѣзда этихъ рядовъ, чтобы имѣть возможность проѣхать чрезъ него безопасно. На правомъ берегу рѣки, изъ которой проведены здѣсь мѣстами узкіе желоба, пересѣкающіе въ разныхъ направленіяхъ хорошо воздѣланную долину, дорога стала подниматься вверхъ. Повсюду виднѣлись упомянутые уже водоподъемные аппараты для орошенія террасы съ правой и лѣвой стороны. Многочисленныя стада бродили на зеленыхъ лужайкахъ, покрытыхъ мягкою, сочною травой, среди группъ великолѣпныхъ орѣховыхъ деревьевъ, мѣстами возвышались мельницы, повидимому заваленныя помолами; въ виноградникахъ кишѣли рабочіе, словно муравьи въ муравейникѣ,—и все это вмѣстѣ составляло оживленную, пріятную для глазъ картину.

Близъ Войницы долина, однако, съуживалась. Пейзажъ принималъ болѣе серьезный характеръ и возвышавшіеся все болѣе и болѣе берега были во многихъ мѣстахъ страшно исковерканы. Выдающіяся впередъ известковыя скалы сходились все ближе и ближе между собою, и мы перешли скоро чрезъ сводъ или, скорѣе, чрезъ ворота, образовавшіяся между двумя скалами и имѣвшія весьма романтическій видъ. Но едва остались онѣ у насъ позади, какъ мѣстность опять приняла болѣе веселый характеръ. Заманчиво смотрѣло на насъ съ одной возвышенности село Медишовцъ, положеніе котораго по истинѣ можетъ назваться очаровательно прекраснымъ. Моя программа не позволяла мнѣ, однако же, заѣхать въ него, такъ какъ я долженъ былъ въ этотъ день сдѣлать довольно дальнее путешествіе. Послѣ краткаго отдыха въ одномъ деревенскомъ ханѣ,—который—замѣтимъ мимоходомъ—хотя и былъ довольно грязенъ, но все же казался мнѣ чище всѣхъ, которые мнѣ приходилось посѣщать во время моихъ экскурсій вдоль и поперегъ этой страны,—отправились мы по направленію къ западу далѣе. Солнце уже давно скрылось, когда мы узрѣли наконецъ силуеты, ясно выдѣлявшіеся на горизонтѣ, лежащаго

на большой возвышенности Садреа, мѣста, гдѣ мы располагали провести ночь. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ чербаши (представителемъ общины) и съ вышедшими къ намъ навстрѣчу сельскими старшинами, мы принялись разыскивать себѣ ночлегъ; но найти его оказалось не легко. Мой драгоманъ и заптій Измаилъ осмотрѣли множество домовъ; но всѣ они, по ихъ словамъ, были столь же неудобны и грязны, какъ несчастный ханъ, передъ которымъ мы сдѣлали нашъ послѣдній привалъ, а потому я рѣшился провести ночь въ деревянномъ маленькомъ амбарѣ (чердакъ), мало возвышавшемся надъ землею, предпочитая во всякомъ случаѣ отдыхъ въ этомъ неудобномъ помѣщеніи отдыху въ грязномъ домѣ, передъ которымъ оно находилось.

Если въ Турціи приходится сворачивать съ большой военной дороги, то слѣдуетъ быть готовымъ ко всевозможнымъ лишеніямъ, къ которымъ я, впрочемъ, такъ привыкъ, что немного сѣна, покрытаго каучукомъ, и плащъ вмѣсто одѣяла кажутся мнѣ прекрасною постелью, а чай съ ромомъ и сахаромъ, нѣсколько яицъ или остатокъ холодной жареной курицы удовлетворяютъ вполнѣ мой желудокъ. Если же къ этому ужину прибавляется еще кусокъ вкуснаго хлѣба, то я совершенно забываю вкусные отечественные супы и разныя блюда. Мой конюхъ Николай, пока мы ужинали и укладывались, отвелъ нашихъ лошадей въ одинъ загонъ, расположенный близъ нашего бивака и обнесенный крѣпкимъ плетнемъ, такъ какъ сосѣднія черкесскія поселенія Кулы и Гамидиха внушали намъ нѣкоторыя опасенія. «Прежде мы могли оставлять нашихъ лошадей на всю ночь гулять въ лугахъ, но теперь должны запирать ихъ и вообще весь домашній скотъ, чтобы они не попались въ руки этихъ разбойниковъ», говорили крестьяне и при этомъ зажгли большой костёръ передъ моимъ чердакомъ, передъ которымъ расположились въ качествѣ сторожей для охраненія меня до утра отъ всякихъ нападеній со стороны этихъ хищниковъ. Между этими добрыми людьми находился одинъ старецъ, еще очень крѣпкій и сильный на видъ, хотя ему было болѣе 120 лѣтъ отъ роду. На мой вопросъ: «Дѣйствительно ли ты такъ старъ, какъ говорятъ твои сыновья»?—онъ далъ мнѣ замѣчательный отвѣтъ: «Да, господинъ, я былъ уже женатъ, когда Пасванъ-Оглу, виддинскій паша (одинъ изъ предводителей янычарскаго бунта противъ султана Селима, III) былъ нашимъ господиномъ». Дѣйствительно, это было лучшее свидѣтельство, какое онъ могъ представить мнѣ относительно своихъ лѣтъ. Затѣмъ онъ

разсказалъ мнѣ многое о бывшемъ старо-турецкомъ управленіи, напр., какъ въ тѣ времена ихъ большая деревня, со всѣмъ народонаселеніемъ, находилась въ распоряженіи каждаго проѣзжавшаго черезъ нее турка, которому она обязана была доставлять безплатно все продовольствіе, и прибавилъ, что съ тѣхъ поръ участь раіевъ такъ улучшилась, что сравнительно можетъ назваться счастливою. Относительно этого улучшенія соглашались многіе съ мнѣніемъ старика, но «тѣмъ не менѣе» прибавляли они, «намъ остается многаго желать. Страшное иго лежитъ еще на насъ.»

Подъ звѣзднымъ небомъ, подъ звуки пастушеской музыки съ аккомпаниментомъ рева буйволовъ и лая сторожевыхъ собакъ, скоро заснулъ я, благодаря моей усталости; но вдругъ разбудилъ меня громкій трескъ. Безсознательно, полусонный, вскочилъ я съ кровати и схватился за револьверъ; передъ моими глазами сверкнулъ огненный лучъ; за нимъ непосредственно послѣдовалъ оглушительный громъ. Это не было, однако же, черкесское нападеніе, а только взрывъ бури, проносившейся надъ нашими головами и скоро окатившей насъ потоками холоднаго дождя. Это былъ первый прохладный дождикъ послѣ нѣсколькихъ недѣль засухи. Плотнѣе закутался я въ свой плащъ и былъ вынужденъ вскорѣ искать убѣжища подъ домашнею кровлей, ненадолго впрочемъ: природа и люди скоро успокоились, и я отправился опять въ мой лагерь, куда мнѣ принесли сухаго сѣна, на которомъ я сладко заснулъ. На слѣдующее утро, при великолѣпномъ солнечномъ сіяніи, отправились мы по направленію къ с. з., по дорогѣ, ведущей въ Кулу (турецкій Адліегъ), такъ какъ я имѣлъ непремѣнное намѣреніе опредѣлить наконецъ положеніе Витболя въ его ключевомъ районѣ. Мы достигли его лишь передъ самымъ городомъ. Онъ течетъ здѣсь внизъ къ Цисилии и ниже Медишовца принимаетъ въ себя маленькій ручей, выходящій изъ Бранковца.

Здѣсь мы находились на самомъ плодородномъ пунктѣ большой болгаро-дунайской террасы, и невольно въ головѣ моей опять мелькнула мысль—въ какой бы рай обратили этотъ уголокъ европейскіе переселенцы, между тѣмъ какъ татарскіе и черкесскіе переселенцы едва извлекаютъ изъ его плодородной почвы насущный хлѣбъ! Эта почва повсемѣстно имѣетъ видъ здѣсь скорѣе изрытой, чѣмъ вспаханной. Но самое непріятное впечатлѣніе произвелъ на насъ черкесскій кварталъ Кулы. Впрочемъ, и татарскій ея кварталъ, въ который мы поднялись изъ глубокой котловины, въ коей течетъ Витболь, не много лучше. Я предавался

этимъ серьёзнымъ размышленіямъ все время, пока мы шли мимо длиннаго ряда невзрачныхъ черкесскихъ дворовъ, съ бѣдными домишками, крытыми сгнившею соломой, и даже кавказскія красавицы, показывавшіяся тутъ и тамъ въ изорванныхъ платьяхъ, не могли успокоить моего раздраженія противъ плохой организаціи и администраціи неспособнаго турецкаго правительства.

Изъ городка Кулы, который въ слѣдующей главѣ я опишу подробнѣе, выходитъ маленькая водяная артерія, идущая по направленію къ югу. Другую водяную артерію, нѣсколько бо̀льшую, встрѣтилъ я по направленію къ ю. з., по дорогѣ къ монастырю Св. Троицы, гдѣ сосредоточиваются самые сѣверные ея источники. Черезъ часъ скорой верховой ѣзды мы достигли богатаго болгарскаго селенія Старопотицы.

Мы застали его народонаселеніе занятымъ на гумнахъ очисткой ввезеннаго хлѣбнаго зерна. Операція эта производилась самымъ первобытнымъ способомъ. Зерна вскидывались широкими деревянными лопатами на воздухъ для отдѣленія отъ нихъ мякины. Дѣвушки, парни и отцы семействъ старались другъ друга превзойти въ работѣ, сопровождая ее пѣснями и шутками. Это было настоящее гимнастическое упражненіе, способствовавшее, какъ я убѣдился изъ куска хлѣба, поданнаго мнѣ, скорѣе развитію мускуловъ, чѣмъ достиженію цѣли, для которой оно производилось. Одна изъ нашихъ вѣяльныхъ машинъ очистила бы въ два-три раза большее количество зерна, чѣмъ всѣ эти люди, и во всякомъ случаѣ сдѣлала бы это гораздо лучше. Непосредственно за селомъ мы увидали виноградники съ превосходнымъ виноградомъ; но и они не обезпечены отъ хищничества лѣнивыхъ черкесовъ, которыхъ поселенія находились въ очень близкомъ разстояніи отъ нихъ. Обыватели Старопотицы жалуются, что они должны собирать виноградъ гораздо ранѣе времени, чтобы спасти хотя часть его отъ расхищенія. Здѣсь, какъ и вездѣ, раздавались вопли негодованія противъ воровскихъ наклонностей героевъ Кавказа.

На разстояніи $^3/_4$ часа отъ Старопотицы, изъ глубины оврага, по которому течетъ Витболь, выглядывалъ минаретъ одного черкесскаго поселенія, пользующагося самою дурною репутаціей. Отсюда до монастыря Св. Троицы мы не встрѣтили ни одного человѣческаго жилища. Скоро приблизились мы къ лиственнымъ лѣсамъ, которые тянутся съ гребня сербско-болгарскихъ пограничныхъ горъ и черезъ которые идетъ дорога въ монастырь. Непріятное чувство охватило насъ при въѣздѣ въ лѣс-

ную чащу, такъ какъ легко можно было ожидать встрѣчи съ черкесскими ордами, бродившими въ окрестностяхъ, которая вовсе не была бы желательна въ этомъ лѣсномъ уединеніи; но какъ только ночь спустилась на землю съ своею таинственною тишиной и прогнала послѣдній лучъ дневнаго свѣта, мы услыхали съ великою радостью звонъ колокола, которымъ привѣтствовали монахи нашъ пріѣздъ въ ихъ обитель.

Трудно выбрать болѣе очаровательное мѣсто для уединенной монашеской жизни, какъ то, на которомъ расположенъ монастырь Святой Троицы. Маленькая церковь и монастырскія постройки спрятаны въ чащѣ деревьевъ, и великолѣпный лѣсъ, окружающій ихъ, мѣшаетъ проникать до нихъ всякому шуму. Такая тишина и такое спокойствіе господствуютъ здѣсь, что даже самый свѣтскій человѣкъ, пришедшій сюда, почувствуетъ желаніе сосредоточиться въ себѣ и отдаться серьезнымъ размышленіямъ. Но странно, монахи, обитающіе въ этомъ изолированномъ оазисѣ міра, отдаются менѣе всего божественному созерцанію и глубокимъ размышленіямъ, а занимаются преимущественно чтеніемъ писаній святыхъ отцевъ, жившихъ тамъ и вдававшихся въ болѣзненный спиритуализмъ. Какъ монахи монастыря св.-Враче, такъ и здѣшніе отличаются крайнимъ невѣжествомъ; какъ тамъ, такъ и здѣсь, не встрѣчается не малѣйшихъ слѣдовъ западнаго образованія. Никакихъ книгъ, кромѣ священныхъ, я не нашелъ въ игуменскомъ покоѣ, который былъ отведенъ мнѣ для ночлега. На стѣнахъ висѣли образа и оружіе; въ шкафѣ стояли бутылки съ водкой и лежало платье; подъ подушкой, отъ которой воняло гнилью и которая, вѣроятно, никогда не провѣтривалась, лежалъ кошелекъ съ мелкою монетой. Вотъ и все, что я нашелъ въ кельѣ настоятеля монастыря. Скоро по моемъ пріѣздѣ онъ пришелъ самъ ко мнѣ. Это былъ маленькій, подвижной человѣчекъ, съ сѣдою бородой, съ чахоточною наружностью, не внушавшій ни малѣйшаго уваженія. Съ нимъ вмѣстѣ явился ко мнѣ другой монахъ, съ циническимъ, отталкивающимъ лицемъ. Въ рукахъ у него былъ подносъ, обремененный бутылками и разными яствами. Это были проповѣдники божественнаго слова въ монастырѣ Святой Троицы. Если бы не ихъ бороды и монашескія одежды, то я принялъ бы ихъ за дикихъ горныхъ пастуховъ. Въ противоположность невѣжеству и дурной наружности этихъ монаховъ, сербскіе иноки отличаются, напротивъ, образцовымъ монастырскимъ образованіемъ и благообразнымъ видомъ.

Здѣсь я опять имѣлъ случай убѣдиться наглядно, какъ много погрѣшило фанаріотско-греческое духовенство передъ болгарскимъ народомъ и его священнослужителями, которые находились до сихъ поръ подъ управленіемъ греческаго патріархата. Эти архипастыри заботились лишь о томъ, какъ бы набить себѣ побольше карманы, и обдуманно лишали всякой возможности образованія подвластныхъ имъ несчастныхъ болгарскихъ священниковъ, выходившихъ изъ среды народа и находившихся въ самой непосредственной связи съ нимъ.

Долго оставался монастырь Святой Троицы пустымъ; но лѣтъ десять тому назадъ пришелъ туда одинъ спекулянтъ - монахъ и зажегъ опять несгараемую свѣчу передъ бѣднымъ иконостасомъ. Крестьянское народонаселеніе устремилось туда, и нашъ игуменъ такъ поднялъ доходы монастыря, что уже въ настоящее время онъ въ состояніи платить 1,500 піастровъ въ годъ подати правительству, сумму весьма значительную для этой страны. Старый игуменъ, услышавъ отъ меня, что я нахожусь въ хорошихъ отношеніяхъ съ русскимъ консуломъ, живущимъ въ Виддинѣ, сдѣлался вдругъ откровеннымъ со мною, предварительно попросивъ меня жестомъ удалить моего проводника. Онъ высказалъ все, что у него было на сердцѣ, такъ ясно, что у меня не оставалось никакого сомнѣнія насчетъ его послѣднихъ надеждъ. Изъ разговора съ святымъ отцемъ я понялъ, какую страшную ошибку сдѣлала Порта, обложивъ податью монастырь. Болгарское черное духовенство, имѣющее такое огромное вліяніе на народъ, прониклось послѣ этого фискальнаго постановленія еще большею симпатіей къ Россіи и еще большею злобой къ своимъ притѣснителямъ. Съ тѣхъ поръ оно стало еще чаще обращаться къ Россіи за подачей ему милостыни деньгами, дорогою церковною утварью, ризами и съ мольбами объ освобожденіи ея единовѣрцевъ отъ мусульманскаго ига.

Маленькая церковь монастыря Святой Троицы не представляетъ никакого интереса въ архитектурномъ отношеніи; она отличается отъ обыкновенныхъ болгарскихъ церквей, встрѣчающихся на каждомъ шагу, лишь маленькимъ куполомъ. Порталъ ея, близкій къ разрушенію, носитъ еще слѣды византійскихъ украшеній, линій въ рельефѣ и т. д. Находящійся на немъ дурно намалеванный образъ изображаетъ Бога Отца, Святаго Духа и Іисуса Христа, надѣвающаго корону на Святую Дѣву, возлѣ которой стоитъ ангелъ.

Сквозь узкія стѣнныя и купольныя окна дневной свѣтъ почти не проникаетъ во внутренность церкви, и сильно реставрированные фрески, покрывающіе ея стѣны, почти совсѣмъ не видны. На сколько я могъ ихъ разсмотрѣть при слабомъ освѣщеніи тонкой восковой свѣчи, они сдѣланы столь же дурно, какъ и самый иконостасъ и всѣ прочія церковныя принадлежности: кадила, люстры, подсвѣчники—самой обыкновенной зинзарской работы и совершенно новые. По мѣстному обычаю я положилъ нѣсколько мелкихъ монетъ въ благодарность за гостепріимство, оказанное мнѣ монахами, передъ иконой, къ которой всѣ прикладываются, преклоняя колѣна. Игуменъ, умершій уже, какъ я слышалъ, въ настоящее время, пригласилъ меня жестомъ еще остаться въ церкви. Когда я исполнилъ его желаніе, онъ надѣлъ эпитрахиль и прочиталъ молитву за счастливое окончаніе моего путешествія. Дождавшись окончанія оной, я вышелъ съ удовольствіемъ изъ монастыря, этого вертепа суевѣрій и самаго грубаго невѣжества. Легче и веселѣе стало на душѣ у меня, когда монастырскія стѣны остались позади. Быстрая верховая ѣзда по возвышенной плоскости сѣверо-болгарско-дунайской террасы, освѣщенной чудными лучами утренняго солнца, скоро разсѣяла тяжелое впечатлѣніе, произведенное на меня монахами.

VI.

Виддинъ, главный городъ пашалыка.

Характеръ мѣстности и геологическія свойства Дуная отъ Тимока до Янтры.— Банчерово близъ Флорентина.—Австрійскія опредѣленія пунктовъ на болгарскомъ берегу въ 1854 г.—Мое первое посѣщеніе Виддина въ 1860 г.—Описаніе его Гансомъ Вахенхузеномъ. — Несправедливые упреки. — Обозрѣніе крѣпости.—Стамбулъ-Капу. — Многочисленные колодцы Виддина. — Фабрика для приготовленія льда, основанная Пасванъ-Оглу-пашей.—Отношенія Пасвана-Оглы къ Селиму III.— Его побѣда надъ реформой. — Монументальныя постройки Пасвана-Оглы. — Его могила. — Мечеть Ахмеда и могила реформатора, великаго визиря Гуссейна-паши.—Старинная чалма и нововведенная феска. — Сами-паша — «врагъ нѣмцевъ».—Интересныя вещи въ оружейномъ музеѣ.— Военые магазины. — Госпиталь и его доктора.—Военныя зданія.—Мастерскія золотыхъ и серебряныхъ вещей.—На базарѣ.—Христіанскій кварталъ.—Болгарскія школы.—Церковь и исторія колокольни съ часами. — Вмѣшательство австрійско-венгерскаго консула. — Характеръ старинныхъ церквей. — Синагога и новая католическая церковь. — Татарская колонія.—Турки, переселившіеся изъ Бѣлграда.—Сосланные герои Ливана.—Князь Асломскій.—Удовольствія.—Прогулки.—Берегъ Дуная.—Движеніе судовъ. — Военная флотилія.—Гарнизонъ.—Лагерь.—Тумули. — Солдаты и ихъ жалованье.—Римско-византійско-болгарско-турецкій Виддинъ.—Исторія его укрѣпленія.—Его сильныя и слабыя стороны.—Старинная часть крѣпости.—Снимокъ замка Сисманидовъ.—Римскія надписи временъ существованія Ратіаріи.—Завоеваніе Виддина императоромъ Василіемъ въ 1002 г.—Исторія съ 1394—1444 гг.— Маркграфъ Баденскій передъ Виддиномъ въ 1689 г. —Взятіе его и потеря.—Тѣкёли.—Осада Виддина маршаломъ Кавенгюллеромъ въ 1737 г.— Безполезныя операціи вслѣдствіе незнанія дорогъ. — Прибытіе маршала Секендорфа. — Потери австрійцевъ.—Снятіе осады.—Роль, занимаемая Виддиномъ въ сербской войнѣ за независимость.—Турецко-русская война въ 1828—1829 гг. — Сраженіе при Боэлешти.—Русско-турецкая война 1853 г.—Сраженіе при Четати и осада Калафата въ 1854 г. до вступленія австрійцевъ въ княжества.—Кѣмъ и противъ кого будетъ защищаемъ Калафатъ въ слѣдующую войну?

От усть сербско-болгарской пограничной рѣки Тимока до самаго Рущука весь правый берегъ Дуная представляетъ болѣе или менѣе волнистую террасу, возвышающуюся мѣстами отъ 16 до 130 метровъ надъ поверхностью воды и прорѣзанную только рѣками, берущими начало въ Балканскихъ горахъ. Края этой террасы большею частью круто спускаются прямо къ водѣ. Главный составъ горныхъ формацій составляетъ известнякъ. Эти формаціи, начинающіяся отъ сербскаго мѣстечка Праово, населеннаго румынами, продолжаются внизъ по теченію рѣки, прерываясь только изрѣдка выходящими изъ воды известково-глинистыми и мергелевыми скалами.

Мѣстность болгарскаго берега Дуная представляется, въ сравненіи съ роскошною рѣчною декораціей «Желѣзныхъ воротъ», скучною и безжизненною; но все-таки она имѣетъ болѣе оживленный видъ, чѣмъ противуположный, низменный валахскій берегъ, скучная и пыльная равнина котораго, избороржденная безчисленными стадами, въ своей необъятной дали не поражаетъ зрителя никакими рѣзкими особенностями своей природы.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, близъ остатковъ стариннаго римскаго мѣстечка Флорентіаны, въ Банчеровѣ, одинъ изъ крутыхъ береговыхъ спусковъ террасы возвышается до значительной высоты въ 228 метровъ. Этою цифрой, а равно и другими опредѣленіями пунктовъ на болгарскомъ берегу Дуная мы обязаны исключительно спеціальной съемкѣ мѣстностей въ Валахіи офицерами австрійскаго генеральнаго штаба, единственному практическому результату занятія княжествъ австрійцами въ крымскую войну 1855 года,—занятія, стоившаго весьма дорого. Въ сравненіи съ этими съемками, карта Болгаріи, по своимъ неточностямъ, имѣетъ большое сходство съ картами мало изслѣдованныхъ земель южнаго полушарія. Поэтому, чтобы пополнить всѣ пробѣлы и исправить, на основаніи личныхъ изслѣдованій, грубыя ошибки, вкравшіяся въ картографическія описанія Болгаріи, я еще въ 1862 году предпринялъ большое путешествіе по этой странѣ. Но такъ какъ въ то время въ Балканахъ происходили смуты и волненія, то я на своемъ пути долженъ былъ невольно остановиться на продолжительное время въ Виддинѣ, съ которымъ, благодаря этому, и познакомился ближе. Этотъ чисто турецкій дунайскій городъ и крѣпость, съ своими многочисленными живописными минаретами и башнями, рѣзко выдѣляется между другими болгарскими городами, и мнѣ не разъ послѣ того приходилось посѣщать его во время моихъ послѣдующихъ поѣздокъ.

Я освобожаю себя отъ труда описывать физіономію главнаго города Виддинскаго пашалыка, состоящаго изъ шести округовъ. Этотъ трудъ приняли на себя и добросовѣстно исполнили многочисленные туристы, изъѣздившіе Дунай по всѣмъ направленіямъ. Да и что, въ самомъ дѣлѣ, можно прибавить хоть къ описанію Ганса Вахенхузена, не пожалѣвшаго красокъ для изображенія грязныхъ, кривыхъ улицъ Виддина, его косыхъ строеній, отвратительныхъ лужъ крови въ Мясномъ кварталѣ (въ иные дни бо̀льшая часть города походитъ на этотъ кварталъ), площадей, заражающихъ воздухъ своими болотными испареніями, оглу-

шительнаго шума отъ подводъ, запряженныхъ быками, мостовой, на которой можно сломать шею, узкихъ, никогда неосвѣщающихся переулковъ и наконецъ полнѣйшаго отсутствія, какъ прежде, такъ и въ настоящее время, каналовъ, общественныхъ гуляній, гостинницъ и другихъ удобствъ и взамѣнъ того значительнаго преобладанія грязныхъ, назойливыхъ нищихъ, цыганъ и другихъ подобныхъ пролетаріевъ, провожающихъ путешественника по всѣмъ улицамъ и даже до серая-паши.

Но къ чему, впрочемъ, упрекать именно Виддинъ въ томъ, что составляетъ неотъемлемую принадлежность не только каждаго турецкаго города, но даже и мусульманскаго квартала Константинополя? Пусть читатель удовольствуется описаніемъ Виддина, сдѣланнымъ Вахенхузеномъ, при чтеніи котораго такъ, и кажется, что слышишь запахъ чесноку и другихъ тому подобныхъ зловоній, которыми пропитана атмосфера всякаго турецкаго города. Я же постараюсь лучше выставить на видъ нѣкоторыя хорошія стороны Виддина, имѣющаго большое значеніе на нижнемъ Дунаѣ, и если въ моемъ описаніи проглянутъ тамъ и сямъ нѣкоторыя его темныя стороны, то это только оживитъ картину и послужитъ въ то же время подтвержденіемъ вѣрности стариннаго замѣчанія, что способъ турецкаго управленія не можетъ никогда измѣниться, не смотря даже на нѣкоторый лоскъ западной цивилизаціи, которымъ старается правительство прикрывать свои дѣйствія для ослѣпленія Европы, снабжающей его денежными суммами.

Начнемъ нашъ обзоръ съ «Стамбулъ-Капу», главныхъ воротъ крѣпости, которыя охраняетъ часовой низама, лѣниво опершись на свое ружье. Бросивъ нѣсколько парасъ въ протянутыя руки многочисленныхъ, грязныхъ, оборванныхъ, но тѣмъ не менѣе на половину закрытыхъ покрываломъ нищихъ-женщинъ, мы прошли узкую базарную улицу съ ея табачными, ковровыми и ювелирными лавками и достигли первой довольно большой площадки въ крѣпости, украшенной красивою мечетью. На этой площади намъ бросилось въ глаза первое полезное учрежденіе въ Виддинѣ—одинъ изъ безчисленныхъ общественныхъ колодцевъ, служащихъ жителямъ для утоленія жажды въ знойные лѣтніе дни.

Устройство новыхъ источниковъ, для освѣженія какъ людей, такъ и животныхъ, считается у жителя Востока самымъ богоудньмъ дѣломъ и упрочиваетъ, по его мнѣнію, вѣчное блаженство на томъ свѣтѣ. Если это правда, торайскія двери открылись навѣрно передъ Пасваномъ-Оглою, послѣднимъ «правовѣрнымъ» губернаторомъ Виддина и покровителемъ

янычаръ, возставшихъ противъ извѣстнаго реформатора, падишаха Селима III, потому что многіе разсѣянные по городу и крѣпости колодцы, частію съ монументальными украшеніями въ роскошномъ восточномъ стилѣ, были разведены большею частью имъ, и онъ увѣнчалъ свое твореніе вполнѣ достойнымъ образомъ, устроивъ фабрику для приготовленія льда, изъ которой лѣтомъ раздавалось его огромное количество бѣднымъ людямъ безплатно, а состоятельнымъ—за незначительную плату. Нужно пожить хотя короткое время въ Виддинѣ лѣтомъ, чтобы въ полной мѣрѣ оцѣнить всю важность этого благодѣтельнаго учрежденія Пасвана-Оглы.

Бросимъ взглядъ на жизнь этого замѣчательнаго человѣка, дѣйствія котораго тѣсно связаны съ прошедшимъ Виддина и дѣятельности котораго этотъ городъ обязанъ большинствомъ своихъ полезныхъ учрежденій и лучшихъ архитектурныхъ украшеній.

Османъ-Пасванъ-Оглу былъ послѣднимъ великимъ пашею стариннаго турецкаго закала. Онъ не только не страшился идти противъ нововведеній перваго реформатора, знаменитаго султана Селима III, но объявилъ даже ему открытую войну [1]). Селимъ уничтожилъ во всемъ своемъ государствѣ янычаръ, а Пасванъ-Оглу сдѣлался ихъ покровителемъ, на что, конечно, имѣлъ свои основанія. Съ помощью этого войска бунтовщикъ задумалъ сдѣлаться отчасти независимымъ вассаломъ султана, подобно деямъ Алжира, Феца и Марокко, и въ Виддинѣ, своемъ родномъ городѣ, устроить столицу.

Османъ-Пасванъ-Оглу отличался особенно въ войнѣ съ Россіей и Австріей въ 1788 году. Но послѣ войны онъ, подъ предлогомъ защиты какихъ-то нарушенныхъ правъ наслѣдства, захватилъ большія территоріи по Дунаю. Опираясь на нихъ, а равно и на привязаность къ себѣ воинственныхъ «крджаліевъ», заслужившихъ себѣ страшную извѣстность разрушеніемъ богатаго цинзарскаго города Москополиса, онъ смѣло предложилъ султану миръ и главными условіями поставилъ предоставленіе ему въ ленное владѣніе Виддинскаго пашалыка и утвержденіе его въ званіи трехбунчужнаго паши.

Но основаніе новыхъ вассальныхъ государствъ совсѣмъ не входило въ планъ Селима, старавшагося, наоборотъ, сосредоточить въ своихъ рукахъ все государственное управленіе, и потому онъ не принялъ этихъ условій и въ то же время отправилъ въ Виддинъ войско въ 100,000

[1]) Ранке «Die Serbische Revolution».

человѣкъ. Пасванъ-Оглу отвѣчалъ на этотъ вызовъ тѣмъ, что записалъ себя лично въ списокъ янычаръ, назначенныхъ Селимомъ къ изгнанію. При этомъ извѣстіи Дели-Ахметъ, извѣстный предводитель бѣлградскихъ янычаръ, вмѣстѣ съ другими начальниками, поспѣшилъ къ нему на помощь и призналъ за нимъ старшинство между всѣми Серхадъ-агами. Подобная угодливость имѣла, конечно, свое основаніе. Пасванъ-Оглу, лозунгомъ котораго было: «ваша добыча, моя слава», казался янычарамъ человѣкомъ способнымъ возстановить снова ихъ утраченное могущество, и надо сознаться, что они не ошиблись въ своемъ разсчетѣ. Удачною вылазкою изъ осажденнаго Виддина Пасванъ-Оглу разсѣялъ войска падишаха, перешелъ черезъ Дунай и нагналъ ужасъ на всѣ окрестныя провинціи. Когда онъ успѣлъ, наконецъ, захватить въ свои руки Чернецъ, Крайову и Никополь и распространить пламя революціи во всей Болгаріи, султанъ согласился заключить съ нимъ миръ на вышеизложенныхъ условіяхъ и разрѣшилъ янычарамъ возвратиться въ Бѣлградъ.

Но этимъ еще не кончились несогласія между просвѣщенными губернаторами Сербіи Эбу-Бекиромъ и Хаджи-Мустафою и райями, съ одной, и Пасванъ-Оглою и янычарами—съ другой стороны. Упрямое пристрастіе Пасвана-Оглы къ старинной турецкой системѣ, относившейся враждебно ко всякому нововведенію, имѣло важныя послѣдствія. Безъ него извѣстныя событія въ Сербіи оттянулись бы еще бы на десятки лѣтъ, и участь сербскихъ христіанъ осталась бы печальною, какою она была незадолго передъ тѣмъ въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи. Но насильственный захватъ Пасванъ-Оглою всей сербской территоріи подъ именемъ «Читлук-сагибіенъ» и грубые поступки его преторіанцевъ съ райями вызвали сербскую войну за независимость, въ которой, однако, не пришлось принять участія великому виддинскому бунтовщику. Онъ умеръ незадолго до сверженія съ престола его знаменитаго противника, и преемникомъ по его управленію Виддинскимъ пашалыкомъ былъ назначенъ болѣе смиренный, кроткій Молла-паша.

Пасванъ-Оглу соединялъ въ себѣ, вмѣстѣ съ рѣдкою энергіею, большія природныя дарованія. Преобразованіе Виддина, по крайней мѣрѣ снаружи, въ европейскій городъ, усиленное вооруженіе его, проложеніе новыхъ улицъ, многія монументальныя постройки, между которыми отличается особенною красотою «Пасванъ-Оглу-Джами» съ медресе и библіотекой, и кромѣ того нѣкоторыя другія полезныя учрежденія, о которыхъ было уже упомянуто, были исключительно его дѣломъ. Небольшое

кладбище мечети Мустафы-паши сохраняетъ въ себѣ бренные останки Османа-Пасвана-Оглы. Памятникъ его окруженъ каменными плитами, вышиною до двухъ футовъ, украшенными богатыми рельефными орнаментами. Въ головахъ и ногахъ возвышаются высокія пилястры съ надписями, увѣнчанныя первая старинною турецкою чалмой, а послѣдная, немного пониже,—вазой съ цвѣтами.

Отъ пріятно оттѣненной деревьями могилы этого безпокойнаго послѣдняго предводителя янычаръ, высоко чтимаго всѣми мусульманами, мы направились къ гробницѣ истребителя этого грознаго войска, наполнявшаго нѣкогда ужасомъ всю Европу. Пройдя чрезъ Стамбулъ-капу, мы достигли мечети Ахметъ-Джаміе, находящейся въ цитадели. Эта-мечеть считается самою большою изъ 32 виддинскихъ мечетей и замѣчательна своими безчисленными стеклянными люстрами съ громадными страусовыми яйцами. Передъ ея главнымъ входомъ покоится Гуссейнъ-паша, знаменитый великій-визирь и главный помощникъ реформатора Махмуда III. Памятникъ этого почтеннаго мужа напоминаетъ во многомъ памятникъ Пасвана-Оглы, его антипода, но только онъ богаче, новѣе и защищенъ рѣшеткою, красиво поднимающеюся надъ нимъ въ видѣ бесѣдки. Роскошная зелень покрываетъ мѣсто, гдѣ покоится прахъ Гуссейна, этого героя, боровшагося почти безпрерывно. Турецкій (зинзарскій?) скульпторъ весьма удачно опредѣлилъ противоположныя стремленія Гуссейна и Пасвана-Оглы, увѣнчавъ высокій обелискъ перваго феской, введенною еще Селимомъ и изгнавшею съ тѣхъ поръ старинную турецкую чалму.

Чалма и феска служатъ въ настоящее время предметомъ несогласій между приверженцами старинной и новой турецкой системы правленія. Въ каждомъ другомъ государствѣ подобныя распри («Journal de Constantinople» служитъ имъ оффиціальнымъ посредникомъ) возбудили бы толки не только въ сосѣднихъ странахъ, но и во всей Европѣ. Въ Турціи же даже періодически совершающіяся измѣненія въ министерскомъ составѣ назначеніемъ изъ той или другой партіи министровъ султаномъ, имѣютъ значеніе только внутри страны, да и то лишь для небольшаго кружка ближайшихъ къ этимъ министрамъ сановниковъ и ихъ любимцевъ. Здѣсь примѣненіе принциповъ той или другой партіи зависитъ гораздо менѣе отъ распоряженій министерства, а стало быть и отъ выбора министровъ, чѣмъ отъ исполнителей этихъ распоряженій, губернаторовъ, пашей и прочихъ правительственныхъ чиновниковъ, произволъ которыхъ,

конечно, ограниченнѣе вблизи столицы, а въ отдаленныхъ провинціяхъ и на окраинахъ государства, напротивъ, не имѣетъ предѣловъ; здѣсь часто самыя важныя распоряженія примѣняются этими исполнителями совершенно въ обратномъ смыслѣ или совсѣмъ не примѣняются. Какое же значеніе можетъ имѣть для иностранныхъ государствъ смѣна визирей, отъ которой зависитъ торжество или пораженіе одной изъ двухъ системъ и которая сама зависитъ отъ каприза султана и подготовляется весьма часто интригами сераля?

Несомнѣнно также и то, что послѣднее рѣшеніе участи Турціи нимало не зависитъ отъ торжества или пораженія той или другой системы, отъ исхода этой безпрерывной, со временъ Селима III, и поддерживаемой интригами иностранныхъ кабинетовъ и сераля борьбы между приверженцами этихъ системъ, которыхъ самые замѣчательные представители, Пасванъ-Оглу и Гуссейнъ-паша, покоятся, по странной случайности, бокъ-о-бокъ въ одной и той же виддинской землѣ.

Преемникомъ Гуссейна въ Виддинскомъ вилайетѣ былъ Сами-паша, врагъ нѣмцевъ и поклонникъ французовъ и англичанъ, которымъ онъ старался во многомъ подражать. Доказательствомъ этому служитъ основанный имъ музей оружій, по примѣру западно-европейскихъ подобныхъ учрежденій, но, конечно, въ болѣе скромныхъ размѣрахъ. Привыкнувъ встрѣчать въ Виддинѣ повсюду неустройство и безпорядокъ, невольно приходится удивляться, видя, въ какой послѣдовательности разложены въ этомъ арсеналѣ разные оружія и трофеи, и если зданіе, занимаемое ими, напоминаетъ собою скорѣе сарай, чѣмъ музей, а недостатокъ хронологическаго описанія предметовъ затрудняетъ во многомъ посѣтителя, то тѣмъ не менѣе, однако, общій каталогъ составленъ весьма недурно и до извѣстной степени можетъ служить пособіемъ при обзорѣ этой дѣйствительно богатой коллекціи оружія. Рядомъ съ янычарскими куртками изъ грубой буйволовой кожи и ихъ страшнаго оружія, которые могли бы занять почетное мѣсто въ собраніи старинныхъ турецкихъ костюмовъ въ «Элбицы-Атика» константинопольскаго атмейдана, мы увидѣли алебарды съ круглыми ножами, употребляемыя во время самаго разгара сраженія, затѣмъ дротики, нѣмецкія аркебузы, мечи, австрійскія и славянскія знамена, между которыми были многіе значки съ изображеніями святыхъ, и, кромѣ того, множество арматурныхъ вещей различнаго происхожденія и разныхъ вѣковъ. Стѣны были пестро драпированы сильно поношеннымъ платьемъ, чако, саблями, ружьями и другими боевыми

принадлежностями венгерскихъ волонтеровъ, обезоруженныхъ турками въ 1849 году. На дворѣ арсенала покоилось на крѣпкихъ лафетахъ нѣсколько громадныхъ пушекъ временъ Карла VI, богато украшенныхъ въ стилѣ того времени и носившихъ отпечатокъ средневѣковой нѣмецкой фантастической конструкціи. Вообще для изученія оружій, и въ особенности турецкихъ разныхъ вѣковъ, небольшой виддинскій арсеналъ можетъ служить отличнымъ пособіемъ, и я рекомендую его спеціалистамъ по этой части.

При осмотрѣ кладовыхъ для снарядовъ крѣпостнаго гарнизона мы были удивлены образцовымъ порядкомъ, въ которомъ онѣ находились. Оружія, шанцевыхъ инструментовъ, фонарей, походныхъ фляжекъ, веревокъ и ремней было страшное изобиліе, и, повидимому, всѣ эти вещи были весьма хорошаго качества. Палаты военнаго госпиталя отличались большою чистотой и хорошимъ устройствомъ. О научныхъ же познаніяхъ большинства турецкихъ военныхъ врачей, преимущественно грековъ или итальянцевъ, я слышалъ довольно занимательныя исторіи. Еще въ Нишѣ мнѣ разсказывали, что бо́льшая часть тамошнихъ хекимъ-башей были прежде парикмахерскими помощниками и только подкупами получали докторскіе дипломы. Число умирающихъ въ сравненіи съ выздоравливающими до того велико, что часто заставляетъ задумываться миръ-алаевъ (полковники), отчего солдаты умираютъ въ госпиталяхъ, какъ мухи. Но подобныя размышленія, какъ говорятъ, всегда прекращаются, коль скоро врачъ во́ время подноситъ полковнику хорошій подарокъ. Такимъ-то путемъ почтенный полковой командиръ одного полка, находившагося въ Виддинѣ, смотрѣвшій сквозь пальцы на шарлатанство нищенаго грека, какимъ-то образомъ доставшаго себѣ докторскій дипломъ и заботившагося болѣе о доставленіи работы виддинскимъ могильщикамъ, чѣмъ о выздоровленіи своихъ больныхъ, нажилъ себѣ мало по малу деньги, лошадей, экипажи и пр.

Къ значительнымъ военнымъ постройкамъ виддинской цитадели принадлежатъ, между прочимъ, новая паровая мельница и обширный пороховой магазинъ, обнесенный высокими стѣнами, построенный близъ деревянной часовой башни, которая еще въ 1862 году своею наружностью напоминала огромную закопченную фабричную трубу, но въ послѣдніе года была заново отдѣлана на средства общины изъ солиднаго каменнаго матеріала и составляетъ въ настоящее время одно изъ украшеній крѣпости.

У подножія этой банни раскинули свои низкіе и убогіе деревянные бараки знаменитые виддинскіе золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера. Часто приходилось мнѣ отдыхать въ этихъ мастерскихъ отъ утомительныхъ прогулокъ по ужаснымъ виддинскимъ мостовымъ, и для меня всегда составляло удовольствіе наблюдать за искусною работой этихъ прилежныхъ македонскихъ художниковъ. Изъ древнихъ греческихъ, римскихъ и византійскихъ монетъ зинзары [1]) выдѣлывають длинную, тонкую серебряную нить и разрѣзаютъ ее потомъ на мелкіе кусочки. Съ безконечнымъ терпѣніемъ и удивительнымъ искусствомъ куютъ они проволоку за проволокой, дѣлаютъ изъ нихъ кружечки, звѣздочки, пуговки и придаютъ затѣмъ всему красивую мавританскую форму, съ безчисленными арабесками, поражающими глазъ своими странными, но тѣмъ не менѣе красивыми зигзагами. Фигура слѣдуетъ за фигурою, и передъ удивленнымъ взоромъ образуются постепенно красивыя золотыя и серебряныя блюдечки, изъ которыхъ у сановниковъ и пашей мы пили душистый мокка; потомъ богатые мундштуки для папиросъ, угрожающіе изгнать совсѣмъ изъ употребленія цѣнные чубуки, или же роскошные головные уборы турецкихъ одалисокъ и, наконецъ, простыя, круглыя серьги, ожерелья, пряжки въ видѣ двухъ щитовъ или пальмовыхъ листьевъ и другія принадлежности туалета болгарскихъ красавицъ.

Рядомъ съ этими красивыми издѣліями восточной фантазіи, ювелирныя произведенія Запада, съ своими фальшивыми камнями, жемчугомъ и пестротою красокъ, занимаютъ весьма незавидное мѣсто на базарѣ. Впрочемъ, въ послѣднее время и они начинаютъ привлекать покупателей разнообразіемъ своихъ формъ, а главное—дешевизною цѣнъ. Австрійскіе мелочные желѣзные и мѣдные товары всѣхъ родовъ, произведенія изъ стекла и фаянса, цвѣтные платки и ситцы, англійскія шерстяныя ткани, желѣзныя, стальныя и кожаныя издѣлія, а также четки, персидскіе вѣеры, богато-вышитые табачные кисеты, чубуки, туфли и газовыя ткани съ золотымъ и серебрянымъ шитьемъ, привлекающія особенно европейцевъ, составляютъ также важную статью сбыта въ лавкахъ турецкихъ торговыхъ евреевъ. Что касается христіанско-болгарской промышленности, то она раскинула свой лагерь внѣ цитадели, и главный продуктъ ея составляютъ скорняжныя издѣлія и вышивки, въ произведеніи которыхъ

[1]) Die Zinzaren. Этнографической очеркъ Ф. Каница. Журналъ импер. корол. географическаго общества, VII годъ. Вѣна 1863 и въ «Serbien», 1868 г.

особенно отличаются болгары. Мнѣ приходилось видѣть вышитыя сѣдла, уздечки, шубы, замѣчательныя по своей работѣ, но которыя можно получить только по заказу.

Юго-восточное предмѣстье города, заселенное почти исключительно христіанами, приняло со времени отмѣны Сулейманомъ, виддинскимъ пашею (1862), указа Сами, воспрещавшаго новыя постройки, гораздо лучшій видъ. Разсѣянныя въ этомъ кварталѣ турецкія строенія, обремененныя долгами, перешли въ настоящее время почти всѣ въ руки болгаръ, и на мѣстѣ грязныхъ мусульманскихъ жилищъ, окруженныхъ досчатыми или глиняными стѣнами, скрывающими отъ любопытныхъ взоровъ внутренность ихъ, мы видимъ теперь находящіеся подъ защитою обѣихъ великихъ державъ восточной Европы—Россіи и Австріи—красивые дома въ нѣсколько этажей, съ фасадами, обращенными на улицу. Въ вѣдѣніи болгарской общины находятся 2 школы съ 6 учителями и 560 учениками и, кромѣ того, одна женская школа съ 80 ученицами. Вскорѣ также рядомъ съ конакомъ архіепископа построится проектированный уже новый соборъ, матеріалъ для котораго заготовленъ еще съ 1855 г. и сложенъ въ настоящее время близъ колокольни старой христіанской церкви. Съ постройкою этого собора христіанскій элементъ значительно окрѣпнетъ и пуститъ новые корни въ турецкую почву, а до тѣхъ поръ мусульманскому населенію недурно было бы болѣе свыкнуться съ колокольнымъ звономъ въ христіанскихъ церквахъ.

Когда, послѣ изданія гатти-гумаюна, торжественно возвѣстившаго о равноправности всѣхъ подданныхъ султана, христіанская община въ Виддинѣ захотѣла на дѣлѣ примѣнить обѣщанныя христіанамъ на бумагѣ льготы и начала во время богослуженія звонить въ колоколъ своей скромной церкви, то его звукъ очень не понравился мусульманамъ, такъ какъ онъ заглушалъ голоса ихъ муэзиновъ, и въ ночное время они оторвали языкъ отъ только-что освященнаго колокола и пригрозили христіанамъ разрушеніемъ ихъ церкви, если они снова начнутъ звонить. Такимъ образомъ этотъ колоколъ висѣлъ безъ языка, какъ часы безъ стрѣлки, и оставался нѣмъ до тѣхъ поръ, пока вмѣшательство австро-венгерскаго консула фонъ-Шульца не вынудило пашу дать обѣщаніе не противиться болѣе церковному звону. Дѣйствительно, въ первый день праздника Рождества Христова, въ присутствіи консула, раздался снова звонъ колокола, призывавшій христіанъ въ церковь. Будемъ надѣяться, что этотъ колоколъ не замолкнетъ и на будущее время.

Болгарская община могла бы гораздо ранѣе вмѣшательства Австріи возбудить процессъ въ меджлисѣ по поводу своевольнаго нарушенія правъ, гарантированныхъ великими державами; но къ какому результату повела бы эта жалоба, когда въ судѣ одинъ членъ отъ христіанъ имѣлъ противъ себя большинство десяти членовъ съ турецкой стороны, которые если и не прямо были замѣшаны въ означенномъ поступкѣ, то тѣмъ не менѣе отъ нихъ нельзя было ожидать справедливаго разрѣшенія спора?

Печальную эпоху, пережитую турецкими христіанами въ послѣднемъ столѣтіи, напоминаютъ лучше всего ихъ старыя, осѣвшіяся церкви безъ колоколенъ. Не представляя снаружи ничего особеннаго въ архитектурномъ отношеніи, онѣ и по внутреннему своему устройству лишены всякаго интереса для археолога. Многочисленная іудейская община имѣетъ въ Виддинѣ свою синагогу, а католики, усиліями миссіонеровъ, посланныхъ валахско-уніатскимъ венгерскимъ епископомъ, живущимъ въ Гроссвардейнѣ, успѣли основать только небольшую временную церковь. Эта церковь, построенная изъ досокъ, имѣетъ весьма ничтожный видъ и скорѣе походитъ на сарай, чѣмъ на церковь. Близъ нея находится камень, поставленный по обѣту, съ желѣзнымъ крестомъ и слѣдующею надписью: A cesta s croca darnito o intru marirea lui Domne dieei comunitalei romane gr. cat. diu Vidinu 1869. Для постройки новой, лучшей церкви императоръ Францъ-Іосифъ ассигновалъ довольно значительную сумму, но я не думаю, чтобы католическая церковь въ Болгаріи имѣла блестящую будущность; я скорѣе увѣренъ, что постройка этой церкви вызоветъ большія непріятности.

Небольшое турецкое народонаселеніе Виддина значительно увеличилось въ 1852 г. татарскими, а въ 1862 г. бѣлградскими переселенцами. Въ одно время съ послѣдними были поселены въ стѣнахъ Виддина также и знаменитые предводители друзовъ изъ Джидды. Между ними я замѣтилъ многихъ вождей изъ Ливанскихъ ущелій, наводившихъ нѣкогда страхъ на бѣлградскихъ христіанъ, какъ-то: Гуссейна-бея изъ Аитеца, Шумбле-Юсуфа изъ Арматура, Хали-Аріа изъ Рушайи, Абдулаха-Элакаили изъ Бейрута и др. Имъ былъ отведенъ бывшій конакъ Пасвана-Оглы, и я сильно опасаюсь, чтобы воздухъ Виддина не оказался для нихъ вреднѣе воздуха возвышеннаго бѣлградскаго акрополиса. Наши зимнія стужи и тоска по родинѣ и семьѣ отзовутся, вѣроятно, сильно на нихъ, и они

едва ли когда снова увидятъ роскошные кедры своего роднаго Ливана [1]). Виддинъ служитъ также мѣстомъ изгнанія Искендеръ. бея, князя Асломскаго, извѣстнаго курдскаго революціонера, котораго Англія, Франція и Порта соединенными усиліями поймали въ болотахъ болгарской крѣпости. У него рѣзкія черты лица, одѣвается онъ по европейской модѣ, пользуется полною свободой и даже занимаетъ почетную должность президента виддинскаго уголовнаго суда. Подобные случаи могутъ встрѣчаться только въ Турціи. Не смотря, однако, на всѣ эти льготы, онъ дѣлалъ отъ время до времени попытки, правда безполезныя, улучшить (!) свою участь.

На сколько можно видѣть, въ виддинскомъ обществѣ нѣтъ недостатка въ интересныхъ и даже знаменитыхъ личностяхъ. Въ чемъ же состоятъ развлеченія жителей этого города, резиденціи турецкаго гражданскаго и военнаго губернатора? Существуютъ ли въ немъ театры, концерты, общественныя гулянья, игры и другія удовольствія? Вовсе нѣтъ. Случайныя представленія, особенно во время байрама, «кара-гуецъ», турецкаго полишинеля, а также хаджи-аива, нѣчто въ родѣ театра маріонетокъ, въ которыхъ публику угощаютъ самыми пустыми разговорами, перемѣшанными двусмысленностями, замѣняютъ какъ въ Виддинѣ, такъ и въ другихъ турецкихъ городахъ, за исключеніемъ только Стамбула, наши театры. Да турки и не особенно сокрушаются о недостаткѣ подобныхъ увеселеній, потому что имъ недоступно пониманіе комедіи, занимающей первое мѣсто въ ряду развлеченій западныхъ европейцевъ. Бродячіе жонг-

---

[1]) Д-ръ I. Зеппъ въ своихъ «Reisebriefe aus der Levante» сдѣлалъ весьма интересное описаніе Ливана, изъ котораго привожу здѣсь слѣдующее мѣсто «Фанатизмъ еще не успокоился въ нихъ (друзахъ), а на сколько онъ былъ возбужденъ, это доказали вполнѣ происшедшія 14 лѣтъ тому назадъ убійства христіанъ въ Дамаскѣ, когда друзы объявили священную войну или джихадъ и вмѣстѣ съ метуалисами начали преслѣдовать гяуровъ. Графъ Парижскій и герцогъ Шартрскій, путешествовавшіе въ то время по Ливану, спаслись только тѣмъ, что уѣхали ночью въ Бейрутъ. Христіанскій кварталъ въ Дамаскѣ съ 25,000 жителей былъ подожженъ со всѣхъ сторонъ, и всякій, кто попадался въ руки изувѣрамъ и не успѣвалъ вò время спастись въ цитадель или консульскіе дома, былъ варварски убиваемъ. Нашъ соотечественникъ, консулъ Пфеффингеръ изъ Амберга, спасся только благодаря своей саблѣ. Въ Бейрутѣ собралось 26,000 бѣглецовъ, и германскій генеральный консулъ Беберъ, любезному посредничеству котораго мы были обязаны нашимъ относительно сноснымъ положеніемъ, имѣлъ одинъ на своемъ попеченіи 587 вдовъ изъ Дамаска и 639 изъ Деръ-эль-Камра. Бранденбургское іоаннитское общество учредило сборъ пожертвованій въ пользу 2,000 сиротъ, оставшихся отъ 160 сирійскихъ мучениковъ, кровью которыхъ обагрилась вся горная область. Цѣлью этого сбора было, на основаніи изреченія Спасителя:

леры, преимущественно индійцы и персіяне, а также цыганскія шайки съ фантастически разряженными, смуглыми, увертливыми и на все готовыми юношами замѣняютъ имъ акробатовъ, оперу, скачки, циркъ и, наконецъ, стрѣльбу въ цѣль.

Не бо́льшимъ разнообразіемъ отличаются и общественные сады въ Виддинѣ. Турецкіе города имѣютъ обыкновенно роскошную природную обстановку, а потому и не нуждаются въ искусственныхъ украшеніяхъ. Близость горъ, вершины которыхъ покрыты роскошною зеленью, фруктовые сады и виноградники замѣняютъ имъ наши парки, сады и гулянья. Но Виддинъ лишенъ и этихъ прелестей природы. Напрасно будете вы искать тѣнистаго мѣстечка на крѣпостномъ гласисѣ, зачумленномъ пребываніемъ на немъ безчисленнаго множества собакъ, не имѣющихъ хозяевъ, тощихъ, отвратительныхъ, замѣняющихъ въ городѣ санитарную полицію. Дунайскій берегъ составляетъ самый оживленный центръ города. Четыре почтовыхъ, одинъ пассажирскій и одинъ товарный пароходы, принадлежащіе исключительно привилегированному австрійскому пароходному обществу, поддерживаютъ лѣтомъ еженедѣльно сообщеніе между Виддиномъ и другими городами. Приходъ этихъ пароходовъ служитъ единственнымъ перерывомъ монотонной общественной жизни Виддина. Близъ таможни, около которой разведенъ небольшой садъ съ скромнымъ ресторономъ, пользующимся частыми посѣщеніями виддинскаго общества, находится всегда нѣсколько судовъ, нагружающихся или выгружающихся. Отсюда открывается великолѣпный видъ

«принявшій одного изъ малыхъ сихъ меня принимаетъ», помѣстить сиротъ въ учебныя заведенія и частные дома, чтобы не дать имъ погибнуть голодною смертью, какъ это случилось съ 8,500 жертвами въ цитадели сирійскаго главнаго города. Французскій благотворительный комитетъ съ тою же цѣлью передалъ въ руки католическихъ монахинь полтора милліона франковъ. Въ Бейрутѣ въ продолженіе кровавыхъ происшествій 14 и 15 іюля 1860 г. спаслось на корабляхъ до 4,000 христіанъ. Въ этомъ городѣ перевѣсъ населенія былъ на сторонѣ христіанъ, а потому послѣдніе были спокойны, но въ другихъ приморскихъ городахъ, какъ напр. Сидонѣ, Тирѣ, Аккѣ и даже Яффѣ, только присутствіе европейскихъ военныхъ судовъ помѣшало разыграться такой же катастрофѣ, какъ въ Дамаскѣ. Въ Тирѣ христіане, при первомъ извѣстіи о гоненіи, быстро овладѣли всѣми судами въ гавани, запаслись водою и пищею и на скалахъ, въ морѣ, куда мусульмане не могли слѣдовать за ними, ожидали себѣ помощи. Когда волненіе утихло, то часть бѣглецовъ, до 3,000 человѣкъ, поселилась въ Саидѣ и около 2,000 въ Сурѣ. Дѣти христіанъ, павшихъ жертвами фанатизма мусульманъ, разобранныя по частнымъ домамъ и успѣвшія уже обзавестись семьями, съ ужасомъ разсказывали мнѣ, какъ ихъ отцы, братья и родственники были убиты на ихъ глазахъ, и показывали рубцы отъ ранъ, полученныхъ ими самими.»

на Калафатъ, на дальнія цѣпи Балканскихъ горъ и, наконецъ, на постоянно оживленный берегъ. Но самое оригинальное зрѣлище представляютъ турецкіе хлѣбные и соляные каики съ ихъ пестро раскрашенными бортами и мачтами. Въ прежнее время здѣсь останавливались также большія суда, нагруженныя солью сербскаго Ротшильда, маіора Миза. Откупивъ соляныя копи въ Валахіи и Молдавіи, онъ получилъ въ 1863 г. отъ Порты за 30,000 дукатовъ монополію для продажи соли въ турецкихъ дунайскихъ городахъ, съ тѣмъ однако, чтобы цѣна за 100 окъ (1 ока=$2^1/_4$ австр. фунт.) не превышала 92 піастровъ. Въ настоящее время торговля солью сдѣлалась достояніемъ каждаго, и только взимается ввозная пошлина по 40 піастровъ со 100 окъ. Торговля Виддина, вслѣдствіе небольшой потребности города и его территоріи во ввозѣ, а также и незначительности его произведеній для вывоза, весьма ограниченна. Расположенный недалеко Ломъ-Паланка, хотя и менѣе Виддина, въ торговомъ отношеніи стоитъ гораздо выше его, особенно вслѣдствіе упомянутой выше вновь проложенной дороги въ Нишъ и Софію.

Для поддержанія сообщеній съ крѣпостями на нижнемъ Дунаѣ, Турція содержитъ нѣсколько судовъ, изъ которыхъ четыре канонирскія лодки находятся всегда въ Виддинѣ. Онѣ имѣютъ на носу и на кормѣ по одному орудію. До Виддина могутъ подниматься изъ Чернаго моря даже большія, погружающіяся глубоко въ воду суда; но между Виддиномъ и Оршовой даже въ самую высокую воду суда совсѣмъ не могутъ проходить. Лѣтомъ 1862 года близъ Оршовы сѣлъ на мель турецкій военный пароходъ, съ провіантомъ и аммуниціей, назначенными для Бѣлграда. Всѣ попытки снять его съ мели оказались безполезными, и только когда остовъ парохода былъ уже объятъ пламенемъ, удалось спасти нѣкоторыя части машины.

Гарнизонъ Виддина въ мирное время состоитъ изъ 3,000 человѣкъ подъ командой генерала, въ чинѣ ферика или генералъ-лейтенанта. Въ случаѣ же надобности подвозится по Дунаю подкрѣпленіе, которое обыкновенно стоитъ лагеремъ на часъ разстоянія къ сѣверу отъ крѣпости, на довольно возвышенной террасѣ. Дорога идетъ черезъ пустынныя, наполненныя собаками турецкія кладбища, въ сравненіи съ которыми болгарско-христіанскія кладбища составляютъ рѣзкій контрастъ. На послѣднихъ рѣдкія изъ могилъ не украшены цвѣтами и памятниками, у подножія которыхъ теплятся лампады античной формы, или въ видѣ

фонарей; самые же памятники сдѣланы обыкновенно въ видѣ зубчатой звѣзды или большаго изъ песчаника креста, покрытаго надписями на всѣхъ языкахъ,—даже не исключая нѣмецкаго и мадьярскаго,—представляющими богатый матеріалъ для изслѣдованій, или же напоминающаго своею формой древне-шотландскіе памятники, съ тремя рельефными крестами на раскрашенномъ, разноцвѣтномъ фонѣ.

Немного далѣе за кладбищами находится мѣсто, на которомъ обыкновенно въ жаркіе мѣсяцы располагается лагеремъ виддинскій гарнизонъ. Лѣтомъ 1862 г. въ лагерѣ находилось 6,000 человѣкъ низама, частью кавалеріи, подъ командою Сулеймана-паши. Турецкій лагерь, если на него смотрѣть издали, представляетъ для глаза пріятное зрѣлищѣ. Рядъ зеленыхъ палатокъ тянется на необъятное разстояніе, а передъ ними расположены безчисленные колодцы съ высокими, висящими въ воздухѣ подъемными жердями. Изобиліе воды въ лагерѣ требуется религіозными обрядами мусульманъ и составляетъ для нихъ крайнюю необходимость. На верху одного «тепе» (tumulus) раскинута, по старинному турецкому обычаю, палатка главнокомандующаго Измаила-паши. Только странно, что она всегда располагается внѣ лагеря и входъ въ нее обращается въ противоположную отъ него сторону.

Какъ въ Нишѣ, такъ и здѣсь, я замѣтилъ у солдатъ особую подвижность и любовь къ военнымъ упражненіямъ. Стоя на часахъ, солдаты часто отъ скуки изучаютъ разные ружейные пріемы. Если вспомнить, что только въ началѣ нашего столѣтія, при Селимѣ, мусульмане пришли къ убѣжденію, что штыкъ и легкая артиллерія не противны корану, то невольно приходится удивляться успѣхамъ, сдѣланнымъ турками въ нѣсколько десятковъ лѣтъ въ обращеніи съ европейскимъ оружіемъ.

Вооруженіе и продовольствіе турецкой арміи въ мирное время вполнѣ удовлетворительно; на обмундированіе ея было также въ послѣднее время обращено особенное вниманіе. Слѣдовательно теперь остается только желать, чтобы солдатамъ аккуратнѣе выплачивалось ихъ жалованье, потому что реформы настоящаго султана, гарантирующія арміи правильное полученіе ею жалованья, съ грѣхомъ пополамъ даже и въ Константинополѣ приведены въ исполненіе, а про отдаленныя провинціи и говорить нечего.

Если, напримѣръ, въ провинціальномъ городѣ распространится слухъ, что изъ Стамбула получена значительная денежная сумма,—что

бываетъ, конечно, очень рѣдко, но тѣмъ не менѣе случилось во время моего пребыванія въ Виддинѣ,—то серай въ нѣсколько минутъ наполняется такою толпой казенныхъ и частныхъ кредиторовъ паши, что для раздачи бѣднымъ солдатамъ не остается почти ничего. Такимъ же образомъ и полученные при мнѣ 50,000 гульденовъ быстро исчезли въ разныхъ карманахъ, и большинство солдатъ, сосредоточенныхъ въ виддинскомъ лагерѣ, снова не получили новыхъ сюртуковъ и снова должны были ждать уплаты жалованья, котораго они не получали уже въ теченіе 18 мѣсяцевъ. Но подобная неаккуратность нимало не вліяетъ на ихъ преданность къ султану, и каждый вечеръ они возносятъ къ небу молитвы о сохраненіи его здравія, сопровождая ихъ такими оглушительными звуками военной музыки, что они доносились до насъ еще когда мы были у виддинской заставы.

Виддинъ, то Notitia dignitatum Imperii (въ началѣ V стол.), старинная Бенонія римлянъ, возстановленная снова Юстиніаномъ [1]) послѣ нашествія гунновъ, Бедене Акрополита и Бидинумъ у Теофилактоса Охридскаго (1071), въ одномъ изъ указовъ царя Азана (1186) Б'динъ [2]) и во второй половинѣ XIV столѣтія резиденція короля Іоанна Стратиміроса и независимаго митрополита [3]), представляетъ, вслѣдствіе своего счастливаго положенія среди болотистой, трудно доступной дунайской низменности, одинъ изъ самыхъ сильныхъ пунктовъ турецкой сѣверной границы. Его нынѣшнія западно-европейскія укрѣпленія начаты, по всей вѣроятности, австрійцами и продолжались позднѣе подъ наблюденіемъ французскихъ инженеровъ. Знаменитый Гуссейнъ тоже съ своей стороны старался всѣми силами укрѣпить его, и когда Мольтке, осенью 1839 г., проѣзжалъ мимо Виддина, то старый истребитель янычаръ пригласилъ его осмотрѣть укрѣпленія и сказать о нихъ свое мнѣніе. Затѣмъ въ 1853 г. и позднѣе производились тоже работы по всей линіи укрѣпленій.

Пройдемъ теперь по крѣпостному валу и познакомимся ближе съ устройствомъ этой важной дунайской крѣпости. Собственно крѣпость расположена на нѣкоторой возвышенности, господствующей надъ окру-

---

[1]) д'Анвилль, Mém. de l'Ac. des Insc. Г. XXVIII, 441, и Географія Маннерта, VII т.

[2]) Шафарикъ, Славянскія древности, II т.

[3]) Приложенія къ исторіи болгарской церкви. Записки императорской с.-петербургской академіи наукъ. VII серія, III т., № 3.

жающею ее болотистою луговиной, и представляетъ гораздо сильнѣйшій профиль, чѣмъ у другихъ турецкихъ крѣпостей. Она имѣетъ 8 бастіоновъ и 7 передовыхъ полигоновъ, сухой ровъ, прикрытый путь, плацъ д'армъ и гласисъ со стороны суши, а со стороны воды—валъ съ контрфорсами. Рвы передъ бастіонами имѣютъ въ ширину 17,50 м. и въ глубину 5,60 метровъ. Въ крѣпости не существуетъ казематовъ, но гласисъ и крытый путь снабжены минами. Судя по плану Виддина отъ 1731 года [1]), большая часть нынѣшнихъ укрѣпленій построены въ концѣ XVII столѣтія, а матеріалъ для каменной одежды ихъ, также какъ и для двухъ каменныхъ закрытыхъ верковъ на Дунаѣ, оконченныхъ Гуссейномъ-пашею въ 1839 г., былъ взятъ изъ развалинъ многочисленныхъ римскихъ крѣпостей и средневѣковыхъ замковъ, находившихся на дунайской границѣ и во внутренности страны; въ особенности же много доставили его Флортинъ, Кула, Ломъ и Арчеръ. Въ крѣпость ведутъ четыре главныхъ входа: на южной сторонѣ выходящія на константинопольскую дорогу—«Стамбулъ-капу» и украшенный въ красивомъ восточномъ стилѣ «Лондзе-капу»; на западной сторонѣ «Базаръ-капу», на сѣверъ «Флортинъ-капу» и со стороны Дуная шесть меньшихъ воротъ. Валы обложены турами, вооружены 400 орудіями и тщательно охраняются. Вода изъ Дуная можетъ быть проведена въ большой ровъ до глубины въ 4,70 м. Орудія самаго большаго калибра находятся на сторонѣ Дуная и обращены противъ Калафата. Тутъ же находится и обсерваторія, съ которой представляется чудная панорама, ограничиваемая къ югу Балканскими горами, а подлѣ обсерваторіи развѣвается на высокой мачтѣ флагъ падишаха, видный на далекое разстояніе. Крѣпость и городъ обнесены обширнымъ землянымъ валомъ, въ которомъ продѣлано пять воротъ для въѣзда въ варошъ (городъ), и кромѣ того они окружены рвомъ, въ который можетъ быть проведена вода изъ ручья Перезита, текущаго къ западу, близъ наружнаго вала.

Слишкомъ большое растяженіе линіи укрѣпленій, которая защищается звѣздообразными бастіонами и конечныя точки которой упираются въ берегъ Дуная, имѣетъ весьма невыгодныя стороны, такъ какъ для того, чтобы защитить надлежащимъ образомъ эту линію и укрѣпленный дунайскій островокъ, а равно мостъ, ведущій къ нему, и калафатскія укрѣпленія, лежащія въ ¼ часа разстоянія вверхъ по рѣкѣ, нужно до-

[1]) Австрійскій военный архивъ.

вольно сильную армію. Для производства операцій на нижнемъ Дунаѣ, а равно для принятія побѣжденной или формирующейся арміи, естественное положеніе Виддина представляетъ несомнѣнныя выгоды въ стратегическомъ отношеніи. Обширныя болота, которыя въ случаѣ надобности можно всегда затопить, зараженіе, вслѣдствіе этого, воздуха вредными міазмами и распространеніе лихорадки могутъ служить важнымъ препятствіемъ къ занятію этой мѣстности непріятелемъ.

Старинная крѣпость находится внутри нынѣшнихъ укрѣпленій, близъ дунайскаго фронта послѣднихъ. На небольшомъ пространствѣ здѣсь скучено множество квадратныхъ и круглыхъ башенъ, составляющихъ въ цѣломъ рядъ построекъ, носящихъ на себѣ, со времени римлянъ, первоначальныхъ строителей, слѣды всѣхъ смѣнявшихся на этой почвѣ народовъ. Поэтому весьма возможно, что укрѣпленія, находящіяся передъ нашими глазами, подобно Курвинграду и Витболю, построены, согласно съ народнымъ преданіемъ, одною изъ трехъ дочерей извѣстнаго болгарскаго короля; но вѣрнѣе предположить, что это была резиденція князя Жишмана и его сына Михаила, который, получивши послѣ смерти отца титулъ князя, сдѣлался родоначальникомъ четвертой болгарской династіи, имѣвшей свою резиденцію въ Тирновѣ (1324). Къ несчастію, недовѣрчивость турецкаго миръ-алаи не позволила мнѣ снять подробный планъ съ этихъ грандіозныхъ построекъ, которыя по своеобразности и неправильности своихъ очертаній очень походятъ на римско-византійскія развалины разныхъ эпохъ, разсѣянныя въ большомъ количествѣ въ окрестностяхъ крѣпости. Въ 1689 году, какъ видно изъ рукописнаго примѣчанія на вышеозначенномъ старинномъ планѣ крѣпости, австрійскій генералъ Ветерани окружилъ старыя виддинскія укрѣпленія рвомъ и невысокимъ брустверомъ. Эти укрѣпленія, негодныя болѣе для защиты, служатъ въ настоящее время туркамъ складочнымъ мѣстомъ ихъ запасной аммуниціи. Лишь ближайшее и самое подробное изслѣдованіе фундамента этой замѣчательной постройки, представляющей въ своихъ высшихъ частяхъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ образцовъ прежнихъ болгарскихъ укрѣпленій, могло бы открыть, что на мѣстѣ его возвышалась нѣкогда древне-болгарская крѣпость Б'динъ, которая, по всей вѣроятности, была воздвигнута на остаткахъ римско-византійской Бенонія.

Какъ я говорилъ уже въ предъидущихъ главахъ, археологическія изслѣдованія въ турецкихъ крѣпостяхъ сопряжены всегда съ большими

затрудненіями и возбуждаютъ страшную подозрительность въ туркахъ, а потому въ началѣ моего путешествія, исходною точкою котораго былъ Виддинъ, я избѣгалъ всего, что могло внушить подозрѣніе относительно его настоящаго характера турецкимъ властямъ, отъ произвола которыхъ зависѣлъ болѣе или менѣе удачный исходъ. Такимъ образомъ я долженъ былъ удовольствоваться дополненіемъ вида, который я снялъ съ древнѣйшихъ частей крѣпости еще въ 1862 году, вторымъ снимкомъ, набросаннымъ при взглядѣ на нихъ изъ высокихъ отверстій новой часовой башни, а также очертаніями фундамента, измѣреннаго шагами. Стѣнная работа, которую я осмотрѣлъ особенно подробно, представляетъ многочисленныя доказательства византійско-болгарской строительной техники. Между многими античными каменными осколками, которые я открылъ на юго-восточной сторонѣ крѣпости, заслуживаютъ особеннаго вниманія двѣ римскія плиты, такъ какъ онѣ принадлежатъ къ тѣмъ немногимъ камнямъ съ надписями, которые свидѣтельствуютъ о Ратіаріи, близкой мезійской столицѣ. Меньшая изъ нихъ заложена въ стѣнѣ фасада, обращеннаго къ Дунаю; большая же надпись обращена къ внутренней сторонѣ стѣны и такъ высоко заложена, что копированіе ея представляло страшныя затрудненія. Однако же былъ одинъ пунктъ, съ котораго можно было ее видѣть ближе; но пробираться къ нему нужно было чрезъ пороховые магазины, и я рѣшился на это опасное предпріятіе. Разувшись, прошли мы между боченками съ порохомъ и ящиками съ картечью, затѣмъ чрезъ дворъ, и наконецъ, взобравшись на кровлю, я наклонился, стоя на ея окраинѣ, гдѣ меня придерживали мои проводники, и успѣлъ снять въ этомъ неловкомъ положеніи копію. Третья надпись, скопированная консуломъ Вальхеромъ, была немедленно переслана мною профессору Момзену, которымъ и была прочитана и помѣщена въ «Корпусѣ» берлинской королевской академіи [1]).

И такъ величественные римскіе больверки и памятники Рима на Дунаѣ доставили матеріалъ для постройки важнѣйшей крѣпости сѣверной Болгаріи, и почти несомнѣнно, что виддинскій бургъ есть именно эта самая крѣпость, а также несомнѣнно и то, что она, подобно другимъ укрѣпленнымъ мѣстамъ Болгаріи, должна была часто сдаваться византійцамъ. Когда, напримѣръ, императоръ Василій предпринялъ походъ противъ западной Болгаріи въ 1002 году, то, послѣ завоеванія Пре-

---

[1]) Mommsen, «Corpus». Inscr. lat. № 6,295, 94, 92.

славля и Силистріи, онъ сдѣлалъ натискъ на болгарскіе отряды съ тылу и гналъ ихъ предъ собой. Не смотря на диверсію къ Адріанополю, предпринятую царемъ Самуиломъ для спасенія Виддина, послѣдній былъ взятъ, однако, штурмомъ послѣ восьмимѣсячной осады. Много разъ еще переходилъ онъ отъ одного владѣтеля къ другому, пока не попалъ, наконецъ, въ руки турокъ. Во время великаго татарскаго нашествія (1285) Виддинъ былъ резиденціей упомянутаго выше князя Симона, основателя четвертой болгарской династіи, кончившейся вмѣстѣ съ паденіемъ болгарскаго царства.

Послѣдній виддинскій князь былъ тотъ самый Іоаннъ Стратиміръ, котораго продержали венгры плѣнникомъ четыре года и который сдѣлался вассаломъ турокъ прежде, чѣмъ они окончательно заняли Виддинъ, который незадолго предъ тѣмъ долженъ былъ принять еще венгерскій гарнизонъ во время похода короля Сигизмунда противъ султана Баязета (1496 годъ)[1].

Виддинъ былъ завоеванъ Баязетомъ I два раза, въ 1394 и 1396 годахъ; но тѣмъ не менѣе онъ переходилъ на короткое время въ руки христіанъ до похода Гуніада въ Варну.

Побѣды знаменитаго маркграфа Баденскаго, завоевавшаго въ 1689 году всѣ укрѣпленныя мѣста отъ Бѣлграда до Ниша, собрали еще разъ христіанъ подъ стѣнами Виддина. Маркграфъ оставилъ въ Нишѣ гарнизонъ въ 2,000 человѣкъ, подъ командою полковника графа Пальфи, а самъ, не смотря на трудность пути, отправился съ остальнымъ войскомъ къ Виддину, куда и прибылъ черезъ восемь дней. Крѣпость недолго сопротивлялась усиліямъ маркграфа. Принцъ Людвигъ атаковалъ и разбилъ непріятельскій корпусъ въ 9,000 человѣкъ, расположившійся лагеремъ близъ крѣпости, а маркграфъ началъ штурмовать 14-го октября линіи виддинскихъ укрѣпленій и черезъ пять дней принудилъ гар-

[1]) Насчетъ Іоанна Стратиміра, послѣдняго болгарскаго князя, окончательное сужденіе еще не произнесено. Всѣ историческія данныя, касающіяся его, страшно противорѣчатъ одна другой. Гаммеръ разсказываетъ слѣдующее (Gesch. d. Osm., I, 236): «Болгарскій князь Жишманъ сдался въ 1395 году, послѣ упорной защиты, турецкому генералу въ Никополѣ и былъ послѣ того отвезенъ въ Филиппополь и заключенъ тамъ въ тюрьму». Въ критикѣ же самого себя (т. X, стр. 666) онъ объясняетъ: «Этотъ князь Жишманъ не болгаръ, но сынъ сербскаго князя Лазаря, и имя его было Александръ. Однако же Александръ Жишманъ жилъ, какъ хорошо извѣстно, гораздо ранѣе, чѣмъ въ 1395 году, такъ какъ онъ заключилъ союзъ, въ качествѣ болгарскаго князя, съ сербскимъ государемъ Душаномъ въ 1351 году».

низонъ къ сдачѣ цитадели. Виддинскія укрѣпленія и ихъ вооруженія, даже съ точки зрѣнія тогдашнихъ артиллеристовъ, были крайне незначительны, потому что въ крѣпости, послѣ ея сдачи, нашли только 21 орудіе, и маркграфъ счелъ поэтому первымъ своимъ долгомъ придать Виддину болѣе надежный видъ. Такимъ образомъ турки обязаны, какъ въ Виддинѣ, такъ и въ Бѣлградѣ, Оршовѣ, Кладовѣ и Нишѣ, улучшеніемъ системы укрѣпленій этихъ важныхъ сѣверныхъ крѣпостей единственно своимъ прежнимъ врагамъ, германскимъ императорамъ.

Въ біографіи Гвидо Штаремберга описаны подробно всѣ печальныя событія, бывшія причиною быстрой потери всѣхъ блестящихъ завоеваній маркграфа Баденскаго. Главнымъ виновникомъ обратнаго завоеванія Виддина турками былъ, какъ кажется, трансильванскій воевода Текели. Только въ 1737 году Виддинъ снова увидѣлъ предъ своими стѣнами австрійскихъ орловъ; но они не стяжали себѣ никакой славы. Громадныя стратегическія ошибки, сдѣланныя въ эту войну и бывшія причиною не только неудачной экспедиціи австрійцевъ въ Виддинъ, но и неуспѣха вообще всего похода австрійцевъ, подтверждаютъ вполнѣ мое мнѣніе относительно важности только-что описанной мною военной римской дороги, помимо ея историческаго интереса, который она представляетъ; но это значеніе совершенно упускалось изъ виду при описаніи событій, совершавшихся вокругъ нея и близъ Виддина. Между тѣмъ какъ главныя австрійскія силы, ознаменовавъ начало своего похода въ 1737 году блестящимъ взятіемъ города Ниша, стали неподвижно передъ этою крѣпостью, турки, отдохнувъ отъ своего перваго пораженія, потянулись изъ Виддина черезъ богатыя равнины, а также изъ Зайчара и Княжеваца. Они уничтожали на дорогѣ жатвы, фуражъ и всѣ средства къ жизни, назначенныя для содержанія арміи Секендорфа, весьма мало обезпеченной. Чтобы вознаградить себя за эту утрату и наказать турокъ, графъ Секендорфъ отдалъ приказъ полковнику Голли отправиться съ 600 кирасирами изъ корпуса фельдмаршала Кавенгюллера въ Горгусовацъ для подкрѣпленія гарнизона; затѣмъ отданъ былъ другой приказъ въ Рожаны, генералу Чанглосу, отправиться туда же съ 1200 человѣкъ; маршалу же предписалъ онъ взять Виддинъ.

Кавенгюллеръ льстилъ себя надеждой еще въ началѣ похода быть назначеннымъ главнокомандующимъ арміи и сдѣлаться генералиссимусомъ, и потому ему трудно было подчиниться въ роли корпуснаго командира. Онъ заслужилъ вполнѣ, какъ мы это увидимъ послѣ, упрекъ, что онъ неохотно и худо исполнялъ приказанія главнокомандующаго.

Секендорфъ приказалъ маршалу запереть всѣ дороги къ Никонолю и Софіи, далъ ему инженеровъ и рабочихъ, чтобы исправить дорогу между Нишемъ и Виддиномъ, и строго предписалъ отправиться по ней, какъ по кратчайшему пути къ послѣднему, съ своимъ корпусомъ и для обезпеченія арріергарда занять проходъ Аугусто двумя кирасирскими полками и восьмью баталіонами пѣхоты. Кавенгюллеръ выступилъ въ походъ 1-го августа съ 20-ю ротами гренадеровъ, 6-ю кавалерійскими полками, сотнею гусаръ и четырьмя полевыми орудіями. 3-го числа вступилъ онъ въ Горгушевацъ (Княжевацъ), 4-го—прошелъ чрезъ проходъ, подкрѣпленный двумя кирасирскими полками, находившимися, вѣроятно, тамъ; 5-го—послѣдовалъ за нимъ герцогъ Лотарингскій съ отрядомъ изъ 200 наѣздниковъ и 3-хъ кавалерійскихъ полковъ.

По дорогѣ маршала осаждали многочисленныя депутаціи отъ райевъ съ изъявленіями готовности христіанъ принять участіе въ войнѣ противъ турокъ. Въ то время, дѣйствительно, однимъ быстрымъ движеніемъ можно было очень легко овладѣть Виддиномъ, не подготовленнымъ вовсе къ защитѣ. По донесеніямъ шпіоновъ, гарнизонъ крѣпости состоялъ всего изъ 4,000 человѣкъ и только 29-го іюля два судна доставили крѣпости необходимые припасы. Но вмѣсто того, чтобы идти по строго предписанной Секендорфомъ дорогѣ черезъ Нишъ, Горгушевацъ, Нови-Ханъ, проходъ Аугусто (Вратарница), Ступпіанъ (?), Брцко-Зули (Врска Чука) и Куло (Кула) и, достигнувъ Виддина, взять его смѣлымъ ударомъ, Кавенгюллеръ, оправдываясь недостаткомъ воды и фуража (!), свернулъ, непосредственно за проходомъ Аугусто, съ прямой дороги и пошелъ по теченію Тимока, такъ что только 12-го августа онъ добрался до Бреговы, а два дня позже—и до Виддина. Такимъ образомъ онъ употребилъ 14 дней для перехода, который могъ по довольно хорошей, а частью даже отличной дорогѣ сдѣлать очень легко въ 24 часа [1]). Поразительный примѣръ медленности въ лѣтописяхъ новой военной исторіи!

На требованіе маршала сдать крѣпость, турецкій комендантъ отвѣчалъ, что онъ будетъ защищаться до послѣдней крайности, и въ подтвержденіе своихъ словъ онъ напалъ внезапно на австрійскій авангардъ, занявшій, въ числѣ восьми кавалерійскихъ полковъ, виддинскія предмѣстья, и принудилъ его отступить, причемъ австрійцы потеряли 229 человѣкъ и 171 лошадь.

---

[1]) Авторъ самъ проѣхалъ разъ это пространство въ 22 часа.

Не смотря на то, что Кавенгюллеръ, съ подкрѣпленіемъ, присланнымъ ему подъ командою графа Штаремберга черезъ Врсна-Чуку и Кулу, насчитывалъ у себя 99 эскадроновъ кавалеріи, 19 баталіоновъ пѣхоты и 30 ротъ гренадеръ, онъ все-еще медлилъ обложить крѣпость или по крайней мѣрѣ занять дороги, ведущія въ Ломъ-Паланку и Бѣлградчикъ. Такимъ образомъ турки свободно получали провизію и подкрѣпленія, какъ водою, такъ и сухимъ путемъ. Гарнизонъ крѣпости увеличился на 3,000 человѣкъ.

Когда Секендорфъ прибылъ въ лагерь, то онъ не мало удивился, встрѣтивъ маршала въ 5 часахъ разстоянія отъ Виддина и не найдя въ лагерѣ даже необходимаго количества фашинъ для начатія осады. Кавенгюллеръ объявилъ ему, что обложить крѣпость не представляется никакой возможности въ виду дунайской флотиліи, между тѣмъ какъ эта флотилія не была даже въ то время снаряжена. Такимъ образомъ прошелъ безъ пользы цѣлый мѣсяцъ, и легкое прежде взятіе Виддина сдѣлалось потомъ невозможнымъ. Поэтому въ общемъ военномъ совѣтѣ было рѣшено ограничиться пока завоеванными уже землями, обозначивъ ихъ линіей, начинавшейся у устьевъ Тимока и продолжавшейся черезъ проходъ Аугусто, Нишъ, Пиротъ, Іованицу близъ Софіи и Мустафа-паша-Паланку. Но турки были уже на столько сильны, что отъ оборонительныхъ дѣйствій перешли къ наступательнымъ.

Уже въ сентябрѣ небольшой австрійскій гарнизонъ Пирота долженъ былъ сдаться на капитуляцію и отступить въ Нишъ; затѣмъ въ началѣ октября сдались туркамъ Периволъ (?), Селвиградъ (Зелениградъ?), укрѣпленія Бадайовы близъ Софіи и Мустафа-паша-Паланка, а 8 октября палъ и самый Нишъ. Послѣ неожиданной сдачи послѣдняго, остальныя паланки, какъ напр. Ражана, Банья и Кружевацъ, не могли уже оказывать сильнаго сопротивленія туркамъ и вскорѣ всѣ были заняты последними. Оставленный въ проходѣ Аугусто и забытый тамъ байрейтскій баталіонъ, которому Кавенгюллеръ только 8 октября послалъ предписаніе очистить укрѣпленіе, былъ окончательно перерѣзанъ 9 октября турками, дѣйствовавшими уже давно въ тылу у австрійцевъ, послѣ отступленія послѣднихъ отъ Виддина. Изъ этого баталіона остались въ живыхъ только два человѣка, которые и принесли въ главную квартиру извѣстіе о безполезной храбрости мужественныхъ защитниковъ горнаго прохода.

Таковы были послѣдствія своевольнаго оставленія Кавенгюллеромъ кратчайшей дороги къ Дунаю и неудачной вслѣдствіе этого осады Виддина. Причины, которыя онъ привелъ въ оправданіе своего образа дѣйствій, были вполнѣ неосновательны. Онъ утверждалъ, между прочимъ, что вслѣдствіе оплошности квартирмейстера онъ не нашелъ при Вратарницѣ обѣщанныхъ ему припасовъ. Предположивъ даже, что подобныя жалобы не были рѣдкостью во время означеннаго похода, то, тѣмъ не менѣе, вторая приведенная имъ причина касательно недостатка воды и фуража по дорогѣ черезъ Врску-Чуку и Кулу была не болѣе, какъ произвольное предположеніе, которое могло быть основано только на полнѣйшемъ незнаніи мѣстности, такъ какъ по той же самой дорогѣ безъ особенныхъ трудностей доставлялись ему подкрѣпленія. Если вспомнить, что стоило только отъ Вратарницы держаться ровной, богатой источниками возвышенности, по которой въ экипажѣ всего 8 часовъ ѣзды; что армія, направляясь прямо изъ лагеря, не могла быть обременена ни долгими, ни форсированными маршами; что Кавенгюллеръ не могъ надѣяться на изобиліе припасовъ въ опустошенной турками Зайчарской области и, наконецъ, что подкрѣпленіе, приведенное маршалу графомъ Штарембергомъ, а также и армія маркграфа Баденскаго при такихъ же точно обстоятельствахъ (извѣстно, что интендантская часть въ австрійской арміи никогда не отличалась особымъ благоустройствомъ) прошли въ 1689 году изъ Ниша черезъ Кулу до Виддина въ 8 дней,—то приходится невольно удивляться тому, что полководецъ изъ за ничтожныхъ, большею частью фантастическихъ, трудностей поставилъ на карту успѣхъ важнаго предпріятія и, даже можно сказать, цѣлаго похода. Причину неудачнаго исхода экспедиціи противъ Виддина надо искать не въ затрудненіяхъ, выдуманныхъ Кавенгюллеромъ, а просто въ его личныхъ отношеніяхъ къ главнокомандующему арміей, а потому печальные результаты этой войны, предпринятой съ большими надеждами, навсегда останутся пятномъ на имени Кавенгюллера. Важность въ стратегическомъ отношеніи дороги, ведущей изъ Ниша черезъ проходъ Аугусто и Кулу къ Дунаю, признанная еще римлянами, была на опытѣ подтверждена во время походовъ 1689 и 1737 гг.

Во время сербской войны за независимость, Виддинъ, подобно Нишу, служилъ главнымъ сборнымъ пунктомъ для турецкихъ войскъ, отряжавшихся оттуда для подавленія возмутившихся райевъ. Изъ Виддина турки долго держали въ страхѣ округи Неготинъ и Зайчаръ (прежняя

область Краина) и потеряли свое вліяніе на нихъ только тогда, когда, вслѣдствіе конвенціи Россіи въ 1837 г., Тимокъ былъ окончательно назначенъ пограничною линіею между Турціей и Сербіей.

Въ турецко-русскую кампанію 1828 г. виддинскій паша съ крѣпостнымъ гарнизономъ долго былъ помѣхою для русскаго наблюдательнаго корпуса подъ командою генерала Гейсмара. Удачною вылазкою 27 августа турки прогнали русскихъ до Крайовы и овладѣли ихъ припасами. Но второе нападеніе было не такъ удачно для турокъ, какъ первое. 26 сентября турки, не смотря на свою превосходную численность (ихъ было 20,000 человѣкъ), были разбиты на́-голову и, преслѣдуемые русскими, бѣжали въ безпорядкѣ за Дунай. Ихъ визирь и сераскиръ спаслись только тѣмъ, что первый изъ нихъ на мулѣ, а второй пѣшкомъ пробрались въ Виддинъ. Лагерь со всѣми припасами, 24 знамени, 7 пушекъ, 10,000 ружей и множество плѣнныхъ достались русскимъ. Турки, по собственнымъ ихъ словамъ, потеряли въ сраженіи до 3,000 человѣкъ. Послѣ такого примѣрнаго отраженія турки очистили Валахію, а 25 октября и Калафатъ, укрѣпленія котораго были тотчасъ же исправлены и дополнены новыми, обращенными противъ Виддина. Взятіемъ русскими Калафата закончился походъ 1829 года.

Видная роль, которую Виддинъ игралъ въ началѣ крымской кампаніи 1853—1854 гг., свѣжа еще въ памяти. Если бы онъ не поддержалъ въ то время своего валахскаго тетъ-де-пона, то знаменитое дѣло при Четати приняло бы совсѣмъ другой оборотъ. При Калафатѣ начались первыя непріязненныя дѣйствія Омера-паши противъ русскаго главнокомандующаго князя Горчакова, когда послѣдній на требованіе паши объ очисткѣ Дунайскихъ княжествъ далъ уклончивый отвѣтъ. 17-го октября 1853 года Омеръ-паша занялъ острова, лежащіе между Виддиномъ и Калафатомъ, и этимъ шагомъ прервалъ всякія попытки къ посредничеству, предпринятыя Англіей. Въ то время, какъ военное счастье при Журжѣ и другихъ пунктахъ нижняго Дуная, въ теченіе этого осенняго похода, видимо благопріятствовало русскимъ, при Виддинѣ и Калафатѣ оно было постоянно на сторонѣ полумѣсяца. Турки даже одержали побѣду, доставившую имъ громкую извѣстность въ Европѣ и имѣвшую весьма важныя послѣдствія на продолженіе войны.

Такъ какъ Малая Валахія была слишкомъ отдалена отъ главной квартиры Горчакова въ Бухарестѣ, то для занятія ея былъ отряженъ отдѣльный корпусъ подъ начальствомъ генерала Фишбаха, который подвигался отъ Крайовы къ Дунаю. Омеръ-паша понялъ всю опасность

для себя отъ этого движенія и 27-го октября приказалъ виддинскому пашѣ, Ферику-Измаилу, перебраться на другой берегъ Дуная, затѣмъ укрѣпилъ на-скоро Калафатъ новыми шанцами, а чтобы отвлечь отъ него непріятеля—посылалъ отдѣльные отряды по направленію къ Бухаресту. Одинъ изъ этихъ отрядовъ столкнулся съ русскими при мѣстечкѣ Ольтеницѣ, и произошла стычка, въ которой послѣдніе, не смотря на мужественное сопротивленіе, были отброшены съ большимъ урономъ. Когда же въ главной квартирѣ рѣшились наконецъ избавиться отъ этихъ летучихъ отрядовъ, то Омеръ-паша счелъ за лучшее отозвать ихъ 13-го ноября снова на лѣвый берегъ Дуная и въ то же время употребилъ всѣ усилія, чтобы укрѣпиться какъ можно сильнѣе въ Калафатѣ. Калафатскія укрѣпленія производились подъ наблюденіемъ польскихъ и турецкихъ инженеровъ и простирались слишкомъ на одинъ часъ разстоянія въ окружности.

Калафатъ былъ главнымъ центромъ турецкихъ операцій въ Малой Валахіи. Эта валахская деревня расположена на краю волнообразной террасы, спускающейся покатыми склонами къ Дунаю. Непосредственно передъ деревнею построено звѣздообразное укрѣпленіе съ рвами, которые двойною линіей окружаютъ полукругомъ многочисленные форты, вытянутые до самаго Дуная. Такимъ же образомъ укрѣпленъ и близлежащій островъ, соединенный съ сушею понтоннымъ мостомъ. Эти укрѣпленія, не на столько, конечно, сильныя, какъ теперь, были взяты 26 іюня 1790 г. штурмомъ австрійскимъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ Клерфе.

Противъ этой-то почти неприступной позиціи направилъ въ началѣ января 1854 г. всѣ свои усилія генералъ Фишбахъ, командовавшій западнымъ крыломъ дѣйствовавшаго въ Малой Валахіи корпуса, усиленнаго въ послѣднее время двумя дивизіями и находившагося подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Анрепа. 5 января русскіе заняли мѣстечко Четати, лежащее на 3 часа разстоянія къ сѣверу отъ Калафата и состоящее изъ одной громадной улицы, выходы которой они тотчасъ же укрѣпили. Протекавшій близъ мѣстечка прудъ увеличивалъ, съ своей стороны, ихъ средства къ защитѣ. На другой день, т. е. 6-го числа, русскіе были аттакованы черкесомъ Измаиломъ-пашей и Ахметомъ-пашею изъ Калафата, причемъ баши-бузуки находились подъ начальствомъ отважнаго ренегата Якуба-аги (Константина Якубовскаго) и Скендеръ-бея (графа Ильинскаго), сражавшихся вмѣстѣ со многими другими поляками противъ Россіи, подобно тому, какъ это сдѣлалъ нѣкогда венгръ Текели противъ Австріи. Русскіе не выдержали и отступили. Не болѣе удачны были для русскихъ

и стычки при Мокацеи, Ризипицисѣ и др. мѣстечкахъ. Не смотря, однако, на все это, русскіе все болѣе и болѣе оцѣпляли укрѣпленія Калафата, защиту котораго Омеръ-паша поручилъ своему другу Ахмеду-пашѣ, получившему воспитаніе въ западной Европѣ. Но Ахмедъ-паша, обладая военными познаніями, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма нерѣшителенъ, и въ мусульманскихъ кружкахъ часто приписывали его осторожность стачкѣ съ непріятелемъ. Все это, однако, не помогло русскимъ, которые въ теченіе зимы потеряли до 20,000 человѣкъ, хотя и изъ турокъ, насчитывавшихъ въ своихъ рядахъ отъ 20—30,000 человѣкъ, къ концу зимы 1853—1854.г. осталось не больше половины.

Когда начальство надъ турецкими войсками перешло въ Халиму-пашѣ, человѣку менѣе образованному, но за то болѣе храброму, то военныя дѣйствія передъ Калафатомъ оказались еще неутѣшительнѣе для осаждавшихъ. Позиціи Виддина и Калафата сдѣлались для русскихъ камнемъ преткновенія, о который разбивались всѣ ихъ усилія подать чрезъ Дунай руку сербамъ, охотно желавшимъ принять участіе въ войнѣ. Грозныя укрѣпленія высотъ, которыми турки воспользовались какъ нельзя лучше, удерживали русскихъ тѣмъ болѣе отъ штурма, что сзади ихъ находились также хорошо укрѣпленный островъ и затѣмъ самая крѣпость Виддинъ. Генералъ Фишбахъ поэтому ограничился наблюденіемъ за Калафатомъ. 15-го іюня главныя силы Виддина были направлены въ Силистрію, а защита его, также какъ и Калафата, была поручена нѣсколькимъ тысячамъ иррегулярнаго войска. Это случилось потому, что Австрія рѣшилась наконецъ занять княжества.

Въ настоящее время Калафатъ имѣетъ видъ цвѣтущаго мѣстечка и служитъ важною пароходною пристанью. Съ другой стороны Россія находится оффиціально въ дружескихъ отношеніяхъ съ Портою, хотя эти отношенія и нельзя назвать особенно прочными. Теперь представляется интересный вопросъ: какое положеніе приметъ Румынія, располагающая небольшимъ, но хорошо вооруженнымъ войскомъ и зорко слѣдящая за неприкосновенностью своихъ владѣній (Калафатъ составляетъ часть этихъ владѣній), между обѣими державами? Кто займетъ важный форпостъ Виддина, смоченный кровью Калафатъ? Противъ кого онъ направитъ орудія своихъ фортовъ? Эти вопросы занимали меня, когда я послѣдній разъ проѣзжалъ мимо этого интереснаго историческаго мѣстечка, весело смотрѣвшаго, съ своею новою церковью, съ высотъ, на которыхъ оно расположено.

VII.

Чрезъ Бѣлградчикъ къ Вржка-Чукѣ и Дунаю.

Возстаніе на Дунаѣ въ 1862 году.—Въ Виддинѣ.—Мой спутникъ консулъ фонъ-Вальхеръ.— У Сулеймана-паши.—Буюрджу.—Содержаніе пашей.—Отъѣздъ.—Несчастный случай въ Арчерѣ.—Рашидъ-паша.—Новая и старая дорога.—Черкесское поселеніе.—Столовая гора.—Затруднительный входъ на высоту прихода. —Прелестная панорама.—Каменный районъ Бѣлградчика при лунномъ освѣщеніи.—Апологія Бланки.—Геологія.—Городокъ и его окрестности.—Значеніе колокольнаго звона для мусульманина.—Крѣпость.—Новая крѣпость Сулеймана.—Станція для орловъ.—Удобный пунктъ для пеленгованія.—Древнѣйшія постройки.—Римское укрѣпленіе. — Полнѣйшій миръ, тишина и спокойствіе на всемъ пространствѣ отъ Лома до Сербіи.—Чрезъ Арчеръ къ Раковицѣ.—Ея караулы. —Ея булжукбажи.—Переселеніе болгаръ въ Сербію.—Низамскій гарнизонъ 1870 г.—Чрезъ витбольскіе ручьи въ Вржка-Чуку. — Сербско-турецкія пограничныя учрежденія.—Въ Кулу.—Новое ея названіе Адліегъ—Напрасные поиски города на нашихъ картахъ.—Старый замокъ и другія находки древностей.—Каймакамъ и пришелецъ старикъ спагъ.—Казино въ Кулѣ.—Ея татары и черкесы.— Новая почтовая дорога въ Виддинъ.—Сходъ къ Дунаю.—Его низменности, болота и лихорадочныя міазмы.—Древне-турецкій віадукъ.—Водяная охота.—Гостепріимство въ виддинскихъ стѣнахъ.

Одновременно съ возстаніями, вспыхнувшими въ Герцеговинѣ и Сербіи лѣтомъ 1862 г., развилось въ глубокихъ балканскихъ лощинахъ не столь шумное, но тѣмъ не менѣе сильное движеніе, которое поставило бы Турцію въ весьма затруднительное положеніе, если бы сербскія смуты не окончились миромъ.

Первыя для Сербіи благопріятныя извѣстія послѣ бомбардировки Бѣлграда взманили вооруженныхъ бойцовъ, прятавшихся въ Балканѣ. Подавленныя надежды воскресли опять; моментъ для низверженія турецкаго владычества, казалось, насталъ. Тырновская молодежь, воодушевляемая любовью къ свободѣ, старалась подвинуть къ возстанію христіанское народонаселеніе деревень, лежащихъ на дорогѣ въ Казанлыкъ. Имъ легко удалось выгнать изъ беклеме иррегулярные гарнизоны, находившіеся тамъ, и скоро паническій страхъ охватилъ турецкое народонаселеніе мѣстечекъ, лежавшихъ на пути инсургентовъ.

Когда я прибылъ, въ началѣ іюля мѣсяца, въ Виддинъ, то возстаніе было въ полномъ разгарѣ. Тырново-Габрово-Казанлыкская дорога была во власти инсургентовъ, и возстаніе грозило перейти въ страны, расположенныя по другую сторону Балкана. Паши рущукскій и нишскій послали низамскіе батальоны для устраненія возраставшей все болѣе и

болѣе опасности. Виддинскія военныя власти также принялись дѣйствовать, получивъ извѣстіе о занятіи инсургентами ущелій, ведущихъ въ Сливно.

Всѣ эти событія разстроивали мои планы относительно поѣздки съ цѣлью изслѣдованій къ Черному морю изъ Никополя, такъ какъ проѣздъ чрезъ балканскія ущелья, не совсѣмъ безопасный даже и въ мирное время, представлялся почти немыслимымъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ, допустивъ даже, что отряды инсургентовъ, разрозненные, не имѣющіе правильной организаціи, смущенные прекращеніемъ сербскаго движенія, отказались бы отъ своихъ плановъ и борьбы противъ низамскихъ батальоновъ, высланныхъ противъ нихъ. Но, съ другой стороны, перспектива ожидать въ Виддинѣ прекращенія смутъ и возможности безопасно проѣхать чрезъ ущелья, которая во всякомъ случаѣ не могла скоро представиться, далеко не была привлекательна, такъ какъ атмосфера этого города пропитана вредными міазмами, порождающими злокачественную лихорадку, отъ которой я уже сильно пострадалъ во время моего путешествія по требиньевскимъ болотамъ и Албаніи, а потому я и рѣшился выбраться какъ можно скорѣе изъ Виддина и отправиться на сѣверо-западныя окраины Болгаріи.

Если, предпринимая въ Турціи путешествіе съ цѣлью научныхъ изслѣдованій, имѣешь въ виду сворачивать съ обыкновенной большой дороги и не желаешь встрѣчать всевозможныхъ затрудненій и препятствій въ своемъ предпріятіи со стороны какъ высшихъ, такъ и низшихъ турецкихъ чиновниковъ, относящихся съ величайшимъ недовѣріемъ ко всякаго рода изслѣдованіямъ, то необходимо заручиться благорасположеніемъ мѣстныхъ властей, которыя снабдили бы васъ вооруженными проводниками и билетомъ на проѣздъ, такъ называемымъ «буюрджу». Помня хорошо огромную услугу, которую оказалъ мнѣ въ боснійскомъ Зворникѣ въ 1860 г. этотъ буюрджу, я обратился къ австрійскому консулу Вальхеру фонъ-Мальтгейму, любителю искусствъ (занимающему нынѣ постъ генеральнаго консула въ Парижѣ), съ просьбой достать мнѣ оный. Онъ былъ такъ любезенъ, что сейчасъ же представилъ меня лично Сулейману-пашѣ, губернатору вилайета, отъ котораго я долженъ былъ получить означенную бумагу, и, сверхъ того, вызвался сопутствовать мнѣ.

Абдуллахъ, живописно костюмированный кавасъ австрійскаго консульства, нынѣ уже покойный—да ниспошлетъ Аллахъ миръ его душѣ!—шелъ

со всѣмъ персоналомъ консульства, украшеннымъ двойнымъ австрійскимъ орломъ, къ сераю-паши впереди насъ. Караулъ у Стамбулъ-капу отдалъ намъ честь, кавасы въ воротахъ невзрачнаго дворца сдѣлали то же, а толпа болгаръ, которыхъ почти всегда можно встрѣтить съ просьбами въ рукахъ, переписанными турецкими писарями на переднемъ дворѣ резиденціи каждаго паши, кланялась намъ до земли. Мы вошли по дурной деревянной лѣстницѣ наверхъ и велѣли замечтавшимся при нашемъ появленіи лакеямъ и оглантросамъ доложить о нашемъ посѣщеніи пашѣ; сами же, между тѣмъ, вошли въ залу аудіенцій. Скоро двери ея отворились настежъ и въ нихъ показалась фигура его превосходительства, привѣтствовавшая насъ приложеніемъ руки къ груди, потомъ ко рту и лбу,—жестъ, выражающій, что есть на сердцѣ и въ умѣ, то выразитъ ротъ.

Я не буду распространяться обо всѣхъ церемоніяхъ, съ которыми принимаютъ обыкновенно благородные османлисы посѣтителей, такъ какъ онѣ много разъ были уже описываемы и, конечно, хорошо извѣстны читателю. Скажу только, что паша былъ, очевидно, очень доволенъ моимъ представленіемъ ему и выказалъ даже сочувствіе къ цѣли моего путешествія.

Угощаясь дорогимъ мокка на золотыхъ блюдечкахъ и превосходнымъ енидшескимъ табакомъ, заслуживающимъ вполнѣ славы, которою онъ пользуется, мы разговаривали о проектированномъ путешествіи. Паша исправилъ кое-что въ нашемъ маршрутѣ и замѣтилъ, что мы можемъ проѣхать весь путь въ экипажѣ, такъ какъ дорога, ведущая въ Бѣлградчикъ, лишь недавно была исправлена, а для большей безопасности обѣщалъ дать намъ въ проводники двухъ заптіевъ, которые должны будутъ, въ качествѣ курьеровъ, предупреждать вездѣ мудировъ о нашемъ прибытіи и подготовлять намъ хорошій пріемъ.

Между тѣмъ секретарь паши заготовилъ для насъ билетъ для безпрепятственнаго проѣзда (буюрдку), превосходно переписанный и утвержденный печатью Сулеймана. Его превосходительство передалъ мнѣ его, поблагодарилъ консула въ цвѣтистыхъ восточныхъ выраженіяхъ за удовольствіе, которое мы ему доставили нашимъ посѣщеніемъ, и, пожелавъ намъ счастливаго пути и благополучнаго возвращенія, разстался съ нами.

«Какое мѣсто могъ бы занять Сулейманъ по своему образованію въ нашей служебной іерархіи?» спросилъ я моего спутника, консула, когда

двери дома паши за нами затворились. Отвѣчать на этотъ вопросъ было, конечно, не легко. Однако же эти безграмотные сановники, большинство которыхъ едва умѣетъ читать и скрѣплять акты своею печатью, вмѣсто подписи, получаютъ громадное содержаніе. Впрочемъ, въ послѣднее время Порта старается оклады своихъ чиновниковъ подвести подъ уровень европейскихъ.

Но нельзя не замѣтить при этомъ, что содержаніе роскошнаго гарема и всего служебнаго штата пашей стоитъ огромныхъ суммъ. Еще въ 1860 г. Сулейманъ, въ качествѣ виддинскаго мудира, получалъ 7,000, позднѣе 5,000 гульденовъ въ мѣсяцъ. Въ настоящее же время, когда Виддинъ составляетъ не болѣе какъ одинъ изъ уѣздовъ большаго вилайета «Туны», мутессарифъ получаетъ лишь 36,000 гульденовъ въ годъ. По западнымъ понятіямъ, это—большой окладъ, но по понятіямъ пашей на столько ограниченный, что довольствоваться имъ невозможно, и потому весьма естественно, что они изыскиваютъ средства увеличивать его побочными доходами.

Но какъ плохо знаютъ эти намѣстники съ мѣсячнымъ окладомъ въ 50,000 піастровъ (5,000 гульд.),—окладомъ, который получалъ Сулейманъ-паша въ бытность мою въ Виддинѣ,—состояніе дорогъ, даже въ ближайшихъ окрестностяхъ ихъ резиденціи, мнѣ пришлось узнать въ первый же день моего путешествія по болгарско-дунайской террасѣ.

На разстояніи пяти часовъ отъ Виддина нашъ экипажъ разлетѣлся въ дребезги въ одной скалистой лощинѣ, чрезъ которую проходитъ эта отвратительная дорога. Кучеръ и слуга полетѣли съ козелъ, мы же съ моимъ спутникомъ Вальхеромъ выпрыгнули заблаговременно изъ открытаго, по счастію, экипажа. Благодаря небо за счастливый исходъ катастрофы, мы отправились въ дальнѣйшій путь на лошадяхъ сопровождавшихъ насъ заптіевъ, оставивъ изломанный экипажъ на попеченіе нашихъ людей.

Къ счастію, Сулейманъ-паша, показавшій намъ за день предъ тѣмъ ладонь своей руки, когда мы спрашивали его о состояніи дороги въ Бѣлградчикъ что значило, что она такъ же гладка, какъ эта ладонь,—былъ замѣненъ въ 1864 году Рашидомъ-пашей (занимающимъ нынѣ постъ посланника въ Вѣнѣ), который, какъ бывшій президентъ интернаціональной дунайской коммисіи, умѣлъ лучше различать состояніе дорогъ и который занялся дѣйствительно энергически осуществленіемъ составленнаго Мидхадомъ-пашей дорожнаго проекта, въ которомъ предполагалось

провести одну дорогу вокругъ Сербіи, а другую между Виддиномъ и Нишскимъ пашалыкомъ, находившимися въ то время подъ управленіемъ составителя проекта Мидхада. Уже въ 1864 году я проѣхалъ по новой превосходной дорогѣ, значительно приближавшей важные военные и торговые центры Нишъ и Софію къ дунайскимъ гаванямъ—Виддину и Лому. Проведеніе этой дороги предвѣщало новую эру въ состояніи турецкихъ путей сообщенія. Вообще строитель новой почтовой дороги отъ Виддина въ Бѣлградчикъ держался линіи старой дороги. До Османіи, лежащей у самой окраины праваго берега Арчера, она идетъ, лишь изрѣдка уклоняясь отъ юго-западнаго направленія, чрезъ болотистый виддинскій крѣпостной гласисъ до рѣки Витболь; пройдя чрезъ нее, она пролегаетъ, оставляя въ сторонѣ тучныя пастбища мѣстечка того же наименованія, чрезъ покатую, огибающую обширною дугой Виддинъ террасу и приводитъ къ караулѣ Крноль. Отъ незавиднаго постоялаго двора этой караулы пролегаетъ она чрезъ молодой дубовый лѣсокъ, уничтожаемый безпощадно, какъ и всѣ лѣса въ Турціи, козьими стадами, и приводитъ къ другой, расположенной на Арчерѣ, только-что построенной для охраненія дороги караулѣ Попадья. Пустынная и унылая мѣстность представляется взорамъ путешественника на всемъ ея протяженіи до этого пункта. Лишь въ базарные дни встрѣчаются изрѣдка подводы съ дровами и овчинами, которыя деревенскіе жители везутъ продавать въ городъ. Не доѣзжая до Попадьи, мы остановились въ одной болгарской хижинѣ. Мы нашли тамъ людей и животныхъ, мирно живущихъ подъ одною кровлей; застали женщинъ, занимающихся вокругъ низкаго очага чисткою грибовъ для скуднаго обѣда.

Но вотъ скоро открылась предъ нами долина Арчера. Видъ ея несравненно привѣтливѣе, чѣмъ тотъ, который представляла мѣстность, по которой мы ѣхали до сихъ поръ, да и обстроена она гораздо лучше. Чрезъ четверть часа ѣзды къ западу отъ Попадьи мы достигли брода, возлѣ котораго показанъ на нашихъ картахъ Бѣлградчикъ, хотя въ дѣйствительности его тутъ не оказалось. Впрочемъ, это объясняется весьма просто, такъ какъ крѣпость находится не на Арчерѣ, но на разстояніи трехъ часовъ отъ него во внутренность страны; на мѣстѣ же, гдѣ онъ значится на картахъ, въ дѣйствительности расположена черкесская колонія Османія, поселеніе которой доставило много хлопотъ мудиру Бѣлградчика (окружной начальникъ), такъ какъ воинственные сыны Кавказа, привыкшіе къ кочевой жизни, не хотѣли прикрѣпляться къ

почвѣ и еще менѣе выказывали склонности ее обработывать. Теперь дѣло идетъ лучше. Послѣ описываемаго посѣщенія мною Османіи я посѣтилъ ее вторично въ 1868 г., т. е. ровно чрезъ четыре года, и нашелъ тамъ большую перемѣну. Огромная территорія, остававшаяся невоздѣланною, была уже обращена въ маисовыя поля и огороды. Конечно, какъ тѣ, такъ и другіе были воздѣланы самымъ первобытнымъ образомъ, и если бы показать ихъ германскому земледѣльцу, привыкшему тщательно обработывать каждый клочокъ земли, то сердце его облилось бы кровью; но тѣмъ не менѣе они свидѣтельствовали о проявленіи въ кочевыхъ переселенцахъ наклонности къ осѣдлой жизни.

Османія расположена по обоимъ берегамъ Арчера, соединяемымъ мостомъ, переходя чрезъ который дорога поднимается по впадинѣ, довольно отлогой, на крутую террасу, на которой поселилась болѣе зажиточная часть народонаселенія. По близости отъ болгарскаго селенія Кулуджера новая почтовая дорога уклоняется отъ направленія старой дороги, которая шла чрезъ Столовую гору. Узкая, едва замѣтная тропа, не представляющая почти возможности проѣзда въ экипажѣ, привела насъ къ тому самому пункту, съ котораго панорама Бѣлградчика, представившись мнѣ въ первый разъ въ 1862 г., привела меня въ изумленіе и восторгъ своею очаровательною, волшебною красотой.

У одного колодца съ превосходною водой, недалеко отъ села Орѣша, ожидали мы нашего экипажа, обтянутаго лубками и веревками и исправленнаго на столько, что въ немъ было возможно ѣхать.

Къ западу отъ нашей станціи возставала передъ нами совершенно неожиданно несуществующая на картахъ высокая гора, подошва которой покрыта густымъ лѣсомъ, а верхняя часть образуетъ голыя съ уступами стѣны, идущія отъ юга къ сѣверу, состоящія изъ плотнаго известковаго камня и растянутыя на большомъ протяженіи. Называется она горой «Столовою», и къ югу въ ней образовалась глубокая разсѣлина, служащая проходомъ. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она расположена, на нашихъ картахъ показанъ пунктъ соединенія источниковъ несуществующей рѣки Сморденъ. И если бы эта фиктивная рѣка дѣйствительно существовала на данномъ протяженіи, то она должна была бы протекать чрезъ Столовую гору. Что этого нѣтъ въ дѣйствительности, что въ этой области изъ Столовой горы вытекаетъ только маленькая рѣчка Скомля, то въ этомъ могъ уже убѣдиться читатель изъ описаній, находящихся въ предъидущихъ главахъ.

У подошвы Столовой прекращалась, къ нашему великому изумленію, дорога, устроенная человѣческими руками, и вмѣсто нея тянулась чрезъ обнаженный утесъ узкая тропа, по которой можно было взбираться не иначе, какъ верхомъ или пѣшкомъ, и экипажъ нашъ былъ скорѣе внесенъ чѣмъ ввезенъ на эту возвышенность крестьянами, нарочно для того призванными. Конечно, онъ долженъ былъ изломаться опять, и провожатые наши, измученные возней съ нимъ, проклинали Сулеймана-пашу. Чрезъ опасныя каменныя баррикады узкаго ущелья намъ приходилось самимъ проводить подъ уздцы нашихъ лошадей. Въ одинъ часъ мы прошли самую худшую часть дороги; по направленію къ юго-западу она начала расширяться, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ болѣе мы выдвигались изъ ущелья, тѣмъ болѣе расширялся предъ нами видъ къ сѣверу и югу ключевой области Арчера и Лома и наконецъ открылся во всей своей полнотѣ.

Съ правой стороны взорамъ представлялись мало выдающіеся профили сербско-болгарской пограничной горы, съ лѣвой—высокіе зады Балкана, на среднемъ же фонѣ представлялась величественная, волшебно очаровательная панорама Бѣлградчика, заставившая насъ забыть всѣ трудности, всѣ невзгоды нашего путешествія. Изумленные, очарованные своеобразною красотой этого города, прятавшагося, послѣ необыкновенно жаркаго дня, съ своими дшаминами и минаретами, окутанными листвой, въ темно-синей тѣни высоко поднимающейся надъ нимъ крѣпости и скалистаго акрополиса, поднимались мы къ Бѣлградчику.

Начальники города, мудиръ, кади и улемы встрѣтили насъ у самыхъ первыхъ домовъ его, чтобы засвидѣтельствовать намъ свое почтеніе и проводить насъ въ конакъ, приготовленный для нашего помѣщенія. Мудиръ, очень любезный старикъ, хотѣлъ непремѣнно сопровождать насъ самъ; но мы были такъ утомлены всѣми церемоніями восточнаго этикета, что употребили всѣ усилія, чтобы избавиться отъ этого чичероне.

Одни вступили мы въ скалистый міръ Бѣлградчика. Узкій, прозрачный ручеекъ струился по прежнему въ узкой, идущей отъ сѣвера къ югу долинѣ, чрезъ которую пролегаетъ дорога, ведущая въ Ломъ. Когда мы прибыли къ ней, мѣсяцъ только-что всплылъ и освѣтилъ самый фантастическій, самый причудливый ландшафтъ, какой только можно себѣ представить.

Но какъ описывать то, что не можетъ быть описано перомъ? Мы можемъ только посовѣтовать живописцамъ и геологамъ направлять свои стопы къ Бѣлградчику и спускаться съ его высоты по направленію Верберы или, правильнѣе, Врбовы. Бланки, знаменитый членъ парижскаго института, объѣзжавшій Болгарію въ 1841 г. съ политическою миссіей, выразился совершенно справедливо, что ни узкія ущелья Оллiула въ Провансѣ, ни ущелье Панцорбо въ Испаніи, ни Альпы, ни Пиренеи не могутъ сравниться въ красотѣ съ ущельями и скалами Бѣлградчика.

Не были ли описанія Бланки преувеличены? Не были ли они, быть можетъ, продуктомъ минутнаго, субъективнаго настроенія? Буэ и Виженель, его предшественники, описали Бѣлградчикъ въ немногихъ сухихъ словахъ, хотя вообще къ красотамъ ландшафтовъ они не были слѣпы. Позднѣе только я узналъ, что оба эти путешественника никогда не проѣзжали по виддинской дунайской террасѣ. Буэ узналъ о существованіи скалъ Бѣлградчика только изъ моихъ рисунковъ и нашелъ ихъ столь интересными, что всѣ собранные мною тамъ образцы камей и горныхъ профилей представилъ вмѣстѣ съ моею иллюстраціей въ Вѣнскую академію, заявивъ при этомъ о важномъ значеніи для науки изслѣдованія этихъ горныхъ профилей [1]).

Стало быть описаніе Бланки чудной каменной области сѣверной Болгаріи было единственнымъ описаніемъ, основаннымъ на лицезрѣніи ея, а вовсе не на фантастическомъ представленіи воображенія. Я думаю, что не найдется такого человѣка, который, увидавъ въ первый разъ очаровательную панораму Бѣлградчика, не пришелъ бы въ восторгъ отъ нея. Замѣчательныя формація и группировка, удивительныя окраски и окисленіе матеріаловъ, изъ которыхъ природа, при всемъ странномъ, фантастическомъ строеніи подробностей, создала цѣльный, законченный ландшафтъ утесовъ, возвышаемые еще измѣнчивымъ освѣщеніемъ, производятъ магическое дѣйствіе на зрителя и переносятъ его воображеніе въ какой-то сказочный, волшебный міръ.

При видѣ этого багрянаго, сіяющаго пурпуровыми лучами песочно-каменнаго міра, нижнія части котораго тянулись рядами, словно деревья исполинской аллеи, тогда какъ верхнія, достигающія 200 м. вышины, образовывали фантастическія группы домовъ, обелисковъ, кораб-

[1]) Sitzungsber. и. к. акад. наукъ. Math naturw. Classe, I Bd. 1864.

лей, людей и животныхъ, мнѣ стало понятно происхожденіе арабской сказки объ окаменѣломъ городѣ въ *Триполитонской Киренаикѣ*[1]).

Не во многихъ пунктахъ, какъ въ Бѣлградчикѣ, проза и поэзія гармонически соединяются вмѣстѣ, такъ какъ не много найдется крѣпостей, которыя были бы выстроены посреди болѣе романической природной обстановки, и, конечно, не найдется нигдѣ предназначенной для разрушенія постройки, которая менѣе вредила бы красотамъ мѣстности, окружающимъ его, чѣмъ крѣпость этого городка.

Формація территоріи Бѣлградчика состоитъ изъ каменныхъ образцовъ, представленныхъ мною въ геологическое государственное учрежденіе въ Вѣнѣ[2]), а именно изъ краснаго, рыхлаго, изобилующаго кварцемъ песчаника, который, отчасти вслѣдствіе воспринятія въ себя большихъ обломковъ бѣлаго кварца, представляетъ большое сходство съ песчаникомъ діасской формаціи. Высоко расположенный городъ у подошвы крѣпости долженъ бы быть давно соединенъ хорошею дорогой въ сосѣднею кулой; но, какъ увѣрялъ мудиръ Мехмедъ въ 1870 г., мѣшаетъ этому недостатокъ въ деньгахъ, такъ какъ ему было вмѣнено въ обязанность всѣ доходы казны высылать немедленно въ Виддинъ, откуда они отправляются въ Стамбулъ, изъ котораго, если они и возвращаются въ провинцію, то развѣ только для того, чтобы быть употребленными на уплату жалованья войскамъ. Бѣлградчикъ обязанъ своему усердному мудиру нѣкоторыми усовершенствованіями и постройками, какъ напримѣръ красивымъ общественнымъ колодцемъ, уличными фонарями, улучшеніемъ мостовой, новымъ зданіемъ окружнаго присутственнаго мѣста, въ которомъ мнѣ отведено было помѣщеніе. Въ городѣ насчитывается до 200 домовъ, бѣдность которыхъ еще болѣе бросается въ глаза предъ новымъ мудирьекомъ. Народонаселеніе занимается хлѣбопашествомъ и виноградниками, но наибольшую прибыль извлекаетъ оно изъ гарнизона, состоящаго изъ пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи, часть котораго помѣщается въ казармахъ, а другая—въ крѣпости и который въ военное время подкрѣпляется турецкою городскою милиціей. Двѣ трети всего числа жителей составляютъ магометане, а остальная треть состоитъ изъ болгаръ, жидовъ и цыганъ.

Турки, живущіе въ Бѣлградчикѣ, составляя изолированный форпостъ противъ Сербіи и будучи окружены со всѣхъ сторонъ исключи-

---

[1]) Ukert, Hertha, Bd. 3. 1825.

[2]) Voyage en Bulgarie, Paris, 1841.

тельно христіанскими селеніями, отличаются особенно фанатическою ненавистью къ своимъ городскимъ согражданамъ-христіанамъ. При каждомъ удобномъ случаѣ они стараются насолить имъ, и гатти-гумаюнъ ни мало не измѣнилъ положенія послѣднихъ.

Въ меджлисѣ, состоящемъ изъ шести членовъ, засѣдаетъ только одинъ христіанскій ходжабаши. Стало быть и здѣсь, какъ во всѣхъ турецкихъ городахъ, которые я посѣщалъ, райи составляютъ меньшинство, исключающее право голоса и вынужденное соглашаться съ постановленіями большинства. Маленькая христіанская церковь расположена далеко за предѣлами города на одной возвышенности и обнесена высокими стѣнами, скрывающими ее. Присутствіе ея обличаетъ только высокая колокольня, возвышающаяся изъ-за нихъ, такъ какъ о существованіи ея не возвѣстилъ бы даже звонъ колоколовъ, въ которые запрещено звонить здѣсь, какъ это было еще недавно въ Виддинѣ и во многихъ прочихъ мѣстахъ во внутренности Турціи, гдѣ магометане составляютъ большинство противъ христіанъ. По турецкимъ понятіямъ, звонъ колоколовъ христіанской церкви означаетъ: турки, уступайте ваше мѣсто христіанамъ, и потому при каждомъ удобномъ случаѣ они восклицаютъ: «здѣсь не раздается колокольнаго звона, а слышенъ только голосъ ходжи» (глашатай, созывающій къ молитвѣ). Крутая тропинка, которая во время моего послѣдняго посѣщенія Бѣлградчика (въ 1870 г.) превратилась въ довольно правильную лѣстницу, ведетъ изъ узкой базарной улицы къ воротамъ важнѣйшей части крѣпости, заключенной между тремя огромными группами утесовъ. Часть эта сдѣлана въ видѣ прямоугольника, котораго продольныя стороны образуются стѣнами вышиною въ 4,74 м., снабженными многочисленными отверстіями для орудій. Два круглыхъ бастіона, вооруженные каждый шестью пушками, прерываютъ эти длинные фронты, соединяющіеся между собою узкими стѣнами съ исполинскими воротами между двумя выдающимися столбами. Во дворѣ между этими стѣнами находятся: амбаръ, домикъ для офицера и стражи и сверхъ того нѣсколько плохихъ полевыхъ пушекъ подъ навѣсомъ, дурно ихъ защищающимъ. Эти орудія предназначены для вооруженія передоваго укрѣпленія, построеннаго въ 1862 году, по приказанію Сулеймана-паши, для укрѣпленія западнаго бастіона, надъ которымъ господствовалъ одинъ близлежащій утесъ. Болгары строили безъ всякаго вознагражденія это новое зданіе, на которомъ долженъ былъ быть водруженъ символъ иностраннаго владычества, флагъ съ полумѣ-

сяцемъ и звѣздой, и быть видѣнъ какъ изъ средней части крѣпости, такъ и изъ дальнихъ пунктовъ, лежащихъ во внутренности страны. Южныя ворота описаннаго длиннаго двора ведутъ во второе отдѣленіе крѣпости, длинныя стѣны котораго лежатъ на одномъ уровнѣ стѣнъ перваго, но идутъ съ запада къ востоку и выдаются прямымъ угломъ. Изъ этого втораго двора, у стѣнъ котораго также лѣпятся разныя незначительныя строенія, казармы, склады и т. д., выходишь въ третье отдѣленіе крѣпости, которое состоитъ изъ двора, окруженнаго исполинскими утесами изъ песчаника и очень высокими стѣнами, заключенными между ними. Маленькія желѣзныя ворота ведутъ отсюда въ послѣднее убѣжище осажденнаго гарнизона. Это—возвышенная, устроенная посредствомъ мостовъ, связывающихъ вершины нѣсколькихъ утесовъ, площадь, на которую нужно взбираться по отвѣснымъ лѣстницамъ и которая скорѣе представляетъ удобство для орловъ, чѣмъ для людей.

Интересная панорама открылась предъ нами, когда мы вскарабкались на эту высоту, способную произвести головокруженіе. Крѣпость, вышеупомянутое внѣшнее укрѣпленіе, сооруженное по приказанію Сулеймана, и городокъ, связанный съ ними палисадированною изгородью, лежали внизу, подъ нашими ногами, и казались игрушечными зданіями. На югѣ рисовалась живописная Ломская область съ своимъ фантастическимъ, песчаниковымъ, тянувшимся отъ Бѣлградчика райономъ, утесы котораго принимали формы мостовъ, башенъ и составляли какъ будто города, мѣстечки, раздѣляемые зеленью и ручьями. Нѣсколько далѣе поднимались съ своими рѣзкими очертаніями остроконечныя горы, отдѣляющія Чупренскую долину отъ Ломской; за ними разстилались Чипровацкія долины, а на горизонтѣ ландшафта поднимались, громоздясь одинъ надъ другимъ, гребни Балкана Свято-Николы. Его сербскія съ своими глубокими вырѣзками предгорья, идущія съ запада къ востоку, составляли западное продолженіе законченнаго прелестнаго пейзажа, сѣвернымъ продолженіемъ которому служила постепенно понижавшаяся, хорошо обстроенная нагорная равнина, представляющая также очень красивый видъ. На ней возвышался блестящій минаретъ татарской мечети Кулы, составляющій весьма важный для оріентированія и пеленгованія пунктъ, который я начертилъ съ нашей высоты вмѣстѣ съ прочими выдающимися пунктами. Къ несчастію, съ восточной стороны обширный круглый пейзажъ ограничивала находящаяся въ непосредственной близи и поднимающаяся кверху отвѣсными стѣнами Столовая гора.

Бланки говоритъ навѣрно, что выгоды положенія Бѣлградчика для господства надъ дорогой, идущею изъ Нишавской области чрезъ Балканъ въ Виддинъ, были поняты впервые прозорливымъ Гуссейномъ-пашей. По приказанію его была построена въ 1837 г. только новая часть крѣпости, что значится въ надписяхъ, начертанныхъ на турецкомъ и болгарскомъ языкахъ на двухъ плитахъ, находящихся у сѣвернаго главнаго входа.

Въ укрѣпленіяхъ, лежащихъ выше, а именно возлѣ искусственной площадки, на которой мы находились, я нашелъ подземныя строенія башенъ и стѣнъ, принадлежащія, во всякомъ случаѣ, давно прошедшимъ вѣкамъ. По мнѣнію турка, одного изъ значительныхъ обывателей города, сопровождавшаго насъ, это—остатки римскихъ временъ. Конечно, этому нельзя придавать значенія, такъ какъ турки и славяне приписываютъ всѣ постройки, происхожденія которыхъ они не знаютъ, римлянамъ или латинамъ, какъ они ихъ называютъ.

Къ несчастію, подробныя изслѣдованія въ турецкихъ крѣпостяхъ, какъ я уже говорилъ много разъ, дѣло весьма трудное. Принимая же въ соображеніе, что византійцы, сербы и болгары ограничивались обыкновенно послѣ погромовъ возстановленіемъ укрѣпленныхъ римскихъ пунктовъ, можно допустить, что на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ Бѣлградчикомъ, находилась въ былыя времена точно такая же крѣпость, какъ открытыя мною въ окрестностяхъ Арчера, и которая, быть можетъ, подобно тѣмъ, была также предназначена для охраненія военной дороги, шедшей въ Ратіарію.

Отъ римскихъ поселеній, достигавшихъ гораздо большихъ размѣровъ на болгарской дунайской террасѣ, чѣмъ можно предполагать, основываясь на скудныхъ свѣдѣніяхъ, доставляемыхъ разными древними писателями и путеводителями, сохранились по крайней мѣрѣ многочисленные остатки; самые слѣды дорогъ уничтожились большею частію въ теченіе послѣднихъ столѣтій нивелирующимъ дѣйствіемъ стихій.

До послѣднихъ временъ турецкое правительство не заботилось о проведеніи новыхъ путей сообщенія, и это упущеніе можно отнести столько же къ турецкой лѣни и безпечности, сколько и къ мудрымъ политическимъ соображеніямъ—изолировать, на сколько возможно, христіанскіе народы Турціи отъ сосѣднихъ странъ. Бланки нашелъ въ 1841 г. между Виддиномъ и Нишемъ, точно такъ же, какъ и я въ 1862 г., только узкую дорожку, на который можно было сломать себѣ шею.

Онъ много пострадалъ въ этомъ году отъ албанскихъ баши-бузуковъ, усмирявшихъ будто бы вспыхнувшее незадолго передъ тѣмъ возстаніе въ Болгаріи, въ сущности же располагавшихся лагеремъ на дорогахъ для грабежей и разбоевъ. Они нападали не только на христіанскіе ханы и селенія, но даже и на своихъ единовѣрцевъ, которые осмѣливались осуждать ихъ поступки.

Я былъ счастливѣе моего предшественника, хотя въ 1862 и 1868 г. волненія болгарскаго народа доходили также до весьма серьезныхъ возстаній въ Балканѣ. Хаджи Димитрій и Стефанъ Караджи давали кровопролитныя сраженія въ ущельяхъ и лѣсахъ при Пану-Ваиновѣ турецкимъ низамамъ (8 іюля 1868). Впрочемъ, на сѣверо-восточной оконечности Болгаріи господствовалъ полнѣйшій миръ, который рѣдко нарушали даже поселившіеся тамъ воинственные черкесы. Этотъ миръ царствовалъ также и на возвышенной равнинѣ съ молодымъ дубовымъ лѣсомъ и привѣтливыми долинами, чрезъ которую мы ѣхали, отправившись изъ Бѣлградчика по направленію къ сѣверу. Ея роскошно орошаемыя и прекрасно воздѣланныя поля свидѣтельствовали о трудолюбіи болгарскаго народонаселенія Дубравы, Струиндоля, Ошанджи и Вежницы. Мы слѣдовали по теченію одного ручья, текущаго отъ Бѣлградчика къ сз., и приблизились чрезъ два часа къ рѣкѣ Салажкѣ, выходящей изъ сербскихъ пограничныхъ горъ и образующей юго-западный притокъ Арчера. Одна изъ отраслей Галема-Главы, выдвигающаяся къ востоку, отдѣляетъ Салажку отъ рѣки Мецины, составляющей сѣверный рукавъ Арчера, и обѣ онѣ соединяются близъ открытой мною при Кладрупѣ римской крѣпостцы, о которой я упоминалъ въ главѣ V.

Глубокое, узкое ущелье высокой равнины, круто спускающейся къ руслу рѣки, привело насъ къ броду Мецины; вскорѣ затѣмъ мы пришли къ мельницѣ, окруженной высокими ивами, подъ тѣнью которыхъ мы расположились отдохнуть. Подкрѣпившись и освѣжившись, перебрались мы на другую сторону, и извилистая тропа, пролегающая по ея крутому берегу, привела насъ къ селу Рабишъ и его татарскому поселенію, отъ котораго мы добрались въ одинъ часъ къ мѣстечку Влаховичъ, расположенному на рѣкѣ того же наименованія, въ углубленіи одной высокой, мѣстами болотистой равнины.

На этой территоріи, пересѣкаемой во многихъ мѣстахъ ручьями и оврагами, покрытой осокою въ человѣческій ростъ и представляющей много опасностей какъ для всадниковъ, такъ и для экипажей, наши

заптіи сбились, при наступленіи вечера, съ дороги, которая должна была привести насъ къ Раковицѣ, гдѣ мы располагали ночевать. Послѣ долгихъ блужданій мы встрѣтили наконецъ крестьянъ этого села, отъ котораго мы находились еще далеко, и они насъ проводили къ караулѣ, носящей то же названіе. Послѣ всѣхъ испытаній мы были вдвойнѣ обрадованы радушнымъ пріемомъ, который намъ сдѣлалъ комендантъ, Балжукъ-баша (капралъ), украшенный крымскою медалью. Хотя не болѣе какъ нѣсколько дней тому назадъ онъ имѣлъ стычку съ сербскими гайдуками и одного изъ нихъ отправилъ на тотъ свѣтъ, но тѣмъ не менѣе въ гостепріимствѣ онъ не уступитъ самой привѣтливой, самой гостепріимной хозяйкѣ. Не смотря на глубокую ночь, онъ послалъ въ ближайшее село за провизіей, чтобы приготовить для насъ вкусный ужинъ, и отдалъ въ наше распоряженіе свой собственный, убранный коврами покой, въ которомъ мы устроились очень удобно, между тѣмъ какъ самъ онъ улегся на деревянной койкѣ одного изъ заптіевъ.

Караула Раковица расположена противъ сербскаго блокгауза. Она очень прочно построена и имѣетъ два этажа. Ведутъ къ ней желѣзныя ворота. Въ первомъ этажѣ помѣщены оружіе и пушки, во второмъ же устроены комнаты для помѣщенія солдатъ. Караула господствуетъ надъ селомъ того же названія; однако же она не могла помѣшать тайной эмиграціи чрезъ сербскую границу, въ 1861 году, большей части его христіанскаго народонаселенія, отягощеннаго татарскими переселеніями. Еще прежде, въ 1860 г., встрѣчалъ я на сербской землѣ цѣлыя группы болгарскихъ выходцевъ, бѣжавшихъ изъ своей отчизны, и нужно замѣтить, что не всегда эти группы состояли изъ бѣдняковъ.

Когда, въ 1870 году, возвращаясь съ сѣвера, я посѣтилъ опять Раковицу, то былъ не мало удивленъ огромными перемѣнами, которыя встрѣтилъ въ старой караулѣ. Возлѣ нея тянулись длинныя казармы; старые заптіи исчезли, и мѣсто ихъ заняли низамы. Азисъ-паша, предпослѣдній губернаторъ, управлявшій долгое время Виддиномъ, понялъ важное стратегическое значеніе Раковицы и превратилъ ее въ хорошо вооруженный форпостъ противъ Сербіи. Молодые турецкіе офицеры сильнаго гарнизона, состоящаго изъ 100 человѣкъ, приняли меня такъ же радушно и привѣтливо, какъ нѣкогда Балжукъ-баша иррегулярнаго отряда баши-бузуковъ. Они угощали меня въ своемъ импровизированномъ садикѣ прекраснымъ кофе и сигарами и приготовили интересное военное зрѣлище. Была забита тревога совершенно неожиданно для солдатъ, безпечно наслаждав-

шимся кейфомъ, и всѣ они въ одну минуту выстроились во фронтъ въ полномъ боевомъ порядкѣ, а затѣмъ исполнили съ рѣдкою точностію разные военные маневры. Когда, въ заключеніе, рослые, здоровые солдаты въ своихъ турецкихъ красивыхъ мундирахъ бросились противъ воображаемаго непріятеля по направленію близкой сербской границы, оглашая окрестность дикимъ военнымъ крикомъ, они представляли очень живописную картину, имѣвшую, однако, и весьма серьезную сторону, которая наводила на глубокія размышленія, преслѣдовавшія меня долго спустя послѣ того, какъ я разстался съ офицерами.

Внизу блокгауза дорога тянется чрезъ долину рѣки Раковицы и проходитъ чрезъ большое татарско-болгарское, носящее то же названіе село, которое еще увеличилось съ 1864 года черкесскимъ поселеніемъ. Это значительнѣйшее мѣстечко изъ всѣхъ прочихъ, расположенныхъ на Раковицѣ, прилегаетъ къ прелестнымъ лиственнымъ лѣсамъ. Проѣзжая чрезъ нихъ, мы встрѣтили по дорогѣ нѣсколько узкихъ потоковъ, въ которыхъ я позднѣе узналъ ключевыя жилы Витболя. Здѣсь взорамъ нашимъ также представлялись обѣщавшія богатую жатву маисовыя поля и виноградники, простирающіеся до передовыхъ возвышенностей сербско-болгарской пограничной горной цѣпи, до изолированной Вржка-Чуки. Простымъ глазомъ мы могли различить просѣку, которая тянется съ ея гребня и отдѣляетъ турецкую территорію отъ сербской. Къ ней примыкаетъ со стороны высокой равнины палисадовая изгородь, изъ-за которой привѣтливо выглядываютъ красныя черепичныя кровли сербскихъ карантинныхъ зданій. Турки устроили и здѣсь квадратный блокгаузъ, укрѣпленный полубашнями; съ наружной стороны этого неправильнаго укрѣпленія въ послѣднее время одинъ турецкій сборщикъ податей открылъ свою контору. Караула, по измѣреніямъ, сдѣланнымъ мною въ 1870 г., лежитъ на высотѣ 326 м. надъ уровнемъ моря. Высокая равнина, надъ которою она господствуетъ, отлого спускается на востокѣ къ Кулѣ; въ этомъ же направленіи тянется дорога.

Когда мы находились на этомъ мѣстѣ, Ртони-пирамида оставалась позади насъ. Къ сѣверу возставали предъ нами зубчатыя сербскія горы Штоль и Мирое, и чрезъ два часа быстрой верховой ѣзды по весьма изрядной дорогѣ, тянувшейся чрезъ великолѣпные луга и между плодородными полями, достигли мы болгарскаго окружнаго города Кулы, который былъ въ 1862 г. Нусредъ-беемъ, организаторомъ татарской колоніи, окрещенъ турецкимъ именемъ «Адліегъ», а Мидхадомъ-пашей возведенъ при организаціи «вилайета Туны» въ резиденцію каймакама.

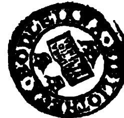
Напрасно искали мы города Кулы на нашихъ картахъ, обремененныхъ множествомъ несуществующихъ мѣстечекъ. Это упущеніе тѣмъ страннѣе, что Кула вовсе не новый городъ; обширныя развалины, находящіяся въ немъ, ясно доказываютъ, что онъ занималъ почетное мѣсто между мезійскими городами. Въ центрѣ его возвышается до сихъ поръ высокая башня, сохранившаяся одна отъ четырехъ подобныхъ ей. Хотя она уже на половину разрушилась, но все-еще съ ея высоты открывается весьма обширный горизонтъ. Вокругъ этихъ величественныхъ остатковъ прошлыхъ вѣковъ группируются четыре части города, населенныя болгарами, турками, татарами и черкесами. Лѣтомъ 1862 г. къ нимъ присоединился еще зеленый лагерь турецкой кавалеріи, которая была сосредоточена близъ тимокской границы противъ Сербіи, сильно агитировавшейся. Въ Кулѣ мы остановились въ конакѣ мудира, и послѣ краткаго отдыха я отправился къ старой, торчащей посреди города башнѣ, которой одна половина грозно устремляется въ воздухъ, тогда какъ другая, поросшая богатою растительностью, лежитъ въ развалинахъ. Судя по техникѣ верхней постройки, эта башня въ своихъ верхнихъ частяхъ была произведеніемъ одного изъ сербско-болгарскихъ кралей. Стѣны башни, какъ бо̀льшая часть построекъ XIII и XIV вѣковъ, сложены въ перемежку изъ дикаго камня и кирпичей и имѣютъ множество отверстій, изъ которыхъ сгнившія деревянныя балки выпали. Но фундаментъ за̀мка соотвѣтствуетъ вполнѣ расположенію римскихъ крѣпостей. Онъ образуетъ прямоугольникъ, стороны котораго имѣютъ 19,75 м. длины и соединяются между собою круглыми угольными башнями, достигающими въ діаметрѣ 12,23 м. Эти развалины окружены валомъ и рвами, въ настоящее время засыпанными во многихъ мѣстахъ. Хотя, какъ я уже выше замѣтилъ, нельзя сказать утвердительно, чтобы эти стѣны были непремѣнно римскаго происхожденія, однако же я нашелъ въ нихъ несомнѣнно римскіе кирпичи, которые, можетъ быть, были взяты, во время византійско-болгарскаго періода, изъ стѣнъ, находящихся близъ этого фундамента и разрушенныхъ, по всей вѣроятности, во время нашествія гунновъ. Впрочемъ, что на мѣстѣ Кулы находилась нѣкогда римская колонія—это доказывается не только фундаментомъ, находящимся въ самой Кулѣ, и многочисленными находками монетъ, но еще многими другими открытіями, которыя мнѣ удалось тамъ сдѣлать, какъ напр. круглою башней, развалины которой я нашелъ среди полей, на разстояніи 15 минутъ отъ за̀мка, далѣе—колодцемъ съ сильно поврежденнымъ, но

очевидно античнымъ рельефомъ, потомъ еще многими найденными мною обломками римскихъ колоннъ. Можетъ быть тутъ именно находилась та самая крѣпость, о которой упоминаетъ Прокофій [1]), какъ о находящейся въ этой сторонѣ, недалеко отъ Дуная, и о которой Гераклій упоминаетъ какъ о резиденціи епископа и о городѣ, извѣстномъ подъ именемъ Кастры Маршисы [2]).

Мудиръ Кулы (окружной начальникъ) разсказывалъ мнѣ въ 1868 г., что онъ въ качествѣ бывшаго купца, видавшаго много городовъ, давно срылъ бы развалины кульскаго за́мка, придающія, по его мнѣнію, безобразный видъ городу и занимающія напрасно мѣсто, на которомъ можно было бы выстроить жилые дома и развести общественный садъ, но что этому противится одинъ упрямый турецкій бегъ, возстающій противъ разрушенія всякихъ за́мковъ въ этой территоріи, которой онъ считаетъ себя владѣтелемъ, такъ какъ, по его словамъ, она была отдана еще во время завоеванія мусульманами страны въ ленное владѣніе одному изъ его предковъ. И такъ эти развалины, столь интересныя въ археологическомъ отношеніи, обязаны своимъ сохраненіемъ только упрямству бега, который живетъ съ своимъ семействомъ въ зданіи, похожемъ на караулу, представляющуюся людямъ, стремящимся къ разрушенію древнихъ построекъ, развалинами, стоящими на фундаментѣ древнѣйшихъ развалинъ и угрожающими паденіемъ.

Главную улицу Кулы я нашелъ въ 1870 г. выровненною и даже снабженною тротуарами, а невдалекѣ отъ мудирьека увидѣлъ новый ханъ, не завидной, конечно, архитектуры, но который и въ этомъ видѣ производилъ пріятное впечатлѣніе на путешественника. Не смотря на полнѣйшее отсутствіе въ немъ комфорта и даже такихъ необходимыхъ вещей, какъ кровати, не смотря на крайне высокія цѣны, которыя беретъ его содержатель, зинзаръ Михалаки, съ постояльцевъ, нельзя, однако же, не признать прогресса въ самомъ его появленіи, тѣмъ болѣе, что въ немъ устроено даже нѣчто въ родѣ казино, гдѣ собираются военные и купцы, дружески бесѣдуютъ между собою за чашкой кофе или стаканомъ вина. Въ 1861 г. Кулу, названную турецкимъ названіемъ Адліегъ, правительство осчастливило татарскимъ поселеніемъ. Въ ней были водворены 60 татарскихъ семействъ, для которыхъ въ 1862 г. зинзары выстроили ту мечеть, о минаретѣ которой, видимомъ

[1]) Procop. de Aedif. IV.
[2]) Mannert, Geogr. VII Bd.

весьма издалека; я упоминалъ какъ о важнѣйшемъ для оріентированія и пеленгованія пунктѣ между Ломомъ и Тимокомъ, близъ Бѣлградчика. Въ 1864 году въ ея округѣ были еще поселены 60 черкесскихъ семействъ, изъ которыхъ 120 устроились въ городѣ, близъ римскаго колодца и къ югу отъ стараго замка.

Прекрасная почтовая дорога, идущая изъ Кулы въ Виддинъ и оконченная только въ 1870 г., представляетъ мало интереса для пейзажиста. Она тянется постоянно чрезъ волнистую, нагорную, незамѣтно понижающуюся равнину, воздѣланную и засѣянную маисомъ въ послѣднее время новыми поселенцами. На самой же дорогѣ не встрѣчается совсѣмъ домовъ, и даже большія деревья лишь изрѣдка нарушаютъ однообразіе этой степи. Въ теченіе трехъ часовъ мы проѣхали только мимо одного хана, расположеннаго возлѣ одной карауды; но предъ Татарчикомъ мѣстность измѣняется: вмѣсто однообразной, скучной степи показывается живописная равнина, а затѣмъ представляется утомленному однообразіемъ взору блестящая, извивающаяся змѣей, серебристая полоса водъ Дуная. Подъѣхавъ къ самому Татарчику, мы могли уже различать лежащія по другую сторону этой полосы бѣлыя стѣны Калафата, ознаменованныя храброю защитой турокъ въ 1854 г. Мы приближались къ Виддину. Его минареты уже ясно рисовались предъ нами. Но за прелестными возвышенностями, покрытыми виноградниками, слѣдовали непосредственно обширныя болотистыя низменности, которыя весною затопляются разливающимися водами и потому остаются невоздѣланными, а лѣтомъ заражаютъ своими злокачественными испареніями, порождающими лихорадку, воздухъ города.

Вотъ подъѣхали мы наконецъ и къ глубокимъ, извѣстнымъ болотамъ, чрезъ которыя ведутъ къ передовымъ укрѣпленіямъ болгарской дунайской крѣпости плотины, пропускающія воды, проведенныя отъ Флорентины, Жирцы, Новосела, Татарчика и Витболя. Между этими искусными постройками особенно замѣчательна по своимъ великолѣпнымъ віадукамъ дорога, ведущая въ Кулу; въ ней насчитывается три віадука, и одинъ изъ нихъ расположенъ на 18 каменныхъ аркахъ. Но, благодаря турецкой безпечности, всѣ эти величественныя постройки скоро придутъ въ упадокъ. Уже бо̀льшая часть ихъ балюстрадъ свалилась въ болота, да и самое полотно мѣстами, вслѣдствіе обваловъ, съузилось на половину противъ своей первобытной ширины.

Виддинскія болота и острова на Дунаѣ изобилуютъ бекасами, дикими гусями и утками, лебедями, цаплями, пеликанами и т. п. Окрестности же города изобилуютъ зайцами, почки которыхъ отправляются тысячами въ Вѣну; но, кромѣ зайцевъ, тамъ водятся также олени, лисицы, волки и проч. Нашъ въѣздъ въ Виддинъ сопровождался страшнымъ крикомъ болотныхъ птицъ, спокойствіе которыхъ нарушали скрипъ и стукъ нашего экипажа, съ трудомъ двигавшагося по дурной каменной мостовой плотинъ. Въ этомъ городѣ ожидалъ меня теплый, радушный пріемъ въ домѣ австрійскаго вице-консула, моего спутника Вальхера фонъ-Мольтгейма, а позднѣе въ домѣ его преемника консула Ратеръ фонъ-Шульца. Въ моихъ научныхъ изслѣдованіяхъ въ Виддинѣ принимали горячее участіе помимо многихъ турецкихъ чиновниковъ, выказывавшихъ полную готовность содѣйствовать мнѣ, также русскій консулъ Киръ Динджанъ, драгоманъ австрійско-венгерскаго консульства Пинкасъ, экспедиторъ почтъ Рудольфъ Шнель и др. Считаю долгомъ принести здѣсь мою искреннюю благодарность всѣмъ этимъ лицамъ.

VIII.

Чрезъ Тополовицкую, Деленскую и Тимокскую области.

Чрезъ видинскій гласисъ.—Курганы (гере) на дорогѣ въ Капитаницу.—Распространеніе кургановъ.—Ихъ прежнее назначеніе.—Народонаселеніе притимокской страны.—Романское поселеніе.—Новѣйшія попытки обращенія къ Риму.—Этнографическія замѣтки.—Болгары, турки, черкесы, испанскіе жиды, цыгане, цинзары, греки и проч.—Многоязычіе смѣшанныхъ народонаселеній.—Флорентина.—Развалины и исторія Флорентины.—Четати.—Упадокъ турецкаго господства.—Контрасты.—Древняя могила.—Формація каменистаго района.—Вурфскій замокъ.—Дортикумъ.—Замокъ въ Раковицѣ.—Отдаленіе устья Тимока.—Брегова.—Протяженіе старой дороги.—Новыя находки римскихъ остатковъ близъ Прново.—Большой тимокскій островъ.—Прогрессъ романовъ.—Церковь и школа въ Бреговѣ.—Территорія до Делены.—Невѣрное представленіе ея до сего времени.—Неудачная экскурсія съ цѣлью археологическихъ изслѣдованій въ Вржка-Чуку.—Позиціонный пунктъ Гала-Мановы.—Территорія, напоминающая южнорусскія долины.—Привалъ у «Разбойничьяго колодца» и преданія о немъ.—Черкесское село Албатина.—Истребленіе лѣсовъ.—Княжескій домъ въ Жирцѣ.—Одинъ случай бездѣтности.—Христіанинъ и турокъ въ прежнія времена и нынѣ.—Защитительная церковь.—Деленская и Тополовицкая долины.—Собираніе винограда въ Вурфѣ.—Мнѣніе тимокскихъ болгаръ о турецкомъ правительствѣ.—Физіономія Тимокской долины.—Ея новыя укрѣпленія.—Недовѣріе Порты къ ея южнославянскимъ сосѣдямъ.—Подкрѣпленіе мусульманскаго элемента посредствомъ колонизацій извнѣ.—Мое прощаніе съ сѣверо-западною болгарскою террасой.

Дорога изъ Виддина къ устью Тимока идетъ почти сплошь въ сѣверномъ направленіи чрезъ волнистую слегка равнину, образующую гласисъ виддинской крѣпости. Тамъ, гдѣ кончается эта равнина, начинаются курганы. Эта холмистая территорія тянется отлогою дугой на разстояніи $1^{1}/_{2}$—2 часовъ отъ Витболя, чрезъ Татарчикъ, Ріановцъ, Гинову, Акваджи, до Дуная и окружаетъ въ видѣ амфитеатра большой вышеописанный гласисъ дунайской крѣпости.

Живописные виды въ этой странѣ представляютъ только глубокія долины и скалистыя ущелья, по которымъ протекаютъ рукава разныхъ рѣкъ; впрочемъ, мысль, являющаяся въ головѣ путешественника при вступленіи на ея почву, что онъ находится на почвѣ интересныхъ историческихъ событій, на одномъ изъ знаменитѣйшихъ восточныхъ театровъ кровавыхъ войнъ, придаетъ ей обаятельную прелесть.

Вскорѣ послѣ того, какъ виддинская оборонительная линія очутилась позади, мы увидали на западѣ два кургана, между которыми обыкновенно раскидывается палатка начальника виддинскаго гарнизона, ко-

торый располагаетъ здѣсь каждое лѣто свой лагерь. Третій курганъ лежитъ къ востоку отъ дороги, ведущей изъ Виддина въ Капитаницу; четвертый находится вправо отъ дороги, предъ Ногованицей. Съ послѣдняго, не смотря на его умѣренную возвышенность, открывается весьма обширный видъ на равнину, чему способствуетъ его правильная, конусообразная форма.

Эти могильные холмы отдаленныхъ временъ разсѣяны по всей Болгаріи. Во время моего послѣдняго путешествія (1871—74 гт.) я нанесъ на мою карту множество такихъ холмовъ, поднимающихся группами и отдѣльно по обѣимъ сторонамъ Балкана, а именно близъ Осмы, Янтры и на рѣкѣ Тунджѣ. Особенно бросаются въ глаза курганы, расположенные вдоль Дуная, по окраинѣ террасы, между Систовомъ и Никополемъ, на равномѣрномъ разстояніи одинъ отъ другаго. Эти доисторическіе памятники тянутся, какъ хорошо извѣстно, отъ дальняго сѣвера на югъ Россіи, гдѣ они являются уже массами. Въ находящихся тамъ курганахъ было открыто много орудій, вооруженія и даже разныхъ украшеній очень хорошей работы, доказывавшихъ несомнѣнно, что народы, похороненные тутъ, принадлежали къ числу достигнувшихъ извѣстной степени культуры или, по крайней мѣрѣ, что они находились въ сношеніяхъ съ такими народами. Интересныя находки, принадлежащія доисторическимъ временамъ, должны, наконецъ, разрушить рано или поздно вѣрованіе, особенно лелѣянное турками, что эти холмы въ Болгаріи были возведены янычарами для военныхъ цѣлей въ эпоху завоеванія турками страны. То обстоятельство, что нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ напримѣръ вышеприведеннымъ курганамъ близъ Виддина, дается военное назначеніе, никакъ не можетъ служить подтвержденіемъ этого мнѣнія. Антропологическое общество въ Вѣнѣ рѣшило обратить особенное вниманіе на турецкіе курганы и приступило къ этому съ нанесенія ихъ на карту Киперта [1]).

Многочисленные болгарскіе курганы могутъ оказать ему въ этомъ случаѣ важнѣйшія услуги. Дальнѣйшее сообщеніе о нихъ будетъ помѣщено во II томѣ.

На сѣверо-западной оконечности болгаро-дунайской террасы, на почвѣ, чрезъ которую прошло такое множество народовъ, слѣды которыхъ сотрутся скоро совсѣмъ всесокрушающимъ временемъ, мы встрѣ-

---

[1]) Mitth. d. Antropologischen Gesellschaft in Wien, 1 Band, Heft 2, 4, 6.

чаемъ нынѣ болгаръ и романцевъ, а на Тимокѣ преобладаютъ даже валахскія поселенія. Въ книгѣ профессора Брадоски подъ заглавіемъ: «Die Ausdehnung der Slaven in der Türkei und den angränzenden Gebieten», а также и на картѣ, изданной имъ, болгарскій элементъ показанъ въ этихъ мѣстахъ какъ преобладающій [1]); однако же это совсѣмъ невѣрно.

Различныя причины, корень которыхъ кроется во враждебномъ крестьянамъ управленіи валахскихъ бояръ, способствовали основанію и быстро возрастающему населенію романскихъ колоній на болгарскомъ берегу Дуная. Съ другой стороны, турецкое правительство относилось благопріятно къ заселенію этого округа,—сильно опустошеннаго постоянными войнами,—народомъ способнымъ, трудолюбивымъ, привыкнувшимъ къ тяжелымъ податямъ, совершенно чуждымъ славянскому элементу и неразделяющимъ его тенденцій.

Въ послѣдней главѣ я буду говорить подробнѣе о томъ, какъ турецкое правительство умѣетъ пользоваться этнографическимъ моментомъ для своихъ политическихъ цѣлей и какъ оно ловко разъединяло народную болгарскую массу,—которая начинаетъ сознавать все яснѣе и яснѣе прошлое своей національности,—введеніемъ въ нее албанскихъ, татарскихъ и черкесскихъ народностей. Переселеніе этой массы съ романскимъ именемъ должно было ему представляться тѣмъ болѣе выгоднымъ, что романская національность, какъ я доказалъ это первый, наперекоръ всѣмъ новымъ противуположнымъ утвержденіямъ, при своей замкнутости и живучести не ассимилируется ни съ какою другой, и что, напротивъ, она доказала въ послѣднее время свою способность поглощать другіе и въ особенности славянскіе элементы. Въ послѣдніе годы католическіе миссіонеры усердно старались о томъ, чтобы романовъ, національность которыхъ уже образуетъ инородный клинъ между сербами и болгарами, отдѣлить и въ религіозномъ отношеніи, посредствомъ присоединенія ихъ къ римской церкви. Сперва эти старанія, подкрѣпляемыя обѣщаніями, увѣнчивались большими успѣхами; но безтактное поведеніе миссіонеровъ и противодѣйствіе со стороны Россіи остановили уніатское движеніе, и большая часть романскихъ селеній, перешедшихъ въ католицизмъ, возвратилась опять въ лоно православной церкви.

По моимъ изслѣдованіямъ этнографическаго отношенія сербско-болгарской пограничной области, сербско-болгарскій Тимокъ образуетъ нынѣ не

[1]) Geographische Mittheilungen v. Petermann, Jahrg. 1869, Taf. 22.

только политическую границу между сербами и болгарами, но также и демаркаціонную линію, за немногими исключеніями, языковъ. Я утверждаю, что Тимокъ есть пограничная линія, отдѣляющая сербское нарѣчіе отъ болгарскаго, такъ какъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что еще во времена не слишкомъ отдаленныя отъ насъ нынѣшніе сербскіе округи Неготинскій, Зайчарскій, Княжевацкій и Алексинацкій были населены болгарами. Какъ сербскія, такъ и болгарскія мѣстечки по ту и другую сторону Тимока, сохранившія вполнѣ свою національность, ясно обозначены, согласно самымъ точнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ мною изъ наилучшихъ источниковъ, на моей картѣ; однако же эти этнографическія представленія значительно расходятся съ представленіями карты Лежана. Замѣчательно, что на болгарской дунайско-террасѣ встрѣчается только единственное сербское село Братжевацъ, которое, находясь между болгарскими и романскими селеніями, сохранило въ полной неприкосновенности свою національность, между тѣмъ какъ на югѣ Сербіи встрѣчается еще очень много чисто-болгарскихъ мѣстечекъ.

На всей территоріи, о которой говорится въ этомъ томѣ, турецкій элементъ, помимо, конечно, гарнизоновъ карауль, разсѣянныхъ по всей странѣ, составляетъ часть народонаселенія лишь въ городахъ: Нишѣ, Бѣло-Паланкѣ, Пиротѣ, Арчерѣ, Виддинѣ, Бѣлградчикѣ, Кулѣ и Флорентинѣ. Татарскія поселенія я нашелъ въ Виддинѣ, Флорентинѣ, Раковицѣ (на Тимокѣ), Бреговѣ, Ракитницѣ, Кулѣ, Кужевцѣ, Рабишѣ, Раковицѣ (на Витболѣ), Добридолѣ, Сильвѣ, Уржоѣ, Криводолѣ, Клинчаво Магалѣ, Татарѣ М., Василовцѣ, Топольницѣ и Червенибрегѣ. Чисто-черкесскія вновь основанныя мѣстечки суть: Албатини, Гамидіегъ, Сабри-Пашакой и Османіехъ. Черкесскія же поселенія находятся также въ Галовѣ, Кулѣ, Раковицѣ (на Витболѣ), Добридолѣ, Гжургжицѣ, Бѣлашинцѣ, Топольницѣ, Червенибрегѣ, Мраморѣ и Нишѣ. Испанско-еврейскія общины есть въ Нишѣ, Пиротѣ, Ломѣ и Виддинѣ. Единичными семьями эти евреи живутъ во всѣхъ турецкихъ городахъ, но въ деревняхъ ихъ совсѣмъ почти не встрѣчается. Больщія цыганскія колоніи водворились въ Виддинѣ и Нишѣ, но въ Болгаріи почти въ каждомъ мѣстечкѣ встрѣчаются цыганскіе шалаши; въ нѣкоторыхъ же селеніяхъ Роговскаго округа цыгане выстроили себѣ дома и ведутъ осѣдлую жизнь. Такихъ осѣдлыхъ цыганскихъ семействъ насчитывается отъ 30 до 70 въ каждой изъ этихъ деревень. Зинзары, греки и армяне составляютъ лишь самую незначительную часть городскаго болгарскаго народонаселенія. Въ рѣдкомъ торговомъ го-

родѣ они не встрѣчаются, но въ западной Болгаріи численность ихъ никогда не достигаетъ цифры, о которой стоило бы упоминать. Многоязычіе смѣшаннаго народонаселенія Европейской Турціи дѣлаетъ путешествіе въ ней невозможнымъ безъ толмача, даже при хорошемъ знаніи главнаго языка. Во всѣхъ моихъ путешествіяхъ по Болгаріи меня сопровождалъ всегда одинъ драгоманъ, знавшій превосходно, помимо многихъ славянскихъ языковъ, еще турецкій и валахскій и оказывавшій мнѣ большія услуги.

Чрезъ два часа достигли мы пункта, отъ котораго виддинская дорога спускается по покатой мѣстности къ Флорентинѣ. Въ времена господства римлянъ Флорентина могла имѣть извѣстное значеніе по своему положенію, такъ какъ она находилась близъ границы и на большой военной дорогѣ, шедшей изъ Ратіаріи къ устью Тимока. Самое ея названіе и еще болѣе несомнѣнные слѣды, сохранившіеся въ ней, военнаго поселенія заставляютъ предполагать, что здѣсь находилась римская Флорентина [1]), о которой упоминаетъ Прокопій и о которой говорится еще въ «Not. Imp.

Надъ маленькими отраслями холмовъ, которые выдвигаетъ здѣсь болгарская сѣверная терраса къ Дунаю, вмѣсто римской крѣпости поднялся позднѣе средневѣковый замокъ. Въ австрійско-турецкой войнѣ 1737 г. Флорентина играла пассивную роль. Маршалъ Кавенгюллеръ на своемъ возвратномъ походѣ изъ Виддина не оставилъ въ ней гарнизона, что чрезвычайно облегчило туркамъ переправу чрезъ Тимокъ. Подземныя постройки замка сохранились еще на столько, что ихъ можно узнать, но матеріалъ верхней постройки совсѣмъ исчезъ. Нѣкоторые изъ старыхъ обывателей мѣстечка помнятъ, что, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, эти верхнія части были разломаны и матеріалъ былъ увезенъ въ Виддинъ для постройки укрѣпленій Кум-бера и Гази-бера. Въ настоящее время одинъ пикетъ турецкаго военнаго кордона противъ Валахіи разбилъ свои бѣлыя палатки возлѣ маленькаго блокгауза на одномъ пунктѣ, съ котораго открывается превосходный видъ. Изъ карауль, выдающейся уступомъ, я увидѣлъ на другой сторонѣ рѣки мѣсто, на которомъ лежитъ знаменитая Четати, игравшая въ началѣ русско-турецкой войны столь важную роль.

Флорентинскіе турки, занимающіеся немного торговлей, немного рыболовствомъ, а болѣе всего лежаніемъ на боку или шатаніемъ взадъ

[1]) Forbiger's Handbuch. III Band, 1093

и впередъ, жалуются на упадокъ своего благосостоянія. И дѣйствительно, старыя мечети, требующія немедленной реставраціи, а иначе угрожающія паденіемъ, купальня, лежащая въ развалинахъ, плохой ханъ и еще болѣе плохая кофейня представляютъ очевидныя доказательства полнѣйшаго упадка благосостоянія этого турецкаго, самаго сѣвернаго на Дунаѣ, поселенія, которое, очевидно, было нѣкогда гораздо обширнѣе Виддина.

Упадокъ благосостоянія и фаталистическое отношеніе къ насиліямъ стихійныхъ силъ бросались намъ въ глаза на каждомъ шагу въ мусульманскомъ кварталѣ Татарская колонія, напоминающая африканскія поселенія кафровъ, имѣетъ точно такой же жалкій видъ. Начинаешь дышать свободнѣе только подходя къ болгарскому кварталу, который тянется вверхъ отъ крутой окраины террасы. Здѣсь также встрѣчаются дома, похожіе на жилища троглодитовъ; но за то встрѣчается также много и хорошихъ дворовъ, обличающихъ зажиточность ихъ владѣльце, а когда входишь въ домъ кмета и взорамъ представляется богатая, чистая домашняя утварь, находящаяся въ немъ, какъ-то: цинковая, глиняная и стеклянная посуда, разставленная въ большомъ порядкѣ на стѣнныхъ полкахъ, столы, лавки съ рѣзьбой и т. д., то можно было бы вообразить,—если бы только не торчала предъ глазами странная спартанская кровать,—что находишься въ домѣ зажиточнаго швейцарскаго или тирольскаго крестьянина.

Мегемедъ-эффенди, наслѣдникъ стараго спага, живущаго на развалинахъ римскаго зáмка въ Кулѣ и собственникъ обширной территоріи въ Флорентинѣ, посѣтилъ городъ случайно во время моего пребыванія тамъ въ 1864 г. Этотъ недовѣрчивый потомокъ янычара, убѣдившись изъ бужурджу, прокладывавшаго мнѣ путь, что я не имѣю никакихъ враждебныхъ замысловъ ни противъ турецкаго господства, ни противъ развалившагося зáмка въ кулѣ его предковъ, сообщилъ мнѣ объ одной замѣчательной могилѣ, открытой въ окрестностяхъ Флорентины въ 1864 году. Я просилъ его проводить меня къ ней, и мы отправились по узкой тропинкѣ, отдѣляющейся отъ дороги въ Раковицу, по направленію къ сѣверо-западу. Послѣ нѣкоторыхъ поисковъ мы нашли, наконецъ, означенную могилу между маисовыми полями. Вѣроятно мы застали ее въ томъ же состояніи, въ которомъ она была оставлена послѣ ея открытія. Она имѣетъ форму четыреугольника, выложеннаго дикимъ камнемъ. Каждая изъ этихъ стѣнъ равняется 2,84 м. въ поперечникѣ, а въ глу-

бину 1,90 м. Мегемедъ-эффенди разсказывалъ, что въ ней были найдены три хорошо сохранившіеся, лежавшіе рядомъ скелета, возлѣ одного изъ которыхъ лежалъ перстень, украшенный вырѣзанными каменьями, и стояла маленькая глиняная лампа. Эти предметы, по словамъ эффенди, были отправлены имъ нишскому губернатору. Увѣренія его, что эти могилы относились ко временамъ латинянъ, не имѣли большаго значенія въ моихъ глазахъ, потому что, какъ я уже говорилъ прежде, въ Турціи обыкновенно обозначаютъ римскими остатками всякіе памятники не только древнихъ временъ, но даже и позднѣйшихъ, если происхожденіе ихъ неизвѣстно. Впрочемъ, строеніе стѣнъ и форма лампы, которую подробно описалъ мой проводникъ, заставляютъ думать, что въ этомъ случаѣ онъ не ошибался въ своихъ предположеніяхъ.

Стѣны могилы были сложены изъ раковинообразнаго известковаго камня, который встрѣчается на болгарско-дунайскомъ берегу вездѣ, гдѣ верхній известковый слой, сплывши въ крутые овраги, наполненные водою, наслоился горизонтальными пластами. Изъ Флорентины дорога, за исключеніемъ немногихъ кривыхъ линій, идетъ, почти не уклоняясь отъ сѣвернаго направленія, чрезъ болгарскую деревню Новосело, въ Вурфъ, недалеко отъ котораго, возлѣ самаго берега Дуная, я нашелъ развалины одного укрѣпленія. Несомнѣнно, это была одна изъ многочисленныхъ крѣпостей, которыя, по описанію Прокопія, находились между Дортикумомъ и Бононіей. Бо́льшая часть камней, которыми были обложены ея стѣны, пошла на постройку домовъ въ Вурфѣ, къ которому принадлежатъ также и маисовыя поля, находящіяся внутри валовъ.

Остатки другой римской крѣпости, о которой упоминалъ гр. Марсильи [1]), я нашелъ въ Раковицѣ на господствующемъ надъ Дунаемъ и Тимокомъ мысѣ, на которомъ, по предположенію д'Анвиля [2]), лежалъ реставрированный Юстиніаномъ Дортикумъ [3]). Раковицкая крѣпость была, повидимому, весьма сильнымъ укрѣпленіемъ, такъ какъ длина ея достигаетъ 160 м. при 35 м. ширины. Круглыя угольныя башни, встрѣчающіяся въ большей части римскихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, совсѣмъ разрушились и почти неузнаваемы.

Легко можетъ быть, что Тимокъ впадалъ нѣкогда ближе къ этому

---

[1]) Don II.

[2]) Mém. de l'Acad. des Inscrip. T. XXVIII.

[3]) Мое мнѣніе насчетъ ея положенія я высказалъ въ моемъ сочиненіи «Serbien», ст. 321.

укрѣпленію въ Дунай. Его русло принимаетъ въ настоящее время болѣе сѣверное направленіе и образуетъ уже дельту значительной ширины. Раковица, гдѣ построена также одна турецкая караула рядомъ съ поселеніемъ райевъ, для наблюденія надъ находящимся по близости мостомъ чрезъ Тимокъ, заключаетъ въ себѣ до 35 валахскихъ и до 30 татарскихъ дворовъ. Въ ней находится хорошенькая маленькая церковь, выстроенная нѣсколько лѣтъ тому назадъ, тогда какъ прежде христіанамъ дозволялось отправлять свое богослуженіе лишь въ хижинѣ. Школы же до сихъ поръ нѣтъ, и точно также, какъ въ Смоклжѣ и другихъ мѣстечкахъ, никто изъ обывателей, за исключеніемъ священника, не умѣетъ ни читать, ни писать.

Льготой, предоставленной гатти-гумаюномъ 1856 года христіанамъ Турціи—строить безпрепятственно церкви,—воспользовалось также народонаселеніе Бреговы, которая находится отъ Раковицы на разстояніи ³/₄ ч. и въ которую ведетъ чрезъ романское село Бале, расположенное на Тимокѣ, довольно хорошая дорога. Основываясь на описаніи Буэ [1]), я надѣялся найти въ Бреговѣ остатки древняго города, которыхъ, однако же, я не нашелъ, не смотря на самые тщательные распросы и розыски. Впрочемъ, выгодное стратегическое положеніе Бреговы заставляетъ предполагать, что нѣкогда должно было находиться на близкомъ разстояніи отъ нея римское поселеніе, слѣды котораго, можетъ быть, и будутъ открыты со временемъ [2]). Во всякомъ случаѣ около Бреговы должна была проходить значительная военная дорога еще во времена римскаго владычества, на что указываютъ одна старая дорога и многія древнія на сербскомъ берегу Тимока постройки мостовъ, лежащихъ по направленію Бре-

---

[1]) La Turquie d'Europe. II, 357.

[2]) Легко можетъ быть, что бреговскіе валахи не хотѣли сказать мнѣ о существованіи римскихъ развалинъ и указать ихъ мѣстонахожденіе. Подобный случай былъ со мною въ валахскомъ селѣ Праово въ Сербіи въ 1870 г., и только когда я указалъ старшинамъ общины мѣсто, гдѣ въ 1860 г. я нашелъ надпись, относившуюся къ царствованію императора Нервы, показали они мнѣ мѣстонахожденіе двухъ другихъ плитъ съ надписями, которыя я сообщилъ проф. Момзену. Половина плиты, надпись которой я скопировалъ въ 1860 г., была увезена послѣ того въ Неготинъ. Лишь послѣ усердныхъ розысковъ нашелъ я другую половину ея въ одной кофейнѣ мѣстечка и, съ большимъ трудомъ отнявъ ее у ея владѣльца, убѣдилъ мѣстнаго кмета отправить ее въ окружное присутствіе въ Неготинъ, куда я обязался доставлять всѣ римскіе остатки, которые будутъ найдены мною, и гдѣ было отведено помѣщеніе для храненія ихъ въ новомъ зданіи гимназіи. Исполняется ли это до сихъ поръ—это вопросъ нерѣшенный.

говы, а также великолѣпный каменный мостъ, о которомъ я упоминалъ въ моемъ сочиненіи «Serbien» (стр. 392) и который носитъ знаменательное названіе «Романъ-моста». Онъ образуетъ близъ Бреговы наибольшій изъ извѣстныхъ мнѣ островов на Тимокѣ. Приблизительно четвертая часть онаго, находящаяся напротивъ сербскаго села Блиновица, принадлежитъ Сербіи. Она обнесена хорошею плетневою изгородью и охраняется изолированною пограничною караулой, маленькій гарнизонъ которой сообщается съ твердою землей посредствомъ челноковъ.

Валахское переселеніе началось около 25 лѣтъ тому назадъ и даетъ поводъ къ нѣкоторымъ этнографическимъ весьма поучительнымъ сравненіямъ. Между тѣмъ какъ на валахскомъ берегу, вслѣдствіе деморализующаго вліянія боярскаго хозяйства, румынъ, какъ человѣкъ, стоитъ на одной ступени съ южно-африканскимъ негромъ и справедливо изображается какъ олицетвореніе лѣни; здѣсь же, на болгарскомъ берегу, гдѣ также христіанамъ вообще не легко живется подъ тяжелымъ гнетомъ турецкаго владычества, онъ оказывается дѣятельнымъ и интеллигентнымъ. Эти качества проявляются отчетливо въ наружномъ видѣ территоріи Бреговы, въ которой рядомъ съ маисовыми, пшеничными, льняными, виноградными и дынными плантаціями, распространенными на всей болгарской дунайской террасѣ, появились табачныя и шелковичныя. Все мѣстечко носитъ отпечатокъ извѣстнаго благоденствія,—отпечатокъ, который не могли стереть даже всѣ тяжкія бремена, взваленныя на райевъ колонизаціей татаръ и черкесовъ.

Посреди села возвышается построенная въ 1857 году церковь, которая скорѣе отличается обширностью, чѣмъ правильностью стиля. Она имѣетъ три придѣла, но въ боковыхъ нѣтъ алтарей, а средній представляетъ длинный параллелограмъ, надъ которымъ возвышается низкій куполъ. Вся эта постройка стоила 200,000 піастровъ, что составляетъ весьма значительную сумму для этой страны. Наибольшія старанія и заботы были обращены на внутреннее украшеніе церкви. Иконостасъ, архіепископскій стулъ и каѳедра украшены богатою золоченою рѣзьбой, но слишкомъ пестро раскрашены. Въ этой постройкѣ, произведенной цинзарами, проявляется, какъ и во всѣхъ прочихъ произведеніяхъ этихъ богатоодаренныхъ природой македо-валахскихъ отраслей романскаго племени, ихъ замѣчательныя способности къ строительному искусству и художественное пониманіе формы. Отдѣльныя декоративныя части рѣзьбы на деревѣ, равно какъ драконы и птицы своеобразнаго стиля, находя-

щіеся по обѣимъ сторонамъ креста на царскихъ дверяхъ, обличаютъ обильную изобрѣтательность фантазіи. Но традиціонное на Иллирійскомъ полуостровѣ вліяніе древне-византійскихъ памятниковъ сказывается и здѣсь на каждой вещи, начиная отъ архіерейскаго стула, покоющагося на спящихъ львахъ, и кончая каѳедральнымъ налоемъ, охраняемымъ орломъ.

Объ образованіи своего юношества бреговская румынская община также заботливо печется и жертвуетъ на это благое дѣло, сравнительно съ болгарскими и турецкими общинами, порядочныя суммы. Въ домѣ одного учителя, приглашеннаго изъ Сербіи, я нашелъ подростковъ этого села прилежно занимающимися чтеніемъ, письмомъ и ариѳметикой. Вліяніе молодаго, стремящагося къ прогрессу сербскаго государства отзывается и здѣсь, на его границахъ, благодѣтельными послѣдствіями.

Къ 400 романскимъ домамъ въ Бреговѣ прибавилось съ 1861 г. 110 татарскихъ дворовъ. Эти переселенцы, не получивъ отъ турецкихъ колонизаторовъ рабочаго скота, который имъ былъ обѣщанъ, находились въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи первые годы послѣ своего переселенія. Тѣмъ прилежнѣе принялись они обрабатывать благодарную болгарскую почву, щедро вознаграждающую труды земледѣльца, и въ настоящее время обзавелись уже всѣмъ необходимымъ и достигли нѣкотораго благосостоянія.

Дорога изъ Бреговы въ Кулу, весьма дурно содержанная,—какъ и всѣ проселочныя дороги въ Турціи,—идетъ въ юго-западномъ направленіи и только въ глубокихъ зубцахъ высокой тимокской равнины тянется иногда въ южз.

Не доѣзжая до послѣдняго, охраняемаго блокгаузомъ села, путешественникъ видитъ на одной маленькой возвышенности между Слокучею и Деленой по направленію къ ю.з. сербскую, рѣзко очерченную Ртани-пирамиду и затѣмъ, проѣхавъ еще нѣсколько минутъ,—профили пограничной горы Вржка-Чуки.

Подъѣзжая къ Деленѣ, находишься на одномъ изъ самыхъ высшихъ пунктовъ бугристой террасы, сѣверо-западный край которой спускается часто такими крутыми обрывами къ Тимоку, что проложеніе дороги съ этой стороны ея склона почти невозможно; восточные же ея склоны тянутся отлогою, постепенно понижающеюся покатостью къ Дунаю.

Представленіе территоріи этой части болгарско-тимокскаго мыса на нашихъ картахъ было чрезвычайно невѣрно до сихъ поръ. Сербско-

болгарскія пограничныя горы представлялись на нихъ тянувшимися непрерывною линіей далеко за Вржка-Чуку, до точки, противуположной сербскому мѣстечку Чаканжару на Тимокѣ; далѣе задній склонъ этой цѣпи, окрещенной названіемъ «Вратарницы», принимаетъ на востокѣ и западѣ видъ узкихъ, крутыхъ обрывовъ; отъ ихъ же восточныхъ окраинъ тянется высокая равнина. На картѣ Европейской Турціи полк. фонъ-Шеда нѣкоторыя изъ этихъ ошибокъ еще преувеличены сильною штриховкой. На ней терраса съ восточной стороны Вржка-Чуки покрыта многими горами вышиною въ тысячу ф., между тѣмъ какъ въ дѣйствительности даже самые возвышенные пункты сербско-болгарской пограничной горы достигаютъ лишь приблизительно этой высоты, а къ востоку и сѣверу отъ Вржка-Чука вся территорія, до самаго Тимока, понижается до уровня бугристой террасы.

Прелестный болгарско-тимокскій мысъ, который я изъѣздилъ по разнымъ направленіямъ, вслѣдствіе всѣхъ этихъ благопріятныхъ почвенныхъ условій пригоденъ для всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства. Вездѣ видишь рядомъ съ небольшими лиственными лѣсами прелестные луга и поля, а рядомъ съ роскошными виноградниками и огородами—табачныя и шелковичныя плантанціи. Безчисленныя стада овецъ, рогатаго скота и табуны лошадей пасутся на обширныхъ луговыхъ выгонахъ высокой равнины, и въ наружномъ видѣ отдѣльныхъ крестьянскихъ домовъ, также какъ и самаго народонаселенія, проглядываетъ довольство. Возвратившись изъ одной неудавшейся археологической экскурсіи къ подошвѣ Вржка-Чуки, гдѣ, по увѣреніямъ гарнизона караулы того же наименованія, я долженъ былъ найти римскіе памятники и гдѣ, однако же, ничего подобнаго не нашелъ, я отправился въ сентябрѣ 1868 г. верхомъ отъ того же блокгауза въ ключевую область рѣкъ Тополовицы и Делены. Еще въ 1864 г. я прослѣдилъ среднее теченіе этихъ рѣчекъ при Деленѣ и Бойницѣ, но приближеніе зимы помѣшало мнѣ тогда продолжать мои изслѣдованія.

Когда я отправился, 25 сентября, отъ караулы Вржка-Чука вдоль сербской пограничной линіи къ сѣверу, чудное спокойствіе царило надъ развертывавшимся предо мною по другую сторону Тимока сербскимъ ландшафтомъ Чрни-рѣки. Прелестно расположенный окружной городъ Зайчаръ лежалъ на открытой, ровной мѣстности, и ничто не заграждало его отъ нашихъ глазъ. Даже мои провожатые, не очень чувствительные вообще къ ландшафтнымъ красотамъ, были, повидимому, поражены вол-

шебною картиной, лежавшею предъ нами. Когда же мы вскорѣ затѣмъ повернули отъ караулы Гола-Мановы къ в., то къ югу открылась новая панорама, приковавшая мое вниманіе не только уже своими красотами, но и интереснымъ зрѣлищемъ замысловатой конфигураціи сербско-болгарской пограничной горы и обширнымъ видомъ, открывавшимися на Балканъ Св.-Николая. Близъ караулы Гола-Мановы, которая для начертанія треугольника сѣверной болгарской террасы представляетъ наилучшій пунктъ, достигли мы ключевыхъ артерій лѣваго рукава рѣки Тополовички, протекающей по глубокимъ лощинамъ. Самую сѣверную изъ нихъ я прослѣдилъ до Гола-Мановы и встрѣтилъ тамъ множество тянувшихся въ косвенномъ направленіи къ главной артеріи разсѣлинъ, которыя напомнили мнѣ образованія южнорусскихъ долинъ, такъ хорошо описанныхъ Коолемъ. Ручеекъ этотъ, принявшій въ себя близъ богатаго села Бойницы притокъ, идущій отъ Буриловца, течетъ дальше между глубокими фестонами къ Гайдучка-Чесмѣ («Разбойничій колодезь»), близъ которой соединяются оба рукава Тополовицы.

При Гайдучка-Чесмѣ картина измѣняется и принимаетъ дико-романтическій характеръ, который образуется глубокими разсѣлинами, произведенными въ террасѣ громадными известковыми массами, оторвавшимися отъ нея. Колодезь, близъ котораго мы сдѣлали привалъ въ глухую полночь, при лунномъ освѣщеніи, получилъ, какъ говорятъ, свое названіе вслѣдствіе того, что служилъ убѣжищемъ во время войны за независимость предводителю сербскихъ гверильясовъ «гайдуку Велико», распространившему ужасъ по всей странѣ. И дѣйствительно, мѣстность, въ которой расположена Гайдучка-Чесма, какъ будто нарочно создана для внезапныхъ нападеній, которыя случаются и въ настоящее время довольно часто. На сѣверной стѣнѣ зубца долины виднѣются дома черкесскаго селенія Альбатина, пользующагося дурною репутаціей, а недалеко отъ онаго возвышается укрѣпленная караула для охраненія путешественниковъ, проѣзжающихъ черезъ расширяющуюся постоянно долину.

Чѣмъ болѣе мы приближались къ большому селу Жирка, тѣмъ ниже становились возвышенности, между которыми протекаетъ Тополовица, сильно изорвавшая ихъ своимъ бурнымъ теченіемъ. Лиственные лѣса, черезъ которые проходитъ дорога, большею частью все молодые; лишь кое-гдѣ торчатъ между ними могущественные дубы, которые ясно свидѣтельствуютъ о безсмысленномъ уничтоженіи невѣжественнымъ народонаселеніемъ лѣса, для охраненія котораго не существуетъ ни законовъ, ни какихъ бы то ни было органовъ, касающихся лѣсоводства.

На различныхъ пунктахъ описанной нами дороги мы оставались иногда довольно долго. Помимо картографическихъ работъ, которыя берутъ много времени, меня задержалъ еще довольно долго осмотръ домашнихъ ремесленныхъ произведеній въ Бойницѣ, а именно прелестныя горшечныя работы, на которыхъ очевидно отражалось вліяніе древняго искусства. Я долго не могъ отъ нихъ оторваться, а между тѣмъ прелестный ландшафтъ при Гайдучка-Чесмѣ манилъ меня набросать его на бумагу.

И такимъ образомъ лишь поздно ночью, при лунномъ сіяніи, прибыли мы въ Жирку, гдѣ насъ ожидалъ радушный пріемъ въ домѣ одного князя, очень интеллигентнаго человѣка, принадлежащаго къ числу самыхъ богатыхъ обывателей мѣстечка. Онъ былъ собственникомъ прекрасныхъ полей и виноградниковъ, имѣлъ до 400 овецъ, множество рогатаго скота и лошадей. Внутренняя же обстановка его дома не обличала особенной зажиточности. Онъ жилъ съ своею семьею, состоявшею изъ множества дѣтей, въ числѣ которыхъ было два женатыхъ сына, въ отвратительныхъ маленькихъ комнатахъ. Жена стараго князя, не довольствовавшаяся многочисленнымъ потомствомъ одного изъ своихъ сыновей, жаловалась на безплодіе жены другаго сына, которая, будучи нѣсколько лѣтъ замужемъ, не имѣла дѣтей. По какому праву дѣлался этотъ упрекъ, мнѣ было неясно; но знаю только одно, что онъ относился къ молодой, хорошенькой женщинѣ, хорошо сложенной и здоровой на видъ. Бѣдняжка плакала, такъ какъ, по болгарскимъ воззрѣніямъ, это—величайшее несчастіе, какое можетъ постигнуть женщину. Тѣсный домишко князя не понравился мнѣ, и я предпочелъ провести ночь на чердакѣ одного амбара.

Контрастъ между богатымъ хозяйственнымъ обзаведеніемъ владѣльца двора и плохимъ устройствомъ его домашней жизни, лишенной самаго необходимаго комфорта, объясняется легко. Еще немного лѣтъ тому назадъ христіане Турціи, какъ живущіе въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, въ особенности же болгары, какъ самые трудолюбивые изъ нихъ, старались скрывать плоды своихъ трудовъ отъ завистливыхъ глазъ господствующей расы. Прошло еще слишкомъ мало времени съ тѣхъ поръ, какъ положеніе христіанъ нѣсколько улучшилось, благодаря постоянному давленію западныхъ державъ на высокую Порту, чтобы послѣдствія гнета, лежавшаго на нихъ столько времени, исчезли совершенно.

Жирковская церковь, построенная въ 1854 г. и видная изъ ближайшихъ окрестностей Виддина, составляетъ характеристическую иллюстра-

цію положенія райевъ, тогда еще весьма грустнаго. Она напоминаетъ своею архитектурой древнія церкви трансильванскихъ саксонцевъ, которыя устраивались для защиты. Стѣны ея массивны и подпираются подпорками, окна очень узки и походятъ скорѣе на бойницы, чѣмъ на окна. Строители, составлявшіе ея планъ, имѣли какъ будто въ виду, что, можетъ быть, старый мусульманскій фанатизмъ еще вспыхнетъ когда нибудь. 10 лѣтъ спустя послѣ объявленія гатти-гумаюна, къ церкви была пристроена со стороны входа высокая деревянная колокольня, на которой раздался, при нашемъ выѣздѣ на слѣдующее утро изъ мѣстечка, оглушительный звонъ, гудѣвшій еще въ нашихъ ушахъ, когда мы углубились въ долину рѣки Делены.

Проѣхавши нѣкоторое время въ сѣверо-восточномъ направленіи вверхъ по отлогой возвышенности, мы спустились съ нея въ маленькую боковую долину Делены, идущую отъ ю. в. къ с. з., и черезъ часъ достигли этой самой рѣки. На хорошо воздѣланной возвышенности ея лѣваго берега мы увидѣли прелестныя мѣстечки Чорокалину и Теановецъ. Возвышенности къ западу, между которыми протекаетъ Делена, покрыты молодымъ лѣсомъ вплоть до самаго села, носящаго то же самое названіе. Близъ Гиновы рѣчка вытекаетъ изъ равнины и соединяется на отдаленномъ гласисѣ Виддина съ Тополовицей, выходящей изъ ущелья, лежащаго между Ріановцемъ и Смрданомъ. Тополовица течетъ извилинами вокругъ шанцеваго пояса Виддина и впадаетъ возлѣ самыхъ сѣверныхъ, наружныхъ укрѣпленій въ Дунай. Вся Тополовицкая область была представлена на картѣ Киперта вѣрнѣе, чѣмъ на всѣхъ прочихъ, вышедшихъ до 1872 года. При недостаткахъ деталей на картѣ Киперта (1853), нѣтъ тѣхъ многочисленныхъ ошибокъ въ положеніи рѣкъ и мѣстечекъ, какъ на картѣ Шеда, вышедшей гораздо позднѣе.

Къ западу отъ Теановца достигли мы самаго высшаго пункта холмистой террасы, которая тянется полукругомъ отъ Коилова къ Флорентинѣ. Съ него открылся передъ нами очень обширный видъ, представляющій большія удобства для начертанія высокой, отлого спускающейся къ Тимоку равнины, которая близъ Ракитницы и Гамзовы, мѣстами хорошо обработана. Здѣсь большею частію встрѣчаются маисовыя, дынныя и тыквенныя плантаціи; остальная же почва служитъ пастбищами, на которыхъ гуляетъ множество рогатаго скота и встрѣчаются первобытные подъемные колодцы, вокругъ которыхъ группируются животныя и поселенія, напоминающія венгерскія *пушты*. Эти оживленныя

пастбища прерываютъ весьма удачно то однообразіе, которое утомляетъ глазъ путешественника даже въ самыхъ плодородныхъ равнинахъ.

Отъ Теановца мы ѣхали почти между непрерывными виноградниками, принадлежащими отдаленнымъ вурфскимъ селамъ, расположеннымъ на Дунаѣ. Безпрестанно встрѣчались намъ караваны телѣгъ, ѣхавшихъ изъ этихъ селеній и обратно. Всѣ онѣ были украшены виноградными лозами и наполнены веселыми группами молодыхъ людей. Присутствіе турецкихъ арендаторовъ, наводящихъ обыкновенно страхъ на туземное народонаселеніе, было почти незамѣтно. Оно не въ силахъ было уничтожить веселаго настроенія райевъ, возбужденнаго богатымъ сборомъ винограда. Въ особенности мнѣ казалось, что здѣсь, гдѣ мелькали предъ глазами блокгаузы, красныя черепичныя крыши сербскихъ селъ и карауль, расположенныхъ на другой сторонѣ Тимока, народонаселеніе имѣетъ болѣе самоувѣренный видъ.

Черезъ сообщеніе съ своими свободными племенными братьями знало оно о возстаніяхъ, которыя подготовлялись молодыми бухарестскими болгарами на Дунаѣ и въ Балканѣ противъ господствующей расы. Насчетъ этого они имѣли свой собственный взглядъ, который и выражали иногда очень опредѣленно. Вездѣ слышались рѣчи, полныя надеждъ, что не далеко то время, когда спадутъ оковы, придавливающія всѣ духовныя стремленія. «Разъ мы освободимся отъ разоряющаго насъ греческаго духовенства и дурныхъ чиновниковъ султана, о постыдныхъ дѣяніяхъ которыхъ нашъ добрый падишахъ не имѣетъ понятія, тогда мы позаботимся о нашей культурѣ, подобно сербамъ, живущимъ тамъ, напротивъ. Мы знаемъ, что мы люди грубые и невѣжественные; но откуда же мы возьмемъ хорошихъ учителей для нашихъ школъ? А теперь ни паша, ни владыка не заботятся о томъ, есть они у насъ или нѣтъ. Ни малѣйшей части изъ нашихъ податей не употребляется на подобныя учрежденія, между тѣмъ какъ въ Сербіи, гдѣ народъ платитъ такія маленькія подати князю, правительство строитъ школы и платитъ учителямъ». Подобныя рѣчи слышатся безпрестанно на Тимокѣ отъ болгарскаго народонаселенія, и, къ несчастью, онѣ слишкомъ справедливы.

На сколько скученъ и однообразенъ ландшафтъ, представляющійся на дорогѣ отъ Тимока до Дуная, на столько же онъ хорошъ въ извилистой долинѣ, чрезъ которую протекаетъ рѣка отъ первой болгарской караулы Тупана «близъ Вржка-Чуки» до Бреговы. Богатыя маисовыя и

пшеничныя плантаціи, фруктовые сады и виноградники покрываютъ вездѣ берегъ рѣки до горъ, на которыхъ виднѣются многочисленныя богатыя села, заключающія въ себѣ нерѣдко дома, стоющія не менѣе 5,000 піастровъ; долина, въ которой Сербія отдѣляется отъ Болгаріи Тимокомъ, одинъ изъ прекраснѣйшихъ районовъ обѣихъ земель. Въ этомъ дѣлѣ я считаю себя компетентнымъ судьей, такъ какъ осенью 1870 года, проѣхавъ по краю болгарскаго берега, я изучилъ его на всемъ протяженіи, и достаточно одного взгляда на мою карту, чтобы узнать, какими безчисленными изгибами онъ течетъ къ Дунаю. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его долина достигаетъ значительной ширины, какъ напримѣръ при Чрни-Машницѣ и селѣ Братжевацѣ, единственномъ населенномъ сербами. Но позади онаго обѣ набережныя террасы подходятъ чрезвычайно близко одна къ другой, и болгарскій склонъ представляетъ такой крутой обрывъ что между Братжевацемъ и Грачкомъ проведена плохая проселочная дорога по возвышенности. Физіономія ландшафта этой части Тимока весьма красивая и оживленная. На болгарской сторонѣ до десяти селъ тянутся одно за другимъ, а большая часть деревень, расположенныхъ на сербской сторонѣ, лежитъ между великолѣпными виноградниками, которые доставляютъ знаменитое «неготинское», и такъ называемыя пивницы (винный погребъ) съ своими красными кровлями привѣтливо выглядывали на долину изъ свѣжей зелени. Лишь на нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ нижній каменистый слой прорывается наружу, коза вступаетъ въ свои права и находитъ въ разсѣянныхъ кустарникахъ сочную пищу; но какъ только вступаешь на нагорную равнину площади, видишь зеленыя стѣны молодыхъ дубовыхъ и буковыхъ лѣсовъ, прерываемыхъ маленькими лоскутками воздѣланной земли и теряющихся изъ вида на далекомъ горизонтѣ. Нужно большое знаніе мѣстности, чтобы не сбиться съ дороги, такъ какъ изо всѣхъ мѣстечекъ тянутся въ лѣсу первобытныя, проложенныя дровосѣками дорожки, скрещивающіяся между собой; въ одной изъ широкихъ просѣкъ, на дорогѣ изъ Грачко въ Галову, я увидѣлъ родъ крѣпости, построенной нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, для охраненія границы Азисомъ-пашею въ видѣ римскаго зáмка съ круглыми башнями на углахъ. Въ обширныхъ ея этажахъ располагался гарнизонъ. Она грозно смотритъ на сербскій ландшафтъ, живописно раскидывающійся на другой сторонѣ между рѣзкими профилями горъ Штоль и Мирое. Множество вновь построенныхъ караулъ и укрѣпленій, которыми Порта окружила въ послѣднее время Сербію и Черногорію, служитъ

лучшимъ доказательствомъ недовѣрія, которое она питаетъ къ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ. Безчисленное количество крѣпостей, протянутыхъ отъ Сутторины къ Скутарійскому озеру вокругъ Черногоріи имѣетъ назначеніе, подобно блокгаузамъ и крѣпостямъ на Моравѣ, Station Дринѣ, Топлицѣ, Нишавѣ и Тимокѣ, подавлять всякое движеніе въ обоихъ южнославянскихъ воинственныхъ государствахъ. Но я боюсь, что бѣлая караула Вржка-Чуки, Мановы, Тупана и крѣпость Галова, изъ которой я такъ хорошо изучилъ конфигурацію тимокской долины, окажутся такъ же мало способными противостоять бурному вторженію сербовъ, если только они вздумаютъ вломиться въ предѣлы этихъ странъ, какъ первобытные галовскіе шанцы, расположенные нѣсколько южнѣе, защита которыхъ, какъ я слышалъ, поручена черкесскимъ героямъ Кавказа.

Я считаю въ высшей степени важнымъ выяснить наконецъ политическія цѣли, которыя преслѣдовала Порта, привлекая на свою дунайскую территорію черкесовъ и незадолго передъ тѣмъ тысячи крымскихъ татаръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ выяснить и тѣ важныя послѣдствія, которыя имѣло это подкрѣпленіе мусульманскаго элемента для Болгаріи и ея райевъ.

Описанію этого новѣйшаго переселенія народовъ и причинъ, возбудившихъ оное, я посвящаю обѣ послѣдующія главы. Не смотря на то, что я изъѣздилъ дунайскую террасу между Ломомъ и Тимокомъ по всѣмъ направленіямъ, во всѣ времена года, видѣлъ ее при солнечномъ освѣщеніи и въ пасмурные дни, никогда, однако же, она не представлялась мнѣ прекраснѣе, какъ въ одинъ вечеръ, когда я находился въ окрестностяхъ Галовы и когда она окрашивалась пурпуровымъ свѣтомъ заходящаго солнца. При видѣ этой картины я забылъ караулы, турокъ, сербовъ, черногорцевъ и погрузился весь въ созерцаніе величественно-мирнаго ландшафта, по которому тянулся серебристою лентой Тимокъ. Лишь при наступленіи вечерняго мрака я оторвался отъ него и возлѣ сербскихъ карантинныхъ воротъ простился съ нею.

Уже въ ближайшемъ 1871 году, лѣтомъ, я увидѣлъ опять эту прелестную террасу, прослѣдилъ ее на всемъ ея протяженіи вплоть до балканскихъ возвышенностей при Янтрѣ и возвратился благополучно домой съ неожиданно богатымъ матеріаломъ, который оставляю для слѣдующаго тома этого сочиненія.

Надѣюсь, что онъ познакомитъ Европу съ богатыми областями средней и западной Болгаріи ближе, чѣмъ она знакома съ ними теперь.

IX.

Болгарская колонизація въ Крыму и татарская на Дунаѣ.

Византійскіе политическіе народы.—Болгарское переселеніе въ Малую Азію при императорѣ Юстиніанѣ II.—Персидскія колоніи на Вардарѣ въ IX вѣкѣ.—Турецкія поселенія въ Турціи при императорѣ Алексѣѣ.—Приливъ народовъ при воцареніи полумѣсяца.—Императрица Елизавета поселяетъ въ Новой Сербіи недовольныхъ райевъ.—Постоянное переселеніе болгаръ въ Бессарабію и Крымъ отъ 1787 до 1829 года.—Болгарскія колоніи въ Тавридѣ и Херсонѣ.—Большое переселеніе въ 1829 г.—Судьбы онаго.—Гагаузы.—Уступка Румыніи бессарабскихъ болгарскихъ уѣздовъ въ 1856 г. — Новѣйшая эмиграція болгаръ въ Крымъ въ 1861 г.—Порта слѣдуетъ византійскимъ традиціямъ.—Агитація русскаго консула въ Виддинѣ.—Разочарованіе и возвращеніе эмигрантовъ въ Болгарію и Румынію. — Татарское переселеніе изъ Крыма въ дунайскую Болгарію въ 1861 г.—Татарскія колоніи въ Добруджѣ въ древнѣйшія времена.—Этнологическія замѣтки насчетъ горныхъ крымскихъ татаръ. — Коммисаръ колонизаціи Нузретъ-бей.—Постройки болгарскихъ райевъ для татарскихъ переселенцевъ. — Плохая защита оказываемая органами Порты.—Жалобы на коммисара Осмида-бея.—Татарская депутація къ Императору Александру въ 1863 г. для исходатайствованія дозволенія возвратиться въ Крымъ.—Постепенное улучшеніе участи колонистовъ.—Настоящее положеніе татаръ на Дунаѣ.—Ихъ качества.—Ихъ значеніе для Порты.—Число поселеній въ западной Болгаріи.—Ихъ приращеніе въ 1873 г. чрезъ татарскихъ военныхъ бѣглецовъ изъ Крыма.—Новое подкрѣпленіе мусульманскаго элемента въ Болгаріи.—Иллюстрація къ переселенію народа.

На сколько славянскій болгарскій народъ сдѣлался опаснымъ для Восточной Римской имперіи—это видно изъ первой части этой книги. Но Византія старалась ослабить численный перевѣсъ огромной враждебной ей болгарской массы не только постоянными войнами, но также во время побѣдъ эмиграціями и поселеніями чуждаго элемента. Уже Юстиніанъ II переселилъ 20,000 болгаръ въ Малую Азію, а Ѳеофилъ (829—842) основалъ на Вардарѣ персидскія колоніи, которыя обязаны были доставлять Византіи точно также, какъ и нынѣ поселившіеся на Дунаѣ черкесы, султану людей для состава извѣстной части гвардіи. Также и Комнены, а именно императоръ Алексѣй поселилъ турецкія племена во Ѳракіи, а позднѣе въ 1243 г. сдѣлалъ то же самое и Іоаннъ III.

Въ 1861 г. представлялись въ высшей степени замѣчательныя зрѣлища на берегахъ Дуная и на окраинахъ Крыма. Тутъ и тамъ встрѣчались странствующія партіи, части большихъ народныхъ массъ. Это были болгары и татары, обмѣнивавшіеся своими пепелищами. Эта смѣна отлива и прилива была для нашего поколѣнія изумительнымъ явлені-

емъ, такъ какъ въ сущности оно составляло не болѣе какъ продолженіе надолго пріостановившагося передвиженія этихъ народовъ, передвиженія, начало котораго было положено Византіей нѣсколько столѣтій тому назадъ и происходило подъ вліяніемъ мало измѣнившихся условій, ибо вліяли на эти народные отливы въ усиленныхъ массахъ господство на Понтѣ и Истерѣ полумѣсяца, а позднѣе возвышеніе русскаго могущества. Первый примѣръ поселенія татаръ въ Европѣ далъ султанъ Магомедъ, который въ припадкѣ деспотическаго настроенія принудилъ татаръ, поселенныхъ въ Малой Азіи, при Бруссѣ, переселиться во Ѳракію, гдѣ въ 1420 г. они основали, подъ руководствомъ своего главы Минтбега, нынѣшній городъ Татаръ-Базарджикъ [1]).

Въ царствованіе императрицы Елизаветы и ея наслѣдниковъ началась съ другой стороны великая эмиграція славянскихъ племенъ, недовольныхъ своею участью подъ игомъ турецкаго господства. Они начали перебираться съ Балканскаго полуострова въ степи вновь завоеванныхъ пограничныхъ областей Россіи на Черномъ морѣ, называвшіяся тогда Новою Сербіей. Послѣ каждой изъ побѣдоносныхъ войнъ Россіи съ Турціей 1787—1791, 1806—1812 и 1828—1829 тысячи болгарскихъ семействъ переселялись въ Бессарабію и Крымъ, подстрекаемыя русскими обѣщаніями, а также и желаніемъ спастись отъ турецкаго мщенія за выказанныя ими симпатіи къ русскимъ войскамъ. Болгары, переселившіеся въ 1801—1806 гг., основали въ губерніяхъ Таврической и Херсонской 9 слѣдующихъ поселеній: Балта-Чокракъ, Эски-Крымъ, Кишлавъ, Малый и Великій Буджалыкъ, Тырновка, Кубанка, Парканы и Катарсына. И такъ показаніе консула Лежана, что болгарскія колоніи основались въ Бессарабіи лишь послѣ Адріанопольскаго мира, совершенно ложны. Уже въ 1821 г. число бессарабскихъ болгаръ по статистикѣ Скальковскаго увеличилось на 7,735 семействъ, заключавшихъ въ себѣ 38,023 души [2]). Вышеозначенныя числа распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ по округамъ: Прутъ—1,462 семейства, заключающихъ въ себѣ 6,881 душу, Кагулъ—1,976 семействъ съ 5,299 душами, Измаилъ—2,599 семействъ съ 12,666 душами, Буджакъ 2,898 семействъ 13,177 душъ. Замѣчательная вещь, что во всѣхъ округахъ число мужчинъ превышаетъ число женщинъ, напр. въ Буджакскомъ округѣ оно

[1]) Гаммеръ I, ст. 375.

[2]) Болгарскія колоніи въ Бессарабіи и Новороссійскомъ краѣ. Статистическій очеркъ Аполлона Скальковскаго.

перевѣшиваетъ на 1,593 души. Легко можетъ быть, что въ то время въ Россіи относились при составленіи статистикъ очень небрежно къ исчисленію женскаго пола; въ Турціи до сихъ поръ о численности женщинъ не собирается свѣдѣній. Балканскіе болгары, часть которыхъ открыто стала на сторону России, мало довѣряя Адріанопольскому договору 1829 года, въ которомъ была выговорена полная амнистія для нихъ, не считали себя обезпеченными въ своемъ отечествѣ отъ турецкой мести, и торжественное прощеніе на бумагѣ не въ силахъ было ослабить маніи къ переселенію, охватившей болгаръ. Главнокомандующій Дибичъ Забалканскій не выказывалъ сначала большой склонности покровительствовать этой эмиграціи массами, такъ какъ при ощутительномъ недостаткѣ транспортныхъ средствъ и заботахъ о возвратномъ движеніи его собственной арміи ему вовсе не желательно было брать на себя еще новую обузу, сопряженную еще, въ дополненіе, съ большою отвѣтственностью. Однако же политическія причины и, вѣроятно, прямыя приказанія изъ Петербурга заставили Дибича содѣйствовать переселенію напуганныхъ райевъ и отправить ихъ подъ предводительствомъ генерала Рота.

По даннымъ, собраннымъ тогдашнимъ нѣмецкимъ государственнымъ министромъ, и по вычисленіямъ еще болѣе точнымъ, сдѣланнымъ австрійскимъ генераломъ Іохмусомъ во время его путешествія по Балкану (1847 г.), Ротъ велъ въ Бессарабію до 25,000 болгаръ. Цѣлые города, какъ Сливно (Селимнө), опустѣли совсѣмъ и до сихъ поръ не могутъ еще придти въ свое прежнее цвѣтущее состояніе. Статскій совѣтникъ фонъ-Кёппенъ, достопочтенный русскій академикъ и статистикъ, объѣзжавшій въ 1850 г. Бессарабію для собранія статистическихъ чиселъ, слышалъ тамъ, что 3,900 болгарскихъ семействъ, переселившихся въ 1829 г., изъ которыхъ погибло, впрочемъ, до 900 семействъ отъ чумы и голода, возвратились будто-бы въ свою отчизну. Число всѣхъ болгарскихъ колонистовъ, по отчетамъ, представленнымъ русской академіи (1853) фонъ-Кёппеномъ было: число переселенцевъ въ 83 колоніяхъ, находящихся въ Бессарабіи, достигало въ 1850 г. 85,461 души, съ отношеніемъ 100 мужчинъ—99,72 женскаго пола. Въ этомъ числѣ было 12,850 молдаванъ (романы), 1,440 малороссовъ, 1,328 арнаутовъ, 307 грековъ и 57 болгарскихъ цыганъ. И такъ рядомъ съ 69,525 болгарами насчитывалось 15,981 душа другихъ національностей, что, будучи выражено въ процентныхъ отношеніяхъ, составитъ 81,353:

18,647. Этихъ болгарскихъ поселенцевъ Бессарабіи раздѣляютъ на, «черныхъ болгаръ» пришедшихъ изъ Румеліи, и на болгаръ, говорящихъ только по-турецки (?), «Гагаузы», вышедшихъ изъ Добруджи и съ юга Балканъ на Черномъ морѣ [1]). Вообще бессарабскіе болгары владѣютъ многими языками. Они говорятъ обыкновенно на болгарскомъ, турецкомъ, романскомъ, русскомъ и даже иногда на греческомъ языкѣ. Въ первые годы русскаго господства въ бессарабской «Новой Сербіи» положеніе переселившихся болгаръ было хуже, чѣмъ то, въ которомъ они находились въ отечествѣ. Молдаво-валахскіе землевладѣльцы, предъявивъ свои права на землю, на которой поселились колонисты, прикрѣпили ихъ къ ней въ качествѣ своихъ крѣпостныхъ. Но съ 1819 г. иностранныя поселенія состоятъ подъ вѣдомствомъ особеннаго учрежденнаго императоромъ Александромъ I попечительства, раздѣленнаго на 4 округа, и такимъ образомъ въ болгарско-русскихъ колоніяхъ крѣпостными остались только цыгане. Вслѣдствіе парижскаго договора 1856 г. большая часть болгарскихъ бессарабскихъ колоній отошла вмѣстѣ съ устьемъ Дуная къ Молдавіи. Она получила весь округъ Кагулъ-Прута [2]) съ 19 колоніями, въ которыхъ насчитывалось въ 1850 г. 17,875 душъ, затѣмъ большую часть измаильскаго округа, съ самымъ значительнымъ болгарскимъ городомъ Болградомъ, лежащимъ на Ялпухскомъ озерѣ и заключающимъ въ себѣ 8 или 9,000 зажиточныхъ жителей, и наконецъ обширныя области обоихъ округовъ верхняго и нижняго Буджака. Общее пространство бессарабско-молдавской области, населенной болгарами, простиралось въ 1850 г. до 118,19 географическихъ кв. миль. На каждую кв. милю приходилось въ означенномъ году 719 жителей и на долю каждаго изъ нихъ земли выпадало 13,57 десятинъ, изъ которыхъ удобной земли было 11,90 десятинъ. Я уже упоминалъ ранѣе объ отвѣтѣ, данномъ Великою Портой на жалобы болгарскихъ раіевъ, достигнувшія до садразама въ 1860 г. Къ невыносимому бремени, которое налагали на нихъ паши и фанаріотское духовенство, она приба-

[1]) Во время моего путешествія въ 1872 г. я не нашелъ въ окрестностяхъ мыса Эмине и Добруджѣ много гагаузскихъ селъ, но народонаселеніе ихъ, говорящее по турецки, считается какъ турками, такъ и болгарами потомствомъ греческой національности и обозначается названіемъ «Rumler».

[2]) Его главное мѣстечко Валканешъ показано у Лежана, населеннымъ исключительно албанцами. У Кеппена же въ этихъ колоніяхъ, основанныхъ въ 1819 г., рядомъ съ 1,623 болгарами, показано: румыновъ 417, грековъ 142, малороссіянъ 61 и арнаутовъ только 41.

вила еще новую тяжесть—постройку татарскихъ поселеній на Дунаѣ. Послѣдствіемъ этого была новая болгарская эмиграція, послѣдовавшая въ 1861 г. Порта не старалась особенно мѣшать этому. Она усвоила себѣ государственный взглядъ греческой Византіи и считала для себя выгоднымъ уменьшеніе большой славянской массы, приносившей ей много безпокойствъ въ ея войнахъ съ Россіей. Чтобы избавиться отъ тяжелаго бремени, которымъ были отягощены христіанскія общины для поселенія татаръ, до 10,000 болгаръ отправились въ 1861 г. на таврическіе берега искать облегченія своей участи. Этому рѣшенію много содѣйствовали заманчивыя обѣщанія русскаго консула Пайкова и усердная пропаганда его болгарскаго драгомана. Переселенцы эти должны были замѣнить въ Россіи крымскихъ татаръ, выселившихся въ 1861 г. въ Турцію. Съ великими надеждами и ожиданіями приближалась болгарская эмиграція, состоявшая большею частью изъ людей зажиточныхъ, къ таврическому берегу. Но увы! фактическія условія, ожидавшія ихъ, далеко не соотвѣтствовали прекрасно окрашенной программѣ представителя русскаго консульства въ Виддинѣ, и уже въ слѣдующемъ 1862 г. большая часть переселенцевъ, надорванныхъ нравственно и физически, возвратились въ свою старую отчизну, умоляя Высокую Порту принять ихъ. Охотно дала она свое согласіе на водвореніе прилежныхъ, мирныхъ земледѣльцевъ на ихъ старыхъ пепелищахъ, и изъ всей болгарской эмиграціи въ Крыму осталось не болѣе 1,000 человѣкъ и можетъ быть еще столько же въ Румыніи. Въ послѣднюю старались привлекать болгаръ валахскіе бояре для обработки своихъ обширныхъ земель, часть которыхъ оставалась безъ употребленія. Точныхъ данныхъ объ участи этихъ румынскихъ поселеній не существуетъ; однако же можно предполагать, что, будучи разсѣяны по обширной валахской равнинѣ, среди природнаго туземнаго народонаселенія, отъ котораго ихъ не отдѣляютъ религіозныя вѣрованія, они утрачиваютъ со временемъ, подобно прочимъ болгарскимъ колоніямъ, возникнувшимъ прежде на лѣвомъ берегу Дуная, свою національность. Для Россіи это переселеніе 1861 г., надѣлавшее столько шума, было лишь самымъ ничтожнымъ вознагражденіемъ за богатые болгарскіе уѣзды, отданные ею Молдавіи, и за 12,000 татаръ, которые промѣняли свои маленькіе поземельные надѣлы въ Крыму на болгарскую почву.

Совершенно противуположно обыкновеннымъ воззрѣніямъ, по которымъ культура переносится съ запада на востокъ, Высокая Порта такими же обѣщаніями, какія Россія расточала болгарамъ, подстрекала

своихъ единовѣрцевъ-татаръ, живущихъ на таврическомъ берегу, къ переселенію въ ея отдаленныя, малонаселенныя дунайскія области. Но это переселеніе было гораздо выгоднѣе по своимъ послѣдствіямъ для Турціи, чѣмъ болгарское переселеніе для Россіи.

Лѣтомъ 1861 г. оставили татарскіе жители узкихъ прибрежныхъ полосъ между Яйлой и Понтомъ свою плодородную, освѣжаемую морскимъ воздухомъ и ограждаемую отъ сѣверныхъ вѣтровъ горною цѣпью, идущею отъ Балаклавы до Өеодосіи, почву, которая, по своему превосходному климату, считается самымъ благословеннымъ уголкомъ на всей территоріи Понта. Поддаваясь своимъ старымъ враждебнымъ чувствамъ къ Россіи, они уходили добровольно на берега Дуная, къ своимъ единоплеменникамъ, поселившимся съ давнихъ временъ между болгарскимъ, румынскимъ и турецкимъ элементами въ Добруджѣ и состоящимъ подъ управленіемъ наслѣдственнаго хана, зависимаго отъ Порты. Въ 1850 г. это ханство состояло изъ 33,000 душъ. Пріемъ, который встрѣтили эти татары въ Болгаріи со стороны властей и народонаселенія, былъ не менѣе непріязненъ, какъ тотъ, который встрѣтили болгарскіе переселенцы въ Крыму. Ихъ турецкіе единовѣрцы, называя ихъ варварами и лѣнтяями, относились къ нимъ даже враждебнѣе и презрительнѣе, чѣмъ ихъ христіанскіе сосѣди. Самая отвратительная репутація, однако же совершенно неосновательная, предшествовала имъ. По отзывамъ нѣмцевъ, имѣвшихъ случай изучить крымскую почву и ея обитателей, горные татары обладаютъ наилучшими качествами турокъ, не имѣя ихъ пороковъ. У горныхъ татаръ встрѣчается рѣдко то безсмысленное удовлетвореніе чувственности, которое своимъ сильнымъ распространеніемъ между турками изнурило до крайней степени ихъ физическія и духовныя силы. Вслѣдствіе этого южно-крымскіе татары сильно отличаются и по наружности отъ турокъ, будучи гораздо свѣжѣе и крѣпче ихъ. Но они отличаются также и отъ фанатическихъ таврическихъ ногаевъ болѣе мягкими нравами. Вслѣдствіе ихъ скрещенія съ греками и генуезцами даже ихъ монгольскій типъ сгладился отчасти. Между ними часто встрѣчаются совершенно правильныя лица, съ хорошимъ разрѣзомъ глазъ, съ прямымъ носомъ, съ низкими скулами, тогда какъ у степныхъ татаръ глаза, съ разрѣзомъ въ видѣ щелей, стоятъ всегда косо, носы приплюснуты, а скулы сильно выдаются впередъ. Горные крымскіе татары имѣютъ гораздо болѣе сходства съ турками, чѣмъ ихъ добруджскіе соплеменники, сохранившіе вполнѣ свой степной типъ. Обѣ эти отрасли, по всей вѣ-

роятности, происходятъ отъ монгольскихъ ордъ, которыя нѣкогда, подъ предводительствомъ своего грознаго хана Батыя, завоевали земли Понта (1240) и покорили русскихъ.

Въ Нузретъ-беѣ, уполномоченномъ отъ Порты коммисарѣ для завѣдыванія татарскою колонизаціей, крымскіе переселенцы нашли энергическаго покровителя. Будучи самъ татарскаго происхожденія, онъ старался, на сколько возможно, парализировать недоброжелательство, съ которымъ были встрѣчены крымскіе пришельцы какъ турками, такъ и райями. Онъ отвелъ имъ мѣсто для поселенія въ самыхъ богатыхъ болгарскихъ селахъ, настоялъ, чтобы имъ были отданы лучшія части пахотныхъ земель, а дома для нихъ и конюшни для ихъ скота принуждалъ болгаръ строить безъ всякаго вознагражденія.

Многія изъ христіанскихъ общинъ сильно пострадали отъ этихъ притѣсненій. Маленькое село Рабишъ на Арчерѣ должно было выстроить 80, а Кула, близъ Виддина, 60 татарскихъ домовъ. Народонаселеніе многихъ болгарскихъ общинъ предпочло тогда переселеніе въ Крымъ и Сербію подчиненію такимъ несправедливымъ требованіямъ; но эмиграція усилила еще тяжесть этого обязательства для оставшихся семействъ. Изъ многихъ примѣровъ мы приведемъ одинъ. Болгарское село Раковица, на Арчерѣ, заключавшее въ себѣ 170 христіанскихъ семействъ, изъ которыхъ 60 ушли въ Сербію, должно было выстроить 200 татарскихъ дворовъ. Татарскія поселенія раздѣлили на всѣ округа, лежащіе отъ Тимока до Силистріи внизъ по Дунаю. Избавились отъ нихъ только населенные исключительно турками главный городъ Виддинъ, отказавшійся формально принять татарскія поселенія, и, благодаря австрійскому вліянію, католическія болгарскія села близъ Систова, которыя хотя и не совсѣмъ избавились отъ этого нежеланнаго приращенія, но все-таки менѣе прочихъ были обременены имъ. Но болгарское народонаселеніе должно было повсемѣстно, подъ давленіемъ Нузретъ-бея и албанскихъ баши-бузуковъ, отправлять эту барщину, и скоро рядомъ съ христіанскими селами поднялись для татарскихъ поселенцевъ хорошенькіе домики длинными рядами, крытые тростникомъ и соломой, отдѣленные одинъ отъ другаго деревянными заборами и пространствами, оставленными для садовъ. Затѣмъ Порта избавила колонистовъ на 15 лѣтъ отъ всякихъ податей и обѣщала дать на каждый домъ по два рабочихъ вола и одной коровѣ. Большая часть ихъ пришли пѣшкомъ съ самымъ малымъ имуществомъ, съ женами, полузакрытыми своими покрывалами,

и съ большимъ количествомъ дѣтей на спинахъ верблюдовъ, приведенныхъ ими съ собой. Дома, выстроенные болгарами, понравились этимъ бѣднымъ пришельцамъ, хотя и не было при нихъ верандъ, служившихъ имъ въ ихъ старой отчизнѣ сушильнями для фруктовъ и бѣлья, а въ жаркія лѣтнія ночи и спальнями. Понравилась имъ плодородная болгарская почва, на которой родится и хлѣбъ, и виноградъ, и табакъ, и шелковичныя деревья, и хлопчатобумажникъ.

Но и самую лучшую почву нужно обрабатывать, если желаешь собирать жатву; а бѣднякамъ-татарамъ нечѣмъ было ее пахать: ни обѣщанныхъ воловъ, ни коровъ турецкіе правительственные органы не давали имъ; а кто же могъ ихъ принудить къ этому? Турецко-албанскіе заптіи могли заставить болгаръ построить имъ дома, но противъ турецкихъ чиновниковъ они были безсильны. Нѣтъ сомнѣнія, что султанъ приказалъ выдать деньги на покупку скота, обѣщаннаго поселенцамъ, которые, будучи увѣдомлены Нузретъ-беемъ объ этой милости ихъ новаго государя, назвали, въ знакъ благодарности, свое лучшее село на Дунаѣ именемъ его сына, родившагося въ 1861 г. Только бѣдняки напрасно ждали: скотъ не являлся. Не въ первый разъ, конечно, случалось, что казенныя деньги терялись на дальней дорогѣ отъ Константинополя къ провинціи, а можетъ быть пропадали и до отправки изъ резиденціи гдѣ нибудь на славномъ берегу Золотаго Рога...

Въ 1860 г. я встрѣтилъ коммисара Порты, Асмида-бея, посланнаго изъ Стамбула въ Виддинъ для изслѣдованія подобнаго рода дѣла о пропажѣ суммы, предназначенной для военныхъ расходовъ. Болгары и татары осаждали его повсемѣстно жалобами. Первые жаловались на разорительныя подати, которыми ихъ отягощали; татары на то, что не получали обѣщаннаго имъ правительствомъ рогатаго скота, вмѣсто котораго, однако же, они не могли впрягаться въ плугъ.

Русскія сообщенія того времени заслуживаютъ, конечно, въ этомъ случаѣ нѣкотораго довѣрія, а въ нихъ разсказывалось, что бывшіе подданные царя стремились въ свою старую отчизну, и 22-го сентября 1863 г. депутація изъ 70 татарскихъ эмигрантовъ подала императору Александру адресъ съ просьбой дозволить имъ возвратиться въ Крымъ, объясняя, что ихъ сильно тянетъ къ склонамъ Яйлы, на почвѣ которой, рядомъ съ пирамидальною синопскою яблоней, растутъ лавръ, кипарисъ, миндаль, оливки и гранаты и зрѣетъ крымскій виноградъ, гдѣ великолѣпная магнолія, вмѣстѣ съ можжевеловыми и кипарисными кустами,

плющемъ, фисташникомъ и смоковницей, тянутся, цѣпляясь другъ за друга въ ущельяхъ между утесами.

Нельзя навѣрно сказать, дѣйствительно ли всѣ татарскіе колонисты въ Болгаріи думали серьезно въ то время (1863 г.) о возвращеніи на родину; но достовѣрно то, что въ послѣднее десятилѣтіе участь ихъ, бывшая вначалѣ столь незавидною, значительно измѣнилась къ лучшему. Своимъ хорошимъ поведеніемъ, мирнымъ и терпѣливымъ характеромъ они побѣдили холодность и непріязненность, съ которыми ихъ встрѣтили турки и болгары, и пріобрѣли даже ихъ уваженіе. Вообще татарскія колоніи, не смотря на свою невзрачную наружность, могутъ назваться довольно зажиточными, благодаря трудолюбію и умѣнію ихъ народонаселенія сберегать и увеличивать свое имущество, добытое трудомъ. Въ настоящее время во многихъ изъ ихъ деревень часть бараковъ, выстроенныхъ болгарами, замѣнилась уже болѣе обширными бѣлыми дворами, а также явились хорошенькія мечети и школы. Замѣчательно, что эти монголы, столь презираемые и поносимые нѣкогда, чувствуютъ не менѣе сильную потребность, какъ и ихъ японскіе родственники, въ школахъ.

Мнѣ самому не разъ приходилось удивляться, при встрѣчѣ съ этими татарами во время моихъ путешествій, ихъ почтеннымъ качествамъ, между которыми ноиболѣе выдающіяся—это самая вѣжливая привѣтливость, гостепріимство, умѣренность, семейное чувство и необыкновенная дѣятельность,—свойства, бросающіяся въ глаза при самомъ кратковременномъ соприкосновеніи съ этими крымскими выходцами. Еще одна изъ отличительныхъ чертъ этой отрасли монгольскаго племени—это крайнее миролюбіе. Въ случаѣ возстанія болгаръ противъ турецкаго владычества Порта не можетъ разсчитывать на этихъ мало преданныхъ ей магометанъ, въ которыхъ она пріобрѣла трудолюбивыхъ землевладѣльцевъ, но отнюдь не воинственный элементъ, хотя, съ другой стороны, самое увеличеніе магометанскаго народонаселенія тяжело отзовется на будущихъ судьбахъ Болгаріи.

На болгарской, описанной мною въ этомъ томѣ и нанесенной на карту территоріи находится въ настоящее время 18 татарскихъ колоній, изъ которыхъ одна расположена въ Нишѣ, 1—въ Пиротѣ, 5—въ Виддинѣ, 3—въ Кулѣ, заключающія съ себѣ до 600 семействъ, 1—въ Бѣлградчикѣ, 7—въ Ломѣ (во всемъ Ломскомъ округѣ ихъ насчитывается 10). Въ западныхъ округахъ дунайской Болгаріи число татар-

скихъ мѣстечекъ еще болѣе. Въ Никопольскомъ округѣ ихъ находится до 20. О нихъ я буду говорить болѣе подробно во II томѣ этого сочиненія.

Въ послѣднее десятилѣтіе дунайскія татарскія колоніи увеличились лишь на нѣсколько семействъ, переселившихся въ разное время отдѣльными группами. Введеніе въ Россіи всеобщей воинской повинности, которая должна распространиться и на крымскихъ татаръ, магометанъ, сильно взволновало, повидимому, молодое татарское поколѣніе полуострова.

Напрасно пробовало русское правительство побороть сопротивленіе этого трудолюбиваго, достойнаго народа противъ конскрипціи посредствомъ разнаго рода облегченій. Его сопротивленіе противъ поступленія въ военную службу осталось непоколебимымъ и доходило даже до возстанія, которое, конечно, было скоро подавлено русскими. Однако же, натянутыя отношенія между обѣими сторонами продолжаются, и переселеніе молодыхъ татаръ, взятыхъ въ военную службу, принимаетъ значительные размѣры. Стремленіе русскихъ чиновниковъ прекратить эти побѣги привело въ сентябрѣ 1873 г. къ дальнѣйшимъ столкновеніямъ. Бѣглецы отправлялись на берега султана, населенныя ихъ единовѣрцами, и вѣроятно паническій страхъ предъ русскою военною службой доставилъ новое подкрѣпленіе восточнымъ татарскимъ поселеніямъ на Дунаѣ и косвенно мусульманскому элементу въ Болгаріи.

Успѣхи Россіи въ центральной Азіи [1]), возбудившіе такъ много толковъ и комментарій, доставили намъ случай сдѣлаться свидѣтелями эмиграціи, въ которой проглядываетъ, конечно въ умѣренномъ размѣрѣ начало великаго переселенія народовъ. Въ слѣдующей главѣ представлено дѣйствіе давленія, которое сильнѣйшіе народы распространяютъ на слабѣйшихъ. Скоро настанетъ то время, когда послѣднія отрасли оссетовъ, въ которыхъ г. Гауслабъ [2]) признаетъ потомковъ библейскихъ «аскенасовъ», исчезнутъ съ Кавказа и промѣняютъ мѣста, на которыхъ они сидѣли въ теченіе тысячелѣтій и защищали съ полнымъ самоотверженіемъ,—на новыя въ Малой Азіи, на Дунаѣ и Марицѣ.

---

[1]) См. Der bezügliche treffliche Abhandlung Friedrich von Hellwald's. Wien 1869 года.

[2]) Recherches sur le tableau ethnographique de la Bible et sur les migrations des peuples. Paris, 1873.

X.

Кавказъ на Балканѣ.

Вліяніе событій въ южной Россіи на Турцію. — Политика Петра Великаго и императора Александра въ Крыму. — Послѣдствія покоренія Кавказа. — Крестъ на Понтѣ въ новыя и старыя времена.—Дервишскій апостолъ Мансоръ. — Шамиль.—Послѣднія побѣды черкесовъ въ 1862 г.—Великій князь Михаилъ—намѣстникъ на Кавказѣ.—Воззваніе горцевъ и Шамиля къ великимъ державамъ о вмѣшательствѣ.—Агитація въ Англіи въ пользу ихъ.—Политика англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ.—Новыя сраженія въ 1863 г.—Дипломатія гарема.—Колебанія Порты.—Англо-польскіе предводители. — Окончаніе войны 1864 г.—Начало эмиграціи въ Малую Азію. — Русское торжество побѣды. — Персидскія доброжелательства. — Турецкое покровительство эмигрантамъ. — Страданія ихъ. — Сообщеніе д-ра Бараци. —Сильная смертность.—Выселеніе въЕвропу. — Плавающія кладбища.—Намѣреніе переселенцевъ взять непремѣнно земли, прилегающія плотно къ Дунаю.—Сраженіе съ турецкими войсками.—Сцены отчаянія въ Ломѣ.—Погребальная дорога черезъ Балканъ св. Николая.—Принудительныя постройки болгаръ для переселенцевъ.—Защита ихъ колоній.—Несчастія въ одной юнчѣ (семейная община).—Чумная лихорадка.—Женщины перестали быть одалисками. — Недовольство ихъ. — Пониженіе цѣнъ. — Привезенные невольники свободны.—Принудительная работа. — Мнѣніе христіанъ и турокъ о черкесахъ.—Военно-политическія цѣли Порты.—Подавленіе съ помощью черкесовъ. Попытки болгаръ къ возстанію.—Русскіе найдутъ опять Кавказъ на Балканѣ.— Новая эмиграція.

Всѣ событія въ южной Россіи находятся въ непосредственной связи съ судьбами Персіи и территорій на Черномъ морѣ; но ни одно изъ совершившихся въ новѣйшія времена не имѣло такого огромнаго вліянія на ихъ будущій политическій строй и преимущественно Болгаріи, какъ покореніе Кавказа, казавшагося, вслѣдствіе блистательныхъ, мифически истолкованныхъ дѣяній Шамиля, непобѣдимымъ. Безъ шума, какъ и подобаетъ исполину, совершила Россія въ 1863 г. великій подвигъ, который подготовилъ ей позднѣйшія, изумившія всю Европу завоеванія территорій въ туркменскихъ ханствахъ, и, благодаря этимъ побѣдамъ, государство Петра I приблизилось гигантскими шагами къ осуществленію міровыхъ, историческихъ плановъ этого великаго мужа. Не происходитъ уже кровопролитныхъ сраженій въ ущельяхъ высочайшей европейской горной цѣпи, не освѣщаются болѣе вѣчные снѣга Эльбруса красноватымъ заревомъ горящихъ ауловъ! Великій князь Михаилъ, намѣстникъ Кавказа, телеграфировалъ 2-го іюня 1863 г. Императору слѣдующее: «Имѣю счастіе поздравить Ваше Императорское Величество съ побѣдоноснымъ окончаніемъ кавказской войны; въ настоящее время на Кавказѣ

не остается болѣе ни одного непокореннаго племени». Та же самая Россія, которая въ 1720 г., при Петрѣ Великомъ, посылала своего астраханскаго губернатора, графа Волынскаго, съ войскомъ на помощь кавказскимъ горцамъ противъ крымскаго хана Саадетъ-гирея, сдѣлавшаго на нихъ нападеніе, присоединила нынѣ къ своимъ неизмѣримымъ владѣніямъ обѣ территоріи какъ покровительствуемыхъ ею тогда горцевъ, такъ и притѣснителей ихъ. И нынѣ не одна военная грузинская дорога, прорѣзывающая Кавказъ и стоившая громадныхъ жертвъ, открываетъ русскимъ войскамъ путь въ Закавказскій край и Персію, а вся область, лежащая между Чернымъ и Каспійскимъ морями, которую она присвоила себѣ и которая увеличила еще на нѣсколько тысячъ кв. миль [1]) ея равнины. Свой исполинскій ростъ она устремила къ воротамъ самостоятельной, повидимому, но въ сущности зависящей отъ Петербурга, Персіи, съ тѣхъ поръ, какъ черкесы, кумыки, лезгины, дагестанцы, ширваны, составлявшіе прежде все войско Шамиля, были побѣждены Ермоловымъ, Мадатовымъ и княземъ Воронцовымъ, съ тѣхъ поръ, какъ послѣднія черкесскія племена на Кубани не могли болѣе противустоять напору тѣснившихъ ихъ со всѣхъ сторонъ русскихъ. Между тѣмъ какъ Россія, слѣдуя разумной политикѣ, предоставила жителямъ своихъ восточныхъ вновь завоеванныхъ территорій на границахъ Небесной имперіи: исламитамъ, буддистамъ, язычникамъ рядомъ съ христіанами и евреями, полнѣйшую религіозную свободу, на западѣ, вмѣстѣ со вторженіемъ русскаго двуглаваго орла, водружался и православный крестъ, поддерживавшій новыя побѣды. На Кавказѣ воздвигъ его Ермоловъ еще въ 1824 году на горѣ Гудахѣ, названной съ тѣхъ поръ Крестовою горой, для обозначенія господства Россіи надъ кавказскими горными племенами. Впрочемъ, крестъ не былъ неизвѣстнымъ символомъ въ этихъ странахъ: его внесли, много столѣтій тому назадъ, въ самые глубокіе зубцы береговъ Чернаго моря генуэзцы и греки, и не болѣе 70 лѣтъ тому назадъ на сѣверо-восточной сторонѣ земель, окружающихъ Понтъ, господствовалъ латинскій, а на южномъ продолженіи ихъ, до самаго Трапезунда, православный культъ, конечно съ примѣсью разныхъ языческихъ обычаевъ.

---

[1]) По послѣднему вычисленію императорской петербургской академіи, сдѣланному въ 1856 г. подъ руководствомъ астронома Швейцера, русское государство, за исключеніемъ владѣній русско-американскихъ компаній, и Каспійскаго моря заключаетъ въ себѣ пространства 370.042,09 кв. миль. Къ нимъ присоединяются новѣйшія завоеванія Россіи на Амурѣ и Сыръ Дарьѣ.

Лишь турецкіе эммисары проповѣдывали угнетеннымъ черкесскимъ племенамъ, что подъ знаменемъ пророка и при содѣйствіи полумѣсяца они могли бы лучше противустоять своимъ христіанскимъ врагамъ. Предпріятіе усерднаго дервишскаго апостола Шейхса-Мансора, обратившаго черкесовъ въ немногіе годы (1785 и 1791), было весьма тонкою политическою мѣрой Порты противъ Россіи. Оно замедлило завоеваніе Кавказа на нѣсколько десятилѣтій, но измѣнить рѣшеніе вопроса, конечно, не могло. Участь Кавказа была рѣшена въ тотъ самый день, когда московитъ наложилъ на него руку.

Геройскія усилія фанатическихъ горцевъ достигли своей высшей точки подъ предводительствомъ Шамиля, а съ его взятія въ плѣнъ они начали замѣтно ослабѣвать; со времени же покоренія «Адыге» (общее названіе всѣхъ племенъ, жившихъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря) пало послѣднее укрѣпленное мѣсто магометанъ на Кавказѣ. Изъ 900,000 душъ, которыя, по описаніямъ Лапинскаго, населяли послѣднюю покоренную адыгскую землю и раздѣлялись на три слѣдующія племени: *шапсуговъ, абадзеховъ и убыховъ*, третья часть предпочла переселеніе подчиненію русскому владычеству. По совѣту турецкихъ агентовъ, а частью поддаваясь своимъ собственнымъ инстинктамъ, они рѣшились переселиться на такую почву, гдѣ рано или поздно имъ пришлось бы еще разъ сразиться съ своими смертельными врагами.

Прежде чѣмъ будемъ разсматривать ужасныя сцены, происходившія при добровольномъ переселеніи Кавказа, бросимъ бѣглый взгядъ на послѣдній актъ трагедіи, его покоренія,—актъ тѣмъ болѣе заслуживающій вниманія, что онъ имѣетъ прямое отношеніе къ будущему развитію болгаръ. Лишь отрывочныя извѣстія достигали до насъ съ отдаленнаго театра кровавой войны, на развязку которой особенно мало обращалось вниманія, такъ какъ Европа была заинтересована ближайшими къ ней событіями: приготовленіями Пруссіи къ нѣмецко-датской войнѣ и возстаніемъ Польши за свою независимость. Однако же окончательное покореніе Кавказа Россіей весною 1863 года было весьма важнымъ событіемъ, имѣющимъ громадное историческое значеніе актомъ, непосредственныя послѣдствія котораго тяжело отозвались на болгарскомъ народѣ, а позднѣе стали чувствительны для Персіи, Турціи и самой Англіи, такъ какъ завоеваніе Кавказа, какъ я уже говорилъ въ 1865 году въ «*Oest. Revue*», рѣшило вопросъ о будущемъ господствѣ въ Азіи въ пользу Россіи.

Лѣтомъ 1862 года черкесы праздновали свою маленькую побѣду надъ русскими завоевателями. Въ особенности въ Кубанскомъ уѣздѣ они проявляли большую дѣятельность. Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ ущельѣ Декнако была уничтожена одна русская колонна. Горцы взяли Шамкети, вторгнулись въ станицу Псеменскую на Большой Лабѣ и захватили много плѣнныхъ. 17 сентября они взяли Набрджу, при взятіи которой было убито чрезвычайно много какъ черкессовъ, такъ и русскихъ пороховымъ взрывомъ. Вскорѣ затѣмъ былъ смѣненъ намѣстникъ Кавказа. Мѣсто больнаго князя Барятинскаго занялъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ великій князь Михаилъ, съ званіемъ намѣстника кавказскаго края, и перемѣну военнаго положенія скоро почувствовали горные народы чрезъ дѣятельное движеніе колоннъ, шедшихъ отъ русскаго военнаго центра—Ставрополя.

При наступленіи поздней осени означеннаго года послѣднія свободныя адыгскія племена стали утрачивать вѣру въ свои собственныя силы. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1862 года явились въ Константинополѣ, Парижѣ и Лондонѣ черкесскія депутаціи съ воззваніемъ къ великимъ державамъ о принужденіи Россіи уничтожить ея блокгаузы, воздвигнутые на Кавказѣ, какъ нарушавшіе условія Парижскаго договора. Но ихъ усилія остались точно также безъ послѣдствій, какъ и требованія Шамиля, обращенныя къ Англіи и Турціи въ маѣ мѣсяцѣ объ освобожденіи его изъ русскаго плѣна. Правда, что на многочисленныхъ англійскихъ митингахъ сторонники черкесовъ громко заявляли, что торгово-политическіе интересы Англіи требуютъ, чтобы она оказала защиту кавказскимъ народамъ, такъ какъ дать имъ возможность продолжать войну значило удержать въ русскомъ тѣлѣ живой клинъ, вырвать у ней плоды столѣтнихъ усилій, обезпечить перевѣсъ Англіи въ Азіи. Въ *Foreign office* адресы сыпались градомъ; но правительство оставалось непоколебимымъ въ своемъ рѣшеніи—оставаться нейтральнымъ въ этомъ случаѣ, точно также какъ позднѣе оно сохранило тотъ же нейтралитетъ, не смотря на всѣ митинги, спичи и адресы въ пользу Даніи и Польши противъ Пруссіи и Россіи. Вѣроятно многіе помнятъ отрицательный отвѣтъ, который далъ лордъ Россель на вопросъ англійскихъ арматоровъ и юристовъ, «могутъ ли англійскіе торговые корабли разсчитывать на поддержку правительства, если они, по опредѣленію парижскаго торговаго договора, войдутъ въ сношенія съ черкесскими берегами». Лордъ Джонъ понималъ конечно, что здѣсь идетъ рѣчь о прямой помощи

кавказскимъ горцамъ посредствомъ доставленія имъ разныхъ военныхъ снарядовъ, въ которыхъ они такъ нуждались, и, боясь столкновенія съ Россіей, онъ объяснилъ коротко и ясно, что англійскіе корабли, которые рѣшатся бросить якорь въ другихъ русскихъ гаваняхъ, кромѣ Анапы, Сухумъ-кале, Поти, Редутъ-кале и св. Николая, должны будутъ подчиниться послѣдствію ихъ поступка т. е. конфискаціи ихъ грузовъ. Введеніе черкесскихъ старшинъ въ гуайтинктонскій клубъ извѣстнымъ филантропомъ м-ромъ Уркгартомъ и заявленіе его, что отвѣтъ графа Росселя вовсе не заключаетъ въ себѣ выраженія чувства англійской націи и что будетъ учрежденъ комитетъ, который будетъ ходатайствовать предъ правительствомъ и парламентомъ о защитѣ правъ храбраго черкесскаго народа и объ охраненіи британской торговли противъ захватовъ Россія, нимало не подѣйствовали на политику Foreign office.

Нѣкоторые журналы поддерживали даже министерство, упрекая черкесовъ, что въ послѣдней черкесской войнѣ они шли противъ союзныхъ войскъ. Говорилось это на томъ основаніи, что союзныя державы требовали отъ кавказскихъ горцевъ во время крымской войны 12,000 всадниковъ, и послѣдніе, руководясь вѣрнымъ инстинктомъ, отвѣчали французско-англійскимъ посланникамъ, что они могутъ побѣждать Россію только въ своей собственной области, въ горной войнѣ, и что, по ихъ мнѣнію, Россія можетъ быть побѣждена только на одномъ мѣстѣ, на Кавказѣ.

Въ концѣ концевъ черкесская депутація, разсчитывавшая съ дѣтскимъ довѣріемъ на великодушіе Англіи и ея политическую мудрость, должна была ограничиться, послѣ горькаго разочарованія, полученіемъ необходимыхъ средствъ для своего возвращенія домой, и даже этотъ актъ гуманности былъ вызванъ лишь обращеніемъ черкесскаго комитета къ англійскому торговому духу. Этою неудачей заключился 1862 годъ для Кавказа—годъ, озаренный вначалѣ богатыми надеждами.

Слѣдующій 1863 годъ ознаменовался новыми кровопролитными сраженіями. Въ началѣ его, намѣстникъ, великій князь Михаилъ, возвращаясь изъ Анапы въ крѣпость Аблѐ, едва-едва не попался въ черкесскій плѣнъ [1]). Въ Закавказьѣ духъ между черкесами значительно поднялся вслѣдствіе дошедшаго до нихъ извѣстія, что кубанскіе черкесы, сильно притѣсненные, готовятся, повидимому, къ возстанію. Одинъ взбунтовавшійся штабсъ-капитанъ русской службы, Гаджи-Муртузъ, началъ штурмовать крѣпость Закаталы на рѣкѣ Алазани, при освобожденіи которой

([1] Фантазія автора. Ред.

отъ осады палъ русскій генералъ Шаликовъ; но скоро затѣмъ Гаджи-Муртузъ былъ уничтоженъ барономъ Врангелемъ. Это неожиданное отступленіе отозвалось сейчасъ же на сражавшихся въ землѣ адыговъ. Уже въ іюнѣ мѣсяцѣ стали обнаруживаться въ горцахъ упадокъ духа и утомленіе; переселеніе въ Малую Азію, преимущественно въ гавань Самсунъ, приняло большіе размѣры, и остававшіеся, болѣе чѣмъ когда либо, возлагали свои надежды на Стамбулъ, откуда, по увѣреніямъ турецкихъ эмиссаровъ, они должны были получить помощь.

Если была какая нибудь держава, интересамъ которой паденіе Кавказа наносило сильный ударъ, то помимо Персіи, давно пришедшей въ ненадежное состояніе, это, несомнѣнно, была Порта, открытая въ настоящее время для нападеній Россіи какъ въ Европѣ, такъ и въ Малой Азіи, и если бы оставалось еще какое либо сомнѣніе въ изнеможеніи и безсиліи этой принятой въ европейскій концертъ державы, то, конечно, уничтожить это послѣднее сомнѣніе могъ бы одинъ фактъ, что она не осмѣлилась сдѣлать открытаго шага для поддержанія Кавказа, ея естественнаго защитительнаго вала.

На востокѣ политическія нити сходятся весьма часто въ узелъ въ гаремахъ вельможъ. Женская дипломатія кавказскихъ красавицъ, заключенныхъ въ гаремахъ Турціи, не оставалась, повидимому, пассивною въ это тяжкое для ихъ отчизны время, и, конечно, та ничтожная помощь, которую рѣшилась, наконецъ, оказать Турція черкесамъ, должна быть отнесена гораздо болѣе на счетъ женскаго дипломатическаго корпуса, сераля падишаха,—корпуса, составленнаго большею частью изъ дочерей глубокихъ долинъ Эльбруса, чѣмъ на счетъ депутаціи черкесскихъ коноводовъ.

Россія, получавшая самыя точныя свѣдѣнія обо всемъ, что дѣлалось въ Константинополѣ, слѣдила съ возраставшимъ недовѣріемъ за движеніемъ въ пользу Кавказа и отвѣтила на него постройкой канонирскихъ лодокъ въ своихъ таврическихъ гаваняхъ, усиленіемъ бдительности своихъ крейсеровъ въ Черномъ морѣ, самыми тщательными осмотрами и безпощадными конфискаціями всѣхъ подозрительныхъ турецкихъ кораблей, приближавшихся къ черкесскимъ берегамъ, и вела блокаду съ такою строгостью, что только одному кораблю изъ «*польскаго флота*», подъ командою капитана Маньяна, удалось 2-го сентября провезти въ Вордаръ вспомогательный военный отрядъ изъ 40 человѣкъ, 4 орудія, и нѣкоторое количество ружей и аммуницій.

Появленіе Императора въ Ливадіи, замкѣ на Черномъ морѣ, принадлежавшемъ нѣкогда польскому графу Потоцкому, имѣло большое вліяніе на черкессій вопросъ. Благоговѣйныя заявленія въ дружбѣ и преданности, которыми привѣтствовалъ султанъ на сосѣдней съ его владѣніями крымской почвѣ русскаго Царя, не оставили черкесскимъ агентамъ, находившимся для переговоровъ въ столицѣ, болѣе сомнѣнія насчетъ неосновательности ихъ плановъ, построенныхъ на покровительствѣ и защитѣ Порты. Хотя они часто чувствовали сильную руку «Москвы», но теперь державныя отношенія между Царемъ и султаномъ стали ясны для нихъ. Страшное отчаяніе овладѣло ими и какъ будто перенесенное электрическимъ токомъ чрезъ Черное море, оно охватило также и братьевъ ихъ на Кавказѣ.

Покоренныя уже прежде сильныя племена кабардинцевъ и осетиновъ, живущія въ областяхъ Малки и на берегахъ Терека, поспѣшили послать Императору, во время его путешествія въ Крымъ, адресы съ увѣреніями въ своей непоколебимой вѣрности и преданности. Покореніе адыгскихъ племенъ, все-еще продолжавшихъ борьбу, было обсуждено и рѣшено въ октябрѣ мѣсяцѣ, при личномъ свиданіи Царя съ великимъ княземъ Михаиломъ въ Ливадіи.

Зима 1863 г. не остановила русскихъ операцій, производившихся противъ заключенныхъ между рѣками Пшехомъ и Пшишемъ частей Кавказа, къ которымъ до сихъ поръ русскія войска не подступали. 5-го ноября, послѣ горячаго сраженія, при которомъ черкесы потеряли 5 орудій, они взяли Джубу. 12-го ноября генералъ Евдокимовъ покорилъ верхнихъ абадзеховъ, которые въ заключенномъ при этомъ договорѣ обязались оставаться спокойными до 1-го февраля 1864 г. и тогда водвориться на мѣстахъ, которыя укажетъ имъ Россія, или переселиться въ Турцію.

Въ началѣ 1864 г. судьба Кавказа была рѣшена. Тайныя усилія Порты поддержать его оказались столь же безсильными, какъ и попытки польской эмиграціи избавить свою отчизну отъ грустнй участи, угрожавшей ей, вторженіемъ въ тылъ своего смертельнаго враш Грозныя приготовленія Россіи въ Николаевѣ и Керчи парализовали стремленія обѣихъ, и Порта увидѣла себя даже вынужденною объявить, что съ «польскимъ флотомъ» Маньяна она будетъ поступать какъ съ пиратами, если онъ осмѣлиться перехватывать въ ея водахъ русскія суда. Съ другой стороны, въ Константинополѣ втайнѣ питали, въ январѣ мѣсяцѣ 1864 г., великія надежды на англо-польское предводитель-

ство черкесами; разсчитывали, что въ теченіе зимы на черкесскіе берега будутъ присланы деньги, аммуниція и провіантъ, и надѣялись на блестящія сраженія, которыя напомнятъ славныя времена Шамиля.

Небольшія вспомоществованія, пришедшія къ черкесамъ оправдывали, повидимому, эти надежды; но наступившая весна привела за собой горькое разочарованіе. Уже и безъ того тяжелое положеніе адыгскихъ племенъ дошло до отчаяннаго состоянія. Война велась обѣими сторонами съ безпощадною жестокостію. Ни суровая зима, ни бури на черкесскомъ берегу не были въ силахъ прекратить кровопролитную борьбу. Не проходило ни одного дня безъ сраженія. Страданія окруженныхъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ адыгскихъ племенъ, происходившія вслѣдствіе недостатка средствъ пропитанія и аммуниціи, превосходили, по сообщеніямъ ихъ англо-польскихъ предводителей, все, что можно себѣ представить. Въ началѣ января показались русскія колонны и разставлили по вновь проведенной дорогѣ отъ Кутаиса въ Анапу свои посты не безъ горячихъ сраженій. Начавшаяся въ началѣ декабря 1863 г. эмиграція черкесовъ, поселенія которыхъ были расположены на этой дорогѣ до Никопси, въ Самсунъ и Константинополь, приняла въ февралѣ мѣсяцѣ 1864 года, вслѣдствіе январскихъ неудачъ, такіе огромные размѣры, что поставила Порту въ крайне затруднительное положеніе. Въ мартѣ мѣсяцѣ абадзехи были отодвинуты русскими отъ устьевъ Кубани къ форту Вельяминовскому, при устьѣ Туапсе, а шапсугское племя было вынуждено къ переселенію на низменности Кубани или въ Турцію. Только убыхи, третье адыгское племя, съумѣли сохранить еще свою независимость. 1-го апрѣля они сражались съ русскими и потеряли 2,000 человѣкъ, послѣ чего имъ также не оставалось другаго исхода, какъ вступить съ побѣдителями въ переговоры о безпрепятственномъ переселеніи въ Турцію. И вотъ послѣдняя укрѣпленная позиція горцевъ на Черномъ морѣ, фортъ Вардаръ, перешелъ во власть русскихъ. Всѣ иностранные офицеры, находившіеся въ черкесскихъ рядахъ, искали спасенія въ бѣгствѣ къ гаванямъ Самсуна и Варны, причемъ чрезвычайно пригодились присланные въ эти гавани правительственные турецкіе пароходы. Бѣглецы захватили съ собой немногія непопавшія въ руки непріятеля орудія.

Покореніе Кавказа праздновалось во всей Россіи съ большою торжественностью; но съ наибольшею помпой его праздновали въ красно-

сельскомъ лагерѣ близъ Петербурга. На этомъ празднествѣ присутствовалъ самъ Императоръ, давшій разныя отличія георгіевскимъ кавалерамъ и всѣмъ полкамъ, отличившимся въ сраженіяхъ противъ горцевъ. Всѣмъ кавказскимъ воинамъ, находившимся въ живыхъ, были даны, въ воспоминаніе ихъ участія въ кавказской войнѣ, знаки отличія въ видѣ чернаго креста съ такими же *мечами*. Особенныя преимущества и ордена получили войска, находившіяся на Кавказѣ отъ 1859 до 1864 г. Храбрымъ солдатамъ нижегородскаго полка императоръ сдѣлалъ честь зачисленіемъ себя въ списки ихъ полка. Персидскій посланникъ въ Тифлисѣ, Мирза-Юсуфъ-ханъ, поднесъ торжественное поздравленіе съ счастливымъ окончаніемъ войны, отъ лица шаха, кавказскому намѣстнику великому князю Михаилу. Будущее покажетъ, что Персія имѣла такъ же мало основаній радоваться этому счастливому окончанію войны, какъ и сама Турція.

14 апрѣля, великій князь Михаилъ прибылъ въ Сочу, взятую генераломъ Гейманомъ, и тамъ лично принималъ старшинъ покоренныхъ адыгскихъ племенъ. Многіе изъ явившихся предпочли предоставленное имъ на выборъ переселеніе во владѣнія Порты переселенію на Кубань и просили дать имъ средства, необходимыя для выполненія этого рѣшенія.

Изъ Мадзимта, куда великій князь отправился въ сопровожденіи кубанскаго главнокомандующаго, графа Евдокимова, онъ телеграфировалъ своему Августѣйшему Брату 2 іюня, послѣ депеши изъ атчинскаго лагеря, приведенной выше, слѣдующее: «Вчера прибыли сюда отряды г. л. князя Ильинскаго и г. мм. Шаликова, Геймана и Граббе, и нынѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ. Состояніе здоровья войскъ удовлетворительно. Они имѣютъ превосходный видъ». Такъ кончилось начатое въ 1841 г. и поглотившее потоки человѣческой крови завоеваніе западнаго Кавказа, и теперь обладаніе имъ сдѣлалось совершившимся фактомъ для Россіи.

Между тѣмъ какъ Австрія и Пруссія готовились вторгнуться въ датскую Ютландію, между тѣмъ какъ Россія вновь накладывала свою руку на бунтующую Польшу, въ тотъ самый моментъ, когда англійскіе берега оглашались эхомъ шума, поднятаго Гарибальди—исходилъ кровью, на берегахъ Чернаго моря, подъ мечемъ побѣдителя одинъ изъ храбрѣйшихъ на всемъ земномъ шарѣ народовъ, ожидавшій также, подобно датчанамъ, полякамъ и итальянцамъ, дѣятельнаго содѣйствія отъ великодушнаго Альбіона,—содѣйствія, которое ему было обѣщано много разъ

этою покровительствующею на словахъ націею всѣмъ угнетеннымъ народамъ, которые, однако же, не смотря на многократныя разочарованія, продолжаютъ возлагать на нее свои надежды, разсчитывать на ея защиту и помощь. Когда, послѣ окончанія кавказской войны, русское войско, закаленное въ бою, освободилось на Эльбрусѣ, неожиданное выступленіе его въ походъ противъ Бухары послужило указаніемъ на начало новыхъ операцій Россіи, клонившихся къ осуществленію ея обширныхъ плановъ въ центральной Азіи. Блестящіе успѣхи, которыхъ она достигла вскорѣ затѣмъ на Амурѣ и *Алатауской* области, нарушили спокойствіе англійскаго народа. При этомъ русское государство продолжало преслѣдовать свои завоевательные планы противъ Турціи съ удивительною послѣдовательностью. Прежде вела она ихъ тихо, безъ малѣйшаго шума и въ одной формѣ, а именно въ видѣ требованій выполненія Парижскаго договора и безпрестанныхъ напоминаній о немъ. Эта борьба не прекращалась ни на одну минуту.

Почти насильственно вынужденное переселеніе мусульманскихъ грузинъ и персовъ изъ Эривани и Грузіи, отнятыхъ у Персіи въ 1827 г., и замѣна ихъ тысячами армянскихъ семействъ съ нагорныхъ равнинъ Анатоліи, ссылки послѣ крымской войны возстающихъ противъ Россіи татаръ и привлеченіе на ихъ мѣсто трудолюбивыхъ болгаръ суть проявленія этой безкровной, но тѣмъ не мѣнѣе угрожающей страшными послѣдствіями для Турціи войны. Между тѣмъ какъ Россія посылаетъ послѣдней иновѣрные съ нею, Россіею, разбойничьи элементы своихъ вновь завоеванныхъ территорій, она оттягиваетъ у ней своихъ единовѣрцевъ, способныхъ въ цивилизаціи и въ высшей степени трудолюбивыхъ, и такимъ образомъ усиливается, укрѣпляется насчетъ своей противницы, прядетъ крѣпкую нить, которая должна привести ее наконецъ къ цѣли ея стремленій—Константинополю, такъ какъ нынѣ рѣшаетъ участь борьбы за существованіе, которую ведетъ государство, не грубая физическая сила, а духовный перевѣсъ одной націи надъ другой.

Слова, сказанныя великимъ княземъ Михаиломъ 14 апрѣля 1864 г. старшинамъ адыгскихъ племенъ, враждебныхъ Россіи, прямо истекаютъ изъ этой систематической политики Россіи. Онъ заявилъ имъ, что со всѣми черкесами, которые останутся въ горахъ по истеченіи мѣсяца, будетъ поступлено, какъ съ военноплѣнными. Фаталистическіе, дикіе, боящіеся работы горцы должны были оставить свои аулы, а на ихъ мѣсто были поселены казацкія колоніи съ Дона и Азовскаго моря, народона-

селеніе которыхъ, преданное Россіи, поможетъ ей достигнуть ея великихъ цѣлей на Черномъ морѣ. Угрозы великаго князя произвели свое дѣйствіе. Эмиграція черкесовъ въ Малую Азію, бывшая уже довольно значительною въ февралѣ мѣсяцѣ, приняла послѣ этого громадные размѣры. Длинными караванами потянулись горные народы съ своихъ высокихъ горъ къ берегамъ Чернаго моря, сѣли на свои корабли, большею частью дурно построенные, и поплыли къ гаванямъ Самсуну, Синопу и Трапезунду, чтобы высадиться на малоазіатскую, турецкую почву. Многіе изъ этихъ переселенцевъ погибли въ волнахъ Понта эвксинскаго — грустная участь, но все-таки, какъ увидитъ читатель позднѣе, менѣе достойная сожалѣнія, чѣмъ та, которая постигла высадившихся на берегъ. «Упрямство и враждебность», объяснялъ петербургскій «*Инвалидъ*», «переселившихся въ Турцію племенъ, которыя не хотѣли оставаться подъ владычествомъ Россіи, освобождаютъ послѣднюю отъ всякой отвѣтственности относительно ихъ; только въ виду ихъ неспособности заботиться о своихъ собственныхъ интересахъ принялъ великій князь всѣ мѣры для облегченія ихъ участи».

Русскіе транспортные корабли и частные пароходы, три турецкіе разоруженные фрегата и два парохода вращались безпрестанно между черкесскими берегами и Трапезундомъ, чтобы перевозить переселенцевъ, стремившихся бурнымъ потокомъ къ восточнымъ гаванямъ. По сообщеніямъ вышеупомянутой русской газеты, число переселенцевъ, выселившихся въ теченіе зимы и весны, до 10 іюля 1864 г., въ разныя гавани, было слѣдующее:

Тамань.	37,337	человѣкъ.
Анапа	16,452	»
Новороссійскъ.	61,995	»
Туапсе. . . . . . , .	63,449	»
Кубань и Соча	46,754	»
Адлеръ и Гости	20,731	»

а всего 236,718 человѣкъ, изъ которыхъ на русскія средства были отправлены 61,395.

Такой неожиданный наплывъ въ немногія гавани эмиграціи безъ всякихъ собственныхъ средствъ способенъ былъ поставить въ затруднительное положеніе даже всякое другое правительство, обладающее лучшими колонизаторскими способностями, чѣмъ турецкое. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что при этомъ внезапномъ наплывѣ было упущено изъ виду

назначеніе пунктовъ колонизаціи, и вслѣдствіе этого переселенцы подверглись страшнымъ бѣдствіямъ, которыхъ не могла значительно облегчить частная благотворительность всѣхъ турецкихъ и въ особенности высшихъ кружковъ. Уже въ декабрѣ 1862 г. «Courier de l'Orient» открылъ для сбора вспомоществованій для черкесовъ подписку, которая дала превосходные результаты. Россія, конечно, протестовала противъ этого открытаго заявленія симпатій къ горцамъ, все-еще не совсѣмъ успокоившимся, но Порта отклонила отъ себя всякую отвѣтственность за собраніе суммъ съ благотворительною цѣлью и отвѣтила на нѣкоторыя воинственныя демонстраціи Россіи на устьяхъ Прута вооруженіемъ своихъ фортовъ на Черномъ морѣ и улучшеніемъ вооруженія дарданельскихъ крѣпостей. Впрочемъ, все это дѣлалось болѣе для вида, чтобы хотя отчасти успокоить возбужденное настроеніе константинопольскаго населенія.

Вскорѣ затѣмъ полковникъ Рауфъ-бей, урожденный черкесъ, роздалъ, отъ имени падишаха, султанши валидэ и наслѣднаго принца Иззедина, наиболѣе нуждавшимся черкесамъ 300,000 піастровъ. Потомъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, султанъ пожертвовалъ 5.000,000 піастровъ изъ своей собственной кассы, и это дало сильный толчекъ общей благотворительности въ пользу черкесской эмиграціи, въ сильномъ наплывѣ которой была виновата отчасти сама Турція. Высшіе сановники Порты жертвовали также большія суммы. Свита султана подписала 100,000, шейхъ-уль-исламъ и его вѣдомство — 40,000, Фуадъ-паша 10,000 и прочіе министры не менѣе 5,000 піастровъ. Мать и жена египетскаго вице-короля, находившіяся именно въ это время при константинопольскомъ дворѣ, прибавили къ вышеупомянутымъ 150,000, съ своей стороны еще 300,000. Провинціальные города послѣдовали примѣру, поданному Константинополемъ, и одинъ Адріанополь собралъ для постройки домовъ для переселенцевъ около 400,000 піастровъ; но, къ несчастію, правительство отправило слишкомъ поздно корабли съ провіантомъ въ малоазіатскія гавани. Съ своей стороны англійское правительство, вспомнивъ симпатіи, которыя оно нѣкогда питало къ черкесамъ, отправило изъ Мальты, въ началѣ іюля, въ Самсунъ и Трапезундъ корабль съ сухарями. Всѣ эти пожертвованія правительства и частныхъ лицъ были, однако же, не въ силахъ уничтожить голодъ и страшную смертность, открывшуюся между переселенцами вслѣдствіе отсутствія всякихъ административныхъ и санитарныхъ мѣръ въ ихъ малоазіатскихъ поселеніяхъ. Уже въ февралѣ мѣсяцѣ изъ 10,000 черкесовъ, высадившихся въ Трапезундѣ, 3,000

сдѣлались жертвою смертельныхъ болѣзней. Не смотря на это, однако же, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ вспомогательныхъ источниковъ, число пришельцевъ увеличивалось съ каждымъ днемъ, что, конечно, развивало еще болѣе болѣзни и смертность, причиняемыя всегда большимъ скопищемъ народа на ограниченномъ пространствѣ. Въ Трапезундѣ число бѣдствующихъ, безпомощныхъ переселенцевъ доходило въ апрѣлѣ до 70,000 человѣкъ, а въ Самсунѣ въ то же время оно возросло съ 30,000 до 110,000. Хотя уже въ началѣ іюня 3,000 черкесовъ были перевезены въ Европу, но, тѣмъ не менѣе, сообщеніе д-ра Бародзи, собиравшаго свѣдѣнія, по оффиціальному порученію, въ этомъ самомъ мѣсяцѣ, представляетъ страшную картину бѣдствій черкесскихъ переселенцевъ,—картину, которой раздирающія душу подробности выставляютъ какъ нельзя лучше на видъ безпечность и отсутствіе всякихъ организаторскихъ способностей въ органахъ Порты. «Даже когда они уже водворены, говоритъ докторъ Бародзи, на мѣстахъ своего жительства, то и тутъ ихъ положеніе не лучше. Они остаются безъ крова, никто объ нихъ не заботится, никакихъ гигіенически-предохранительныхъ мѣръ не принимается. Вслѣдствіе этого они живутъ въ нищетѣ, посреди дохлыхъ животныхъ и мертвецовъ, остающихся безъ погребенія, истребляемые оспою, занесенною ими съ Кавказа и распространяемою далѣе, тифомъ и другими близкими къ нему болѣзнями, являющимися всегда вслѣдствіе разныхъ лишеній и голода. Въ каждомъ семействѣ есть по крайней мѣрѣ одинъ больной; нерѣдко случается также, что и цѣлыя семьи вымираютъ. Больные остаются безъ всякаго попеченія и ухода; они лежатъ на голой землѣ, неограждаемые ничѣмъ отъ непогоды и лишенные всякой медицинской помощи. Четыре или пять медиковъ, отправленныхъ въ эти поселенія, не могутъ оказать никакой помощи при томъ бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находятся больные. Въ этомъ состояніи они умираютъ и, умерши, гніютъ на томъ же самомъ мѣстѣ».

«Въ Трапезундѣ умирало въ послѣдніе мѣсяцы ежедневно болѣе 400 человѣкъ на число 24—30,000 переселенцевъ. Въ Сере-Дере умирало ежедневно болѣе 300 человѣкъ; въ Самсунѣ же смертность по истинѣ доходитъ до ужасающихъ размѣровъ. Въ Дервентѣ и Ирмакѣ умирало ежедневно, незадолго до моего отъѣзда, до 500 человѣкъ на 40—50,000 переселенцевъ, и по всей вѣроятности это исчисленіе остается ниже дѣйствительности. Причина усиленной смертности въ Самсунѣ заключается въ томъ, что нищета тамъ сильнѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ. Средства пропитанія у черкесовъ вездѣ крайне ограничены, въ Самсунѣ

же господствуетъ ужасающій голодъ. Многіе изъ этихъ несчастныхъ питаются травами, кореньями и разными объѣдками, которые имъ удается гдѣ-либо добыть».

«Хлѣбъ, говоритъ въ одномъ мѣстѣ Бародзи, единственное пропитаніе, которое государство даетъ имъ, могъ бы отчасти парализовать голодъ, если бы онъ выдавался только истинно нуждающимся; но, къ несчастію, бѣднякъ-то именно и забывается, такъ какъ нѣтъ никакого учрежденія, которое слѣдило бы за правильнымъ и справедливымъ раздѣленіямъ пищи».

Мы приводимъ здѣсь лишь немногія мѣста изъ правдиваго сообщенія д-ра Бародзи, представленнаго имъ Высокой Портѣ. И все-же нищета эмиграціи, во время ея пребыванія въ колоніяхъ, не достигла еще тѣхъ ужасающихъ размѣровъ, до которыхъ она дошла позже. Многочисленныя массы черкесовъ прибыли еще съ Кавказа. Въ августѣ мѣсяцѣ накуточское племя, состоящее изъ 15,000 человѣкъ, сѣло въ Новороссійскѣ на 15 мачтовыхъ кораблей подъ турецкимъ флагомъ, а между тѣмъ каждый новый приливъ ухудшалъ положеніе прибывшихъ прежде на турецкіе берега переселенцевъ. Мѣры, предложенныя д-ромъ Бародзи и другими врачами, не были приняты Высокой Портой во вниманіе и въ началѣ сентября одинъ Самсунъ заключалъ въ себѣ 50,000 черкесскихъ труповъ рядомъ съ 60,000 живыхъ переселенцевъ.

Приготовленія для принятія и поселенія черкесовъ въ назначенныхъ турецкимъ правительствомъ территоріяхъ шли чрезвычайно медленно впередъ. Черкесы, расположившіе свой лагерь на другой сторонѣ, на азіатскихъ возвышенностяхъ Долмабахчи, нарушали спокойствіе султана, въ его волшебномъ, увеселительномъ зáмкѣ, своими неотступными требованіями дать имъ земли. Но все было напрасно. Лишь въ іюлѣ начали ихъ переселять большими массами на отведенныя имъ земли. Насколько безсовѣстно производились всѣ эти колонизаторскія операціи, можетъ доказать одинъ фактъ, сообщенный «Allgemeine Zeitung». «Въ Ларнакъ, на островѣ Кипрѣ, вошли три маленькія судна, заключавшія въ себѣ 2,100 черкесовъ, изъ которыхъ дорогой умерло менѣе отъ заразительной болѣзни, чѣмъ отъ жажды и голода въ продолженіе тридцати-двухдневнаго переѣзда, 1,300 человѣкъ [1]) Народонаселеніе

---

[1]) Изъ другаго сообщенія видно, что этихъ несчастныхъ было натискано 2,700 человѣкъ, стѣсненныхъ какъ сельди въ боченкѣ и не имѣвшихъ воды для питья, и что умерло изъ нихъ 1,441 человѣкъ.

Ларнака и тамошній французскій консулъ возставали энергически противъ высадки на берегъ полумертвыхъ людей, зараженныхъ тифомъ или оспою. Одинъ пароходъ, плывшій по той же самой дорогѣ, по которой прошли незадолго предъ нимъ эти суда съ черкесами, могъ прослѣдить ихъ путь по плывшимъ трупамъ».

Трудно опредѣлить по тѣмъ немногимъ и неполнымъ данным, которыя находятся у насъ въ рукахъ, мѣста, на которыхъ были основаны черкесскія колоніи, разумѣется за исключеніемъ тѣхъ областей, по которымъ я самъ путешествовалъ. Конечно, еще труднѣе было бы опредѣлить число народонаселенія каждой изъ этихъ колоній. Большая часть эмигрантовъ была поселена въ Малой Азіи. Въ Родосто, на берегахъ Мраморнаго моря, поселился въ области, особенно выгодно расположенной, Гаджи-Кирандугъ, глава большаго убыхскаго племени, съ принадлежащими ему лично 350 семействами. Недалеко оттуда, въ Пандермѣ, была основана колонія изъ 6,800 челокѣкъ. Многія тысячи переселенцевъ были отвезены на островъ Кипръ, въ Смирну и Исмидъ.

Число черкесскихъ эмигрантовъ, вывезенныхъ въ Европу, доходило, по оффиціальнымъ турецкимъ вѣдомостямъ, уже въ іюлѣ 1864 года до 40,000 семействъ. Съ тѣхъ поръ 6,000 семействъ было провезено чрезъ Бургосъ въ Адріанополь и Ислимію, 13,000 семействъ чрезъ Варну въ Шумлу, въ пашалыки Силистрію и Виддинъ, 12,000 семействъ были отправлены въ генералъ-губернаторства Ниша и Софіи (изъ оныхъ до 12,000 душъ были поселены на знаменитомъ Коссовомъ полѣ, близъ Приштины) и 10,000 семействъ въ Систовъ, Никополь, Рущукъ и Добруджу. Высадка черкесскихъ колонистовъ окончилась въ дунайскихъ гаваняхъ лишь въ августѣ 1864 года. Общее число всѣхъ поселившихся въ вышеуказанныхъ мѣстахъ доходитъ до 150—200,000 душъ. По русскимъ вычисленіямъ, съ Кавказа переселилось за нѣсколько мѣсяцевъ до его окончательнаго завоеванія 60,000 тысячъ человѣкъ. Въ 1855, 1859, 1862 и 1863 годахъ число переселенцевъ доходило до 80,000. И того стало быть, считая переселившихся въ 1864 году, общая сумма всѣхъ переселенцевъ превышала число 400,000 душъ обоихъ половъ, а къ концу года въ Константинополь было сообщено о приготовленіи къ переселенію новыхъ племенъ, между которыми одно племя князя Абхазіи Михаила (?) заключало въ себѣ до 40,000 душъ.

Страны, оставленныя горцами, скоро будутъ замѣнены новыми поселенцами. Уже въ половинѣ 1864 года Россія поселила на мѣстѣ по-

бѣжденныхъ, отправленныхъ ею въ мѣста съ плоскою поверхностью — 150,000 черкесовъ 90 казацкихъ станицъ съ народонаселеніемъ 103,000 душъ, жившихъ на Кубани. Когда завоеваніе горныхъ народовъ окончилось, русское правительство было осаждено просьбами о дозволеніи переселеній. Адмиралтейскія крестьянскія семейства изъ Николаева получили уже въ іюнѣ мѣсяцѣ дозволеніе переселиться въ прибрежную область на весьма выгодныхъ условіяхъ. Для русскихъ поселенцевъ водвореніе на Кавказѣ облегчалось продажей имъ по дешевой цѣнѣ скота, который черкесы были вынуждены оставить за невозможностію перевозить его. Съ другой стороны, говорятъ, что и самая почва во многихъ мѣстахъ весьма плодородна.

Но такъ какъ казацкое населеніе, довольно рѣдкое на Дону и Азовскомъ морѣ, не можетъ доставить одно необходимый контингентъ для заселенія Кавказа, то Россія, вслѣдствіе своей непрерывной безкровной войны, обратила свои взоры къ Малой Азіи, на единовѣрный съ нею армянскій народъ. Обстоятельство, что Порта не въ состояніи ограждать край отъ грабежей кочевыхъ турокъ и другихъ, приходится какъ нельзя болѣе кстати русскимъ консуламъ и агентамъ, усердно проповѣдующимъ въ этихъ странахъ переселеніе на Кавказъ. 1,500 семействамъ съ озера Ванъ и армянской нагорной равнины уже переселились въ сентябрѣ, и тысячи другихъ должны были за ними послѣдовать. Эти армянскія эмиграціи отправляются обыкновенно чрезъ Грузію въ русскую гавань города Поти, откуда русскіе правительственные корабли перевозятъ ихъ на кавказскій берегъ. Если сравнить выгоды подкрѣпленія мусульманскаго элемента въ Европейской Турціи посредствомъ черкесскаго переселенія, принимая при этомъ въ соображеніе ту огромную смертность, отъ которой такъ сильно пострадала эта эмиграція, съ ущербомъ, причиненнымъ азіатско-турецкимъ владѣніямъ чрезъ переселеніе наилучшихъ земледѣльцевъ, наилучшаго анатолійскаго народонаселенія, составляющее въ дополненіе весьма значительное подкрѣпленіе для Россіи, то окажется въ выигрышѣ не Турція, а та же Россія, ея противница, замѣнившая враждебныхъ ей, лѣнивыхъ и неспособныхъ къ работѣ черкесовъ народомъ трудолюбивымъ и единовѣрнымъ съ нею, армянами.

Послѣ моей попытки набросать въ краткихъ очеркахъ картину послѣдняго акта завоеванія Кавказа и послѣдствій онаго я попробую сдѣлать вѣрное описаніе черкесской колонизаціи на Балканѣ, въ центръ которой меня привели въ 1864 году научныя изысканія. Изнуренные всѣми лишеніями,

голодомъ, болѣзнями, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, сѣли черкесы, которымъ были отведены мѣста на Дунаѣ и которые жили безъ крова, на бивакахъ въ Синопѣ, Самсунѣ и Трапезундѣ, на турецкіе правительственные долго ожидаемые ими корабли. Лишь палубы непріятельскихъ бѣгущихъ судовъ могли бы соперничать въ сценахъ, которыя происходятъ на ихъ палубахъ, съ тѣми, которыя представлялись на палубахъ кораблей, перевозившихъ мирныхъ переселенцевъ. По словамъ очевидцевъ, эти палубы представляли самыя ужасныя, раздирающія душу зрѣлища. Я не буду развертывать предъ читателемъ картины этого транспорта человѣческаго товара ни на морскихъ, ни на дунайскихъ пароходахъ, ни на мачтовыхъ корабляхъ. Но я постараюсь вѣрно изобразить зрѣлище, которое представляла эта эмиграція голодныхъ, обезображенныхъ оспою людей и обезображенныхъ труповъ, когда она уже находилась на берегахъ рѣки, которую нѣмцы съ такою любовью называютъ своею. Кто знаетъ очаровательную прелесть этихъ береговъ, тотъ понимаетъ вдохновеніе пѣвцовъ, которые въ прошедшія и настоящія времена воспѣвали и воспѣваютъ рѣку, текущую между ними, тотъ понимаетъ и желаніе народовъ, пришедшихъ разъ на нихъ, не разставаться съ ними. Тамъ, въ Болгаріи, между сербскою пограничною рѣкой Тимокомъ и турецкимъ Ломомъ, тянется вдоль дунайскаго берега полоса бугристой земли, поднимающаяся надъ уровнемъ воды на сотню футовъ. Она покрыта прелестными дубовыми и буковыми рощами, осѣняющими своею тѣнью ея плодородную, черноземную почву, покрыта виноградниками, фруктовыми, табачными и шелковичными плантаціями. Эта волнистая слегка область, орошаемая многочисленными источниками, отличается также превосходнымъ умѣреннымъ климатомъ. До 20,000 черкесовъ нахлынули въ нее близъ Лома. Очаровательный видъ, открывающійся оттуда на могучую Балканскую цѣпь, величественно заключающую прелестный пейзажъ, произвелъ на дикихъ выходцевъ Кавказа то же самое магическое дѣйствіе, которое, много столѣтій тому назадъ, испытывали на себѣ приходившіе туда римляне, византійцы, славяне и финно-болгары. Черкесы, вслѣдствіе того, что сейчасъ при вступленіи на эту землю они предали ей дорогихъ имъ умершихъ собратьевъ, думали, что они имѣютъ полное право поселиться на ней и рѣшили построить тутъ свои шалаши. По патріархальному обычаю, ихъ старшины воткнули свои кинжалы въ землю, съ полною увѣренностью, что этимъ самымъ они пріобрѣли ее въ свое владѣніе. Только, къ несчастію, правительство Порты не имѣло въ виду поселять черкесскія колоніи на Дунаѣ, гдѣ она имѣла

уже сильную опору въ турецкомъ населеніи многочисленныхъ портовыхъ городовъ, но хотѣла водворить ихъ именно тамъ, гдѣ турецкаго населенія совсѣмъ не было, на болгаро-тимокской границѣ, которой еще въ 1862 году угрожали воинственные сербы, и въ срединѣ горныхъ болгарскихъ народонаселеній, составлявшихъ плотныя массы.

Черкесскимъ колоніямъ, какъ и татарскимъ переселенцамъ, прибывшимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было назначено населять клинъ, идущій съ востока на западъ, въ противоположномъ направленіи магометанско-албанскому элементу, которому они, въ случаѣ нужды, могли бы подать руку и такимъ образомъ составить живую пограничную изгородь между христіанскими болгарскими массами и ихъ единовѣрцами сербами.

Однако же черкесская эмиграція оказалось мало способною къ уразумѣнію миссіи, для которой предназначала ее Порта. Она ни подъ какимъ видомъ не хотѣла оставлять прекрасныхъ дунайскихъ береговъ. Но чего не могли сдѣлать увѣщанія турецкихъ чиновниковъ, то сдѣлало оружіе окружавшихъ ихъ солдатъ низама. Они должны были отправиться далѣе. Но какія же мѣры приняло турецкое правительство для облегченія пути этимъ несчастнымъ переселенцамъ къ мѣсту ихъ назначенія или для поселенія ихъ на ономъ? Почти никакихъ. Турки, также какъ и сами черкесы, не отличаются организаторскими способностями. Чего не сдѣлало государство, должна была бы сдѣлать частная благотворительность. Но турки были раздражены гордымъ поведеніемъ пришельцевъ, принимавшихъ видъ не бѣглецовъ, ищущихъ защиты и убѣжища, но завоевателей. Фатумъ преслѣдовалъ неотступно несчастную эмиграцію и сопровождалъ ее съ береговъ Малой Азіи на берега Дуная. Семейство агента дунайскаго пароходства Роеско, дѣлавшее все, что было въ его силахъ, для облегченія страданій 20,000 переселенцевъ, расположившихъ свой лагерь въ Ломъ-Паланкѣ, возлѣ пароходной пристани, и умиравшихъ отъ голода и болѣзней, въ теченіе цѣлыхъ недѣль не могло открывать оконъ, выходившихъ на рѣку, чтобы не дышать ужаснымъ воздухомъ, зараженнымъ отъ тысячи больныхъ и мертвецовъ, остававшихся на поверхности земли. Въ одинъ чудный, теплый октябрскій день, какіе бываютъ нерѣдко въ этомъ поясѣ, ѣхалъ я чрезъ высокій балканскій проходъ св. Николая въ нишавскую долину по военной дорогѣ, вновь проведенной Мидхадомъ-пашею. Не удалось однако же мнѣ какъ уже извѣстно читателю, найти тамъ городъ, показанный на нашихъ картахъ въ этихъ странахъ, а не удалось мнѣ это по той простой причинѣ, что онъ совсѣмъ не существуютъ; но за то я нашелъ

тамъ множество богатыхъ, красивыхъ селъ, которыхъ не значится на нашихъ картахъ. Сборъ винограда и жатва маиса были въ полномъ разгарѣ. Вездѣ встрѣчалъ я веселое зрѣлище человѣческой дѣятельности, и картина эта еще лучше оттѣнялась контрастомъ голубой и теплой атмосферы яснаго осенняго дня и серебристаго блеска вновь выпавшаго, снѣга на верхнихъ частяхъ Балкана.

Одно черное пятно выдавалось на этой свѣтлой картинѣ,—пятно, которое не можетъ до сихъ поръ изгладиться изъ моего воспоминанія и которое мѣшало мнѣ наслаждаться очаровательными ландшафтами природы. Пятно это составляли свѣжія черкесскія могилы, тянувшіяся рядами съ правой и лѣвой сторонъ дороги между группами деревьевъ или разбросанныя на низкихъ холмахъ въ количествѣ 2—3 до 20. Эти могилы, окаймленныя, вмѣсто цвѣтовъ, голышами или обломками скалъ, громко свидѣтельствовали о бѣдствіяхъ великаго черкесскаго похода, тянувшагося незадолго предъ тѣмъ по новой дорогѣ, которую по справедливости можно назвать «могильною».

Не менѣе грустною, какъ и всѣ эти бѣдствія несчастныхъ переселенцевъ, представлялась участь болгаръ, для переселенія съ которыми послѣдніе были привлечены въ эту территорію. Не успѣли они еще отдохнуть отъ всѣхъ жертвъ, возложенныхъ на нихъ татарскою колонизаціей въ 1861 г., какъ ихъ вновь заставили строить для этихъ пришельцевъ дома, стоимость которыхъ имъ обѣщали высчитывать изъ ихъ податей, что, впрочемъ, не было исполнено въ дѣйствительности, и не только подати не были уменьшены, но, кромѣ того, ихъ заставили опять уступить черкесамъ, какъ прежде татарамъ, безъ всякаго вознагражденія, лучшіе участки изъ ихъ земель на томъ основаніи, что вся земля есть собственность султана. Я предвижу, что многіе изъ читателей, проникнутыхъ европейскими понятіями о правѣ собственности, усомнятся въ дѣйствительности всѣхъ этихъ фактовъ; однако же они нимало не преувеличены: все это происходило именно такъ.

По другую сторону Балканъ, въ Чрвенибрегѣ, близъ Бѣла Паланки, я встрѣтилъ первое черкесское село. Позднѣе я видѣлъ новыя ихъ поселенія въ Нишѣ, потомъ въ Мраморѣ, на болгарской Моравѣ, далѣе колоніи, названныя именами достославныхъ султановъ, какъ-то: Меджидіегъ, Османіегъ, Махмудіегъ и др. Въ области, описываемой мною въ этомъ томѣ, было расположено 14 черкесскихъ колоній, изъ которыхъ 6 выпало на долю округа Кулы, 3 на долю округа Бѣлградчика, 1 на долю Ломскаго округа, 1 на долю Пиротскаго и 3 на долю Ни-

ша. Въ большей части этихъ поселеній семейныя усадьбы, или дворы, тянувшіеся длинными рядами, были еще не окончены, когда я посѣщалъ ихъ въ 1864 г., и пришельцы жили, въ ожиданіи ихъ окончанія, въ домахъ болгаръ, которые были вынуждены, такимъ образомъ, искать себѣ убѣжища гдѣ хотѣли.

Тутъ я нашелъ остатки сильно сплоченныхъ черкесскихъ семейныхъ общинъ или такъ называемыхъ юнчей. Только въ рѣдкихъ изъ нихъ встрѣчалось отъ 7 до 12 душъ, находившихся большею частью въ самомъ отчаянномъ, самомъ бѣдственномъ положеніи. 20 паръ (5 новыхъ крейцеровъ) и 1/2 ока (1 фунтъ) маиса на человѣка въ день не достаточны даже и въ благословенной Болгаріи для удовлетворенія самыхъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей, хотя это и составляло огромное отягощеніе для государства или скорѣе для болгарскихъ райевъ, такъ какъ это вспомоществованіе было назначено пришельцамъ на три года вмѣстѣ съ увольненіемъ ихъ на этотъ же срокъ отъ всякихъ податей и повинностей.

Часто видѣлъ я трехъ-четырехъ больныхъ разнаго возраста и пола, валявшихся на голомъ, глиняномъ, отсырѣвшемъ отъ ночной росы полу убогихъ жилищъ; кромѣ того, они задыхались отъ чернаго дыма, который валилъ густыми клубами отъ тлѣвшаго зеленаго хвороста, плохо поддававшагося огню, и скученные вмѣстѣ съ здоровыми глотали съ жадностью «лихорадки голода» неспѣлые плоды и куски черстваго, тяжелаго маисоваго хлѣба.

Единичная помощь безсильна противъ такихъ бѣдствій. Попадая въ среду этихъ несчастныхъ, принимавшихъ меня часто за гекина (врачъ), давно обѣщаннаго имъ правительствомъ, я имъ отдавалъ все, чѣмъ могъ располагать. Въ Османіегѣ, забывая себя и своихъ спутниковъ, я отдалъ весь запасъ хинины, находившейся въ моей путѣвой аптекѣ, чтобы облегчить по крайней мѣрѣ на нѣсколько часовъ страданія этихъ безпомощныхъ, жалкихъ людей, страдавшихъ большею частью отъ лихорадки. Положеніе ихъ ухудшалось еще болѣе невозможностью объясняться съ своими сосѣдями: татарами и болгарами и даже съ самими турецкими чиновниками иначе, какъ чрезъ посредство очень немногихъ изъ своихъ старшинъ, знавшихъ турецкій языкъ.

Посреди всего этого скопища человѣческихъ бѣдствій и страданій выступала еще ярче, рядомъ съ гордою осанкой и наружностью, съ выраженіемъ сознанія своего достоинства мужчинъ, волшебная, ослѣпительная красота черкесскихъ женщинъ.

Кто пожелалъ бы увидать въ дѣйствительности идеалъ классической женской красоты, который представлялся ему во снѣ или создавался въ его воображеніи по античнымъ первообразамъ, или же кто захотѣлъ бы узнать, почему султаны, ханы и всѣ турецкіе вельможи не жалѣютъ никакихъ средствъ для пополненія своихъ гаремовъ дочерьми Кавказа, тотъ можетъ отправиться въ черкесскія поселенія Балкана; но пусть онъ не теряетъ времени, такъ какъ все благородство этой красоты скоро исчезнетъ подъ гнетомъ нужды и тяжелой работы. Скоро роль этихъ красавицъ Кавказа,—замѣтимъ мимоходомъ, злыхъ, ревнивыхъ и склонныхъ къ самымъ необузданнымъ проявленіямъ своей мести, измѣнится на Дунаѣ; скоро превратятся онѣ изъ одалисокъ въ равноправныхъ членовъ семьи. Однимъ султанскимъ фирманомъ было объявлено, что со вступленіемъ на достославную почву онѣ перестали быть товаромъ. На сколько я могъ замѣтить, ни родители, ни молодое женское поколѣніе, воспитанное въ фантастическихъ мечтахъ о наслажденіяхъ, ожидающихъ ихъ въ будущемъ, вовсе не восхищалось султанскимъ нововведеніемъ, да и фирманъ этотъ, изданный собственно изъ угожденія англійской филантропіи, былъ такимъ же мертворожденнымъ, какъ и многіе другіе.

Цѣна на женскій товаръ съ Кавказа стояла очень высоко. До 1864 г. прекрасныя черкешенки продавались не менѣе 50,000 піастровъ за штуку, что равняется 8,000 гульденамъ; но вслѣдствіе сильнаго наплыва ихъ на рынкахъ и крайней нужды продавцевъ цѣна на нихъ понизилась, и затѣмъ переселенцы вдругъ увидѣли себя лишенными вышеприведеннымъ фирманомъ своего главнаго источника дохода. Въ дополненіе къ этому Порта издала другое постановленіе, казавшееся этимъ переселенцамъ столь же несправедливымъ, а именно—признаніе свободными подданными султана всѣхъ невольниковъ, привезенныхъ ими съ собой. Многочисленныя жалобы черкесскихъ начальниковъ на эту мѣру были рѣшены въ судахъ въ пользу рабовъ, которые по большей части спѣшатъ воспользоваться своими новыми правами и уходятъ отъ своихъ строгихъ господъ [1]). Нужда, являющаяся и здѣсь наилучшимъ учителемъ, вынудила этихъ дикихъ сыновъ кавказскихъ горъ приняться

[1]) Иногда, какъ напр. въ 1874 г., близъ Корлу, въ Адріанопольскомъ вилайетѣ, эти побѣги ведутъ къ настоящимъ битвамъ между господами и освобожденными рабами, къ битвамъ, которыя прекращаются только вмѣшательствомъ вооруженной силы, дѣйствующей обыкновенно въ пользу послѣднихъ.

за обработку земли, которою они были щедро надѣлены, что, впрочемъ, было сдѣлано вовсе не для того, чтобы ослабить предпочтеніе, которое они оказываютъ военному ремеслу или охотѣ ихъ къ воровству движимой и недвижимой собственности ихъ мусульманскихъ и христіанскихъ сосѣдей. И дѣйствительно, эти щедрые надѣлы нимало не повліяли на ихъ воинственныя и хищныя наклонности. Каждый мальчикъ съ гордостью носитъ свое оружіе и представляетъ для безоружнаго райи опаснаго противника. Впрочемъ, сами турки, не исключая даже и чиновниковъ, скоро пришли къ одному заключенію съ христіанами, что кавказскія разбойничьи племена суть истинное наказаніе Божіе. Одна только Порта остается глуха ко всѣмъ жалобамъ противъ нихъ, такъ какъ политическія выгоды, принесенныя ихъ переселеніемъ, покрываютъ всѣ невыгоды онаго. Въ этихъ воинственныхъ переселенцахъ, враждебныхъ христіанамъ, она пріобрѣла неоцѣненное орудіе для подавленія ея райевъ; а что она не ошиблась въ своихъ разсчетахъ, это доказала болгарская попытка къ возстанію въ 1867 г. На сколько турецкіе правители слабы и неспособны въ области администраціи, на столько же они умѣютъ улавливать этнографическій моментъ и пользоваться имъ для поддержанія государственнаго могущества. Съ самаго начала черкесскаго переселенія они не упускали изъ вида своей военно-политической цѣли. Едва переселенцы высаживались на мало-азіатскіе берега, какъ самыхъ могучихъ и сильныхъ изъ нихъ брали въ войско. Вопросъ о формировкѣ черкесскихъ кавалерійскихъ полковъ былъ рѣшенъ очень скоро, а черкесская лейбъ-гвардія для султана была составлена безотлагательно.

И такъ, между тѣмъ какъ черкесскія племена, оставшіяся на Кубани, должны будутъ вмѣстѣ со всѣми полуварварскими восточными національностями безъ различія вѣры служить подъ знаменемъ русскаго креста и содѣйствовать Россіи въ выполненіи ея мировыхъ завоевательныхъ плановъ, переселившіеся на Балканскій полуостровъ кавказцы выступятъ рядомъ съ турками противъ русскихъ войскъ, когда они проникнутъ подъ командой втораго Дибича Забалканскаго на Босфоръ.

Впрочемъ, черкесская эмиграція съ Кавказа все еще не окончилась совсѣмъ. Изъ новыхъ сообщеній видно, что оставшіяся племена думаютъ перейти подъ владычество падишаха. Можетъ быть судьба спасетъ еще болгарскую почву отъ этого новаго нашествія, но и старыя раны, нанесенныя ей прежними нашествіями, еще далеко не изгладились.

XI.

Къ картографіи западной части болгарской-дунайской территоріи.

Какъ произошли на нашихъ картахъ Болгаріи фиктивные горы, рѣки, города, села и т. д. — Важное значеніе для картографіи отвѣта на этотъ вопросъ. — Возможность пользоваться для этой цѣли императорскою придворною библіотекой и К. И. военнымъ архивомъ.—1) Карта венеціанца Коронелли.—2) Путевое донесеніе К. И. Австр. фельдцейхмейстера графа Вирмонди 1721 г.—3) Карта К. И. австрійскаго капитана Ф. Ребена 1741 г.—4) Карта венеціанскаго морскаго инженера Заннони 1774 г. 5) Навигаціонная карта Дуная К. И. австрійскаго капитана Ф. Тоуферера.—6) Карта проф. Маннерта 1804 г.—7) Карта I. фонъ-Ридля 1810.—8) Карта французскаго картографа Пальма 1811 г.—9) Карта французскаго офицера Воданкура 1818 г.—10) Карта Шевалье Лапи 1822 г.—11) Карта К. И. австрійскаго полковника Вейса 1829 г.—12) Карта русскаго генеральнаго штаба 1835 и 1853 гг.—13) Карта Ф. Мольтке 1845 г.—14) Карта проф. Киперта 1853 г.—15) Карта англійскаго генералъ-маіора А. Ф. Макинтоша 1855 г.—16) Карта географа королевы Кейфъ Джонсона 1861 г.—17) Карта К. И. полковника Ф. Шеда 1869 г.—18) Новѣйшая карта проф. Киперта 1871 г.—Главный результатъ этихъ изслѣдованій. — Турецкія карты. — Слова ферика Омеръ-паши въ Виддинѣ въ 1871 г.—Карта автора «Дунайской Болгаріи и Балкана».

Если бросить общій взглядъ на результаты моихъ географическихъ изслѣдованій, изложенныхъ въ предыдущихъ главахъ, касающихся областей, лежащихъ между Дунаемъ, Нишавой, Ломомъ и Тимокомъ, то всѣ ошибки, заключающіяся въ картографическихъ описаніяхъ, вышедшихъ до сего времени, бросаются сами собою въ глаза, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возникаетъ самъ собою вопросъ: вслѣдствіе чего, какимъ образомъ явились въ нихъ всѣ эти многочисленные фиктивные горы, водяныя артеріи, города, села и т. д. и какимъ образомъ наконецъ всѣ эти ошибки повторились и на самыхъ лучшихъ новѣйшихъ картахъ? Эти вопросы были мнѣ предлагаемы въ самыхъ различныхъ кружкахъ. Но отвѣтъ на это могъ быть данъ только по сравнительномъ изслѣдованіи важнѣйшихъ и самыхъ старѣйшихъ картографическихъ источниковъ, и въ этомъ отношеніи мнѣ оказали огромныя услуги сокровища, заключающіяся въ В. И. придворной библіотекѣ и военномъ архивѣ въ Вѣнѣ, который былъ открытъ для меня, благодаря особенной любезности генеральнаго штаба и спеціальныхъ представителей этого учрежденія.

Трудъ составленія разныхъ картографическихъ изданій, который я предпринялъ, требовалъ много времени; однако же, тѣмъ не менѣе, я не могъ уклониться отъ него, такъ какъ подобное изысканіе, произво-

димое надъ областью хорошо знакомою, изученною во всѣхъ ея подробностяхъ, въ дѣйствительности могло доставить, помимо историко-картографическаго интереса, также и наилучшій масштабъ большаго или меньшаго достоинства матеріала, на основаніи котораго составлялись до сихъ поръ всѣ наши карты Европейской Турціи и теперь еще составляются представленія нѣкоторыхъ мало извѣстныхъ областей ея.

Я ограничусь здѣсь указаніемъ только такихъ картъ, которыя характеризуютъ извѣстный періодъ географическихъ знаній отдѣльныхъ территорій, и, конечно, не буду указывать погрѣшностей безчисленныхъ картографическихъ издѣлій, которыя, какъ напр. карты Матаена, Сейтера, Гер. и Леона Валькъ и т. д., лишены всякаго значенія.

Я начинаю мой сравнительный и критическій обзоръ старѣйшихъ картъ западной Болгаріи со всеобщаго основнаго пункта картографіи въ XVII вѣкѣ, въ высшей степени интереснаго изданія: «*Corso dell Danubio da Vienna Sin a Nicopoli Paesi Adicacenti des cosmografo della serenisima Republica di Vinetia*» *P. M. Coronelli*. Эта карта безъ обозначенія времени ея изданія, сдѣланная на нѣсколькихъ листахъ въ довольно большомъ масштабѣ, вышла въ свѣтъ, судя по политическимъ пограничнымъ линіямъ на адріатическомъ берегу, послѣ венеціанско-турецкой войны, т. е. около 1690 года, и относительно картографической техники можетъ быть поставлена наряду съ пейтингеровскою таблицей. Относительно же правды она, конечно, стоитъ несравненно ниже послѣдней. Мѣстечки, рѣки, горы и фантастическія моря были набросаны венеціанскимъ космографомъ словно стеклышки въ калейдоскопѣ. Такъ напр. Тимокъ протекаетъ у него мимо «Бѣлограціака» (вѣроятно Бѣлградчикъ) и впадаетъ въ Ломъ, тогда какъ послѣдній близъ Дернова (Трново) течетъ чрезъ озеро Лаго де Селисте, а между мѣстечками, показанными на немъ, значится Фетислани (сербская Кладова). Арчеръ перенесенъ на мѣсто «Иска» (Искеръ), а Балканъ представленъ въ видѣ неприступнаго вала, перерѣзывающаго Турцію съ востока на западъ. Сравнительно съ этимъ баснословнымъ картографическимъ произведеніемъ, которое достаточно характеризуется всѣми вышеприведенными подробностями. Путевыя записки [1]) графа Вирмонда, о которыхъ мы упоминали уже много разъ (II т., гл. II), и «Очерки»

[1]) Reise-Relation des oesterreichischen FZ. M. graf. Virmond von Belgrad nach Constantinopel aus dem Iahre 1721. Manuscript im. und k. Kriegs-archive zu Wien.

странъ, лежащихъ вдоль большой дороги изъ Бѣлграда въ Константинополь императорскаго посла Іог. Кароло фонъ-Ребенъ [1]), могутъ назваться весьма удовлетворительными картографическими произведеніями. Хотя въ обоихъ этихъ произведеніяхъ территорія обозначена самымъ первобытнымъ образомъ и на оріентировку мало обращено вниманія, все же теченіе водъ показано несравненно вѣрнѣе, чѣмъ у Коронелли, и дорога изъ «Нисса» въ «Мусса-паша-Паланка (изъ Ниша въ Бѣло-Паланку), не смотря на полное отсутствіе промежуточныхъ мѣстечекъ и невѣрное обозначеніе отдѣльныхъ горъ, идущихъ вдоль нея, какъ напримѣръ Сува Планина (Сухая-Планина), нанесена довольно вѣрно.

Значительное улучшеніе мы встрѣчаемъ въ «Картѣ сѣверной части Оттоманской имперіи» венеціанскаго морскаго инженера Заннони, изданной въ Венеціи въ 1771 г. Техническая отдѣлка этой карты, обнимающей къ западу все пространство до источниковъ Нишавы, очень хороша. Теченіе Дуная со всѣми рукавами, впадающими въ него, обозначено на ней довольно вѣрно, а также и главное направленіе Балкана показано вѣрнѣе, чѣмъ на прежнихъ картахъ; но Родопъ нанесенъ гораздо южнѣе отъ Софіи, чѣмъ находится въ дѣйствительности, и послѣднему городу въ примѣчаніи дается его византійско-болгарское названіе «Тріадитца». На этой картѣ встрѣтилъ я впервые названіе мѣстечка «Цибалъ», изъ котораго позднѣйшіе картографы, въ томъ числѣ и Шеда, создали на Тимокѣ несуществующій городъ «Чипилъ». Бѣлградчикъ показанъ подъ именемъ «Градишка» почти на Ломѣ, Дриновацъ же,—какъ значительный городъ, и наконецъ мѣстечко, съ названіемъ Смордена—на Дунаѣ. Замѣтельно, что рѣки этого наименованія, значущейся на всѣхъ позднѣйшихъ картахъ, на ней не находится. Эта карта представляетъ историческій интересъ, какъ относительно исторій завоеваній Россіи на Черномъ морѣ, такъ и для изученія Азіи въ этотъ періодъ времени.

Картографическія представленія этого венеціанца повторяются однимъ австрійскимъ географомъ, которому картографія обязана весьма существенными сообщеніями относительно нижнедунайской области. Послѣдній сопровождалъ вильгофскую торговую депутацію въ Херсонъ, но его оригинальныя работы ограничиваются только картой дунайскаго берега.

---

[1]) Mappa der Landes Laage längst der Haubt-strase von Belgrad nach Constantinopel u. s. w. dedicirt An Einen Kays. Hof-Kriegs Raht von dem der kaiserlichen gross Bottschaft quorng. geschierten Haubtmann Ioh. Carolo von Rebain» aus dem Iahre 1741.

Его карта находится въ военномъ архивѣ и явилась позднѣе подъ названіемъ «Карты навигаціи по Дунаю, отъ Землина до Чернаго моря, капитана Тауферера» (Вѣна, Курцбекъ, 1789). На ней также находится мѣстечко «Сморденъ».

Charte von der europäischen Turkei etc. заслуженнаго географа Маннерта (Нюрнбергъ, 1804), не смотря на прибавленіе, что «составлена по тщательно выбраннымъ, наилучшимъ источникамъ», представляла, въ сравненіи съ картою Заннони, изданною за 30 лѣтъ передъ тѣмъ, весьма невыгодный для себя контрастъ. Маннертъ, кажется, очень довѣрялъ вышедшей въ то же время картѣ Руэкопфа и часто цитировалъ ее, какъ одинъ изъ лучшихъ источниковъ, въ 7-мъ томѣ своей «Geographie der Griechen und Römer»; но эту карту я, при всемъ своемъ стараніи, никакъ не могъ розыскать. По примѣру Коронелли, у Маннерта Балканская цѣпь тянется съ запада на востокъ, до самаго Коссова Поля, на одной линіи съ «Витлохомъ» (Витошъ); Софія перемѣщена на другую сторону Балкана, къ Дунаю; Тимокъ и Арчеръ значатся какъ небольшія рѣченки, а мѣстечки Ломъ и Дриновацъ показаны на рѣкѣ Арчерѣ, тогда какъ они находятся на Ломѣ. Равнымъ образомъ нанесена на карту и несуществующая совсѣмъ деревня «Сморденъ».

Шесть лѣтъ спустя (1810), въ Вѣнѣ вышла другая карта—*Charte von Serbien und Bosnien etc. nach bisher unbenutzter Aufnhame bearbeitet etc. von I. Riede*, въ которой авторъ видимо старался соединить новѣйшій способъ составленія картъ съ старинными; но, основанная на не совсѣмъ удачныхъ комбинаціяхъ различныхъ дорожниковъ, эта карта, за исключеніемъ весьма немногихъ точныхъ показаній, представляла относительно опредѣленія мѣстностей вообще и Тимокской области въ особенности крайне грубыя прогрѣшности.

Наполеоновскіе завоевательные замыслы въ Адріатикѣ принесли, съ своей стороны, значительную пользу картографіи Турціи. Эта польза выказалась въ томъ, что французскіе офицеры генеральнаго штаба, консулы и др. лица, производя рекогносцировки внутри страны, измѣряли окружавшія ихъ мѣстности и на основаніи этихъ измѣреній составили двѣ карты Турціи, извѣстныя подъ названіемъ *Пальма и Воданкура*. Первый изъ нихъ выпустилъ въ свѣтъ, въ Тріестѣ, въ 1811 г., «*Carte de la plus grande partie de la Turquie d'Europe, dressée sur d'anciens matériaux etc.*» и посвятилъ ее герцогу Рагузскому, а Воданкуръ издалъ въ Мюнхенѣ въ 1818 г. «*Carte générale de la Turquie d'Eu-*

ропе etc. etc». Въ то время какъ карта Пальма давала точныя свѣдѣнія только о мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Адріатическому морю, Воданкуръ значительно исправилъ также и карту восточныхъ областей на Дунаѣ, и его карта, за исключеніемъ немногихъ новыхъ ошибокъ, имѣла предъ другими картами Турціи большое преимущество, заключавшееся въ болѣе вѣрномъ описаніи и опредѣленіи мѣстностей, а также и въ правильной ихъ номенклатурѣ. Воданкуръ описалъ Тимокскую область гораздо правдоподобнѣе своихъ предшественниковъ; только мѣстность между болгарскимъ берегомъ Тимока и Арчеромъ, въ сравненія съ пространствомъ отъ Арчера до рѣки Лома, вышла у него уже очень сжатою и, кромѣ того, онъ, къ несчастію, также какъ и другіе, показалъ въ своей картѣ совершенно несуществующіе города: «Ципиль» (Иснеболъ) на Тимокѣ и «Пирсникъ» [1]) на Ломѣ. Эти погрѣшности встрѣчаются и въ настоящее время на всѣхъ картахъ его подражателей. Съ другой стороны, онъ совершенно вѣрно показалъ городъ Ломъ при впаденіи рѣки того же имени въ Дунай. Какъ у Воданкура, такъ и у Пальма значится на картѣ фиктивная деревня Сморденъ; но рѣка того же имени, фигурирующая на нашихъ картахъ, у нихъ не показана.

Только въ «*Carte de la Turquie d'Europe dressée en 15 feuilles par le chevalier Lapie*» (Парижъ, 1822) замѣтилъ я показанный Воданкуромъ при мѣстечкѣ Сморденъ небольшой ручей (Скомля) уже въ видѣ большой рѣки, источники которой доходили до болгарско-сербскихъ пограничныхъ горъ. Лапи перемѣстилъ на эту измышленную имъ Сморденскую рѣку большую часть мѣстечекъ, находящихся на Ломѣ, какъ напр. соединительный пунктъ источниковъ Лома, Фальковце, затѣмъ Боровицу, Средокривъ и Пурговиште, и, наоборотъ, показалъ на Ломѣ всѣ мѣстечки, расположенныя на рѣкѣ Джибрицѣ, какъ напр. Джибрувацъ и др. Равнымъ образомъ и область Тимока опредѣлена Лапи крайне небрежно. Все это, вмѣстѣ взятое, доказываетъ ясно, что означенный французскій топографъ обращалъ весьма мало вниманія на личныя изслѣдованія въ области Лома, а тѣ свѣдѣнія, которыя онъ получилъ, вѣроятно не были имъ хорошо поняты. Вѣрнѣе, чѣмъ на прежнихъ картахъ, показанъ у Лапи только Ходжа-Балканъ, подъ его болгарскимъ названіемъ

---

[1]) Въ 12 миляхъ къ ю. з. отъ этого фиктивнаго Пирсника находится небольшой городокъ Брзникъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ Трна (Иснеболь); такимъ образомъ оба города расположены близъ Софіи, а не на Тимокѣ или Ломѣ, куда ихъ перенесли наши картографы.

«M. Starrao» (Стара-планина) Сува-планина, подъ именемъ «*M. Souha ou Sinai*».

Всѣ вышеупомянутыя погрѣшности карты Лапи, какъ напр. показаніе фиктивной рѣки Сморденъ и др., были цѣликомъ помѣщены на «*Karte der europäischen Türkei*», изданной въ 1829 г. штабомъ австрійскаго генералъ-квартирмейстера на 21 листѣ и извѣстной подъ именемъ карты полковника Вейса. Полковникъ Вейсъ имѣлъ, однако, то преимущество, что его описаніе области сербскаго Тимока сдѣлано было гораздо вѣрнѣе описанія тѣхъ же мѣстностей его предшественниковъ; но за то мѣстность между Тимокомъ и Арчеромъ опредѣлена на его картѣ еще небрежнѣе, чѣмъ у послѣднихъ. Кромѣ того, неизвѣстно почему онъ отодвинулъ городъ Ломъ, мѣстоположеніе котораго было показано вполнѣ вѣрно какъ Воденкуромъ, такъ и Лапи, на цѣлый часъ разстоянія вверхъ по Дунаю отъ устья Лома, а также далъ сербско-болгарскимъ пограничнымъ горамъ совершенно невѣрное названіе «Вратарница Пл.» Въ заключеніе полковникъ Вейсъ обозначилъ «Черниверхъ» (Црни-Врх.), поставившій въ затрудненіе позднѣйшихъ картографовъ, въ видѣ громадной баррикады близъ Нишавы и далъ ему такое-же географическое положеніе, какое онъ занимаетъ и въ настоящее время на картахъ полковника Шеда и др.

Жаль, право, что полковникъ Вейсъ не воспользовался найденною имъ въ импер. корол. военномъ архивѣ рукописною картою штаба генералъ-квартирмейстера (1809—1810), которую, кажется, упустили изъ виду и Буэ, Кипертъ и полковникъ Шеда,—жаль, повторяю еще разъ, потому, что упомянутая карта во многихъ отношеніяхъ была составлена гораздо вѣрнѣе, чѣмъ его же вышедшая въ 1829 г., прямымъ доказательствомъ чему можетъ служить уже то, что въ ней не упоминается объ измышленной Лапи рѣкѣ Сморденъ.

Съ началомъ русско-турецкой войны въ 1828—1829 г.г. для географическихъ изслѣдованій Иллирійскаго полуострова наступила новая эпоха. Военныя рекогносцировки производились по всѣмъ правиламъ новѣйшаго описанія мѣстности; ихъ послѣдствіемъ было болѣе близкое знакомство съ балканскими областями. Изъ числа многихъ картографическихъ трудовъ офицеровъ и другихъ лицъ я упомяну здѣсь только о «*Картѣ театра военныхъ дѣйствій въ Европейской Турціи съ 1828 г. по 1829 г., на 10 листахъ* (С.-Петербургъ 1835 и исправленное изданіе 1853) и о трудѣ Мольтке: «*Der russisch-türkische*

Feldzug in der europäischen Turkei 1828—29» съ картами и планами (Берлинъ, 1845). Но оба эти изданія, весьма полезныя для картографіи южныхъ балканскихъ областей, не могутъ въ настоящемъ случаѣ быть приняты во вниманіе въ виду того, что они, за исключеніемъ нѣкоторыхъ дорожниковъ, описываютъ балканскія области только до Янтры, а не до Лома.

Образцомъ самаго лучшаго картографическаго описанія Европейской Турціи служила до сихъ поръ карта *Киперта*, составленная на 4 листахъ (Берлинъ, Реймеръ 1853). Съ необыкновеннымъ усердіемъ и знаніемъ дѣла профессоръ Кипертъ старался воспользоваться, въ интересахъ картографіи, всѣми путешествіями и картами новѣйшихъ изслѣдователей и путешественниковъ; но, къ несчастію, онъ не могъ почерпнуть изъ нихъ какихъ-либо новыхъ источниковъ, относившихся спеціально къ болгарскимъ областямъ Дуная, Балканъ, Тимока или Лома, и такимъ образомъ онъ волей-неволей принужденъ былъ повторять въ своихъ картахъ тѣ же неточности въ описаніи мѣстности между Ломомъ и Тимокомъ, какими въ этомъ отношеніи страдаетъ карта полковника Вейса.

Англичане, сдѣлавшіе все, что было возможно для картографіи собственно Востока, не обращали почти никакого вниманія на географическія изслѣдованія въ Европейской Турціи. Карта русско-турецкой войны 1853 г. генералъ-маіора *А. Ф. Макинтоша* (1855) не заслуживаетъ никакой критики и нисколько не отличается отъ карты, помѣщеной *Кейтомъ Джонстономъ*, географомъ королевы шотландской, въ *«Royal Allas of modern geographie»* (1861).

О новѣйшей картѣ Европейской Турціи, оконченной въ 1869 г. *полковникомъ Риттеръ фонъ-Шеда*, я имѣлъ не разъ случай говорить въ теченіе настоящаго сочиненія. Здѣсь же я упомяну только о томъ, что г. Шеда въ своемъ трудѣ, на сколько послѣдній касается Турціи вообще и болгарской области, о которой здѣсь идетъ рѣчь, въ особенности, довольствовался большею частью тѣмъ, что повторялъ у себя всѣ тѣ грубыя ошибки, которыми наполнены какъ карта полковника Вейса, такъ и нѣкоторые старинные русскіе дорожники. Новыхъ источниковъ, вѣроятно, не было, такъ какъ несомнѣнно, что г. Шеда воспользовался бы ими.

Карта г. Шеда имѣетъ еще нѣкоторое значеніе для южной Турціи, въ описаніи которой авторъ не уклонялся отъ русской карты; но между Филиппополемъ, Нишемъ до Тимока и отъ послѣдняго, внизъ по те-

ченію Дуная, до Рущука, она не можетъ служить положительно никакимъ руководствомъ для путешественника и скорѣе можетъ ввести его въ заблужденіе претенціозно выведеннымъ представленіемъ орографическихъ подробностей.

При такихъ обстоятельствахъ, всѣ лица, интересующіяся политическими или національно-экономическими вопросами относительно европейскаго востока, съ нетерпѣніемъ ожидали выпуска исправленнаго въ 1871 г. изданія «*Карты Европейской Турціи*» Киперта, и, надо отдать справедливость ея автору, она не обманула общія ожиданія. Эта карта содержитъ въ себѣ всѣ новѣйшія изслѣдованія, произведенныя на Иллирійскомъ полуостровѣ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія.

Въ этой послѣдней картѣ Турціи крайняя западная часть болгарской дунайской возвышенности можетъ быть опредѣлена гораздо подробнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ на прежнихъ его картахъ, такъ какъ авторъ пользовался при составленіи ея свѣдѣніями, пріобрѣтенными мною и сообщенными ему, хотя относительно небольшой масштабъ его карты (1871) дозволилъ ему помѣстить только до 50 мѣстечекъ, тогда какъ на моей картѣ (1 : 288000) между Дунаемъ, Тимокомъ, Ломомъ и Балканами ихъ насчитывается слишкомъ 150. На томъ же самомъ пространствѣ полковникъ Шеда (1869), по указаніямъ полковника Вейса, помѣстилъ въ своей картѣ 75 мѣстныхъ названій, но изъ нихъ 26 совершенно фиктивны, а изъ остальныхъ только весьма немногія занимаютъ соотвѣтствующее дѣйствительности географическое положеніе и носятъ вѣрныя названія.

Надѣюсь, что я отвѣтилъ теперь на вопросъ, отчего въ теченіе сотни лѣтъ передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе ошибки въ картографическомъ описаніи области, о которой идетъ рѣчь въ этомъ томѣ; отчего явились фиктивные города, какъ напр. Чибиль на картѣ венеціанца Заннони (1774), Пирсникъ у француза Воданкура (1818) и рѣка Сморденъ у кавалера Лапи (1822); отчего Лапи перемѣстилъ на эту никогда несуществовавшую рѣку Сморденъ большую часть мѣстечекъ, находящихся на Ломѣ, а на мѣстѣ послѣднихъ показалъ мѣстечки, расположенныя на рѣкѣ Джитрицѣ; отчего полковникъ Вейсъ (1829) ко всѣмъ этимъ ошибкамъ прибавилъ еще вымышленную высокую баррикаду Чрни-Врх на Нишавѣ и отчего, наконецъ, полковникъ Шеда измѣнилъ географическое положеніе дунайской пароходной станціи Лома и помѣстилъ на своей картѣ 1869 г. всѣ означенныя ошибки вмѣстѣ съ

фиктивными названіями городовъ, которыя я опровергалъ въ императорской академіи еще въ 1868 году?

Я кончилъ свой сравнительный обзоръ картографическихъ описаній Иллирійскаго полуострова различными европейскими картографами, и всякій вправѣ задать мнѣ теперь вопросъ, отчего же я ничего не упомянулъ о картахъ, составленныхъ самими турками. Но на этотъ вопросъ можно отвѣтить нѣсколькими словами. Турки ни разу, не смотря даже на программы, оффиціально возвѣщавшіяся время отъ времени, не сдѣлали ни малѣйшей попытки къ составленію карты своей земли, а довольствовались всегда переводомъ на турецкій языкъ картъ, выходившихъ въ Европѣ. Когда, въ 1871 г., мнѣ пришлось разговаривать объ этомъ въ Виддинѣ съ ферикомъ Омеръ-пашею, весьма развитымъ черкесомъ, находившимся въ турецкой службѣ, то онъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Мнѣ даже совсѣмъ совѣстно говорить объ этомъ. Для насъ стыдъ и срамъ, что иностранцы только теперь производятъ на нашей почвѣ картографическія изслѣдованія, которыя должны бы быть уже давно въ нашихъ рукахъ. Даже въ мирное время мы ощущаемъ недостатокъ въ топографическихъ данныхъ; съ помощью заптіевъ (жандармъ) мы передвигаемся кое-какъ отъ одного мѣста къ другому, а тамъ, гдѣ и жандармы не въ состояніи намъ помочь, мы должны обращаться къ поселянамъ, которые и замѣняютъ намъ недостатокъ картъ. Не лучше бываетъ и во время войны».

Историко-этнографическое изученіе и вѣрное, основанное на личномъ изслѣдованіи, картографическое представленіе обширной области между Ломомъ и Добруджей, со включеніемъ теченія Искера, а также и упомянутой вскользь даже на новѣйшей картѣ Киперта 1871 г. Балканской цѣпи отъ Св.-Никола-Балкана до Чернаго моря, составляло цѣль моихъ продолжительныхъ путешествій въ 1871, 1872 и 1874 гг., результаты которыхъ, вмѣстѣ съ тѣми, которые я уже описалъ въ этомъ томѣ, сообщу въ моей новой генеральной картѣ «Дунайской Болгаріи и Балкана».

XII.

Измѣренія высотъ.

Осенью 1870 г. я опредѣлилъ съ помощью анероида нижеслѣдующія высоты, находящіяся въ западной Болгаріи и южной Сербіи, между Дунаемъ, Тимокомъ, Ломомъ, Нишавой и Моравой, на вѣрность измѣренія которыхъ, за малыми исключеніями, обозначенными вопросительнымъ знакомъ (?), можно вполнѣ положиться. Доказательствомъ этой точности служитъ поразительное сходство результатовъ, полученныхъ отъ измѣренія трехъ пунктовъ какъ мною, такъ и инспекторомъ Наги, производившимъ изысканія для проложенія желѣзной дороги.

Высоты въ западной Болгаріи.

На Дунаѣ:

	Высота въ метрахъ надъ поверхностью моря.
Виддинъ, на пароходной пристани	32 (?)

На Тимокѣ:

Флортинъ, гора, въ 10 минутахъ разстоянія къ западу отъ мѣстечка того же имени	76 (?)
Раковица, близъ церкви	35 (?)
Брегова, ханъ въ деревнѣ	30 (?)
Коилова, въ домѣ Кмета	58
Братьевацъ, восточная высота за деревнею	225
Язеновацъ, сѣверо-восточная высота	265
Грацко, въ мѣстечкѣ	292
Тупанъ, караула	290
Гола-Манова, караула	328
Вршка-Чука, турецкая таможня	332

На Витболѣ и Арчерѣ:

Кула, у подошвы римскихъ развалинъ зàмка	234
Раковица, караула	326
Рабишъ, возвышенность на 1 часъ разстоянія отъ мѣстечка	338
Бѣлградчикъ, въ домѣ мудира	532

Свято-Никола Балканъ:

	Высота въ метрахъ надъ поверхностью моря.
Чупренъ, въ почтовомъ ханѣ	412
Свято-Никола Балканъ, высота прохода близъ караулы . .	1348
Бериловце, домъ кмета въ деревнѣ.	443
Темска-караула	571

На Нишавѣ:

Пиротъ, равнина передъ городомъ.	341
у Нишавскаго моста, измѣреніе Наги	355
Чингане-Дервендъ, близъ караулы	547
Бѣла-Паланка, караула въ мѣстечкѣ	263
Высота мѣстечка, измѣреніе Наги	275
Козелiокусъ-караула, на дорогѣ между Бѣла-Паланкой и Нишемъ	474
Плоца-караула, на дорогѣ между Бела-Паланкой и Нишемъ.	527
Нишъ, Іени-ханъ	176
Высота города, измѣреніе Наги	175

Высоты въ южной Сербіи.

На Моравѣ:

Алексинацъ-ханъ	148
Филипъ-ханъ, по дорогѣ между Баньей и Княжевцемъ . .	594

На Тимокѣ:

Княжевацъ, на дворѣ госпиталя	208
Зайчаръ, въ большомъ ханѣ.	109
Неготинъ, новый ханъ	25 (?)
Радужевацъ, въ строеніи карантина	66

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Историческіе очерки Болгаріи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Этнографическіе очерки болгаръ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Основы политическихъ правъ болгарскихъ райевъ 1829—1870.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Управленіе Тунскаго вилайета 1860—1870.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Старо-болгарскій патріархатъ, его паденіе и господство греческаго Фанара надъ болгарскимъ народомъ 932—1860.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Римско-католическое національно-церковное движеніе въ Болгаріи 1860—1870.

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Старый Незусъ и Новый Нишъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Археологическо-географическія изслѣдованія между Нишемъ и Пиротомъ. Дорога къ Балкану Св. Николая чрезъ Тимокскую область.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Дорога къ Балкану Св. Николая чрезъ Тимокскую область.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Черезъ Ломскую область къ Дунаю.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Между Ломомъ, Арчеромъ и Витболемъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Виддинъ, главный городъ пашалыка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Чрезъ Бѣлградчикъ къ Вржка-Чукѣ и Дунаю.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Чрезъ Тополовицкую, Деленскую и Тимокскую области.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Болгарская колонизація въ Крыму и татарская на Дунаѣ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Кавказъ на Балканѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Къ картографіи западной части болгарской-дунайской территоріи.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

